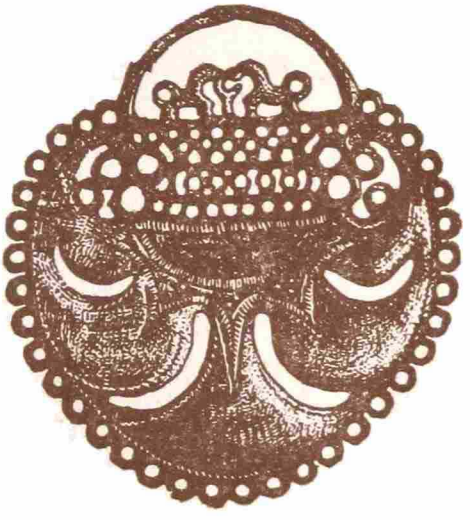
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4
1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1989 4

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, А. В. Виноградов, В. И. Гуляев, А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, В. И. Козенкова (отв. секретарь), **Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев, Т. М. Потемкина, Д. С. Раевский, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, Е. Н. Черных** (зам. главного редактора), **В. Л. Янин**

СОДЕРЖАНИЕ

Платонова Н. И. (Ленинград). Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918—1919 гг.) 5
Сарианиди В. И. (Москва). Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргианском пантеоне 17
Моруженко А. А. (Донецк). Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время 25
Сазанов А. В. (Москва). О хронологии Боспора ранневизантийского времени 41
Кулаков В. И. (Москва). Знамена дружин Балтийского региона 61
Молчанов А. А. (Москва). К вопросу о принадлежности усадеб Неревского раскопа в Новгороде 71
Буров В. А. (Москва). К социальной топографии Неревского конца древнего Новгорода 77
Макаров Н. А. (Москва). Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лача по археологическим данным 86
Щапова Ю. Л. (Москва). Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных («гладилка» из Новгорода) 103

Дискуссии

Аникович М. В. (Ленинград). Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования 115
Генинг В. В. (Киев). К созданию универсального археологического определителя признака и типа 128

© Издательство «Наука», «Советская археология», 1989 г.

Публикации

Кравцов А. Е., Лозовский В. М. (Москва). Мезолитическая стоянка Черная-I в Мещере 143
Вишневский В. И. (Загорск). Керамический комплекс городища Кубринское I . 163
Скрипкин А. С. (Волгоград). Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов 172
Авдеев А. Г., Абрамов А. П., Петерс Б. Г. (Москва). Функциональная характеристика керамической тары V—II вв. до н. э. с городища у села Михайловка . 182
Фролова Н. А. (Москва) Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным 196
Раппопорт П. А. (Ленинград). О времени появления брускового кирпича на Руси . 207
Малевская М. В. (Ленинград). Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII—XIV в. . 212
Зиливинская Э. Д. (Москва). Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии . . 223
Нерсесов Я. Н. (Москва). Атлатль — традиционное оружие индейцев Юго-Запада США и Северной Мексики 234

Заметки

Мельничук А. Ф. (Пермь). Материалы мезолитического Огурдинского поселения 244
Клюшинцев В. Н. (Николаев). Погребения в каменных ящиках сабатиновской культуры на р. Ингулец . 250
Галанина Л. К. (Ленинград). Атрибуция двух золотых предметов из Келермеса (детали портупеи парадного меча) 255
Багаев М. Х., Ольховский В. С. (Грозный, Москва). Новые изваяния скифского времени из долины Аксая (Чечено-Ингушетия) 261
Супруненко А. Б. (Полтава). Голова половецкого изваяния . 267
Шнайдштейн Е. В. (Астрахань). Средневековое погребение на реке Ахтуба в Астраханской области . . 269
Авдусина Т. Д., Панова Т. Д. (Москва). О находке клада на территории Московского Кремля 272

Критика и библиография

Лисицын Н. Ф. (Ленинград). *Астахов С. Н.* Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986 275
Вишняцкий Л. Б. (Ленинград). Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming / Ed. *Zvelebil M.* Cambridge, 1986 277
Артемьев А. Р. (Владивосток). Новые работы о татаро-монгольском вооружении 284
Зеленеев Ю. А. (Йошкар-Ола). *Архипов Г. А.* Марийцы XII—XIII вв. Йошкар-Ола, 1986 288
Мерперт Н. Я. (Москва). *Нариманов И. Г.* Культура древнего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI—IV тысячелетия до н. э.). Баку, 1987 290

Хроника

Конопацкий А. К. (Новосибирск). 14-й международный конгресс по истории пограничных укреплений Римской империи (Limeskongress) (Бад Дойч-Альтенбург, 1986) 294
Байпаков К. М., Смагулов Е. А. (Алма-Ата). Советско-французский симпозиум «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» (Алма-Ата, 1987) 296

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1989 год 299

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MOSCOW

1989 4

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief

S. A. PLETNEVA

Founded in 1957

Published quarterly

CONTENTS

Platonova N. I. (Leningrad) The Russian Academy of the History of Material Culture. The History of Its Setting Up (1918—1919) 5
Sarianidi V. I. (Moscow). Syro-Hittite Deities in Bactria and Margiana 17
Moruzhenko A. A. (Donetsk) The Historical and Cultural Entity of the Forest-Steppe Tribes in the Dnieper and Don Interfluve During the Scythian Time 25
Sazanov A. V. (Moscow) The Bosporan Chrnology in the Early Byzantine Time 41
Kulakov V. I. (Moscow). Banners of Military Detachments in the Baltic Region 61
Molchanov A. A. (Moscow). On Attributing Houses of the Nerev Dig in Novgorod 71
Burov V. A. (Moscow). On the Social Topography of the Nerev Part of Mediaeval Novgorod 77
Makarov N. A. (Moscow) Archaeology on the Novgorod and Rostov-Suzdal Colonisation of the Beloe and Lacha Lake Districts 86
Shchapova Y. L. (Moscow). Some Problems of Mediaeval Glass-Making According to the Recent Data (the „Smooths" from Novgorod) 103

Discussions

Anikovich M. V. (Leningrad) The Archaeological Culture: How a Definition of the Concept Affects the Research Procedure 115
Gening V. V. (Kiev) Towards a Universal Archaeological Definition of the Feature and the Type 128

Publications

Kravtsov A. E., Lozovsky V. M. (Moscow). Chernaya-I, a Mesolithic Camp in Meshchera 143
Vishnevsky V. I. (Zagorsk). The Pottery Complex from the Kubrinskoe-1 Fortified Settlement 163
Skripkin A. S. (Volgograd) A Burial Complex with a Bridle Set from Kotluban and Some Problems of the Sarmatae's Ethnic History 172
Avdeev A. G., Abramov A. P., Peters B. G. (Moscow). Functional Descriptions of Ceramic Containers from the Village of Mikhailovka 182
Frolova N. A. (Moscow). Numismatic Data on Barbarian Invasions in Northern Pontic Cities 196
Rappoport P. A. (Leningrad) On the Time when Bar Bricks First Appeared in Russia 207
Malevskaya M. V. (Leningrad). The Use of Bar Bricks in Western Russia in the Second Half of the 13th-14th Centuries 212
Zilivinskaya E. D. (Moscow). Houses with Under-Floor Heating in Volga Burgaria 223
Nersesov Y. N. (Moscow). Atlatl—the Traditional Weapon of Indians of the South-West of the United States and Northern Mexico 234

Notes

Melnichuk A. F. (Perm). Materials from the Mesolithic Ogurdinskoe Settlement . . 244
Klyushentsev V. N. (Nikolaev). Burials in Stone Boxes of the Sabatinovsky Culture on the Unqulets River 250
Galanina L. K. (Leningrad). Attribution of Two Gold Objects (Parts of the Sword-Belt of a Presentation Sword) 255
Bagaev M. Kh., Olkhovsky V. S. (Grozny, Moscow). New Sculptures of the Scythian Time from the Aksai Valley (Checheno-Inqushetia) 261
Suprunenko A. B. (Poltava). Head of a Cuman Statue . . . 267
Snaidstein E. V. (Astrakhan). A Mediaeval Burial on the River Akhtuba (Astrakhan Region) 269
Avdusina T. D., Panova T. D. (Moscow). A Hord from the Moscow Kremlin 272

Book Reviews and Bibliography

Lisitsyn N. F. (Leningrad). *Astakhov S. N.* The Tuvinian Palaeolithic, Novosibirsk, 1986 275
Vishnyatsky L. B. (Leningrad). Hunters in Transition. Mesolithic Societies of Temperate Eurasia and Their Transition to Farming. / Ed. *Zvelebil M.*, Cambridge, 1986 277
Artemiev A. R. (Vladivostok). Recent Works on Tartar-Mongolian Weaponry . . 284
Zeleneev Y. A. (Yoshkar-Ola). *Arkhipov G. A.* The Maris in the 12th and 13th Centuries, Yoshkar-Ola, 1986 288
Merpert N. Y. (Moscow). *Narimanov I. G.* Culture of Ancient Landtilling and Cattlebreeding Population of Azerbaijan (The Eneolithic, the Sixth-Fourth Millennia B. C.), Baku, 1987 290

Chronicle

Konopatsky A. K. (Novosibirsk). The 14th International Congress on the History of Roman Frontier Defence Constructions (Bad-Deutsch-Altenburg, 1986) . . 294
Baipakov K. M., Smagulov E. A. (Alma-Ata). Soviet-French Symposium „Interaction of Nomad Cultures and Earliest Civilisations" (Alma-Ata, 1987) 296

Contents for 1989 299

К 70-летию Института археологии Академии наук СССР

Н. И. ПЛАТОНОВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ (1918—1919 ГГ.)

Всякая деятельность измеряется не только результатом, но и задачами

А. С. Лаппо-Данилевский

Всякая попытка выработки новой методологии закономерно сопровождается ревизией всего имеющегося научного наследия. Именно такая ревизия опыта русских ученых первой трети XX в. имела место в период становления гуманитарных наук в СССР «на марксистские рельсы», в начале 1930-х годов. Тогда, в частности, была выработана принципиально новая схема представлений о развитии археологии в России до 1930 г. Большую роль в этом сыграла Российская Академия истории материальной культуры — РАИМК, с 1926 г.—ГАИМК (Государственная Академия истории материальной культуры). Выступления ее лидеров той поры содержали немало чеканных формулировок, смысл которых состоял в том, что «прежняя наука археология» являлась по большей части «вещеведением» и занималась «самодовлеющим изучением вещей как таковых» [1, с. 20, 21, 33—56; 2, с. 4, 5; 3, с. 2; 4, с. 3, 4; 5, с. 12—15; 6, с. 37—39]. Тогда же произошла переоценка деятельности самой академии за 1919—1929 гг. Введение в 1919 г. понятия «история материальной культуры» стало трактоваться как первая попытка противопоставить прежнему эмпиризму и «фетишистскому вещеведению» новую науку. Таким образом, РАИМК с самого начала возникла как «совершенно новое, революционное учреждение». Однако ее кадровая преемственность с Археологической комиссией (АК) и Российским археологическим обществом (РАО) в конечном счете привела к усвоению старых приемов исследования, старых задач и научных установок, отвергнутых лишь в 1930-е годы [1, с. 13—32; 2, с. 1—4; 7, с. 49; 8, с. 126]. Данная историографическая схема, разработанная в очень специфической идейной и общественной атмосфере, живет в научной литературе по сей день [9, с. 23; 10, с. 50—56, 190—205]. Отдельные попытки ее критики никогда не затрагивали самых основ отразившейся в ней концепции [11, с. 75—94]

В настоящей статье автор ставит своей целью еще раз подробно осветить вопрос о возникновении РАИМК и проанализировать, какие традиции и научные замыслы она была призвана воплотить. Сделать это можно, лишь опираясь на твердый фундамент архивных источников и постоянно стремясь четко разделить: а) то, что об академии *декларировали*; б) то, как ее *представляли*; в) то, чем она на самом деле *была*.

Безусловно, для теоретиков 1930-х годов уже самый факт преемственности традиций дореволюционной археологии в РАИМК перечеркивал всякую возможность развития чего-то прогрессивного на их основе. Однако тезис, по которому академия была создана «на совершенно новых началах», освящался непререкаемым авторитетом Н. Я. Марра — ее первого и почти бессменного

председателя [12, с. 2—8; 13, с. 7, 8]. Чтобы как-то примирить это, возникла версия о гениальном ученом-одиночке Н. Я. Марре и его безымянных «немногочисленных учениках», создавших РАИМК в 1919 г., но затем на 10 лет оставшихся там «в идеологической изоляции» [3, с. 1; 14, с. 150—161; 15, с. 6]. Позднее, когда имя акад. Н. Я. Марра перестало упоминаться в подобном контексте, появился новый вариант. По нему, РАИМК была создана Советским правительством в противовес Отделению истории и филологии РАН, с целью «нейтрализовать» позиции академических кругов, враждебно встретивших Октябрьскую революцию. Эта точка зрения приведена в целом ряде историографических работ 1960—1980-х годов [10, с 16—18; 16, с. 41]. Огромную роль в ее утверждении сыграло то, что декрет о создании РАИМК действительно был рассмотрен на заседании СНК и подписан лично В. И. Лениным [17, с. 98; 18, с. 26—28] Попытка анализа обоих приведенных толкований с позиций их достоверности и соответствия историческим фактам сразу оборачивается целым рядом нерешенных вопросов. В чем конкретно заключалась новизна проекта РАИМК в 1919 г.? Когда и в каких кругах русского общества он начал разрабатываться? Кого считать его авторами? Без выяснения всего этого создать верное представление о начальном этапе истории РАИМК невозможно.

Чрезвычайно важно уяснить, что утверждение декрета об академии на заседании Малого совета СНК, помеченное 18 апреля 1919 г., явилось лишь одним (хотя и важнейшим) шагом на пути ее создания. На деле организация РАИМК прошла не менее четырех этапов. Первой из них завершился в октябре 1918 г., когда А. В. Луначарским был утвержден новый устав Российской государственной археологической комиссии, положивший начало ее преобразованию [18, с. 26, 27; 19, с. 7, 8] Время с конца 1918 г. по апрель 1919 г. явилось периодом подготовки проекта новой академии. Далее в течение четырех месяцев РАИМК существовала скорее на бумаге, так как выборы в нее были окончательно проведены лишь 5—7 августа [20, с. 60] После 7 августа 1919 г. начался длительный период ее окончательного становления — определения структур, подбора сотрудников и т. д. Для каждого из этих этапов архивные источники позволяют с достоверностью очертить круг людей, непосредственно причастных к делу создания академии.

Преобразование Археологической комиссии (АК) осенью 1918 г. было отнюдь не формальным актом и имело длительную предысторию. Прежняя комиссия официально являлась органом «и ученого, и административного характера». Однако в области охраны памятников она чаще всего не располагала властью, достаточной для принятия эффективных мер [19, с. 1—6]. Расширению же ученой деятельности мешала малочисленность штатных членов, восполнявшаяся отчасти лишь поразительной их работоспособностью [1] Ограниченность собственных штатных возможностей постоянно побуждала АК налаживать теснейшие связи с другими организациями (Русским археологическим обществом — РАО, Петербургским университетом, Академией художеств, Археологическим институтом и т. д.). К 1918 г. у нее уже накопился в этом деле изрядный опыт. Прекрасной школой научного сотрудничества послужило активное участие всех членов АК в работе РАО в тот период, когда одним из его управляющих являлся В. Р. Розен (1885—1908 гг.). Этого человека почитали своим наставником не только его ученики-востоковеды, в числе которых были Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский и многие другие. Такое же отношение к нему наблюдалось со стороны представителей иных дисциплин. С. А. Жебелев называл важнейшей заслугой В. Р. Розена то, что он «положил начало дружескому объединению, на основе общих научных интересов, „восточников“ и „западников“» (в частности, специалистов по археологии Востока и Европы). «Это объединение, сблизившее представителей различных, но идейно связанных... дисциплин,— по мнению С. А. Жебелева,— принесло в свое время добрые плоды...» [26, л. 42 об.].

Вопрос о том, что в конечном счете дало русской археологии тесное, длив-

шееся десятилетиями сотрудничество АК и РАО, еще ожидает пристального изучения. Для АК оно изначально носило характер вынужденный, но не могло не оказывать формирующего воздействия на мировоззрение ученых. В частности, представление о наиболее оптимальной структуре научных учреждений, как крупном исследовательском институте с примыкающей ассоциацией ученых обществ, комиссий и музеев (воплотившееся в проекте РАИМК), довольно закономерно вытекало из опыта взаимодействия АК с другими организациями, и в первую очередь с РАО. Примечательно, что, выдвигая в 1918 г. тезис о необходимости вести исследования «на началах коллективизма» (по причине усиления специализации в различных областях науки), Н. Я. Марр прямо ссылался на давнее обсуждение этого вопроса в стенах РАО специалистами-востоковедами совместно с античниками [21, л. 77]. Все это позволяет предположить, что вопрос о реорганизации ряда археологических учреждений (в частности, АК) считался в ученых кругах достаточно назревшим уже накануне революции. Однако на практике интенсивный поиск новых форм в научном строительстве мог начаться лишь после того, как революция смела с его пути отжившие структуры бюрократического управления [27, с. 177—179 и др.].

Уже весной 1917 г. в среде научной интеллигенции резко активизировалось так называемое «корпоративное учредительство». Выдвигались проекты новых союзов, обществ, институтов и даже министерств. Яркими фигурами в этом движении в предоктябрьский период стали Н. Я. Марр, М. И. Ростовцев, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Бенуа — в недалеком будущем деятельные участники преобразования АК [27, с. 185—191, 201—204, 277, 322—324]. Несомненным (хотя едва ли не единственным) успехом таких организационных поисков в системе Российской Академии наук (РАН) явилось создание в ней первого исследовательского института. Это был Кавказский историко-археологический институт, и основателем его стал акад. Н. Я. Марр [27, с. 322]

Организационная структура АК вплоть до осени 1918 г. оставалась неизменной. Она включала всего восемь штатных членов, считая председателя и его товарища [2] Помимо того, имелось около полутора десятков «сверхштатных» членов и членов-корреспондентов. В их число входили Н. Я. Марр, М. И. Ростовцев, А. С. Лаппо-Данилевский, С. А. Жебелев, М. В. Фармаковский и др. [19, с. 7; 28, л. 1, 2; 29, л. 13] После октября 1917 г. АК, как и РАН, оказалась включенной в систему Наркомата просвещения (НКП) [30, с. 4—6]. Непосредственную связь с ней должна была осуществлять Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины (в дальнейшем — Коллегия НКП). Руководителем ее в этот период стал правительственный комиссар Г. С. Ятманов [19, с. 7, 8; 21, л. 65].

Следует особо подчеркнуть, что, хотя первое собрание АК в 1918 г. состоялось только 8 мая, работа по ее реорганизации уже велась, и очень активно. Выступивший на собрании К. К. Романов объявил, что «коллегия... уже осведомлена о *предположении Археологической комиссии по части расширения деятельности* (курсив мой.— *Н. П.*), сочувствует этому предположению и ожидает соответственного проекта». Б. В. Фармаковский и А. А. Спицын «довели до сведения собрания, что ими заканчивается проект нового устава», а П. П. Покрышкин «заявил, что проект предварительного расширения в Комиссии реставрационного дела им уже составлен и внесен в Коллегию...» [29, л. 1, 1об.] Собрание было созвано в связи с необходимостью избрать нового штатного члена взамен скончавшегося Н. И. Веселовского. Прений по данному вопросу не возникло. После предложения М. И. Ростовцева баллотировать в штатные члены востоковеда на освободившееся место единогласно был избран Н. Я. Марр [29, л. 1].

В июне 1918 г. в АК поступило отношение Коллегии НКП за подписью Г. С. Ятманова: «Признавая необходимым ближайшим образом ознакомиться с прошлою и предстоящею деятельностью Археологической комиссии и *имеющимися предположениями о необходимых для нее реформах* (курсив

мой.— *Н. П.*), Коллегия сочла желательным посетить для указанной цели Археологическую комиссию и заслушать соответственно с ее стороны доклад по настоящему предмету...» [21, л. 65]. На основании приведенных документов можно сделать обоснованный вывод, что инициатива в деле намеченной реорганизации, несомненно, исходила от самой АК и отнюдь не была подсказана ей извне. Однако встает другой вопрос — об уровне научной зрелости, который сопутствовал предполагавшемуся «расширению деятельности».

В качестве одного из показателей этого уровня мы можем привести программу дальнейших исследований Северного Причерноморья, сформулированную в указанный период М. И. Ростовцевым. Ее краткое изложение было опубликовано С. А. Жебелевым [31, ч. 1, с. 149, 150], поэтому отметим лишь важнейшие для нас моменты. М. И. Ростовцев полагал необходимым прекращение всех бессистемных раскопок, направленных на добывание вещей, и планировал сплошное археологическое обследование памятников региона независимо от их культурной принадлежности. Раскопки, по его словам, должны были вестись не иначе как «с широким применением фотографии и с составлением точных топографических и детальных планов и чертежей, с обращением особого внимания на структуру и характер сооружения». Параллельно им планировалось доследование курганов, неквалифицированно раскопанных в прошлом. Весь археологический материал, полученный в ходе полевых работ, с точки зрения исследователя, подлежал сохранению [31, ч. 1, с. 150]. В рассматриваемый нами период сформулированные выше взгляды М. И. Ростовцева на перспективы дальнейших исследований не только не встречали возражений со стороны большинства членов АК, но, напротив, многое в них воспринималось как норма. Свидетельством тому является ряд положений руководства по археологическим раскопкам, изданного А. А. Спицыным [32, с. 6], а также докладные записки П. П. Покрышкина, Б. В. Фармаковского и А. А. Спицына, составленные в мае—июне 1918 г. [3] Речь в них идет о планах дальнейшей работы отделов АК и их сметах на второе полугодие 1918 г. Примечательно, с каким вниманием останавливаются все трое авторов на вопросах изучения рядовых археологических объектов, перспективах их сплошного обследования и издания карт [24, л. 51, 63, 66—73] П. П. Покрышкин, более всего озабоченный проблемой сохранения памятников архитектуры, в частности, писал: «Следует с величайшей осторожностью относиться к известной идее классификации памятников на первостепенные, второстепенные и т. д. Такое деление может повлечь за собой гибель памятников кажущихся второстепенными». Касаясь вопроса о выработке законопроекта по охране древностей, он указывал: «Давно пора на чем-нибудь остановиться и действовать. Ведь закон вообще никогда ничего не довел до совершенства, и не законом жизнь создается, но всякий закон является венцом тех требований, которые предъявляет сама жизнь» [21, л. 72 об.]. Эти документы показывают достаточно красноречиво, что ставшие привычными с начала 1930-х годов обвинения АК в избирательном подходе к памятникам, погоне за красивыми вещами и пренебрежении к массовому материалу являются не более чем мифом, по крайней мере для заключительного периода ее деятельности [1, с. 38—40; 14, с. 109, 110; 23, с. 57] Необходимость расширения состава и изменения структуры АК была осознана ее членами именно потому, что на повестку дня встали вопросы изучения массового материала и производство тотальных разведок — задачи непосильные для узкого круга ученых, как бы самоотверженно они ни работали.

В течение лета 1918 г. в АК отчетливо выделилась группа лидеров, активно взявшихся за дело ее реорганизации. Председатель АК А. А. Бобринский полностью от этого устранился, и место председательствующего временно занял акад. В. В. Латышев [29, л. 2, 4, 6, 12]. Периодически проводились малые заседания, постоянными участниками которых были Н. Я. Марр, Б. В. Фармаковский, П. П. Покрышкин и реже А. П. Удаленков [4]. Н. Я. Марр писал в этот период: «Общие условия жизни русского государства побуждают нас не только

ставить, но и не медлить решением вопросов о новых путях деятельности Российской Археологической комиссии» [21, л. 75] Неизбежное углубление археологической и иной специализации в деле изучения отдельных культур и регионов требовало, по его мнению, перестроить работу организационно и вести ее далее уже на коллективной основе [21, л. 75—77]

К октябрю 1918 г. в АК был разработан проект нового устава. В нем предусматривалось значительное расширение ее состава, создание высшего руководящего органа в виде совета и формирование новых тематических отделов. Все вакансии должны были замещаться только путем закрытой баллотировки. В области охраны памятников предусматривалось по возможности четкое размежевание функций с Коллегией НКП, имевшей в своем составе археологический отдел. Этот отдел, по представлениям членов АК, должен был располагать всеми административно-исполнительными функциями, в то время как сама комиссия брала на себя при Коллегии НКП роль научного аппарата [19, с. 7, 8; 33, л. 5]

Утверждение данного устава наркомом А. В. Луначарским 17 октября 1918 г. завершило собой первый этап преобразования АК. В ходе его она по своей структуре, задачам и научному составу приобрела все черты исследовательского института, очень крупного для своего времени [5]. Для сравнения можно упомянуть, что, например, первый институт в системе РАН, основанный Н. Я. Марром, состоял всего из четырех человек [27, с. 322], а личный состав всех академических учреждений насчитывал тогда немногим более 300 сотрудников (из них около 30 академиков) [34, с. 8].

При всей важности результатов, достигнутых в октябре 1918 г., дело преобразования АК его участниками не считалось завершенным. По свидетельству Б. В. Фармаковского, относящемуся к 1921 г., «вновь созданное учреждение никоим образом не представляло удовлетворительного разрешения *давно обсуждавшегося вопроса* (курсив мой.— *Н. П.*). С самого начала предполагалось, что реорганизованная Археологическая Комиссия займется разработкой вопроса о нормальной и отвечающей всем нуждам постановке дела археологического исследования в Республике и составит проект соответственных учреждений» [19, с. 8]. Архивные данные полностью подтверждают это свидетельство. Вопрос о преобразовании комиссии в академию, действительно, ставился Н. Я. Марром перед А. В. Луначарским еще в начале октября 1918 г. [18, с. 27; 29, л. 16 об.].

Обстановка, окружавшая АК в конце 1918 г., была чрезвычайно динамичной и не позволяла успокаиваться. Возникали не только многочисленные, и не согласованные между собой проекты новых ученых объединений, но — что важнее — попадали под угрозу объединения старые. Неясны были перспективы деятельности многих ученых обществ, музеев, архивных комиссий и т. д. Так, в течение 1917—1918 гг. почти совершенно замерла жизнь РАО и оно казалось близким к полному распаду. Причины заключались в том, что пособие от казны, поступавшее обществу прежде, теперь прекратилось, небольшие капиталы его также были аннулированы, и из помещения, которое занимало РАО на Литейном пр., 44, его выселил наркомат юстиции [26, л. 109]. Подобная ситуация являлась, увы, не редкой. Поэтому не случайно, что именно во второй половине 1918 г. начали интенсивно разрабатываться проекты создания ассоциаций различных ученых комиссий и обществ при едином академическом центре. Всем этим организациям надо было срочно найти место в новой системе НКП.

Одним из таких начинаний явился проект Института социальных наук в системе РАН, разработанный комиссией во главе с акад. А. С. Лаппо-Данилевским. Этот институт был призван объединить вокруг себя многочисленные учреждения и общества, занятые данным кругом проблем [35, с. 176—178] Попытка, однако, не увенчалась успехом, а в феврале 1919 г. автор проекта умер [36, с. 8]. Тогда инициативу полностью взяла на себя АК.

На заседании совета АК 27 февраля 1919 г. присутствующие почтили вставанием память своего коллеги А. С. Лаппо-Данилевского [6]. На том же заседании Н. Я. Марр впервые сообщил о возможности создания в Петрограде «Академии

археологии» [33, л. 6, 7 об.]. К этому времени Н. Я. Марр стал уже признанным лидером АК. Он был избран ее председателем в ноябре 1918 г. [21, л. 111]. По его предложению, члены совета образовали специальную комиссию «для выяснения вопроса о создании Академии» [33, л. 7 об.]. Помимо самого Н. Я. Марра и первого ученого секретаря АК Б. В. Фармаковского в нее вошли С. А. Жебелев (председатель РАО), С. Ф. Платонов (директор Петроградского Археологического института), С. Ф. Ольденбург (непременный секретарь РАН), А. А. Миллер (директор Русского музея). Так сразу обозначился круг учреждений, тесное сотрудничество которых более всего способствовало возникновению новой академии.

17 марта 1919 г. состоялось чрезвычайное собрание совета АК. Открывая это собрание, Н. Я. Марр «указал на крайнюю желательность спешного разрешения назревшего вопроса об *объединении всех учреждений и ассоциаций, имеющих отношение к археологии, в Российскую Государственную Академию археологических знаний*» (курсив мой.— *Н. П.*) Проект «Положения» и проект правительственного декрета о ней (о РГААЗ) уже были разработаны упомянутой комиссией [33, л. 9]

Состав этой комиссии был весьма примечателен. Более чем наполовину она состояла из академиков и членов-корреспондентов РАН. Более того, один из ее членов, акад. С. Ф. Ольденбург (бывший министр просвещения Временного правительства), являлся, как и Н. Я. Марр, виднейшим организатором академической науки в России в послеоктябрьский период. Занимая пост непременного секретаря РАН, он руководил там двумя особо важными комиссиями [7], был редактором академических изданий и т. д. [37, с. 39]. Предположить возможность его участия в акции, предпринятой «в противовес» Академии наук, чрезвычайно трудно.

Политические взгляды членов комиссии, занимавшейся разработкой проекта новой академии, были по большей части умеренно либеральными, но очень редко «левее» партии кадетов. Следует особо отметить в ней роль А. А. Миллера, в недалеком прошлом принадлежавшего к кругу высшей петербургской аристократии. В период выработки «проекта РГААЗ» А. А. Миллер замещал больного акад. В. В. Латышева на посту товарища председателя АК и председателя ее хозяйственного комитета [33, л. 7 об.] Будучи директором Русского музея, он одновременно являлся членом Коллегии НКП и мог непосредственно влиять на ее решения [8] [33, л. 5].

Разумеется, список тех, кто стоял у колыбели новой академии, не исчерпывается этими именами. Но в данный момент важно уяснить, что никакой политической, идейной или иной оппозиции РАН среди ее учредителей не было и быть не могло. При этом определенное размежевание функций между РГААЗ и РАН представлялось им, по-видимому, вполне целесообразным. Нельзя забывать, что в России существовала давняя традиция функционирования археологических учреждений вне системы Академии наук (что, разумеется, не мешало целому ряду академиков успешно работать в данной области) [38, с. 3—13] Теперь, по мысли Н. Я. Марра, следовало объединить разрозненные учреждения и общества такого профиля в единую систему, по своей структуре аналогичную Академии наук [19, с. 9].

Свидетельством того, что работа над проектом РГААЗ велась в согласии с руководством РАН, является и выступление Н. Я. Марра на заседании Восточного отделения РАО 26 марта 1919 г. Сообщив в нем об объединении вокруг будущей академии «РАО и других близких по своим задачам научных и учебных учреждений», он указал, что «может возникнуть вопрос об основании, независимо от Восточного отделения, нового *Азиатского общества, может быть, при Академии наук, если впредь Восточное отделение ограничится работой исключительно в области археологии*» (курсив мой.— *Н. П.*). [39, с. 201, 202]. На следующий день, 27 марта, Н. Я. Марр по вызову Г С. Ятманова спешно выехал в Москву, увозя с собой проект декрета и «Положений» об Академии археологических знаний [28, л. 14]

При рассмотрении вопроса об академии в Коллегии НКП в проект был внесен ряд коррективов. Направленность этих изменений понятна. Информируя совет АК 27 мая 1919 г., Н. Я. Марр указал, что в § 2 была сделана поправка, согласно которой «направление научной и научно-практической деятельности Академии ставится в связь с вопросами, выдвигаемыми современным строем страны, *хотя он, Н. Я. Марр, протестовал против такой редакции* (курсив мой.— *Н. П.*), так как научная работа не стоит в связи с политическим устройством государства» [33, л. 18 об.].

Следует также отметить, что одна из редакций декрета, вышедшая из НКП, содержала пункт, по которому на академию возлагалось «общее наблюдение за научностью направления всех культурно-исторических музеев республики». Этот пункт Н. Я. Марр при очередном просмотре опустил в конец, не дав ему номера. В окончательном тексте пункт был снят [18, с. 28].

Источники недвусмысленно свидетельствуют, что ни один из членов АК, являвшихся настоящими авторами проекта академии [9], не имел в мыслях противопоставить старой «археологии» новую «историю материальной культуры». Переименование РГААЗ в Российскую Академию материальной культуры (РАМК) произошло уже в ходе обсуждения проекта в Коллегии НКП, видимо, по настоянию ее руководства. О превращении ее в РАИМК в Петрограде вообще стало известно только в июне 1919 г. [33, л. 21] Сообщая на заседании совета АК 27 мая, что декрет об академии утвержден, Н. Я. Марр об этой последней поправке — внесении термина «история» — еще не знал [33, л. 18]. Она принадлежала лично В. И. Ленину [12, с. 4; 17, с. 98].

Новое название, предложенное не специалистами археологами, стало неожиданной и счастливой находкой. Она снимала все терминологические противоречия, успевшие накопиться в результате «очень неопределенного и широкого» применения понятия «археология» в русской науке XIX — начала XX в. [40, с. 217]. В этот период «археология» чаще всего выступала как целый комплекс дисциплин, исследующих письменные, эпиграфические, нумизматические и прочие источники, а также предметы «древнего быта». По мнению А. А. Формозова, только в АК «археология» понималась как наука, «исследующая памятники путем раскопок» [40, с. 217] Такое впечатление, действительно, создается при изучении печатной продукции АК начиная с 1890-х годов. Представляется, однако, что и здесь подобная ситуация создалась вполне безотчетно, в силу обстоятельств. Поскольку важнейшим направлением работы АК в указанный период являлись систематизация и издание обширного материала из раскопок, эта цель и определила преимущественный характер печатных трудов. Тон задавали публикации А. А. Спицына. Однако тот же А. А. Спицын отнюдь не был склонен ограничивать всю археологию изучением материала из раскопок. Так, в 1919 г. он выступил с предложением образовать в РАИМК отдел, «посвященный русской старине, то есть бытовой *археологии России времен Ивана III и последующих*» (курсив мой.— *Н. П.*) [22, л. 10 об.].

Вероятно, большинство членов РАИМК в 1919 г. было удовлетворено таким расширенным толкованием предмета новых занятий. Ученые-востоковеды и антиковеды традиционно включали в круг своих научных интересов полевую археологию, филологию, эпиграфику, фольклористику и т. д. Однако параллельно в академии существовало и так называемое «этнологическое» направление. Ярким его представителем был А. А. Миллер. Именно для этой школы было характерно исключительное внимание к материалам из раскопок, исследуемым с помощью целого арсенала методов: сравнительно-этнографического, типологического, естественнонаучных и т. д. [10, с. 77, 78] В дальнейшем такое понимание предмета почти полностью было перенесено в советской науке на археологию, но в первой трети XX в. оба направления существовали параллельно [10] [31, ч. 2, 161]

Новое название академии снимало все возможные недоразумения, связанные с объединением в ней традиционно археологической, этнологической и чисто

искусствоведческой тематики. Для них как бы изыскивалась единая платформа. Как формулировал в дальнейшем А. А. Миллер, «по первоначальному проекту Академии положено было за основание: всестороннее изучение материальной культуры в вещественных памятниках как древности, так и в живом быту. Определено было тогда же и три главнейших центра, отвечающих методу работы» [41, л. 41] Эти три центра предопределили образование в РАИМК трех отделений: этнологического (I), археологического (II) и художественно-исторического (III) [11] [18, с. 30].

27 мая 1919 г. в совете АК было решено немедленно приступить к практической работе по организации академии. Для определения порядка выборов избрали комиссию в составе Н. Я. Марра, А. А. Миллера и Б. В. Фармаковского [33, л. 19 об.]. Всего за день до этого, 26 мая, Н. Я. Марр беседовал в Москве с представителями Московского археологического общества (МАО) и археологического отдела Коллегии НКП [12] Решался вопрос о том, «находит ли МАО желательным и своевременным войти в объединение с Академией». Тогда же с московской стороны было высказано мнение, что идею объединения можно приветствовать «при условии децентрализации научной деятельности» [20, л. 36]

4 июня 1919 г. Коллегия НКП утвердила инструкцию выборов членов РАИМК. Согласно этой инструкции, все члены совета АК (кроме ее руководителей) должны были баллотироваться заново. На избирательном собрании, намеченном на 15 июля, имели право голоса представители 15 организаций, в том числе все члены совета АК [13] и все члены совета Московской коллегии по делам музеев, возглавлявшейся тогда Н. И. Троцкой [20, л. 23] [14] На данной почве возник чисто аппаратный конфликт, вызванный, вероятно, трениями между нею и Г С. Ятмановым, который решительно возразил против участия членов московского совета [20, л. 72]. Измученный Н. Я. Марр подал просьбу об отставке [33, л. 22]. Отношение к этому среди членов АК хорошо выразил С. А. Жебелев, заявивший, что он «вполне понимает то тяжелое состояние, в котором оказался Н. Я. Марр, переобремененный крайне нервною работой административного характера но, с другой стороны, Н. Я. Марр положил столько труда и сил на проведение в жизнь намеченной реформы и так тесно связал себя с нею, что теперь остается или отказаться вообще от ... реформы и тем самым погубить и организуемую Академию, и ликвидируемую Комиссию, или же убедительно просить Н. Я. Марра взять свое прошение обратно...» [13, л. 23].

Тем не менее общее собрание петроградских и московских представителей 15 июля было уже сорвано [20, л. 44, 48]. 16 июля в Москву Н. И. Троцкой была отправлена телеграмма: «... Имел неосторожность взять назад отказ от председательства, надеясь на твердую поддержку вашу и москвичей... Заседание главное с участием членов совета Московской коллегии назначено 5 августа. Убедительно прошу настоять на [их] приезде и реальном участии Марр» [20, л. 47].

Избирательное собрание 5—7 августа состоялось. В конечном счете членами РАИМК первого состава стали 13 представителей от бывшей АК и 15 — от других организаций [18, с. 29] Н. Я. Марр телеграфировал Н. И. Троцкой: «Благодарю. Дело улажено. Остаюсь председателем. Товарищ председателя Сычев. Секретарь Орбели» [20, л. 60, 64] Руководителем московской части академии осенью 1919 г. был избран В. В. Богданов [22, л. 52].

Структура академии определялась постепенно. «Положением» о РАИМК были установлены лишь три основных отделения. В их составе планировалось образовать «разряды» и «секции». По проекту, предложенному Б. В. Фармаковским, основную научную деятельность следовало сосредоточить в комиссиях и подкомиссиях, которые, смотря по обстоятельствам, могли быть постоянными, временными и экстренными. Об образованных комиссиях и подкомиссиях заведующим отделениями надлежало «осведомлять» совет академии. Их председателями считались «главные инициаторы». К работе комиссий и подкомиссий могли привлекаться члены учреждений, входящих в «объединение»

с РАИМК, «а равно и все вообще специалисты, приглашение которых для пользы дела признано целесообразным». При этом утверждение временных сотрудников было делом правления академии [20, л. 80]. Таким образом, планировалась достаточно гибкая организация, способная быстро реагировать на все новое в научном мире.

Порядок распределения разрядов по отделениям еще долго оставался предметом дискуссий. Среди них наибольший познавательный интерес представляет спор между А. А. Миллером и ученым секретарем РАИМК И. А. Орбели по вопросу о пределах компетенции отделения этнологии. Устоявшиеся представления того времени объединяли в понятии «этнология» в первую очередь этническую антропологию, этнографию, расоведение и изучение каменного века (палеоэтнология). В полном соответствии с указанными взглядами, И. А. Орбели обратил внимание совета РАИМК на то, что разряды «древностей», включенные А. А. Миллером в состав I отделения, «не имеют непосредственного отношения к этнологии» и должны быть отнесены к соответствующим разрядам отделения археологического [41, л. 35, 37]. Такое постановление было советом принято, после чего А. А. Миллер немедленно подал в отставку со своего поста председателя I отделения [41, л. 35 об., 37 об.]. Его ходатайство не удовлетворили, поскольку спор носил принципиальный характер [15]

Точка зрения А. А. Миллера заключалась в том, что этнология не должна толковаться «в замкнутых формах науки о расах и их отличиях физических и культурных» [41, л. 41]. Сам он видел в ней в первую очередь *метод* исследования материала, который вовсе не следовало ограничивать памятниками каменного века. Специфика изучения более поздних эпох — появление этнической терминологии и абсолютных дат, по его словам, нисколько не могла «послужить основанием утверждению, что эти древности должны быть исследуемы совершенно иным методом». Их изучение, независимо от датировки, следовало бы производить как изучение «вещественных памятников этнологии, то есть *во всей совокупности культурно-исторических фактов*, принимая во внимание данные сравнительной этнографии, антропологии и т. п. Лишь в такой постановке можно обеспечить для этой категории древностей правильный подход, и этим *все дело подвинуть далее той формы изучения, которую можно назвать лишь описательной*» (курсив мой.— *Н. П.*) [41, л. 41, 41 об.] Введение в отделение этнологии разрядов древностей (с последующим подразделением их по географическому признаку) А. А. Миллер считал «крайне желательным и диктуемым назревшей потребностью изменить весь метод их исследования» [41, л. 41 об.].

Следует сразу оговорить, что в 1919 г. А. А. Миллеру не удалось реализовать в структуре РАИМК свое понимание этнологии [16] Однако не стоит думать, что обмен мнениями такого рода в академии проходил бесследно. Стремление поставить изучение археологических памятников на твердый фундамент выверенных методов было характерно для многих ее членов. Не случайно «ровесником» замысла самой РАИМК явился замысел создания в ее составе Института археологической технологии (ИАТ, первоначальное название — Институт экспериментальной археологии) [20, л. 4] В нем должны были изучаться «с естественнонаучной точки зрения все вопросы, возникающие в недрах Академии, но неразрешимые при условии применения одних лишь филологических, археологических и историко-художественных методов» [41, л. 39] В 1919 г. в ИАТ были основаны отделения — химико-технологическое (I) и художественно-реставрационное (II). Шла организация групп по исследованию технологии керамики, стекла, фаянсов, эмалей, строительных материалов, ювелирного дела и т. д. Во II отделении был намечен к разработке ряд вопросов по консервации и «воспроизведению» предметов искусства и старины. Докладчиками на заседаниях выступали А. Е. Ферсман, П. И. Нерадовский, Б. В. Фармаковский, М. В. Фармаковский, В. Ф. Левинсон-Лессинг, В. В. Струве и др. [41, л. 39 об.]

Уже летом 1919 г. институт организовал экспедицию в Новгород для работы

на памятниках зодчества [22, л. 62]. В течение осенних месяцев в ИАТ непрерывно читались научные доклады по основной тематике института, а 3 декабря 1919 г административно-организационный комитет уже постановил приступить к печатанию первого тома его «Трудов» [22, л. 54].

При оценке чрезвычайно интенсивной научно-организационной деятельности РАИМК осенью и зимой 1919 г. не следует забывать, на каком фоне и в какой обстановке она развивалась. Так, например, весьма важными делами, подведомственными правлению академии, являлись в этот период организация продовольственного закупочного отряда (для чего объединялись сотрудники РАИМК, Эрмитажа и Дворца искусств), получение новых пайков, освобождение А. А. Миллера от призыва в армию как «военспеца» и т. д. Очень труден был вопрос с отоплением хотя бы помещения канцелярии, служащие которой в декабре начали увольняться из РАИМК «за отсутствием обуви» [22, л. 49 об., 57, 59 об. и др.].

Последним важным начинанием РАИМК 1919 г., о котором мы упомянем, явилась первая попытка организации в ней структурных подразделений, напрямую связанных с делом руководства научно-краеведческой работой в стране. Важность этой работы прекрасно осознавалась. Еще в августе 1919 г. Н. Я. Марр отмечал необходимость придать «совершенно реальный характер» сотрудничеству РАИМК с организациями, занимающимися археологией на местах, в частности с учеными архивными комиссиями [17] [22, л. 20, 20 об.] В этот же период А. А. Спицын выступил инициатором создания комиссии по «родиноведению» или разряда по изучению русской старины [12, л. 86]. Став заведующим разрядом русской археологии в академии, он на 10 лет превратил его в одно из основных связующих звеньев с многочисленными краеведческими музеями.

Создание вокруг РАИМК по возможности более широкой ассоциации местных учреждений и обществ, налаживание с ними действенных связей было, по сути, единственным путем превратить ее в академию как де-юре, так и де-факто. Тогда, в конце 1919 г., это казалось безусловно осуществимым. На пороге было десятилетие 20-х годов.

Только для осмотра памятников зодчества по вопросам их текущего ремонта члену АК П. П. Покрышкину приходилось преодолевать не менее 750 тыс. верст ежегодно [21, л. 66 об.]. В результате у него составилась коллекция в 17 тыс. снимков архитектурных объектов, переданная в дальнейшем в фотоархив РАИМК [21, л. 70 об.; 22, л. 51] Прекрасно поставленное дело систематизации и издания самого разнородного археологического материала, поступавшего в АК, являлось личной заслугой А. А. Спицына (доисторические и средневековые древности), Б. В. Фармаковского (классические древности), В. В. Латышева (эпиграфические памятники) и т. д. [23, с. 57—59; 24, с. 106—176; 25, с. 105—110].

[2] В Петрограде находились в этот период А. А. Бобринский (председатель), В. В. Латышев (товарищ председателя), А. А. Спицын, Н. И. Веселовский, Б. В. Фармаковский, П. П. Покрышкин, А. П. Удаленков (и. о. члена с мая 1918 г.).

[3] Летом 1918 г. в АК планировалось перестроить работу отделов монументальных, античных и русских древностей (руководители П. П. Покрышкин, Б. В. Фармаковский и А. А. Спицын), организовать отдел восточных древностей (руководитель Н. Я. Марр) и отдел доисторических древностей. Временным руководителем последнего был намечен А. А. Спицын, но уже в октябре появилась другая кандидатура — А. А. Миллер [21, л. 39, 51, 52, 111].

[4] Активным сторонником преобразования АК был также М. И. Ростовцев. Отъезд его за границу летом 1918 г., несомненно, лишил комиссию одного из лидеров. При выборах в совет АК 24 сентября 1918 г. его кандидатура, предложенная заочно, стала единственной прошедшей единогласно [29, л. 12, 13].

[5] В сентябре 1918 г. в состав совета АК помимо всех ее штатных членов были введены С. Ф. Ольденбург, А. А. Марков, Ф. А. Браун, С. А. Жебелев, М. В. Фармаковский, А. И. Малеин; в октябре — А. А. Миллер, В. В. Бартольд, С. Ф. Платонов, А. А. Ильин, К. К. Романов, В. К. Шилейко, А. А. Васильев, Б. А. Тураев; в декабре — Н. П. Сычев (перечисляются только лица, реально принимавшие участие в заседаниях совета АК).

[6] А. С. Лаппо-Данилевский был заочно избран в совет АК 24 сентября 1918 г [29, л. 17].

[7] Комиссия по изучению племенного состава народов СССР (КИПС) и Комиссия по научным экспедициям (КЭ).

[8] Членом Коллегии НКП являются также К. К. Романов [33, л. 5.].

[9] Таковыми в первую очередь следует считать членов специальной комиссии. Кроме того, активное участие во всех делах АК в указанный период принимали В. В. Латышев, П. П. Покрышкин, К. К. Романов, А. А. Васильев, Н. П. Сычев, А. А. Спицын и некоторые другие.

[10] Характерно, что для А. А. Миллера археология представляла собой науку о «памятниках, изучение которых происходит преимущественно в кругу данных письменных источников и истории искусств» [41, л. 41 об.].

[11] Спустя 2 года Б. В. Фармаковский писал: «Все памятники материальной культуры должны составлять объект исследований науки о прошлом: и памятники археологии, и художественные, и памятники современного быта, в котором зачастую живет еще много старины» [19, с. 9].

[12] Названия структурных подразделений НКП на протяжении 1918—1919 гг. менялись. Коллегии переименовывались в отделы, отделы в подотделы, и наоборот. Во избежание путаницы я придерживаюсь в данной статье тех наименований, которые были приняты во второй половине 1918 г.

[13] В связи с договоренностью, достигнутой в Москве, в совет АК были дополнительно избраны В. К. Мальмберг, Д. Н. Анучин, И. Э. Грабарь, П. П. Муратов и Н. И. Романов (еще раньше членом совета стал К. В. Мальмберг). По инициативе петроградских членов совета туда были введены также В. В. Богданов, Д. Н. Егоров и М. Н. Покровский [20, л. 38; 33, л. 23 об.].

[14] Количество делегатов от каждой организации опубликовано [18, с. 29]. Ошибка в публикации: от III Петроградского университета не два делегата, а один.

[15] По мнению И. А. Орбели, в I отделении следовало сохранить разряды палеолита, неолита и медного века, а также этнологии. Приехавший из Москвы В. В. Богданов высказался за подразделение на разряды палеолита, неолита, этнологии и антропологии [41, с. 35]

[16] 3 декабря 1919 г. в совете РАИМК была утверждена структура I отделения из трех разрядов: 1 — палеоэтнологии (А. А. Миллер), 2 — этнологии (В. В. Богданов), 3 — этнической антропологии (Д. Н. Анучин). Председателем отделения остался А. А. Миллер [41, л. 45 об., 47].

[17] Союз Российских архивных деятелей изъявил желание вступить в объединение с РАИМК 24 июля 1919 г. [22, л. 20].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры. Л., 1930.
2. *Быковский С. Н.* О классовых корнях старой археологии // СГАИМК. 1931. № 9/10.
3. Целевая установка и новые задачи ГАИМК // СГАИМК. 1931. № 2.
4. *Быковский С. Н.* О предмете истории материальной культуры // СГАИМК. 1932. № 1/2.
5. *Быковский С. Н.* Классовая сущность буржуазной археологии // *Худяков М. Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.
6. *Мещанинов И. И.* Теория миграций и археология // СГАИМК. 1931. Вып. 9, 10.
7. *Равдоникас В. И.* На новый этап // СГАИМК. 1932. № 1/2.
8. *Брюсов А. Я.* К вопросу об археологии и археологических исследованиях по доистории Северо-Запада СССР // Советская Карелия. 1930. № 1.
9. *Массон В. М.* Развитие теоретических основ советской археологии // Теоретические основы советской археологии. Л.: Наука, 1969.
10. *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев: Наук. думка, 1982.
11. *Монгайт А. Л.* Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР 1963. № 4.
12. *Марр Н. Я.* В погоне за живой водой // СГАИМК. 1931. № 1.
13. *Марр Н. Я.* Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934.
14. *Худяков М. Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.
15. *Равдоникас В. И.* О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // СГАИМК. 1931. № 9, 10.
16. *Вайнштейн О. Л.* Становление советской исторической науки (20-е годы) // ВИ. 1966. № 7
17. Ленин В. И. Биографическая хроника. Т. 7. М., 1976.
18. *Пескарева К. М.* К истории создания Российской Академии истории материальной культуры // КСИА. 1981. Вып. 163.
19. *Фармаковский Б. В.* К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры. Пг., 1921.
20. Об учреждении в Петрограде РАИМК (декреты, постановления, уставы и переписка) // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. 1919. № 1.
21. О реорганизации Археологической комиссии // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1918. № 20.
22. Журналы заседаний правления РАИМК // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. 1919. № 5.
23. *Равдоникас В. И.* Памяти А. А. Спицына // СГАИМК. 1931. № 9/10.
24. *Фармаковская Т. И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988.
25. *Жебелев С. А.* В. В. Латышев // ВВ. 1926. Т. 24.
26. *Жебелев С. А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897—1921 гг.). Исторический очерк // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. Оп. 2. № 453.
27. *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988.
28. Об избрании акад. Н. Я. Марра членом археологической Комиссии // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1918. № 8.

29. Журнал общих заседаний Российской государственной археологической комиссии в 1918 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1918. № 1.
30. Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925). Л., 1968.
31. *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923.
32. *Спицын А. А.* Археологические раскопки. СПб., 1910.
33. Журнал заседаний совета Российской государственной археологической комиссии за 1919 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. 1919. № 3.
34. *Скрябин Г К.* Выдающийся организатор науки // Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986.
35. *Ольденбург С. Ф.* Работа А. С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
36. Материалы для биографии А. С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929.
37 *Бертельс Д. Е.* Введение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
38. *Формозов А. А.* Археология в Академии наук // СА. 1974. № 2.
39. *Лунин Б. В.* Последние годы деятельности Восточного отделения Русского археологического общества и участие в нем академика В. В. Бартольда // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.
40. *Формозов А. А.* История термина «археология» // ВИ. 1975. № 8.
41. Журналы заседаний совета РАИМК // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 2. 1919. № 4.

N. I. Platonova

THE RUSSIAN ACADEMY OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE. THE HISTORY OF ITS SETTING UP (1918 — 1919)

Summary

This essay on the history of archaeology in Russia is based on extensive archival data. The scholars who had made up the Russian Archaeological Society, the Royal Archaeological Commission and other similar organisations drew, in March 1919, a project for setting up a Russian State Academy of Archaeological Knowledge. Later, during the discussion another name surfaced — the Russian Academy of Material Culture. On May 27, 1919, a decree was issued on setting up the Russian Academy of the History of Material Culture, the word «history» being inserted by Lenin.

В. И. САРИАНИДИ

СИРО-ХЕТТСКИЕ БОЖЕСТВА В БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОМ ПАНТЕОНЕ

Богатая и во многом оригинальная коллекция глиптики и сфрагистики Бактрии и Маргианы дает веские основания предполагать существование в эпоху бронзы особого пантеона божеств, в котором в предварительном порядке выделяются два уровня идеологических представлений [1]. Самый верхний уровень составляют антропоморфные крылатые божества с ярко выраженными птичьими признаками и нередко с фигуркой птицы как символа самого божества (рис. 1, *4, 5*). Такие божества, восседающие то на троне (рис. 1, *4, 5*), то на змее или драконе (рис. 1, *6*), то на животных, как реальных (рис. 1, *7*), так и фантастических (рис. 1, *8*), составляют верхнюю ступень пантеона и принадлежат соответственно к верховным божествам, обитавшим, судя по крыльям, на небе. Как варианты известны божества с человеческими головами, но обязательно с крыльями или головой птицы и крыльями вместо рук (рис. 1, *3*).

Наиболее близкие, доходящие порой до тождества аналогии дает сиро-хеттская глиптика, где в местном пантеоне широко представлены антропоморфные божества — крылатые, с птичьими головами. Показательно, что, как и среди бактрийских, и здесь имеются изображения с руками и крыльями или только с крыльями, но без рук, отражающие в этом случае влияние эгейского мира.

Среди бактрийских имеются три амулета с изображением коленопреклоненной антропоморфной фигуры с птичьей головой и специально подчеркнутым гребнем на голове (рис. 1, *1, 2*; 2, *1*). Как правило, левая рука опущена, правая — поднята, из-за плеч вверх поднимаются либо крылья, либо, как считает П. Амье, языки пламени. Этот же автор первым обратил внимание на большую близость бактрийских изображений с сирийской глиптикой, специально указав: «трудно предположить, что эти фигуры возникли в обеих странах независимо» [2, с. 197] По общепринятому мнению специалистов, это изображения гениев-духов, полностью принадлежащих мифотворчеству сиро-хеттского мира, причем сходство с бактрийскими, не только иконографическое, но и стилистическое, не оставляет сомнений в их реальной связи. В самом деле, подобно бактрийским, сиро-хеттские гении-духи нередко также показаны в коленопреклоненной позе с гребнем на голове, иногда с крыльями вместо рук [3, табл. XXV, *176*] Вместе с тем следует специально отметить, что в Бактрии этот образ претерпел местную переработку, о чем, в частности, свидетельствуют дополнительные изображения змей — этих наиболее популярных персонажей древнебактрийской глиптики, отсутствующих в сиро-хеттской. В Сирии образы гениев-духов относятся к середине II тыс. до н. э., что не позволяет слишком удревнять их бактрийские реплики. Осталось добавить, что в 1987 г. в одной из могил Маргианы был найден лазуритовый амулет с изображением коленопреклоненной антропоморфной фигуры с птичьей головой и двумя жезлами в руках. Ее типологическая близость к вышеописанным не вызывает сомнений (рис. 3); близкое им изображение происходит с поселения Гонур-1 (рис. 4).

Из разграбленных могил Бактрии происходит сильно окислившийся амулет с двусторонним изображением, в том числе антропоморфной фигуры с орлиной

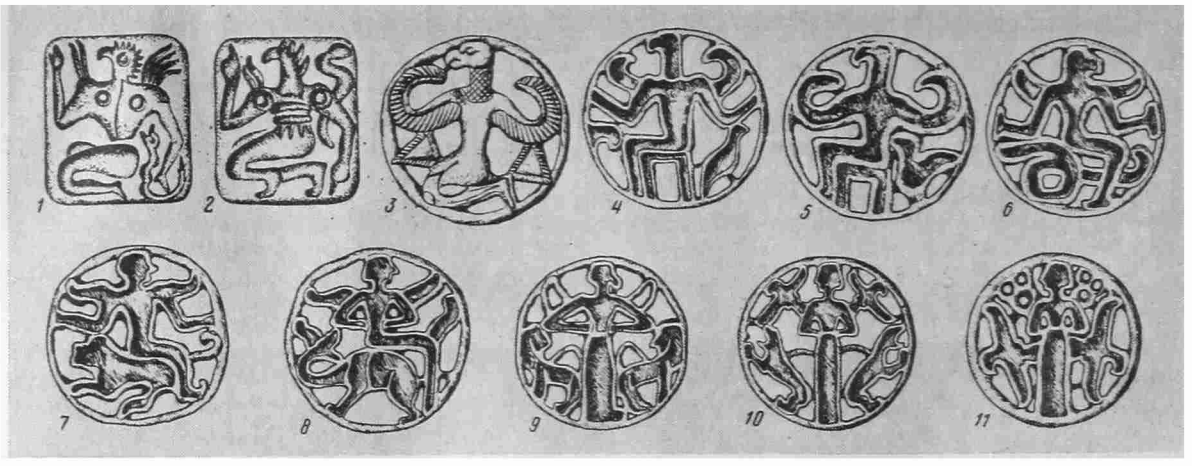


Рис. 1. Каменные амулеты (*1, 2*) и медные перегородчатые печати Бактрии

Рис. 2. Каменные амулеты (*1, 3*) и медные перегородчатые печати (*2, 4*) Бактрии

головой с поднятыми перед грудью руками, в длинном, доходящем до пят платье (рис. 2, *4*). За правым плечом фигуры виден длинный предмет, украшенный внутри короткими поперечными черточками и заканчивающийся навершием, отдаленно напоминающим птичью головку. По обе стороны от фигуры опускаются вниз крылья, а в целом все это изображение близко духам-демонам, которые позднее войдут в качестве керубов в ассирийское искусство. Правда, там эти персонажи чаще всего имеют пару крыльев, направленных соответственно вверх и вниз. Можно предположить, что бактрийский экземпляр отражает упрощенный вариант одного и того же архетипа. Подобные мифологические фигуры весьма характерны для сиро-хеттской глиптики, причем особенно показательны изображения из Кархемыша [4, рис. 19] и Нузи [5, рис. 12], и в частности «оружие», поднимающееся из-за плеч у одного такого божества [5, рис. 24]

Среди изображений бактрийских орлиноголовых божеств выделяются единичные с двумя головами, представленные помимо амулетов на одном уникальном топоре, отлитом в виде крылатого антропоморфного божества с двумя орлиными головами. Прямые соответствия им имеются опять-таки в сирохеттском искусстве [6, фиг. 36; 7]. Показательно, что в обоих регионах такие двуглавые божества нередко терзают животных, что указывает уже на их и семантическую близость, сводя элемент случайного совпадения до минимума.

Известны в бактрийской глиптике и сфрагистике и просто двуглавые орлы (рис. 2, *2, 3*), малоазийское происхождение которых представляется наиболее вероятным. Там они изображены в геральдической позе и известны уже с самого начала II тыс. до н. э. [8, рис. 52, 53]. Несколько позднее двуглавые орлы распространяются в сиро-хеттской глиптике [9, рис. 21] и даже на каменных рельефах, как можно судить по Богазгею [4, рис. 8]. Уже В. Вард отметил, что именно для сиро-хеттской глиптики наиболее характерны изображения антропоморфных крылатых божеств, которые затем были заимствованы Ассирией [10, с. 303],

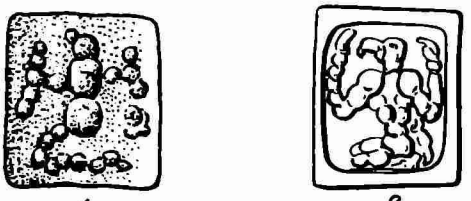


Рис. 3. Каменные амулеты с изображением коленопреклоненных антропоморфных фигур с птичьими головами. *1*— из Маргианы; *2*— из Бактрии

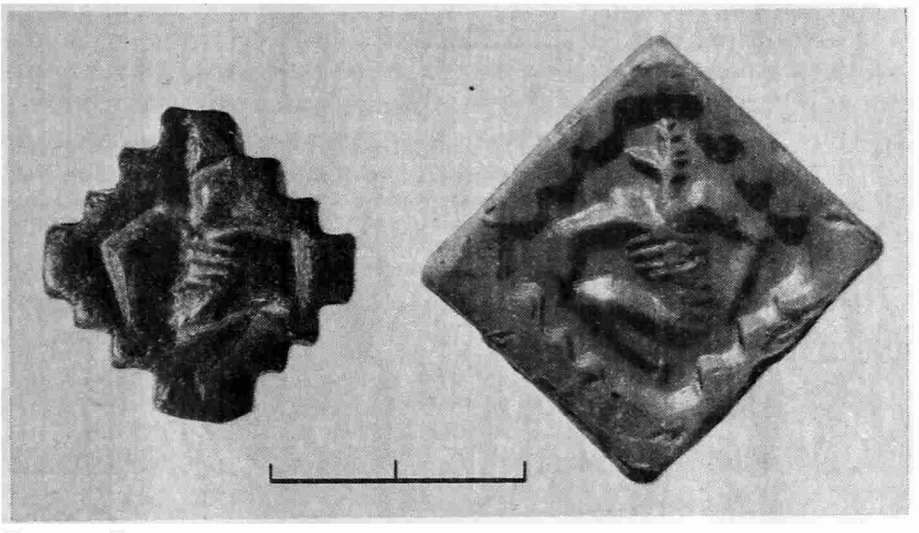


Рис. 4. Гонур-1, каменный амулет с изображением коленопреклоненной антропоморфной фигуры

сюда же теперь с полным основанием можно добавить Бактрию и Маргиану.

Специальный интерес для нашей темы представляют медные ажурные печати Бактрии с изображениями в центре их, судя по всему, стоящей женской фигуры анфас, головой в профиль, с руками, сложенными на талии (рис. 1, *9—11*; 2, *5*). Такие фронтально развернутые фигуры, часто в окружении птиц и животных, скорее всего передают образ «хозяйки» животного и пернатого мира и восходят в конечном счете к северомесопотамским прототипам. Особенно широкий круг таких изображений демонстрирует сиро-хеттская глиптика, где они, по убедительному мнению Э. Порады, происходят от местной богини [11, с. 55], причем со временем головы таких фигур изображаются в профиль. Этот статуарный тип особенно четко выступает в искусстве Хеттского царства, и именно им наиболее близки бактрийские изображения. Вместе с тем есть и вполне очевидные стилистические различия: например, северомесопотамские персонажи почти всегда передают образ обнаженной богини, а бактрийские изображены в длинных, доходящих до пят юбках.

В этом плане интересна одна серебряная бактрийская печать с изображением полуобнаженной богини верхом на львином драконе; руки ее сложены на талии, из-за плеч «вырастают» два козленка. М. Потье доказала общее западное происхождение этого мотива [12], но еще более близкие аналогии дает сиро-хеттская глиптика, и в частности один оттиск печати из Канеша с изображением богини со сложенными на талии руками и козлятами у плеч [13, табл. 30, *8*]. Прямой репликой последней является бактрийская серебряная печать. Наконец, бактрийские божества в окружении птиц и животных находят семантические соответствия в божествах сиро-хеттского искусства, где они стоят на животных или держат их поверженными вниз головой [4, рис. 182, 192], отражая идею превосходства над миром животных.

Уже этот краткий обзор показывает, что образы «хозяйки» животных точно так же, как крылатого антропоморфного божества с птичьими признаками, в

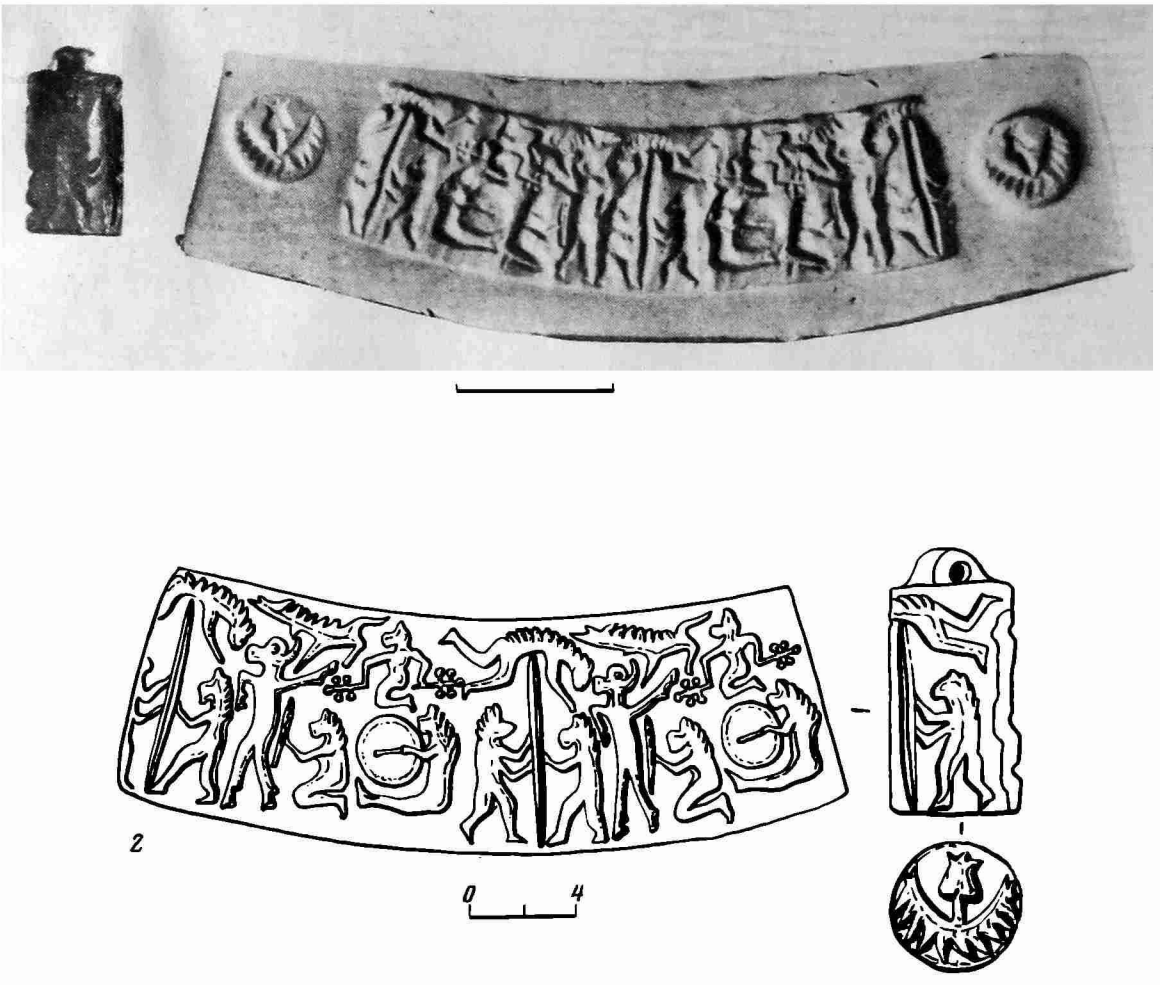


Рис. 5. Тоголок 1, погребение 10. Цилиндрическая печать и оттиск с нее: *1* — фото; *2* — прорисовка

одинаковой степени были популярны как в сиро-хеттском пантеоне, так и бактрийско-маргианском, за чем бесспорно стоят и сходные религиозные воззрения, и культовая обрядность.

Известен был в обоих регионах и популярный на древнем Востоке мотив «древа жизни», но в сиро-хеттской глиптике он наиболее ранний [14], причем в Бактрии веточки таких деревьев, подобно северомесопотамским образцам, заканчиваются шишечками, что указывает на возможные связи между сирийскими и бактрийскими образцами [15, рис. 3, *1*]. Точно так же весьма показательна практика использования «витого жгута» в глиптике Бактрии и Маргианы [16, рис. 8, *3*], этой типичной, признаваемой всеми авторами детали сиро-хеттского искусства.

Но, бесспорно, принципиально важное значение для затронутой темы имеет уникальная цилиндрическая печать, найденная в 1987 г. в погребении 10 на поселении Тоголок 1. Могильная яма прорезала пол одного из помещений строительного комплекса, на котором помимо обычной керамики были встречены фрагменты лепного сосуда, по определению М. Ф. Косарева и Т. М. Потемкиной, типично дандыбай-бегазинского типа. Следовательно, само погребение не может относиться к периоду ранее рубежа XIV—XIII вв. до н. э., а вероятнее всего, к XIII в. до н. э.

Цилиндрическая печать находилась в сосуде вместе с двумя амулетами мургабского стиля. Пока это первый случай такой совместной находки в закрытом погребальном комплексе. Печать в виде цилиндра с ушком изготовлена из черного стеатита, на торце выгравировано растение, похожее на мак. Центральную часть композиции (рис. 5) составляют два антропоморфные

фигуры лицом друг к другу, держащие вместе шест, через который прыгает акробат. Вправо изображен стоящий на задних ногах бык, у которого одна передняя нога опущена, вторая отставлена в сторону, как бы указывая на сидящее во втором регистре божество с жезлами. Влево от центральной микрокомпозиции сидит, вытянув ноги, музыкант, бьющий в огромный барабан, покоящийся на его ногах. Еще дальше располагается сидящий антропоморфный персонаж с жезлом или скипетром в руке. Наконец, во втором регистре сидит уже упомянутое божество и рядом с ним волк или собака.

Налицо явно сюжетная композиция, построенная по принципу симметрии, характерной для сиро-хеттской глиптики. Генеральная тема всей композиции праздничная, но не обычная басенная (как это можно было бы заключить, судя по облику антропоморфных персонажей), а глубоко мистическая. В самом деле, здесь нет ни одного реального человеческого персонажа, а лишь антропоморфные существа с головами животных, что уже само по себе может намекать на тайный, мистический характер всей композиции. Думается, что здесь изображены люди с головами обезьян, предположительно бабуинов, с косматыми загривками. Вообще обезьяны известны в глиптике Месопотамии, но там они всегда играют явно второстепенную, подчиненную роль, часто держа сосуды для возлияний. Зато в глиптике Бактрии обезьяны занимают одно из главных мест, где они, подобно божествам, нередко восседают на тронах. В природе обезьяны здесь неизвестны, так что их изображения явно отражают влияние, идущее скорее всего из Индии, так как бактрийские их изображения более всего соответствуют лангурам из рода хануман, до сих пор являющихся священными в Индии.

Уже было отмечено, что божества с головами животных составляют характерную черту сиро-хеттского искусства, причем в северомесопотамской глиптике использовались специальные маски, что, как считает Э. Порада, восходит к традициям хурритских мастеров. Доказательством тому служат изображения колдунов и жрецов с птичьими масками, а в ассирийском — с львиными и рыбьими [17] В свою очередь образы обезьян в сиро-хеттской глиптике появились под влиянием Египта, где они, правда, выступают чаще всего как комические, а порой и карикатурные персонажи, в то время как в том же Канеше они играют роль культовых служек.

Исключительного внимания заслуживают обезьяны-музыканты из Канеша, а в Хеттском царстве позднее — антропоморфные божества с птичьими головами, находящие впечатляющие соответствия в бактрийско-маргианской глиптике. В еще большей степени показательны «капеллы животных» египетского и западно-азиатского искусства, маргианскую реплику которым демонстрирует рассматриваемый цилиндр. Правда, в последнем случае это не обезьяны, а люди с обезьяньими головами, что может свидетельствовать о некотором переосмыслении анатолийского и сирийского прототипов. Вообще же отметим, что гибридные образы (крылатые львы, грифоны и др.) достаточно популярны в бактрийско-маргианской глиптике, в целом отражая западные влияния. В этом плане интересна антропоморфная фигура с головой быка (на сосуде из Богазкея), играющая на тамбурине [17, с. 70]. М. Меллинк специально отмечает, что такие гибридные персонажи отнюдь не отражают народное, а тем более юмористическое направление в искусстве, а иллюстрируют различные стадии древнехеттских культовых церемоний, где играющие на тамбурине персонажи являются культовыми музыкантами [18].

Лишь один персонаж маргианского цилиндра — волк или собака — находит аналогии в местной глиптике, остальным же обнаруживаются далекие, но вполне очевидные сиро-хеттские параллели. Дополнительным доказательством тому является божество с жезлами в обеих руках, точные аналогии которым дает глиптика Месопотамии. Как правило, такие жезлы представляют собой стержень, нередко с перекрестиями, заканчивающимися на концах шарами.

Их определяют как эмблемы бога солнца Шамаша. Хотя Д. Ван Бурен и Г Франкфорт допускали местное происхождение этой эмблемы начиная с периода Джемдет Наср [14, с. 161; 19, с. 15], более обоснованным представляется предположение В. Варда, связывавшего их с Египтом, где они символизируют идею «стабильности» [10, с. 413]. Сходство маргианского жезла с месопотамскими прототипами настолько очевидно, что не требует дополнительной аргументации. Правда, в противоположность другим, маргианское божество держит не один, а два жезла, что должно было, по-видимому, усилить его главенствующее значение сравнительно с остальными персонажами композиции.

Для нашей темы наибольшее значение имеют северомесопотамские параллели, как, например, один сиро-хеттский цилиндр с изображением двух людей, держащих вместе жезл с шарами, что, как считают, отражает общий митаннийский стиль, но не вавилонский [11, рис. 1012; 20, с. 37]. В другом случае два коленопреклоненных гения-духа также держат вместе жезл с шарами [21, рис. 1248], демонстрируя вариацию на одну и ту же тему.

Хотя тема акробата, прыгающего через шест, уникальна, она находит формальные соответствия в других регионах древнего Востока, но особенно, как специально отмечает Б. Буханан, в сирийской глиптике митаннийского стиля, причем еще раньше она отмечена в Египте откуда и проникла в среду местных мастеров [22, с. 11] Правда, здесь акробаты показаны преимущественно прыгающими через лошадей, к чему можно добавить известные критские изображения акробатов, прыгающих через быков, что нашло отражение и в греческой глиптике [23, табл. 82, *137, 200*]. Высказано мнение, что акробаты сирийской глиптики в конечном счете восходят к критоегипетским прототипам [24], так что маргианский цилиндр можно считать наиболее восточным пунктом распространения этого редкого мотива. Совершенно очевидно, что сама по себе тема акробатов может иметь конвергентное происхождение, но в данном случае, учитывая вышеприведенные западные параллели, можно считать, что маргианский цилиндр был изготовлен на месте, но под сильным влиянием сирохеттской глиптики. В таком случае возникает закономерный вопрос: является ли рассматриваемая композиция следствием культурных влияний или же ее принесли вместе с собой в Маргиану пришлые племена?

Сейчас можно считать доказанным, что племена, колонизовавшие Бактрию и Маргиану в начале II тыс. до н. э., не были только завоевателями, но пришли сюда вместе со своими домочадцами, с женами, детьми, стариками, со всем своим скарбом и, конечно же, со своими собственными религиозными представлениями и традициями [25]. А ведь вышеотмеченные параллели обнаруживаются не на бытовых изделиях, а на культовых, т. е. касаются идеологических представлений, наиболее консервативной области человеческой культуры. В самом деле, достаточно четкий и устойчивый комплекс изобразительных памятников Бактрии и Маргианы, с одной стороны, и Месопотамии — с другой, в конечном счете восходит к северомесопотамскому пантеону божеств где можно предполагать истоки этих конкретных религиозных представлений.

Если бактрийско-маргианский пантеон рапространяется здесь вместе с расселением новых племен, то при всех возможных вариантах эта миграция не могла миновать промежуточной территории Восточного Ирана. И в самом деле, крылатые антропоморфные божества с птичьими признаками точно так же, как стоящие фронтально развернутые женские божества с руками, сложенными на талии, составляют свой пантеон, представленный глиптикой Шахдада, Тепе-Яхья и др. Видимо, не случайно имеются здесь и изображения птиц в качестве эмблемы божества, и в особенности изображение музыканта, играющего на барабане, в известной мере напоминающие божества и персонажей культовых церемоний Бактрии и Маргианы [2, рис. 132, *12*]. Осталось добавить, что и сам археологический комплекс начала II тыс. до н. э. Восточного Ирана (Шахдад-Гиссар III) занимает как бы промежуточное место, обнаруживая прямые, отчасти, возможно, генетические связи с Бактрией и Маргианой, и, хотя

и в меньшей степени, с Эламом, историческая связь которого с Южной Месопотамией общеизвестна.

В этой связи, возможно, не случайно сиро-хеттские изображения божеств появляются в Бактрии и Маргиане после того, как они распространяются в Месопотамии — в направлении с севера на юг, вплоть до Элама. В таком случае можно допустить, что вышеотмеченные изображения божеств распространяются через эламское посредство, что в еще большей степени находит свое более полное подтверждение во всем археологическом комплексе эламо-бактрийских параллелей, установленных П. Амье [2] и М. Потье [12]

С другой стороны, особого интереса заслуживает тот факт, что многие сиро-хеттские прототипы бактрийско-маргианского пантеона в свою очередь определяются как отражающие митаннийский стиль в месопотамском искусстве. Так, к митаннийскому стилю относит П. Амье уже упомянутый уникальный бактрийский топор с двуглавым демоном, а Э. Порада и Г Франкфорт безоговорочно определяют «жезлы с шарами» как митаннийские эмблемы. Точно так же изображения животных, под животами которых извиваются змеи, композиции с акробатами, гибридные персонажи с головами животных Б. Буханан определяет как митаннийские по стилю. Наконец, Б. Брентьес посвятил специальную статью возможной связи «бактрийских» бронз с митаннийским искусством [26, с. 18, 19]. Все эти наблюдения, выступающие пока в общей форме, не могут не быть сопоставлены с митаннийскими племенами, арийская принадлежность которых подтверждается письменными данными, в которых упоминаются имена индоиранских божеств. Пока еще трудно конкретизировать имеющиеся факты и наблюдения, но, думается, пришлые племена, колонизовавшие в начале II тыс. до н. э. Бактрию и Маргиану, не случайно обнаруживают связи с митаннийским искусством, за чем, видимо, скрываются и реальные исторические события, связанные с индоиранской, арийской проблемой.

Для этого еще раз обратимся к маргианскому цилиндру, общая композиция которого (прыгающие акробаты), отдельные персонажи (божество с жезлом и шарами, люди с головами животных) находят весьма впечатляющие аналогии в митаннийском искусстве. В свою очередь вся сцена маргианского цилиндра связана с культовыми, а не светскими празднествами, тайный мистический характер которых подчеркивают сами гибридные персонажи. Налицо ритуальное празднество с четко выработанной культовой обрядностью, до определенной степени напоминающее элевсинские мистерии Греции. Можно почти не сомневаться, что эти религиозные представления и культовые церемонии были принесены в Бактрию и Маргиану пришлыми племенами, которые на своей новой родине продолжали твердо придерживаться своих верований. Пока еще трудно ответить на вопрос, каким образом образы сиро-хеттских божеств проникают так далеко на восток, но и нельзя полностью исключать, что за установленными фактами стоят реальные исторические события, связанные с расселением индоиранских, арийских племен. Другое дело, что конкретный механизм предполагаемой инвазии пока еще вырисовывается в самых общих чертах, что в первую очередь связано с ограниченностью наших современных данных. Но все более увеличивающиеся параллели, выявляемые между Бактрией и Маргианой, с одной стороны, и Сирией —с другой, весьма показательны. Тем более это касается митаннийских сопоставлений, открывающих новую страницу в древней истории Передней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сариаиди В. И.* Древнебактрийский пантеон // Информ. бюл. МАИКЦА. 1986. Вып. 10.
2. *Amiet P.* L'Age des exchange inter-iraniens. 3500—1700 avant J.-C. P., 1986.
3. *Contenau G.* La glyptique Syro-Hittite. P., 1922.
4. *Gurney O.* The Hittites. L., 1954.
5. *Barrelet M. T.* Les Deesses armées et aliers // Syria. 1955. T. 32.
6. *Pittman H.* Art of the Bronze Age. N. Y., 1984.
7. *Maxwell-Hyslop B.* British Museum «Axe» № 123268: A. Bactrian Bronze // Bulletin of the Asia Institute. V 1. Detroit, 1987.
8. *Ozguc N.* Seal Impression from the Palaces at Acauhoyuk // Ancient Art in Seals. New Jersey, 1980.
9. *Delaporte L.* Les hittites. P., 1936.
10. *Ward W.* The Seal Cylinders of Western Asia. Wash., 1910.
11. *Porada E.* Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collection. Wash., 1948.
12. *Pottier M.-H.* Material funeraire de la Bactriane Meridionale de L'age du bronze. P., 1984.
13. *Porada E.* Kleine Bemerkungen über Abrollungen auf Tafeln des Karum Kumes und zwei Text. T. II. B., 1982.
14. *Комороци Г.* К символике дерева в искусстве Древнего Двуречья // Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981.
15. *Сариаиди В. И.* Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н. э. // СА. 1986. № 2.
16. *Sarianidi V.* Die Kunst des Alten Afghanistan. Leipzig, 1986.
17. *Porada E.* Remarks on the Mitannian (Hurrian) and Middle Assyrian Glyptic Art // Akkadica. 1979. № 13.
18. *Mellink M.* Anatolian Libation Pourers and the Minoan Genius // Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds. Mainz, 1987.
19. *Van Buren E. D.* Symbols of the Gods in Mesopotamian Art // Annalecta Orintalia. 1945. № 23.
20. *Eisen G. A.* Ancient Oriental Cylinders and other Seals. Chicago, 1940.
21. *Buchanan B.* Early Near Eastern Seals in the Yale Babylonian Collection. New Haven; London, 1981.
22. *Buchanan B.* A Snake Goddes and her Companions // Iraq. 1971. XXXIII.
23. *Sakellariou A.* Die Minoischen und Mukeneschen Siegel des Nationalmuseum in Athen. B., 1964.
24. *Porada E.* Seals from the Late Fourth to the Late Second Millennium // Eble to Damascus. Wash., 1985.
25. *Сариаиди В. И.* Юго-Западная Азия: миграции, арийцы и зороастрийцы // Информ. бюл. МАИКЦА. 1988. Вып. 13.
26. *Brentjes B.* Die «Baktrischen Bronzen». Ihre Datierung und die Mitanni-Kunst // Orient und Okzident im Spiegel der Kunst. Graz, 1986.

V. I. Sarianidi

SYRO-HITTITE DEITIES IN BACTRIA AND MARGIANA

Summary

A cylinder seal carrying a composition that showed in the centre an acrobat jumping with a pole came from among the grave goods in a Togolok-1 burial (Margiana, South-Eastern Turkmenistan). There were other figures on the seal including anthropomorphic representations (presumably, with ape heads) who were playing tambourines and a deity with a staff decorated with balls. On the whole, the seal is close to Syro-Hittite objects, especially those done in the Mitanni style. The seal, together with other seals and amulets from Baktria, exhibit an influence of the Syro-Hittite world. They were locally made objects. This circumstance allow us to presume that there existed cultural traditions rooted in Mesopotamia (including its northern borders) that reached Bactria and Margiana through Elam. In an indirect way these conclusions may point to the western regions as a possible earlier home of the Late Bronze Age tribes in Bactria and Margiana.

А. А. МОРУЖЕНКО

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ ЛЕСОСТЕПНЫХ ПЛЕМЕН МЕЖДУРЕЧЬЯ ДНЕПРА И ДОНА В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Лесостепное междуречье Днепра и Дона, обладая исключительно благоприятными естественногеографическими условиями для развития производящего хозяйства, в I тыс. до н. э. было заселено племенами, оставившими многочисленные археологические памятники — поселения и курганы. Древности скифской эпохи этого региона давно привлекали внимание исследователей. Раскопки, начатые еще в конце XIX — начале XX в. Н. К. Бранденбургом, В. А. Городцовым, И. А. Зарецким, Н. Е. Макаренко, Е. Н. Мельник, Д. Я. Самоквасовым и др., успешно продолжены советскими археологами — М. Я. Рудинским, Б. Н. Граковым, И. И. Ляпушкиным, В. А. Ильинской, Б. А. Шрамко, П. Д. Либеровым, Г Т. Ковпаненко, А. И. Пузиковой и др. В результате получены обширные данные, на специфику которых обратили внимание Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова [1, с. 82, 83]. Эти материалы явились основой монографических исследований памятников Северского Донца [2], Ворсклы [3], Сулы [4], Среднего Дона [5] и позволили выделить на территории Днепровского лесостепного Левобережья ворсклинскую, посульскую и северско-донецкую локальные группы. Помимо этого, П. Д. Либеров выявил среднедонскую культуру, объединяющую памятники скифского облика Подонья. Близки к этому кругу материалы, полученные при исследовании поселений Посеймья (работы А. И. Пузиковой). Однако все эти локальные группы и культуры обладают не только особенностями, но и целым рядом общих признаков, особенно в характере хозяйства, расположении поселений, устройстве жилищ, хозяйственных построек, оборонительных сооружений, обряде погребения и типах вещей.

Занимаясь разработкой вопроса о причинах сходства и различия в культуре разных народов, стоящих на более или менее одинаковом уровне социально-экономического развития, советские этнографы сформулировали понятия историко-этнографической (или историко-культурной) области [6] и этнографической (историко-культурной) общности [7, с. 48, 49] Археологами накоплен уже значительный опыт в исследовании этнических образований древности и выделении историко-культурных общностей [8 и др.] Перспективным в этом отношении является изучение населения, обитавшего в VII—III вв. до н. э. на территории лесостепного междуречья Днепра и Дона. Данная статья представляет собой попытку выявить черты, сближающие памятники региона, определить степень их сходства и на этом основании обосновать вывод о существовании здесь в скифское время историко-культурной общности.

Как уже говорилось, благоприятные естественногеографические условия способствовали активному освоению Днепро-Донской лесостепи земледельческо-скотоводческими племенами. Плотность населения здесь в начале раннего железного века была достаточно высокой. В настоящее время известно 416 поселений, среди них 103 городища и 313 селищ.

Городища обычно располагались на мысах или останцах коренного берега небольших рек, реже — на краю плато. Все они объединяются сходными топографическими признаками и типологическими особенностями общего плана оборонительных сооружений [9]. Хотя селищ зафиксировано 313, однако их

несомненно, было больше. Лучше всего обследованы бассейны Северского Донца и Ворсклы — здесь известно соответственно 129 и 89 поселений. В подавляющем большинстве селища располагаются на возвышенных местах вблизи рек и ручьев. Размеры их различны и колеблются в широких пределах от 0,6 до 25 га, но большинство имеет площадь от 3 до 9 га. На 21 поселении культурные остатки располагаются гнездами, на 49 четко прослеживаются зольные всхолмления. Больше всего поселений с зольниками находится в бассейнах Северского Донца и Ворсклы; в Подонье и на Сейме их нет.

Время возникновения поселений различно. Рубежом VIII—VII вв. до н. э. датируются ранние слои Бельского городища [10, с. 19], в VII в. до н. э. появляются неукрепленные поселки в бассейне Ворсклы — Довжик, Пожарная Балка, Лихачевка, а также Люботинское и Дмитровское городища в бассейне Северского Донца. В VI в. до н. э. увеличивается количество селищ и городищ в Поворсклье и на Донце, этим же временем датируются укрепленные поселения в бассейне Псла (Кнышевка), Сулы (Басовское) и Сейма (Марица и др.). Больше всего городищ VI в. до н. э. известно в бассейне Ворсклы — Коломакское, Городное, Полковая Никитовка и др. В V—IV вв. до н. э. городища и селища распространены повсеместно.

На поселениях обнаружены остатки 74 жилищ. Размеры их различны и колеблются от 7,5 до 64 м^2 Среди них выделяются землянки и наземные постройки. Землянки известны преимущественно в бассейне Ворсклы, на Бельском городище и датируются в основном VI в. до н. э. Наземные жилища характеризуются остатками четырехугольных и округлых в плане построек, иногда с углубленным в грунт полом (до 0,4—0,5 м). Они открыты на Северском Донце, Суле, Дону, Ворскле и Сейме; в Посеймье и Поворсклье существовали в VI в. до н. э., в других районах — в V и особенно в IV в. до н. э. Таким образом, можно говорить о тенденции увеличения количества наземных жилищ в более позднее время. Земляночные и наземные жилища, типологически близкие расположенным в Днепро-Донском междуречье, известны и на Правобережье [11, 12 и др.]

Ряд черт сближает жилые постройки Днепро-Донского лесостепного междуречья со степными и лесными. Это четырехугольные очертания в плане, двускатные крыши и т. д. Однако существуют и определенные различия. В лесной полосе основным строительным материалом было дерево. Плетневые конструкции также встречаются, но они не имеют глиняной обмазки (милоградская культура) [13, с. 37] Дерево широко используется при домостроительстве на поселениях юхновской [14] и дьяковской (поздний период) [15, с. 24, 25] культур. Юхновские жилища резко отличаются от лесостепных формой и размерами. Они не имеют аналогий среди лесостепных памятников.

Занимая промежуточное положение между степными и лесными комплексами, жилища Днепро-Донского лесостепного междуречья сочетают в себе особенности, характерные для обеих соседних областей: здесь распространены различные бревенчатые конструкции, некоторые черты их сближаются с деревянным домостроительством, получившим развитие у населения более северных культур. Вместе с тем при сооружении каркасных домов весьма широко использовалась глина, что характерно для степных районов. Но особенно много общего (типы жилищ, устройство стен, перекрытий и т. д.) в приемах строительства жилищ наблюдается с территорией Днепровского Правобережья.

На всех лесостепных поселениях междуречья Днепра и Дона, подвергавшихся раскопкам, обнаружены ямы различной формы и глубины, среди которых удалось выделить предпечные ямы, зернохранилища, овины, погреба и хлевы [16] Наземная часть всех этих построек была, видимо, сделана из легкого деревянного каркаса, обмазанного глиной (по типу наземных жилищ).

Важным источником для выяснения вопросов, связанных с развитием хозяйства, быта, культуры местных племен, их этнического состава и связей с соседними народами, являются погребальные комплексы. В настоящее время

известно 447 более или менее документированных курганов, которые могут быть источником для исследования, хотя раскопано их значительно больше. По бассейнам отдельных рек они распределяются следующим образом: Подонье — 87, Северский Донец — 104, Поворсклье — 122, бассейны Псла, Сулы и Сейма — 134.

Курганы располагаются группами, включающими различное количество насыпей (от 6—7 до нескольких сотен); самая большая группа зафиксирована на Ворскле, к западу от Бельского городища, — более 1000 насыпей [10, с. 141]. Курганы сооружались на плато, на возвышенностях вдоль берегов рек или на береговых мысах и обычно находились вблизи поселений, на расстоянии до 4 км от них. Располагаясь цепочкой (в больших группах — кучно), узкой полосой, но во всех случаях, когда прослежена планировка могильника, они вытянуты по линии восток — запад, иногда с отклонениями к югу или северу. Насыпи, как правило, состоят из однородного грунта. В них встречаются скопления древесных угольков, фрагменты керамики, иногда обломки костей животных — остатки тризны по умершему. Отмечены следы кострищ (12,03%). Под курганом обычно находилось одно погребение — основное (88,4%), однако встречаются и впускные (9,8%) в насыпях скифского времени и эпохи бронзы; 1,8% составляют грунтовые погребения, обнаруженные в бассейне Ворсклы. Характерно наличие в курганах Поворсклья, Северского Донца и Дона материкового выброса, окружающего кольцом или дугой могильную яму. Его отсутствие в курганах Посулья следует, видимо, объяснять не спецификой региона, а несовершенством методики дореволюционных раскопок.

Основной частью погребального сооружения в подавляющем большинстве курганов была яма, обычно четырехугольная в плане (74,8%), реже встречаются овальные или близкие к округлым (1,4%), в 23,8% случаев данные отсутствуют. Ориентировка могил в междуречье Днепра и Дона была в основном меридиональной (53,4%) или по линии северо-восток — юго-запад (23,4%). Эта же особенность характерна и для отдельных регионов, за исключением Среднего Дона. Здесь на первом месте широтная ориентировка (34,5%), которая вместе с могилами, ориентированными по направлению северо-восток — юго-запад, составляет 64,3%.

Для выявления общих и региональных черт в погребальном обряде нами разработана типология, в основу которой положено устойчивое сочетание группы признаков, выявленное путем расчета коэффициента связи по формуле $Q=(AB\times\alpha\beta-A\beta\times\alpha B)/(AB\times\alpha\beta+A\beta\times\alpha B)$, где AB — все случаи сочетания двух данных признаков, $\alpha\beta$ — все случаи отсутствия данных признаков, $A\beta$ — все случаи наличия первого признака без второго, αB — все случаи наличия второго признака без первого [17, с. 59, 72]. Тип составляет сочетание следующих признаков: 1 — наличие или отсутствие облицовки стен погребального сооружения, ее расположение (горизонтальная или вертикальная); 2 — наличие или отсутствие деревянного покрытия пола; 3 — наличие или отсутствие перекрытия; 4 — наличие или отсутствие столбовой конструкции, которая в одних случаях поддерживала облицовку стен, в других — перекрытие; 5 — наличие дромоса. Классификация для всех погребений — курганных и бескурганных, основных и впускных — едина. Типология представлена на рис. 1, сведения о распределении выделенных типов — в таблице.

Наиболее ранними являются погребения типа 7 — в ямах с деревянным полом и накатом. Они известны в бассейне Ворсклы со второй половины VII в. до н. э., широкое распространение получили здесь в VI в. до н. э., а в V—IV вв. до н. э. встречаются на Северском Донце и в Посулье (рис. 2). На протяжении всего скифского периода на территории Днепро-Донского междуречья существуют типы 1, 2, 9, 10, 19, причем погребения наиболее простой конструкции — яма без облицовки и перекрытия (тип 1) и яма без облицовки с накатом (тип 2) — составляют большинство (44,9%), а в бассейне Северского Донца — 70,1%. Яма с горизонтальной облицовкой и накатом

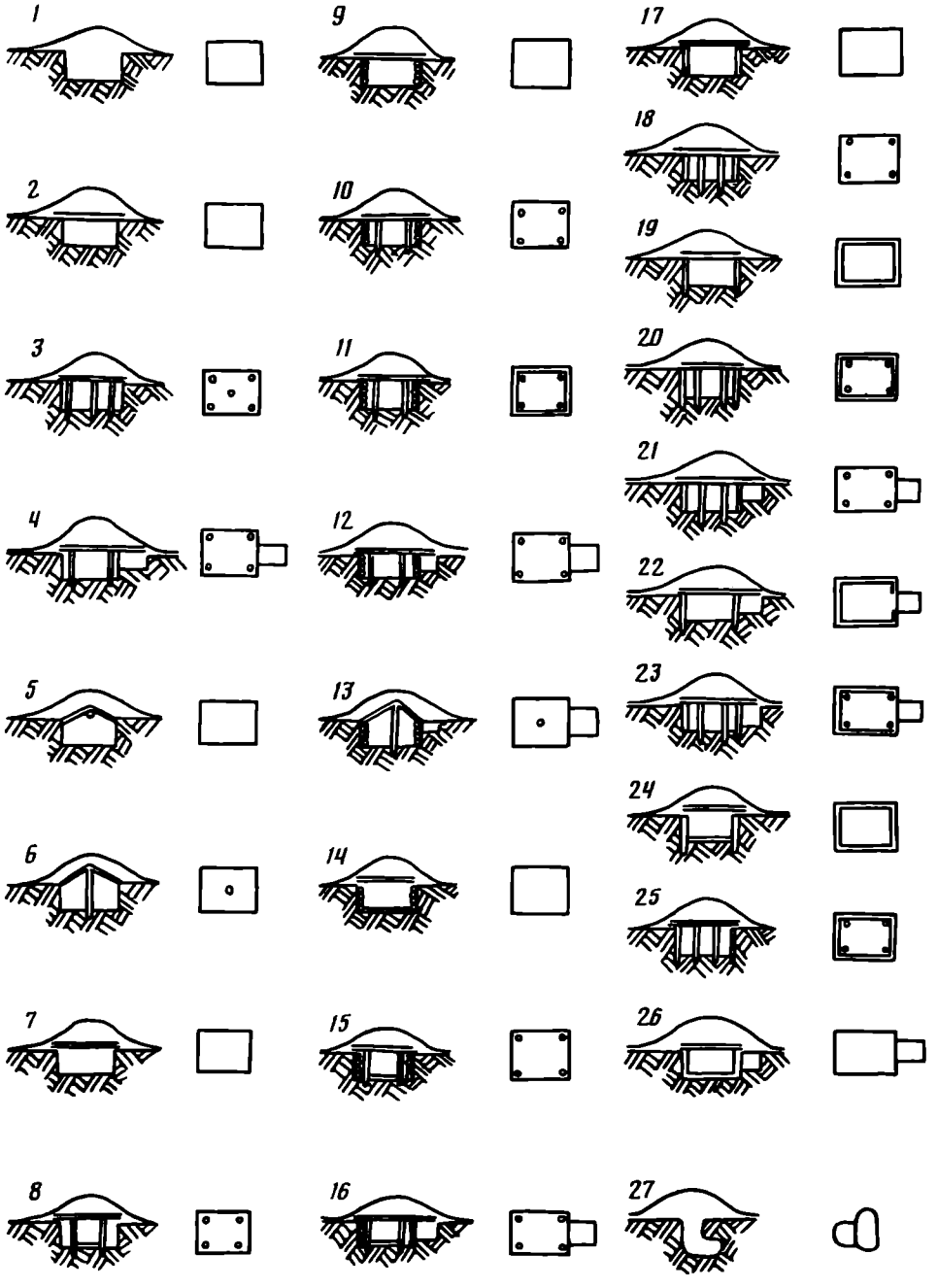


Рис. 1. Типология погребений междуречья Днепра и Дона

(тип 9), с горизонтальной облицовкой, столбовой конструкцией и накатом (тип 10) и ямы с вертикальной облицовкой стен, нижние концы которой закреплены в ровике, и накатом (тип 19) неравномерно распространены в различных регионах и составляют 16,1%. Могилы с дромосами в VI в. до н. э. известны на Ворскле и Донце, но более всего они получили распространение в IV—III вв. до н. э. на Дону — 9,3%. На раннем этапе преобладают погребения типов 1, 2, 7, 9, 10, 14, 17, 19, 24, 25, на позднем — 3, 11, 16, приблизительно равномерно распространены в оба периода типы 13, 18 и 20, и только на позднем этапе существуют типы 4—6, 8, 12, 16, 21—23, 27 (рис. 2). Очевиден факт усложнения погребальных сооружений к концу скифского периода — IV в. до н. э. датируется большинство погребений с крышами (типы 5, 6, 13) и дромосомами (типы 4, 12, 16, 21—23).

Анализ различных сторон погребального обряда племен лесостепного междуречья Днепра и Дона свидетельствует о его многообразии. Являясь одним

Распределение типов погребений по бассейнам рек

Тип	Количество				
	Ворскла	Сула	Северский Донец	Дон	Всего
1	17	40	49	25	131
2	17	13	19	10	59
3	—	—	6	14	20
4	—	—	—	2	2
5	—	—	1	—	1
6	1	—	—	—	1
7	37	2	3	—	42
8	—	—	1	7	8
9	10	4	1	2	17
10	1	15	2	4	22
11	1	—	1	2	4
12	—	—	1	1	2
13	—	—	1	1	2
14	7	—	—	1	8
15	5	—	—	5	10
16	1	—	—	—	1
17	6	9	—	6	21
18	1	5	1	3	10
19	1	22	2	3	28
20	1	4	4	6	15
21	—	—	—	1	1
22	—	—	—	1	1
23	—	—	—	3	3
24	2	2	—	—	4
25	2	1	3	—	6
26	2	—	—	—	2
27	—	—	1	2	3
Всего	112	117	96	99	424

из наиболее существенных и устойчивых этнографических признаков, он включает идеологические представления, ритуалы, традиции, строительные навыки и в силу этого не может быть результатом простого влияния одного народа на другой: формирование погребальных обычаев происходит лишь в результате тесного взаимодействия, сосуществования, консолидации или ассимиляции этнических групп, носителей определенных традиций.

В предскифский период на территории Днепро-Донского междуречья была иная обрядность, однако некоторые ее черты сохраняются и в скифское время: обычай хоронить умерших с использованием деревянных конструкций (наката, сруба, деревянного ящика), возводить курганы. У племен бондарихинской культуры, обитавших в предскифский период в лесостепи и на юге лесной зоны, известны биритуальные погребения [18]; трупосожжение в незначительной мере сохранилось здесь и в скифское время [19, с. 151]

На заключительном этапе существования срубной культуры в лесостепном Левобережье появляются погребения с вытянутыми трупоположениями с западной и южной ориентировкой [20, с. 17] Широкое распространение южная ориентировка погребенных получила в белозерских памятниках к западу от Днепра [21, с. 520]. В белозерских курганах зафиксированы и наиболее ранние деревянные гробницы [22, с. 130], в VIII в. до н. э. они появляются на Днепровском Правобережье, где получили распространение в VII—VI вв. до н. э. [23, с. 78, 83—87; 24, с. 59, 63—68], с конца VII в. до н. э. известны на Ворскле, а в VI—IV вв. до н. э.— на всей территории Днепро-Донского междуречья и сосуществуют здесь с погребениями в ямах без облицовки. Население, переселившееся во второй половине VIII в. до н. э. в бассейн Ворсклы из Днепровского Правобережья, принесло сюда новые традиции в строительстве погребальных конструкций. Здесь они нашли благодатную почву для дальнейшего существования, так как подкреплялись навыками в деревянном зодчестве

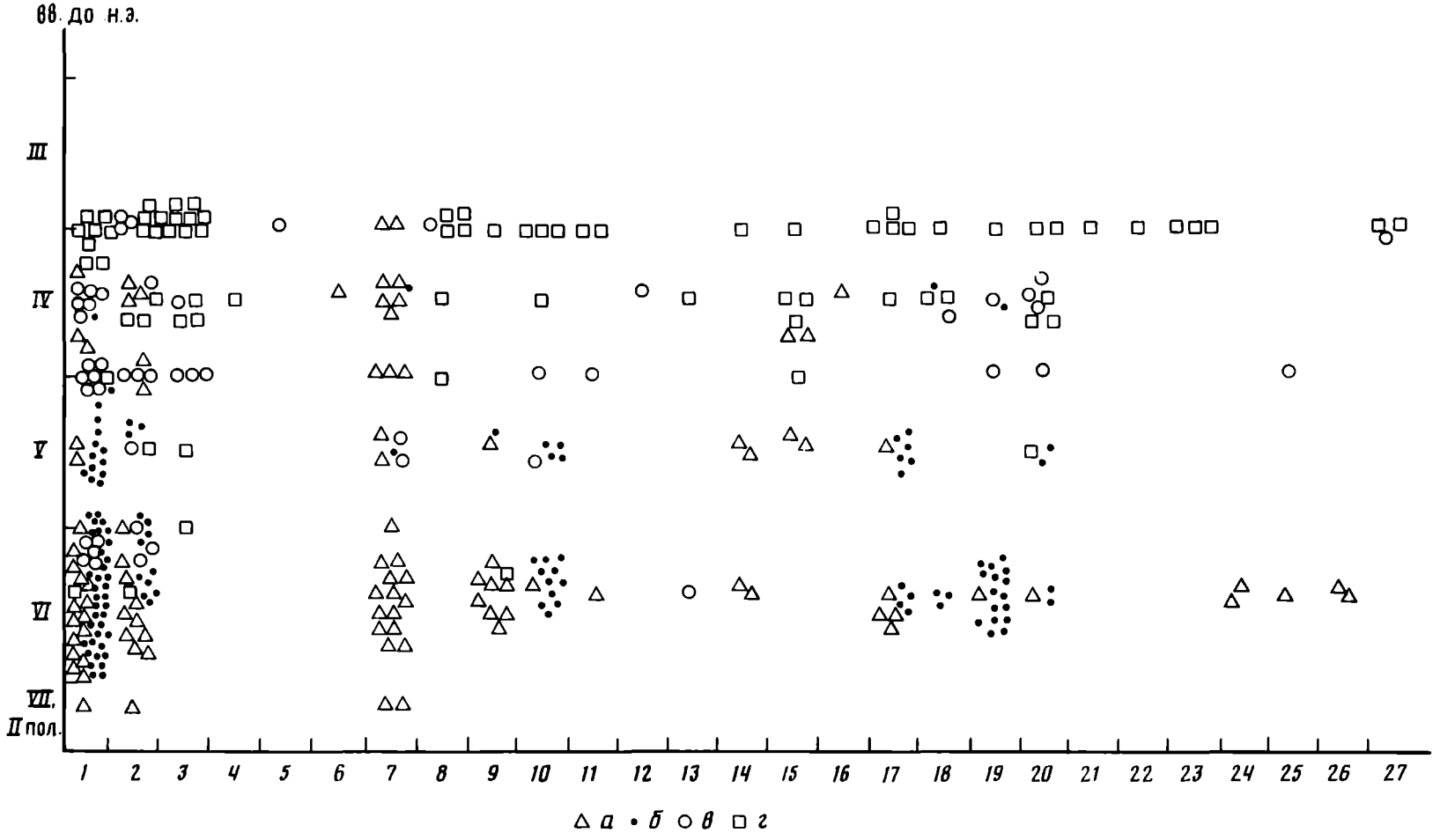


Рис. 2. Корреляция типов погребений, их хронологии и распределения по бассейнам рек: *а* — Ворскла; *б* — Сула, Псел; *в* — Северский Донец; *г* — Дон

и обилием необходимого строительного материала, в степных же районах эти конструкции не получили заметного распространения [25, с. 88]

Повсеместное распространение курганных могильников, вытянутых цепочкой с востока на запад, наличие рвов вокруг насыпей, материковых выкидов вокруг могил, погребальных кострищ, остатков жертвенной пищи, вытянутое положение погребенных с преимущественной ориентировкой на юг, сходных предметов инвентаря — все это свидетельствует об определенном единстве погребального обряда, сложившегося на основе взаимодействия племен заключительного этапа срубной культуры, бондарихинских и переселившихся с Днепровского Правобережья носителей жаботинских традиций. Заметно и влияние степных скифских племен.

Наряду с этим в погребальном обряде населения бассейнов отдельных рек — Дона, Донца, Сулы и Ворсклы — прослеживаются некоторые особенности. Так, наибольшее количество высоких курганов (более 2,5 м) встречается в Посулье, самых больших могил (площадь свыше 9 м^2) — на Дону, а самых маленьких (площадь менее 5 м^2) — на Донце. Для Северского Донца характерны удлиненные четырехугольные могильные ямы с отношением сторон 2:1 и более, на Суле, Ворскле и Дону преобладают могилы квадратные или близкие к ним, с отношением сторон 1:1—1,4:1. Есть отличия и в их ориентировке. На Дону преимущественное распространение получила широтная, а на Донце, Суле и Ворскле — меридиональная. Во всех регионах, кроме Среднего Дона, преобладает южная ориентация погребенных.

На Днепровском Правобережье также известны как курганные, так и бескурганные погребения, причем количество последних гораздо больше, чем на Левобережье. Получили распространение обширные могилы с различными типами деревянных конструкций и дромосами. Преобладает западная ориентировка погребенных [23, с. 87; 24, с. 135] В IV в. до н. э. под влиянием степных культур появляются катакомбы, наиболее полно представленные в тясминской группе [12, с. 17]. Для VI—IV вв. до н. э. характерны парные захоронения с человеческими жертвоприношениями, с начала V в. до н. э. распространены жертвоприношения верховых коней [26, с. 257]

Гораздо более существенные различия вырисовываются при сопоставлении Днепро-Донского междуречья со степью. Здесь основным типом погребального сооружения были катакомбы. Встречаются захоронения зависимых людей, сопровождающих основное, конские погребения, преобладает широтная ориентировка могил и западная — погребенных. Подавляющее количество погребений в ямах отличается меньшими размерами и иными пропорциями, в степных гробницах отсутствуют дромосы [25, с. 88], т. е. различия между степными и лесостепными погребениями более выражены, чем различия в погребальной обрядности лесостепи, и в частности отдельных регионов Днепро-Донского междуречья. Особенности степных и лесостепных погребальных ритуалов складывались постепенно, «в разных условиях и на разных территориях, и отражающие их памятники принадлежали разным племенным группировкам» [27, с. 75]

Таким образом, археологические памятники лесостепного междуречья Днепра и Дона имеют целый ряд общих признаков, которые могли сложиться лишь в результате постоянного взаимодействия и тесного контакта живших здесь племен. Обитая в сходных естественногеографических условиях, лесостепные племена явились создателями земледельческо-скотоводческого хозяйства, основой которого было пахотное земледелие, а главными культурами — пленчатые пшеницы (полба, спельта) и ячмень, а также рожь, овес, горох и другие бобовые. Это подтверждают многочисленные отпечатки на керамике зерен культурных растений, известные во всех локальных группах Днепро-Донского междуречья, а также образцы обугленного зерна [28]. В культурном слое поселений много находок сельскохозяйственного инвентаря — мотыжек, серпов, зернотерок и др., которые существовали на протяжении всего скифского време-

ни. Характерно большое количество зерновых ям. Несмотря на отдельные региональные отличия, в стаде домашних животных четко прослеживается большой удельный вес крупного рогатого скота.

Высокого уровня развития достигла обработка черных и цветных металлов. Следы ее зафиксированы не только на городищах, но даже на многих неукрепленных поселениях. Наиболее распространенные приемы обработки железа — ковка, пакетирование заготовок, цементация, кузнечная сварка [29, с. 56]. Для изготовления бронзовых изделий использовали преимущественно оловянистые и оловянисто-свинцовистые сплавы на медной основе, причем в период с VI по IV в. до н. э. четко видна тенденция уменьшения количества изделий из оловянистых и увеличения из оловянисто-свинцовистых бронз [30, с. 90]. Успехи в обработке металлов привели к выделению ремесла.

Одним из развитых видов домашних промыслов было керамическое производство. Известны остатки печи для обжига посуды [10, с. 113, 114]. Керамический комплекс отличается разнообразием форм горшков, которые изменяются во времени: в VI в. до н. э. основную группу составляли слабопрофилированные, в V—III вв. до н. э. — с развитым профилем. На протяжении всего скифского периода неорнаментированных горшков мало; мотивы декора: вдавления пальцем или палочкой, защипы, проколы, в эпоху архаики распространен налепной валик. В качестве локальных особенностей можно отметить в некоторых памятниках Среднего Дона небольшое количество фрагментов со сквозными проколами [31, с. 65], изредка встречающиеся в Посулье налепы на стенках сосудов в виде шишечек или ручек-упоров [4, с. 167], отсутствие катушкообразных горшков и узкогорлых кувшинов с ручками в бассейне Сейма [32, с. 99]. Однако общая линия развития выявляется очень четко. С середины VI в. до н. э. в бассейне Ворсклы исчезает традиция изготовления лощеной посуды, здесь и в других регионах бытуют горшки, миски, кружки или чашки, формы которых имеют некоторые особенности в каждой локальной группе. В отличие от Правобережья и степи здесь до конца скифского периода существуют сосуды с проколами, низок процент неорнаментированных горшков, тогда как в степных районах они составляли большинство.

Намечается специализация и в других отраслях хозяйства: обработке камня, кости, кожи. Все это способствовало развитию торгового обмена как внутри племен, так и между племенами. Привозным было сырье для бронзолитейного производства, хорошо прослеживается торговля с античным миром. Возникшая как следствие общественного разделения труда торговля способствовала сближению различных племен, учитывала сложившуюся интеграцию, требовала координации и объединения усилий для обеспечения безопасности торговых путей. Будучи составной частью хозяйства, она стала одним из важных факторов экономического сближения племен и формирования историко-культурной общности.

Социальной основой лесостепных племен были рядовые общинники, но среди них уже выделяются группы беднейших и состоятельных, которые весьма четко прослеживаются по погребениям. Почти во всех мужских погребениях есть оружие. Однако выделяются не только обладатели лука и стрел, но также копий, дротиков, защитного вооружения. На вершине социальной лестницы находились представители родо-племенной аристократии и вожди, захоронения которых отличаются большими размерами, сложностью конструкции, значительными насыпями курганов (№ 476 и 477 у с. Волковцы, № 2 у с. Мастюгино и др.). Сооружение таких усыпальниц требовало больших затрат труда и свидетельствовало об особом положении умерших. Разнообразием и богатством отличается и инвентарь этих могил. Социально-экономической ячейкой общества становится малая семья, которая отличалась определенной хозяйственной самостоятельностью (хорошо прослежены жилищно-хозяйственные комплексы). Уровень общественного развития, близкий у племен Днепро-Донского междуречья, явился социальным фактором их сближения в рамках соответствующей историко-культурной общности.

Важным политическим фактором, сыгравшим роль катализатора, была постоянная угроза нападения с юга. Следы пожарищ, зафиксированные в валах многих городищ, особенно на Среднем Дону, Северском Донце и Ворскле, свидетельствуют о том, что эта угроза часто становится реальностью [9, с. 169]. Оборонительные сооружения восстанавливались (прослежено два, иногда три строительных периода) и функционировали на протяжении всего скифского времени. Наконец, роль идеологического фактора сыграли распространенные у всех племен земледельческие культы и искусство звериного стиля. Следует отметить большую роль солярной символики, культов плодородия, домашнего очага, предков, характерны жертвоприношения животных, обрядовое значение хлеба. Особенностью региона являются муляжи зерен культурных растений, использовавшиеся в обрядности.

Все это способствовало тому, что у различных племен, обитавших на одной территории (лесостепь между Днепром и Доном) и имевших много общего в социально-экономическом и культурном развитии, сформировалась историко-культурная общность. При этом в каждом регионе существовали определенные особенности. В памятниках Поворсклья следует отметить наличие землянок в комплексах VI в. до н. э. Только здесь представлены погребения типов 16 и 26 (могилы с горизонтальной и вертикальной облицовкой стен деревом, деревянным полом, накатом и дромосом). За пределами региона не встречаются в могильных ямах полы, основой которых были слеги, уложенные в параллельных канавках. В ориентировке погребенных преобладает западная и юго-восточная; встречаются скорченные погребения. В остеологическом материале поселений VI в. до н. э. большое количество костей свиней и собак. В комплексах VII — начала VI в. до н. э. представлена чернолощеная посуда — корчаги, черпаки, кубки, миски.

Псел слабо изучен в археологическом отношении, поэтому характеристика памятников этого региона часто ориентировочна. Здесь наиболее четко прослеживаются особенности в составе стада домашних животных. Первое место принадлежит мелкому рогатому скоту, тогда как в остальных районах — крупному.

В курганах Посулья довольно часто встречается юго-западная ориентировка погребенных, в инвентаре представлены навершия, топорики-скипетры, ножные браслеты, не характерные для других районов Днепро-Донского междуречья; среди памятников звериного стиля VI в. до н. э. отсутствуют изображения оленя [33, с. 92]. В. А. Ильинская считала, что архаические курганы Посулья принадлежали скифам, а в области, где они расположены, локализовала Геррос [4, с. 187]. Аргументированный анализ ошибочности этого положения содержится в одной из статей Б. Н. Мозолевского [27]. Добавим также, что в местном стаде преобладали свиньи, тогда как для скифов характерны иные виды домашних животных [34, кн. IV, *28, 29, 63*].

Определенными особенностями отличаются памятники Посеймья. Здесь нет мысовых городищ, со всех сторон окруженных валами, отсутствуют зольники, единичны изображения в зверином стиле.

На Северском Донце наиболее часто встречаются укрепленные поселения с предградьями. Среди погребений большой процент удлиненных узких могил с отношением сторон 2:1 и более, а в ориентировке погребенных значительна доля западной и северной. Здесь обнаружена могила в виде четырехугольной ямы без облицовки стен и пола, с двускатной крышей (тип 5). В других местах таких погребений нет.

На поселениях Среднего Дона отсутствуют зольники. Среди погребений представлены типы (4, 21—23), не встречающиеся за пределами этой территории. Могилы часто имеют широтную ориентировку, а погребенные — юго-западную. В инвентаре невелик процент керамики, орнаментированной проколами, отсутствуют булавки, представлены зооморфные крючки, дольше всего бытовали изображения в зверином стиле.

Однако общие признаки, характерные для памятников Днепро-Донского междуречья, более значительны. Прежде всего надо отметить большое количество поселений и среди них значительную долю городищ. Имея определенные особенности в деталях (наличие и расположение предградий, расположение валов и рвов), они подчинены единым требованиям в основных топографических признаках и главных принципах фортификации. Основой укреплений были деревоземляные конструкции. Широко распространен прием эскарпирования склонов, характерна умелая защита входов предградьями и дополнительными валами, достигающая тактики фланкирования. Большинство городищ строилось по единому замыслу с учетом особенностей рельефа. Среди жилищ наибольшее распространение получили наземные постройки, особенно в V—IV вв. до н. э. Основной строительный материал — дерево и глина. Курганы обычно располагаются вблизи поселений и составляют с ними один археологический комплекс. Четко прослеживается вытянутость курганных групп с востока на запад. Повсеместно в изучаемом регионе распространены курганы с погребениями типов 1, 2, 9, 10, 19. Они составляют 61%, причем тип 1 среди погребений локальной группы составляет на Донце 51, на Суле 34,2, на Дону 25,2 и на Ворскле 15,1%. Погребения типа 2 представлены во всех группах более равномерно, в пределах от 10,1 (Подонье) до 19,8% (Северский Донец). Тип 9 более представителен в Поворсклье (8,9%), а типы 10 и 19 — в Посулье (соответственно 12,8 и 18,8%). Курганы типов, являющихся особенностью отдельных регионов (Ворсклы, Северского Донца, Дона), составляют менее 3%. Преобладают могилы площадью свыше 5 $м^2$, квадратные или близкой к квадрату формы, и южная ориентировка погребенных, значителен процент деревянных гробниц (37%).

Картографирование всех поселений и курганов позволяет выявить определенную систему в их расположении. Наиболее четко выделяются на юге памятники среднего течения Донца и его правых притоков — Мжи и Уд, а на севере — Посеймья. Здесь они сосредоточены на правом берегу и по правым притокам — Клевени, Свапе, Тускарю и Рати. Помимо этого в обширной зоне от Днепра на западе до Среднего Дона на востоке выделяются пять региональных систем: бассейн Сулы, бассейн Псла, среднее течение Ворсклы, верхнее течение Ворсклы и Северского Донца, Средний Дон. В каждой группе городища, открытые поселки и курганы располагаются компактно, преимущественно на правом берегу реки, и составляют полигон с узлами обороны, расположенными радиально (Ворскла [35, с. 86], среднее течение Донца, Дон) или вытянуто в цепочку (Сула, Псел, Сейм, верхнее течение Ворсклы и Северского Донца).

Археологические материалы показывают своеобразие лесостепного междуречья Днепра и Дона и его отличие от соседних территорий. Наиболее близки памятники Днепровского Правобережья, среди которых есть поселения и погребения таких же типов, как и на Левобережье. Для защиты на Правобережье возводились деревоземляные сооружения (Шарповское городище и др.), однако применялся и камень (Немировское, Григоровское и другие городища), что не свойственно Левобережью. Особенностью правобережных городищ является также расположение источников воды непосредственно на поселении (Немировское, Трахтемировское и др.). Для них характерны детинцы, находящиеся внутри поселений (Пастырское, Грубское и др.). У племен Днепровского Правобережья и междуречья Днепра и Дона известны типологически близкие жилища. Однако на Правобережье чаще встречаются землянки. На Левобережье они локализуются преимущественно в бассейне Ворсклы, а в остальных районах основными являются наземные постройки. Характерной особенностью правобережных памятников VII—VI вв. до н. э. являются чернолощеные сосуды, основные типы которых (корчаги, кубки, черпаки, орнаментированные миски) за пределами бассейна Ворсклы практически не встречаются. Основной выращиваемой культурой была голозерная пшеница, тогда как в Днепро-Донском междуречье — пленчатые ее формы. Состав стада близок, хотя на Право-

бережье несколько меньший процент крупного рогатого скота и больший — лошадей.

В гораздо большей мере Днепро-Донское междуречье отличается от степи. У скифов укрепленные поселения появляются только в конце V в. до н. э., это — Каменское городище на Днепре и поселения низовьев Днепра и Буга. В их укреплениях и в домостроительстве использовался камень. Степные курганы также обычно вытянуты цепью, но направление ее в разных группах неодинаково [36, с. 72, 86, 138]. Здесь получил распространение совершенно иной тип погребения — катакомбы и узкие длинные могилы, очень мал процент деревянных гробниц. Существенно отличается и керамика, как формами, так и орнаментацией. Среди украшений из бронзы типичны серьги в виде калачика и пластинчатые браслеты. Здесь сложился и совершенно иной хозяйственно-культурный тип.

У племен милоградской, юхновской и ананьинской культур, обитавших севернее Днепро-Донского междуречья, поселения отличаются планировкой и устройством оборонительных сооружений [13, с. 15; 14] Разительны отличия в типах жилищ, погребений, керамике, изделий из металла, кости, камня.

Лесостепное междуречье Днепра и Дона отличалось естественно-географическими условиями, благоприятными для развития пахотного земледелия. Это способствовало его активному освоению. Не следует думать, что в предскифский период здесь была безлюдная зона, как предполагала В. А. Ильинская [37, с. 25]. Новые исследования показали, что почти вся эта территория была занята племенами бондарихинской культуры, наиболее поздние памятники которой существуют до середины VII в. до н. э. [38, с. 18], причем в XI—IX вв. до н. э. в бассейне среднего течения Северского Донца бондарихинское население сосуществовало с белозерским [22, с. 120] Количество поселений и, следовательно, населения в предскифское время было значительно меньше, чем в скифское время.

Вопросам происхождения лесостепных племен и их соотношения с Геродотовыми будинами, гелонами, меланхленами и андрофагами посвящена обширная литература, а в монографии А. А. Нейхардт показано их современное состояние [39, с. 92—136] Проведенный нами анализ поселений и погребений, выявленные особенности хозяйства и духовной культуры лесостепных племен Днепро-Донского междуречья позволяют вновь обратиться к проблеме их этногеографии и происхождения. Разложение родовых отношений, которое в раннем железном веке проходило повсеместно, приводило к делокализации рода и переселениям выделившихся коллективов. Археологические материалы позволяют предположить, что в VII—VI вв. до н. э. в лесостепных районах Днепро-Донского междуречья проходят сложные этнические процессы, в результате чего вырабатываются общие признаки культуры. С XII по середину VII в. до н. э. эта территория была занята племенами бондарихинской культуры, этническая принадлежность которых определяется как угро-финская [21, с. 518] Бондарихинские племена были той этнической основой, на которой формировалось лесостепное население скифского времени. В хозяйстве и материальной культуре последних прослеживается развитие бондарихинских традиций: пашенное земледелие, состав сельскохозяйственных культур, обработка железа, некоторые типы сосудов и их орнаментация, особенности домостроительства и т. д. [40, 41] Однако историческая ситуация в разных районах была различной и процесс формирования этнических групп в каждом из них имел свои особенности.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что на юге среднего течения Северского Донца длительное время преимущественно обитали племена белозерской культуры. Они сосуществовали с бондарихинцами и генетически близки к племенам черногоровского этапа [22, с. 152], памятники которого также зафиксированы на юге Северского Донца. Это позволяет рассматривать деревянные конструкции в могилах, южную ориентировку погребенных, скор-

ченное или вытянутое положение, подсыпку золы или извести, солярную символику в памятниках раннего железного века как восходящие к белозерской традиции. К этому следует отнести и наличие сходных форм посуды — банок, слабопрофилированных горшков, мисок и кружек [20, с. 19]. Отметим длительные контакты населения бондарихинской культуры с белозерцами, относящимися к иранскому этносу [22, с. 152]. Этот процесс, видимо, проходил более интенсивно в скифское время. Если на всей территории Днепро-Донского междуречья получают распространение такие элементы скифской культуры, как предметы вооружения, конской упряжи, изображения в зверином стиле, то на территории Северского Донца близость со Скифией ощущается и в распространении узких длинных могил, в значительной доле западной ориентировки погребенных, обычной для скифов, тогда как в других районах лесостепи преобладает южная. К этому следует отнести и происходящую из кургана у с. Липцы на Харьковщине каменную стелу [42], которые обычны в степи, но не встречаются у лесостепных племен. Таким образом, этническая группа, сложившаяся в скифское время в бассейне Донца, является результатом сложного взаимодействия белозерско-бондарихинского населения и скифов. Прослеживается также в некоторой мере влияние племен Днепровского Правобережья, о котором позволяют говорить находки грибовидных серег, булавок с грибовидными шляпками, а также единичные фрагменты чернолощеной посуды [2, с. 210, 221]

Одна из групп, принявшая участие в формировании общности, — ворсклинская, переселившаяся из Днепровского Правобережья и отличающаяся своей этнической принадлежностью. Чернолощеная керамика Западного Бельска, Лихачевки, Пожарной Балки аналогична жаботинской, генетически связанной с поздней чернолесской, которая по формам, типам и орнаментации посуды обнаруживает близость с сахарнянской [43, с. 72—88]. Как установлено, группа Сахарна—Солончены своим происхождением связана с памятниками типа Бабадаг II в Балкано-Подунавье [43, с. 78; 44, с. 106], относящимися к фракийским культурам. А. И. Мелюкова объясняет близость в орнаментации чернолесской и сахарнянской лощеной керамики не только экономическими и культурными связями, но и проникновением какой-то части фракийского населения на Правобережье Среднего Приднепровья на втором этапе чернолесской культуры [43, с. 87]. Это положение нашло дальнейшее развитие в одной из работ С. С. Березанской, аргументирующей фракийскую принадлежность носителей чернолесской культуры [45]. В настоящее время лингвистическими исследованиями установлено, что достоверные восточнобалканские гидронимы (фракийские, дакийские) встречаются по обоим берегам Среднего Днепра [46, с. 287]. Изучение таких памятников, как Восточное Бельское городище, Полковая Никитовка, Коломак, показывает, что бассейн Ворсклы с середины VI в. до н. э. не отличается от других районов Днепро-Донского междуречья.

В обширной области к северу и востоку от бассейна Ворсклы, вплоть до Дона, в предскифское время занятой бондарихинскими племенами, в незначительной мере прослеживается фракийское влияние чернолесско-жаботинских племен, которое выражается в наличии в Посулье черпаков, корчаг, горшков с ручками-упорами, мисок с подлощенной поверхностью, орнаментированных наколами, проколами и на полом коническом поддоне, а также бронзовых серьги и булавок с грибовидными шляпками [4, с. 139, 166, 167] Правобережное влияние в Посулье проявляется гораздо меньше, чем на Ворскле, но более, чем на Северском Донце. Что же касается скифского влияния, то оно более всего ощущается на Среднем Дону и проявляется в формах и орнаментации посуды, незначительном количестве фрагментов горшков, украшенных проколами.

Самую северную группу на границе с Полесьем составляют памятники Сейма. Здесь полностью отсутствуют фрагменты чернолощеной посуды. В кера-

мике проявляется влияние юхновской культуры: некоторые сосуды, по форме типично юхновские, орнаментированы защипами и насечками в сочетании с проколами или наколами [32, с. 57]. На поселении Марица обнаружена значительная коллекция бронзовых булавок [32, с. 79]. Их типы находят ближайшие аналогии среди памятников Среднего Поднепровья и Поворсклья [47, с. 8,84].

Таким образом, основа, на которой складывались этнические группы междуречья Днепра и Дона, была местной, в большинстве локальных групп ее основу составляли носители бондарихинской культуры, подвергнувшиеся скифскому влиянию, но в каждом регионе проявляются и определенные особенности, а также различная степень скифского влияния. Более всего оно выражено в бассейне Северского Донца и в поздних памятниках Среднего Дона, меньше — в Поворсклье и еще менее в бассейне Сейма. Наряду с этими двумя компонентами — бондарихинской основой и скифским влиянием — четко обозначаются элементы чернолесско-жаботинского происхождения, наиболее полно представленные на ряде памятников Поворсклья, а также в незначительной мере в Посулье и очень слабо — на Сейме и Северском Донце. Отдельные элементы культуры Посулья связаны с Прикубаньем (зеркала с центральной ручкой, навершия [48, с. 155; 49]). Некоторые мотивы звериного стиля находят прототипы в Передней Азии (свернувшийся в кольцо хищник, лев с подогнутыми ногами, пантера [50, с. 39]). Помимо этого донская группа испытала влияние со стороны савроматских племен — здесь получили распространение железные наконечники стрел и зооморфные крючки. Последние встречаются также и у ананьинцев.

Идентификация локальных групп с определенными племенами, сведения о которых содержатся у Геродота, представляет значительные трудности в связи с противоречивостью некоторых сообщений «отца истории» и нерешенностью вопросов исторической географии. Мы присоединяемся к точке зрения Б. А. Шрамко, помещающего будинов на территории от Среднего Дона до Днепра [10, с. 158] С меланхленами он отождествил памятники донецкой локальной группы [2, с. 234], это мнение поддерживал и Б. Н. Граков [51, с. 160]. Есть и иные точки зрения [52, с. 350—352], на анализе которых не позволяют остановиться ограниченные размеры статьи. Памятники среднего течения Ворсклы принадлежали гелонам, о вторжении которых в земли будинов сообщил Геродот [34, кн. IV, *108*] Это согласуется с проникновением в Поворсклье группы племен с днепровского Правобережья [3, с. 173]. Особый характер Бельского городища, его огромные размеры и сложные оборонительные сооружения с деревоземляными конструкциями, особенности материальной культуры Западного и Восточного укреплений позволили Б. А. Шрамко аргументированно доказать, что это остатки Гелона, обитателями которого были будины и гелоны [10].

Значительные трудности вызывает локализация андрофагов, о которых Геродот писал, что они живут за пустыней, расположенной выше области скифов-земледельцев [34, кн. IV, *18*] и являются восточными соседями невров (Herod., IV, 102). В настоящее время невров размещают в бассейне Припяти и верховьев Днепра [13, с. 169—170; 53, с. 148] Что же касается скифов-земледельцев, то Геродот вполне определенно писал, что они жили за Борисфеном к северу от Гилеи и «эта земля простиралась на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену» (Herod., IV, 18). Несмотря на довольно четкие свидетельства Геродота, скифов-земледельцев искали и на левом, и на правом берегу Днепра [52, с. 234, 235] Обратив внимание на отсутствие ранних поселений на Нижнем Днепре, которые могли быть оставлены оседлыми земледельцами, В. А. Ильинская поместила их в Посулье и на Северском Донце [54, с. 37] Такая локализация явно противоречит Геродоту, отмечавшему, что эти племена живут за Борисфеном и «населяют землю к востоку на протяжении трех дней пути» [34, кн. IV, *18*], т. е. их владения простираются к востоку от Днепра на 105—126 км, тогда как памятники Северского Донца находятся отнюдь

не на Днепре. В связи с этим значительный интерес представляет предположение В. И. Абаева о том, что в действительности скифы-земледельцы были скотоводами, а под греческим словом γεωργοί скрывается местное скифское название «gauvarga», которое переводится «почитающие скот» (gau̯-) [55] Область, где могли обитать скифы-земледельцы Геродота, — эта террасовая лесостепь вдоль Днепра, археологические материалы которой свидетельствуют об отсутствии следов прочной оседлости [4, с. 173] Обнаруженные здесь курганы, датируемые V и IV вв. до н. э., по обряду погребения и составу инвентаря не отличаются от степных могил и свидетельствуют о том, что скифы освоили эти земли как постоянные кочевья [26, с. 308] Самые северные памятники раннего железного века обнаружены у Киева [4, с. 173] Далее к северу и северо-востоку они отсутствуют, т. е. эта территория была не заселена, представляя собой «пустыню» Геродота, за которой жили андрофаги. К северо-востоку от террасового Приднепровья компактной группой расположены памятники Посеймья, которые вполне можно соотнести с андрофагами Геродота. Он называет их номадами, но, видимо, понятие «номады» у античного историка имело более широкое значение, чем «кочевники». Так, номадами он называет и будинов, обитавших в лесистой зоне, что само по себе совершенно несовместимо с кочевым образом жизни [53, с. 156] Л. А. Гиндин обнаружил строгое распределение между οἰκέω и νεμομαι в этнографических описаниях Геродота. Глагол οἰκέω, означающий тип хозяйствования, сходный с греческим, употреблен при описании гелонов, невров, меланхленов и андрофагов, тогда как νεμομαι (жить, обитать, добывая средства к существованию иными, чем привычные грекам, формами ведения хозяйства) — при описании скифов-земледельцев, будинов и савроматов [56] Так что и лингвистические данные подтверждают хозяйственную близость андрофагов, гелонов и меланхленов. Заслуживает внимания свидетельство Геродота о том, что язык у андрофагов «свой собственный» [34, кн. IV, 106] Лингвистическим анализом гидронимов установлено присутствие на Сейме волжско-финских названий [57, с. 242]

Таким образс представляется возможным ворсклинскую, донецкую и сейминскую локальные группы рассматривать как памятники племен гелонов, меланхленов и андрофагов, тогда как Посулье, Псел, Средний Дон, верховья Северского Донца и Ворсклы принадлежали большому и многочисленному племени будинов.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что различные по происхождению и этнической принадлежности племена, занимавшие территорию лесостепного междуречья Днепра и Дона, представляли собой историко-этнографическую или культурно-историческую общность, так как в силу сходства социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния у них сложились близкие культурно-бытовые черты, проявляющиеся в материальной и духовной культуре. Существование свое она прекратила с вторжением сарматских племен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
2. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1962.
3. *Ковпаненко Г Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наук. думка, 1967.
4. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
5. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1-31.
6. *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: к постановке вопроса // СЭ. 1955. № 4.
7. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981.
8. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
9. *Моруженко А. А.* Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. // СА. 1985. № 1.
10. *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наук. думка, 1987
11. *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. 1973. № 4.
12. *Петренко В. Г* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. 1967. Вып. Д1-4.
13. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.
14. *Алихова А. Е.* Древние городища Курского Посеймья // МИА. 1962. № 113.
15. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
16. *Моруженко А. О.* До питания про господарські споруди скіфської епохи // Вісник ХДУ 1966. № 17. Іст. сер. Вип. 1.
17. *Юл Д. Э., Кендэл М. Д.* Теория статистики М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960.
18. *Буйнов Ю. В.* Могильники бондарихинской культуры // Всесоюзная археологическая конференция: Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тез. докл. Баку, 1985.
19. *Башилов В. А.* Курганы с трупосожжением у с. Мастюгино // СА. 1963. № 2.
20. *Берестнев С. И.* Срубная культура лесостепного левобережья Украины: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1983.
21. Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
22. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
23. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). Киев: Наук. думка, 1975.
24. *Ковпаненко Г Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наук. думка, 1981.
25. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. № 4.
26. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
27. *Мозолевский Б. Н.* К вопросу о скифском Герросе // СА 986. № 2.
28. *Шрамко Б. А., Янушевич З. В.* Культурные растения и // СА. 1985. № 2.
29. *Шрамко Б. А.* Господарство лісостепових племен на терри Україні (VII—III ст. до н. э.) // УІЖ. 1971. № 1.
30. *Барцева Т. Б.* О химическом составе металла наверший скифского времени // СА. 1980. № 3.
31. *Пузикова А. И.* Поселения Среднего Дона // МИА. 1969. № 151.
32. *Пузикова А. И.* Марицкое городище в Посеймье. М.: Наука, 1981.
33. *Шкурко А. И.* О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
34. *Геродот.* История / Пер. Стратановского Г А. Л.: Наука, 1972.
35. *Бойко Ю. Н.* Системный подход к изучению общественного развития населения днепровского Левобережья в VII—III вв. до н. э. // Вестн. ХГУ 1985. № 268.
36. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
37. *Ильинская В. А.* О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра // КСИИМК. 1957. Вып. 70.
38. *Буйнов Ю. В.* Бондарихинская культура: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.: 07.00.06. Киев, 1981.
39. *Нейхардт А. Л.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982.
40. *Буйнов Ю. В.* Поселения бондарихинської культури // Вісн. ХДУ 1979. № 182. Істор. Вип. 11.
41. *Буйнов Ю. В.* Про господарство племен бондарихинської культури // Вісн. ХДУ 1980. № 201. Істор. Вип. 12.
42. *Берестнев С. И., Буйнов Ю. В., Дьяченко А. Г., Шрамко Б. А.* Работы новостроечной экспедиции Харьковского университета // АО—1978. М., 1979.
43. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
44. *Смирнова Г И.* О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна — Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Медвинцы на Днестре) // СА. 1977. № 4.
45. *Березанская С. С.* Об этнической принадлежности племен чернолесской культуры // Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М.: Наука, 1985.

46. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережья Украины. М.: Наука, 1968.
47. *Петренко В. Г* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. // САИ. 1978. Вып. Д4-5.
48. *Смирнов К. Ф.* Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964.
49. *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники // Археологія. 1963. Т. 15.
50. *Шкурко А. И.* Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. 1969. № 1.
51. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
52. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982.
53. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
54. *Іллінська В. А.* Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? // Археологія. 1970. Т. 23.
55. *Абаев В. И* Геродотовские Skuthai georgoi // ВЯ. 1981 № 2.
56. *Гиндин Л. А.* Членение скифских племен по данным лингво-филологического анализа // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: лингвистика, история, археология. М.: Наука, 1984.
57 *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

A. A. Moruzhenko

THE HISTORICAL AND CULTURAL ENTITY OF THE FOREST-STEPPE TRIBES IN THE DNIEPER AND DON INTERFLUVE DURING THE SCYTHIAN TIME

Summary

In the first millennium B. C. the forest-steppe belt between the Don and the Dnieper was populated by the tribes of different origins and ethnic affiliation. They all came here because the region's natural and geographical conditions were best suited for producing economy. The archaeological sites (both settlements and burials) exhibit some shared features. The latter were the result of constant interaction and close contacts of the tribes that lived here and indicate that by the early Scythian period a historical and cultural entity began shaping itself. Several contributing factors can be named: the economic, social, political and ideological. Judging by the archaeological material, in the 7th-3rd centuries B. C. population groups of different origin had already been shaped into a historical-ethnographic or cultural-historical entity. They were drawn together by similar social and economic advance, the long-standing ties and mutual influence. Besides, they shared many cultural traditions and life-styles evident in the material and spiritual culture. The Sarmatian invasion put an end to these developments.

А. В. САЗАНОВ

О ХРОНОЛОГИИ БОСПОРА РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

Проблемы, связанные с раннесредневековой хронологией,— одни из самых дискуссионных. В предшествующей статье нами рассмотрены комплексы двух эталонных памятников Боспора позднеантичного времени — Тиритаки и Зенонова Херсонеса. Оказалось, что их слои и комплексы, отнесенные ранее исследователями к III—IV вв. н. э., датированы неверно. Анализ материала с привлечением широких аналогий Средиземноморья и Северной Африки позволил передатировать эти слои рубежом IV—V — второй четвертью VI в. н. э.; слой же разрушения, связанный со внезапным нападением, относится ко второй четверти VI в. н. э. [1].

Данная статья посвящена хронологии датирующего материала и синхронизации слоев городов и поселений Боспора IV—VI вв. н. э. Для обоснования такой синхронизации суммируем ранее рассматривавшиеся вещи в список признаков. При определении дат и их уточнении мы привлекаем хорошо датированные комплексы Ильичевского городища [1], Херсонеса, Драндского храма, крымских и кавказских могильников, городов античного Средиземноморья и Причерноморья.

Признак 1 (табл. 1, *1*; 2, *1*; 3, *1*; рис. 1, *1*). Круглодонные коричневоглиняные амфоры сиро-палестинского производства, относящиеся к первому варианту типа 8 по А. Л. Якобсону [2, с. 12, 13, рис. 2, *4*], типу 6 по К. Скорпану [3, с. 273, рис. 9, *3*, *4*], типу VI по классификации Г Кузманова 1973 г. [4, с. 16], соответствующему типу III по классификации того же автора 1985 г. [5, табл. 4, А *29*—А *31*], типу I В—С по Дж. Рили [6, с. 26, 27, № 3], типу 4 по херсонесской классификации [7, с. 84, рис. 4], типу 5 по классификации амфор Драндского храма [8, с. 195, 196, рис. 2, *5*].

А. Л. Якобсон, приводя амфору на таблице, в подрисуночной подписи датировал ее V—VII вв. н. э. [2, с. 10], однако в описании заметил, что «рассматриваемая форма... античного происхождения. Форма их без существенных изменений перешла в раннее средневековье» [2, с. 13].

Г. Кузманов в 1973 г. относил эти амфоры к IV—VI вв. н. э. [4, с. 16], в 1985 г.— к периоду от 500 до 650 г. н. э. [5, табл. 33]. Авторы херсонесской классификации считали, что амфоры этого типа бытуют с III по VI—VII вв. н. э. [7, с. 84]. К. Скорпан отмечал эволюционную линию этих амфор от II до VI в. н. э. [3, с. 273, рис. 9, *1*—*4*]. Эволюционная схема К. Скорпана убедительна [9, с. 593, *4*—*9*]. Наша амфора с городища Батарейка 2 относится к группе амфор этого типа V—VI вв. н. э. по Дж. Рили (рис. 1, *1*) [6, с. 26, 27, *2*—*3*]. Характерным являются форма корпуса и воротникообразный венчик [8, рис. 2, *5*]

Признак 2 (табл. 1, *2*; 2, *2*; 3, *2*; рис. 1, *2*). Светлоглиняные амфоры с сильно вытянутым корпусом относятся к типу I по А. Л. Якобсону [2, с. 9, рис. 1, *1*], типу IX по Г Кузманову (1973 г.) [4, с. 17], соответствующему типу XI по классификации того же автора 1985 г. [5, с. 17, табл. 7, А *65*—*66*], типу 2 по херсонесской классификации [7, с. 83—84, рис. 3].

---

[1] Автор выражает глубокую благодарность Э. Я. Николаевой за возможность использования материалов Ильичевского городища.

Таблица 1

Взаимовстречаемость вещей (признаков) в комплексах слоев Фанагории и Ильичевки IV—VI вв. н. э.

Раскоп, участок, год	Номер признака																			
	1	2	3	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	21	22	23	24
1 Фанагория																						
а. Северный, 1954, сл. 6						+		+					+			+		+		+		
б. Центральный, 1959—1960, сл. 6						+		+					+			+				+		
в. Юго-восточная окраина, 1960, сл. 9						+		+					+			+	+					
г 1-й юго-западный, 1962, сл. 2						+		+					+			+	+			+	+	
д. 2-й юго-западный, 1962, сл. 2						+		+					+			+				+		
е. Керамик, 1964, сл. 9				+		+		+					+			+	+			+	+	
ж. Центральный, 1972, сл. IV в. н. э.				+		+		+					+			+						
з. Верхний город. 1976, сл. III—IV вв. н. э.					+	+		+		+						+		+		+		
и. Южный город, 1983, сл. 2				+	+	+	+	+			+	+	+			+		+				
к. Южный город, 1985				+	+	+		+								+		+				
2. Ильичевка																						
а. Сл. 3						+		+					+			+						
б. Сл. 4	+	+	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+	+	+			+			+

Таблица 2

Взаимовстречаемость вещей (признаков) в комплексах слоев Кеп, Батарейки 1, Батарейки 2, Красноармейской батарейки, Гермонассы, Патрея IV—VI вв. н. э.

Раскоп, участок, год	Номер признака												
	1	2	4	6	7	8	9	12	13	14	17	18	22	24
1. Кепы														
а. Западный, 1959, сл. 6					+		+	+			+			
б. Западный, 1960, сл. 5			+		+		+	+		+	+			
в. Раскоп «В», 1962, сл. 2					+		+			+	+	+		
г. Раскоп «Л», 1962, сл. первый, нижний					+		+			+	+			
д. Раскоп «И», 1962, сл. третий, верхний					+		+				+			
е. Раскоп «Д», 1962, сл. 1					+		+			+	+			
ж. Раскоп «А», 1966, сл. V			+		+		+				+			
з. Раскоп «М», 1966, сл. III—IV вв. н. э.					+		+			+	+			
2. Батарейка 2														
1965, период 3		+	+		+		+				+			+
3. Батарейка 1														
а. Участок «Б—В», 1963, сл. 4					+		+	+		+	+			
б. Участок «Д», 1963, период 4					+		+	+		+	+			
4. Красноармейская батарейка														
Раскоп «Б», 1962, сл. 4					+		+				+			
5. Гермонасса														
а. Нагорный, 1974, сл. 9—10					+		+				+			

Раскоп, участок, год	Номер признака												
	2	4	6	7	8	9	12	13	14	17	18	22	24
6. Патрей													
а. Восточно-Патрейский, 1965, сл. 4			+		+			+	+				
б. Восточно-Патрейский, 1969—1970, сл. V			+		+			+	+				
7 Пантикапей													
а. Эспланадный, 1948, сл. III—IV вв. н. э.			+		+			+	+		+		
б. Печь, 1931			+		+				+		+		
в. Верхне-Эспланадный, 1953	+		+	+	+				+				
г. Раскоп III, у церкви Иоанна Предтечи, колодец, штык 11		+	+		+		+	+	+				

А. Л. Якобсон датировал амфоры этого типа V—VI вв. н. э. [2, с. 9], Г Кузманов — тем же временем [4, с. 17; 5, табл. 33], авторы херсонесской классификации — V—VII вв. н. э. [7, с. 84].

Изображенная на рисунке амфора с мыса Зюк была найдена в комплексе с краснолаковой керамикой и фибулами второй четверти VI в. н. э.[2] Данный тип амфор известен в комплексах третьей четверти VI и первой половины VII в. н. э. (Ильичевка, Херсонес)[3] Таким образом, дата типа VI — первая половина VII в. н. э.

Признак 3 (табл. 1, *3*; 2, *3*; 3, *3*; рис. 1, *3*). Амфоры с воронковидным горлом, относящиеся к типу VII по К. Скорпану [3, с. 274, рис. 10], типу 10 по А. Л. Якобсону [2, с. 14—15 рис. 2, *7*], типу XIX, по классификации Г Кузманова 1973 г. [4, с. 19], соответствующему типу I варианту 1 по его же корпусу 1985 г. [5, табл. 1, 2]. По херсонесской классификации эти амфоры принадлежат к типам XI—XII [7, с. 87, 88, рис. 12, 13], по Б. Бетгеру — к типу I.1. [10, табл. 17, 18, с. 38—42].

А. Л. Якобсон отмечал, что форма этих амфор была выработана еще в позднеантичную эпоху [2, с. 16]. Он связывает их генетически с амфорами III в. н. э., раннесредневековый тип этих амфор в подрисуночной подписи относит к V—VII вв. н. э. [2, с. 10].

К. Скорпан датирует их IV—VI вв. н. э. [3, табл. 10, с. 274], Г. Кузманов — периодом от 300 до 500 г. н. э. [5, табл. 33], авторы херсонесской классификации — IV—VII вв. н. э. [7, с. 87, 88]

Б. Бетгер прослеживает эти амфоры в Ятрусе от второй половины IV до VII в. н. э., разделяя их по хронологическим периодам А, В, С, Д [10, с. 38—41]

Амфоры с воронковидным горлом, известные в Тиритаке, типологически близки к карфагенской амфоре 525—535 гг. н. э. [11, с. 119, рис. 34, *3*], синхронной амфорам этого типа из слоя периода Д Ятруса. По комплексам Тиритаки и Зенонова Херсонеса они датируются серединой V — второй чертвертью VI в. н. э.

Признак 4 (табл. 2, *4*; 3, *4*; рис. 1, *4*). Узкогорлые светоглиняные амфоры типа Е были выделены Д. В. Деопиком на материалах Танаиса [12, рис. 1, 2, 4, 6, 8]. Появившись в конце IV в. н. э., они существуют в V и начале VI в. н. э. [13, с. 19].

Можно выделить два хронологических варианта этих амфор. Первый вариант характеризуется небольшой шишечкой на донце и ручкой, профилированной двумя сдвинутыми к краю валиками [12, рис. 4, 6, 8] Второй вариант отличает круглое дно, без шишечки, желобчатые ручки. Первый вариант по комплексам

---

[2] Комплексам с городища на мысе Зюк будет посвящена отдельная статья. Данные получены от А. А. Масленникова.

[3] Комплексы Ильичевки — информация Э. Я. Николаевой, Херсонеса — А. И. Романчук и М. И. Золотарева.

Взаимовстречаемость вещей (признаков) в комплексах слоев Тиритаки, Зенонова Херсонеса, Генеральского городища, Китея IV—VI вв. н. э.

Раскоп, участок, год	Номер признака								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Тиритака									
а. Участок XXV, 1983—1985, сл. 7	+		+	+	+	+	+	+	+
б. Участок XXIV, 1983—1985, сл. 4			+		+		+		+
в. Участок XV, 1939—1947, дом III—IV вв. н. э.			+		+		+		+
г. Участок XIII, 1936, ванны «А»							+		+
д. Участок XIII, 1938, винодельня «Д»							+		+
е. Участок XIV, 1939—1947, дом III—IV вв. н. э.							+	+	+
ж. Участок I, 1935, дом у оборонительной стены					+	+			+
2. Зенонов Херсонес									
С 1978, раскопы I, II, сл. III—IV вв. н. э.		+		+	+	+	+	+	+

Танаиса относится к концу IV — середине V в. н. э., второй — к началу V — второй четверти VI в. н. э. Батарейка 2, Фанагория [13, с. 19; 14, рис. 7, *6*].

Признак 5 (табл. 1, *5*; 3, *5*; 4, *5*; рис. 1, *5*). Светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны относятся к типу 9 по А. Л. Якобсону [2, с. 13, 14, рис. 2, *6*], типам VIII, IX, X по херсонесской классификации [7, с. 86, 87, рис. *9—11*], типу II.1. по Б. Бетгеру [10, с. 45—47, табл. 22], типу VIII, по К. Скорпану [3, с. 277, 278, рис. 12, *1—3*], типу 7, по классификации амфор Драндского храма [8, с. 197, 198, рис. 2, *7*], типам XIII, XIII А по классификации Г Кузманова 1973 г. [4, с. 18], типу XIV, по его же классификации 1985 г. [5, табл. 8—10, 33, с. 18]. А. Л. Якобсон относил время их существования к периоду от IV—V вв. н. э. до VII в. н. э. [2, с. 13, 14], авторы херсонесской классификации — к VI—VII вв. н. э. [7, с. 86, 87], К. Скорпан и А. Радулеску — также к VI—VII вв. н. э. [3, с. 277, 278; 15, с. 109], Г. Кузманов — к IV — началу VII в. н. э. [5, табл. 33, с. 18], Б. Бетгер — к IV—VI вв. н. э. [10, с. 45—47], И. Т. Кругликова — к IV в. н. э. [16, рис. 38, *3*].

Хорошую стратиграфическую колонку этих амфор дает Ятрус [10, табл. 22]. Наиболее ранние экземпляры происходят из слоев периода В — 360—408 гг. н. э. Видимо, это время начала их производства. На Боспоре амфоры с такой морфологией неизвестны. Дальнейшее их развитие демонстрируют амфоры из слоев периода С — 408—450 гг. н. э.

С середины V в. н. э. эти амфоры зафиксированы в комплексах Карфагена и Египта [11, с. 119; 17, рис. 84, *2*]. Ко второй четверти VI в. н. э. относится и амфора из Тиритаки, ошибочно датированная В. Ф. Гайдукевичем, а вслед за ним и И. Т. Кругликовой IV в. н. э. [15, рис. 38, *3*; 18, рис. 150, *1*]. Началом VI в. н. э. датируется амфора с Афинской агоры [19, табл. 32, М *333*]. Второй четвертью VI в. н. э. датируются амфоры из Цибиллиума [20, табл. 24, 25], третьей четвертью VI и первой половиной VII в. н. э. — амфоры из Драндского храма, Ильичевки, Херсонесса, периода Д Ятруса, Язи-Ада [7, с. 86, 87; 8, рис. 2, *7;* 10, табл. 22, *540—542;* 21, рис. 43, 44; 22, рис. 5, *3;* 23, рис. 6*в*, с. 355; 24, рис. 2, *8;* 25, рис. 5, *6*].

Таким образом, светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны, известные в Северном Причерноморье, датируются временем с середины V — второй четверти VI в. н. э. по первую половину VII в. н. э.

Признак 6 (табл. 1, *6*; 2, *6*; 3, *6*; 4, *6*; рис. 1, *6*). Красноглиняные амфоры типа XIII по Г. Кузманову [5, с. 18, табл. 7, А *69*]. Соответствуют типу 2 по А. Л. Якоб-

Таблица 3

Номер признака														
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
1. Тиритака														
+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	
	+		+	+			+					+		
			+	+	+		+	+	+			+		+
			+		+		+							
		+	+				+							
							+							
	+													
2. Зенонов Херсонес														
+	+	+	+	+	+	+	+			+	+			

сону, типу 5 по херсонесской классификации [2, с. 9, рис. 1, *3—4*; 7, с. 85, рис. 6], датируются авторами V—VII вв. н. э.

На Боспоре такие амфоры обнаружены в Тиритаке, Китее, Зеноновом Херсонесе, Ильичевке, Пантикапее, Фанагории. Учитывая комплексы, содержащие амфоры данного типа из Цибиллиума, Бетшеана и Херсонеса, их следует датировать второй четвертью VI — первой половиной VII в. н. э. [20, табл. 33, *2*, *21*, 28, *6*; 26, с. 59, 60, рис. 2, *9*].

Признак 7 (табл. 1, *7*; 2, *7*; 3, *7*; 4, *7*; рис. 1, *7*). Узкогорлые светлоглиняные амфоры типа F по Д. Б. Шелову [13, с. 19]. Датировались концом III—IV в. н. э. или IV в. н. э. [13, с. 19; 27, с. 121, 122]. В целом необходимо отметить, что тип, на наш взгляд, объединяет различные группы амфор, отличающихся друг от друга профилировкой венчика, ручек и ножки. Выделение его в единый тип, видимо, некорректно. В представленном виде он зафиксирован в комплексах от IV до середины V — второй четверти VI в. н. э. [28, с. 114, признак 6; 29, с. 22, рис. 15, *12*, *13*, 20, *1—5*]. Поздние варианты встречены в Тиритаке и Зеноновом Херсонесе в комплексах второй четверти VI в. н. э. Вместе с тем нельзя не отметить, что развитие этих амфор приходится на IV — начало V в. н. э., выпуск их прекращается скорее всего к середине V в. н. э. Присутствие в комплексах второй четверти VI в. н. э. отражает время конца цикла, т. е. период после прекращения их производства.

Признак 8 (табл. 1, *8*; 2, *8*; 3, *8*; рис. 2, *8*). Тонкостенные красноглиняные амфоры типа инкерманской, найденной в погребении 54 этого могильника [27, с. 119], относятся к типу 5 по К. Скорпану [3, с. 272, 273, рис. 7], типу VIII, по классификации Г Кузманова 1973 г. [4, с. 17], соответствующему типу 7, по его же классификации 1985 г. [5, А *39*—А *43*], типу 6, по А. Л. Якобсону [2, с. 11, 12, рис. 2, *2*], типу 4, по Дж. Рили [6, с. 31, *19*], типу 2, по классификации амфор Драндского храма [8, с. 194, рис. 2, *2*], типу 95, по И. Б. Зеест [27, с. 118, 119, табл. XXXVIII, *95*].

И. Б. Зеест датировала эти амфоры IV в. н. э. [27, с. 118, 119], К. Скорпан — IV—VI вв. н. э. [3, с. 272]; А. Л. Якобсон — также IV—VI вв. н. э. [2, с. 12], Г Кузманов — 400—600 гг. н. э. [5, табл. 33]. Дж. Рили датировал такие двуручные амфоры IV — серединой VI в. н. э. [6, с. 31]. Авторы классификации амфор Драндского храма относили их к IV—VI вв. н. э. [8, с. 194].

Выделяются два хронологических варианта: с открытой снизу полой ножкой и двумя ручками — вариант 1 (рис. 2, *8а*, *в*) и со сплошной конической — вари-

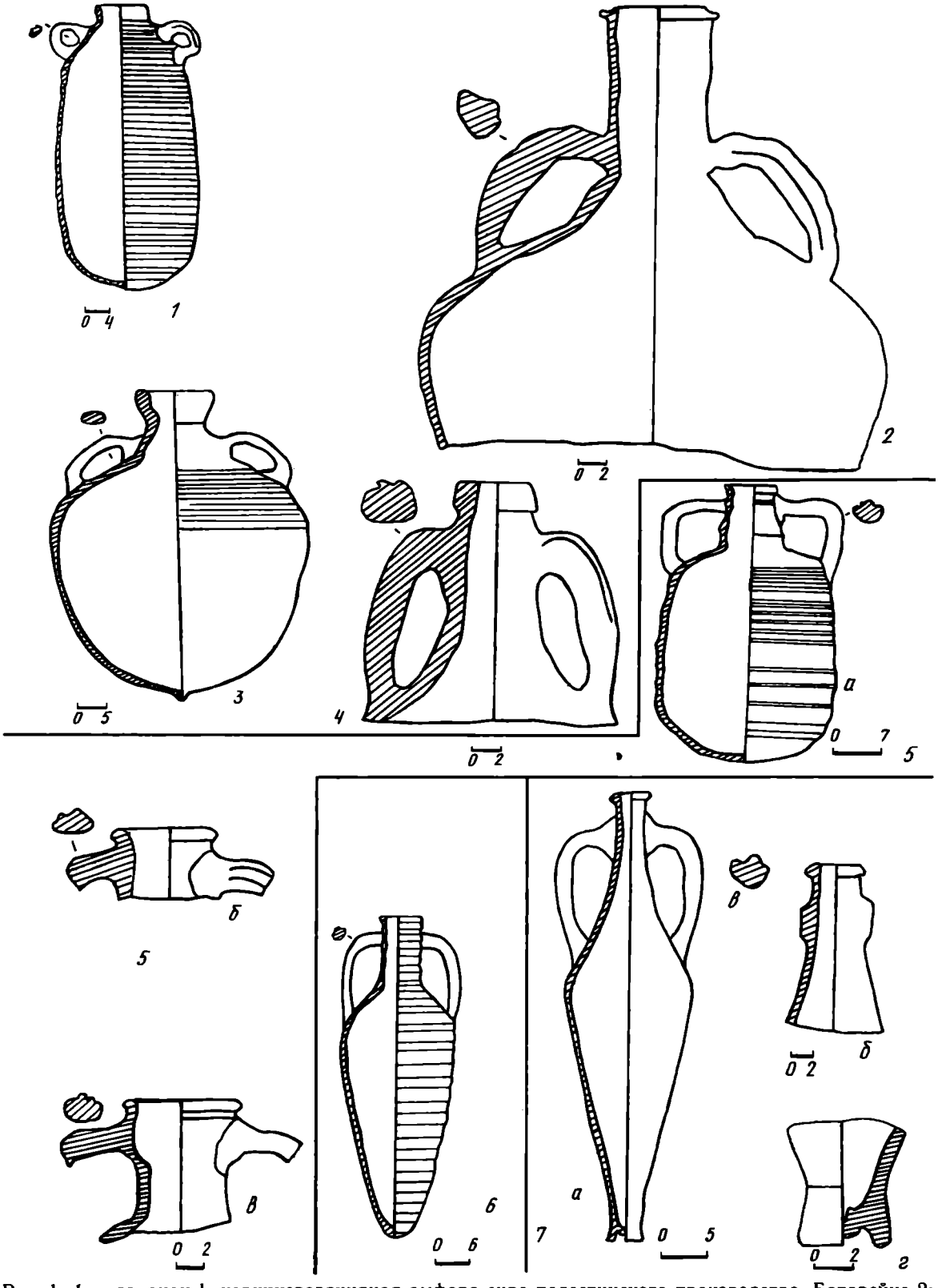


Рис. 1. *1* — признак 1, коричневоглиняная амфора сиро-палестинского производства, Батарейка 2; *2* — признак 2, светлоглиняная амфора с вытянутым горлом, Зенонов Херсонес; *3*— признак 3, амфора с воронковидным горлом, Тиритака; *4* — признак 4, узкогорлая светлоглиняная амфора типа «E», Зенонов Херсонес; *5*— признак 5, светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны: *а* —Тиритака, *б, в* — Зенонов Херсонес; *6* — признак 6, красноглиняная круглодонная реберчатая амфора, Китей; *7* — признак 7, узкогорлые светлоглиняные амфоры типа «F»: *а* — Батарейка 1, *б* — Пантикапей, *в* — Фанагория, *г* — Тиритака

Таблица 4

Взаимовстречаемость вещей (признаков) на городищах Генеральское и Китей

Раскоп, участок, год	Номера признаков											
	5	6	7	9	10	11	12	13	14	17	19	24
1. Генеральское												
1979, сл. III—IV вв. н. э.	+	+		+		+	+	+	+	+	+	+
2. Китей												
Раскоп II, 1957, глубина 0,75—0,80 м			+	+						+		+
Помещение «А», 1970	+		+	+	+					+	+	
Помещение «Г», 1986	+		+	+	+					+		

ант 2 (рис. 2, *8г*, *д*). Хронологическую колонку дает Афинская агора [19, табл. 41].

Первый вариант появляется в конце IV в. н. э. в слое 9 Афинской горы [19, с. 83, 110, М *275—277*, *282*]. К этому же времени относится и инкерманская амфора [27, табл. XXXVIII, *95*]. Слой III Афинской агоры также подтверждает появление этих амфор не ранее последней четверти IV в. н. э., а наиболее достоверно — с конца IV в. н. э. [19, с. 73, 74, 79, табл. 17, L, *51*] Существование амфор варианта 1 в V в. н. э. фиксируют комплексы Карфагена, Тиритаки, Сучидавы [11, с. 121; 30, с. 271]. В начале первой половины VI в. н. э. происходит смена ножек — из полой, открытой снизу, ножка становится сплошной конической, т. е. появляется вариант 2.

Такую смену фиксирует слой XII Афинской агоры, который датируется началом VI в. н. э., а также постройка 2 на участке XXV в Тиритаке и комплексы Зенонова Херсоноса, где оба варианта ножек обнаружены в комплексах, погибших во второй четверти VI в. н. э. Начиная со второй четверти VI в. н. э., во второй половине VI в. н. э. существует второй тип этих амфор — со сплошной конической ножкой [3, табл. 7, *6*, с. 509; 11, с. 121]. Ко второй половине VI в. н. э. относятся их находки в Диногетии [3, табл. 7, *6*], слое XIII Афинской агоры [19, табл. 119, М *373*], Драндском храме [8, с. 194], Чернореченском могильнике [31, с. 119, рис. 4, *1*; 32], Варне [5, с. 14, А *39*, А *41*, А *43*], Балчике, Ильичевке, к первой половине VII в. н. э. — кораблекрушение в Язи-Ада [23, с. 509, рис. 2] Таким образом, первый вариант этих амфор датируется концом IV — второй четвертью VI в. н. э., второй — началом VI — первой половиной VII в. н. э., в первой половине VI в. эти варианты сосуществовали, находясь на разных стадиях циклов.

Признак 9 (табл. 1, *9*; 2, *9*; 3, *9*; 4, *9*, рис. 2, *9*). Большие красноглиняные амфоры типов 96 и 97 по И. Б. Зеест, были датированы на основании находок в пантикапейской печи в 1931 г. [27, с. 119, 120]. Однако при раскопках этой печи была найдена краснолаковая миска группы «Поздний римский С» формы 3, датирующаяся 450—460 гг. н. э. [33, рис. 11; 34, с. 70—71; 35, с. 334, № 32 — форма 3, с. 336, 337].

В комплексе постройки 2 на участке XXV Тиритаки эти амфоры встречены с материалами второй четверти VI в. н. э., аналогичный комплекс содержит и Зенонов Херсонес. Кроме того, в Тиритаке они известны и в комплексах третьей четверти VI в. н. э. (участок XXV, постройка 1), в Ильичевке они являются постоянной находкой в комплексах третьей четверти VI в. н. э.

Амфоры этого типа встречены на всех рассматриваемых памятниках Боспора и представляют собой яркий образец местной продукции. Печи для обжига раскопаны в Пантикапее и Фанагории [14, 33]. Метрологически — вариант амфор «припонтийского стандарта» [3, рис. 25, *4*].

В целом весь этот тип амфор следует датировать концом IV — началом V — третьей четвертью VI в. н. э., в VII в. н. э. они не заходят.

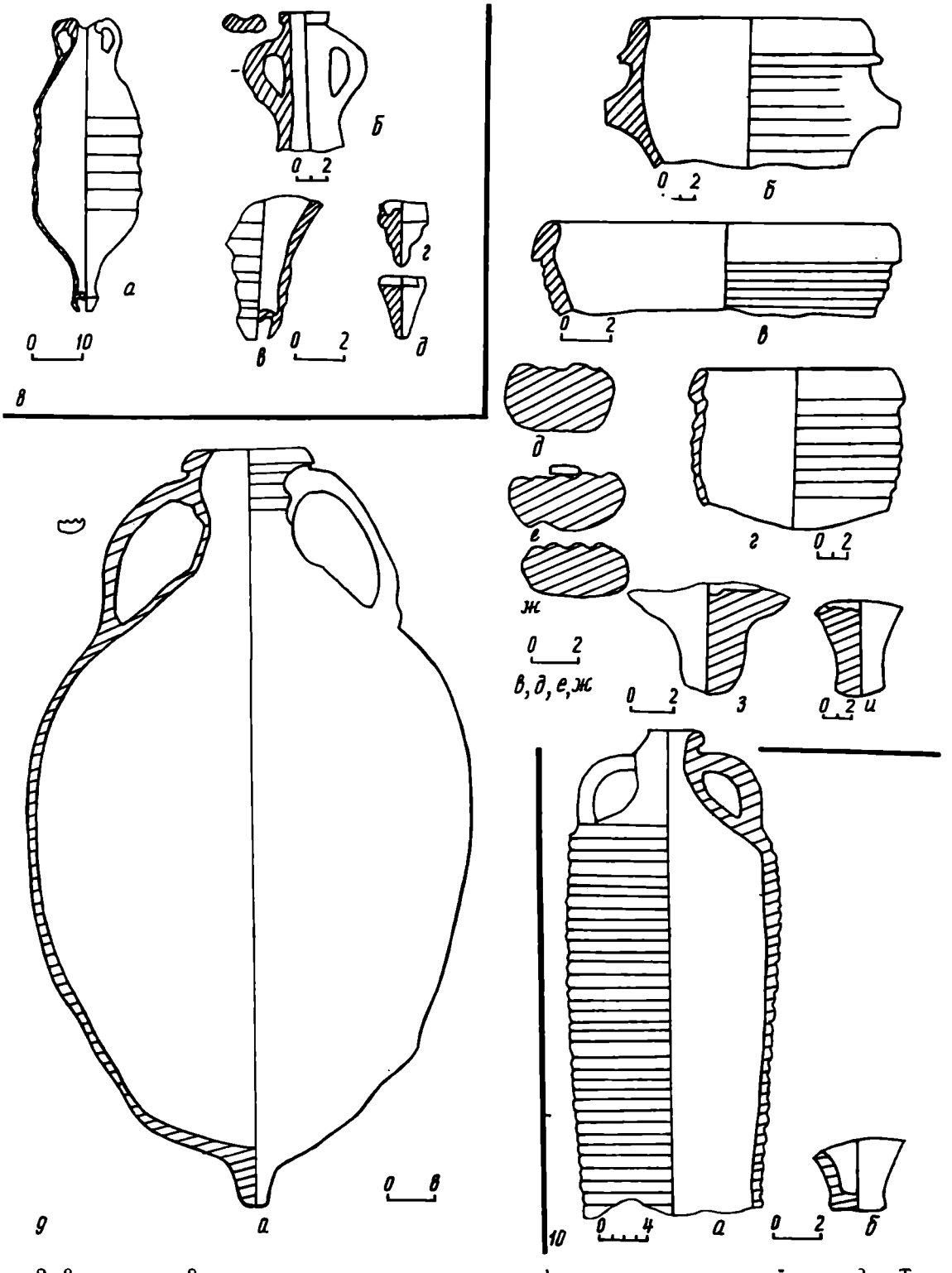


Рис. 2. *8*— признак 8, тонкостенные красноглиняные амфоры типа инкерманской: *а, в, д* — Тиритака, *б, г* — Зенонов Херсонес; *9*— признак 9, тонкостенные массивные красноглиняные амфоры типов 96—97 по И. Б. Зеест: *а* — Ильичевка, *б, г* — Зенонов Херсонес, *д, в, е—з* — Тиритака, *и* — Фанагория; *10*— признак 10, красноглиняные амфоры с веретенообразным корпусом: *а* — Китей, *б* — Тиритака

Признак 10 (табл. 1, *10*; 3, *10*; 4, *10*; рис. 2, *10*). Небольшие красноглиняные амфоры с веретенообразным корпусом, отнесенные И. Б. Зеест к IV в. н. э. [27, с. 120, табл. XXXIX, *98*]. Раскопки Ятруса и ряда других болгарских памятников позволяют датировать этот тип амфор первой половиной V — первой половиной VII в. н. э. [5, с. 21; 10, табл. 26].

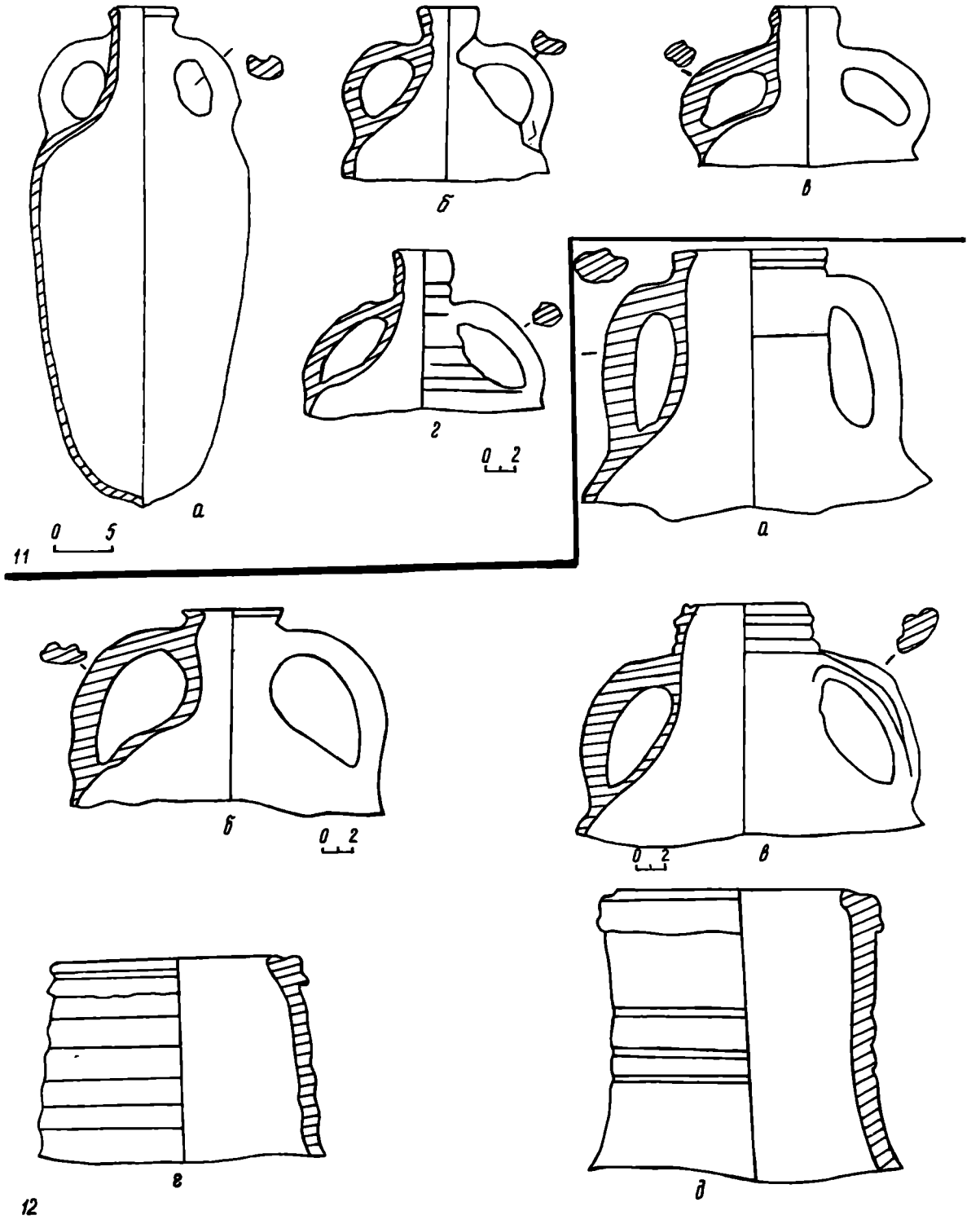


Рис. 3. *11*— признак 11, красноглиняные амфоры с вытянутым корпусом: *а* — Китей, *б—г* — Зенонов Херсонес, *12*— признак 12, красноглиняные амфоры типа Делакеу: *а—в* — Зенонов Херсонес, *г, д* — Тиритака

Признак 11 (табл. 1, *11*; 3, *11*; 4, *11*; рис. 3, *11*). Круглодонные амфоры с вытянутым корпусом, относящиеся к типу 99*а* по классификации И. Б. Зеест [27, с. 120, табл. XXXIX, 99*а*, *б*], типу 6, по херсонесской классификации [7, с. 85, рис. 7]. И. Б. Зеест датировала их IV в. н. э. Одна амфора в книге И. Б. Зеест происходит из коллекции И. Е. Забелина, вторая — с Эспланадного раскопа 1945 г. Однако дата IV в. н. э. для этих амфор ошибочна. Их нет в слоях и комплексах IV и даже V в. н. э.

Самые ранние их находки в комплексах Тиритаки (участок XXIV) и Зенонова Херсонеса датируются второй четвертью VI в. н. э. В Ятрусе эти амфоры известны только в слое 2, датирующемся 530 г.— концом VI в. н. э. [36, с. 279, табл. XIV, *48*]. В Ильичевке они — массовые находки в комплексах, относящихся к гибели крепости в третьей четверти VI в. н. э. [37, с. 59, альбом, рис. 31, *а, б* — тип V] В Тиритаке подавляющая часть находок этих амфор также в слое третьей четверти VI в. н. э.

В Херсонесе при раскопках 1936 г. в колодце «Б» такие амфоры были найдены вместе с восемью монетами императора Юстиниана I и краснолаковой керамикой с клеймами третьей хронологической группы по Дж. Хэйсу (470—580 гг.) [38, с. 212] В цистерне 92 и колодце в северо-восточном районе (1-й квартал) такие амфоры обнаружены с керамическим и нумизматическим материалом первой половины VI в. н. э.[4] [7, с. 85, рис. 7]. На поселении «Зеленый мыс» в Восточном Крыму амфоры этого типа были найдены в комплексе с краснолаковой керамикой, среди которой наиболее поздней была миска группы «Африканские краснолаковые сосуды» с клеймом стиля Е II, датирующимся 530—600 гг. н. э. [35, с. 285, табл. 51, *234*].

Таким образом, общая дата амфор данного типа — VI — первая половина VII в. н. э. и можно уверенно назвать характерным типом VI в. н. э.

Признак 12 (табл. 1, *12*; 2, *12*; 3, *12*; 4, *12*; рис. 3, *12*). Красноглиняные амфоры типа Делакеу относятся к типу 100 по И. Б. Зеест (27, табл. XXXIX, 100), типу 4 по Т. Л. Самойловой [39, с. 263—265], типу 1, по классификации амфор Драндского храма [8, с. 193—194, рис. *2, 1*], типу 9, по Радулеску [15, с. 107, 108, табл. 10, *1—4а*], типу XVII по К. Скорпану [3, с. 283, 284, рис. 23], типами I.6 и III.2 по Б. Бетгеру [10, с. 44, 45, 51], типу 2 по херсонесской классификации [7, с. 83, 84, рис. 3]

И. Б. Зеест, Б. Бетгер, А. Радулеску, А. Л. Якобсон, Т. Л. Самойлова датируют эти амфоры IV—VI вв. н. э. [10, с. 44, 45, 51; 15, с. 107, 108; 27, с. 120, 136; 39, с. 265, 40, с. 126, рис. 2, *3, 4*], авторы херсонесской классификации — V—VII вв. н. э. [7, с. 83, 84], К. Скорпан — V—VI вв. н. э. [3, с. 283, 284], Н. А. Лейпунская — III/IV—VI вв. н. э. [41, с. 76, рис. 3, *3*].

В целом можно выделить три типа данных амфор. В первом и втором типах выделяются два, в третьем — три варианта.

Первый тип характеризуется ребристым горлом и профилировкой венчика с четко выраженным гребнем с ребристым краем [10, табл. 21, *14*, *15*; 27, табл. XXXIX, *100а—г*; 39, с. 264, рис. 4, *1—3*] Вариантообразующий признак — профилировка ручек: с одним валиком (вариант 1) [9, табл. 21, *15*; 27, табл. XXXIX, *100а—г*; 39, с. 264, рис. *1—3*], с двумя или несколькими валиками (вариант 2) [10, табл. 21, *14*]

Для второго типа характерно отсутствие четко выраженного гребня [10, табл. 21, *250*; 42, с. 232] В пределах его — два варианта с теми же типообразующими признаками, что и у первого типа. Третий тип характеризуется сильно вытянутым горлом и иной профилировкой венчика [10, табл. 21, *249*, 28, *334—337*, 564]. Внутри типа выделяются три варианта, из которых два соответствуют вариантам первых двух типов, а третий отличается овальной непрофилированной ручкой [10, табл. 28, *334*]

Наиболее ранние экземпляры амфор Делакеу были найдены в Ятрусе и черняховских памятниках, Тире [10, табл. 21, *14—15*; 43, с. 26, рис. 5, 3; 44, с. 88, рис. 1, *6*]. Большая морфологическая близость с амфорами из Танаиса конца IV в. н. э. [10, табл. 21, *14*; 27, табл. XXXIX, *100б*] позволяет относить их к 360—380 гг. К первой половине V в. н. э. относится амфора из Гусинки [9, табл. 21, *250*; 42, с. 232]

---

[4] Автор благодарит М. И. Золотарева за возможность использования и публикации материалов колодца в 1-м квартале Северо-восточного района Херсонеса.

Типы I и II появляются в 360—380 гг. н. э., тип III — в первой половине V в. н. э. [10, табл. 21, *249*, 28, *334—337*]. Амфоры всех трех типов существуют до третьей четверти VI в. н. э., на что указывают комплексы Херсонеса [7, с. 83, 84, рис. 3; 40, с. 126, рис. 2, 3, 4; 45, с. 114], Ильичевки, Драндского храма [8, с. 193, рис. 2, *1*], Том [3, с. 283, рис. 23, тип XVII], Тиритаки, Фанагории, Ятруса [10, табл. 28, *334—337*, *564*].

Амфоры Делакеу типов I и II, вариантов 1 и 2 встречены в Тиритаке, Зеноновом Херсонесе, Батарейке 1 и ряде других памятников. По комплексам и приведенным аналогиям они датируются концом IV — второй четвертью VI в. н. э.

Признак 13 (табл. 1, *13*; 2, *13*; 3, *13*; 4, *13*; рис. 4, *13*). Коричневоглиняные амфоры с перехватом в том виде, как они представлены у И. Б. Зеест и на наших памятниках [27, табл. XL, 103], относятся к типу XV по К. Скорпану [3, с. 271, 281, рис. 12, *4—6*], типу 7, по А. Л. Якобсону [2, с. 12], типу XI, по классификации Г Кузманова 1973 г. [4, с. 17], соответствующему типу IX, по его же классификации 1985 г. [5, с. 15, 16], типу 1, по херсонесской классификации [7, с. 82—83], типу 6, по классификации амфор Драндского храма [8, с. 195, 197], типу 5, по Ю. Н. Воронову [20, с. 72, рис. 29, 30]. Дата типа, в нашем случае, от конца IV до первой половины VII в. н. э. Не исключено существование этих амфор и во вторую половину VII в. н. э. Экземпляры из Тиритаки, Зенонова Херсонесса, Ильичевки датируются VI — первой половиной VII в. н. э.

Заканчивая с амфорами, необходимо отметить следующее. В книгу И. Б. Зеест и соответственно в статью М. М. Кобылиной о разрушениях гуннов в Фанагории попала амфора причерноморского типа [27, табл. XXXIX, *98б*; 46, рис. 2, *2*, *3*], относящаяся по классификации А. Л. Якобсона ко второму типу этих амфор и датирующаяся VIII—IX вв. н. э. [2, с. 31, рис. 13, *1—3*; 47, с. 129]. Кроме того, в том же слое найден и кувшин с плоскими ручками [46, рис. 2, 4], датирующийся концом VIII—IX в. н. э. [2, рис. 14, *2*]. Все эти находки определяют дату комплекса в пределах IX в. н. э. Приведенный на таблицах более ранний материал второй половины V в. н. э. скорее всего надо расценивать как обычную примесь «снизу».

Признак 14 (табл. 1, *14*; 2, *14*; 3, *14*; 4, *14*; рис. 4, *14*). Краснолаковые миски группы «Африканские краснолаковые сосуды» формы 62В с загнутым внутрь краем, который может быть заостренным (вариант 1) или в виде валика (вариант 2) [35, с. 104, 110, рис. 18, *14*, *15*].

Т. Н. Книпович датировала эти миски III—IV вв. н. э. [48, с. 318, 319, рис. 12, тип 23 (Т)], С. А. Беляев считал, что основная часть их продолжала бытовать и в V в. н. э. [49, с. 32, 33, 34, рис. 1, *3*]. После выхода в свет в 1972 г. книги Дж. Хэйса приходится признать, что типология и датировка, предложенные ранее Ф. Вааге, Т. Н. Книпович, С. А. Беляевым, устарели [35].

Сосуды этой формы Дж. Хэйс датирует 350—425 гг. н. э. [35, с. 109] Они встречены в комплексах второй половины IV в. н. э. в Инкермане [28, с. 105, рис. 1; 29, с. 21, 37, рис. 13, *9*, *11*], комплексах конца IV — середины V в. н. э. в Танаисе [50, с. 43, 44, рис. 1, *1*], в комплексах середины V — второй четверти VI в. н. э. в Тиритаке, Зеноновом Херсонесе, Питиунте [51, с. 36, табл. XXX, *1*] В погребении 43 могильника Цибиллиум 1 миска этого типа обнаружена в погребении второй половины V — первой половины VI в. н. э. [52, с. 150, 152, рис. 17, *2*], в самой Цебельде — в комплексах первой половины VI в. н. э. [20, табл. 99, *24*]. В комплексах Ильичевского городища такие миски засвидетельствованы в третьей четверти VI в. н. э. [37, с. 311, рис. 74*в*] Таким образом, этот тип мисок формы 62В с загнутым внутрь острым краем имеет дату от середины IV до третьей четверти VI в. н. э.

Вариант 2 этой формы (с загнутым внутрь валиком) датируется Дж. Хэйсом тем же временем — 350—425 гг. н. э. [35, с. 109]. В комплексах конца IV — середины V в. н. э. эти миски встречены в Танаисе [50, с. 44, рис. 1, *2—4*], Инкермане [29, рис. 13, *12*], Чернореченском могильнике [31, табл. IV, *8*]. В Фанагорийской могиле 50 миска указанной формы встречена вместе с двухпластинчатой серебряной фибулой группы II Б, относящейся к середине V — началу VI в.

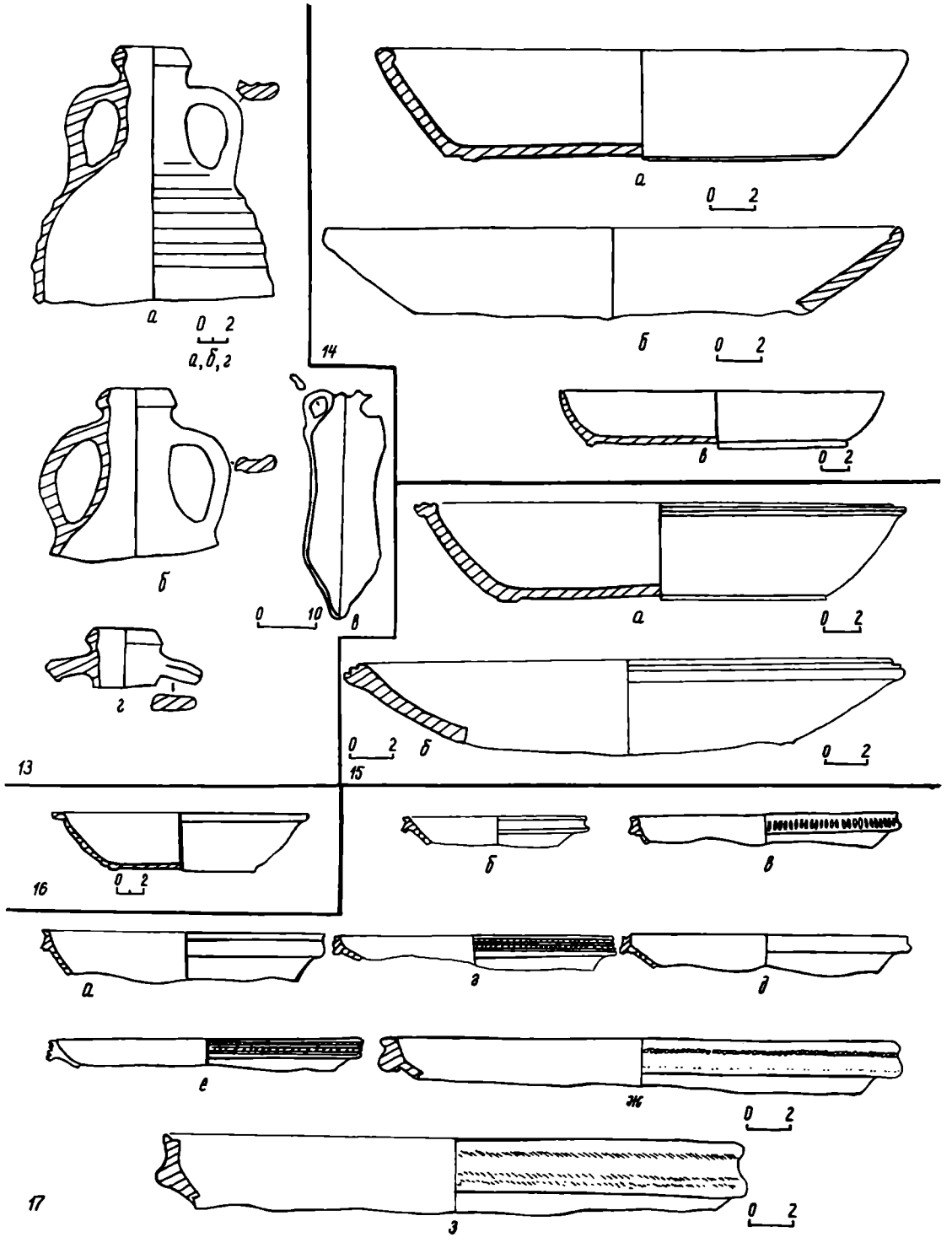


Рис. 4. *13*— признак 13, коричневоглиняные амфоры с перехватом: *а, б, г* — Зенонов Херсонес, *в* — Тиритака; *14*— признак 14, краснолаковые миски группы «Африканские краснолаковые сосуды» формы 62 В по Дж. Хэйсу: *а, в* — Тиритака, *б* — Зенонов Херсонес; *15*— признак 15, краснолаковые миски группы «Поздний римский Д» с зубчатым краем: *а, б* — Тиритака; *16*— признак 16, краснолаковые миски группы «Поздний римский Д» с плоским отогнутым краем, Зенонов Херсонес; *17*— признак 17, краснолаковые миски группы «Поздний римский С» формы 3: *а—е* — Зенонов Херсонес, *ж, з* — Тиритака

н. э. [53, с. 88], краснолаковой миской группы «Поздний римский Д» аналогичной миске из Тиритаки из комплекса на участке XXV, погибшем во второй четверти VI в. н. э. [1; 54, рис. 6, 2]. Эти же две формы мисок встречены вместе в могиле 500 могильника Дюрсо, которая относится к первой трети VI в. н. э. [55, табл. IV, *30*, V, *36*; 56, с. 104). На основании этих находок могилу 50 Фанагории следует датировать не концом IV в. н. э., а серединой V — началом VI в. н. э.

В комплексах второй половины V — первой трети VI в. н. э. миски этого типа найдены в могильнике Дюрсо [55, табл. IV, *30*], Карфагене [11, табл. 21, *65*, 10] Материалы Карфагена показывают, что наибольшее число их приходится на V в. н. э., сами же они существуют до 525 г. н. э. [11, с. 73]. Тип продолжает существовать во второй половине VI в. н. э. К V—VI вв. н. э. относятся миски из Апсилии [20, с. 77, 78, рис. 99, *22*, *26*, *27*], ко второй — третьим четвертям VI в. н. э.— из Тиритаки и Ильичевки [1; 37, альбом, с. 313, рис. 76*а*]. Таким образом, время существования мисок второго варианта формы 62В также охватывает период с середины IV по третью четверть VI в. н. э. Следовательно, миски группы «Африканские краснолаковые сосуды» формы 62В можно датировать этим временем. Они известны на всех рассматриваемых памятниках Боспора.

Признак 15 (табл. 1, *15;* 3, *15;* рис. 4, *15*) Краснолаковые миски группы «Поздний римский Д» с отогнутым зубчатым краем формы 2 по Дж. Хэйсу [35, с. 375, рис. 80, форма 2, *1*].

Появляются начиная с середины V в. н. э. [35, с. 375] Зафиксированы в комплексах середины V — второй четверти VI в. н. э. в Тиритаке [1; 48, рис. 12, *2*], комплексах 500—525 гг. н. э. в Карфагене [11, табл. 16, *37.2*], в могильнике Дюрсо в погребениях, относящихся к концу V — началу VI в. н. э. и второй трети VI в. н. э. [35, табл. 71, *с*, *е*; 56, с. 104, рис. 8, *4*, *5*, *34*; *35*, *37*]. Скорее всего к этим сосудам относятся клейма в виде цветка. В Ильичевке рассматриваемые миски входят в состав комплексов, погибших в третьей четверти VI в. н. э. Этот тип, таким образом, можно датировать серединой V — третьей четвертью VI в. н. э.

Признак 16 (табл. 1, *16*; 3, *16*; рис. 4, *16*). Краснолаковые миски группы «Поздний римский Д» с горизонтально отогнутым плоским краем. Они встречены в крымских могильниках и комплексах второй половины IV в. н. э. [28, с. 115, признак 12; 29, рис. 13, *2*, *4*; 58, рис. 7, *7*; 59, рис. 6, *8*]. Наиболее поздний комплекс, содержащий эти миски,— Ильичевка (третья четверть VI в. н. э.). Тип скорее всего следует датировать концом IV — третьей четвертью VI в. н. э.

Признак 17 (табл. 1, *17*; 2, *17*; 3, *17*; 4, *17*; рис. 4, *17*). Краснолаковые миски группы «Поздний римский С» формы 3 [35, с. 329, 330]. Форма 3 — характерная группа мисок второй половины V — первой половины VI в. н. э. Она составляет примерно 80—90% продукции этого периода [35, с. 336, 337]. В рамках формы 3 выделяются типы A, B, C, D, E, F. Типы A и D не представлены на памятниках Боспора. Тип C, появляясь в 460—475 гг. н. э., доживает до третьей четверти VI в. н. э. [35, рис. 69, форма 3, *25*] (рис. 4, *17, а, б*). Тип B имеет аналогичную датировку [35, с. 337] (рис. 6, *13*, *з*). Тип E относится к концу V — первой половине VII в. н. э. (рис. 4, *17*, в) [25, рис. 8, *3*; 35, рис. 68, *15*, *16*], тип F — VI — первой половине VII в. н. э. (рис. 4, *17*, г, *е*, *ж*) [35, с. 338, рис. 69, форма 3, *25*]. Таким образом, миски группы «Поздний римский С» формы 3 датируются временем от последней четверти V в. н. э. до третьей четверти VI — первой половины VII в. н. э.[5]

Признак 18 (табл. 1, *18*; 2, *18*; 3, *18*; рис. 5, *18*). Краснолаковые миски группы «Поздний римский С» формы 2 [35, с. 327—329]. Дж. Хэйс датировал их временем от 370 до 450 г. н. э. [35, с. 329]. А. И. Айбабин отнес миски этого типа к признаку 27 и датировал их концом IV—VI в. н. э. [28, с. 115, 116]. В склепе 6 могильника «Совхоз 10», склепе 31 Инкермана, склепе 5 Китея, Бичвинте, Танаисе, а также в районе Варны эти миски были найдены с материалами конца IV —

[5] Характерным комплексом первой половины VII в. н. э., содержащим рассматриваемые миски, является колодец в 1-м квартале Херсонеса, исследовавшимся в 1976 г. М. И. Золотаревым.

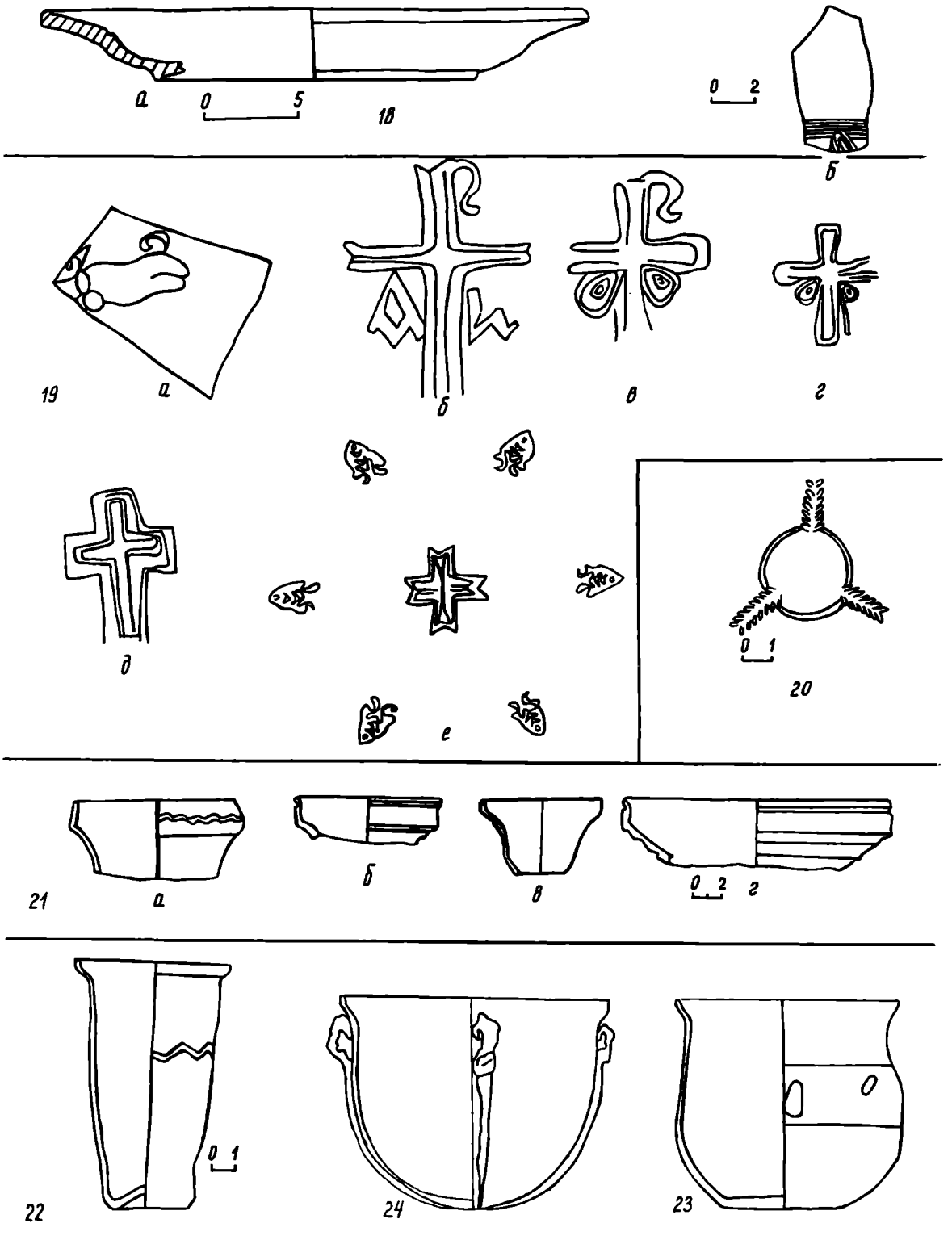


Рис. 5. *18*— признак 18, краснолаковые миски группы «Поздний римский С» формы 2: *а* — Танаис, *б* — Тиритака; *19*— признак 19, клейма на краснолаковых мисках, относящиеся к III хронологической группе Дж. Хэйса: *а, в, г, д* — Зенонов Херсонес, *б, е* — Тиритака; *20*— признак 20, клеймо группы «Африканские краснолаковые сосуды» стиля Е I, Тиритака; *21*— признак 21, краснолаковые чашки с наклонными стенками, Зенонов Херсонес; *22* — признак 22, стеклянные сосуды с каплями синего стекла типа I по Н. П. Сорокиной, Тиритака; *23* — признак 23, стеклянные сосуды с каплями синего стекла типа 2 по Н. П. Сорокиной, Тиритака; *24*— признак 24, лампада с тремя ручками, Тиритака

середины V в. н. э. [29, рис. 13, *3*; 50, с. 45, рис. 1, *5*, *9*; 60, с. 235, рис. 105; 61, табл. 1, *25*; 62, с. 114—117, рис. 4, *7*], с материалами середины V — начала VI в. н. э. в могиле 50 Фанагории [54, рис. 6, *2*], в комплексе второй четверти VI в. н. э. в Тиритаке [1], в могиле, отнесенной ко второй половине VI в. н. э., в Абхазии [62, с. 176, 191, рис. 6, *5*] Таким образом, тип может датироваться периодом с 370-х годов н. э. по вторую половину VI в. н. э.

Признак 19 (табл. 1, *19*; 3, *19*; 4, *19*; рис. 5, *19*). Краснолаковые миски группы «Поздний римский С» формы 3 с клеймами в виде крестов различных типов и животных, относящихся к третьей хронологической группе Дж. Хэйса [35, с. 346—348]. Общая дата этих клейм — 470—580 гг. н. э. [35, с. 349].

В Тиритаке встречены кресты типа греческого монограмматического (рис. 5, *19б*) [34, рис. 78, *g*, мотив 65, *q*, с. 363], простого греческого с радикально расположенными пальметками (рис. 5, *19*, е) [35, рис. 78, 69].

Греческий монограмматический крест по аналогиям и комплексу относится к концу V — третьей четверти VI в. н. э. (рис. 5, *19*, б) [35, рис. 78, мотив 65, с. 363], греческий крест с радикально расположенными пальметками — к последней четверти V — второй четверти VI в. н. э. [35, рис. 78, 69 *q*]. Клеймо с изображением зайца по аналогиям и комплексу датируется концом V — второй четвертью VI в. н. э. (рис. 5, 19, *а*) [35, с. 357, рис. 75, *35*, *в*, *с*; 104; 105, рис. 10, *4*, *4а*; 64, с. 167, рис. 9, *6*]

Крест с орнаментальными подвесками, появляясь где-то на рубеже V и VI вв. н. э., доживает до 580-х годов н. э. [35, с. 349, рис. 76, *67*]. Большое количество клейм найдено в комплексах третьей четверти VI в. н. э. в Ильичевке [65, рис. 1, *1—3*, *6*, *8—17*, 2, *12—14*]

Таким образом, представленная здесь краснолаковая керамика с клеймами третьей хронологической группы Дж. Хэйса, появляясь где-то на рубеже V и VI вв. н. э., доживает до 580-х годов н. э.

Признак 20 (табл. 3, *20;* рис. 5, *20*). Краснолаковые миски группы «Африканские краснолаковые сосуды» стиля Е I с клеймом в виде трех радиально расположенных пальмовых ветвей [35, с. 222, рис. 38 *q*, 17] По комплексу из Туниса датируются 460—475 гг. н. э., но существуют до 500—530 гг. н. э. [35, с. 222] Этому клейму в группе «Поздний римский С» соответствует тип 1 стиля пальмовых ветвей [35, рис. 72, *в*, мотив 1] В Тиритаке указанное клеймо найдено в яме, относящейся ко времени функционирования постройки 2 на участке XXV — середина V — вторая четверть VI в. н. э.

Признак 21 (табл. 1, *21;* 3, *21;* рис. 5, *21*). Краснолаковые чашки с наклонными стенками, генетически связаны с традицией краснолаковых чашек римского времени. Найдены в комплексах IV в. н. э. в Инкермане [29, рис. 7, *1*], Чернореченском могильнике [31, табл. IV, *11*], Кыз-Ауле [54, рис. 4, *2*], склепе 6 у с. Димитрово [59, рис. 6, 1] В комплексе конца IV в. н. э. такая миска найдена в Тире [43, рис. 8, *6*], в комплексе конца IV — начала V в. н. э. в Херсонесе [66, рис. 4, *6—7*], в комплексах второй четверти VI в. н. э. в Тиритаке и Зеноновом Херсонесе, в слое, датированном монетой Феодосия II, в Тропеуме Трояни [67, с. 211, рис. 161, *2, 17*] Таким образом, сам тип чашек следует датировать IV—VI вв. н. э., а не ограничивать их IV в. н. э., как считалось ранее.

Стекло. *Признак 22* (табл. 1, *22;* 2, *22;* 3, *22;* рис. 5, *22*). Стаканы или лампы с каплями синего стекла типа 1 Е по классификации Н. П. Сорокиной, но с несколько иным расположением капель [54, с. 87, рис. 1] Н. П. Сорокина относит сосуды этого типа к концу IV — началу V в. н. э. [54, с. 90] Но, как уже говорилось, приведенный на рисунке тип сосуда несколько отличается от рассматриваемых в статье Н. П. Сорокиной. По комплексу его следует датировать примерно в рамках V — начала VI в. н. э.

Продление датировки типа 1 до середины V — второй четверти VI в. н. э. подтверждается находками в Фанагории в слое с краснолаковыми клеймами конца V—VI в. н. э. [68, с. 55, рис. 1, *3*] и погр. 39 могильника Цибиллиума 1 [52, с. 154, рис. 19, *7*], относящегося ко второй половине V — первой половине VI в. н. э.

Следует отметить дискуссионность датировок [69, 70]. Скорее всего дата Н. П. Сорокиной справедлива для первых трех стадий цикла: времени начала изготовления, максимального пика и времени конца выпуска. Однако известно, что цикл продолжается определенное время после окончания выпуска — время выхода из обращения. Именно этот этап цикла и фиксируют комплексы Фанагории и Цибиллиума.

Признак 23 (табл. 1, *23*; 3, *23*; рис. 5, *23*). Лампы или стаканы с каплями синего стекла типа II по Н. П. Сорокиной [54, с. 90, рис. 1, *8*]. Н. П. Сорокина датировала их также концом IV — началом V в. н. э. [54, с. 90, 99], но отмечала, что один из издателей относит их к VI в. н. э. [54, с. 90]. Специфика приведенной на рисунке формы заключается в орнаментации нитью, а не каплями стекла. Стакан типа II с такой орнаментацией встречен в погр. 517 могильника Дюрсо [56, рис. 10, *23*, *24*]. В этом погребении была найдена миска с клеймом в виде креста, датирующаяся концом V — началом VI в. н. э. [35, рис. 56, *311*]. А. В. Дмитриев отнес это погребение ко второй хронологической группе могильника, датирующейся первой третью VI в. н. э. [56, с. 104].

В Тиритаке такой стакан встречен в комплексе середины V — второй четверти VI в. н. э. Скорее всего данный тип стаканов с нитью сменяет стаканы того же типа, но с каплями синего стекла. Эти материалы позволяют продлить время существования стаканов второго типа с конца IV — начала V до второй четверти VI в. н. э., данный же стакан отнести к середине V — второй четверти VI в. н. э.— заключительному этапу цикла.

Признак 24 (табл. 1, *24*; 2, *24*; 3, *24*; 4, *24*; рис. 5, *24*). Стеклянные шаровидные сосуды с тремя ручками. Известны в Тиритаке [63, рис. 146], Китее [71, с. 89], Пантикапее [72, с. 92], Генеральском городище [72, с. 54], Ильичевке. Представляют собой христианские лампады, подвешивавшиеся к кресту [73, с. 92; 74, с. 20; рис. 10, *1—50*] По указанным выше комплексам датируются временем с конца IV по VI в. н. э.

Рассмотренные материалы, сгруппированные в 24 признака, позволяют пересмотреть существующие даты позднеантичных слоев городов Боспора (табл. 1—4). Для слоя, ранее датировавшегося III—IV вв. н. э., характерен постоянный блок из признаков 7, 9, 17, к которому в разных сочетаниях присоединяются дополнительные признаки. Наиболее часто встречается также признак 14, что позволяет говорить о нем и указанном блоке как устойчивом сочетании. Остальные признаки имеют гораздо меньшую встречаемость и могут быть использованы для уточнения датировки.

Хронология признаков основного блока, характеризующего слои гибели рассматриваемых поселений, дает основание надежно датировать это событие в рамках второй четверти VI в. н. э.— только в это время все вещи, характеризующие основной блок, находились в единовременном употреблении, хотя и на разных стадиях циклов.

Таблица 5

Синхронизация слоев боспорских городов IV—VII вв. н. э.

Памятник, раскоп, участок, год	Слой или объект	Дата слоя		
		конец IV— вторая четверть VI в. н. э.	третья четверть VI в. н. э.	первая половина VII в. н. э.
1.1. Фанагория				
а. Северный, 1954	6,5	———		
б. Центральный, 1959/60	6,5	———		
В7 Юго-восточная окраина, 1960	9	———		
г. 1 юго-западный, 1962	2,1	———		
д. 2 юго-западный, 1962	2,1	———		
е. Керамик, 1964	9	———		
ж. Центральный, 1972	IV в. н. э.	———		

Таблица 5 (окончание)

Памятник, раскоп, участок, год	Слой или объект	Дата слоя		
		конец IV—вторая четверть VI в. н. э.	третья четверть VI в. н. э.	первая половина VII в. н. э.
з. Верхний город, 1976	III—IVвв. н. э.	———		
и. Южный город, 1983	2	———		
к. Южный город, 1985	IV—VIвв. н. э.	———		
1.2. Ильичевка	3,4,5	———	———	———
2.1. Кепы				
а. Западный, 1959	6	———	———	———
б. Западный, 1960	5	———		
в. раскоп «В», 1962	2	———		
г. Раскоп «Л», 1962	1			
д. Раскоп «И», 1962	Третий верхний	———		
е. Раскоп «Д», 1962	1	———		
ж. Раскоп «А», 1966	V	———		
з. Раскоп «М», 1966	III—IVвв. н. э.	———		
2.2 Батарейка 2, 1965	Период 3	———		
2.3. Батарейка 1				
а. Участок «Б—В», 1960—1963	4,5	———	———	———
б. Участок «Д», 1963, период 4	Период 4	———		
2.4. Красноармейская батарейка, раскоп «Б», 1962	4	———		
2.5. Гермонаса				
а. Нагорный, 1974	9—10	———		
б. Северный, 1974	8		———	———
2.6. Патрей				
а. Восточно-Патрейский, 1965	4	———		
б. Восточно-Патрейский, 1969/70	V	———		
2.7. Пантикапей				
а. Эспланадный, 1948	III—IVвв. н. э.	———		
б. Печь, 1931		———		
в. Верхнеэспланадный, 1953	VIII—IX	———		
г. Раскоп III, у церкви Иоанна Предтечи, колодец	Штык 11,10, 9	———	———	———
3.1. Тиритака				
а. Участок XXV, 1983—1985	7,6	———	———	———
б. Участок XXIV, 1983—1985	4,3	———	———	———
в. Участок XV, 1939—1947	Дом III—IVвв. н. э.	———	———	———
г. Участок XIII, 1936	Ванны «А»,	———		
	Базилика		———	———
д. Участок XIII, 1938	Винодельня «Д»	———		
е. Участок XIV, 1946—1947	Дом III—IV вв. н. э., помещение VII		———	———
ж. Участок I, 1935	Дом у оборонительной стены		———	———
3.2. Зенонов Херсонес, раскоп I, с 1978	III—IVвв. н. э.	———		
	IV—VIвв. н. э.		———	———
4.1. Генеральское, 1979	III—IVвв. н. э.	———		
	IV—VIвв. н. э.		———	———
4.2. Китей				
а. Раскоп II, 1957	Глубина 0,75—0,80 м	———		
б. 1970	Помещение «А»	———		
в. 1986	Помещение «Г»	———		

Это позволяет предложить следующую синхронизацию слоев (табл. 5). Приведенная в таблице синхронизация слоев городов и поселений Боспора, ранее датировавшихся III—IV или IV в. н. э., заставляет передатировать их на конец IV — начало V — вторую четверть VI в. н. э. Рассмотрение материалов вышележащего слоя на этих памятниках позволяет синхронизировать их со слоем Ильичевки третьей четверти VI в. н. э. и датировать второй — третьей четвертями VI в. н. э., а не поздним IV в. н. э. или IV—V вв., как это считалось ранее.

Таким образом, при синхронизации выделяются две хронологические группы слоев: слои конца IV — начала V — второй четверти VI в. н. э. и слои третьей четверти VI в. н. э. (576 г.— дата гибели Ильичевского городища). Где-то в пределах второй четверти VI в. н. э. происходит разрушение большей части городов и поселений, связанное с массовыми пожарами в результате вражеского нашествия (события, связанные с Гордом) [47, с. 129]. Некоторые памятники (Танаис, Кучугуры, Горгиппия) не доживают до этих событий. После этого жизнь на некоторых памятниках возобновляется, хотя сами поселения сильно сокращаются в размерах. До событий 576 г. большинство из них не доживает.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1.
2. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
3. *Scorpan C.* Contribution a la connaissance de certains types ceramiques romano-byzantins dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. 1977. T XXI.
4. *Кузманов Г.* Типология и хронология на ранновизантийские амфоры // Археология. 1973. Кн. 1.
5. *Кузманов Г.* Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV — начало VII в.). София, 1985.
6. *Riley J.* The Pottery from the First Session of Excavation in the Caesarea Hippodrome // BASOR. 1975. № 218.
7. *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашуто Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
8. *Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л.* Византийский храм в селе Дранда // Византийский временник. 1984. Т. 45.
9. *Johnson B.* Syro-palestinian Bag-shaped Amphoras in the Athenian Agora and Corinth Collection // Recherches sur les amphores grecques. P., 1986.
10. *Böttger B.* Die Gefasskeramik aus dem Kastell Jatrus // Iatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau. B. 2. B., 1982.
11. *Fulford D., Peacock D.* The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site // Excavations at Carthage. The Britisch mission. V. I, p. 2. Scheffield, 1984.
12. *Деопик Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 1972. № 3.
13. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
14. *Кобылина М. М.* Керамическое производство в Фанагории в IV в. // СА. 1966. № 3.
15. *Radulescu A.* Amfore romane si romano-bizantine din Scythia Minor // Pontica. 1976. T. IX.
16. *Кругликова И. Т* Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966.
17. *Kauffmann K. M.* Die Menasstadt und das Nationalheiligtum des Altchristlichen Aegypter B. I. Lpz, 1910.
18. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. // МИА. 1958. № 85.
19. *Robinson H. S.* Pottery of the Roman Period. Chronology // Athenian Agora. V. 5. Princeton, 1959.
20. *Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.* Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
21. *Николаева Э. Я.* Отчет о работе Ильичевского отряда Таманской экспедиции за 1977 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8392.
22. *Сокольский Н. И.* Ильичевское городище // СА. 1966. № 4.
23. *Bass G. F* Underwater Excavations at Yassi Ada // AA. 1962. Heft 3.
24. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
25. *Кутайсов В. А.* Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1.
26. *Баранов И. А.* Некоторые итоги изучения тюркско-болгарских памятников Крыма // Плиска — Преслав. Т. 2. София, 1981.
27. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1961. № 83.
28. *Айбабин А. И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. № 1.
29. *Веймарн Е. В.* Археологічні роботі в районі Інкермана // АП. 1963. Т. XIII.
30. *Scorpan C.* Ceramica romano-bizantina de la Sucidava // Pontica. 1975. T. VIII.
31. *Бабенчиков В. П.* Чорноріченський могильник // АП. 1963. Т. XIII.

32. *Пудовин В. К.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су // СА. 1961. № 1.
33. *Гайдукевич В. Ф.* Античные керамические обжигательные печи. По раскопкам в Керчи и Фанагории 1929—1931 гг. // ГАИМК. 1934. Вып. 80.
34. *Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
35. *Hayes J. W.* Late Roman Pottery. L., 1972.
36. *Böttger B.* Die Keramikfunde aus dem Kastell Jatrus und ihr entwicklungsgeschichtlicher Zusammenhang mit der spätantiken Keramik der Balkanländes // Klio. 1967. № 48.
37. *Николаева Э. Я.* Боспор после гуннского нашествия: Дис...канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1985 // Архив АН СССР. Р-2, № 2333, 2333*а*.
38. *Белов Г Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938.
39. *Самойлова Т. Л.* Основные типы амфор I—IV вв. н. э. из Тиры // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978.
40. *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья. // СА. 1951. Т. XV
41. *Лейпунская Н. А.* Керамика из затопленной части Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
42. *Сымонович Э. А.* Находка позднеантичной амфоры из Курской области // СА. 1974. № 1.
43. *Кравченко Н. М., Корпусова В. М.* Декіриси матеріальної культури пізнорімської Тирі // Археологія. 1975. № 18.
44. *Рикман Э. А.* Вопросы датировки импорта вещей на памятниках племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // СА. 1972. № 4.
45. *Якобсон А. Л.* Раскопки средневековых слоев Херсонеса // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV.
46. *Кобылина М. М.* Разрешения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
47. *Сазанов А. В.* Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III Конференции молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
48. *Книпович Т Н.* Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
49. *Беляев С. А.* Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
50. *Арсеньева Т. М.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV — начала V в. н. э. // КСИА. 1981. Вып. 168.
51. *Аргба З. В.* Археологические раскопки 1981 г. на территории мыса Пицунда // Археологические открытия в Абхазии 1981—1982 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
52. *Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.* Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. М.: Наука, 1982.
53. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
54. *Сорокина Н. П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4.
55. *Дмитриев А. В.* Отчет о доследовании могильника Дюрсо близ Новороссийска в 1974 г. Ч. 1. // Архив АН СССР. Р-1. № 6290.
56. *Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на реке Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. н. э. М.: Наука, 1982.
57. *Воронов Ю. Н.* Краснолаковая керамика Апсилии IV—VII вв. н. э. // Изв. Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. 1983. Т. XII.
58. *Лобода И. И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963—1965 гг. // СА. 1977. № 4.
59. *Высотская Т. Н., Махнева О. А.* Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев: Наук. думка, 1983.
60. *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
61. *Бердзенишвили К. И.* К изучению краснолаковой керамики Бичвинты // МАГК. 1963. Т. XIII.
62. *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Новые памятники Цебельдинской культуры // СА. 1973. № 1.
63. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
64. *Papuc Gh.* Ceramica romana tirzie cu decor stampilat descoperita le edificivil roman cu mozaic din Tomis // Pontica. 1973. T. VI.
65. *Николаева Э. Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. 1978. Вып. 156.
66. *Рыжов С. Г* Керамический комплекс III—IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев: Наук. думка, 1986.
67 Tropaeum Traiani. Cetatea. V I. Bucuresti, 1979.
68. *Долгоруков В. С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971—1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 143.
69. *Воронов Ю. Н.* К истории экономических связей Апсилии в IV—VII вв. н. э. (привозная стеклянная посуда из Цебельды) // КСИА. 1973. Вып. 138.
70. *Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды IV—V вв. н. э. и хронология цебельдинских могильников // КСИА. 1979. Вып. 158.
71. *Белова Н. С.* Археологические разведки в Китее // КСИА. 1961. Вып. 83.
72. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1901 г. // ИАК. 1903. Вып. 7.
73. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 1985. Вып. 182.

74. *Шамба С. М., Шамба Г. К.* Раскопки древнего Гюэноса // Археологические открытия 1981—1982 гг. в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
75. *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952, 1953 гг. // МИА. 1962. № 103.
76. *Зеест И. Б.* Пантикапейская керамика сарматского времени // МИА. 1957. № 56.
77. *Макарова Т. И.* Отчет о раскопках в Керчи на бывшей Рыночной площади в 1964 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3582.
78. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168.
79. *Кобылина М. М.* Отчет о раскопках Фанагории 1954 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1010.
80. *Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг. // КСИА. 1963. Вып. 95.
81. *Кобылина М. М.* Отчет об археологических раскопках Фанагории 1960 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2333.
82. *Кобылина М. М.* Раскопки Фанагории в 1962 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2490.
83. *Кобылина М. М.* Отчет о раскопках Фанагории в 1964 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2897.
84. *Кобылина М. М.* Отчет о раскопках Фанагории за 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2333.
85. *Долгоруков В. С.* Отчет о работе Фанагорийской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5877.
86. *Николаева Э. Я.* Поселение у д. Ильич // КСИА. 1981. Вып. 168.
87. *Николаева Э. Я.* Ильичевка // Сокольский Н. И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1967 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3482.
88. *Сокольский Н. И.* Отчет о работе Таманской экспедиции ИА АН СССР за 1963 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2733.
89. *Коровина А. К.* Отчет о раскопках Гермонассы-Тмутаракани за 1974 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5528.
90. *Сокольский Н. И.* Отчет о работах Таманской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1965 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3134.
91. *Сокольский Н. И.* Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2524.
92. *Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1.
93. *Сокольский Н. И.* Отчет об археологических раскопках городища Кепы у восточной оконечности Таманского залива в 1959 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1899.
94. *Сокольский Н. И.* Отчет об археологических исследованиях Таманского отряда ИА АН СССР в 1960 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2064.
95. *Сокольский Н. И.* Отчет о работах Таманской экспедиции Института археологии в 1966 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3262.
96. *Сокольский Н. И.* Отчет о работах Таманской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1970 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4251.

A. V Sazanov

THE BOSPORAN CHRONOLOGY IN THE EARLY BYZANTINE TIME

Summary

The author makes the chronology of the main groups of dating material of the 4th-6th centuries more precise. He deals with amphorae, red-figure ware and glass. As a result he shifts the types from the 3rd-4th centuries to the late 4th-second or third quarter of the 4th century. He also provides a correlation table (Table 1) and synchronises the urban layers dated between the 3rd and 4th centuries A. D. (Table 2). He thus changed their dates from the late 4th to the second quarter of the 6th century. He associates them with the time and events of the Hun prince Gord. He also suggests new dates for the complexes and layers of the Bosporan cities of the 4th-7th centuries A. D.

В. И. КУЛАКОВ

ЗНАМЕНА ДРУЖИН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

При раскопках могильника Ирзекапинис (пос. Клинцовка, Зеленоградский р-н Калининградской обл.) в 1978—1979 гг. были сделаны находки, не имеющие пока аналогий в раннесредневековых древностях Восточной Прибалтики. Речь идет о предметах, по форме и изображению на них соответствующих знаменам дружин Скандинавии X—XI вв., до сих пор не подвергавшихся специальному исследованию. В верхнем ярусе погр. 16 (первая половина XI в.) в группе находок, среди которых были меч с остатками портупеи и ножнами, копья, топор, концентрировавшийся у одного из двух обнаруженных здесь скоплений кальцинированных костей, найдена односторонняя железная накладка, плакированная серебром. Форма накладки — сегментовидная. По двум прямым граням накладки прослежены полосы зигзагообразного орнамента. В центре накладки изображен крест (рис. 1, *2*). В нижнем ярусе погр. 64 (последняя четверть XI в.) под группой кальницированных костей рядом с наконечником небольшого дротика на дне могилы найдены остатки куска кожи подпрямоугольной (?) формы с бахромой в виде кожаных лент разной длины с дву- и трехчастными окончаниями (рис. 2). Кроме упомянутого выше скопления костей, в погр. 64 найдены еще две группы остатков сожжения — верхняя, окруженная по периметру согнутым мечом с плакированной серебром рукоятью, и средняя (по глубине залегания), среди костей которой обнаружена бронзовая оковка ритона с зигзагообразным орнаментом. Судя по обряду и набору инвентаря, включавшего мечи и копья с богато орнаментированными, плакированными серебром рукоятями и втулками, погр. 16 и 64 содержат останки вождей дружины пруссов. Высокое социальное положение погребенных подчеркивает наличие в их могилах останков рядовых дружинников, сопровождавших своих вождей на погребальном костре. Следует отметить скандинавский характер инвентаря погр. 16, в верхнем ярусе которого обнаружено большое количество заклепок — остатки сожжения в ладье, производившегося на стороне. Уникальность сделанных в этих погребениях находок вызывает необходимость выяснения их места в знаменном материале раннесредневекового населения Балтийского региона. Несомненно, осмысление символики знамен скандинавов, входивших и в дружины пруссов, позволит несколько дополнить данные современной исторической науки о дружинной культуре Балтийского региона в эпоху раннего средневековья.

Для более полного анализа интересующего нас материала следует сделать краткий обзор вексиллологических данных в древностях народов, населявших центр и север Европы в I тыс. н. э.

Античные авторы уже во II в. до н. э. упоминают знамена кельтов [1, с. 82] Римские монеты II—III вв. н. э. в ряде случаев несут изображения трофеев в честь побед над «варварами». Среди оружия побежденных германских племен представлены изображения штандартов с объемными головами козлов и драконов (квады и маркоманы), лошади (готы) [2, с. 16, 24]. Среди кельтских инсигний, захваченных римлянами, на рельефе из Оранжа представлен штандарт в виде фигуры кабана [3, с. 115]. Кроме того, в I—III вв. н. э., судя по римским рельефам, кельты и германцы использовали штандарты с навершиями в виде рогов и фигурки петуха [3, с. 115, 256] Учитывая глубокий характер контактов

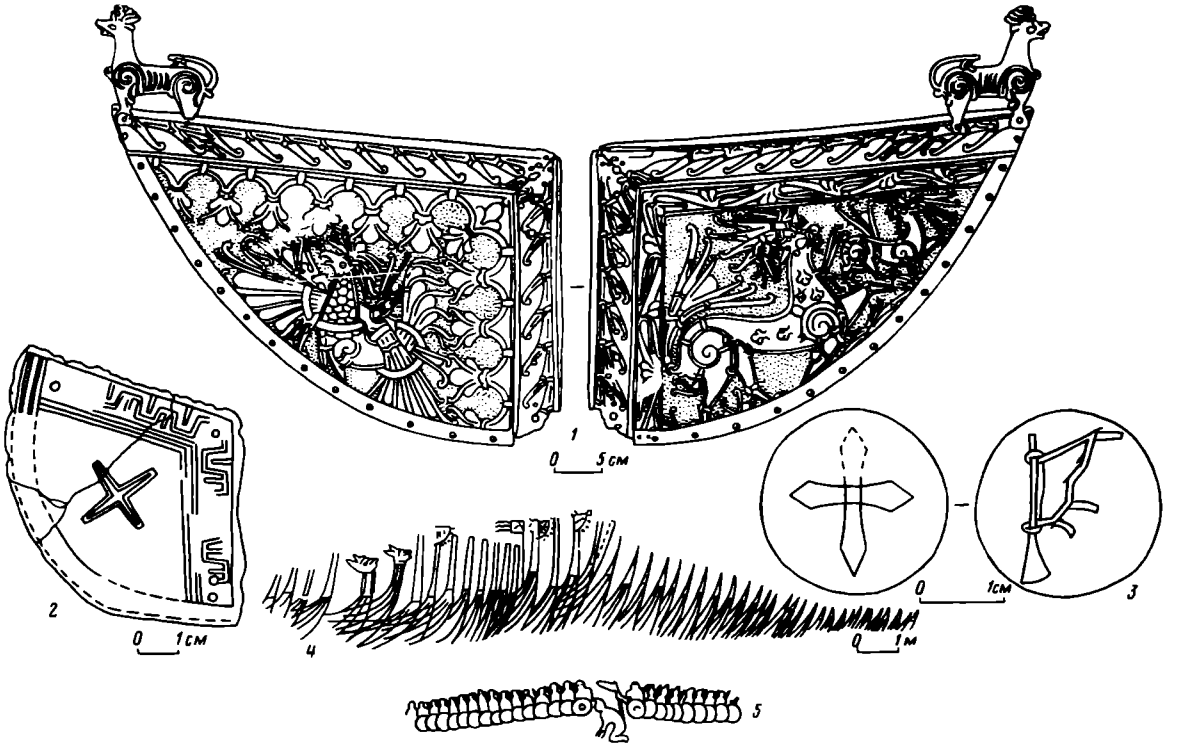


Рис. 1. Знамена типов 1, 2. *1*— знамя из церкви в Хэгген, Норвегия; *2*— накладка «значка» из погр. 16 мог. Ирзекапинис; *3*— граффити на диргеме саманидского эмира Наср ибн-Ахмеда (916/917 гг.) из клада у с. Клейменово, Серпуховского р-на Московской обл. (фонды ГИМ); *4*— прорисовка изображения на костяной пластине из Бергена, Норвегия; *5*— прорисовка рельефа на кресте из Госфорта, Англия. (*1*— позолоченная бронза, *2*— железо с плакировкой серебром, *3*— серебро, *4*— кость, *5*— камень)

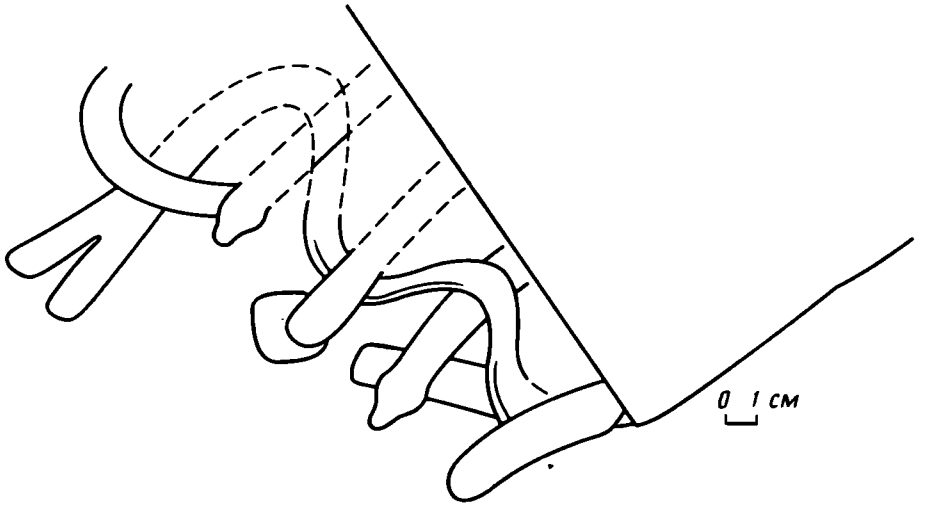


Рис. 2. Фрагмент кожаного знамени типа 2 из погр. 64 мог. Ирзекапинис (положение к моменту находки)

римской и «варварских» культур, вполне возможно признать использование кельтами и германцами также и матерчатых штандартов типа вексиллум, а римлянами — штандартов с навершиями в виде фигур драконов [3, с. 115, 244]. Подобное взаимопроникновение знаменных традиций отмечается прежде всего в кавалерийских формированиях противоборствовавших сторон, охотно пополнявшихся иноземцами. Еще в VII в. н. э., судя по изображению на лангобардском шлеме из Неволе (Тоскана, Италия) [4, с. 25], южные германцы продолжают пользоваться штандартами римского образца. Однако на севере Европы в это время отмечается традиция изображения на знаменах характерных для более раннего времени кабанов и оленей. Бронзовое изображение оленя известно на железном штандарте предполагаемого кенотафа конунга Рэдвальда (ум. в 627 г.)в Суттон Ху. Этот штандарт считается королевской инсигнией англо-саксов [5, с. 130], оленьи рога символизируют здесь сакральный ясень Иггдрасиль. Примерно к этому же времени относится упоминание в поэме «Беовульф» шитых золотом «вепреглавых стягов». По контексту поэмы («вепри-хранители»), по сведениям «Старшей Эдды» [6, с. 257] и Саксона Грамматика [7, с. XLIX], древние германцы, включая и скандинавов, считали вепря животным, посвященным Одину, следовательно, жертвенным животным и оберегом. Из текста «Боевульфа» явствует функция знамени как оберега, охраняющего сокровища исчезнувшего с лица земли рода (дружины?):

«...И там же знамя
стяг златотканый
на крепком древке
над россыпью золота
солнцегорящий,
искусно сшитый,
сиял, озаряя,
чертог обширный,
сокровищ вместилище...» [8, с. 160].

Итак, вооруженные формирования германцев, дружины на последнем этапе разложения родового строя [9, с. 18], имели знамена, которые можно разделить на два архетипа: металлические объемные изображения сакральных (жертвенных) животных, на раннем этапе, возможно, родовых тотемов (кабан, петух, олень и т. д.) и матерчатые штандарты типа римского вексиллума, в ряде случаев несущие также изображение из сакрального бестиария германцев.

Более подробной информацией наука располагает о знаменах скандинавских дружин X—XII вв. По форме «полотнища» знамена можно разделить на два типа.

Тип 1. Бронзовая, позолоченная (в ряде случаев) пластина средними размерами ок. 40×30 см, подвижно прикреплявшаяся к древку короткой стороной. К закругленному краю пластины крепилась бахрома. Верхний край знамени поднимается наискось от древка. Знамена данного типа (дисл. gunnfáni) по пропорциям близки к современному вексиллологическому типу «значок» [10, с. 123] и происходят в основном из средневековых церквей Скандинавии и Англии: Кэллунге, Сёдерала, Швеция, Хэгген [11, рис. 140, 141, 144, 147, 148], Тингельстад, Винчестер [12, с. 152] Знамена типа 1 представлены на костяной пластине из Бергена (рис. 1, *4*), на руническом камне из Спэрлёза (рис. 3, *1*), на ковре из Байё (рис. 3, *3*), а также на граффити диргема из клада в с. Клейменово, Серпуховского р-на Московской обл. (рис. 1, *3*) (рисунок граффити любезно предоставлен мне А. Фоминым). Изображения на знаменах данного типа в основном чеканные, двусторонние. Исключение представляет знамя из Сёдерала (рис. 4, *2*) с ажурным и потому односторонним изображением. Поднятый вверх острый угол «полотнища» у некоторых знамен снабжен для равновесия объемной фигуркой собаки. К знаменам типа 1 относится, судя по форме и пропорциям, и значок (вернее, одна из его пластин) из погр. 16 мог. Ирзекапи-

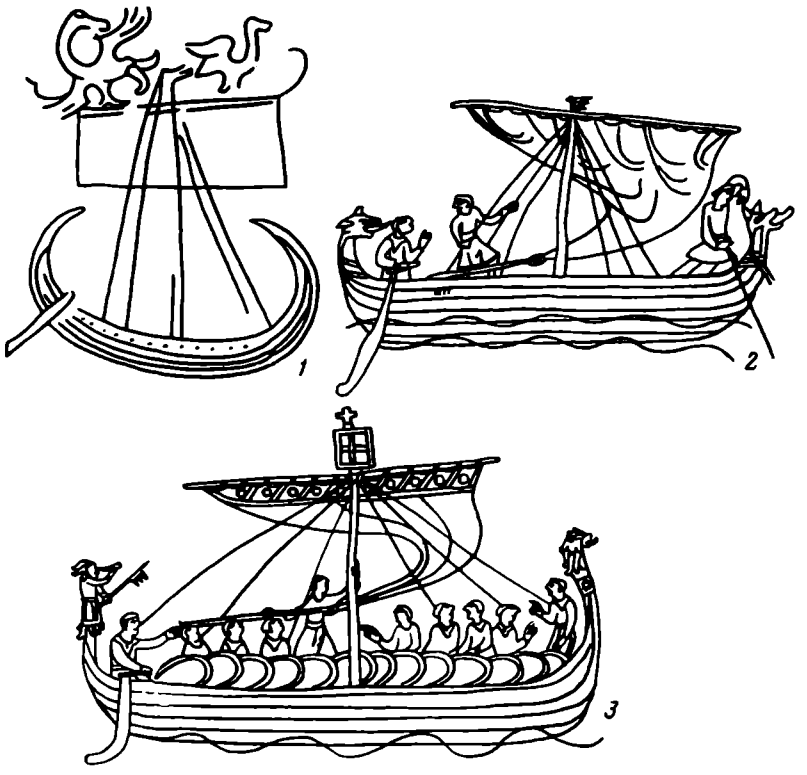


Рис. 3. Изображения знамен на кораблях севера Европы XI—XII вв. *1*— рунический камень из Спэрлёза, Уппланд, Швеция; *2*— корабль норманнских разведчиков сцены 34 ковра из Байё, *3*— корабль Вильгельма Завоевателя сцены 38 ковра из Байё

нис. Изображение креста на этом значке находит аналогию на корабельном знамени пластинки из Бергена.

Тип. 2. Матерчатое или кожаное (?) полотнище с бахромой по противоположному древку краю известно по изображениям на пластине из Бергена, ковре из Байё. По размерам знамена типа 2, видимо, превышали бронзовые «значки». В отличие от роскошно декорированных флагов типа 1, изображения на знаменах типа 2, которые условно можно именовать «вымпелами», нам не известны. Исключение составляют белое знамя Олава Святого с изображением дракона [13, с. 191] и «значок» Вильгельма Завоевателя на ковре из Байё [14, сцена 55] с равносторонним крестом, между лопастями которого помещены небольшие окружности. К знаменам этого типа следует отнести, по-видимому, и знамя из погр. 64 мог. Ирзекапинис (рис. 1, *2*).

Промежуточные типы представлены знаменами с «полотнищами» трапециевидной (разной конфигурации) и полукруглой формы, по очертаниям близкой к форме знамен типа 1. Промежуточные типы включают: бронзовое знамя из Спонга (рис. 5, *1*), граффити на диргеме из клада «неизвестного происхождения» (Восточная Европа) [15, табл. IX, XI], изображения на ковре из Байё (рис. 5, *5*). Подобные флаги, как и знамена других типов, имитируются пластинками из металла (рис. 5, *3, 4, 6*). Знамена промежуточных типов по противоположной древку стороне «полотнища» украшались матерчатой или кожаной бахромой.

Местонахождение во время боя и принадлежность знамен реконструируются следующим образом. Знамена типа 1, судя по изображениям (рис. 1, *4*), находились на мачте или, в одном случае, на форштевне корабля и ставились, скорее всего, на время всего похода. Знамя на диргеме из клада в с. Клейменово, судя по нижней части флагштока, также является форштевневым. Рельеф на кресте из Госфорта, Англия (рис. 1, *5*) — единственный пример использования знамени типа 1 на суше, видимо, в виде штурмового «значка» ступивших на

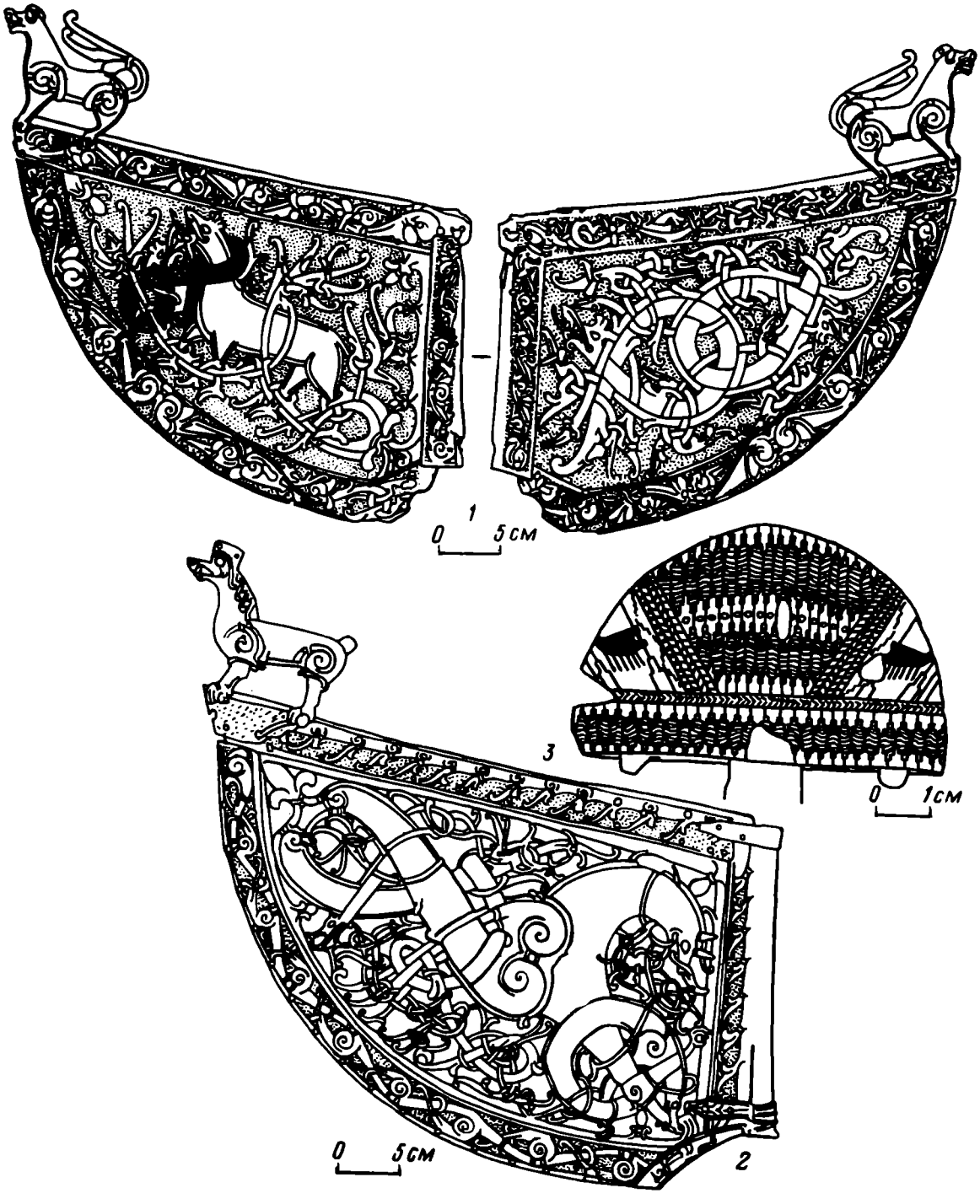


Рис. 4. Знамена типа 1 и их изображения. *1*— знамя из церкви в Кэллунге, о. Готланд; *2*— знамя из церкви в Сёдерала, Хельсингланд, Швеция; *3*— навершие меча из кург./11 мог. Кауп (*1, 2*— позолоченная бронза; *3*— железо, плакированное серебром)

сушу викингов. Знамена типа 2 только на ковре из Байё представлены на мачтах кораблей (наряду со знаменами типа 1). Кроме того, конные норманны, изображенные на ковре, во время атаки под Гастингсом несут на копьях знамена того же типа. Только один всадник в сцене 48 [14] имеет на копье полукруглый «значок», близкий по форме знаменам типа 1, с изображением повернутой в профиль птицы (рис. 5, *5*). Различное использование знамен типов 1 и 2 указывает на их разные функции: первые постоянно реяли на мачтах кораблей и лишь изредка употреблялись в качестве штурмовых «значков» (последние, видимо, имели размеры меньше корабельных стягов), вторые как находились на мачтах

кораблей (во всяком случае, в конце XI в.), так и служили персональными «значками» воинов непосредственно в бою. Знамена типа 2, поднимавшиеся, судя по пластине из Бергена, на полубаке корабля, возможно, являлись личными стягами предводителя дружины [13, с. 161]. Стяги промежуточных типов выполняли в бою, видимо, сходную функцию.

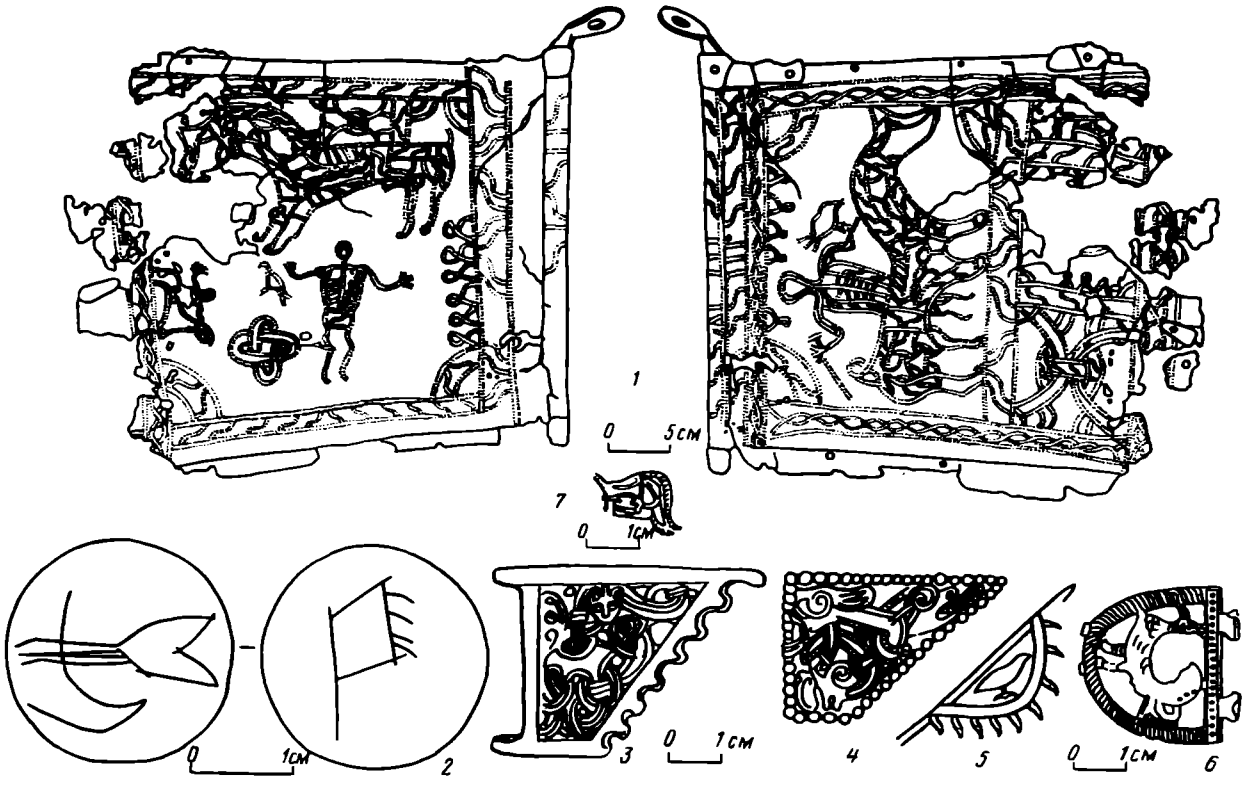


Рис. 5. Знамена промежуточных типов, *1* — знамя из церкви в Спонга, Уппланд, Швеция; *2*— графити на диргеме из клада «неизвестного происхождения» (Восточная Европа); *3*— пластинка из Салтвик-Рангсбю, Аландские о-ва; *4* — пластинки из погр. 74 мог. Гнездово; *5* — прорисовка значка на копье всадника сцены 49 ковра из Байё; *6* — пластинка из Новгорода (шифр 21—24—330); *7* — крыло дракона с рога из Черной Могилы со знаком (*1* — позолоченная бронза, *3*, *4*, *6* — бронза, *2*, *7* — серебро)

Перспективу изучения символического значения древних знамен наметили П. Паульсен и О. М. Фрейденберг. Последняя на основе анализа знаковых систем сакральных древностей народов Европы пришла к выводу о глубокой связи знамен с культовыми ритуалами [16, с. 17] П. Паульсен, учитывая, возможно, сакральное значение изображений на скандинавском gunnfáni, а также двойной смысл древнегерманского термина vê — «святилище», «знамя» [12, с. 153], считает знамена скандинавов символами их богов. Это значение знамена, по мнению автора, имели в мирное время, становясь на период военных действий «значком» войска. Учитывая в целом основополагающие высказывания упомянутых выше исследователей для выяснения символического, явно первичного значения знамен раннесредневековой Скандинавии, следует провести анализ формы «полотнищ» знамен и изображений на них.

По форме «полотнища» знамен типа 1 представляют сегмент со спрямленной в ряде случаев нижней кромкой (рис. 4, *1, 2*). Учитывая наличие на знаменах бахромы, крепившейся к металлическому «полотнищу» посредством проделанных в нем отверстий, можно предположить, что «полотнища» воспроизводят очертания крыла птицы. По своей форме «полотнище» копирует костно-мускульный каркас крыла, бахрома воспроизводит длинные — маховые

перья. Прямым подтверждением такого предположения является изображение знамени на корабле норманнских разведчиков в сцене 34 ковра из Байё (рис. 3, *2*). Здесь знамя выполнено в виде верхней части корпуса птицы с крылом. Судя по сообщению Саксона Грамматика, датский конунг начала IX в. Рагнар Лодброк имел знамя в виде ворона, указывавшего конунгу крылом направление похода (т. е. знамя держало свою заостренную часть по ветру) [17, с. 162] Объяснение довольно странной на первый взгляд формы знамен типа 1 мы находим в письменных источниках и археологических данных, относящихся к культовым воззрениям жителей севера Европы в эпоху раннего средневековья. По сообщению Ибн-Фадлана (921—922 гг.), русы, выходцы из Скандинавии [18, с. 24], при исполнении ритуалов на святилище вешали на шесты, стоящие поодаль от основного идола, части жертв, оставляя их там на ночь [19, с. 141] Форма знамени в виде птичьего крыла — части жертвы — объясняет в таком случае происхождение упоминавшихся выше древнегерманских штандартов с изображениями голов жертвенных животных (ср. с фигурами на штевнях драккаров викингов). Непосредственная связь знамен со святилищем у скандинавов явствует из текстов «Старшей Эдды» [6, с. 284] Следует отметить, что у западных славян [20, с. 178] и пруссов [21, с. 26] при жертвоприношениях также на шест воздвигалась голова жертвы.

Для германских древностей VII — начала VIII в. примером такого отражения финала сакрального действия может служить булавка франкского происхождения из Кингсфильда (Кент, Англия) [22, с. 98, рис. 164], изображающая водруженного на шест ворона, лишенного крыльев. Более поздний пример подобной культовой практики представлен на костяной пластине из Турова (X в.) [23, рис. 11, *7*] Изображенная здесь птица распластана, лишена крыла и, видимо, головы. Все изложенные выше факты служат подтверждением предположения о соответствии формы знамени типа 1 крылу жертвенной птицы. Таким образом, знамя у раннесредневековых германцев символизировало шест, на который водружались на святилище останки жертвы.

Изображения на собранных в данной работе знаменах представлены следующими вариантами. Первый вариант: на знаменах типа 1 воспроизводятся в «стиле Рингерике» фигуры «большого зверя» (собака или волк), дракона и петуха. На знаменах из Кэллунге (рис. 4, *1*) и из Хэгген (рис. 1, *1*) изображен «большой зверь», на оборотной стороне «полотнища» — соответственно два переплетенных дракона и петух. Изображенный на этих знаменах четвероногий хищник (собака или волк) был представлен и на флаге Одина:

> «Легко отгадать,
> где Одина дом,
> посмотрев на палаты:
> волк там на запад
> от двери висит,
> парит орел сверху» [6, с. 211].

Знамя из Сёдерала (рис. 4, *2*) снабжено изображением двух драконов. Второй вариант представлен на знаменах из погр. 16 мог. Ирзекапинис (рис. 1, *2*) и на пластине из Бергена (рис. 1, *3*) в виде равностороннего креста, направленного одним из своих концов к вершине флагштока. Третий вариант известен только на одном знамени промежуточного типа из Спонга (рис. 5, *1*). Сюжет изображения уникален — на правой стороне «полотнища» показан едущий вверх всадник с птицей на одной руке и с топором (молотком) в другой. На левой стороне знамени — конь, птица (судя по серповидному клюву и пропорциям корпуса — ворон) и человек изображены по отдельности. Топор в руке у человека отсутствует. У левой кромки «полотнища» видна маленькая фигурка всадника, едущего вниз. Наличие между этой фигуркой и изображением человека с раскинутыми руками (уже без ворона и топора) плетеного креста — символа потустороннего мира [12, с. 147] — позволяет объяснить эту сцену как

земную смерть изображенного на правой стороне знамени всадника, душа которого на левой стороне «полотнища» в виде маленькой фигурки отправляется в загробный мир. Все персонажи изображений первого варианта (собака-волк, петух, дракон) попарно представлены на турьем роге из Черной Могилы (Чернигов), сюжетная композиция которого совершенно справедливо связывается со скандинавским мифом о дне гибели богов — Рагнарёке [24, с. 57]. Присутствие этой композиции на роге отражает, по мнению А. В. Чернецова, важную роль этого сосуда в ритуале принесения клятвы. Клятвы и обеты, судя по тексту «Старшей Эдды», были связаны, как уже упоминалось выше, с культом жертвенных животных-оберегов. С другой стороны, тот же источник упоминает собаку, ворона и змею (последние по видам соответствуют петуху и дракону знамен) в качестве объектов жертвоприношения при заклятии [6, с. 288]. Итак, можно предположить, что изображения первого варианта на знаменах дружин Скандинавии, как и на клятвенном роге из Черной Могилы, представляли персонажей бестиария, принимавших непосредственное участие в последней битве богов (петухи Гулликамби и Хелль будят на бой эйнхериев, волк Фенрир поражает Одина и сам гибнет от руки Тора, мировой змей завершает бой схваткой с Тором) [6, с. 187]. С другой стороны, все эти животные, связанные в сознании раннесредневековых жителей берегов Балтики с тремя стихиями мира — землей (собака-волк), водой (змея-дракон) и небом (ворон, петух) [25, с. 52], являлись объектами жертвоприношений. Высшая сакральная значимость этих животных отражена и в более поздней скандинавской традиции. Головами волка и дракона и фигурками ворона и петуха украшены углы деревянного трона XIII в. из церкви в Грунд (Исландия) [26, с. 115, рис. 61] Выявляется двойственная символика исследуемых знамен. Они отображали идею клятвы, связывавшей торговые и военные объединения раннесредневековых скандинавов (varing от várar — дисл. «клятва» [27, с. 275]), и одновременно служили символами жертвоприношения Одину, владыке трех мировых стихий, совершаемого конунгом ради процветания подвластного ему народа [28, с. 103]. Другими словами, gunnfáni — символ конунга, руководящего дружиной связанных клятвой воинов.

Изображения остальных вариантов следует, видимо, рассматривать в совокупности. Композиция на знамени из Спонга может трактоваться как последний бой Тора (всадник с топором-молотом в руке) с драконом Ермунгандом (мировым змеем), одержавшим в этом бою победу. Дракон изображен на знамени в виде полос витого или зигзагообразного орнамента, окружающих по периметру «полотнище». По сути дела, последний бой Тора — жертва, принесенная самими богами ради жизни во вселенной в день их последней битвы. Таким образом, мотив знамени из Спонга — жертвоприношение высшего ранга — совпадает по смысловой нагрузке с изображениями на знаменах типа 1. Символы Тора и мирового змея — крест (молот) и полоса зигзагообразного орнамента — представлены и на знамени из погр. 16 мог. Ирзекапинис. На кожаном стяге из погр. 64 того же могильника соответствующая символика обозначена в виде «молоточков Тора» и раскрытой пасти дракона на бахроме «полотнища». Кресты нехристианских форм видны и на одной из сторон диргема из клада у с. Клеймёново (рис. 1, *3*), и на знаменах с пластины из Бергена (рис. 1, *4*). Одна из сторон диргема клада «неизвестного происхождения» имеет граффити в виде ритона и стрелы (срезня) — символов жертвоприношения Тору (рис. 5, *2*).

В завершение аналитической части работы нельзя не отметить миниатюрные пластины из металла в виде знамен с односторонним рисунком из Рангбю, Гнёздова и Новгорода (рис. 5, *3, 4, 6*). Не имеющие отверстий для заклепок и даже их следов, эти пластины не могли служить накладками. Учитывая тезис о тенденции к превращению двусторонних сакральных символических изображений в эмблемы княжеской власти с односторонним рисунком [29, с. 114—117], можно трактовать подобные пластины следующим образом. Эти предметы, сохранившие очертания знамени и его символику, теряют первоначальное ути-

литарное значение и становятся «знаками» административной власти конунгов. Подобные «знаки» упоминаются Снорри Стурлусоном при описании событий в Норвегии и Швеции в начале XI в. [13, с. 207] Возможно, сходную функцию выполнял и напоминающий петлеобразно свернутого дракона знак на правом крыле дракона из Черной Могилы (княжеская принадлежность данного погребения несомненна). Отметим, что этот знак помещен именно на крыле, очертания которого повторяются и формой «полотнищ» знамен [30, с. 16]

Хронологически распределить знамена довольно сложно ввиду отсутствия для них конкретных датирующих признаков. По стилистическим особенностям знамена типа 1, декорированные в «стиле Рингерике», в целом относятся к XI в. Однако изображение сходного по форме стяга на диргеме из клада у с. Клейменово, датируемого А. В. Фоминым временем ок. 925 г., указывает на существование подобных знамен и в начале X в. Знамена промежуточных типов появляются не позднее середины X в., что подтверждается граффити с подобным флагом на диргеме из клада «неизвестного происхождения». Наиболее поздними можно считать знамена типа 2. Начальная фаза их существования по ковру из Байё и по погр. 64 мог. Ирзекапинис датируется последней четвертью XI г. Стяг этого типа сохранился в Европе в виде армейских и гражданских знамен до настоящего времени. Та же участь постигла и знамена промежуточных типов, дошедшие до нас в виде кавалерийских «значков», и «флюгеров».

Выводы, полученные при анализе раннесредневековых знамен Балтийского региона, можно суммировать следующим образом: 1. У древних германцев и скандинавов эпохи Венделя знамя символизировало сакральную власть конунга и отображало жертвоприношение на его заключительной стадии (тело жертвы или его часть, вооруженные на святилище на шест). Знамя имело функцию оберега, что следует из текста поэмы «Беовульф» и позднейших находок знаменитых граффити в составе сакральных (?) кладов. 2. В ходе интенсивного разложения родового строя скандинавов в эпоху викингов на знамени в виде крыла жертвенной птицы появляются изображения жертвенных животных, что не только символизирует сакральное право конунга, но и отражает понятие о дружине, состоящей из связанных клятвой людей, не являющихся членами одного рода. Такая организация стоит уже вне рамок родовой структуры. В данном случае перед нами — фиксация на археологическом материале рубежа между системой родовых и предгосударственных, раннефеодальных отношений. Знамя являлось символом всей полноты власти конунга и доверялось в бою ближнему дружиннику. Изображение такого воина со знаменем и сигнальным рогом, предвестника средневековых знаменосцев и герольдов, имеется на ахтерштевне корабля Вильгельма Завоевателя (рис. 3, *3*) Останки такого воина содержит и погр. 64 мог. Ирзекапинис. Найденная там миниатюрная копия знамени — знак власти конунга в мирное время. 3. На протяжении XI в., в период интенсивной христианизации населения Скандинавии и вполне логичной языческой реакции, акцент на сакральной символике знамен скандинавских военачальников, живших и в прусской среде, несколько смещается. На их стягах появляются крест и дракон — символы последнего жертвоприношения языческих богов, битвы Тора. 4. Знамя — показатель дружины как вполне сложившегося, социального института. По ряду вполне понятных причин знамя — чрезвычайно редкая находка, и поэтому концентрация таких предметов в земле пруссов (два знамени на мог. Ирзекапинис и изображение знамен на навершии меча из кург./11 мог. Кауп (рис. 4, *3*) [31, с. 23, 24]) представляется неслучайной. Подобные мечи (не менее 30 экз.), относящиеся, по Я. Петерсену, к типу V (вторая пол. X в.), принадлежали, по мнению П. Паульсена [32, с. 15], знаменосцам конунгов Балтийского региона. Находки такого меча и двух знамен в земле пруссов указывают на самый высокий для Прибалтики X в. уровень развития дружины пруссов [33, с. 86, 87]

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. II. М.: Наука, 1963.
2. *Wilcox P.* Rome's Enimies: Germanics and Dacians // Men-at-arms series 129. L., 1984.
3. *Connolly P.* Greece and Rome at War. L., 1981.
4. *Lindqvist S.* Pozyczone skrzydła // Z otchlani wieków. 1973. № 3.
5. *Chaney W. A.* The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England. Berkley; Los Angeles, 1970.
6. Старшая Эдда // Библиотека всемирной литературы. М.: Изд-во худож. лит., 1975.
7. *Powell O. Y., Powell F Y* The Nine Books of the Danish History of Saxo Grammaticus. L., 1905.
8. Беовульф. Библиотека всемирной литературы. М.: Изд-во худож. лит., 1975.
9. *Горский А. А.* Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. № 9.
10. *Корнаков П. К.* Вексиллологическая терминология // Геральдика. Материалы и исследования. Л., 1983.
11. *Christiansson H.* Sydskandinavisk styl. Uppsala, 1959.
12. *Paulsen P.* Wikingerwaffen im Baltikum und ihre symbolische Bedeutung // Pirma baltijas vesturnieku konference. Riga, 1938.
13. *Стурлусон С.* Круг земной. М.: Наука, 1980.
14. *Lefranc R.* Tapisserie de Bayeux. Ville de Bayeux, 1976.
15. *Добровольский И. К., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах (коллекция Эрмитажа) // Тр. ГЭ. 1981. Т. XXI.
16. *Фрейденберг О. М.* Семантика первой вещи // Декоративное искусство. 1976. 12/229.
17. *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М.: Наука, 1966.
18. *Лебедев Г С.* Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
19. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921/922 гг. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1956.
20. *Kiernowscy T., R.* Życie codzienne na Pomorzu wczesnośredniowiwcznym. Warszawa, 1970.
21. *Karwasinska J.* Drzwi Gnieźnieńskie a razwój legendy o swiętym Wojciechu // Drzwi Gnieźnieńskie. T. 1. Wroclaw. 1956.
22. *Åberg N.* The Anglo-Saxons in England. Uppsala, 1926.
23. *Полубояринова М. Д.* Раскопки древнего Турова (1961 г.) // КСИА. 1963. Вып. 96.
24. *Чернецов А. В.* К характеристике языческой дружинной культуры Черниговщины // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Чернигов, 1985.
25. *Топоров В. Н.* Vilnius, Wilno, Вильнюс: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М.: Наука, 1980.
26. *Brøgger A. W., Schetelig H.* Osebergfundet utgi au den Norske stat. II. Oslo, 1928.
27. *Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.
28. *Ковалевский С. Д.* Образование классового общества и государства в Швеции. М.: Наука, 1977.
29. *Кулаков В. И.* Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX — XI вв. // СА. 1988. № 3.
30. *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1917.
31. *La Baume W.* Zur Technik der Verziehrung ostpreussischer Waffen der Wikingerzeit // Alt-Preussen. 1941. 6. J. H. 2.
32. *Paulsen P.* Feldzeichen der Normannen // Archiv für Kulturgeschichte. 39. Bonn, 1957. H. 1.
33. *Кулаков В. И.* Памятники археологии древней Самбии // Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1985.

V I. Kulakov

BANNERS OF MILITARY DETACHMENTS IN THE BALTIC REGION

An iron segment-shaped plate covered with silver and remnants of a leather banner with dangling two- and three-part pendants came from a ground cemetery (burial 16, Fig. 12, and burial 64 respectively). The burial ground Irzekapinis is at the Klintsovka settlement (formerly Vozegau), Zelenograd district, Kaliningrad region. The evidence of the burial goods and the rite suggests that a Prussian war-lord was buried there. There are analogies to these finds among 10th-11th-century banners found in Scandinavia. All of them may produce some interesting data on military detachments in Northern Europe. Between the 2nd century B. C. and the 7th century A. D. the Kelts and a little bit later the Germans had banners with heads of sacrificial sacred animals depicted on them. The same can be said about Scandinavian banners of the 10th-12th centuries. An analysis shows that in Scandinavia the banners were symbols of the war-lord's power. As early as the 10th century there appeared small metal plates that symbolised the war-lords' power in peacetime. The great number of banners found in the north-eastern Sambia evidences the high level of the local population's military organisation in the poly-ethnic Prussian settlement.

А. А. МОЛЧАНОВ

К ВОПРОСУ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ УСАДЕБ НЕРЕВСКОГО РАСКОПА В НОВГОРОДЕ

Как известно, наиболее интересные итоговые результаты археологические исследования дают тогда, когда полученные при раскопках материалы удается увязать со свидетельствами других источников. В таком случае применение современной методики комплексного источниковедения не только позволяет археологу получить куда бóльшую информацию о выявленных объектах, но и создает почву для последующих выводов конкретно-исторического характера. Данная работа посвящена весьма актуальному для новгородской археологии сюжету, неизбежно предполагающему рассмотрение в едином контексте памятников материальной культуры и письменности.

Одним из важнейших событий в истории изучения средневекового Новгорода стало открытие на Неревском раскопе 1951—1962 гг. группы усадеб, принадлежность которых на протяжении примерно полутора столетий одному и тому же боярскому роду документируется обнаруженным здесь комплексом берестяных грамот и другими находками. Отправителями или адресатами найденных здесь грамот являлись представители шести поколений семьи крупных феодалов — жителей Неревского конца: Варфоломей Юрьевич, более четверти века бывший посадником и умерший 25 октября 1342 г., и его потомки. Члены этого могущественного боярского клана неоднократно упоминаются в летописи. Сведения о них дают также актовые материалы и сфрагистические памятники (обо всей совокупности привлекаемых в данной связи источников см.: [1, с. 109—117; 2, с. 80—142; 3, с. 105—123; 4, с. 76—132; 169—179; 5, с. 150—181, 189—192, 224, 225; 6, с. 86—94; 7, с. 7—57; 8, с. 275—282, 285]).

Данный род, принимавший активное участие в политической жизни Новгородской республики до самого конца ее существования, занимал высокое положение в государстве уже во второй половине XIII в., когда были посадниками дядя и отец Варфоломея Юрьевича — Михаил Мишинич (под 1268 г. назван летописью в числе виднейших новгородских бояр, посадничал в 1272 и 1273—1280 гг., умер 9 ноября 1280 г. [9, с. 88, 318—319, 322—324, 456; 10, с. 155—156; 158—159, 161, 381]) и Юрий Мишинич (находился на посадничестве с 1291 г., погиб в сражении с тверичами под Торжком 10 февраля 1316 г. [9, с. 94, 326, 328, 336, 355; 10, с. 166—170, 177, 383]). Имена их обоих пока не встречены на берестяных грамотах, по всей видимости, из-за того, что археологические раскопки захватили только периферию большого участка городской территории, издавна принадлежавшего знатной семье, и не затронули его основного ядра, где располагалась резиденция главы данного феодального клана до начала XIV в. [3, с. 121; 5, с. 177, 178, 225; 7, с. 30, 46—47, 55; 11, с. 70, 72; 12, с. 35—37; 13, с. 148, 149].

О том, что Михаил и Юрий Мишиничи были родными братьями, в источниках имеется только одно прямое свидетельство, содержащееся в перечне новгородских посадников («... Михаило Мишиничь, брат его Георгии...»), составленном, правда, уже в 1423 г. [10, с. 21, 25] До недавнего времени достоверность этого сообщения летописца не ставились под сомнение исследователями [4, с. 102; 10, с. 155, 381, 383]. Но теперь допускается, что оно — всего лишь следствие ложной реконструкции составителя посадничьего списка, основанной на тождестве от-

честв обоих Мишиничей [3, с. 106; 5, с. 153; 7, с. 10]. Однако их отчества слишком специфичны, чтобы их тождественность объяснялась случайным совпадением. Данный патронимик уникален, как справедливо подчеркивал А. В. Арциховский [14, с. 147], для просопографии новгородского боярства. А исключительная редкость его исходной формы — Миша (уменьшительное от обычного Михаил, имевшего в Древней Руси и иные модификации, более часто встречающиеся при именовании взрослых лиц из числа феодалов), фигурирующей в качестве общеупотребительного имени широко известного государственного деятеля, естественно наводит на мысль об идентичности отца братьев-посадников Михаила и Юрия Мишиничей с одной из самых заметных фигур в Новгороде конца 20-х — середины 50-х годов XIII в. Данную точку зрения наиболее твердо и последовательно отстаивал А. В. Арциховский [14, с. 147; 15, с. 110]. (Другие обладатели этого имени встречаются среди новгородских бояр лишь много позднее: Миша Григорьевич был тысяцким примерно в 1350-е годы, а Миша Есифович занимал ту же должность в 1410-е годы [9, с. 472—473; 16, т. II, с. 99—100]).

Знатный новгородец Миша появляется на страницах летописи впервые в 1228 г., когда он едет послом от князя Ярослава Всеволодовича к псковичам приглашать их в совместный с новгородским войском и низовскими полками поход на Ригу [9, с. 66, 271]. Свержение в декабре 1230 г. с посадничества Внезда Водовика повлекло за собой бегство в Чернигов из Новгорода его самого и целой группы его сторонников. Среди последних находился, по-видимому, и Миша. Во всяком случае в 1232 г. он оказывается среди бояр, сопровождающих по пути к Новгороду князя Святослава Трубчевского, и участвует в авантюре «Борисовой чади» [9, с. 71—72, 280—282] После неудачной попытки посадить своего кандидата на новгородский стол вожди оппозиции тогдашнему посаднику Степану Твердиславичу и князю Ярославу Всеволодовичу укрепились в Пскове и, захватив здесь в плен видного представителя враждебного им лагеря — бывшего тысяцкого Вячеслава Прокшинича, постарались использовать его как заложника для обмена на брошенное дома примерно за полтора года перед тем имущество и жен. В конце концов жены троих бояр-мятежников, в том числе «Мишина», были отпущены из Новгорода к мужьям и затем сопровождали их в дальнейших скитаниях. Изгнанная под нажимом князя Ярослава Всеволодовича из Пскова «Борисова чадь» ушла в Медвежью голову (Оденпе), на территорию, контролируемую Орденом меченосцев, и в следующем 1233 г. вместе с немцами ходила набегом на Изборск.

Возвращение Миши в Новгород могло состояться лишь после того, как в 1234 г. князь Ярослав разбил немецких рыцарей под Юрьевом и «взя с ними мир по вьсеи правде своеи» [9, с. 72, 73, 283] Достаточно благоприятную для этого обстановку создавала необходимость сплочения перед лицом серьезнейшей внешней опасности и угрозы внутренних социальных катаклизмов всего правящего слоя республики, остро осознанная новгородским боярством как раз к середине 30-х годов XIII в. [10, с. 142; 17, с. 134—135] Политическая переориентация крупного феодала-новгородца не выглядела тогда явлением, из ряда вон выходящим, как показывает, например, случай с боярином Иванкой Тимощиничем, который в 1224 г. находился в числе главных противников Ярослава Всеволодовича, а 6 лет спустя погиб как приверженец этого князя [9, с. 64, 69, 268, 276; 10, с. 139]. Еще легче князь Ярослав и посадник Степан Твердиславич, стремившийся к консолидации аристократической верхушки новгородского общества, могли пойти на примирение с Мишей, ранее уже сотрудничавшим с суздальской партией (вспомним его дипломатический вояж 1228 г. в Псков).

Следующий освещаемый источниками эпизод биографии Миши — его участие в Невской битве, в которой он возглавлял отдельный отряд, внесший весомый вклад в победу русского войска. Подробности о ходе сражения со шведами, разыгравшегося 15 июля 1240 г., сообщает «Житие Александра Невского», откуда их заимствовал и новгородский летописец. При перечислении

шести героев, наиболее отличившихся в бою, говорится о Мише: «...сеи пешь с дружиною своею натече на корабли и погуби три корабля римлян» [18, с. 167, 190]. Последнее летописное известие о родоначальнике Мишиничей приходится на 1257 г. Тогда в очередной раз резко обостряется внутриполитическая ситуация в Новгороде: всеобщее недовольство вызывает весть о намечаемом взыскании татарами поголовной подати, новгородцы отказывают прибывшим ханским послам в выплате тамги и десятины, назревает конфликт с великим князем Александром Ярославичем, гибнет от рук убийц посадник Михалко Степанович, высшие республиканские магистратуры занимают новые лица. В калейдоскопе бурных событий, описанных в общей рубрике (6765 г.), летописец отмечает и еще одно, с его точки зрения, столь же достойное упоминания: «Тои же зимы убиша Мишю» [9, с. 82; ср. там же, с. 309 (где сказано: «Тои же весне...»)]. Насильственная смерть этого маститого государственного мужа именно тогда, когда «смутишася людие чрес все лето», вряд ли может вызвать удивление, поскольку политическая активность, как видно, всегда была его отличительной чертой.

Специалисту, хорошо знакомому с антропонимией средневекового Новгорода, не покажется странным закрепление за знатным и влиятельным лицом на всю жизнь уменьшительного имени вместо полного. Такого рода именования сплошь и рядом встречаются и в новгородской летописи. Причина же возникновения многовариантности синхронного употребления конкретного антропонима может быть наглядно продемонстрирована на том же летописном материале. Самостоятельное бытование целого ряда модификаций крестильного имени Михаил было обусловлено его широкой распространенностью у древних новгородцев, в том числе среди боярства. Так, за три десятилетия, на которые приходится известная нам деятельность боярина Миши,— с 1228 по 1257 г.— новгородской летописью упоминаются еще семь местных феодалов, бывших его тезками: Михаль Прикупов (в 1230 г. взят князем Михаилом Всеволодовичем с собой при отъезде из Новгорода); Михалко Микифорович (также увезен в Чернигов в 1230 г.); Михаль, брат посадника Внезда Водовика (в декабре 1230 г. бежал к черниговскому князю, один из участников авантюры «Борисовой чади» 1232—1233 гг.); Михайло Моисеевич (убит татарами при взятии ими Торжка 5 марта 1238 г.); Михалко Степанович (посадник с 1255 по 1257 г.); Михайло Пинещинич (отправлен в 1256 г. послом к великому князю Александру Ярославичу); Михаил Федорович (в 1257 г получил посадничество в Новгороде, прежде занимал ту же должность в Ладоге) [9, с. 68, 70, 71, 76, 81, 82, 275, 277, 280, 288, 308—309]

Принадлежность Миши к неревскому боярству устанавливается ретроспективно не только по местоположению исследованных археологами и выявленных по актовым материалам дворовладений его потомков начиная с Варфоломея Юрьевича, но и исходя из летописного сообщения о захоронении посадника Юрия Мишинича и его сына в церкви Сорока Мучеников [9, с. 355; 10, с. 169, 178—179; 19, с. 57], находившейся чуть южнее комплекса усадеб, вскрытого раскопками у перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц. Суммировав все данные, относящиеся к истории внутригородского землевладения клана Мишиничей, В. Л. Янин пришел к выводу, что «предполагать позднее водворение этого рода на территорию Неревского конца — например, в последней четверти XIII в.— нет никаких оснований, и, следовательно, версия о древних его корнях именно на той территории, которая ему принадлежала в XIV — XV вв., получает более прочный фундамент» [7, с. 55]

Однако он не считает возможным отождествлять предка крупнейших бояр-неревлян с героем Невской битвы из-за того, что последний был, по свидетельству одного позднего источника, якобы жителем иного района средневекового Новгорода — Прусской улицы [4, с. 177] Действительно, в родословце старомосковского боярского рода Морозовых, составленном в 40-х годах XVI в. [20, с. 28, 137, 144], говорится: «Князь великий Александр Невский побил немец, и на том бою у него было 6 мужей храбрых, а от тех от шти мужей

храбрых один был имянем Михайло, а прозвище Миша, из Прусские земли, а лежит в Новгороде у Михаила Святого на Прусской улице. А у Михаила сын Терентий, а у Терентья сын Михайло ж, а у Михаила сын Семен, а у Семена сын Иван Мороз» [21, с. 180]. Однако имеются веские причины для того, чтобы усомниться в достоверности некоторых утверждений составителя этой родословной легенды. Прежде всего обращает на себя внимание наличие в ней взаимоисключающих мнений относительно того, кто именно из первых двух названных в приведенной поколенной росписи лиц геройски участвовал в Невской битве. В том же родословце читаем: «К великому князю Александру Ярославичу Невскому приехал из немец, из Прусские земли, Михайло Прушанин, а у Михаила сын Терентей, и великому князю Александру Ярославичу бой бысть на Неве реке с немецким королем с Воргушем, и на том бою бился Терентей с немцы крепко и мужественно, и побиваша их многожды и самим великим князем видим бысть на битве, и за великое его мужество и храбрость от великого князя великие чести сподобился, и учинил его великий князь у себя боярином. А у Терентия сын Михайло, а у Михаила сын Семен, а у Семена сын Иван Мороз, а у Ивана у Мороза дети: Михайло, да Федор, да Василий Туша, да Дмитрей, да Лев бездетен, да Фирс бездетен, да Левкей» [21, с. 107, 108]

Неверно указано в легенде место захоронения Михаила Прушанина — отца Терентия. Погребения его самого и его потомков находились не в Михайловской, а в Вознесенской церкви на той же Прусской улице. Об этом неопровержимо свидетельствует синодик храма Вознесения, сохранившийся в рукописи конца XVII — первой четверти XVIII в. и позволивший разобраться в том, какие разнородные исходные источники легли в основу официальной редакции родословной легенды Морозовых [3, с. 122; 4, с. 177; 5, с. 207—212; 22, с. 192—197] Как показал В. Л. Янин, этот любопытный документ является результатом компиляции, автор которой использовал подлинный список ктиторов Вознесенской церкви (а может быть, сам составил его, имея перед глазами настенные росписи с ктиторскими изображениями, украшавшие интерьер храма), собственную генеалогическую информацию совершенно посторонней им семьи бояр-москвичей и летописи. При этом компилятор-книжник явно руководствовался желанием угодить некоему заинтересованному лицу, каковым, очевидно, был представитель рода Морозовых, неоднократно наместничавших в Новгороде с начала 80-х годов XV в. до середины XVI в. В. Л. Янин указал на две ошибки автора текста синодика, введенного в заблуждение сходством событий и имен людей: в первом случае тот путает солнечные затмения 1185 и 1231 гг., во втором случае необоснованно отождествляет знатного новгородца начала XV в. Ивана Морозова с московским боярином середины XIV в. Иваном Морозом, тем самым искусственно соединяя генеалогические цепочки двух в действительности никак не связанных друг с другом семей феодалов из разных древнерусских земель.

Подобной же ошибкой, также обязанной своим появлением желанию средневекового эрудита отыскать среди известных ему по историческим сочинениям персонажей — современников Александра Невского (при котором состоялась перестройка храма Вознесения, после затмения 1231 г.) подходящего по социальному статусу и известности тезку родоначальнику семьи бояр-ктиторов, представляется нам и отождествление Михаила Прушанина с Мишей — героем сражения на Неве. Недаром оно отсутствует в той части Вознесенского синодика, достоверность которой несомненна [5, с. 212; 22, с. 195]. О нем, видимо, вообще не знал автор дошедшего до нас текста синодика в отличие от компилятора-составителя родословной легенды Морозовых (в редакции 1540-х годов), который путем хронологических и антропонимических сопоставлений, т. е. действуя вполне в духе средневековой «источниковедческой методики», приобщил популярный житийный и летописный персонаж к чужой генеалогической росписи. С дальнейшей литературной разработкой той же версии официального родословца мы встречаемся в «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского (написана в 1573 г.), где говорится: «... муж благоверный Андрей,

внук славного и сильного рыцаря Дмитрея, глаголемаго Шеина, с роду Морозовых, яже еще вышли от немец вкупе с Рюриком, прародителем русских княжат, седмь мужеи храбрых и благородных; тои то был Мисса Морозов един от них...» [23, стб. 303]. Следует особо отметить, что сочетание имени и прозвища — Миша Прушанин, ставшее столь привычным для исследователей новгородской истории и специалистов-генеалогов, нигде в источниках не встречается и не должно впредь фигурировать в научной литературе, как возникшее по недоразумению. Таким образом, все наличные данные говорят о существовании в Новгороде XIII в. только одного боярина Миши, не имеющего притом никакого отношения к Прусской улице. Поскольку теперь стало ясно, что Мишу не следует путать с ктитором Вознесенской церкви — погребенным в ней боярином с Прусской улицы Михаилом, то только последнему может приписываться перестройка указанного храма в 1231 г. [10, с. 114, прим. 59]. Тем более нет возможности видеть в Мише — герое Невской битвы предводителя отряда пруссов-эмигрантов на службе у Новгорода (ср. [24, с. 79]). Следовательно, не остается препятствий для идентификации его с предком крупнейшего боярского клана Неревского конца второй половины XIII—XV в.

После всего сказанного выше нельзя не коснуться вопроса о возможности происхождения Мишиничей от феодалов-дворовладельцев того же микрорайона Новгорода в конце XII — первой половине XIII в.— Малышевичей. Предположение о прямом родстве между обоими знатными семействами как жившими в разное время на одних и тех же городских усадьбах и так или иначе связанных с церковью Сорока Мучеников, в очень осторожной форме высказано В. Л. Яниным [4, с. 178, 179; 5, с. 179, 180; 7, с. 32, 33; 12, с. 38]

На страницах летописи Миша (родившийся скорее всего где-то около 1200 г.), младший современник братьев Прокшиничей — Малышевых внуков [1], выступает в качестве их политического противника в разгар борьбы начала 1230-х годов между суздальской и черниговской партиями в Новгороде [9, с. 71—72]. И хотя кончанская принадлежность того или иного деятеля сама по себе не определяла в тот период его ориентацию на какую-либо из двух соперничавших боярских группировок (бояре, жившие в одном конце, могли принадлежать к враждующим лагерям [10, с. 139]), проявление столь острых разногласий внутри одного феодального клана представляется крайне маловероятным.

Кроме того, даже принимая безоговорочно отождествление Богоша и Прокоша, упоминаемых в берестяных грамотах № 114 (дендрохронологическая датировка: 1197—1224 гг.) и 115 (дендрохронологическая датировка: 1177—1197 гг.) из Неревского раскопа, соответственно с Богуславом Прокшиничем и его отцом Прокшей Малышевичем, мы все равно вынуждены констатировать отсутствие пока необходимых оснований для категорического утверждения, что «Малышевичи на рубеже XII—XIII вв. распространяли свое влияние на значительный район Новгорода от церкви Сорока Мучеников до усадеб на Холопьей улице, тогда как в XIV—XV вв. этот же участок принадлежал Мишиничам» [4, с. 179; 5, с. 180; 7, с. 33] Усадьбы «А» и «Г», где найдены грамоты № 114 и 115, не принадлежали Мишиничам, владения которых начинались несколько южнее. На усадьбах «Д», «Е», «И», где безусловно жили Варфоломей Юрьевич и его потомки, грамот с именами кого-либо из Малыше-

[1] Братья Рагуил и Алексей Прокшиничи пали в бою с литовцами в 1200 г.; Вячеслав Прокшинич, фигурирующий как ктитор в 1213 и 1227 гг. и как политический деятель — с 1224 г., умер 4 мая 1243 г. иноком; Константин Прокшинич убит в ходе межкончанских столкновений 1219 г.; Богуслав Прокшинич упоминается в 1228 г.; Нездила Прокшинич ездил послом к князю Ярославу Всеволодовичу в 1230 г.; отец всех шестерых вышеперечисленных бояр — Прокша Малышевич в 1200 г. закладывает на свои средства каменную церковь, а в 1207 г. умирает, уже успев принять монашеский чин; в 1247 г. окончил жизнь тоже в монастыре сын Вячеслава и внук Прокши — Константин Вячеславич, бывший ранее, судя по летописному упоминанию 1236 г., заметной фигурой в среде новгородского боярства [9, с. 45, 50, 52, 59, 64, 65, 67, 68, 71, 72, 74, 79, 238, 239, 247, 250, 259, 268, 270, 273, 275, 285, 297, 304].

вичей не обнаружено. Тот факт, что Мишиничи в 1316 и 1342 гг. использовали в качестве усыпальницы церковь Сорока Мучеников, которую за 100 лет до того строили и украшали Малышевичи, также неспособен служить надежным аргументом в пользу гипотезы о прямом родстве тех и других [2]. В свете всего вышеизложенного на сегодняшний день наиболее правдоподобной выглядела бы версия о ближайшем соседстве двух боярских патрономий Неревского конца, в первой половине XIII в. возглавлявшихся соответственно Мишей и семейством тысяцкого Вячеслава Прокшинича. Именно к такому выводу заставляет нас прийти совокупный анализ всех данных, предоставляемых в распоряжение исследователя археологией и письменными источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арциховский А. В.* Письма Онцифора // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.: Наука, 1963.
2. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М.: Изд-во МГУ, 1965.
3. *Янин В. Л.* Заметки о новгородских берестяных грамотах // СА. 1965. № 4.
4. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М.: Изд-во МГУ, 1975.
5. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высш. шк., 1977.
6. *Янин В. Л.* О принадлежности южных усадеб Неревского раскопа в Новгороде // СА. 1979. № 4.
7. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М.: Наука, 1981.
8. *Корецкий В. И.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв.// Археографический ежегодник за 1967 год. М.: Наука, 1969.
9. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
10. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962.
11. *Янин В. Л.* Возможности археологии в изучении древнего Новгорода // Вестн. АН СССР. 1973. № 8.
12. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
13. *Янин В. Л., Рыбина Е. А.* Открытие древнего Новгорода // Путешествия в древность. М.: Изд-во МГУ, 1983.
14. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1963.
15. *Арциховский А. В.* К истории Новгорода // Исторические записки. 1938. Т. 2.
16. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I, II. М.: Наука, 1970.
17. *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М.: Высш. шк., 1976.
18. *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л.: Наука, 1965.
19. Новгородские и псковские летописи // ПСРЛ. 1848. Т. IV.
20. *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1975.
21. Временник ОИДР. 1851. Кн. X.
22. *Янин В. Л.* К вопросу о происхождении Морозовых // История и генеалогия. М.: Наука, 1977.
23. Сочинения князя Курбского Т. I // РИБ. 1914. Т. XXXI.
24. *Бочков В. Н.* «Легенды» о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 год. М.: Наука, 1971.

A. A. Molchanov

ON ATTRIBUTING HOUSES OF THE NEREV DIG IN NOVGOROD

Summary

The author looks at what archaeology and written sources have to say about which exactly large feudal lords owned particular plots of land with houses and other constructions that were discovered between 1951 and 1962 in Novgorod. The author concludes that in the first half of the 13th century two, and not one as was believed earlier, boyar families lived in this neighbourhood. Proksha Malyshevich with his children and grandchildren lived to the north of Kholopya Street while the southern part of it belonged to another noble family, that of Misha, whose ancestors remained on the same street up till the 1470s.

[2] Тем более рискованно связывать постройку в 1303 г. деревянной церкви Георгия на Борковой улице всего лишь по тезоименитству непременно с посадником Юрием Мишиничем [7, с. 53], а не с каким-либо иным ктитором-неревлянином, носившим то же самое крестильное имя.

В. А. БУРОВ

К СОЦИАЛЬНОЙ ТОПОГРАФИИ НЕРЕВСКОГО КОНЦА ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Неревский конец, расположенный на левом берегу Волхова, к северу от Детинца, входил в триаду древнейших концов столицы Новгородской феодальной республики. Хотя раскопки здесь проводились неоднократно (в 1932 [1, с. 41—64], 1941, 1948 [2, с. 110—118], 1951—1962 [3—6], 1969 [7, с. 20; 8, с. 117— 134], 1974 [9, с. 245—250], 1976 [9, с. 261—265; 10, с. 38, 39], 1979 гг. [11, с. 181—189]), из них наибольший вклад в изучение Неревского конца и Новгорода в целом внесли исследования 1951—1962 гг., осуществленные под руководством А. В. Арциховского. За 12 лет на площади ~1 га был вскрыт квартал средневекового города X—XV вв. На перекрестке древних улиц — Великой, Козмодемьянской и Холопьей изучено почти полностью восемь усадеб, найдено 400 берестяных грамот, впервые в славяно-русской археологии собрана наиболее полная коллекция древностей средневекового русского города, насчитывающая 100 тыс. единиц хранения [12, с. 3—20]. Именно материалы Неревского раскопа и легли в основу современной концепции социальной топографии Неревского конца, разработанной В. Л. Яниным.

На основании изучения, топографирования берестяных грамот, анализа летописных сообщений В. Л. Янин пришел к выводу о боярской принадлежности всех раскопанных усадеб Козмодемьянской и Холопьей улиц. На дворах Козмодемьянской улицы выявлено несколько десятков документов бояр Мишиничей — Онцифоровичей (усадьбы Д, Е, И, К). И хотя, как замечает исследователь, древнейшая грамота посадничьей семьи (она написана Варфоломеем Юрьевичем) найдена в 11-м ярусе (1299—1313 гг.), «можно решительно утверждать, что род Мишиничей не был для данной территории пришлым и водворившимся здесь только при Варфоломее. Он тесно связан с Великой улицей уже в последней четверти XIII в., на что указывает политическая деятельность Юрия Мишинича, который с 1291 г. был в новгородском посадничестве представителем Неревского конца. На связь его с раскопанной на Неревском конце территорией указывает и место его погребения в церкви Сорока мучеников, расположенной в непосредственной близости к раскопанным усадьбам. За пределами раскопа, но поблизости от него находилась усадьба Лукьяна Онцифоровича, грамот которого на раскопе не найдено: здесь стояла построенная им церковь Спаса. Несомненно, что тремя раскопанными в 1951—1962 гг. усадьбами не исчерпывается комплекс принадлежащих семье Мишиничей — Онцифоровичей усадеб. Он продолжался за пределы изученного участка, по-видимому на юг от него, в район церкви Сорока мучеников, и на запад, в район церквей Спаса на Разваже и Козмы и Демьяна на Козмодемьянской улице. Более того, относительно этой предполагаемой территории городского землевладения Мишиничей раскопанные усадьбы занимают окраинное положение» [13, с. 176—178; 14, с. 30].

Мнение о том, что раскопки на Холопьей улице вскрыли «аристократические усадьбы посадничьей династии», В. Л. Янин высказал еще в начале 1960-х годов [15, с. 335]. Основанием для этого послужила близость владений бояр Мишиничей — Онцифоровичей. Позднее аргументация стала более раз-

вернутой. Были привлечены берестяные грамоты № 114 и 115 конца XII — начала XIII в., найденные на усадьбах А и Г В них упомянуты Богош (Богуслав) и Прокош (Прокша), которых исследователь отождествил с Богуславом Прокшиничем и Прокшей Малышевичем, известными по летописи. В 1200 г. по инициативе Прокши Малышевича была заложена церковь Сорока мучеников. Завершил ее строительство Вячеслав Прокшинич, внук Малышев. В. Л. Янин предпринял попытку проследить потомков Малышевичей по судьбе данного храма и пришел к выводу, что таковыми были Мишиничи. Они в XIV в. хоронят в церкви представителей своего рода. Отсюда сделан вывод, что на рубеже XII—XIII вв. комплекс усадеб Холопьей улицы принадлежал Малышевичам, которые в это время «распространяли свое влияние на значительный район Новгорода, от церкви Сорока мучеников до усадеб на Холопьей улице, тогда как в XIV—XV вв. этот же участок принадлежал Мишиничам» [13, с. 180; 14, с. 33]

В подтверждение боярской принадлежности усадеб Козмодемьянской и Холопьей улиц В. Л. Янин обращается к их размерам и границам. «Расположенные по сторонам этих улиц кварталы,— пишет он,— делились частоколами на громадные усадьбы площадью в 1200—2000 м^2 каждая... Эта картина, характерная, скажем, для первой половины XV в., оставалась всякий раз неизменной и при углублении в слои более раннего времени. Поразительно, что линии частоколов, рубежи усадебных участков, проведенные в X в., оставались неизменными вплоть до присоединения Новгорода к Москве во второй половине XV в. Несомненно, что стабильность городского боярского землевладения отражает его исключительную экономическую устойчивость» [13, с. 223, 224].

Самым спорным моментом в изложенной концепции мне представляется боярская принадлежность Малышевичей. Идентификация Прокши и Богши берестяных грамот вполне приемлема, хотя и гипотетична. Но насколько правомерно сопоставление Мишиничей и Малышевичей по истории церкви Сорока мучеников? Этот храм был вечевым, возле него собиралось вече Неревского конца [11; 16, с. 58, 259]. Его могли строить как бояре, так и лица небоярской принадлежности. Прокша Малышевич, согласно летописи, был в 1200 г. не единственным строителем этой церкви. Не случайно летописец перед именем Прокши ставит предлог «с»: «В то же лето заложиша церковь камену святыхь мученикъ 40, с Прокшею с Малышевицемъ» [16, с. 238]. Следовательно, церковь возводил весь конец, а Прокша скорее всего сделал самый крупный взнос, благодаря чему он и попал в летопись.

В. Л. Янин выстраивает генеалогию Малышевичей, отмечая, что Вячеслав, «Малышев внук», расписал в 1227 г. храм Сорока мучеников, в 1224 г. он был членом новгородского посольства к князю Юрию Всеволодовичу, в 1228 г. летопись титулует его *тысяцким,* а под 1243 г. сообщает о его смерти 4 мая в монашеском чине, под именем Варлаам в Хутынском монастыре [14, с. 32]. Между тем, как вполне убедительно доказывает исследователь в другой работе [17], на должность тысяцкого до начала XIV в. избирались житьи — феодалы небоярского происхождения. Но если Вячеслав Прокшинич житий, то в таком случае говорить о Малышевичах как предках Мишиничей нельзя.

Для атрибуции усадеб Холопьей улицы немаловажно замечание о размерах дворов, о том, что исконность конфигурации этих усадеб «дает сословную характеристику их владельцев как бояр, а не жить их людей, коль скоро сама величина дворов восходит к древнейшему периоду новгородской истории, когда сословия крупных феодалов небоярского происхождения еще не существовало» [18, с. 34, 35] Однако утверждение о размерах дворов Холопьей улицы основано на работе П. И. Засурцева [19], который специально вопросом о частокольных оградах не занимался. Проведенный мною анализ хронологии и топографии частокольных заграждений Неревского раскопа на основе составленных по полевым документам таблиц и планов внес в работу П. И. Засурцева

существенные коррективы [20, с. 2, 4—6; 21, с. 16—48, рис. 5—7, 9—11, 13—15, 17—21, табл. 1—9].

Замер площадей усадеб перекрестка Холопьей и Великой улиц показал, что для большинства из них истинные размеры установить нельзя. *В пределах раскопа* площадь двора А составляла 720 м^2 (24×30 м), В — 800 м^2 (20×40 м), Г — 630 м^2 (24×26 м). Нет гарантий, что сразу за стеной раскопа шла частокольная ограда. Что касается усадьбы Б, то ее площадь действительно соответствует параметрам боярского городского землевладения — 1500 м^2 Однако она не восходит ни к X, ни даже к XI в. На ее месте в конце X в., до прокладки Холопьей улицы, располагались четыре небольших участка в 520 (20×26 м), 270 (15×18 м), более 140 (7×20 м), более 680 м^2; восточные рубежи двух последних дворов находились вне раскопа [22, с. 97, рис. 3] После прокладки Холопьей улицы на месте будущей усадьбы Б опять располагались четыре двора. Для первой четверти XI в. их размеры составили 124, 288, 492 и 612 м^2 [22, с. 98, рис. 4] В последующее время осуществляются незначительные перепланировки, исчезают и появляются некоторые частоколы. И только в 18-м ярусе (1161—1177 гг.), когда все перегородки были сметены, размеры усадьбы Б достигли параметров, характерных для боярского двора,—1500 м^2 [21, рис. 9—11] Примечательно, что именно конец XII в.— время сложения житьих как особой социальной категории [15[. Итак, конфигурация усадьбы Б не была исконной.

Думаю, исследователи совершают ошибку, когда рассматривают усадьбы площадью 1500—2000 м^2 как исключительно боярские. Еще В. Н. Бернадский указал на экономическое тождество новгородских бояр и житьих [23, с. 168—177]; с этим согласен и В. Л. Янин [15, с. 322]. Поэтому усадебные комплексы бояр и житьих должны быть во многом схожи. Без анализа писем на бересте вряд ли вообще возможно установить, какая усадьба принадлежала феодалу-землевладельцу боярину, а какая феодалу-землевладельцу житьему. В этой связи чрезвычайно важно обратиться не только к усадебным комплексам Холопьей улицы, но и к грамотам, там найденным. Начну с двора Б, представляющего наибольший интерес.

В первой половине XIV в. здесь жил «муж добръ Есифъ Давыдович», который погиб во время пожара 1342 г., о чем имеется сообщение в летописи. Переписка, выявленная на его дворе, свидетельствует, что Есиф — феодал-землевладелец. Ему принадлежали села, покосы, табун лошадей [24, с. 267—273] Это был весьма состоятельный горожанин, на его дворе найдено много дорогостоящих предметов, прежде всего вооружение: четыре стальные пластины от панциря (11—17—3, 11—16—4, 11—16—13, 11— 16— 14) [1] [25, с. 176—178, рис. 17, *1—4*], семь бронебойных наконечников стрел (11—15—870, 11—15—870, 11, 10—16—3, 11, 10—16—3, 11, 10—15—307, 12, 11—15—1042, 12, 11—16—289) [25, с. 154, табл. 8, *17—20*; 26, с. 158, табл. 10, *122, 123*], четыре простые наконечника стрелы (11—16—1024, 11, 10—16—3, 11, 10—10—487, 11, 10—12—919) [25, с. 156, 157, табл. 9, *87, 89, 93, 95*], один наконечник копья — сулица (11—12—1065) [25, с. 127, табл 2, *7*] Этот перечень дополняют две железные оправы для привешивания ножен (11—16—289, 11—14—882) [25, с. 117], два стремени (оба 11—16—292) [25, с. 184, табл. 17, *3, 10*] Найдены медные поясные накладки, которые составили великолепный поясной набор (11—16—4, 12, 13, 14, 22, 32) [26, с. 259, рис. 7, *15*; 27, с. 149, 150, рис. 58, *17*] Здесь же встречены четыре фрагмента импортной ткани (12, 11—16—860, 12, 11—16—288, 11, 10—15—284, 11, 10—15—289) [28, прилож., таблица, *283, 288, 308, 310*], шесть орнаментированных самшитовых гребней (11—14—18, 11—10—1047, 11—10—1057, 10—12—1031, 10—10—473, 10—14—44) [29,

---

[1] В Новгородской археологической экспедиции принят трехчленный паспорт. Первая цифра означает ярус, вторая — пласт, третья — квадрат.

с. 16], фрагмент резной костяной бляхи с изображением русалки с ритоном в руках (11—15—81) [30, с. 366, рис. 18] Привлекает внимание и фрагмент деревянного точеного сосуда, вероятно чаши, покрытой росписью (11—12—1060). На дне чаши — изображение, которое обычно трактуется как изображение женщины, держащей птицу — голубя [29, с. 60, № 313, табл. 47, 3; 31, с. 72]. На самом деле, здесь нетрудно разглядеть сюжет, широко распространенный в средневековье,— полет Александра Македонского на небо [32, с. 154—158], что подтверждает фрагмент надписи, проходящей по ободку чаши: «Александръ...».

Интерес представляют также три фрагмента резных спинок кресел и скамья (10—15—273, 10—15—273, 10—15—278) [29, с. 25—28, № 112, 125, 130, табл. 14, *1*, 16, *2*, 18, *4*], фрагмент кромки причелины от внешнего убранства дома (11—12—916) [29, с. 34, № 181, табл. 22, *3*], дощечка для писания по воску с вырезанной азбукой — цера (10—11—937) [33, с. 10—12, рис. 10], железное писало (10—14—293) [34, с. 65, табл. 1, *33*].

На дворе Есифа Давыдовича представлены следы хозяйственной деятельности, прежде всего отходы сапожного ремесла в виде многочисленных обрезков кожи [21, табл. 36, с. 441, 442]. Найдена сапожная колодка (11—12—1060) [35, с. 19—21, табл. II]. О наличии ювелиров среди обитателей двора Б говорят находки двух пинцетов (11—11—515, 11—16—4), которыми пользовались при обработке цветных металлов, а также литейной формочки для отливки крестов (10—11—472) [36, с. 22, 23, табл. 3, *2*; 37, с. 267, 268, рис. 8, *7*]. Детали ткацких станков: юрки (11—12—1056, 11—10—516, 11—16—22), подножки (11—12—1063, 11—16—292), ниченка (11—16—21), челнок (11—16—21) [35, с. 69, 70, табл. 67, *5*],— относятся к ткачеству. Резец для художественной резьбы по дереву (10—15—273) и лучковая продольная пила (10—15—220) [35, с. 35, рис. 18, *7, 8*, с. 46, рис. 30, *2*] объясняют обилие на усадьбе Есифа резных изделий. Здесь, видимо, жил резчик по дереву. Представления о вотчинном хозяйстве дворовладельца дополняют тесло для долбления лесной борти (11—8—928) [36, с. 31, 33, табл. 9, *2*, рис. 16, *2*; 38, рис. 49, *3*], клепка кадки для варки пива (10—14—25) [35, с. 27], предметы, связанные с ловлей крупной рыбы: массивная трехзубая острога (11—16—283) [36, с. 78], обруч от мережи (10—10—514) [35, с. 23], жерлица (10—15—5) [35, с. 21] Этот перечень дополняют два поплавка от неводов (11—15—275, 10—9—924) [35, с. 22, рис. 12, *2*, табл. 7, *1*]. В распоряжении владельца усадьбы, по-видимому, была большая лодка или судно, позволявшее совершать дальние поездки. Найдены две доски от борта корабля (11—13—913), корабельный шпангоут (11—13—913) и кляп — деталь парусного снаряжения (11—12—1035) [35, с. 60, 61, табл. XXXV, табл. 58, *1*].

Возникает вопрос: к какой социальной категории должен быть отнесен Есиф Давыдович — к боярам или житьим? Отвечает на данный вопрос термин «муж добръ», который применен в летописи к данному новгородцу. Правда, среди исследователей не существует единой точки зрения относительно его социального содержания. Л. В. Черепнин [39, с. 27, прим. 70] и М. Н. Тихомиров [40, с. 165] видят в «добрых мужах» бояр. В. О. Ключевский [41, с. 103] относил термин в равной степени к боярам и житьим. Н. Л. Подвигина [42, с. 74] считает, что определить, к какой именно социальной категории относятся «добрые мужи», нельзя, так как летописец чаще всего употребляет этот термин в весьма широком смысле. Однако замечу, что никто до сих пор не занимался анализом всех упоминаний «добрых мужей» в летописи.

Оказалось, данный термин имел несколько значений, в основном совпадавших с приводимыми в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» [43, с. 270]: 1) хороший, безукоризненный — под 1223, 1226, 1330, 1359 гг. [16, с. 263, 269, 270]; 2) исполненный достоинства, добродетелей, достойный — под 980, 1066, 1131, 1134, 1223, 1226, 1299 гг. [16, с. 128, 186, 207, 208, 263, 269, 270, 329]; 3) почтенный, знатный, богатый — под 1137, 1204, 1238, 1240, 1262, 1268, 1269, 1293 гг. [16, с. 209, 242, 287, 294, 312, 315—317, 328]. Но если просмотреть случаи использования термина в последнем значении, то нельзя

не отметить разницу в его применении в XIII и XIV вв. В XIII в. он, действительно, имеет обобщающее значение. Так, под 1269 г. к «добрым мужам» отнесены как бояре, так и житьи (имеется в виду тысяцкий Кондрат), ладожане, псковичи: «...за грехы нас казнить богъ и отъятъ от насъ мужи добре» [16, с. 316, 317]

В XIV в. положение меняется. «Добрые мужи» начинают противопоставляться боярам и купцам. Например, под 1316 г. говорится: «Бысть же тогда попущениемъ божиимъ, не мало зло створися (действие происходит в Торжке.— *В. Б.*): съступившемася обеима полкома, бысть сеча зла, яко не мощи исповедати, и ту убиша много *добрых мужь* (курсив мой.— *В. Б.*) и бояръ новъгородчкых: убиша Ондрея Климовича, Юрья Мешинича, Селивана, Тимофея Андреянова сына тысячкого, Онанью Мелуева, Офоноса Романовича и купцевъ добрых много, а иных новгородцовъ и новоторжьцовъ богъ весть» [16, с. 336].

Фразу о добрых мужах можно понять двояко: 1) «...и ту убиша много добрых мужь: и бояръ новъгородчкых (следует перечень бояр.— *В. Б.*) и купцевъ добрых много, а иных новгородцовъ и новоторжьцовъ богъ весть»; 2) «...и ту убиша много добрых мужь и бояр новъгородчкых: убиша (следует перечень „добрых мужей" и бояр.— *В. Б.*) ... и купцевъ добрых много, а иных новгородцов и новоторжьцов богъ весть».

В первом случае «добрые мужи» — обобщающее слово, примененное по отношению к боярам и купцам. Тогда в списке убитых должны стоять исключительно бояре. Рассмотрим этот список. Первыми упомянуты два посадника: Андрей Климович и Юрий Мишинич, оба — бояре. Затем следует никий Селиван без отчества, за ним — сын тысяцкого Тимофей Андреянович. Завершают список неизвестные Ананий Мелуев и Афанасий Романович. Селиван отчества не имеет, что заставляет подозревать его небоярское происхождение. Не мог принадлежать к боярскому сословию и сын тысяцкого, поскольку, как уже отмечалось, в XII — первой четверти XIV в. тысяцкие избирались из житьих [15, с. 329, 330; 17, с. 128]. Отец Тимофея Андреян Елферьевич впервые был избран тысяцким в 1286 г. [16, с. 326]. Следовательно, первый вариант прочтения летописного сообщения неверен, необходимо принять второй.

Другой пример четкого противопоставления «добрых мужей» боярам имеется под 1375 г., когда новгородцы послали с веча к владыке «наместьника князя великаго Ивана Прокшинича, посадника Юрья и тысячкого Олисея и иных многых бояръ и добрых муж» [16, с. 373]. Обращает на себя внимание, что под 1380 г. летописец опускает фразу «добрые мужи» и заменяет термин на «житьи мужи». Все дается в том же контексте, что и сообщение 1375 г.: «И владыка прия челобитье своих детеи, всего Новагорода, поиха на Низъ, за неделю до цветнои неделе; а с нимъ поиха Юрьи Иванович, Михаило Данилович, Юрьи Онцифорович, Иевъ Обакунович, Иванъ Федорович и иных бояръ много и житьих мужь» [16, с. 376] Данное сообщение окончательно убеждает меня в тождестве «добрых мужей» и житьих для летописной терминологии XIV в. Особо следует отметить, что с 1380-х годов «добрые мужи» на страницах Новгородской Первой летописи не встречаются. Их в 1380 г. заменили «житьи мужи», а затем «житьи» или «житьи люди». Примечательно также, что из официальных актов именно в 70—80-х годах XIV в. исчезает термин «меньшие», обозначающий небояр. Тогда же акты начинают говорить о житьих и черных [44, с. 254, примеч.]. Иными словами, в начале XIV в. идет активный поиск социальной терминологии. Термин «добрые мужи» стал использоваться применительно к феодалам-землевладельцам небоярского происхождения. С 70—80-х годов XIV в. он был заменен на «житьи».

Итак, имеются основания считать комплекс усадьбы Б на Холопьей улице первой половины XIV в. не боярским, а житьим. Выделение усадьбы житьего проводится впервые. До сих пор были известны только берестяные грамоты житьих (№ 519—521), да и то они были найдены случайно при земляных работах [45, с. 112—122]. Предпринимались попытки выделить актовые документы

феодалов небоярского происхождения [46]. Сами дворы житьих ускользали от археологов, хотя попытки их атрибутировать были [47, с. 167]. Житьи — весьма представительная часть новгородских усадьбовладельцев. Известно, что в 1489 г. в Низовские земли из Новгорода было выведено более тысячи «боярских голов» и около 7 тыс. житьих людей [48, с. 220; 49, с. 36]. По самым грубым подсчетам, на каждый конец Новгорода в XV в. приходилось около 200 бояр и 1400 житьих. Если и в дальнейшем все усадьбы размером 1500—2000 м^2 будут относить только к боярским, то житьи обречены остаться загадкой новгородской археологии.

Вторым важным комплексом дворов Холопьей улицы следует назвать владения братьев Фомы и Есифа (усадьбы А, Б, В) рубежа XIV—XV вв. Берестяные грамоты этих новгородцев рассмотрены мною в одной из статей [50, с. 219—224]. Установлено, что Фома и Есиф — феодалы-землевладельцы, в собственности которых находилось более полутора десятка сел, откуда к ним в Новгород шли поступления пушниной и продуктами. Фома был судьей в торговом суде. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, так как оно способно установить социальную принадлежность этого новгородца. Береста № 25 посвящена разбору спорного дела между немцем и новгородцем из-за коня. Согласно договорным грамотам, такие споры решал торговый суд с участием посадника: «А будет ссора между немцами и новгородцами, кончать ссору на дворе святого Ивана перед посадником, тысяцким и купцами (купеческими старостами.— *В. Б.*)» [51, с. 60, № 31 и др.]. Следовательно, Фома был либо посадником, либо тысяцким, либо купеческим старостою.

Для указанного времени известны два новгородских посадника с таким именем. Фома Есифович упомянут в договорной грамоте 1409 г. Великого Новгорода с Ригою, Юрьевом и Колыванью [51, с. 86—88, № 49]. Фома Иванович известен по спискам новгородских посадников [16, с. 164, 472]. В. Л. Янин определил их местожительство — Прусская улица Загородского конца [14, с. 145—147]. Не значится имени Фомы и среди новгородских тысяцких этого времени [52, с. 97—104]. Остается признать Фому купеческим старостою. Как известно, купеческие старосты были тесно связаны с объединением купцов — «вощников», что прослеживается по переписке Фомы. Комментируя письмо № 129, где речь идет о продаже воска, Л. В. Черепнин прямо отмечает, что в бересте говорится о полицейском надзоре за торговцами [39, с. 286].

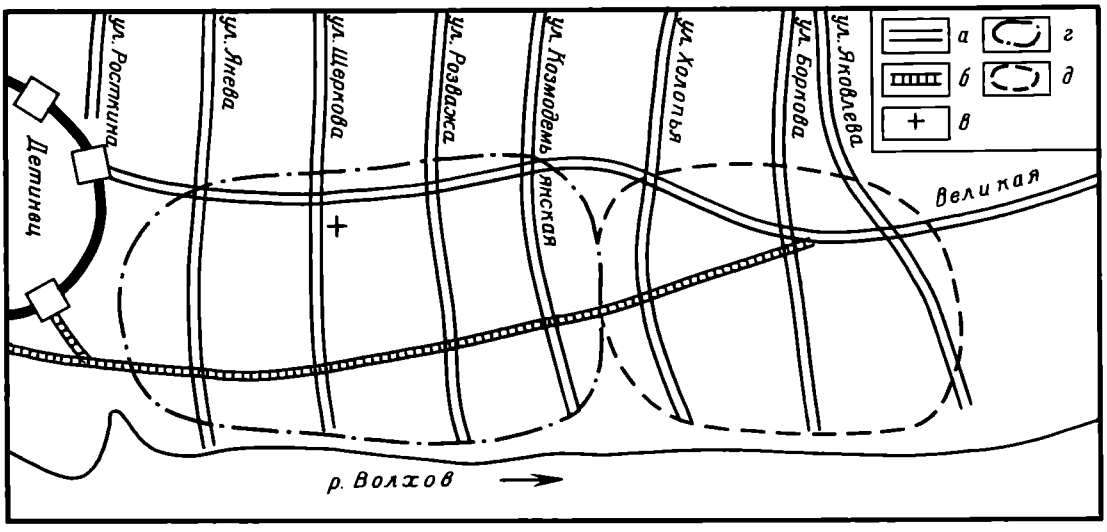
Среди соседей житьего Есифа Давыдовича и купеческого старосты Фомы в XIV—XV вв. на Холопьей улице были и более мелкие феодалы, растовщики, ремесленники [50, с. 212, таблица] [2], т. е. небояре [3] «Аристократические усадьбы посадничьей династии» здесь не выявлены.

Пересмотр выводов о социальной топографии Холопьей улицы должен повлечь за собой изменение устоявшегося представления и о социальной топографии Неревского конца в целом. Коль скоро Малышевичи были житьими, а не боярами и коль скоро на Холопьей улице не было прослежено боярских усадеб, то вряд ли на сегодня приходится говорить о распространении влияния Малышевичей — Мишиничей на огромный район Новгорода от Холопьей улицы до церкви Сорока мучеников. Можно лишь констатировать, что дворы Миши-

---

[2] В указанной статье я ставил знак равенства между феодалом и боярином. Считаю это ошибкой: феодал мог быть и житьим. Предположительное определение для начала XV в. (ярусы 5—3-й) принадлежности двора В как окраины двора Д Мишиничей было основано на заключении П. И. Засурцева [50, с. 207] Однако оно не учитывало наличие в Новгороде межуличанских постоянных границ, возобновлявшихся с промежутками времени и бывшими неизменными [22]. Иногда вместо частоколов в роли границ уличанских территорий были стены срубов.

[3] В качестве доказательства боярской принадлежности усадеб Холопьей улицы В. Л. Янин использует грамоты № 140 и 142, где упомянут Марк [14, с. 46], которого исследователь отождествляет с Марком Варфоломеевичем. Такое тождество крайне спорно, так как Марк берестяной переписки указан без отчества, да и вообще неизвестно, был ли у Варфоломея сын с таким именем. Источники об этом хранят молчание.



Неревский конец X—XV вв. *а*— улицы; *б*— реконструируемая мостовая; *в*— церковь Сорока мучеников; *г*— примерные границы ядра Неревского конца (боярский поселок); *д*— примерные границы поселения, предшествовавшего Новгороду

ничей — Онцифоровичей сосредотачивались в XIV в. на двух улицах — Козмодемьянской и Розваже. Распространялись ли они далее на юг, образовывали ли массив, об этом говорить пока рано. В этой связи можно поставить под сомнение и другое заключение — что в Неревском конце насчитывалось две боярские патронимии, каждая из которых была опоясана кольцом церковных построек: одна патронимия включала дворы Козмодемьянской улицы и улицы до церкви Сорока мучеников, вторая — усадьбы Холопьей, Борковой, Яковлевой и прочих улиц.

Надо полагать, что и распределение населения Неревского конца по двум соборным участкам, зафиксированное в «Семисоборной росписи», восходящей к эпохе новгородской независимости [53, с. 108—117], было связано не с двумя патронимиями, как полагает В. Л. Янин, а имело иные основы. Весьма ценной нахожу мысль П. И. Засурцева о двух поселках, прослеженных в Неревском раскопе. Южный поселок с регулярным характером мостовых был уже городом в середине X в. (28 ярус); северный — возможно, *более древний* [19, с. 86, 162] Конечно, для проверки гипотезы П. И. Засурцева необходимы дальнейшие раскопки. Но если она окажется верной, то наличие второго поселка на стадии возникновения Новгорода прекрасно объяснит причину существования в Неревском конце двух соборных участков [4] Южное поселение было связано с потомками родоплеменной знати, северное — рядовое, догородское [5] После принятия христианства в каждом из поселков был создан свой приход со своей церковью. Со временем, когда увеличилось число церковных зданий, оформились соборные участки. Два собора в Неревском конце могли возникнуть в условиях крайней разобщенности, изолированности жителей обоих поселений. Разобщенность не была преодолена даже тогда, когда поселки соприкоснулись друг с другом. Причины, очевидно, носили социальную окраску. Прихожане церкви Якова, надо полагать, с самого начала не были боярами. Показательно, что одна из древнейших церквей северной части Неревского конца была посвящена покровителю торговцев и ремесленников — Николе (заложена в 1135 г.).

Для будущей археологической проверки настоящей гипотезы необходимо учитывать местоположение боярского поселка (собственно Неревского конца)

---

[4] А. С. Хорошев полагает, что разделение церквей по соборным участкам следует относить к 1385 г. в связи с отказом Новгорода от митрополичьего суда [54, с. 114, 115].

[5] В таком случае перед археологами открывается заманчивая перспектива изучить остатки сельского поселения, законсервированного под городскими слоями XI—XV вв. Этот памятник может оказаться единственным из древнерусских деревень, где сохранилось дерево, что уникально.

и местного поселения. Наблюдения за распределением мощности культурного слоя Неревского раскопа в доярусный период, а также за местоположением оград древнейших 28—27-го ярусов [22, с. 97, рис. 3] показывают, что наиболее древние слои и планировка тяготеют к юго-востоку и востоку, т. е. к берегу реки, где обычно и располагались поселения. Поэтому представляется вовсе не случайным наличие в северной части Детинца двух проездных башен: Федоровской, через которую проходила Великая улица в Неревский конец, и Владимирской, со стороны Волхова. Напрашивается вывод, что еще в XI в. из проезда на месте Владимирской башни выходила вторая магистраль, более древняя, чем Великая улица. Она тянулась вдоль берега Волхова. Видимо, на этой первоначальной дороге и располагались два ядра будущего Неревского конца (рисунок). Эта магистраль не могла быть прослежена С. Н. Орловым [55] в современной траншее, поскольку плахи лежат на значительной глубине.

Спорность проблемы социальной топографии Неревского конца свидетельствует о необходимости продолжения раскопок в этой части Новгорода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Строков А. А.* Раскопки Холопьей улицы древнего Новгорода // НИС. 1936. Вып. 1.
2. *Константинова Т. М.* Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период // НИС. 1959. Вып. 9.
3. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I// МИА. 1956. № 55.
4. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II // МИА. 1959. № 65.
5. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III // МИА. 1963. № 117.
6. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV // МИА. 1963. № 123.
7. *Авдусина Г А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция // АО — 1969. М., 1970.
8. *Янин В. Л.* Тихвинский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
9. *Хорошев А. С.* Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
10. *Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С., Ершевский Б. Д.* Новгородская экспедиция // АО—1976. М., 1977.
11. *Буров В. А.* Вечевая площадь Неревского конца древнего Новгорода // СА. 1982. № 3.
12. *Колчин Б. А.* К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 гг.) // КСИА. 1964. Вып. 99.
13. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высш. шк., 1977.
14. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981.
15. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962.
16. Новгородская Первая летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
17. *Янин В. Л.* К проблеме новгородских сотен // АЕ — 1973. М., 1974.
18. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
19. *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV // МИА. 1963. № 123.
20. *Буров В. А.* Социальная топография Новгорода XIV—XV вв. (по материалам Неревского раскопа 1951—1962 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1982.
21. *Буров В. А.* Социальная топография Новгорода XIV—XV вв. (по материалам Неревского раскопа 1951—1962 гг.). Дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М.: МГУ, 1982.
22. *Буров В. А.* Уличанская община древнего Новгорода по археологическим данным // СА. 1985. № 4.
23. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
24. *Буров В. А.* «Муж добръ Есифъ Давыдович» // СА. 1975. № 4.
25. *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.
26. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода // МИА. 1959. № 65.
27. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
28. *Нахлик А.* Ткани Новгорода // МИА. 1963. № 123.
29. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево // САИ. 1971. Вып. Е1-55.
30. *Арциховский А. В.* Раскопки 1951 г. в Новгороде // СА. 1953. Т. XVIII.
31. *Арциховский А. В.* Раскопки 1955 года в Новгороде // Вопр. истории. 1956. № 3.
32. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII века. М.: Искусство, 1975.
33. *Арциховский А. В.* Раскопки 1954 года в Новгороде // Вопр. истории. 1955. № 2.
34. *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала X—XV вв. // СА. 1960. № 2.
35. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные издения // САИ. 1968. Вып. Е1-55.

36. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. 1959. № 65.
37. *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. // МИА. 1963. № 117.
38. *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. 1956. № 55.
39. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.
40. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1956.
41. *Ключевский В. О.* Курс русской истории Ч. 2. М., 1918.
42. *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М.: Высш. шк., 1976.
43. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977.
44. *Алексеев Ю. Г* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // ИЗ. 1979. Т. 103.
45. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 годов). М.: Наука, 1986.
46. *Тихомиров М. Н., Щепкина М. В.* Два памятника новгородской письменности // Тр. ГИМ. 1959. Вып. 8.
47. *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
48. Патриаршая, или Никоновская летопись // ПСРЛ. 1965. Т. XII.
49. Софийская Первая летопись // ПСРЛ. 1853. Т. VI.
50. *Буров В. А.* Заметки о новгородских берестяных грамотах // СА. 1979. № 1.
51. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
52. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII—XV вв. М.: Наука, 1970.
53. *Янин В. Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
54. *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической структуре Новгородской феодальной республики. М.: Изд-во МГУ, 1980.
55. *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода X—XVI вв. // Новгород. К 1100-летию города. М.: Наука, 1964.

V A. Burov

ON THE SOCIAL TOPOGRAPHY OF THE NEREV PART OF MEDIAEVAL NOVGOROD

Summary

A detailed investigation of the 1951—1962 materials from the Nerev dig testifies that the large urban estates along the Kholopya Street did not belong to members of the feudal nobility. In the 14th and 15th centuries there lived commoners Esif Davydovich and Foma, the head of a merchants' league. This casts doubt on the opinion that a boyar family the Mishinichi-Ontsifo-rovichi owned the houses along this street. There is no evidence in the written sources that the Malyshevichi, a non-noble family that resided in the Kholopya street and the Mishinichi belonged to one and the same clan. There is no ground either to suggest that the Mishinichi owned a large tract of urban territory stretching from the Kholopya street to the Church of the Forty Martyrs. The very fact that the Nerev district included two parishes indicates, according to the author, that it was formed of two settlements rather than of two patrimonial estates.

Н. А. МАКАРОВ

НОВГОРОДСКАЯ И РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В БАССЕЙНАХ ОЗЕР БЕЛОЕ И ЛАЧА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Участие Новгорода и Ростова в освоении северных областей Восточной Европы рассматривается в современной историографии как установленный факт, а вопрос о соотношении двух колонизационных потоков занимает одно из важнейших мест в работах по средневековой истории Севера. Основные усилия исследователей, изучавших эту проблему, были направлены на то, чтобы очертить на карте севера Восточной Европы районы, население которых формировалось за счет выходцев из Новгородской и Ростово-Суздальской земли, установить географию новгородских и ростовских владений [1, с. 13—57; 2, с. 93—116; 188—190; 3, с. 1—10; 4, с. 5—29; 5, с. 20—31; 6, с. 189—193; 7, с. 89, 90, 275—282] Первоначально для изучения привлекались лишь письменные источники. Однако уже в 1950—1960-х гг. ряд исследователей, прежде всего М. В. Витов, осознали необходимость расширения источниковедческой базы и широкую возможность ретроспективного использования других материалов — антропологических, диалектологических, этнографических, фольклорных. Сложившиеся в настоящее время представления о направлениях колонизационных потоков и локализации древнейших новгородских и ростовских владений на Севере основываются в значительной степени на результатах анализа антропологических данных, диалектологических карт, этнографических и фольклорных материалов, относящихся к современности или недавнему прошлому и отражающих, по мнению большинства исследователей, историческую ситуацию, существовавшую на Севере в средневековье [8, с. 81—109; 9, с. 110—119; 10, с. 8—21; 11, с. 116—118; 12, с. 33—77]. Археологические материалы для реконструкции колонизационных процессов практически не привлекались, что объясняется вполне естественной причиной — слабой археологической изученностью памятников эпохи средневековья на Севере. Между тем в последнее десятилетие в археологическом изучении Европейского Севера произошли заметные сдвиги. Были предприняты целенаправленные поиски памятников древнерусского времени н территории Архангельской и Вологодской областей, произведено подробное обследование некоторых наиболее интересных в историческом отношении микрорегионов, на ряде поселений и могильников проведены широкие раскопки. Общий объем археологического материала существенно увеличился, и вполне своевременным представляется поставить вопрос о возможности использования этого материала для реконструкции различных колонизационных потоков на Севере в средневековье.

Первое летописное известие о военном столкновении новгородских данщиков с суздальцами в Заволочье относится к 1169 г. [13, с. 33, 220, 221]. Действия новгородца Даньслава Лазутинича, взявшего дань «на суздальских смердах», на одной из далеких слабозаселенных окраин Руси, вызвали беспрецедентные по своему характеру ответные меры со стороны Андрея Боголюбского — поход на Новгород. Острота и масштабы этого конфликта заставляют предположить, что события 1169 г. имели длительную предысторию, а проникновение новгородцев и суздальцев на Север началось задолго до середины XII в. Мы вправе

полагать, что расселение выходцев из Новгородской и Ростово-Суздальской земли на смежных территориях, близкое, а иногда и чересполосное расположение новгородских и ростовских погостов на Севере уходят корнями в очень глубокую древность. Поэтому при изучении колонизационных потоков археологические памятники X—XI вв. заслуживают не меньшего внимания, чем памятники более поздней эпохи.

В настоящей работе рассматриваются археологические материалы X—XIII вв., происходящие из бассейнов озер Белое и Лача. Этот регион, известный также под общим названием Восточное Прионежье, в археологическом отношении изучен лучше других. Центром его было Белоозеро. На территории Восточного Прионежья, связанного удобными речными путями с Новгородом и Верхним Поволжьем, находились важнейшие волоки, которые открывали дорогу на север и восток — в бассейны Онеги и Северной Двины. Восточное Прионежье являлось, таким образом, «воротами» Севера, через которые проходило значительное количество переселенцев из Новгородской и Ростово-Суздальской земель, направлявшихся в Заволочье. И хотя связи Белоозера с Ростовом были более древними и прочными, чем у других севернорусских областей, географическое положение этого региона позволяет считать его перспективным в плане поисков следов не только ростовской, но и новгородской колонизации.

В бассейнах озер Белое и Лача известно сейчас более 100 археологических памятников X—XIII вв. Раскопками исследованы летописное Белоозеро, поселение Крутик, городище Никольское I и ряд селищ. Значительные полевые работы были проведены в 1978—1986 гг. на погребальных памятниках: исследовано около 220 погребений в 10 могильниках. Почти на всех памятниках найдены вещи как финно-угорских, так и древнерусских типов, что свидетельствует об интенсивном смешении разноэтничного населения, происходившем на этой территории. При раскопках получены огромные коллекции керамики, украшений, бытовых вещей и орудий труда [14, с. 19, 20, 57—193; 15; 16, с. 80—86; 17, с. 215—219; 18, с. 23—31; 19, с. 61—69; 20; 21, с. 210—216]

Наиболее логичным и естественным путем исследования кажется выделение среди всей массы славянских древностей Восточного Прионежья двух групп — новгородской и ростово-суздальской и последующее рассмотрение их хронологии и ареалов. Однако при знакомстве с конкретным материалом выясняется, что подобное разделение вещей древнерусских типов едва ли возможно. Большинство этих предметов относится к широко распространенным типам, не имевшим замкнутых ареалов. Так, среди височных колец, найденных в бассейнах озер Белое и Лача (всего около 250 экз.), преобладают проволочные перстнеобразные и бусенные, известные во всех древнерусских областях. Характерные для Новгородской земли ромбощитковые височные кольца исключительно редки (4 экз.), столь же редки и проволочные браслетообразные кольца (6 экз.), появление которых можно было бы связывать с верхневолжско-кривичской (ростово-суздальской) колонизацией. Основания для атрибуции украшений славянских типов как новгородских или ростово-суздальских в подавляющем большинстве случаев отсутствуют. Остается добавить, что в Восточном Прионежье почти неизвестны и характерные для Новгородской земли типы погребальных памятников — сопки и жальники.

Тем не менее попытку реконструировать по археологическим данным два колонизационных потока нельзя считать безнадежной. Исходным материалом для реконструции могут стать финно-угорские древности Восточного Прионежья. Как показали полевые исследования последнего десятилетия, уже в конце I тыс. н. э. Белоозеро выступает не столько как самостоятельный центр финно-угорской культуры, сколько как область, заимствующая различные элементы культуры соседних финно-угорских областей, прежде всего Прибалтики и Поволжья [15, с. 11—14] Среди древностей финно-угорского облика конца I тыс. выделяется группа западных (прибалтийских) и восточных (поволжских) вещей. Эти же группы могут быть выделены и в материалах начала II тыс. Логично предположить, что присутствие в археологических материалах вещей

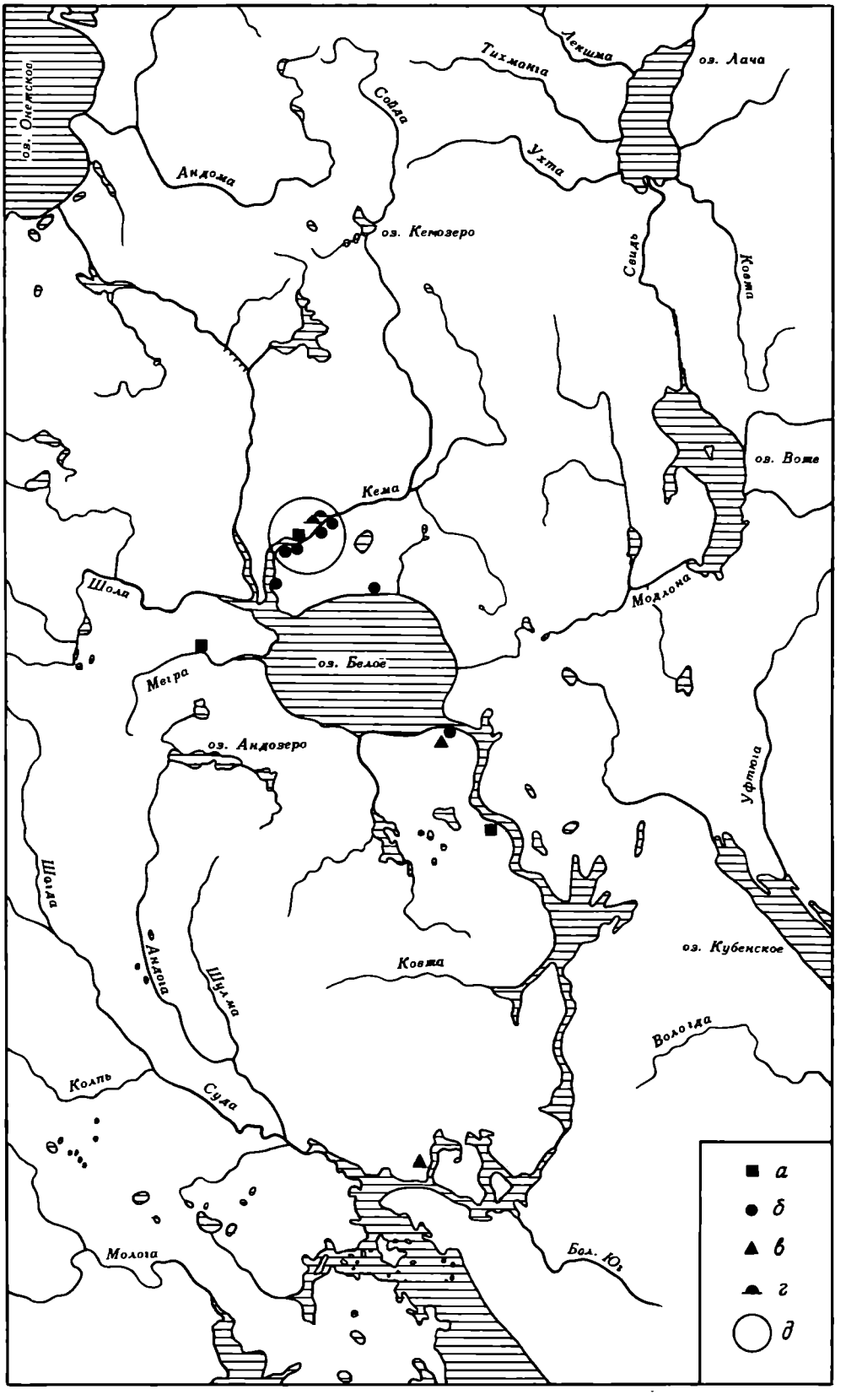


Рис. 1. Археологические памятники конца IX— третьей четверти X в. в бассейне озер Белого и Лача. *а*— городище и поселения на останцах; *б* — неукрепленные поселения; *в* — местонахождения вещей и керамики; *г* — сопки; *д* — памятники с преобладанием западных элементов в культуре

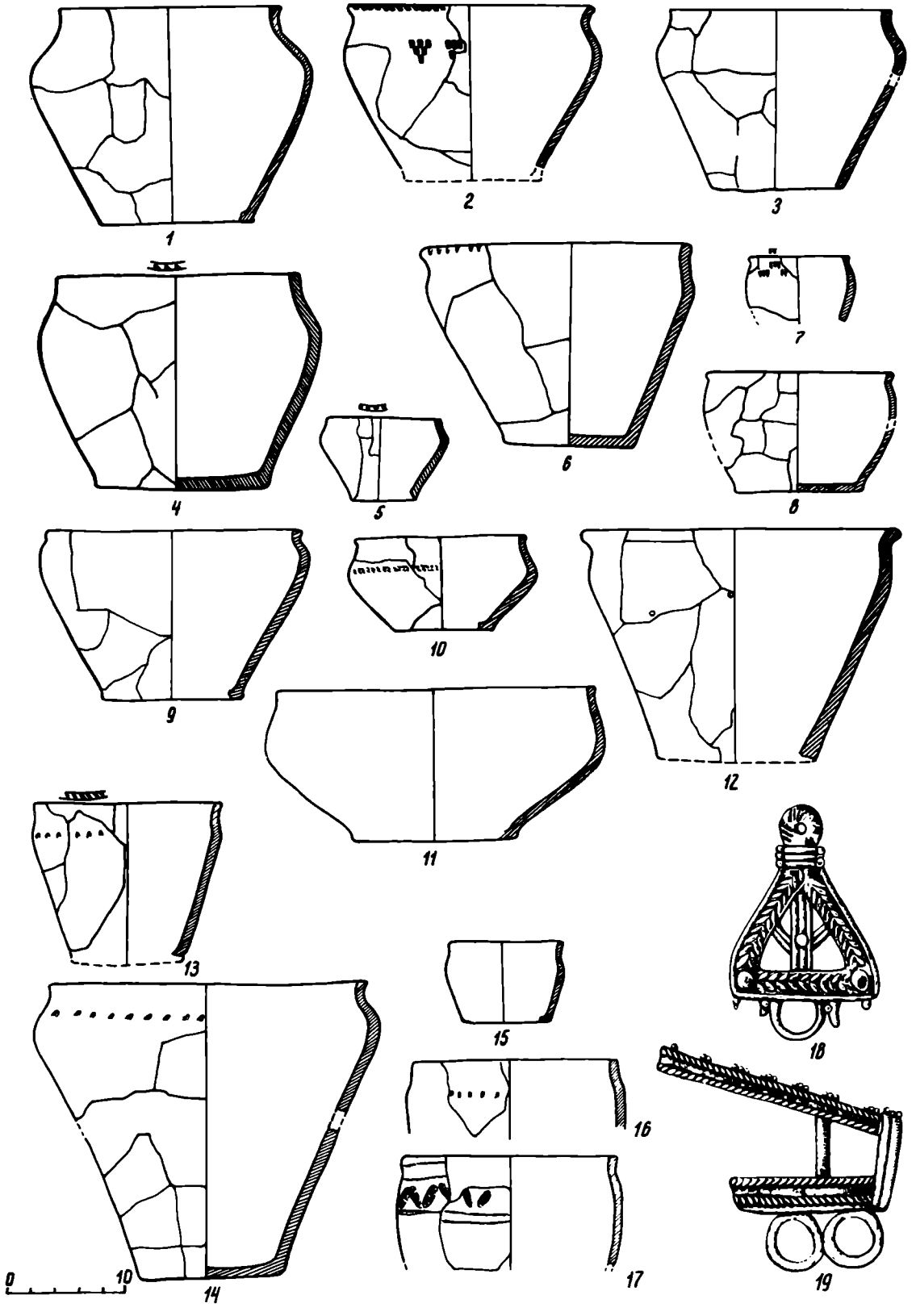


Рис. 2. Керамика и украшения восточных и западных типов из бассейна Белого озера, конец IX— третья четверть X в. *1—17*— поселение Крутик; *18, 19*— Белоозеро

прибалтийского и поволжского круга отражает наличие двух колонизационных потоков — западного и южного. Исторически это явление объясняется тем, что среди переселенцев, продвинувшихся в Восточное Прионежье, были не только славяне, но и представители мерянских и чудских группировок — обитатели

древнерусской метрополии, втянутые в колонизационное движение на северные окраины. Следует отметить, что мысль о возможности рассматривать предметы западнофинских и восточнофинских типов как индикаторы новгородской и ростовской колонизации была впервые высказана О. В. Овсянниковым и В. А. Назаренко при анализе материалов одного из средневековых памятников Важского бассейна — Корбольского могильника [22, с. 103—106].

Обратимся к конкретным археологическим материалам Восточного Прионежья. Они распадаются на три хронологические группы: 1) конец IX— третья четверть X в.; 2) конец X — первая четверть XII в.; 3) середина XII — середина XIII в.

Материалы первой хронологической группы происходят из 14 пунктов. К этому периоду относятся одно городище, два поселения на останцах, восемь открытых неукрепленных поселений (в том числе древнейший поселок на месте Белоозера и крупное поселение в Киснеме на северном берегу Белого озера), две сопки и один монетный клад (рис. 1). Наиболее изученным памятником является поселение Крутик в верхнем течении Шексны, исследованное Л. А. Голубевой [23, с. 42—47; 24, с. 227—229; 25]. Крутик играет роль опорного памятника для разработки хронологии: на поселении найдено 13 целых и фрагментированных куфических монет, самая ранняя из которых датируется 778/779 или 782/783 г., самая поздняя — 943—954 гг. По материалам Крутика можно составить достаточно подробное представление о культуре Восточного Прионежья в конце I тыс. н. э.

В керамическом комплексе в этот период ведущим типом были невысокие горшки с максимальным расширением в верхней трети или немного ниже, отчетливо выделенными плечиками и сильно сужающимися к дну стенками (рис. 2, *1—5*). На различных памятниках доля сосудов этого типа составляет от 45 до 55%. Генетическая связь его с местной керамикой более раннего времени не прослеживается. Вместе с тем многочисленные аналогии сосудам данного типа можно найти в восточнофинских древностях: среди керамики мерянских поселений в бассейне оз. Неро, городища Попово на р. Унже, Холуйского, Подболотьевского, Максимовского и Безводнинского могильников, ряда рязанско-окских и мордовских могильников [26]. На других территориях в лесной полосе Восточной Европы сосуды данного типа не получили распространения. В целом этот тип может быть атрибутирован как поволжско-финский. Аналогичную атрибуцию получают и некоторые другие типы керамики Восточного Прионежья: сосуды усеченно-конической формы со слабо выделенным плечиком, узким дном и широким устьем (рис. 2, *6*, *12*), приземистые горшки с широким устьем и раздутым туловом (рис. 2, *7*, 8), мискообразные сосуды округлой или усеченно-конической формы с непрофилированной верхней частью, выпуклыми стенками и прямым или загнутым внутрь венчиком, низкие миски с широким устьем, узким дном и отчетливо выраженными плечиками (рис. 2, *10*, *11*). Все они имеют аналогии в мерянских, муромских и мордовских памятниках [26] Необходимо отметить также, что в керамическом наборе этого периода представлена, хотя и в небольшом количестве, лощеная керамика, характерная для керамического комплекса поволжских финнов.

В коллекции украшений конца IX — третьей четверти X в. также преобладают украшения поволжско-финских типов. Это прежде всего проволочные височные кольца большого диаметра, в том числе втульчатые, которые Е. И. Горюнова считала характерными для одной из групп мери, обитавшей в бассейне Нерли и в восточных районах современной Ярославской области [27, с. 96] Представительную группу вещей составляют украшения, изготовленные в наборной технике: треугольные каркасные подвески (рис. 2, *18*), подвески со щитком, спаянным из трех волют [28, с. 12], фрагментированная эполетообразная пряжка (рис. 2, *19*), ажурная кольцевидная фибула с волютами. Эта техника получила в конце I тыс. распространение главным образом в поволжско-финской среде. С этим же кругом древностей связаны и шумящие привески, найденные на Крутике и в Белоозере: бутылкообразные, воронковидные, лапчатые, трубчатые

[23, с. 45, рис. 2, *4*, *5*, *7*, *8*]. В материалах Крутика и Белоозера представлены и вещи западных типов. В их числе сосуды баночных форм (рис. 2, *15—17*) и широкодонные сосуды с пологим плечиком, имеющие прибалтийско-финское происхождение [26], горшки стройных пропорций с максимальным расширением в верхней четверти высоты, близкие сосудам Приильменья и Поволховья (рис. 2, *13*, *14*), а также некоторые типы украшений: подковообразные фибулы, бронзовые флаконовидные бусы [23, с. 45, рис. 2, *6*], пластинчатые перстни, орнаментированные «волчьим зубом». Однако в количественном отношении они уступают вещам поволжского круга. Ведущим в культуре Восточного Прионежья в конце IX — третьей четверти X в. является поволжско-финский компонент.

В Белозерской округе выделяется лишь один микрорегион, в культуре которого в этот период не прослеживается влияние поволжско-финских областей,— нижнее течение р. Кемы, впадающей в Белое озеро с северо-запада (рис. 1). Здесь находятся городище Никольское I и два селища, керамика которых резко отличается от керамики Крутика и Белоозера. В керамическом наборе этих памятников не представлены горшки с узким дном и максимальным расширением в верхней трети и другие типы керамики, характерные для Крутика и атрибутированные как поволжские. Не представлена на этих памятниках и лощеная керамика, сходная с мерянской и муромской. Здесь преобладают широкодонные сосуды с пологим плечиком и баночные сосуды прибалтийско-финских типов, встречены также сосуды «стройных пропорций», имеющие многочисленные аналогии на Северо-Западе [20]. Для керамики кемских поселений не характерен штампованный орнамент. Этот признак резко отличает ее от керамики остальных памятников Восточного Прионежья, богато орнаментированной с помощью различных штампов, и сближает с керамикой северо-западных областей Руси [29, с. 94—98] В нескольких километрах от городища Никольское I находятся две одиночные сопки — единственные в Восточном Прионежье. Для материалов памятников Кемского микрорегиона ведущими выступают западные черты, и оставившее их население отличалось по своей культуре от остальных обитателей Белозерской округи. Сделать однозначное заключение об этнической принадлежности этих памятников пока трудно: они могли быть оставлены как небольшой группой славян, продвинувшейся в район Белого озера, так и какой-либо прибалтийско-финской. Однако связь этих памятников с западными областями, где в IX—X вв. употреблялась неорнаментированная лепная керамика и бытовал обычай производить захоронения в сопках, прослеживается вполне определенно.

Таким образом, археологические материалы конца IX — третьей четверти X в. позволяют восстановить некоторые узловые моменты истории Восточного Прионежья. В конце IX в. культурная изоляция Белозерской округи была неожиданно нарушена в связи с активизацией движения по великому Волжскому пути и ростом спроса на пушнину. Будучи вовлеченным в оживленную торговую деятельность, стимулировавшую культурные связи, население Белозерской округи быстро перенимает многие элементы культуры своих южных и западных соседей, более развитых в культурном отношении и родственных по языку. Находки на поселениях Крутик, Васютино и в Белоозере керамики поволжских типов, характерная подлощенность части керамики, придающая ей сходство с мерянской лощеной посудой, присутствие типичных мерянских украшений указывают на тесные связи населения, обитавшего на Верхней Шексне и в районе, прилегающем к Белому озеру с юга, с населением мерянских областей. Эти находки отражают не только культурные контакты, но и направление торгово-экономических связей и в какой-то степени проникновение в этот район отдельных групп мерянского населения. По-видимому, пушнина, в больших количествах добывавшаяся обитателями поселения Крутик, вывозилась потом по Шексне в Поволжье. По Волжскому пути и по Шексне попадали на Крутик дирхемы, стеклянные бусы и другие привозные вещи. Таким образом, торгово-экономические контакты с районом Верхней Шексны были первоначально завязаны мерянским населением, влившимся позднее в состав древнерусского

населения Ростовской земли. Проникновение новгородцев в район Белого озера в этот период документируется появлением в низовьях Кемы сопок и памятников, в керамическом комплексе которых ярко выражены западные черты. Если население, оставившее эти памятники, и не было славянским, то оно испытало сильное воздействие культуры обитателей Новгородчины. Очевидно, его торговая и промысловая деятельность также была связана с Новгородом. В последние годы многие исследователи склоняются к мысли, что западный колонизационный поток в начальный период освоения Севера был связан в большей мере с Ладогой, чем с Новгородом [5, с. 20—26; 30, с. 143—146] Мнение об особой роли Ладоги в процессе колонизации было впервые высказано А. Н. Насоновым [2, с. 79—81] Не отрицая значение Ладоги как одного из возможных исходных пунктов колонизации, следует отметить, что в настоящее время мы не можем подкрепить эту точку зрения конкретными археологическими материалами. Археологические свидетельства присутствия ладожан на территориях к востоку от Онежского озера единичны. Лишь один памятник — Челмужская курганная группа — может с большими оговорками рассматриваться как принадлежащий выходцам из Приладожья [31, с. 103—112] Среди вещей западного происхождения, найденных на памятниках Вологодского и Архангельского Севера, предметы характерных приладожских типов составляют сравнительно небольшую группу.

Примечательно, что именно в этот период в Белозерской округе впервые появились поселения на труднодоступных и удобных для обороны останцах и городище. Поселения Крутик и Васютино резко отличаются по своей топографии от основной массы средневековых поселений региона: они располагаются на высоких останцах с крутыми, возможно, эскарпированными склонами и с трех сторон окружены водой — излучинами реки и речными старицами. Городище Никольское I располагается на высоком береговом мысу и защищено с напольной стороны валом и рвом. Ни в предыдущие, ни в последующие периоды урочища подобных типов не заселялись. Основная масса поселений I — начала II тыс. в Восточном Прионежье располагалась на невысоких береговых террасах — в подобных топографических условиях находилось и летописное Белоозеро, не имевшее земляных укреплений [14, с. 59—62]. В конце IX— третьей четверти X в. у населения Белозерской округи на короткое время возникла необходимость в защищенных поселениях. Симптоматично, что приемы устройства этих поселений у белозерско-верхнешекснинского населения и населения Кемского микрорегиона оказались различными. В валу городища Никольское I найдены наконечники стрел. Можно предположить, что в этот период между двумя группами населения, одна из которых была связана с мерянскими областями Поволжья, а другая находилась в сфере влияния Новгорода, сложились напряженные отношения.

Комплексы второй хронологической группы — конца X — первой четверти XII в.— более многочисленны — они происходят из 31 пункта. Кроме того, в регионе известно свыше 50 археологических памятников и местонахождений, которые датируются в широких рамках конца X—XIII в. (рис. 3). Среди памятников этого периода не только поселения, но и могильники с ингумациями, материалы которых значительно расширяют исследовательские возможности для оценки этнокультурной ситуации в регионе.

Уже предварительное знакомство с материалами этого периода позволяет сделать вывод, что в конце X — начала XI в. в жизни Восточного Прионежья происходят серьезные сдвиги. В это время прекращают существование городище Никольское I и поселения на моренных грядах-останцах — Крутик и Васютино, одновременно резко увеличивается количество селищ на открытых речных и озерных побережьях. По своим размерам и функциям среди всей массы поселений выделяются два: одно — на северном берегу Белого озера, в Киснеме, другое — у истока Шексны из оз. Белое, в урочище «Старый город». Последнее с полным основанием идентифицируется с Белоозером русских летописей [14, с. 57—62]. С XI в. начинают функционировать волоки, активно

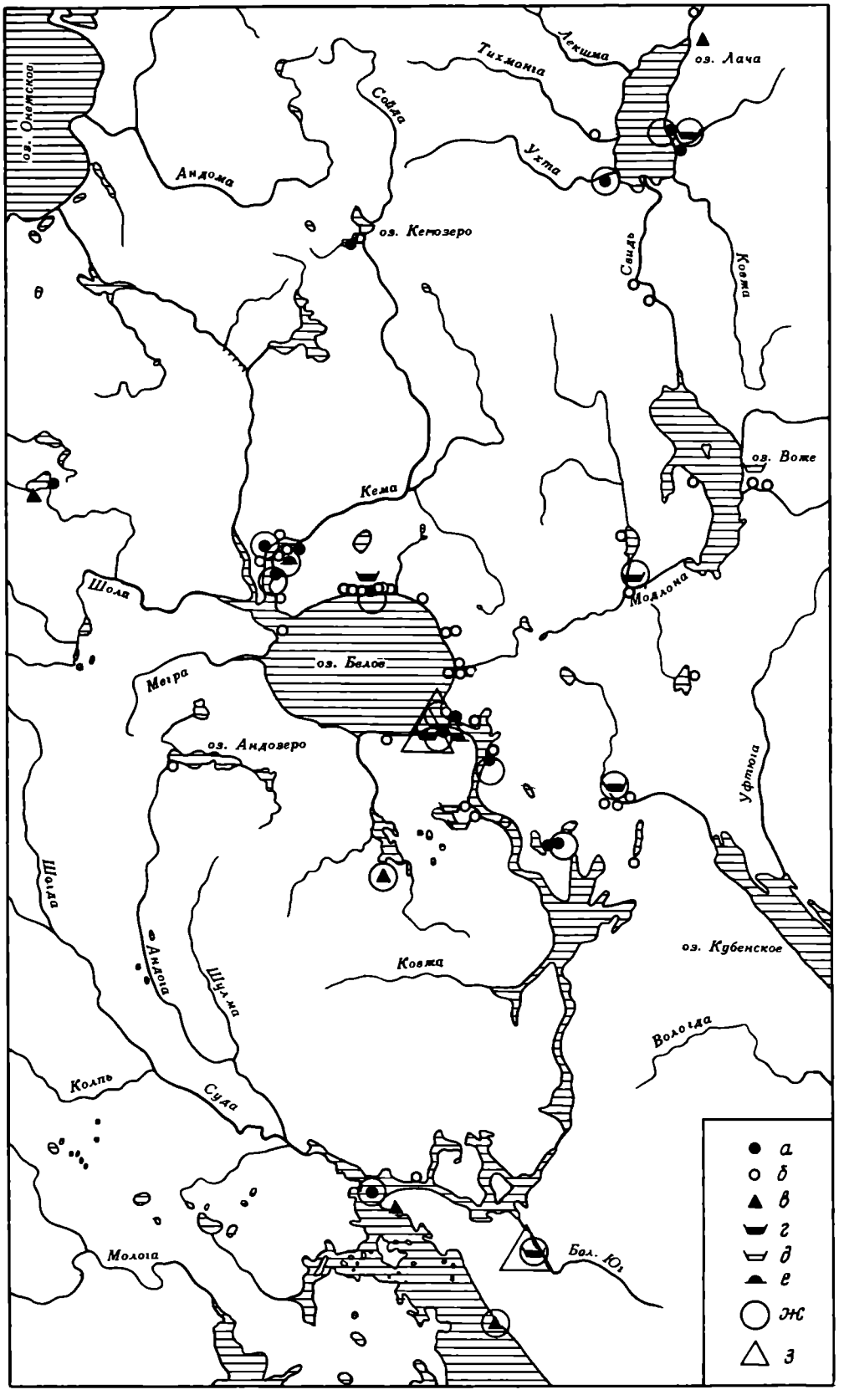


Рис. 3. Археологические памятники конца X— начала XII в. в бассейне озер Белое и Лача и находки на них предметов западных и восточных типов. *а*— неукрепленные поселения конца X— начала XII в.; *б* — неукрепленные поселения конца X— XIII в.; *в* — местонахождения вещей и керамики конца X— начала XII в.; *г* — грунтовые могильники XI— начала XII в.; *д* — грунтовые могильники XI—XIII вв.; *е* — курганы XI в.; *ж* — памятники с находками вещей западных типов; *з* — памятники с находками вещей восточных типов

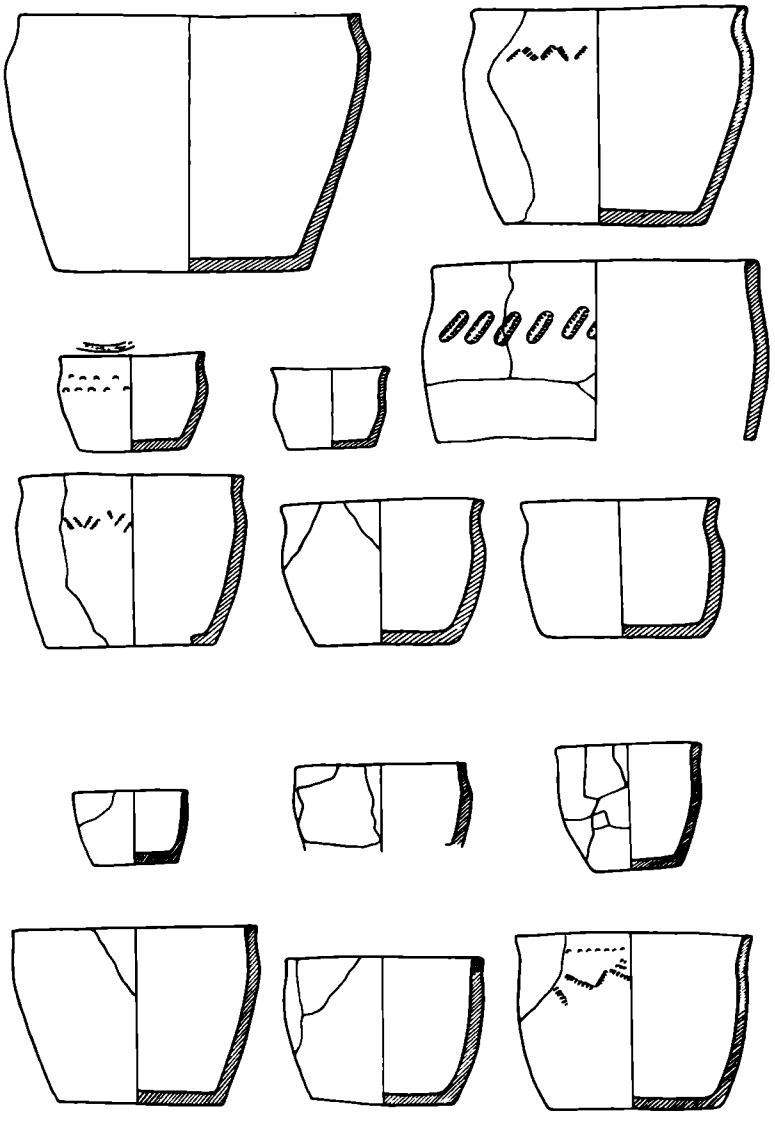


Рис. 4. Сосуды западных типов из Белоозера, конец X— начало XII в.

осваиваются территории в бассейнах озер Лача и Воже и р. Порозовицы. Очевидно, численность населения Восточного Прионежья в этот период значительно увеличивается за счет притока переселенцев извне. В конце X—XI в. начинается интенсивное смешение финно-угорского и славянского населения. Синтез финно-угорской и славянской культур наиболее ярко проявился в формировании своеобразного погребального обряда и появлении особого типа женского убора, составными частями которого стали финно-угорские и славянские украшения.

Соотношение вещей западных и восточных типов в этот период изменяется. В керамическом наборе резко сокращается доля сосудов с максимальным расширением в верхней трети и узким дном: в XI—XII вв. в Белоозере она составляет всего 3,5%. Почти полностью исчезают из обихода в этот период горшки усеченно-конической формы с узким дном и широким устьем. В то же время значительно увеличивается доля баночных сосудов: в Белоозере в слое XII в. она составляет более 77% [26]. Баночные сосуды, связанные по своему происхождению с кругом прибалтийско-финских древностей, становятся ведущим типом в керамическом комплексе Восточного Прионежья, почти полностью вытесняя сосуды мерянско-поволжских типов (рис. 4).

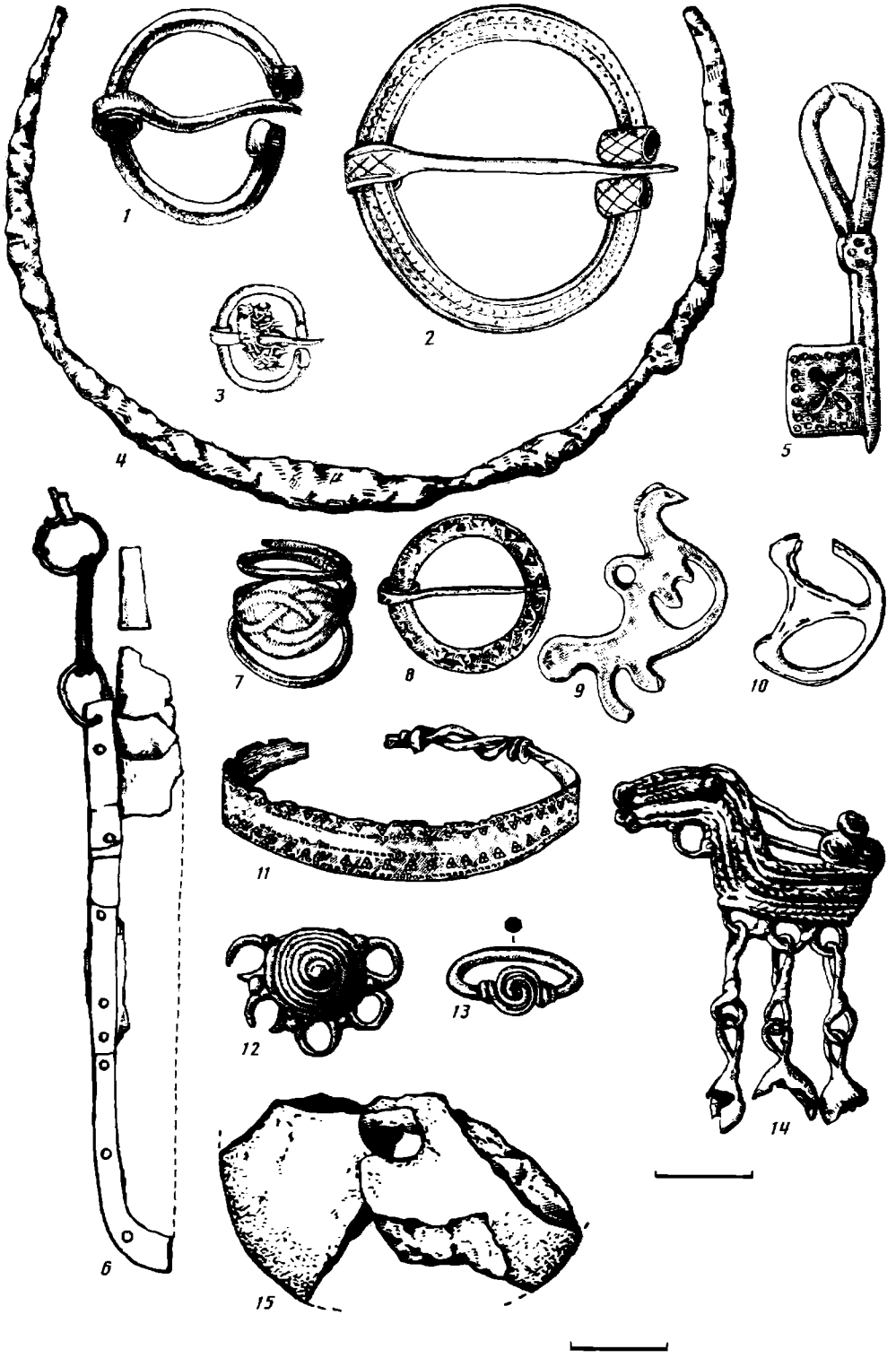


Рис. 5. Украшения и бытовые вещи восточных и западных типов из бассейна озер Белое и Лача, конец X— начало XII в. *1, 2, 7*— Попово, могильник; *3, 5, 8, 10, 11, 13*— Никольское III, курганная группа; *4*— Погостище, могильник; *6*— Нефедьево IB, могильник; *9*— Белоозеро, город; *12, 14*— Крохинские пески; *16*— Никольское V, селище

Резко возрастает в этот период и доля прибалтийско-финских украшений. Среди них прежде всего подковообразные и кольцевидные фибулы (рис. 5, *1—3, 8*). В одном из погребений могильника Погостище зафиксировано симметричное положение двух парных подковообразных фибул на груди погребенной, указывающее на определенный покрой одежды, характерный для западнофин-

ских племен — несшитую юбку на лямках [17, с. 215—219]. В числе других предметов западных типов — плоские прорезные уточки (рис. 5, *9*), подвеска-ключ (рис. 5, *5*), некоторые типы булавок, браслеты: ладьевидный узкий, дротовый звериноголовый, пластинчатый с продольными каннелюрами, пластинчатый ширококонечный с поперечными валиками на концах, пластинчатые завязанные (рис. 5, *11*); перстни: усатый с гравированным орнаментом (рис. 5*7*), круглодротовый со спиральным щитком (рис. 5, *13*). Западное происхождение имеют также некоторые бытовые вещи и предметы производственного назначения, например диски от вертикального ткацкого станка (рис. 5, *15*) и ножны ножей с бронзовой пластинчатой накладкой (рис. 5, *6*). Мерянско-поволжские украшения конца X — начала XII в. представлены очень скромной группой вещей: проволочное втульчатое височное кольцо, ажурная кольцевидная фибула, умбоновидная подвеска (рис. 5, *12*), трубчатая подвеска с привесками и два ложноплетеных конька (рис. 5, *14*).

Преимущественной концентрации предметов западных типов на отдельных памятниках или в отдельных микрорегионах в этот период не прослеживается. Керамика баночных форм встречена на всех поселениях конца X— начала XII в., украшения прибалтийско-финских типов — во всех погребальных памятниках, кроме могильника Киснема и кургана в Белоозере (рис. 3). Украшения поволжско-финских типов найдены в летописном Белоозере (в культурном слое поселения и в одном из погребений городского некрополя Крохинские Пески) и в могильнике Минино на Шексне (рис. 3). В обоих погребениях они находились в комплексе с украшениями прибалтийско-финских типов. По-видимому, локализация пунктов с находками поволжско-финских украшений вблизи Шексны не случайна — эта река оставалась основным водным путем, связывавшим Белоозеро с поволжско-финскими областями. Следует отметить, что, несмотря на присутствие в погребениях XI — начала XII в. характерных западных и восточных украшений, атрибутировать те или иные комплексы как принадлежащие выходцам из северо-западных или верхневолжских областей, как правило, не удается. Наборы украшений включают различные по своему происхождению предметы, что существенно затрудняет точную этническую диагностику.

В целом конец X — первая четверть XII в. — время, когда украшения и керамика западнофинских типов получили заметное преобладание над восточнофинскими. Вместе с тем это время наиболее интенсивной колонизации Восточного Прионежья за счет притока переселенцев извне. Можно сделать заключение, что основным фактором роста населения в Восточном Прионежье в конце X — первой четверти XII в. стало колонизационное движение с запада.

Археологические материалы середины XII — середины XIII в. более обильны, чем материалы предыдущих периодов. Комплексы этого времени происходят из 27 пунктов (рис. 6), в числе памятников — могильники с ингумациями, при раскопках которых получены значительные коллекции вещей, главным образом украшений. Однако информативные возможности этих материалов для изучения колонизационных потоков оказываются довольно ограниченными, поскольку в древностях середины XII—XIII в. сравнительно мало вещей, которые могут выступать как индикаторы западной и южной колонизационной волны. В этот период в Восточном Прионежье постепенно выходит из употребления лепная керамика, а в комплексе украшений доминирующими становятся вещи общерусских или славяно-финских типов, не имеющие определенных локальных атрибуций, и предметы местных, северных типов. Имеющиеся материалы позволяют лишь в самом общем виде судить о колонизационном процессе середины XII — середины XIII в.

Индикаторами западного колонизационного потока в этот период остаются прибалтийско-финские украшения: подковообразные фибулы, круглые подвески-медальоны со штампованным орнаментом (рис. 7, *2*, *3*), плоские ромбические подвески (рис. 7, *7*). Численность украшений этой группы невелика, по территории региона находки распределяются достаточно равномерно, они происходят с западного побережья оз. Лача, из Белоозера, из бассейна р. Поро-

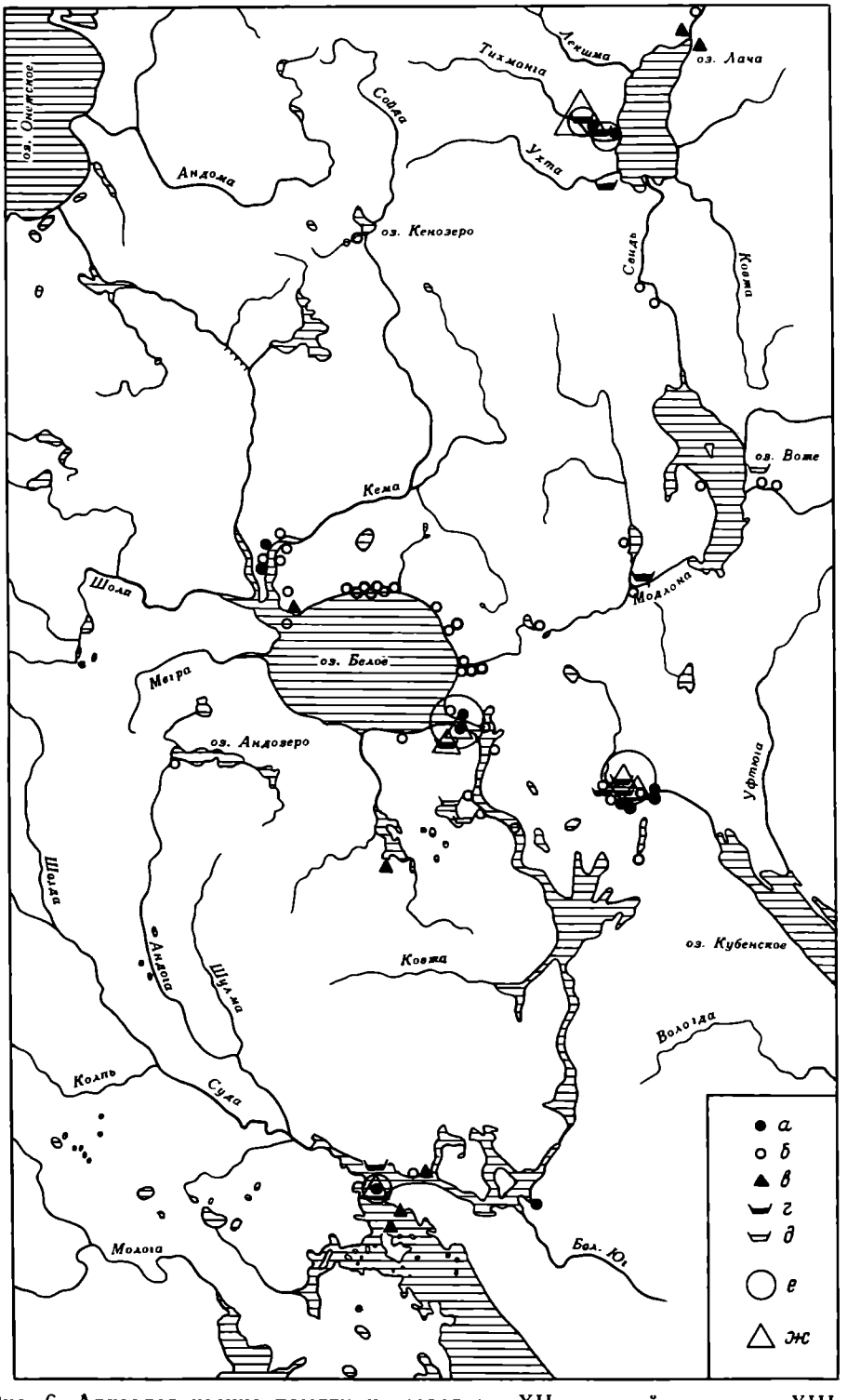


Рис. 6. Археологические памятники середины XII— первой половины XIII в. в бассейне озер Белое и Лача и находки на них предметов западных и восточных типов. *а* — неукрепленные поселения середины XII— первой половины XIII в.; *б* — неукрепленные поселения конца X—XIII в.; *в* — местонахождения вещей и керамики середины XII — первой половины XIII в.; *г* — грунтовые могильники середины XII— первой половины XIII в.; *д* — грунтовые могильники XI—XIII вв.; *е* — памятники с находками вещей западных типов; *ж* — памятники с находками вещей восточных типов

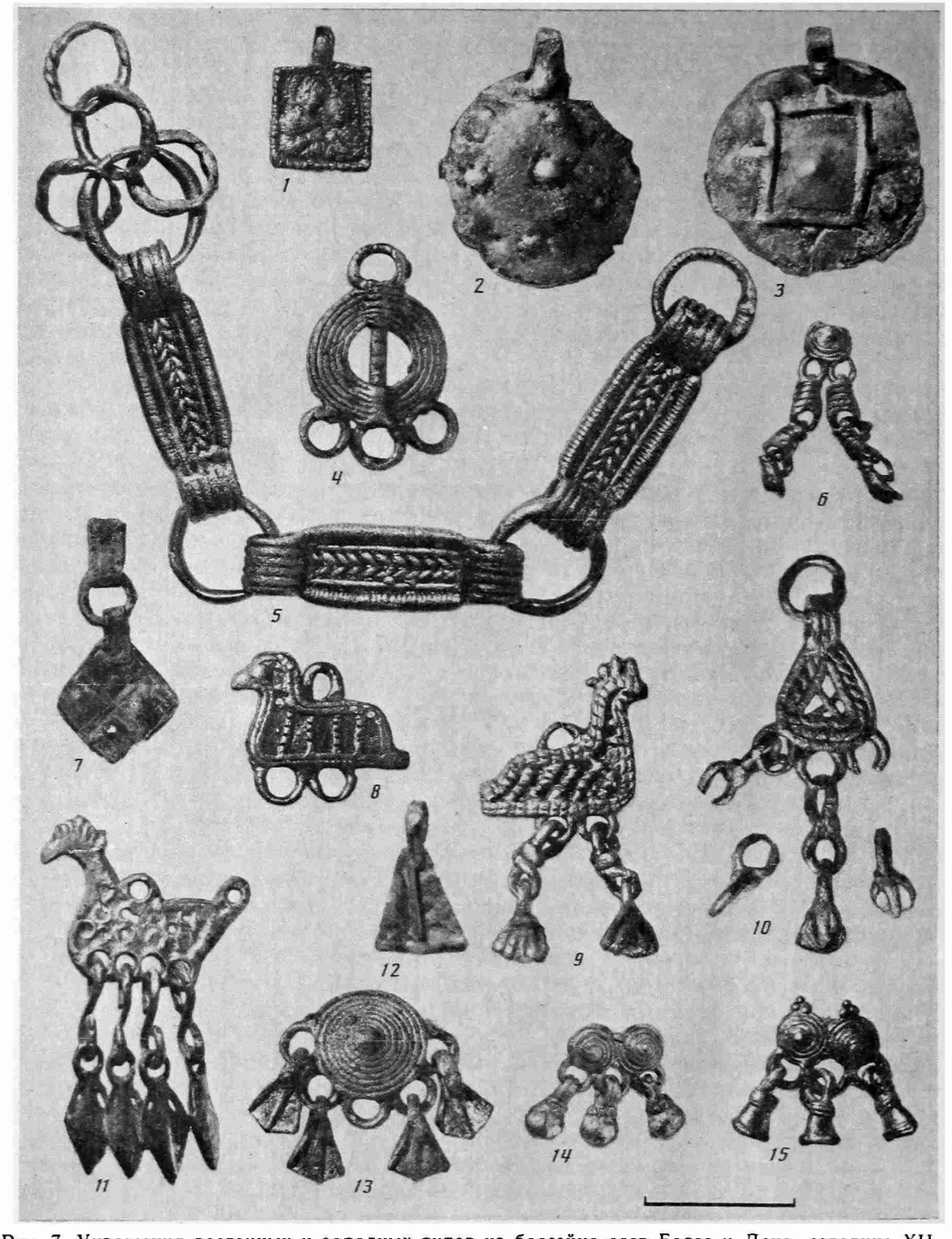


Рис. 7 Украшения восточных и западных типов из бассейна озер Белое и Лача, середина XII—первая половина XIII в. *1—3, 6, 8—10*— Нефедьево IB, могильник; *4, 5, 12—15*— Нефедьево IA, могильник; *7* — Горка, могильник; *11* — Тихманьга, могильник

зовицы. Южная колонизационная волна документируется находками украшений, получивших в XII—XIII вв. распространение преимущественно в Костромском Поволжье и Ветлужско-Вятском регионе. Это треугольные каркасные подвески (рис. 7, *10*), двуспиральные и умбоновидные подвески с привесками (рис. 7, *6*, *13—15*), плоские уточки с рельефным орнаментом (рис. 7, *8*, *9*), различные типы ложноплетеных украшений (рис. 7, *4*, *5*). Вместе с вещами этой группы можно рассматривать и квадратную подвеску-образок с поясным

изображением Богоматери с младенцем на руках (рис. 7, *1*). Почти все иконки этого типа происходят с территории Владимиро-Суздальского княжества; по мнению М. В. Седовой, они изготавливались во Владимире [32, с. 191—194] Группа вещей восточных типов по количеству заметно превосходит предыдущую. Все находки концентрируются в районе Белоозера и на р. Порозовице вблизи Волока Славенского (рис. 6). Единственный предмет, документирующий проникновение южной колонизационной волны в бассейн оз. Лача, — плоская ажурная подвеска-петушок владимирского типа (рис. 7, *11*), найденная в могильнике Тихманьга вместе с ромбощитковыми височными кольцами [21, с. 211].

Незначительное количество вещей прибалтийско-финских типов в коллекции украшений середины XII — середины XIII в. свидетельствует о том, что колонизационная активность новгородцев в Восточном Прионежье в этот период ослабевает. Судя по имеющимся материалам, можно предположить, что территории в бассейне оз. Лача остались в зоне новгородской колонизации. Более определенно прослеживается восстановившееся со второй половины XII в. преобладание поволжской колонизационной волны в верховьях Шексны и в районе Волока Славенского.

Археологические данные не единственный источник, указывающий на участие новгородцев в заселении бассейна Белого озера. Ю. И. Чайкина, исследовавшая историческую лексику Белозерья, в частности географическую терминологию памятников белозерской письменности XIV—XVI вв., выделила целый ряд лексем, занесенных в бассейн Белого озера западным — новгородским — колонизационным потоком. По мнению Ю. И. Чайкиной, географическая терминология новгородского происхождения распространилась в Белозерье раньше, чем лексемы, связанные с верхневолжской колонизацией, а в целом южный колонизационный поток перекрыл здесь более ранний западный [11, с. 109—118; 33, с. 137—139]. Представляется, что наложение верхневолжской лексики на древнейший пласт новгородской географической терминологии соответствует тем изменениям в материальной культуре населения Восточного Прионежья, которые произошли в середине XII в.

Уместно поставить вопрос об отражении колонизационных потоков X—XIII вв. на административном и владельческом статусе территорий в бассейне озер Белое и Лача. К сожалению, содержащиеся в письменных источниках сведения о политической истории Белоозера вплоть до XIII в. крайне фрагментарны. По-видимому, в начале XI в. Белоозеро входило в состав единого комплекса владений с Суздалем, Ростовом и Ярославлем [7, с. 59, 60] Анализируя летописный рассказ о пребывании на Белоозере Яна Вышатича, В. А. Кучкин высказал мнение, что Белоозеро в 1073—1074 гг. принадлежало не Всеволоду Ярославичу, владевшему Черниговом и Ростовом, а сидевшему в Киеве Святославу. В. А. Кучкин предположил существование ряда между Всеволодом и Святославом, по которому Святослав получал Белоозеро, примыкавшее к землям Новгорода, где в это время княжил его сын Глеб, в обмен на какую-то другую территорию [7, с. 62—66] Симптоматично также, что в середине XI в. в летопись попала легенда о призвании князей, в которой Белоозеро выступает как место княжения Синеуса, брата сидящего в Новгороде Рюрика [34, с. 34; 35, с. 296—315]. Не исключено, что рассказ о княжении Синеуса в Белоозере отражает представления составителя новгородского свода середины XI в. об управлении Белоозером из Новгорода. Вместе с тем из летописного рассказа о конфликте между Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом и Святославичами следует, что в 1096 г. Белоозеро, принадлежавшее Владимиру, составляло одно территориальное целое с Суздалем и Ростовом [36, стб. 236, 237]. Указаний на административные связи Белоозера с Новгородом в XII—XIII вв. в письменных источниках нет.

В последние годы на территории Белоозера и в ближайших окрестностях летописного города при случайных обстоятельствах была обнаружена серия актовых печатей и пломб [37]. По-видимому, некоторые из этих находок пра-

вомерно рассматривать как свидетельства связей Белоозера с Новгородом. Одна из печатей имеет на лицевой стороне изображение святителя Пантелеймона, на оборотной — изображение Иоанна Крестителя. Найденные в Новгороде 16 печатей с изображением Пантелеймона и Иоанна Крестителя В. Л. Янин атрибутирует как печати Ярослава Изяславича, княжившего в Новгороде в 1148—1154 гг. [38, с. 103, 104]. Другая печать имеет на лицевой стороне изображение Андрея Первозванного, на оборотной — княжеский знак прямоугольных очертаний. Аналогичная печать происходит из Новгорода. В. Л. Янин связывает буллы подобного типа с новгородскими тысяцкими [38, с. 144, 145, 218—219]. По мнению А. А. Молчанова, печать с изображением Андрея Первозванного принадлежала новгородскому посаднику Завиду Неревиничу (1179/80 или 1184—1186 гг.) [39, с. 76, 77] Имеет аналогии в Новгороде и печать с изображением на лицевой стороне Федора Тирона (?), а на обороте — процветшего шестиконечного креста [38, с. 152, 224]. В. Л. Янин в осторожной форме высказал мнение о возможной принадлежности ее новгородскому епископу Феодору, занимавшему кафедру в 1069—1077 гг. [38, с. 152] Из 19 свинцовых пломб, найденных в Белоозере, 5 несут изображения княжеских знаков прямоугольных очертаний, этот же тип княжеского знака представлен на костяной печатке [37] Такие знаки убедительно связываются со старшей ветвью Мономаховичей — потомками Мстислава Владимировича, княжившими в Смоленске и часто и подолгу занимавшими новгородский стол [38, с. 145, 146] Княжеские знаки овальных очертаний, принадлежащие суздальским Юрьевичам, представлены лишь на одной пломбе и на костяной печатке из раскопок Л. А. Голубевой [14, с. 106, 173]

Из всего вышесказанного следует, что предположение о попытках политического проникновения Новгорода в Восточное Прионежье, сопровождавших расселение здесь выходцев с северо-запада, не лишено некоторых оснований. Но в нашем распоряжении нет никаких данных, позволяющих судить о его масштабах и формах.

С усилением колонизационного движения из Ростово-Суздальской земли следует, очевидно, связывать перепланировку города Белоозера во второй половине XII в. Если в X — первой половине XII в. поселение занимало возвышенный участок береговой террасы Шексны на некотором удалении от реки, то во второй половине XII в. была застроена приречная часть городской территории. Площадь поселения при этом существенно увеличилась [14, с. 62, 63, 197]. Уточнить дату перепланировки позволяет дендрохронология: две древнейшие постройки в приречной части города датируются 1170 и 1171 гг. [40, с. 86—90]. Следовательно, перепланировка была предпринята на следующий год после столкновения суздальцев с новгородцами в Заволочье и похода на Новгород. Логично предположить, что перепланировка была произведена по инициативе Андрея Боголюбского, вынужденного компенсировать свои военные неудачи в Заволочье укреплением Белоозера. Это тем более вероятно, если учесть ключевое положение города на водных путях в Заволочье и Поморье.

Археологические материалы не дают возможности детально проследить пути колонизации. Это объясняется двумя обстоятельствами. Первое из них — существование в Восточном Прионежье специфической системы расселения, при которой все население было сосредоточено на узкой территории вблизи крупнейших рек и озер [20] Концентрация населения на небольших по площади земельных участках в строго определенных ландшафтных зонах неизбежно приводила к смешению переселенцев из разных областей. Второе обстоятельство — современное состояние археологической изученности региона. Несмотря на большой объем археологических коллекций, собранных на памятниках Восточного Прионежья, большинство вещей, выступающих в роли индикаторов колонизационных потоков, происходит с 20—25 наиболее исследованных поселений и могильников. Естественно, что возможности анализа территориального распределения этих предметов остаются ограниченными.

В то же время археологические данные оказываются весьма информативным источником для оценки интенсивности колонизационных волн в различные периоды, для выяснения хронологии и общего направления миграционных потоков. Основные выводы, вытекающие из рассмотренного материала, сводятся к следующему. В конце IX — третьей четверти X в. в бассейне Белого озера зафиксировано присутствие двух обособленных групп населения, одна из которых занимала компактный микрорегион в низовьях р. Кемы и была связана с Новгородской землей, а другая, более многочисленная, занимала остальные приозерные территории и была связана с мерянскими областями. В конце X — первой четверти XII в., в период наиболее интенсивного заселения Восточного Прионежья, новгородская колонизационная волна получила значительное преобладание над верхневолжской, в середине XII в. происходит ее спад.

Таким образом, северные окраины Восточной Европы оказались связанными с двумя колонизационными центрами уже в X в., т. е. с самых начальных этапов вовлечения их в сферу экономических и политических интересов Древней Руси, причем объектами новгородской и верхневолжской колонизации изначально являлись одни и те же области. Ситуация, сложившаяся в X—XII вв., во многом определила дальнейший ход освоения Севера, обусловив столкновения экономических интересов Новгорода и Ростова, а позднее Новгорода и Москвы, и острые политические и военные конфликты последующих столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Платонов С. Ф.* Прошлое Русского Севера. Пг.: Время, 1923.
2. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
3. *Витов М. В.* Этнические компоненты русского населения на Севере в связи с историей колонизации XII—XVII вв. М.: Наука, 1964.
4. *Бернштам Т. А.* Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973.
5. *Бернштам Т. А.* Поморы. Л.: Наука, 1978.
6. *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества. М.: Наука, 1975.
7. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М.: Наука, 1984.
8. *Витов М. В.* Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 5.
9. *Дерягин В. Я., Комягина Л. П.* Из истории диалектных границ в Северной России // ВЯ. 1968. № 6.
10. *Комягина Л. П.* Об основных границах архангельских диалектов // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1972.
11. *Чайкина Ю. И.* Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси // ВЯ, 1976, № 2.
12. *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. М.: Наука, 1975.
13. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
14. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М. Наука, 1973.
15. *Макаров Н. А.* Население Восточного Прионежья в X—XIII вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1984.
16. *Макаров Н. А.* Средневековый могильник Попово на Каргополье // КСИА. 1983. Вып. 171.
17. *Макаров Н. А.* Раскопки средневекового могильника Погостище в Вологодской области // СА. 1983. № 3.
18. *Макаров Н. А.* О некоторых комплексах середины — третьей четверти I тыс. н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. 1985. Вып. 183.
19. *Макаров Н. А.* Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII вв. // СА. 1986. № 3.
20. *Макаров Н. А.* Средневековые памятники Белозерской округи // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.: Наука, 1988.
21. *Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Новые данные о культуре средневекового «чудского» населения в бассейне озера Лача // СА. 1986. № 2.
22. *Назаренко В. А., Овсянников О. В.* О традиции и инновации в погребальном комплексе Заволочской Чуди XI—XIII вв. // Преемственность и инновации в развитии древних культур: Тез. докл. семинара. Л., 1981.
23. *Golubeva L. A.* The White Lake Area and the Volga Water-way // Fenno-ugri et slavi., 1978. Helsinki, 1980.
24. *Голубева Л. А.* Новые скандинавские находки в Белозерье // СА. 1982. № 3.

25. *Голубева Л. А.* Литейное дело на поселении Крутик // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. Ч. 1. М.: Наука, 1988.
26. *Макаров Н. А.* Лепная керамика Восточного Прионежья IX—XII вв. // КСИА. 1988. Вып. 197.
27. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. // МИА. 1961. № 94.
28. *Голубева Л. А.* Работы Белозерской экспедиции // АО —1981. М., 1983.
29. *Макаров Н. А.* Орнаментика белозерской лепной керамики X—XII вв. // СА. 1985. № 2.
30. *Спиридонов А. М.* Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I — начала II тыс. н. э. // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1984.
31. *Кочкуркина С. И.* Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972.
32. *Седова М. В.* О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974.
33. *Чайкина Ю. И.* Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда: Северо-западное кн. изд-во, 1975.
34. *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов. СПб., 1904.
35. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
36. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 1.
37. *Макаров Н. А., Чернецов А. В.* Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988.
38. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., Наука, 1970.
39. *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв. // ВИД. 1985. Вып. XVI.
40. *Черных Н. Б.* Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера // Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965.

N. A. Makarov

ARCHAEOLOGY ON THE NOVGOROD AND ROSTOV-SUZDAL COLONISATION OF THE BELOE AND LACHA LAKE DISTRICTS

Summary

The author has set out to assess the scope of colonisation by Novgorodians and people from Rostov and Suzdal in the Beloe and Lacha lake basins. He regards the objects of the Baltic-Finnish origin as an indicator of the Novgorod colonisation wave and the Volga-Finnish ware and decorations as an indicator of the Rostov-Suzdal colonisation. All of these objects came from the sites in the Beloe and Lacha basins. The author concludes that in the late 9th-third quarter of the 10th century there existed two population groups in the region with little or no contacts between them. One of the groups was connected with the Novgorod lands, the other with the Merya region of the Volga basin. In the late 10th and 11th centuries the impact from Novgorod became more pronounced. It became the main factor of population growth in the region. In the mid-12th century the immigration wave from Novgorod subsided to give place to an increased colonisation drive from the Rostov-Suzdal land.

Ю. Л. ЩАПОВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО СТЕКЛОДЕЛИЯ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ («ГЛАДИЛКА» ИЗ НОВГОРОДА)

Новгородский культурный слой чрезвычайно богат находками, порой кажется: науке стало известно все, что окружало человека русского средневековья. Однако каждый год приносит сюрпризы...

В 1982 г. в слое первой половины X в. был найден стеклянный предмет, который известен в археологической литературе под названием «гладилка» (рис. 1). Это массивный предмет, полусферической формы, диаметром 8,3, высотой 3,03 см, весом 362,4 г; верхняя сторона его — выпуклая матовая, в мелких «посечках», расположенных радиально; нижняя сторона — плоская, часть матовая, вогнутая — блестящая; глубокая морщина в виде спирали, которая заканчивается плоским сколом. «Гладилка» изготовлена путем литья в каменную форму, из которой она извлекалась с помощью понтии, о чем и свидетельствует след в виде скола.

Подобные находки известны со времени раскопок Х. Арбмана в Бирке [1, № 624, 963, 973]. Все «гладилки», как позднее напишет Г Арвидсон, были найдены в женских могилах, относящихся к началу эпохи викингов. Кроме Бирки они найдены в Шварце Эрде, Уппланде, Голландии, Дании, Германии (Хайтхабу (Хедебю), Мейен-Кобленц) [2, с. 200]; к этому списку нужно добавить болгарскую находку в Стырмене [3, с. 153], а теперь и новгородскую. Все археологические находки относятся к X в.: в Стырмене к рубежу IX—X вв., в Бирке одна — примерно к 900 г., другие — к 925—975 гг.

Функция «гладилок» X в. была определена с помощью изобразительных материалов XVII в. и каталогов норвежских, немецких и английских стекольных мастерских XVII — начала XVIII в. [4]. Огромный хронологический отрыв археологических находок от их музейных и живописных параллелей не показался существенным, так велика была доказательная сила последних.

На разницу в датах можно было бы обратить внимание, если, доведя мысль до ее логического конца, допустить, что на Севере Европы в женской одежде X в. были детали, сходные или похожие на гофрированные воротники и манжеты XVII в. Поскольку такие детали отсутствовали в костюме той эпохи, нужно было бы продолжить поиски и попытаться определить функцию предметов в большем соответствии с эпохой, более надежно и доказательно, но этого не проделали, и данное им тогда имя они носят поныне. (Между прочим, считается, что предметы подобной формы можно использовать и в качестве грузиков, и для обработки кож, и для штопки чулок [3, с. 153].) И тем не менее эти предметы называются «гладилками», несмотря на то, что так называемые гладилки и воротники, для глажения которых они нужны, разделяют средние века, Ренессанс, крестьянские войны и Реформация. В истории стекла подобные курьезы с наименованиями нередки: интенсивно окрашенное непрозрачное стекло называют пастой, прекрасная античная ваза носит имя леди Портланд, египетские арибаллы называют финикийскими и т. д. Можно понять, почему рассматриваемые находки стали называться «гладилками»: первоначально они были известны только в Западной Европе, именно поэтому, пытаясь понять их наз-

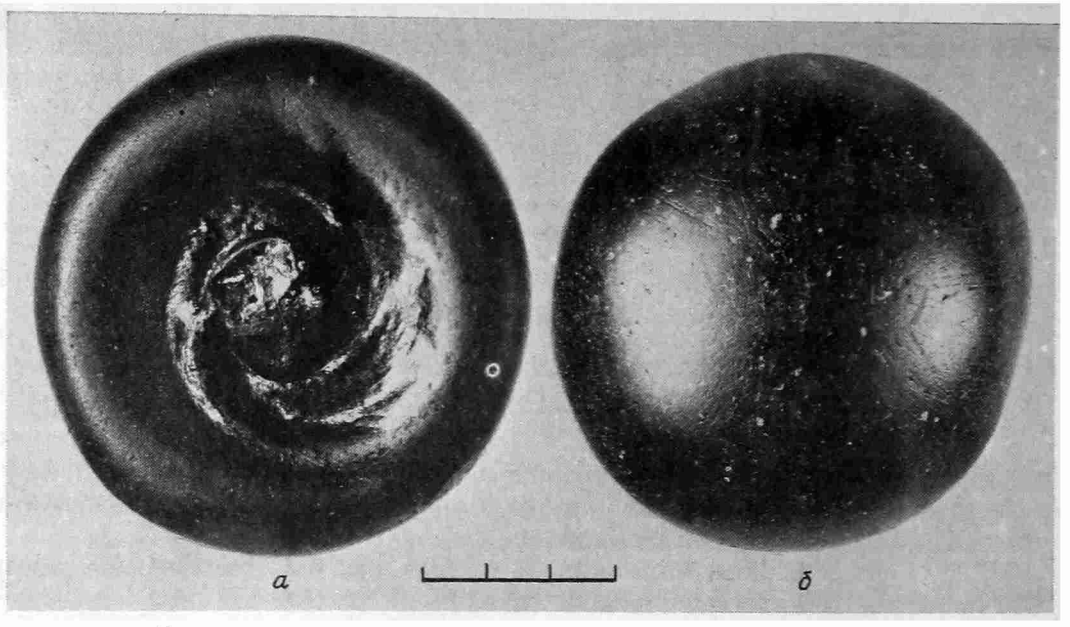


Рис. 1. «Гладилка» из Новгорода. *а* — вид сверху; *б* — вид снизу

начение, можно было ограничиться поисками в круге реалий западноевропейского быта, пренебрегая очевидным хронологическим разрывом.

В настоящее время, когда накопились новые данные и изменился подход к изучению древнего стекла, когда считается полезным, а иногда и обязательным дополнять историко-художественное и морфологическое изучение сведениями о технологии и химическом составе, можно по-новому подойти и к «гладилкам».

Изучен состав 6 «гладилок» [3, табл. 36, 52, *3—5, 7*]. Стекло, из которого они изготовлены, по своему составу принадлежит к классу калиево-кальциево-кремнеземных, к тому самому, к которому принадлежит большая часть стекол, изготовленных в западноевропейских мастерских XI—XVII вв. Эта специфика западноевропейских стекол, открытая Б. Нейманном [4, с. 776—780], многократно проверена и подтверждена.

Находки изделий из стекла этого состава в слоях, датируемых столетием ранее, давали, казалось бы, основание удревнить начало западноевропейского стеклоделия [3, с. 337, 341, 342] Связь находок в Хайтхабу (Хедебю) и на Щецинском Замке с комплексом мастерской (правда, по изготовлению бус), казалось, как нельзя более убеждала в европейском происхождении «гладилок». География находок не была последним звеном в цепи доказательств, тривиальных по своей логике и сути. Действительно, так называемые отходы производства (капли стекла, бесформенные слитки, полосы и нити) всегда рассматриваются как признак и доказательство местного производства стекла, к продукции которого, естественно, относятся все изделия, совпадающие по составу, найденные на памятнике или за его пределами.

На этом можно было бы поставить точку и отнести новгородскую находку к предметам импорта из Северо-Западной Европы, если бы не состав стекла новгородской находки.

Состав стекла анализировался дважды: путем нейтронно-атомной активации (Ю. К. Шубный) и путем количественного спектрального анализа (В. А. Галибин ЛОИА АН СССР). Соответственно обнаружено, %: Na_2O $0.9 \pm 0{,}05$ и 1,0; K_2O $4{,}6 \pm 0{,}5$ и 4,0; CaO $18{,}3 \pm 3{,}6$ и 14; MgO $2{,}7 \pm 0{,}09$ и 1,6; Al_2O_3 $6{,}2 \pm 0{,}2$ и 6,0; Fe_2O_3 $4{,}1 \pm 0{,}3$ и 4,0; PbO $19{,}5 \pm 1{,}2$ и 24,0; кроме того, спектрально обнаружено MnO 0,34; Sb_2O_3 0,8; CuO 1,0; BaO 1,8; P_2O_5 3,0. (Пользуюсь случаем принести благодарность Ю. К. Шубному и В. А. Галибину, выполнившим количественные анализы.) Новгородская «гладилка» по форме, размерам, цвету и технологии строго соответствует европейским аналогам, отличаясь от них составом. Она изготовлена из стекла малоизвестного класса, особенности которого, ве-

роятно, определяли и рецептура, и сырьевые материалы. Действительно, количество окиси свинца рецептурно соответствует обоим классам щелочно-свинцово-кремнеземных стекол, а такую особенность, как высокое содержание RO и низкое R_2O, можно было бы отнести за счет сырья. Соотношение $K_2O:Na_2O=5$ (или 4) должно было бы соответствовать древесной золе, а не золе растений пустынной зоны — галафитов. Приняв этот расчет, можно связывать с золой происхождение всей суммы окислов RO. В таком случае в основе рецептуры рассматриваемого стекла следовало бы видеть модификацию класса стекол Na—Pb—Si. (Стекло класса K—Rb—Si становится известным лишь в XI в. в Древней Руси [5, с. 256].)

Чтобы получить стекло, подобное стеклу новгородской «гладилки», нужно провести замену золы галофитов на древесную. Замена сырья по аналогии, как нам представляется, и привела к спонтанному созданию стекол нового класса: K—Pb—Ca—Si, генетическая связь которого со стеклами класса Na—Pb—Si кажется нам очевидной. Наиболее древние стекла этого класса известны в VIII—VI вв. до н. э. и затем через заметный разрыв не заполненный пока находками, со второй половины IX в. (Щецын, Свелюбе [3, т. 80—82, с. 285—293], Волин, Византия, Древняя Русь. Стекла такого же состава известны на Дальнем Востоке среди находок XII—XIII вв. [6, с. 96—98].

На Шайгинском городище, памятнике XII — начала XIII в., были найдены палочки, кольца, шпильки и бусы, изготовленные из прозрачного и непрозрачного стекла бесцветного, молочно-белого, бирюзового и черного цвета. Форма стеклянных шпилек и колец, одинаковая с формой соответствующих изделий из нефрита, и неизвестный ранее химический состав первоначально давали видимые основания для признания самобытности дальневосточного стеклоделия. Однако, расширив область и хронологические пределы исследований, мы без труда установили, что некоторые дальневосточные стекла по химическому типу и рецептурной норме одинаковы со стеклом и новгородской, и западноевропейских «гладилок». Кроме того, известно, что стекло, подобное таковому западноевропейских «гладилок», использовано для изготовления фиолетовых бус, найденных в курганах группы Береш (Красноярский край), относящихся ко II—I вв. до н. э. [7, с. 98, 99]. Новые находки ни типологически, ни исторически, казалось бы, не имеют отношения к западноевропейским, но их химическое родство и сходство удивительны. Новые находки, нарушая стройность доказательств, ставили под сомнение истинность суждения о западноевропейском происхождении изделий из стекла обоих классов, равно как и о самобытности дальневосточного стеклоделия.

Новгородская находка, типологически сходная с западноевропейскими аналогами, по составу одинакова с дальневосточными изделиями иных форм и иного круга. Новая комбинация связей определила возникновение новых задач. Нужны более тонкие способы различения и отождествления стекол по составу для того, чтобы разобраться в ложном нагромождении фактов.

Один такой способ — расположение сведений о составе стекла на корреляционном поле. Несколько слов, поясняющих способ [8, с. 43—55, 187—191]. С помощью системы координат основной состав стекла удается представить в форме, удобной для обозрения и оценок. Две счетных операции предшествуют заполнению корреляционного поля. Подсчитывается сумма RO, а затем частное от деления суммы R_2O на сумму RO. Через отношение $R_2O:RO$ выражается возможное правило соединения легкоплавких фракций в шихте для стекол $mR_2O \times nRO \cdot pSiO_2$ Расположение древних стекол на таблице не хаотично, а подчинено закону гиперболы (рис. 2). Каждая школа в истории стеклоделия имеет собственное местоположение, которое описано отдельной гиперболой. В построении гипербол есть свои законы, на основании которых строится ее закономерное продолжение — асимптота, выходящая за пределы конкретных данных наблюдений. Асимптота, на наш взгляд, есть не что иное, как прогноз возможной эволюции стекловарения, характеризующего каждую отдельную школу.

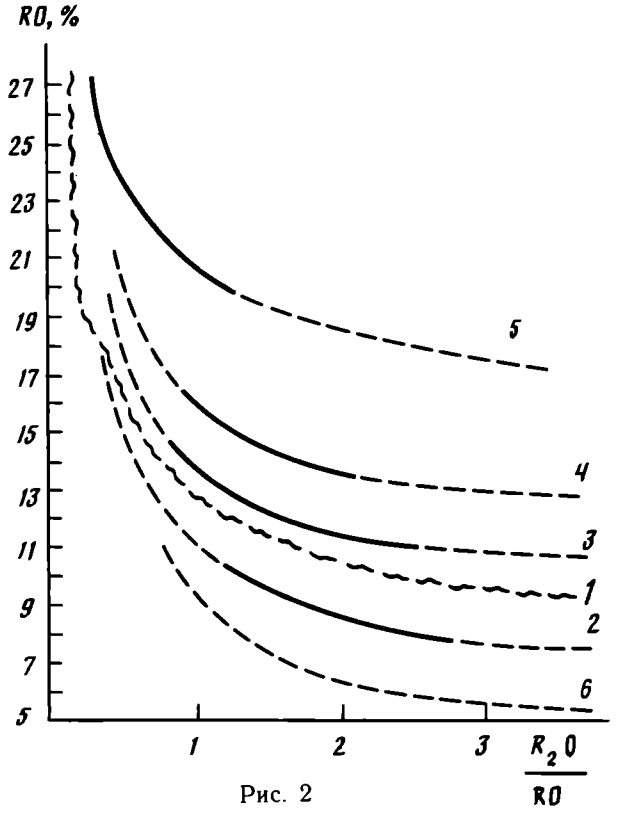


Рис. 2

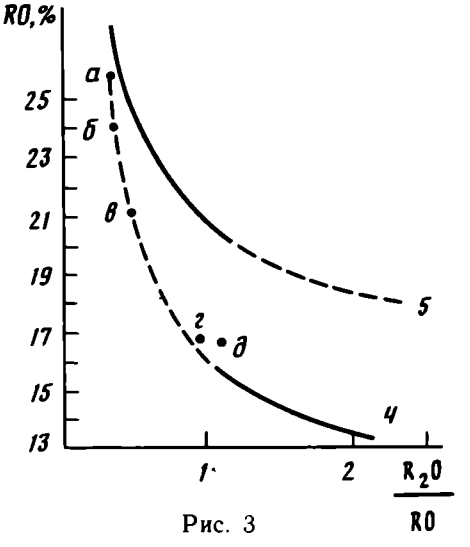


Рис. 3

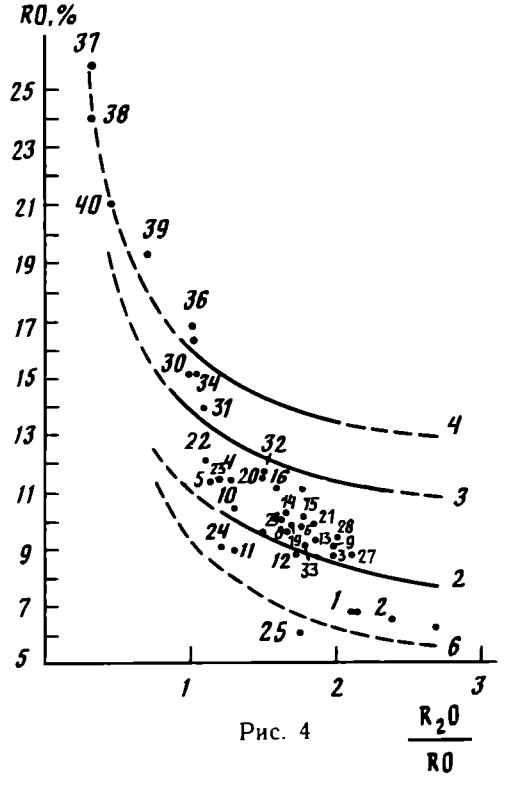


Рис. 4

Рис. 2. Химический состав древнего стекла. *1*— обобщенная гипербола всех древних стекол; *2*— «античное» стекло; *3*— древнее стекло Месопотамии, античное и средневековое ближневосточное; *4*— древнеегипетские и стекла средневекового Египта; *5*— средневековые западноевропейские стекла; *6*— финикийские и египетские стекла «двойной шихты»

Рис. 3. Стекло «гладилок» (*а—г* — находки в Хайтхабу (Хедебю); *д*— находка в Стырмене (Болгария)

Рис. 4. Стекло Хайтхабу (Хедебю) в связи с производственными традициями средневековья (цифры на гиперболах соответствуют цифрам на табл. 42, 44, 46, 50 в работе М. Декувны [3])

Математическое выражение гиперболы $y=a/x+b$. Величины a и b были найдены по способу наименьших квадратов (для расчетов была использована средняя, наиболее насыщенная часть корреляционной таблицы). По расчету, $a=5{,}03$, $b=7{,}09$. Из построения очевидно, что часть исследованных стекол располагается в стороне от рассчитанной кривой (гипербола 1). Очевидно, что расчетную кривую необходимо дополнить, построив кривые, более приближенные

к конкретным данным. Исходя из формулы гиперболы и расположения точек на корреляционном поле, дополнительные кривые, различаясь на величину b, меняют свое местоположение относительно оси абсцисс.

Для античных, преимущественно провинциально-римских стекол $b=6$ (гипербола 2); для древних месопотамских и средневековых ближневосточных $b=9$ (гипербола 3); древнеегипетские описывает гипербола с $b=11$ (гипербола 4); для средневековых западноевропейских $b=16$ (гипербола 5); финикийские и египетские стекла так называемой двойной шихты описывает гипербола 6, для которой $b=4$.

Кроме частей гипербол, построенных с учетом конкретных данных, на корреляционном поле отмечены их асимптоты. Корреляционная таблица есть и некоторый результат изучения химического состава древних стекол и своего рода инструмент для продолжения работ в этом направлении.

Использование таблицы как инструмента исследования возможно, если новые данные обработаны тем же путем, что и включенные в таблицу. Для этого мы составили еще одну таблицу и ввели в нее сведения о составе «гладилок», найденных в Хайтхабу (Хедебю), на Дунае и в Новгороде (рис. 3). Наложив данные на основную таблицу, мы обнаружили, что они расположились на продолжении геперболы, которая в основной своей части описывала древнейшие египетские стекла. Западноевропейские стекла, с которыми «гладилки» дожны бы иметь генетическую связь, по построению занимают иное место. Причем разрыв настолько очевиден, что особые доказательства не требуются. В отличие от древнеегипетских, сваренных на соде, стекло «гладилок» сварено на древесной золе. Вслед за Б. Нейманном, В. Гайльманном, Д. Харденом, В. Тернером и М. А. Безбородовым, которые в свою очередь шли за авторами средневековых сочинений по металлургии, стеклоделию и алхимии, традиционно вот уже более 50 лет считается, что калиевые стекла — это исключительно специфика западноевропейского стеклоделия с XI по XVIII в. Новые аналитические данные противоречат этой гипотезе: стекла, сваренные на золе, следовательно, не являются абсолютной спецификой европейского средневековья, напротив, древесная зола в качестве щелочного сырья использовалась и в других регионах в разное время. (В этом плане интересно исследование так называемого киммерийского стекла: бусы, найденные в степях Северного Причерноморья в памятниках IX—VIII вв. до н. э., изготовлены на древесной золе [9, с. 92—108] На корреляционном поле они размещаются в области стекол из двойной шихты.)

В массиве упоминавшихся дальневосточных стекол есть достаточно изделий, стекло которых по составу соотносится и с основной частью и с продолжением гиперболы, описывающей все те же египетские стекла. Существенно, что среди этих дальневосточных есть и чисто калиевые стекла, сваренные на древесной золе, и натрий-калиевые, сваренные на золе пустынных растений, и калиево-кальциево-свинцово-кремнеземные.

На данном этапе исследования нас интересует только материал, его химический состав. Массив средневековых стекол, выделенный с помощью гиперболы и генетически связанный, как оказывается, с древнеегипетским стеклоделием, по своему химическому составу неоднороден. Более того, сода, столь характерная ранее для стеклоделия Египта, совсем не употребляется в стекловарении, а употребляется зола.

Обращает на себя внимание, что возможные египетские средневековые стекла генетически связаны не с античными, а с древнейшими, относящимися к середине II тыс. до н. э., теми самыми, которые представляли собой начальный этап египетского стеклоделия, уходившего своими корнями в древнеегипетские самоглазурующиеся фаянсы [10].

Подобное сходство через века (средневекового так называемого исламского стеклоделия с древнейшим стекловарением Месопотамии) было отмечено в качестве феномена Р. Смитом и Э. Сайром [11]. Диалектика эволюционных

процессов легко объяснила бы этот феномен: возвращение (на новом производственно-технологическом уровне) к рецептуре стекловарения, хорошо, адаптированной изначально к местным условиям производства, и от которой в свое время отказались по очевидным причинам несоответствия рецептуры условиям производства и целям, которые в ту эпоху ставились. Этот пример является лишним доказательством справедливости афоризма: «Новое — это хорошо забытое старое».

Приводимая параллель еще ничего не доказывает, но взятая в качестве прецедента, она помогла упорядочить и понять некоторое скопление фактов из истории стеклоделия Египта. В отличие от Месопотамии, где средневековое стекловарение вернулось к своему истоку без видимых принципиальных изменений, в стеклоделии Египта эти изменения очевидны: щелочное сырье минерального происхождения (сода) было заменено сырьем растительного происхождения (зола растений). Однако эта замена не принципиальна: зола растений постоянно использовалась стеклоделами Египта. Такая практика существовала в древности как бы наряду, как редкое исключение, нормой было и оставалось преимущественное применение соды. В средние века редкая прежде практика стала, как явствует из примеров, если не более распространенной, то более заметной. Переход от золы пустынных растений к использованию золы разных растений, в том числе и древесной, лежит в логике микроэволюционных процессов и никак не нарушает последовательности поэтапных изменений: зола (галофитов) + известь + песок → зола (деревьев) + известь + песок.

Все рассуждения привели нас к заключению, что стекло, сваренное на древесной золе, вернее на калий-содержащей золе, и найденное за пределами Европы или датируемое ранее XI в., не имеет исключительной связи с Западной Европой по месту изготовления и по генезису. Средневековый Египет можно рассматривать в качестве альтернативы, а в более широком историческом плане и Левант в I тыс. до н. э. может быть включен в предмет исследования.

На сегоднешнем этапе работы нужно выявить более тонкие свойства западноевропейских и возможных египетских стекол. Мы начали с сопоставлений щелочного сырья. Зóлы, состав которых известен, применялись для изготовления части западноевропейских стекол, часть была сварена на химически чистом бикарбонате калия, для части стекол вероятные источники сырья не обнаружены. Предполагаемые египетские стекла по признаку щелочного сырья ближе всего расположились к оконным стеклам XIV в. из Кракова, Праги, Реймса и Веезе. Однако по всем остальным признакам, в том числе и по рецептурной норме, средневековые западноевропейские параллели существенно отличаются от исследуемых стекол «гладилок». Очевидно, что эти стекла, сходные лишь отчасти и разделенные большим отрезком времени (около 500 лет), но объединенные общей территорией, можно рассматривать как пример экологической общности, не имеющей ни временны́х, ни пространственных, ни родственных связей. Это типичный пример конвергенции: когда в сходных условиях и независимо друг от друга рождаются явления, внешне сходные и в то же время лишенные какого-либо родства. Следовательно, отношение так называемых гладилок к происхождению западноеропейской рецептуры весьма неопределенно, если не говорить об отрицательной их связи. Вместе с тем они связаны местом находки (мастерская или мастерские в Хайтхабу (Хедебю) с производством стекла в Западной Европе). В этой связи нужно рассмотреть состав той новой части стекол из Хейтхабу (Хедебю), которую опубликовала М. Декувна.

Изучен состав 40 находок, среди них не только готовые изделия, бусы и «гладилки», но и так называемые отходы производства как на стадии изготовления изделий, так и на стадии стекловарения, как полагает М. Декувна [4, с. 172—198].

Данные о составе стекла М. Декувна приводит в виде цифровых таблиц, а мы представим те же данные в виде корреляционной таблицы (рис. 4). Со-

отнеся новую таблицу с основной, на которой размещены гиперболы, и определим отношение исследованных стекол из Хайтхабу (Хедебю) к основному массиву древних стекол и к ведущим школам стекловарения древности.

В рассматриваемом комплексе есть бусы, происхождение которых можно выводить из Египта; две стеклянные «нити» явный отход производства, имеют тот же состав [3, табл. 42, *1, 2*, 48, *4, 5*]. В этом комплексе есть бусы, происхождение которых нужно связывать со средневековой Сирией; такой же состав имеют слитки и полосы, которые считаются (и справедливо) отходом производства [3, табл. 42, *5*, 46, *2, 3, 6*, 48, *4, 5*]. Специально нужно отметить несколько многочастных бус, изготовленных из стекла, сваренного в традициях сирийских мастерских античного времени; такой же состав имеют слитки и нити [3, табл. 44, *3—8*, 46, *4, 5, 7*, 50, *1, 5*].

Состав, близкий к содовому стеклу античного времени, имеют слитки и нити [3, табл. 42, *3—6*, 48, *6, 7*], готовых изделий из этого стекла в выборке нет.

Из калиевого стекла, в возможных египетских традициях, изготовлены «гладилки» и три слитка [3, табл. 52, *1—7*]. Зона, где обычно располагаются калиевые средневековые стекла Западной Европы, на нашем корреляционном поле осталась свободной.

Прежде чем продожить анализ данных, связнных с находкой «гладилки» в Новгороде, хотелось бы подвести некоторый промежуточный итог. В научной среде бытует представление, что некоторый круг родственных мастерских выпускает продукцию, состав которой связан родством. В Хайтхабу (Хедебю) известны «отходы производства» и остатки мастерской (вероятная стекловаренная печь, открытая в 1913 г. раскопками Г Швантеса) [12]. Ожидание некоторой стабильности в составе стекол, вырабатываемых в мастерской, подсказывает самая логика бытующих представлений. На этом основании мы были вправе ожидать, что продукция стекольной мастерской в Хайтхабу (Хедебю) будет иметь общие черты, руководствуясь которыми можно будет выделять эту продукцию из комплекса сходных вещей эпохи. Вопреки ожиданию «отходы производства» имеют разный химический состав и принадлежат к разным школам стекловарения. Объединить и согласовать все наблюдения и представления в одной гипотезе можно, если принять, что в мастерской в Хайтхабу (Хедебю) бусы (и другую продукцию) делали из привозного стекла и что стекло в Хайтхабу (Хедебю) не варили. По классификации Р. Ньютона, это второй тип мастерских, для которых характерен неполный производственный цикл [13]. Исходя из типа мастерской в Хайтхабу (Хедебю), можно объяснять различия в составе стекла: здешние мастера утилизировали стекло, особый вид материала, используя те его свойства, которые присущи всякому стеклу и мало зависят от его состава. Среди таких свойств пластичность занимает одно из первых мест. Из пластичной стеклянной массы можно вытянуть полоску любой длины, сделать из нее бусину навивкой; пластичной массе можно придать разный вид с помощью формующих приспособлений. Если быть внимательным к цвету исходного полуфабриката, то можно дополнительно разнообразить продукцию.

Полуфабрикаты для мастерской в Хайтхабу (Хедебю) везли из разных районов Египта и Сирии. Особого внимания заслуживают два слитка [3, табл. 50, *2, 3*]. Они располагаются в непосредственной близости от слитка из калиевого стекла, которое в свою очередь располагается на продолжении гиперболы, описывающей ближневосточные, сирийские стекла.

Не исключено, что в IX—X вв. не только в Египте, но и на Ближнем Востоке применяли золу не только натрийсодержащих растений, но и других, содержащих калий. О применении древесной золы в стеклоделии Ближнего Востока (в древнейшие эпохи, в античности и в раннее средневековье) до сих пор ничего неизвестно, хотя время от времени в поле зрения исследователей попадают калиевые стекла. Общеизвестно, что калий концентрируется в древесине, произрастающей в умеренной зоне. Ближний Восток лежит далеко на юг и во-

сток от нее. Однако из школьного курса физической географии хорошо известно, что климатические зоны меняются не только в зависимости от географической широты; в горных местностях они меняются в зависимости от уровня моря. В тропиках и субтропиках Средиземноморья располагаются высоко в горах зоны умеренного климата, где произрастают кустарники и деревья естественно аккумулирующие калий. Именно в этих местах можно было найти необходимое сырье в достаточном количестве. (Кстати, древесный уголь использовался в металлургии и других производствах, для которых необходимы высокотемпературные режимы).

Апелляция к физической географии необходима нам для того, чтобы калиевые стекла древности и раннего средневековья заняли свое место в истории стекловарения, утратив свою исключительность.

Теперь приглядимся внимательно к дальневосточным стеклам [6, с. 96—98] представим в виде гипербол опубликованную таблицу, на которой представлены результаты анализов (рис. 4). Среди дальневосточных стекол, так же как и среди стекол из Хайтхабу (Хедебю), есть бусы из мастерских Египта и Сирии, среди которых одни сработаны в античных, другие — в средневековых традициях. Кроме того, заметна серия изделий из стекла, состав которого одинаков с составом «гладилок».

По всей совокупности признаков трудно найти два более похожих комплекса, чем стекла из Хайтхабу (Хедебю) и стекла чжурчженей. Стекло из двух географических точек, разделенных огромными пространствами, обладает таким числом общих признаков, что можно говорить о родстве этих комплексов ($f = 16/25 = 0{,}8$). Родство, как известно, бывает двух видов: по линии от предка к потомку и так называемое сестринское. Родство европейского и дальневосточного комплексов по линии от предка к потомку маловероятно, остается признать их «сестринскую» родственность, что в свою очередь должно бы означать наличие общего предка.

Место поиска общего предка облегчают приведенные выше параллели, наблюдения и соображения. Они замыкают круг поисков родины этих стекол долиной Нила и Месопотамией. Оба эти района на протяжении почти целого тысячелетия осуществляли постоянный экспорт бус. Ближневосточные бусы (сирийские и египетские совместно) проникали в Скандинавию и Британию, Приуралье, Прибалтику и Приладожье, Причерноморье, Среднюю Европу и Кавказ, Среднюю Азию, Западную Сибирь и Китай, они достигли Приамурья и даже Малайи [14, с. 106—109; с. 80—94].

Сомнений нет, что по Великому шелковому пути бусы поступали на Восток, янтарные дороги вели бусы в Прибалтику; в Прикамье они поступали волжским путем в обмен на пушнину, мед и воск, бусами платили за рыбу, икру и пр. И тем не менее кольца и шпильки, которые традиционно делали на Дальнем Востоке из нефрита и других камней, в эпоху чжурчженей стали делать из привозного стекла (с Запада, из Египта и Сирии). Возможно, что стеклянные бусы не вписались в систему ценностей, понятную населению Приморья: широкого распространения они там не получили. Однако стекло как материал оказалось очень привлекательным и здесь. Идя навстречу спросу, восточные купцы стали ввозить к чжурчженям своего рода полуфабрикаты, из которых местные мастера, опираясь на собственный опыт горячей обработки металлов, делали нужные украшения привычных форм и назначения, отличавшиеся от традиционных для этих мест лишь цветом, прозрачностью и хрупкостью [6, с. 96—99] Изделий из полуфабрикатов у чжурчженей довольно много, а отходы производства и самые полуфабрикаты еще не найдены ни разу. В Хайтхабу (Хедебю) картина иная: полуфабрикаты есть, а изделий нет, хотя их нужно ожидать: один слиток есть, он и свидетельствует о том, что «гладилки» обрабатывались вгорячую, вероятно, с практической целью, но что именно делали из этой массы — пока неизвестно. Надежда на прояснение есть: коллекция готовых вещей, производственного брака и отходов производства включает несколько тысяч номеров.

В итоге проделанной работы, мне кажется, очевидно, что «гладилки», найденные в Хайтхабу (Хедебю), действительно связаны со стеклоделием Западной Европы, но связь эта особенная: «гладилки» — не продукция этого производства, а привозной материал, на утилизации которого это производство строилось. Они имеют прямое отношение к западноевропейской школе стеклоделия на уровне освоения обработки стеклянной массы этот процесс развивается относительно быстро и, несомненно, базой этого развития становится опыт местных бронзолитейщиков и ювелиров. Сложение новой рецептуры стекловарения — процесс более сложный, он связан не только с освоением, но и с перестройкой практики стекловарения предшествующей эпохи и с местной реализацией основополагающих идей всеобщего стекольного дела. Именно поэтому процесс становления новой рецептуры должен быть длительным (в средние века его можно соотносить со временем активной деятельности двух поколений мастеров, 25—30 лет) [8, с. 196].

Коль скоро мы считаем «гладилки» продукцией ближневосточного стеклоделия, необходимо было бы рассмотреть и оценить его собственные возможности, а в этой связи и изготовление полуфабрикатов на экспорт.

В Египте и на Ближнем Востоке существовали мастерские, где осуществлялся полный производственный комплекс — от варки до изготовления готовой продукции. Экспорт готовой продукции был обычной формой ее реализации, естественно наряду с местным потреблением и реализацией продукции на внутреннем рынке. Вместе с тем организация стеклоделия в Египет издревле допускала автономное существование особой отрасли в стеклоделии — стекловарения, функцией которого было изготовление стеклянной массы и создание ее запасов [8, с. 56—65]. Естественно, что продукция такой отрасли производства сбывалась непосредственно мастерам, минуя рынок, или через рынок, внутренний и внешний. Внешний рынок диктовал свои условия, требуя соответствия качества и свойств товаров форме их предъявления. Полагая «гладилки» товарным полуфабрикатом, можно найти параллели его форме. Например, свинцовые слитки и знаменитый индийский вуц, полуфабрикат для мечей «дамасской» стали, имели не только такую же форму, но и тот же размер и даже близкий вес [16, с. 73—75; 17, с. 76, 77]. Среди стеклянных вещей также можно найти параллели: так называемые стеклянные монетовидные гирьки, или жетоны, и экзагии византийских императоров имеют ту же форму (но меньшие размеры). Арабские «жетоны» и их византийские модели, экзагии, считаются эталонами веса, они имеют штемпельное подтверждение веса или достоинства. Жетоны, производство которых в Египте началось в VIII в., в эпоху Аббасидов, более всего связаны с Фатимидами, династией, которая правила в Египте (и в части Сирии) в X—XI вв. Жетоны бывают голубые, светлые и темные, белые, золотисто-желтые и бутылочного цвета. Что касается техники изготовления, то они отлиты в полусферической форме, штемпель ставился на мягкое еще стекло [18]. Жетоны изготовлены из золистого (натриевого) стекла тройной шихты с повышенным содержанием щелочных земель [19, с. 32—65]. (Это давнее наблюдение Ф. Матсона хорошо соотносится с местоположением стекол на корреляционной таблице.)

Изучение химического состава «гладилок» привело в Египет, где мы, руководствуясь формой и технологией, нашли для «гладилок» и более ранние и современные им параллели. Будь стеклоделие Сирии изучено в той же мере, что и египетское, мы нашли бы параллели и доказательства тому, что и сирийским товарным полуфабрикатам стекла придавалась та же форма. Пока нам приходится довольствоваться констатацией возможной связи с ближневосточным миром двух из шести «гладилок» (рис. 4).

Сейчас осталось подобрать удовлетворительные объяснения преимущественной связи «гладилок» с материалами Хайтхабу (Хедебю), их появлению в погребальных комплексах Бирки и в культурном слое Новгорода, где собственного производства стекла в это время не было. Место «гладилок» в технологи-

ческой цепочке, можно считать, найдено. Египет как место изготовления «гладилок» можно признать, приняв во внимание предположение Р. Андреа. Он считает, что преимущественное распространение египетских бус в Западной Европе в начале IX в. имеет свои исторические объяснения: с этого времени начинаются прямые контакты державы Аббасидов и франков (Гарун Аль-Рашид и Карл Великий обмениваются посольствами и ведут совместную политику против Омейядов в Северной Африке и Испании). Исчезновение мозаичных бус египетского происхождения после первой трети IX в. ставится в связь с переменами во внешнеполитическом курсе Каролингов и внутриполитической ситуации государства [20, с. 163—165].

Как бы сложно ни развивались связи Центральной и Северной Европы с арабским миром, Прибалтика постоянно оказывалась в зоне интересов последнего; именно поэтому в Прибалтику и Скандинавию широким потоком направляются сирийские и египетские бусы, в этот поток вовлекаются со временем и полуфабрикаты. Мастерские, которые известны в Хайтхабу (Хедебю), Павикене, Хельго, делали бусы в основном из полуфабрикатов, употребляя для этого простейший технологический прием — навивку вокруг стержня (Павикен, Хельго) [21]. Небольшая часть бус в Хайтхабу (Хедебю) тоже сделана путем навивки. Возможно, что именно эта часть и сделана на месте. Бусы более сложных технологических схем — мозаичные, а также многочастные пронизки (изготовленные из трубочки) привезены туда в готовом виде. В Хайтхабу (Хедебю) нет примет знакомства мастеров с приемами более сложными, чем навивка. «Гладилки» же изготовлены путем литья, с которым мастера в Хайтхабу (Хедебю) знакомы не были. Это наблюдение еще раз подтверждает мысль о производстве стекла в Хедебю, базирующемся на привозных полуфабрикатах. Полуфабрикаты изготовлены по сложной технологии, а готовая продуция изготовлена примитивно. Технологически сложные бусы и «гладилки» попадали на Балтику, вероятно, одними и теми же путями.

Очевидно, что роль «гладилок» в истории стеклоделия региона (имеются в виду Бирка и Новгород) мало различается. Не найдя им места в производственной сфере региона, мы тем самым перевели их в сферу непроизводственную. Значение «гладилок» нужно искать в системе ценностей эпохи. Украшения из стекла в Северной Европе, Прибалтике, в городах Древней Руси и на ее периферии считались ценностью. Подобная оценка распространялась и на материал. Хотелось бы напомнить, что богатство — не только одежды из дорогих тканей и мехов, украшения из драгоценных металлов и камней, не меньшую ценность представляют и сами ткани, мех, золото и камни. Если отнестись к «гладилкам» как к материальной ценности, которую можно превратить в конкретные полезные и ценные вещи, то тогда можно понять покупателя и дарителя «гладилки», которому значение покупки и подарка было известно, очевидно, из первых рук от того восточного купца, которого он встретил на каком-то рынке. Купив «гладилку» и привезя ее домой, он не без досады узнавал, что в его краю никто не знал правил обращения с нею. Ценное приобретение, оказавшееся вдруг бесполезным в реальном мире, вместе со своей владелицей отправилось в «мир теней».

Новгородская находка, которая найдена среди вещей «живого» города, могла бы иметь другой смысл и быть «образцом продукции», знакомство с которым могло бы определить для развития новгородского стеклоделия иной путь, чем тот, который был реализован через Киев и Византию [22]. Кстати сказать, это не первая находка полуфабриката, пригодного для изготовления мелких поделок (бус в том числе). На Неревском раскопе была найдена палочка, состав которой аналогичен составу ближневосточных бус, сказать точнее, сирийских или египетских, трудно. Есть полуфабрикаты и среди бус Старой Ладоги.

Начало новгородского стеклоделия, зафиксированное находками, отстоит по меньшей мере на 200 лет от времени, к которому относятся «гладилка» и палочка. Из этого следует, что создание собственного стеклоделия, правильнее

сказать, собственной школы в стеклоделии — продолжительный исторический процесс, на течение которого внешние факторы, даже самые благоприятные, воздействуют лишь в малой степени, определяющая и решающая роль в этом деле принадлежит факторам внутренним.

Когда работа над статьей была уже закончена, стало известно о 4 находках в Англии [23] и о 4 — во Франции [24]. Кроме того, мне стало известно о неопубликованных находках: одна найдена в Суздале (раскопки М. В. Седовой), другая — в Ростове Великом (раскопки А. Е. Леонтьева), третья — в Гнездове (дореволюционные раскопки С. И. Сергеева); еще две найдена в Микульчицах (раскопки З. Кланицы, ЧССР).[1] Хронология находок и состав стекла надежно вписались в нашу гипотезу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arbman H.* Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940.
2. *Arwidsson G.* Birka. II, 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. Arwidsson G. Stockholm, 1984.
3. *Dekówna M.* Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. Ossolineum, 1980.
4. *Neumann B.* Antike Gläser, ihre Zuzammenzetzung und Färbung // Zeitschrift für angewandte Chemie B. 36. Lpz, 1925.
5. *Безбородов М. А.* Стеклоделие в Древней Руси. Минск: Изд-во АН БССР, 1956.
6. *Силантьев Г. Л.* Техника изготовления и химический состав стеклянных изделий чжурчженей // Естественные науки и археология в изучении древних производств (Материалы совещания 27 марта 1981 г.). М.: Наука, 1982.
7. *Галибин В. А.* Состав стекла из памятников Красноярского края (V в. до н. э. — I в. н. э.) // Древние культуры Евразийских степей (По материалам работ на новостройках). Л: Наука, 1983.
8. *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М.: Изд-во МГУ, 1983.
9. *Островерхов А. С.* Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. 1985. № 3.
10. *Scapova J.* Origine de la verrerie // Annales du 8e Congrès International du l'AIHV, Liège, 1981.
11. *Sayre E. V Smith R. W* Compositional Categories of Ancient Glass // Science. 1961. V 133. № 3467.
12. *Schwantes G.* Da wikingische Haithabu in Lichten alter und neuer Ausgrabungen // Die Ausgrabungen in Haithabu // Zeitschrift für Ethnologie. 1913. R. 63. Z. 1/2.
13. *Newton R. C.* Recent Views on Ancient Glass // Glass Technologie. 1980. V. 21. № 4, aug.
14. *Львова З. А.* К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X — начала XI в. в северные районы Восточной Европы // АСГЭ. 1977. Вып. 18.
15. *Lamb A. A.* Note on Glass Beads from Malaya Peninsula // J. Glass Studies. 1966. V III.
16. *Рыбина Е. А.* Археологические очерки новгородской торговли. М.: Изд-во МГУ, 1975.
17. *Шерби О. Д., Уодсворт Дж.* Дамасская сталь // В мире науки (Scientific American). 1985. №4, апрель.
18. *Gentili G. V.* Les poids monétaires en verre byzantins, byzantino-arabes et arabes provenant des fouilles de la Villa romaine de Piazza Armerina // Annales du 4e Congres de l'AIHV, Ravenne-venise, 1967.
19. *Miles C. C.* Early Arabic Glass Weights and Stamps. N. Y., 1948.
20. *Andrea R.* Mosaikaugenperlen. Untersuchung zur Verbreitung und Datierung karolina erzeitlicher Millefioriglasperlen // Acta Praehistoria et Archaeologica. 4. 1973. B., 1975.
21. *Lundström A.* Bead Making in Scandinavia in the Early Middle Ages // Antikvarskt Arkiv. 61.
22. *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1972.
23. *Scott J. G.* A Glass Linen Smoother of Viking Type from Kirkgudbright // Proceeding of the Society of Antiquaries of Scotland. Session MCMLIV—MCMLVI. V. LXXXVIII. Edinbourgh, 1956.
24. *Thénot A.* Note sur quatre objets énigmatiquees en matière vitreuse de la collection F. Moreau au M. A. N. à Saint-Germain-en-Laye // Annales du IXe Congrès de l'AIHV.Liège, 1985.

[1] Пользуюсь случаем принести благодарность М. В. Седовой, сообщившей о своей находке и Т. А. Пушкиной, сообщившей мне об остальных неопубликованных находках.

Y. L. Shchapova

SOME PROBLEMS OF MEDIAEVAL CLASS-MAKING ACCONRDING TO THE RECENT DATA (THE "SMOOTHS" FROM NOVGOROD)

Summary

The layer of the first half of the 10th century yielded a semi-spherical lump of glass (8.3 cm in diametre, and weight 362 grammes). A similar lump have been found before and named „smooths" by archaeologists, their function being guessed from 17th-century visual materials. Glass of the same chemical composition came in the early Middle Ages from Western Europe and in the 12th and 13th centuries from the Jurchen. The similar chemical composition can be traced down to one and the same source. The „smooths" are a semi-finished product of a standard shape that in the early Middle Ages Arabs imported from Syria and Egypt to all parts of the Old World.

Дискуссии

М. В. АНИКОВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПОСЛЕДСТВИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ДЛЯ ПРОЦЕДУРЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Выход археологической практики в сферу собственно исторических исследований немыслим без наличия общих понятий, успешно работающих в ряде исторических дисциплин. В археологическую практику такие понятия могут внедряться разными путями. Простейший из них — простой перенос понятия, употребляемого в более развитых общественно-исторических науках, в сферу деятельности археолога. Таким способом понятия включаются в новую сферу как бы естественным путем, незаметно, но при этом нужно учесть, что сама «естественность» такого внедрения таит в себе опасность неадекватного, приблизительного, а порой по существу неверного использования заимствованного понятия в новом качестве. Такого рода понятий, обладающих разным уровнем обобщенности и относящихся к разным сферам человеческой деятельности, в археологии употребляется великое множество, как-то: «жилище», «поселение», «орудие труда», «техника», «хозяйство», «социальное неравенство», «миграция» и т. д. и т. п. (я не рассматриваю здесь вопрос о правильности употребления подобных терминов в археологической литературе).

Более сложный путь интеграции понятийных аппаратов археологии и иных общественно-исторических дисциплин заключается в определении важнейших эмпирических обобщений, вырабатываемых в археологической практике, с помощью понятий, обладающих более высоким теоретическим уровнем. Осмысленное таким образом эмпирическое обобщение само становится понятием-интегратором, одним из звеньев, связующих отдельные общественно-исторические дисциплины в упорядоченную систему наук, занятую изучением наиболее сложной из известных форм движения материи — социальной формой.

Во всех случаях важным критерием действенности внедрения в археологию понятий-интеграторов является научная практика. Если известное понятие вводится в новую сферу научной деятельности правильно и своевременно, оно неизбежно оказывает прямое воздействие на методику, на цели и задачи, направление научного поиска, в одних случаях уточняет прежние приемы и направления, в других — видоизменяет их, а в третьих — приводит к обнаружению новых целей и путей их достижения. Если же понятие, успешно работающее в одной науке вводится в другую, не оказывая подобного воздействия, можно утверждать, что оно было введено искусственно, декларативно, может быть, преждевременно и неизбежно будет отторгнуто «организмом» другой науки, в которую его пытались включить.

В современной археологии до сих пор остро стоит проблема определения археологической культуры (АК). До сих пор попытки определить АК с помощью понятийного аппарата более развитых наук ограничивались вариантами «этнической версии», т. е. сведением в той или иной форме содержания археологической культуры к понятию «этнос» [1—7] или с некоторыми оговорками [8, 9].

В ходе дискуссии «этническая версия» АК была убедительно опровергнута Г С. Кнабе и А. Л. Монгайтом [10, 11] и особенно убедительно И. С. Каменецким и Л. С. Клейном [12, 13]. Предпринятые впоследствии В. Ф. Генингом и Ю. Н. Захаруком попытки возродить этническое определение АК не добавили ничего принципиально нового к уже высказанным аргументам и сводятся к более детальному развертыванию последних [4] или же к критике отдельных неточностей, допущенных некоторыми оппонентами [6]. Основные доказательства несостоятельности «этнической версии» неколебимы: культурное как особый внебиологический способ деятельности и его результаты [14] проявляется в разных исторически сложившихся формах, в *том числе* и в этнической, являющейся в свою очередь *одним из видов* человеческих общностей [15]. Поэтому из того, что, с одной стороны, археолог своими средствами действительно способен выделять специфические культурные явления, «исторически данную культуру», а с другой стороны, «не только общие черты, но и относительно стабильные особенности культуры» являются непременным атрибутом этноса на любой стадии его исторического развития [15, с. 58], никоим образом не следует, что первое всегда и обязательно должно быть тождественно второму. Именно эти два момента, подчеркиваемые во всех работах, написанных сторонниками этнического определения АК, особенно детально обосновываются В. Ф. Генингом [4]. Однако в многословном обосновании обоих тезисов нет никакой необходимости, так как ни один из противников «этнической версии» никогда их и не оспоривал. Возможность сведения АК к этносу появилась бы лишь в том случае, если бы удалось выявить в сфере культурных явлений, с которыми работают археологи, такие признаки, которые соответствуют *только* этносам, или же обнаружить в ряду культурных явлений такие закономерности, которые опять-таки исполняют *исключительно* этнические функции, и доказать возможность их обнаружения археологическими методами. В действительности ни того ни другого сделать не удалось. Напротив, выяснилось, что такие этноопределяющие явления культуры, как язык и этническое самосознание, выраженное в самоназвании, не имели и не имеют однозначного соответствия в явлениях материальной культуры, доступных археологическому анализу, будь то отдельные, сколь угодно яркие признаки (украшения, орнаментация керамики, погребальный обряд и т. п.) или же комплекс признаков. Логически несостоятельной оказалась и попытка вывести моноэтничность АК из моноэтничности памятника — поселения, могильника или «комплекта памятников» (поселения и соответствующего ему могильника) [5, с. 24] — уже потому, что здесь изначально отсутствовало доказательство исходного тезиса: обязательной монокультурности и моноэтничности (что, заметим, не одно и то же) поселения или могильника [13, с. 48].

Приведенная вкратце аргументация, опровергающая этническую версию АК, была, повторяю, развернута еще в работах, опубликованных к началу 70-х годов. В качестве дополнительного аргумента можно обратиться к археологической практике и убедиться в том, что, хотя сторонники этнической концепции АК зачастую рассматривали ее как основной залог выхода археологии в историю [1, с. 31], эта концепция не оказала никакого положительного влияния ни на направления и цели, ни на методы археологического исследования. В самом деле, в области методики выделения АК единственные следствия, непосредственно выводимые из ее этнического определения, свелись к быстро отвергнутым попыткам выделить особые «этнические признаки», остальные же методические требования, обсуждаемые в работах, посвященных определению АК (проблема ее территориальной и хронологической целостности, требование комплексности и системности и проч.), соотносятся не с предлагаемой формулировкой определения АК, а скорее с практическим опытом того или иного исследователя. Об этом свидетельствует и то, что в ряде случаев по всем этим методическим вопросам наблюдаются разногласия между сторонниками этнической концепции и, напротив, единство взглядов между ее защитниками и их оппонентами. Кроме того, данный подход автоматически ликвидирует проблему интерпретации АК, поскольку все

археологические культуры, по общему определению, должны сводиться исключительно к этническим явлениям. Предложить же здесь более конкретные (и доказательные) решения крайне трудно даже для наиболее поздних АК.

Первоначально противники этнической версии АК стали сводить проблему определения этого понятия к «чисто археологической», процедурной стороне вопроса. Иными словами, содержание понятия АК раскрывалось только через способ ее выделения [12, с. 29; 13, с. 51; 16, с. 44; 17, с. 10 и др.]. Иногда только этим содержание АК и ограничивалось [16, с. 44], но в большинстве случаев подчеркивалось, что речь идет лишь о начальной стадии исследования, о «собственно археологическом уровне... предшествующем историческим интерпретациям и социологическим реконструкциям» [17, с. 9]. Такой подход, может быть, и был бы хорош, если бы существовал единственно возможный способ анализа того материала, с которым имеет дело археолог. Но в действительности в вещественных источниках, как в каждом отдельном предмете, так и в их сочетаниях, в неразрывном сплетении отражены самые разные стороны человеческой деятельности. Задача археологического (источниковедческого) анализа и состоит в том, чтобы разъединить в понятиях, в знании то, что в реальности представлено как нерасчлененное единство. А поэтому нет и не может быть одного «единственно верного» пути изучения вещественных источников; путей этих множество, и выбор способа анализа должен диктоваться выбором цели, который, таким образом, в гносеологическом плане и предшествует выбору методов, и определяет собой последние. На практике, однако, выбор цели осуществляется зачастую неявно, подсознательно, что создает иллюзию примата методической, процедурной стороны вопроса. Так обстояло дело и при выделении археологических культур, первоначально представших в виде эмпирических обобщений ряда свойств археологических источников, выбор которых из множества других свойств осуществлялся археологами в значительной мере или даже вполне интуитивно. Определение АК, означающее перевод этого термина из ранга эмпирического обобщения на уровень подлинно научного понятия, одновременно должен явиться и осознанием той цели, которая изначально смутно ощущалась археологами, занимавшимися выделением АК. Но поскольку цель эта связана с вычленением какой-то стороны человеческой деятельности, неизбежен выход определения понятия АК за «чисто археологические», процедурные рамки, что должно быть отражено и в соответствующей терминологии.

Неправомочность жесткого разграничения исследования, ведущегося археологами, на «чисто археологический» и «интерпретационный» или «историко-социологический» уровни особенно прояснится, если мы поставим два вопроса. 1. Каким образом должен осуществляться на практике переход к «историческим интерпретациям», если предшествующий «собственно археологический» уровень замкнут сам на себя, если ни применяемый здесь «чисто археологический» язык, ни используемые, опять-таки «чисто археологические», методы не обеспечивают органической связи с понятийными аппаратами иных общественных наук? 2. Способны ли «чисто археологические» методы сами по себе, при последовательном проведении того же принципа исключения из «археологического уровня исследования» всякой «историко-социологической» информации, обеспечить хотя бы убедительное и доказательное упорядочение самого археологического материала? Ответ на оба эти вопроса придется дать отрицательный. В этом нетрудно убедиться, рассмотрев конкретные предложения по методике выделения АК, по способам проверки истинности, объективности такого выделения, выдвинутые сторонниками «чисто археологического» определения АК.

И. С. Каменецкий, например, дав свое определение АК, в котором отражен целый ряд важнейших методических сторон (требование комплексного подхода при выделении АК, указание на системный характер ее показателей, на их пространственно-временну́ю вариабельность, на наличие «фона», на котором проявляется АК), вместе с тем отмечает, что «руководствуясь данным определением, мы можем с равным успехом получить (и получаем) не только культуру, но и ло-

кальный вариант, и культурную область» [12]. Как же быть? Ответ несколько неопределенный и вместе с тем весьма показательный. «Решение, по-видимому, должно быть найдено путем разработки мер сходства и различия признаков. Можно только приблизительно наметить пути поиска. Один из возможных — это оценка значимости признаков (а исходя из каких критериев оценивать эту значимость?— *М. А.*)... Второй и, как я полагаю, более перспективный путь — это разработка точных критериев сходства памятников. Здесь предстоит разработать сам метод сопоставления, а также определить размах вариаций нематериальных черт второй группы. Математическая статистика дает нам средства для решения подобных вопросов. Имея точные, т. е. выраженные в цифрах, данные о сходстве памятников, мы сможем если не установить объективно, то договориться о возможных допусках в различиях между памятниками для локальных вариантов и культур» [12, с. 29, 30]. Здесь обращают на себя внимание два момента. Во-первых, математике отводится исключительно высокая роль — не только способа, конкретной методики выделения АК, но и критерия «правильности, объективности, строгости» этого выделения. Но ведь ни в одной из наук об обществе ни одно из фундаментальных понятий не основано столь всецело на математических методах (попробуйте дать математическое обоснование хотя бы тому же понятию «этнос»!). Почему же для обоснования фундаментального понятия археологии столь велико значение математики? Не следует ли в таком случае вообще вынести археологию за рамки гуманитарных наук? И как можно впоследствии, «на уровне интерпретации» соотнести АК с отличными в корне, построенными на принципиально иной основе понятиями иных общественных наук? Во-вторых, оказывается, что стремление к исключительной (математически обусловленной!) объективности и строгости даже на рассматриваемом уровне исследования требует введения субъективного момента: на основе точных цифр можно будет «*договориться* о возможных допусках в различиях между памятниками для локальных вариантов и культур» [12, с. 30] (курсив мой.— *М. А.*). Неудивительно,— обладая только рядом показателей сходства между различными памятниками, не имея никаких «посторонних» (привнесенных извне, из других наук) оснований для предпочтения одних показателей другим, можно *только* договориться, какой уровень сходства считать показателем культурной принадлежности, какой — показателем локального варианта и т. д. Так, В. М. Массон предлагает: «В качестве варианта цифровых пределов можно предложить для локального варианта 100—50% совпадений и сочетаемости типов по изучаемым памятникам, для культуры — 50—30% и для общности 30—20%» [17, с. 10].

Положение еще больше запутается, если поставить вопрос об отборе признаков, по которым следует вычислять показатели сходства. Рассуждая *только* в рамках «археологического универсума», можно предпочитать одни признаки другим (например, «типы» «надтипам» или «категориям»), только лишь основываясь на интуиции. Это второй источник вторжения субъективизма в самую суть «чисто археологического» анализа, построенного на «строго объективной» основе. Третий, может быть, наиболее показательный источник субъективизма выявляется в области отбора тех «устойчивых сочетаний признаков», которые должны соответствовать типам, и в области отбора тех типов, которые должны «выделять» АК. Имеются по крайней мере две попытки объективно установить меру сходства, достаточную для выделения АК [18, 19]. Логическая основа их одинакова: авторы выявляют показатели сходства разных жилых комплексов одного поселения (М. И. Гладких — Добраничивки, Ю. П. Холюшкин — Мальты), полагая их заведомо однокультурными, с целью использования полученных результатов при сравнении между собой уже различных памятников. Не вдаваясь в обсуждение конкретных деталей этих работ, отмечу лишь один аспект исходной посылки, делающий, по моему мнению, предложенный метод непригодным для решения поставленной задачи. Если принять безоговорочно основной тезис, что мера сходства между жилыми комплексами в пределах одного поселения

может всегда использоваться в качестве показателя однокультурности, то и в этом случае из АК, выделенных строго на такой основе, исчезает важнейший момент: их развитие во времени, ибо, по условию задачи, этот показатель отражает вариабельность, возможную лишь в пределах периода существования одного поселения. Если же критически отнестись к самому тезису, предположив, что в некоторых случаях сходство между комплексами одного поселения может быть меньшим, чем сходство между однокультурными поселениями, тогда отпадает и сам предложенный метод формализованного обоснования АК.

Итак, «чисто археологическая» методика выделения АК, несмотря на активное введение в нее математики, не только не устраняет возможности проникновения в «археологическую стадию исследования» субъективизма и интуитивизма, но прямо предполагает такое проникновение, причем в худшей, скрытой форме, замаскированной математическими выкладками и цифровыми показателями. Не обеспечивая органической связи с понятийными аппаратами других общественных наук (а своим математическим антуражем прямо препятствуя установлению такой связи), эта методика не обеспечивает и перехода к «социально-историческим построениям». Единственной возможностью для подобных интерпретаций остается неоднократно критикуемый метод прямых аналогий через сравнение конкретных АК (в первую очередь по площади распространения и продолжительности существования) с теми или иными общественными группировками. Бездоказательность подобных аналогий едва ли нуждается в комментариях.

Итак, «этническая версия» АК оказалась несостоятельной. Но бесперспективна и альтернатива «чисто археологического» определения АК. После этих выводов встает задача дать такое определение АК, которое раскрывало бы его содержание через отношение к понятию более высокого теоретического уровня, с учетом ошибок «этнической версии». Раскрыть содержание одного понятия через другое вовсе не означает их отождествления (в этом случае не было бы никакого смысла употреблять два разных термина). Речь идет именно об *определении отношения,* причем содержание определяющего понятия должно быть полнее, глубже, богаче, разностороннее понятия определяемого. Вместе с тем определение должно быть сформулировано таким образом, чтобы оно не только не шло вразрез с практически намеченным путем выделения археологических культур, но, напротив, проясняло, уточняло, совершенствовало это эмпирически выработанное направление археологического анализа.

Большинство археологов, занимающихся проблемой определения АК, пришло к выводу, что конкретные АК, относящиеся к разным периодам первобытной истории, могут соответствовать разным социальным группировкам; единого эквивалента здесь найти невозможно. «За археологическими культурами,— писал А. Л. Монгайт,— скрываются разные исторические явления, среди которых лишь одно из возможных — наличие этнической общности» [11, с. 78]. По мнению Ю. Н. Захарука, «наиболее грубой логико-методологической ошибкой этой концепции является то, что заведомо различные по объему и содержанию комплексы археологических объектов обозначаются одним и тем же термином АК» [6, с. 257]. «Утверждение о том, что АК может отражать различные по объему и содержанию археологические комплексы с логико-методологической точки зрения недопустимо. Если АК является подлинно научным понятием, тезис о его многозначности должен быть отброшен» [6, с. 259]. Мнение это неоправданно категорично. Любое научное понятие может быть сколь угодно многозначным в самых различных отношениях, а в особенности в том, что касается внешних проявлений действительности (именно такими проявлениями и выступают «археологические комплексы»), но лишь в том случае, если в определении понятия указано такое отношение, такие границы, в которых оно вполне однозначно. Нельзя же, например, считать понятие «государство» «методологически неправильным» на том основании, что античный полис, средневековое королевство и современная империалистическая держава резко отличны друг от друга по огромному ряду существеннейших сторон человеческого бытия! Таким образом,

подлинную социальную основу АК следует искать в том общем, что объединяет самые различные формы «культурного единства», «исторически данные культуры», отражающие различные социальные группировки. Это общее заключается в способе культурного наследия, т. е. в *культурных традициях,* понимаемых как «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [20, с. 80]. Возможность использовать культурную традицию в качестве определяющего для АК понятия обеспечивается ее универсальностью (культурная традиция необходимо присуща любому человеческому коллективу), ее способностью выступать в опредмеченной форме, т. е. посредством стереотипизированных форм предметной деятельности воспроизводиться в элементах материальной культуры, в том числе и в тех, что становятся археологическими источниками. Можно предложить следующее определение АК: **археологическая культура есть система традиций, выработанных в определенных социальных группировках под влиянием определенных исторических условий, нашедшая свое материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые стали археологическими источниками, и раскрываемая посредством анализа этих источников.** Поскольку выявляемые системы традиций могли вырабатываться в самых различных социальных группировках, в том числе, но отнюдь не обязательно в группировках этнических, предложенное определение методологически обосновывает социальную многозначность АК, снимая тем самым критические замечания Ю. Н. Захарука в адрес А. Л. Монгайта.

Рассмотрим теперь, какое влияние оказывает предложенное определение на методические принципы выделения АК, в том числе и на те, которые так или иначе уже были сформулированы в предшествующих работах, посвященных этой проблеме. Кажется, ни у кого из археологов не вызывал ни малейших сомнений тезис об обязательной однокультурности одного археологического памятника — стоянки, поселения или могильника. Этот постулат, казавшийся чем-то само собой разумеющимся, нередко клался в основу дальнейших рассуждений — примеры такого рода приводились выше [4, 6, 18, 19]. Предложенное определение АК не позволяет принять данный постулат в качестве аксиомы по двум причинам. Во-первых, АК как система традиций не может отождествляться с совокупностью памятников. Подобно другим обобщающим понятиям АК не является простой совокупностью неких материальных объектов, но выражает собой определенные связи, отношения, абстрагированные даже не прямо из живой действительности, но через посредство свидетельств, каковыми выступают археологические источники. Предположение о том, что организующим ядром таких связей всегда выступает археологический памятник как целое — не более чем предположение, требующее проверки и допускающее рассмотрение иных вариантов. Во-вторых, теоретически более допустимо иное предположение, а именно то, что по крайней мере в ряде случаев в ходе анализа материалов *одного* памятника должны выявиться *разные* системы традиций, по существу разные АК. Основой для такого предположения служат закономерности, неизбежно приводящие к проживанию на одном поселении представителей разных социальных группировок (для первобытности наиболее яркий пример такого рода закономерностей — экзогамия). Разумеется, нельзя представлять дело таким образом, что та же экзогамия автоматически всегда приводит к появлению на одном поселении разных систем традиций. Речь идет лишь о *возможности* такого проявления и соответственно о необходимости быть готовым к обнаружению таких случаев в ходе анализа материалов одного памятника. Возможность выделения на одном памятнике разных систем традиций проявляется и на практике. В качестве примера можно сослаться на так называемый «южный комплекс» III культурного слоя Гмелинской стоянки (Костенки 21), настолько отличающийся по типологии от соседних жилых комплексов [21, 22], что может трактоваться по отношению к ним как инокультурный (разумеется, можно предложить несколько вариантов

объяснения этих отличий, сосуществование на одном поселении разнокультурных комплексов — только один из них). Обнаруживать явления такого рода сильно мешает предвзятая установка, согласно которой археологический памятник непременно однокультурен. С отказом от нее, с проведением целенаправленного поиска примеры такого рода, вероятно, будут умножены. Возможно, анализ таких явлений даст ключ к раскрытию структуры первобытных общин.

Территориальное единство во многих работах (но не во всех) рассматривается как один из важнейших показателей при определении АК [2, 7, 9, 12]. Предложенным здесь определением АК этот показатель устраняется. В самом деле, АК — это своего рода проекция в сознание современного исследователя всей истории определенной системы традиций — от ее возникновения до исчезновения. Поэтому, хотя ее зарождение могло совершаться только в достаточно узких пространственных границах, ход дальнейшего развития, включая территориальное распространение, изначально непредсказуем и зависит от общих закономерностей исторического процесса (от того, к какой стадии этого процесса относится рассматриваемая АК), а также от конкретных условий, в которых протекало это развитие. Действительно, могут быть случаи, когда АК на всем протяжении своей истории занимает определенную территорию. Но точно так же бывают случаи, когда определенная система традиций распространяется на очень широкой территории и при этом коллективы — носители этих традиций совершенно утрачивают связи друг с другом, существуя изолированно, окруженные инокультурными коллективами, а вместе с тем сохраняют тот общий каркас, основу, общий стереотип деятельности, который требует их объединения в одну АК. То же можно сказать и о хронологических рамках АК: определить их предварительно невозможно, одни АК существовали сравнительно недолго, другие — в течение тысячелетий. Для эпохи позднего палеолита, например, по-видимому, являются правилом широкие пространственные и временны́е границы АК. Так, костенковско-стрелецкая (стрелецко-сунгирьская) АК существовала на Русской равнине не менее 10 тыс. лет; памятники ее известны на Среднем Дону и в бассейне Клязьмы. Виллендорфско-костенковская АК распространялась на территории Центральной и Восточной Европы по крайней мере до широты Москвы [23] и существовала не менее 3—4 тыс. лет. На Среднем Днестре время бытования молодовской АК не менее 7—8 тыс. лет. Ее территориальные границы не установлены, но обращает на себя внимание очень большое сходство индустрий этой АК с индустриями так называемого «протомадлена», известного на территории Франции [24].

Таким образом, в определении понятия АК нет основания для предварительного установления пространственно-временны́х рамок конкретных АК, напротив, конкретное установление этих рамок для культур, относящихся к разным археологическим эпохам, и последующее их сравнение может стать одним из факторов, позволяющих перейти к установлению тех социальных организмов, в рамках которых в разные археологические эпохи формировались культурные традиции, определяющие АК.

Одним из основополагающих принципов выделения АК большинство археологов считают комплексный подход [1, с. 19, 20; 2, с. 20; 5, с. 20; 12, с. 27—30; 13, с. 50, 51; 17, с. 9 и др.]. Конечно, АК, при выделении которых обнаруживается сходство и в орнаментации и формах керамики, и в характеристиках каменных или бронзовых орудий, и в формах жилищ, и в особенностях погребального обряда, и в наборе украшений, выглядят значительно «весомее», нежели АК, выделенные только по керамике или же только по характеристикам кремневого инвентаря. Но при этом нужно иметь в виду, что в разных видах археологических источников (каменный инвентарь, кость, керамика, погребения и проч.), как и в разных сторонах одного вида источников (формы каменных орудий, технология их изготовления, особенности их использования), отражаются, в сущности, *разные* виды традиций. Уже в силу этого изменения в них могли протекать с разной скоростью и в разных направлениях, разные традиции по-разному рас-

пространялись и воспринимались за пределами «своей» АК: одни достаточно широко, другие не выходя за эти пределы. Так, например, в разнокультурных индустриях Костенковско-Борщевского района в определенный период были распространены маленькие стилизованные изображения животных, выполненные из мергеля [25, с. 19—21]. Но вместе с тем именно такие изображения, пожалуй, в наибольшей степени различают такие наиболее близкие друг к другу памятники виллендорфско-костенковской АК, как Костенки 1 (верхний слой) и Авдеево, где изображения животных по стилю иные и известные в меньших количествах. Так обстоит дело даже в тех случаях, когда между однокультурными памятниками прослеживаются связи в разных видах археологических источников, т. е. когда разные виды традиций можно в принципе рассматривать как одну систему (в позднем палеолите наиболее яркий пример такого рода связей дает виллендорфско-костенковская АК). Но известны и более сложные случаи, когда памятники, объединяемые в одну АК по сходству, прослеженному в одном виде источников, по другим видам источников различаются и обнаруживают сходство совсем с другими стоянками. Так, например, памятники городцовской АК наряду со специфическими особенностями кремневой индустрии характеризуются спецификой костяного инвентаря, в том числе своеобразным геометрическим орнаментом. Но такого же рода костяные изделия известны во II слое Тельманской стоянки (Костенки 8), где кремневая индустрия не просто отличается от индустрий городцовской АК, но являет собой полную противоположность городцовским традициям [26, с. 107]. Позднепалеолитические стоянки Восточной Европы, где были найдены своеобразные округлые жилища, сооруженные с использованием костей мамонта (Мезин, Межиричи, Добраничивка, Юдиново, Костенки 11 и др.), по кремневому инвентарю никак не могут быть отнесены к одной АК. И в то же время сходство кремневого инвентаря позволяет объединить в одну АК памятники, где такие жилища есть, и стоянки, где их нет (Костенки 11—1б слой, Костенки 2, Костенки 3, Костенки 19). Примеры такого рода можно было бы значительно умножить.

Исходя из сказанного, следует уточнить понимание комплексного подхода при выделении АК. Подход этот не должен трактоваться как требование обязательного совпадения в пределах одной АК традиций, выявляемых в разных видах археологических источников (такое совпадение *возможно,* но *не обязательно*). Комплексный подход здесь заключается в необходимости выявления традиций для каждой из разнокачественных групп археологических источников: отдельно для керамики, отдельно для каменного инвентаря, произведений искусства и проч.— и последующего установления реальных связей и соотношений между ними. Иными словами, археолог, работающий над выделением АК, не вправе пренебрегать ни одним из видов археологических источников, имеющихся в его распоряжении, но вместе с тем не должен ожидать непременного проявления единства культурных традиций во всех этих источниках, равно как и параллельного развития таких традиций. Прослеженные в конкретной АК временны́е или пространственные изменения в керамике вовсе не обязательно должны сопровождаться аналогичными по масштабу изменениями в составе кремневых или бронзовых орудий, украшений и проч. Памятники, сходные между собой по кремневому инвентарю, могут существенно различаться по форме жилищ или по украшениям, обнаруживая сходство по этим видам источников с совершенно иным кругом памятников. В этом, кстати, состоит один из возможных случаев разнокультурности материалов одного археологического памятника. Таким образом, выделяя АК, необходимо указать, по каким источникам она выделяется, какие виды источников при этом не используются (и почему), а какие «противоречат» предложенному выделению. Рассуждая иначе, требуя обязательного совпадения в одной АК традиций, прослеживаемых в разных видах источников (и опираясь при этом на примеры, когда такое совпадение действительно имеет место), археолог не только вынуждает себя тем самым в иных случаях «подгонять» материал под заданную схему, но лишается возможности перейти от

абстрактного переноса выявленных этнографией данных о социальных структурах первобытных коллективов на археологический материал к попыткам конкретного выявления подобных структур на основе анализа самого археологического материала.

Очень важным является реже высказываемое в литературе представление о системном характере АК [1, с. 19, 20; 4, с. 12; 5, с. 21; 12, с. 28, 29; 13, с. 51], поскольку именно здесь может реализоваться подход к АК как к *развивающемуся* явлению. Дело в том, что, хотя принцип развития АК никем не отвергался и даже выдвигался в качестве одного из основополагающих [1, с. 20; 12, с. 24], на практике при выделении АК возникает противоречие. Стремясь к максимальной доказательности правильности такого выделения, исследователи подчас понимают это как установление максимального сходства, максимального совпадения в ряде памятников различных элементов культуры. Спору нет, почти тождественные комплексы однокультурны. Но как установить меру общего в *развивающемся* явлении, следовательно, в заведомо различных памятниках? Здесь и важно пользоваться не количественной мерой совпадения отдельных элементов (процент совпадения типов, например), но качественной: выделением культурного единства через систему связей между различными элементами, которая образует структуру, общий каркас. Выявление АК в этом случае сводится к установлению повторяемости такой структуры в ряде памятников. Отдельные ее элементы, вплоть до типов, и даже линии связей могут видоизменяться, возникать и исчезать, отражая тем самым пространственно-временно́е развитие данной системы традиций, причем определенная направленность таких изменений может иногда сама служить дополнительным аргументом в пользу однокультурности памятников. Таким образом, при выделении АК главным, определяющим моментом становятся связи, образующие в совокупности с элементами общий каркас, «скелет» данной АК. Типам (когда их удается выделить) отводится роль наиболее выразительных «узлов» данной структуры, наличие или отсутствие которых, однако, не является решающим для определения культурной принадлежности памятника. АК рассматривается как *динамическая* система, как единство традиций и новаций, становящихся в свою очередь традициями, включающимися в систему [20, с. 80, 81]. При таком подходе возникает возможность обосновать, с одной стороны, выделение локального варианта или хронологического этапа АК, а с другой — отделить АК от общностей иного порядка. Проявления общей системы, отличающиеся наиболее полным и детальным сходством как по связям, так и по отдельным элементам и в то же время наиболее близкие друг к другу во времени или в пространстве, образуют локальные варианты, или хронологические этапы, АК. И с другой стороны, когда между разными системами традиций (разными АК) прослеживается сходство по отдельным элементам и связям, возникает возможность говорить о явлениях более общего порядка, чем АК (при этом, конечно, должно быть установлено, что совпадающие моменты прослеживаются в *разных* структурах). Вопрос о дефинициях более общего порядка, нежели АК, сложен и требует специального рассмотрения. Особые разработки нужны и для успешного внедрения в практику выделения АК методов структурного анализа. Хотя в советской археологии двух последних десятилетий попытки использовать приемы структурного анализа встречались неоднократно, в том числе и в палеолитоведении [27, 28], всеобщего распространения они еще не получили. Здесь много неясного, и, может быть, главная задача состоит в разработке, в наполнении конкретным содержанием таких основополагающих понятий структурного анализа, как «элемент» и «связь». Причем работа эта должна производиться не на абстрактном «общеархеологическом» уровне, и даже не только применительно к тому или иному виду источников в целом, но в тесной, неразрывной связи с целями и задачами, стоящими перед археологией, в частности в связи с задачей выделения АК. Очевидно, структурный подход плодотворен не только при выделении АК, но и при выделении «историко-культурных областей», «путей развития» и проч. Сколь же очевидно, что во всех этих случаях да-

же при оперировании *одним* видом источников (каменным инвентарем, например) выделяемые элементы и связи должны быть различными.

Последний из методических принципов, на который я хочу здесь обратить внимание, не всегда упоминается в литературе, посвященной АК, но иногда даже вводится в определение этого понятия [12, с. 29] и всегда учитывается в практической работе. Принцип этот состоит в том, что выделение АК возможно только при наличии «культурного фона» — иных систем традиций, относительно которых и «проявляется» определяемая АК. В качестве такого фона выступают, с одной стороны, АК, близкие к определяемой во времени и пространстве, а с другой — обладающие с ней рядом общих признаков. Так, например, костенковско-стрелецкая АК выявляется, с одной стороны, на фоне АК, обнаруженных в том же Костенковско-Борщевском районе и в тех же стратиграфических горизонтах (спицынская, городцовская, тельманская), а с другой — при сопоставлении с такими культурами, которые независимо от территориальной и хронологической удаленности обнаруживают ряд общих черт, присущих и стрелецкой АК (брынзенская, прутская, солютрейская, а также ряд культур, объединяемых термином «селет»).

Таковы важнейшие методические следствия, прямо вытекающие из предложенного определения понятия АК. Рассмотрим теперь некоторые задачи, встающие при дальнейшем развертывании этого понятия. Выше уже отмечалось, что предложенное определение АК методологически обосновывает известный тезис А. Л. Монгайта: «За археологическими культурами скрываются разные исторические явления, среди которых одно из возможных — наличие этнической общности» [11, с. 78], поскольку способность создавать культурные традиции принадлежит различным социальным группировкам, отнюдь не только этническим. Следовательно, возникает особая задача: установление социальных явлений, скрывающихся за системами традиций, которые обнаруживаются в виде АК в разных группах источников и в разные исторические эпохи. Путь к решению этой задачи лежит через создание *типологии археологических культур*. Следует распределить АК по определяющим их видам археологических источников, особенностям структур, которые формируют каждую АК, по пространственно-временны́м параметрам, сравнить между собой полученные группировки АК, относящиеся к разным археологическим эпохам, и сопоставить их с различными видами социальных группировок, изучаемых этнографическими исследованиями первобытного общества. Более чем вероятно, что в ходе такой работы удастся доказать, что ряд АК (может быть, все АК, относящиеся к какой-либо археологической эпохе или эпохам) действительно соответствует этническим явлениям. Однако подобного рода заключение может быть сделано только как вывод, как результат аналитической работы, но ни в коем случае не может фигурировать в качестве предварительного условия, аксиомы.

Естественно, чтобы подобные заключения были доказательными, необходимо встречное движение: анализ социальных явлений первобытности в отношении их к явлениям материальной культуры, основанный на методических принципах, аналогичных применяемым при выделении АК. Было бы очень важно, если бы этот момент привлек внимание специалистов при дальнейшей разработке поднятой в последнее время проблемы типологизации этнических общностей [29].

Второй круг вопросов, прямо связанный с предложенным пониманием АК, определяется задачей конкретного раскрытия социальной структуры первобытной общины постольку, поскольку последняя отражена в материалах поселения или стоянки. Путь к этому открывается через практическую реализацию тезиса о возможной разнокультурности материалов одного памятника: если в остатках жизнедеятельности одной общины выявятся разные системы традиций, то вполне правомочно предположить, что данные системы традиций обусловлены социальной структурой общины. Конечно, действенность такого рода предположений может быть проверена только в результате долговременной практической работы.

Интересен вопрос о том, является ли АК общеисторической категорией? Так же как не может существовать общество без культуры, т. е. без адаптивно-адаптирующего механизма [20], в такой же мере нельзя представить себе общество без традиций [30, с. 105]. В этом смысле при определении АК через систему традиций следовало бы, кажется, утверждать, что АК существуют столько же, сколько существует человечество. Однако в реальности дело состоит не в наличии в тех или иных коллективах традиций как таковых, а в возможности их проявления в том материале, который попадает в руки археологов. Проблема эта достаточно сложна и многогранна. Так, например, А. А. Формозов говорит о необходимости наличия определенного технического уровня, ниже которого приемы обработки камня настолько несовершенны, а орудия столь однообразны, что не обеспечивают возможности для проявления традиций [31, с. 23—40]. Но ключевым здесь является момент, когда традиции как способ воспроизводства группового опыта приобретают дополнительно функцию *противопоставления* «себя» другим подобным коллективам. Тогда и только тогда материализованные традиции становятся особенно яркими, отчетливыми. «Археологи,— писал Б. Ф. Поршнев, уделявший большое внимание этому моменту,— обнаруживают на смежных территориях несколько или даже сильно разнящиеся друг с другом типы орудий, жилищ, утвари, украшений. Значит ли это, что в различиях отразилась изолированность друг от друга носителей этих культур? Нет, отвечает социальная психология, люди таким путем внешне выражали и психологически закрепляли отношения между „мы“ и „они“» [32, с. 98]. Таким образом, при ответе на поставленный вопрос необходимо учитывать методическое требование установления «фона», на котором проявляется выделяемая АК. При таком подходе понятие АК теряет общеисторический характер, но начало его появления в истории человечества может быть установлено не общими рассуждениями, а только лишь практической работой с археологическим материалом. Сейчас АК бесспорно фиксируются лишь начиная с эпохи верхнего палеолита; вопрос о существовании мустьерских АК нельзя считать окончательно решенным в положительную или отрицательную сторону. Говорить о существовании АК в более ранние эпохи нет никаких оснований.

Нельзя быть уверенным и в том, что даже в те периоды, когда существование АК бесспорно, их удастся выделить везде, где только будет исследовано достаточно большое количество памятников. Исследователь на практике может столкнуться с неожиданными сложностями. Так, например, в позднеледниковых индустриях Восточной Европы наблюдается значительная «нивелировка» технических приемов обработки камня, значительное «упрощение» набора орудий: количество технико-морфологических групп орудий заметно сокращается, а формы в пределах каждой из них становятся проще, однообразнее, стандартнее. Это может быть истолковано как результат технического прогресса, однако такой результат сильно затрудняет процесс выделения АК. В любом случае само установление подобных явлений, когда АК либо слабо проявляются, либо вообще не выделяются, может иметь большое значение для понимания конкретного хода исторического процесса в первобытности.

Итак, мы убедились в том, что предложенное определение понятия АК не только оказывает прямое воздействие на методику выделения археологических культур, но и открывает новые перспективы в тех направлениях исследования, которые обычно называются «социологической интерпретацией археологических источников». Предложенное определение АК, таким образом, не только не «закрывает» собой проблему археологической культуры во всех ее аспектах, но, напротив, является лишь необходимым исходным пунктом, открывающим возможность дальнейшего развертывания этой проблемы как в практическом, так и в теоретическом направлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М. И.* Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
2. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952.
3. *Брайчевский М. Ю.* Теоретичні основи досліджень етногенезу // УІЖ. 1965. № 2.
4. *Генинг В. Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976.
5. *Захарук Ю. Н.* Методологические проблемы археологической науки: Автореф. дис. докт. ист. наук.: 07.00.06. М., 1981.
6. *Захарук Ю. Н.* Об одной концепции археологической культуры // Первобытная археология — поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980.
7. *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4.
8. *Формозов А. А.* Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? // СА. 1957. № 4.
9. *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР // МИА. 1952. Вып. 29.
10. *Кнабе Г. С.* Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // СА. 1959. № 3.
11. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
12. *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2.
13. *Клейн Л. С.* Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2.
14. *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
15. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
16. *Григорьев Г. П.* Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970.
17. *Массон В. М.* Понятие культура в археологической систематике // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент: Фан, 1972.
18. *Гладких М. И.* Поздний палеолит лесостепного Приднепровья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1973.
19. *Холюшкин Ю. П.* Археологическая культура как объект формального анализа // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981.
20. *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2.
21. *Иванова М. А.* Жилой комплекс Гмелинской позднепалеолитической стоянки в Костенках // КСИА. 1981. Вып. 165.
22. *Иванова М. А.* Структура Гмелинского палеолитического поселения (по результатам планиграфического и типологического анализа кремневого инвентаря): Автореф. дис. канд. ист. наук.: 07.00.06. Л., 1985.
23. *Трусов А. В.* Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // СА. 1985. № 3.
24. *Delporte H.* Proto-Magdalenien du Blot commune de Cerzat (Haute-Loire) // Congres Prehistorique de France. XIX session. Auvergne, 1969. P., 1972.
25. *Аникович М. В.* К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района // КСИА. 1983. Вып. 173.
26. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879—1979. Л.: Наука, 1982.
27. *Синицын А. А.* К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря // Проблема палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977.
28. *Синицын А. А.* О кремневом инвентаре стоянки Костенки XVI (Углянка) // КСИА. 1981. Вып. 165.
29. Дискуссии и обсуждения // СЭ. 1986. № 3, 4.
30. *Чистов К. В.* Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования // СЭ. 1981. № 2.
31. *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977.
32. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.

M. V Anikovich

THE ARCHAEOLOGICAL CULTURE: HOW A DEFINITION OF THE CONCEPT AFFECTS THE RESEARCH PROCEDURE

Summary

The author formulates the concept of archaeological culture (AC) in the following way: the archaeological culture is a system of traditions that have evolved in social groups under definite historical conditions and that have been expressed by material objects produced by man (that are the subject-matter of archaeology) and that is being investigated through them. This definition makes certain methodological principles of identifying the AC more precise. They are: a comprehensive approach to such identification, the structural nature and the original indefiniteness of the AC's temporal and spatial limits, a possibility of two AC identified on one and the same site, and the necessity of establishing the „cultural background" that makes the AC under investigation stand out graphically. One has to solve a number of tasks if one is to follow this definition. These tasks are: identification of the social groups that produced the AC at definite archaeological periods and of the social structure of primitive communities that produced the archaeological site.

В. В. ГЕНИНГ

К СОЗДАНИЮ УНИВЕРСАЛЬНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛИТЕЛЯ ПРИЗНАКА И ТИПА

1. Общие положения. Задачи. Ежегодно в СССР раскапывается большое количество разнообразных памятников, формирующих источниковую базу социально-исторических исследований археологии. Накопление материала требует прежде всего его упорядочения, классификации, но методы первичной обработки археологических источников во многом еще несовершенны и отстают в своем развитии от темпов их накопления.

Изученные в процессе раскопок объект, сооружение, вещь и т. п. в дальнейшем исследовании включаются в класс однородных с ними объектов, сооружений, вещей и уже рассматриваются в совокупности определенного типа или типологической группы. Это типологическое разделение чаще всего совершается на основе функциональных определений археологических находок. При их классификации кроме наблюдаемых в процессе раскопок свойств-признаков объектам присваиваются характеристики, непосредственно не наблюдаемые на объектах, хотя они также объективны по своей сути, например, характеризующие пространственно-временную принадлежность объекта (к определенной археологической культуре — АК), принадлежность к определенному функциональному классу, типу формы и т. д.

Описание объектов путем перечисления их свойств-признаков широко распространено в археологии и опирается на системный характер археологических объектов. В основе таких описаний лежит принцип структурности, который может быть сформулирован как утверждение о всеобщей расчлененности объектов на части, элементы, как утверждение о том, что строение, связи и независимость частей присущи любым объектам [1]. Именно благодаря этому существует возможность характеристики объекта путем выделения в нем частей, элементов, их описания и выяснения связей между ними. В то же время следует подчеркнуть, что качественную определенность любому объекту или классу придает его структура, понимаемая как устойчивые взаимосвязи определенного набора элементов.

В большинстве случаев процесс выделения в объекте частей и элементов, их описание, а в дальнейшем и классификация их на основании подобных описаний в современной советской археологии опирается на интуицию и субъективное восприятие археологом опыта, накопленного наукой. Такая характеристика объектов хотя и оказывается верной, но несет в себе объективную информацию с определенной долей вероятности. При обработке массовых источников этот подход оказывается недостаточным. Возникает необходимость перехода к новому этапу классификации и описания объектов, который свел бы к минимуму субъективизм в работе, устранил бы возможные расхождения, связанные с различием взглядов исследователей, разным их опытом, и строился бы на *опыте, накопленном наукой в целом.*

В современной археологии большинство артефактов характеризуется массовостью и повторяемостью, что дает возможность объединения их в функционально однородные классы и проведения классификации с использованием формализации и математической статистики. В связи с этим существует воз-

можность создания системы контроля классификации на базе системного подхода к объектам, которая также может в какой-то мере автоматизировать процесс самой классификации артефактов и в конечном итоге передать эту трудоемкую работу ЭВМ.

Рассмотрим возможность создания подобной системы на примере классификации погребального обряда. В самом общем виде погребальный обряд может рассматриваться как комплекс норм и правил по подготовке и проведению захоронения умершего члена общества. В конкретном обществе эти нормы и правила определяются общими мировоззренческими представлениями и традициями данного общества. При этом процесс проведения обряда реализуется обществом через отдельных его представителей или групп в соответствии с нормами, принятыми данной группой. И этот процесс повторяется многократно. Для археолога погребальный обряд выступает как опредмеченные остатки комплекса действий реализованного прошлым обществом обряда (через своих представителей по отношению к отдельным индивидам). Таким образом, в археологии погребальный обряд представляет собой множество объектов (остатков комплекса действий и вещей), на которых реализовано заранее определенное отношение с фиксированными свойствами (нормы и правила погребальной обрядности прошлого общества, конкретных общественных групп), что соответствует определению системы. При этом каждое *конкретное погребение является представителем системы, обладает основными ее свойствами, но не исчерпывает их разнообразия.*

Следовательно, для изучения системы погребального обряда прошлого общества археологу необходимо охватить максимальное число представителей системы (отдельных погребений), чтобы изучить разнообразие свойств ее проявления, выделить главные, закономерные связи и отношения. Принцип структурности в полной мере применим к погребальному обряду: выделяя элементы и части обряда, устанавливая их количество, изучая их закономерные связи и отношения, археолог получает представление о системе и при соответствующем анализе — о закономерностях ее функционирования. Именно системная организация погребального обряда дает возможность классифицировать его отдельные проявления для решения исследовательских задач.

Итак, в основе создания автоматизированной системы классификации и контроля над ней лежит системная организация погребального обряда, в определенной степени сохранившаяся в погребальном памятнике. Но далеко не все элементы обряда (признаки) доходят в силу различных причин до археолога, поэтому и появляется важнейшая исследовательская задача — реконструирование недостающих признаков (в том числе и принадлежности к классификационной группе) у отдельных объектов, естественно, с той или иной степенью достоверности. Это определяет две основные задачи предлагаемой здесь системы: во-первых, *реконструкция признака* объекта, по каким-либо причинам не зафиксированного (утерянного) в процессе исследования памятника; во-вторых, введение классификационного признака (принадлежность объекта к какому-либо классу), т. е. установление *принадлежности к типу.*

Назовем предлагаемую систему автоматизированной классификации «Универсальным археологическим определителем признака и типа» (в дальнейшем изложении — «определитель», для первой задачи — «определитель признака», для второй — «определитель типа»).

2. Запись информации в «свернутых таблицах». Исходным этапом для характеристики и анализа погребальных памятников является программа формализации и исходные таблицы суммарной характеристики, принципы составления которых достаточно подробно изложены в литературе [2] Нетрудно заметить громоздкость подобных таблиц и их большой объем, что сокращает возможности содержательного насыщения публикации. В связи с этим была разработана система записи исходной информации в так называемых «свернутых таблицах», которые дают возможность путем очень простых расчетов

восстановить необходимую «скрытую информацию». Применение подобных таблиц сокращает объем публикации исходных данных в 5—6 раз. Продемонстрируем эти преобразования на примере характеристики погребального обряда культур эпохи бронзы степной Украины.

Программа формализации данных погребального обряда эпохи бронзы степной Украины.

Компонент А. Положение погребения в кургане.
Совокупность А-I — стратиграфическое положение погребения, признаки: 1 — основное погребение; 2 — впускное погребение.
А-II — положение погребения на плане кургана: 3 — в центре, 4 — С сектор, 5 — СВ сектор, 6 — В сектор, 7 — ЮВ сектор, 8 — Ю сектор, 9 — ЮЗ сектор, 10 — З сектор, 11 — СЗ сектор.
Компонент Б. Характеристика погребального сооружения.
Б-I — вид погребального сооружения: 12 — простая грунтовая яма, 13 — яма с заплечиками или ступенью, 14 — катакомба, 15 — яма с подбоем, 16 — каменный ящик или сооружение иной конструкции.
Б-II — ориентировка входной ямы погребального сооружения: 17 — (магнитная ориентировка длиной оси) входной ямы С—Ю (360—180±25,5°), 18 — СВ—ЮЗ, 19 — В—З, 20 — СЗ—ЮВ.
Б-III — форма дна входной ямы: 21 — прямоугольная с четко выделенными углами, 22 — подпрямоугольная со скругленными углами, 23 — овальная, округлая.
Б-IV — ориентировка погребальной камеры: 24 — С—Ю, 25 — СВ—ЮЗ, 26 — В—З, 27 — СЗ—ЮВ.
Б-V — форма дна погребальной камеры — характеристика признаков, аналогичная признакам совокупности Б-III: 28=21, 29=22, 30=23.

Компонент В. Характеристика останков погребенного.
В-I — ориентировка погребенного головой: 31 — на С (360±22,5°), 32 — на СВ, 33 — на В, 34 — на ЮВ, 35 — на Ю, 36 — на ЮЗ, 37 — на З, 38 — на СЗ.
В-II — общее положение погребенного в могиле: 39 — вытянут на спине, 40 — скорчен на спине, 41 — скорчен на правом боку, 42 — скорчен на левом боку, 43 — расчленен.
В-III — положение правой руки погребенного: 44 — вытянута вдоль туловища или вытянута и отброшена в сторону, 45 — согнута под углом, близким к 90°, в локте, обычно лежит поперек туловища или перед грудью, 46 — согнута под углом более 90° в локте, кисть обычно в области таза, 47 — согнута в локте под углом менее 90°, кисть обычно в области лица.
В-IV — положение левой руки — признаки аналогичны признакам совокупности В-III: 48=44, 49=45, 50=46, 51=47.

Компонент Г. Характеристика ритуальных остатков в погребении.
Г-I — окраска умершего охрой: 52 — окрашен полностью, 53 — только череп, 54 — череп и конечности, 55 — только конечности, 56 — окраски охрой нет.
Г-II — куски, скопления, предметы из охры в погребении: 57 — есть, 58 — нет.
Г-III — подсыпка дна могилы охрой: 59 — есть, 60 — нет.
Г-IV — подсыпка дна могилы мелом: 61 — есть, 62 — нет.
Г-V — подстилка из растительных материалов: 63 — есть, 64 — нет.
Г-VI — зола, уголь, следы огня в погребении: 65 — есть, 66 — нет.

Компонент Д. Сопровождающий инвентарь в погребении.
Д-I — наличие керамических сосудов в погребении: 67 — есть, 68 — нет.
Д-II — расположение сосуда относительно погребенного: 69 — у головы, 70 — у груди, за спиной, 71 — у ног, 72 — вне погребальной камеры.
Д-III — общее положение сосуда: 73 — стоит на дне или завалился на бок, 74 — перевернут вверх дном, 75 — фрагментирован.
Д-IV — орудия труда в погребении: 76 — есть, 77 — нет.
Д-V — оружие в погребении: 78 — есть, 79 — нет.
Д-VI — украшения, амулеты в погребении: 80 — есть, 81 — нет.

Данная программа формализации погребального обряда в дальнейшем будет использоваться в описываемых примерах, за исключением тех случаев, когда приводится пример из другой публикации. При необходимости она может быть расширена и дополнена, однако здесь принимается как необходимая и достаточная для решения стоящих задач.

Согласно программе формализации, в погребальном обряде эпохи бронзы степной Украины выделено 5 компонентов, характеризующих остатки комплекса действий, связанного с проведением относительно самостоятельного ритуала. Эти компоненты включают 23 совокупности признаков, каждая из которых описывает одно действие при проведении ритуала, в которых возможен 81 вариант реализации действия — признак. Итак, приведенная программа формализации выделяет части и элементы обряда, что позволяет дать описание каждому конкретному погребению как представителю системы путем перечисления его свойств-признаков.

По данным отдельных погребений составляется исходная выборка объектов (в нашем примере это погребения ямной — ЯК, катакомбной — КК и срубной — СК культур степного Поднепровья), которым будет дана суммарная характеристика для получения системного представления о погребальном обряде. Приведем для примера часть такой характеристики в стандартной таблице (табл. 1), широко используемой в публикациях.

Таблица 1

Стандартная таблица суммарной характеристики погребального обряда (фрагмент)

Компонент А Совокупность А—II Культура	№ признака									показатель исчисления
	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
	Количество									
ЯК	180	28	36	32	62	62	66	68	44	578
КК	47	30	63	57	83	36	42	29	30	417
СК	149	27	29	21	39	61	60	34	18	438
	Процентное распределение									
ЯК	38,4	4,9	6,1	5,6	9,4	10,6	10,8	11,2	6,8	100,0
КК	12,2	7,0	15,5	13,7	20,0	8,2	9,7	6,7	7,0	100,0
СК	34,1	6,2	6,8	4,7	8,3	14,0	14,4	7,4	4,0	100,0
В среднем для эпохи бронзы	27,0	6,0	9,5	8,0	12,6	11,0	11,6	8,4	5,9	100,0
	Тенденция распределения									
ЯК	1,29	0,82	0,64	0,70	0,75	0,96	0,93	1,33	1,15	
КК	0,45	1,17	1,63	1,71	1,59	0,75	0,84	0,80	1,19	
СК	1,26	1,03	0,72	0,59	0,66	1,27	1,24	0,88	0,68	

Легко заметить, что в этой таблице все данные повторяются трижды. Сначала дается количественное распределение объектов по признакам, которое затем переводится в процентное соотношение. Кроме того, показано отклонение распределения относительного среднего, которое принимается за норму распределения. В предлагаемом варианте «свернутой таблицы» (табл. 2) приводятся только данные о величине исходной выборки, среднем процентном распределении (норме) и тенденции, показывающие отклонения распределения в конкретных выборках от нормы. При необходимости из «свернутой таблицы» путем несложных операций легко восстановить все данные, присутствующие в обычной таблице. Рассмотрим этот процесс на нашем примере. Допустим, необходимо знать процентное содержание признака 3 в погребениях ЯК. Для этого следует среднее процентное содержание данного признака (табл. 2—27,0%) умножить на тенденцию его распределения в выборке ЯК (1,29); в результате

Таблица 2

Сравнительная характеристика погребального обряда ямного, катакомбного и срубного времени в степном Поднепровье

Совокупность	№ признака	Средний %	Тенденция по АК			Совокупность	№ признака	Средний %	Тенденция по АК		
			ЯК 578	КК 417	СК 438				ЯК 578	КК 417	СК 438
А-I	1	18,4	2,10	0,34	0,57	В-II	42	28,7	0,44	0,33	2,34
	2	81,6	0,75	1,15	1,10		43	1,5	0,67	0,80	1,47
А-II	3	27,0	1,29	0,45	1,26	В-III	44	52,5	1,40	1,36	0,24
	4	6,0	0,82	1,17	1,03		45	9,8	0,85	0,52	1,62
	5	9,5	0,64	1,63	0,72		46	14,1	1,03	1,41	0,57
	6	8,0	0,70	1,71	0,59		47	23,6	0,15	0,16	2,70
	7	12,6	0,75	1,59	0,66	В-IV	48	44,5	1,25	1,31	0,45
	8	11,0	0,96	0,75	1,27		49	9,9	1,27	1,05	0,68
	9	11,6	0,93	0,94	1,24		50	20,2	1,33	1,37	0,31
	10	8,4	1,33	0,80	0,88		51	25,4	0,19	0,16	2,65
	11	5,9	1,15	1,19	0,68	Г-I	52	22,1	1,93	0,88	0,18
Б-I	12	57,9	1,31	0,22	1,47		53	3,8	1,34	1,53	0,11
	13	10,3	2,20	0,15	0,67		54	5,0	2,00	0,94	0,08
	14	27,4	—	2,85	0,15		55	5,7	1,28	1,58	0,16
	15	4,0	0,25	1,95	0,80		56	63,4	0,55	0,96	1,49
	16	0,4	1,50	—	1,25	Г-II	57	10,3	1,68	1,15	0,17
Б-II	17	14,4	0,64	2,34	0,13		58	89,7	0,92	0,98	1,10
	18	30,9	1,36	0,89	0,75	Г-III	59	15,3	1,56	1,38	0,07
	19	31,8	0,83	0,57	1,60		60	84,7	0,90	0,93	1,17
	20	22,9	0,98	0,97	1,05	Г-IV	61	6,7	1,70	1,09	0,21
Б-III	21	23,9	1,14	1,05	0,81		62	93,3	0,95	0,99	1,06
	22	36,6	1,37	0,54	1,09	Г-V	63	15,8	1,61	1,04	0,35
	23	39,5	0,57	1,40	1,03		64	84,2	0,88	0,99	1,12
Б-IV	24	17,1	0,82	1,35	0,83	Г-VI	65	4,0	0,65	2,05	0,28
	25	32,1	1,16	0,96	0,88		66	96,0	1,01	0,96	1,03
	26	29,9	1,05	0,61	1,34	Д-I	67	35,6	0,31	1,21	1,48
	27	20,9	0,83	1,33	0,84		68	64,4	1,38	0,89	0,73
Б-V	28	36,6	1,24	0,59	1,17	Д-II	69	57,9	0,85	0,97	1,18
	29	34,7	1,17	1,10	0,73		70	24,9	1,39	0,92	0,69
	30	28,7	0,49	1,40	1,11		71	12,0	0,46	1,50	1,04
В-I	31	8,5	1,19	1,16	0,65		72	5,2	2,04	0,62	0,35
	32	21,4	1,28	0,57	1,15	Д-III	73	82,0	0,93	0,95	1,13
	33	24,2	1,13	0,41	1,46		74	7,8	1,05	1,96	—
	34	13,2	0,72	1,33	0,94		75	10,2	1,55	0,70	0,73
	35	9,0	0,71	1,59	0,70	Д-IV	76	10,9	1,45	1,28	0,27
	36	8,0	0,44	1,95	0,63		77	89,1	0,95	0,97	1,09
	37	8,9	1,02	1,04	0,93	Д-V	78	5,9	0,76	1,95	0,27
	38	6,8	0,99	1,63	0,38		79	94,1	1,01	0,94	1,05
В-II	39	15,2	0,08	2,83	0,09	Д-VI	80	7,7	1,17	1,09	0,75
	40	32,8	1,97	0,89	0,14		81	92,3	0,98	0,99	1,02
	41	21,8	0,95	0,78	1,28						

получаем 38,4%, т. е. его процентное содержание в группе погребений ЯК (см. табл. 1). Если же необходимо узнать количественное содержание этого признака, то его легко вычислить, зная величину исходной выборки ЯК (578 погребений) и процентное содержание признака (38,4%),—180 погребений. Таким же образом можно восстановить из «свернутой таблицы» любые нужные сведения. В дальнейшем будем использовать в работе именно «свернутые таблицы», занимающие значительно меньше места в публикации. Кроме того, часть таблиц будет записана в сокращенном виде, на чем остановимся несколько ниже.

3. Принципы построения «определителя». Создание «определителя» заключается в выделении в объекте, в нашем случае в погребальных памятниках, частей, элементов (описываемых как признаки) и установлении связей и отношений между ними для изучения структуры, определяющей качественную целостность объекта. Изучение структуры, характеризующей качественную определенность целого, позволяет правильно классифицировать отдельные

объекты или реконструировать отсутствующий у них элемент с наибольшей степенью вероятности. Поскольку основная задача «определителя» — реконструкция признака или соотнесение индивидуального объекта с определенным типом, вопрос о формировании исходной выборки объектов, характеристика которой будет служить эталоном для формирования «определителя», здесь не рассматривается. Например, как формируется выборка погребений, принадлежащих к определенной АК, и т. п.? Это достаточно обширная и самостоятельная проблема классификации. Примем положение, что класс нам дан. Основной постулат, на котором строится создание «определителя»: *любой признак или тип является органическим элементом системы, поэтому вероятность появления данного признака или типа определяется набором и взаимосвязями других элементов, входящих в данную систему.*

Покажем процесс создания и работы «определителя» на нескольких примерах погребального обряда эпохи бронзы степного Поднепровья.

4. Реконструирование признака (определитель признака). Допустим, требуется реконструировать признак, необходимо присутствующий в каждом объекте (погребении), но по каким-либо причинам в ряде объектов не зафиксированный. Например, положение правой руки умершего в некоторых ямных погребениях степного Поднепровья. Согласно нашей программе формализации, это один из признаков совокупности В-III, который может принимать четыре значения (признаки 44—47). Используя данные по 579 ямным погребениям, в которых этот признак зафиксирован, сформируем соответственно четыре выборки погребений: с признаком 44—419 погребений, 45—53, 46—78, 47—29. В такой группировке признак, характеризующий положение правой руки умершего, выступает системообразующим. С другой стороны, он же является искомым, т. е. выводится за пределы описания обряда. Задача состоит в том, чтобы реконструировать с наибольшей долей вероятности погребения, в которых этот признак не зафиксирован.

Дадим суммарную системную характеристику каждой из четырех выборок согласно принятой программе формализации и опишем структурную организацию обряда каждой группы по образцу табл. 1, 2. Здесь применена «свернутая таблица» (табл. 3). В ней даны только норма распределения и тенденции всех признаков обряда в каждой группе. Величины тенденций каждого признака устанавливают силу структурной взаимосвязи каждого признака с каждым из четырех (44—47) системообразующих, искомых признаков. Таким образом, создана матрица «определителя признака» положения правой руки умершего в ямных погребениях степного Поднепровья (табл. 3).

Процесс реконструкции искомого признака проиллюстрируем на нескольких погребениях, в которых он не зафиксирован: Никопольское курганное поле, курган 1, погребение 7(1), в дальнейшем — Никополь 1/7(1) [3]; Болотное 14/9 [4]; Рисовое 13/11 [5]; Новочерноморье 5/8 [6]; Софиевка 39/9, 39/10 [7]; Круглозерка 1/4 [8]. Каждое из этих погребений характеризуется определенным набором признаков и должно характеризоваться одним признаком совокупности В-III — положение правой руки умершего. Из табл. 3 выберем тенденции признаков, характеризующих погребения Никополь 1/7(1) и Болотное 14/9 в каждой из групп признаков 44—47 Подсчитаем сумму тенденций данных погребений в каждой из групп и выведем среднеарифметическую. Назовем условно такую усредненную тенденцию тенденцией погребения по искомому признаку (табл. 4). Как видно из табл. 4, наивысшее значение тенденция погребения Никополь 1/7(1) принимает в группе признака 45, а погребения Болотное 14/9 — в группе признака 47. Следовательно, в погребении Никополь 1/7(1) наиболее вероятно положение правой руки, описываемое признаком 45, а в Болотное 14/9 — признаком 47, так как наборы признаков, описывающие эти погребения, наиболее характерны именно для данных групп. Здесь следует напомнить, что тенденция распределения признака показывает, в какой мере признак характерен (имеет наиболее сильную структурную связь) для той или

Таблица 3

Сравнительная характеристика групп ямных погребений, сформированных на основании общности положения правой руки погребенного (признаки 44—47)

Совокупность	№ признака	Средний %	Тенденции групп погребений по признакам				Совокупность	№ признака	Средний %	Тенденции групп погребений по признакам			
			44	45	46	47				44	45	46	47
А-I	1	38,3	1,18	0,98	0,94	0,90	В-II	42	25,3	0,20	1,49	1,22	1,09
	2	61,7	0,89	1,01	1,04	1,06	В-IV	48	40,1	1,47	1,10	1,06	0,36
А-II	3	29,3	1,25	0,96	0,96	0,82		49	14,4	1,01	2,53	0,47	—
	4	5,3	0,75	1,42	1,21	0,64		50	22,7	1,07	0,51	2,11	0,31
	5	5,5	1,38	0,69	0,69	1,25		51	22,8	0,10	0,34	0,11	3,45
	6	5,3	0,85	0,36	1,45	1,30	Г-I	52	36,7	1,05	1,03	1,36	0,56
	7	10,0	1,00	0,94	1,02	1,03		53	5,0	1,38	1,14	0,76	0,88
	8	9,7	0,89	1,56	1,19	0,35		54	10,1	0,99	0,74	0,89	1,37
	9	11,9	0,80	1,27	1,08	0,87		55	4,6	1,48	1,24	0,56	0,74
	10	8,5	1,52	1,11	1,35	—		56	43,6	0,87	1,00	0,79	1,34
	11	7,6	0,82	1,24	1,01	0,91	Г-II	57	15,7	1,31	0,96	1,31	0,43
Б-I	12	72,1	0,98	1,25	0,72	1,04		58	84,3	0,94	1,01	0,94	1,11
	13	26,2	1,11	0,36	1,77	0,76	Г-III	59	17,1	1,33	0,88	0,98	0,81
	15	1,7	0,18	—	0,88	2,94		60	82,9	0,93	1,02	1,00	1,04
Б-III	21	17,1	1,16	1,46	1,37	—	Г-IV	61	9,5	1,56	0,79	0,95	0,73
	22	52,5	1,00	0,48	1,01	1,52		62	90,5	0,94	1,05	1,01	1,03
	23	30,4	0,92	1,64	0,77	0,66	Г-V	63	20,3	1,27	1,02	1,20	0,51
Б-V	28	38,4	1,30	0,62	1,17	0,91		64	79,7	0,93	0,99	0,95	1,13
	29	43,2	0,85	1,20	0,99	0,91	Г-VI	65	0,7	2,00	—	1,86	—
	30	18,4	0,69	1,29	0,65	1,36		66	99,3	0,99	1,01	0,99	1,01
В-I	31	9,7	0,66	0,59	1,32	1,42	Д-I	67	21,4	0,83	1,15	0,90	1,13
	32	24,7	1,30	0,76	1,25	1,70		68	78,6	1,05	0,96	1,03	0,97
	33	32,4	0,99	1,16	0,67	1,17	Д-II	69	70,8	0,67	1,19	1,13	1,01
	34	10,6	1,01	1,07	0,96	0,95		70	18,5	1,68	0,42	0,36	1,54
	35	8,3	0,66	0,90	0,77	1,66		71	8,3	1,47	0,93	1,60	—
	36	4,7	0,96	1,21	1,08	0,72		72	2,4	3,92	—	—	—
	37	4,4	1,09	1,70	1,16	—	Д-IV	76	13,8	1,37	0,82	0,56	1,25
	38	5,8	0,66	0,98	1,76	0,59		77	86,2	0,94	1,03	1,07	0,96
В-II	39	1,5	1,60	—	—	2,27	Д-V	78	2,8	1,38	2,68	—	—
	40	46,5	1,36	0,77	1,27	0,59		79	97,2	0,99	0,95	1,03	1,03
	41	26,7	1,09	0,99	0,38	1,55	Д-VI	80	7,0	1,09	1,61	1,29	—
								81	93,0	0,99	0,95	0,98	1,07

Таблица 4

Определение положения правой руки погребенного при помощи «определителя признака» в погребениях Никополь 1/7(1) и Болотное 14/9

№ признака	Никополь 1/7(1), тенденции по признакам				№ признака	Болотное 14/9, тенденции по признакам			
	44	45	46	47		44	45	46	47
2	0,89	1,01	1,04	1,06	2	0,89	1,01	1,04	1,06
8	0,89	1,56	1,19	0,35	9	0,80	1,27	1,08	0,87
35	0,66	0,90	0,77	1,66	12	0,98	1,25	0,72	1,04
41	1,09	0,99	0,38	1,55	30	0,69	1,29	0,62	1,36
49	1,01	2,53	0,47	—	38	0,66	0,98	1,76	0,59
56	0,87	1,00	0,79	1,34	40	1,36	0,77	1,27	0,59
58	0,94	1,01	0,94	1,11	51	0,10	0,34	0,11	3,45
60	0,93	1,02	1,00	1,04	56	0,87	1,00	0,79	1,34
и далее признаки № 62, 64, 66, 68, 76, 79, 81 (тенденции см. в табл. 3)					и далее признаки № 58, 60, 62, 64, 66, 67, 69, 77, 79, 81 (тенденции см. в табл. 3)				
Усредненная тенденция									
	0,97	**1,12**	0,88	1,04		0,86	1,01	0,97	**1,16**
То же по дифференцирующим совокупностям									
	0,91	**1,28**	0,78	1,02		0,80	1,01	0,94	**1,25**

иной группы. Естественно, что чем выше тенденция признака в группе, тем сильнее он связан в структурной организации с данной группой. И поэтому наибольшая величина тенденции искомого признака в одной из групп свидетельствует о наибольшей вероятности принадлежности проверяемого погребения именно к данной группе.

5. «Определитель» по сокращенной программе. В целом, однако, описанная процедура достаточно трудоемка, поэтому можно предложить ее рациональное сокращение. По табл. 3 видно, что некоторые совокупности признаков очень слабо дифференцируют группы погребений с признаками 44—47, величины тенденций в них мало различаются между собой и близки к 1,00. Это значит, что при суммировании показателей тенденции такие совокупности будут слабо влиять на дифференцирование искомых признаков. Дифференцирующую силу каждого признака может лучше всего показать величина вариационного размаха тенденций. Напротив, признак 2 совокупности А-I (см. табл. 3) различается всего на 0,17 (показатели величины тенденции: 0,89; 1,01; 1,04; 1,06), в то же время признак 12 совокупности Б-I различается на 1,54 (величины: 1,11; 0,36; 1,77; 0,76). Следовательно, данными совокупностей со слабой дифференцирующей силой можно пренебречь при реконструкции искомых признаков, поскольку структурная связь между признаками таких совокупностей и системообразующими весьма слаба. Но здесь необходимо, очевидно, установить какой-то определенный критерий. Это может быть величина вариационного размаха тенденции признака ниже какой-либо выбранной и обоснованной или же величина коэффициента абсолютного сходства групп по данной совокупности, скажем более высокая, чем средний коэффициент сходства по всем совокупностям признаков, или что-то еще.

В нижней части табл. 4 даны усредненные тенденции искомого признака в группах только по наиболее дифференцирующим совокупностям. Как видно, результаты те же, причем различия величин тенденций проявились еще сильнее. Попробуем использовать сокращенную программу работы «определителя признака» на других объектах (табл. 5). При анализе по сокращенной программе

Таблица 5

Определение положения правой руки погребенного при помощи «определителя признака» по сокращенной программе в ямных погребениях Рисовое 13/11 и Новочерноморье 5/8

Совокупность	№ признака	Рисовое 13/11, тенденции по признакам				№ признака	Новочерноморье 5/8, тенденции по признакам			
		44	45	46	47		44	45	46	47
А-II	3	1,25	0,96	0,96	0,82	3	1,25	0,96	0,96	0,82
Б-I	12	0,98	1,25	0,72	1,04	13	1,11	0,36	1,77	0,76
Б-III	—	—	—	—	—	21	1,16	1,46	1,37	—
Б-V	28	1,30	0,62	1,17	0,91	28	1,30	0,62	1,17	0,91
В-I	33	0,99	1,16	0,67	1,17	32	1,30	0,76	1,25	0,70
В-II	40	1,36	0,77	1,27	0,59	42	0,20	1,49	1,22	1,09
В-IV	48	1,47	1,10	1,06	0,36	48	1,47	1,10	1,06	0,36
Г-I	53	1,38	1,14	0,76	0,68	52	1,05	1,03	1,36	0,56
Г-II	58	0,94	1,01	0,94	1,11	58	0,94	1,01	0,94	1,11
Г-V	64	0,93	0,99	0,95	1,13	63	1,27	1,02	1,20	0,51
Усредненная тенденция:		**1,18**	1,00	0,94	0,87		1,10	0,98	**1,23**	0,68

погребений Рисовое 13/11 и Новочерноморье 5/8 искомый признак в первом — 44, а во втором — 46. Следовательно, сокращенная программа работает и является необходимой и достаточной для решения данной задачи. В дальнейшем есть смысл использовать именно ее.

Однако в ряде случаев уверенно отнести погребение к одной из четырех групп, т. е. реконструировать недостающий признак достаточно определенно,

Таблица 6

Сравнительная характеристика групп ямных погребений, сформированных по признакам 44 и 46 (положение правой руки погребенного)

Совокупность	№ признака	Средний %	Тенденции групп по признакам		Совокупность	№ признака	Средний %	Тенденции групп по признакам	
			44	46				44	46
А-I	1	40,5	1,11	0,89	В-IV	48	50,8	1,16	0,84
	2	59,5	0,92	1,08		49	10,6	1,37	0,63
А-II	3	32,4	1,13	0,87		50	36,2	0,67	1,33
	4	5,2	0,77	1,23		51	2,4	0,92	1,08
	5	5,7	1,33	0,67					
	6	6,1	0,74	1,26	Г-I	52	44,2	0,87	1,13
	7	10,1	0,99	1,01		53	5,4	1,28	0,72
	8	10,1	0,86	1,14		54	9,5	1,05	0,95
	9	11,1	0,86	1,15		55	4,7	1,45	0,55
	10	12,2	1,06	0,94		56	36,2	1,05	0,95
	11	7,0	0,89	1,11	Г-II	57	20,5	1,00	1,00
						58	79,5	1,00	1,00
Б-I	12	61,4	1,15	0,85	Г-III	59	19,7	1,15	0,85
	13	37,7	0,77	1,23		60	80,3	0,96	1,04
	15	0,9	0,33	1,67	Г-IV	61	11,9	1,24	0,76
Б-III	21	21,7	0,99	1,01		62	88,1	0,97	1,03
	22	52,6	0,99	1,01	Г-V	63	25,1	1,03	0,97
	23	25,7	1,09	0,91		64	74,9	0,99	1,01
Б-V	88	47,4	1,05	0,95		65	1,3	1,04	0,96
	29	40,6	1,00	1,00		66	98,7	0,99	1,01
	30	12,0	1,10	0,90					
В-I	31	9,6	0,67	1,33	Д-I	67	18,4	0,96	1,04
	32	31,4	1,02	0,98		68	81,6	1,01	0,99
	33	27,0	1,19	0,81	Д-II	69	63,7	0,74	1,26
	34	10,5	1,02	0,98		70	18,9	1,65	0,35
	35	6,0	0,92	1,08		71	12,7	0,96	1,04
	36	4,8	0,94	1,06		72	4,7	2,00	—
	37	5,0	0,96	1,04	Д-IV	76	13,3	1,42	0,58
	38	7,0	0,54	1,46		77	86,7	0,94	1,06
В-II	39	1,2	2,00	—	Д-V	78	1,9	2,00	—
	40	61,3	1,04	0,96		79	98,1	0,98	1,02
	41	19,6	1,48	0,52	Д-VI	80	8,3	0,92	1,08
	42	17,9	0,28	1,72		81	91,7	1,01	0,99

затруднительно. Возможны случаи, когда тенденции погребения по искомому признаку в двух и более группах принимают очень близкие значения. Рассмотрим такие примеры — Софиевка 39/9, 39/10; Круглозерка 1/4. При проверке погребений получены низкие показатели величины тенденции для групп признаков 45 и 47 и высокие, но очень близкие значения тенденций в группах признаков 44 и 46. В этих случаях можно лишь утверждать, что положение правой руки погребенного не может описываться признаками 45 и 47, однако нельзя достаточно определенно сделать выбор между признаками 44 и 46. Имея статистическую характеристику обряда выборок по признакам 44 и 46, рассчитаем среднеарифметическое распределение признаков только между ними и примем его за норму распределения для этих двух групп. Таким образом будет снят «шум», создаваемый группами признаков 45 и 47 (табл. 6), и более ярко относительно этой нормы проявятся различия групп признаков 44 и 46. Далее рассчитаем тенденции распределения остальных признаков относительно уже этой новой нормы распределения и по данной матрице «определителя признака» вновь запишем данные о проверяемых погребениях (табл. 7). В итоге погребение Софиевка 39/10 может быть отнесено к группе признака 44, погребение Круглозерка 1/4 — к группе признака 46. Однако для погребения Софиевка 39/9 вновь получены равные величины тенденций искомого признака, т. е. в данном слу-

Таблица 7

Определение положения правой руки погребенного при помощи «определителя признака» при выборе между признаками 44 и 46

№ признака	Софиевка 39/10, тенденции по признакам		№ признака	Софиевка 39/9, тенденции по признакам		№ признака	Круглозерка 1/4, тенденции по признакам	
	44	46		44	46		44	46
1	1,11	0,89	2	0,92	1,08	2	0,92	1,08
9	0,86	1,14	8	0,86	1,14	7	0,99	1,01
13	0,77	1,23	13	0,77	1,23	13	0,77	1,23
23	1,09	0,91	21	0,92	1,08	22	0,99	1,01
30	1,03	0,97	28	1,05	0,95	30	1,03	0,97
и далее признаки: 32, 41, 56, 58, 59, 61, 63, 66, 67, 69, 72, 77, 79, 81 (см. табл. 6)			и далее признаки: 32, 41, 56, 57, 59, 63, 66, 68, 77, 79, 81 (см. табл. 6)			и далее признаки: 33, 40, 52, 58, 60, 62, 64, 66, 68, 77, 79, 81 (см. табл. 6)		
Усредненная тенденция	**1,08**	0,92		1,00	1,00		0,96	**1,04**

чае реконструировать искомый признак не удается, и необходимо применение иных методов.

Итак, рассмотренные примеры показывают возможность реконструирования при помощи «определителя» утерянных признаков погребального обряда и эффективность работы его в этом направлении.

6. Реконструирование типа. Обратимся к более сложной проблеме — отнесению объекта к определенному типу функционально однородных с ним объектов, т. е. к процессу присвоения объекту классификационного признака, непосредственно не фиксируемого.

Одним из наиболее важных классификационных признаков при анализе данных погребального обряда является пространственно-временное определение, т. е. отнесение погребения к определенной археологической культуре. Вернемся к примеру степных культур эпохи бронзы Нижнего Поднепровья. Выше были созданы выборки и дана программа формализации данных обряда. Кроме того, в табл. 2 проведена сравнительная статистическая характеристика групп погребений разных археологических культур и выявлена структурная связь каждого признака с классификационным признаком «культурная принадлежность», использованного в исходной выборке в качестве системообразующего. Таким образом, создана матрица «определителя» культурно-хронологической принадлежности погребений эпохи бронзы Нижнего Поднепровья. Проверим его работу на примере погребений, не получивших культурно-хронологического определения в процессе раскопок: Бабенково 1/2; Рисовое 4/8, 4/12, 2/20 [5] Данные погребения авторами публикации отнесены суммарно к эпохе бронзы.

Описанным выше способом выберем из табл. 2 тенденции признаков, описывающих данные погребения в каждой культурно-хронологической группе (культуре), и вычислим усредненную тенденцию, которая и будет тенденцией проверяемого погребения по искомому классификационному признаку. Погребение должно быть отнесено к той культуре, в которой его тенденция принимает наивысшее значение. В приведенном примере погребение Бабенково 1/2 должно относиться к числу катакомбных, Рисовое 4/8 — к числу срубных, а Рисовое 2/20 — к ямным (табл. 8). Сложнее обстоит дело с погребением Рисовое 4/12, поскольку различия величин тенденций очень незначительны — всего 0,08, в то время как в других случаях они составляют 0,42; 0,42; 0,37; поэтому отнести его достоверно к одной из рассматриваемых групп не представляется возможным.

Можно ввести дополнительный критерий. Скажем, для уверенного отнесения погребения к определенной культуре тенденция по искомому признаку в этой культуре должна превышать следующую по значению в 1,2 раза. В трех

Таблица 8

Определение культурно-хронологической принадлежности погребения при помощи «определителя типа» в погребениях эпохи бронзы степного Поднепровья (Бабенково 1/2; Рисовое 4/8; Рисовое 4/12; Рисовое 2/20)

№ признака	Бабенково 1/2			№ признака	Рисовое 4/8		
	ЯК	КК	СК		ЯК	КК	СК
2	0,75	1,15	1,10	2	0,75	1,15	1,10
5	0,64	1,63	0,72	8	0,96	0,75	1,27
34	0,72	1,33	0,94	31	1,19	1,16	0,65
39	0,08	2,83	0,09	41	0,95	0,78	1,28
44	1,40	1,36	0,24	47	0,15	0,16	2,70
и далее признаки: 48, 55, 58, 60, 62, 64, 66, 68, 77, 79, 81 (см. табл. 2)				и далее признаки: 51, 56, 60, 58, 52, 64, 66, 68, 77, 79, 81 (см. табл. 2)			
Усредненная тенденция	0,94	**1,24**	0,82		0,86	0,86	**1,28**

№ признака	Рисовое 4/12			№ признака	Рисовое 2/20		
	ЯК	КК	СК		ЯК	КК	СК
2	0,75	1,15	1,10	2	0,75	1,15	1,10
8	0,96	0,75	1,27	8	0,96	0,75	1,27
34	0,72	1,33	0,94	26	1,05	0,61	1,34
и далее признаки: 40, 45, 49, 56, 58, 60, 62, 64, 66, 68, 77, 79, 81 (см. табл. 2)				и далее признаки: 28, 37, 40, 44, 50, 56, 58, 60, 62, 64, 66, 68, 77, 79, 81 (см. табл. 2)			
Усредненная тенденция	1,00	0,96	1,04		**1,19**	0,82	0,88

случаях этот критерий подтверждает сделанное определение: Бабенково 1/2—1,32; Рисовое 4/8—1,49; Рисовое 2/20—1,35. В отношении погребения Рисовое 4/12 этот критерий также не помогает. Здесь возможны два варианта объяснения: 1 — данное погребение в такой мере обладает чертами всех групп, что может считаться своеобразным переходным типом; 2 — учитывая то, что в курганах имеются погребения других эпох, а в нашем «определителе» они не учтены, отнесение данного погребения к эпохе бронзы, сделанное авторами раскопок, неверно. Следует проверить его с учетом специфики погребального обряда всех культурно-хронологических групп, присутствующих в данных курганах.

Приведенные выше примеры показали возможность использования системы «определителя» для решения разнообразных задач при выявлении классификационного признака и при реконструировании утерянного признака. Однако данные варианты «определителя» строились на основе специально составленных программ. Чтобы показать возможность использования «определителя» в иных случаях, приведем также несколько примеров его работы на основе иных программ.

Половозрастные определения антропологов играют важную роль при классификации данных погребального обряда. Замечено, что мужские и женские погребения, а также взрослых и детей порой существенно различаются в обрядовых чертах, т. е. можно предполагать, что в древних обществах существовали мужские и женские, взрослые и детские *варианты погребального обряда*, отличающиеся друг от друга. Однако далеко не всегда имеются квалифицированные антропологические определения погребенных, что порой затрудняет работу археологов. В таком положении существенную помощь может оказать

Таблица 9

Распознание варианта обряда, зависящего от пола умершего, в катакомбных погребениях степного Поднепровья при помощи «определителя типа» (Бабенково 1/30; оз. Старое 14/26)*

№ признака	Бабенково 1/30		№ признака	Старое 14/26	
	мужской	женский		мужской	женский
3	2,0	—	8	1,2	0,8
12	1,1	0,9	43	0,8	1,2
23	1,2	0,8	46	1,1	0,9
28	1,0	1,0	49	0,9	1,1
и далее признаки: 34, 41, 47, 49, 54, 57, 62, 68, 72, 74, 83, 89, 95, 97, 110, 107, 109, 102			и далее признаки: 55, 58, 63, 68, 72, 79, 83, 89, 95, 99, 110, 107, 109, 105		
Усредненная тенденция	**1,12**	0,88		**1,16**	0,84

* Номера признаков даны согласно программе формализации, принятой С. Ж. Пустоваловым и Л. А. Черных (см. [9, табл.1]).

использование «определителя». При этом следует учитывать, что он не подменяет антропологические определения погребенных, т. е. не определяет пол и возраст умершего, а лишь выделяет «мужской» и «женский», «взрослый» и «детский» *вариант* проведения погребального обряда.

Опыт сравнительной системной характеристики мужских и женских погребений катакомбной культуры Нижнего Поднепровья проведен в работе С. Ж. Пустовалова и Л. А. Черных [9]. Исходная выборка была составлена на основе антропологических определений, по ней охарактеризованы обрядовые признаки мужских и женских погребений и вычислены тенденции распределения признаков погребального обряда в этих группах. Таким образом, был создан «определитель» мужского и женского вариантов погребального обряда катакомбной культуры. Проверим на примере погребений Бабенково 1/30 и оз. Старое 14/26 [5], не имеющих антропологического определения, возможность решения такой задачи при помощи «определителя типа». Согласно программе формализации, разработанной авторами указанной работы, опишем погребения и выпишем в таблицу тенденции распределения признаков, характеризующих погребения в каждой из групп (табл. 9). Нумерация признаков здесь дана согласно программе формализации, принятой указанными авторами. Вычислим усредненную тенденцию каждого погребения по искомому признаку. Согласно величине тенденций, оба проверяемые погребения совершены по «мужскому» варианту обряда.

Обратимся еще к одному примеру. В ямной культуре Нижнего Поднепровья исследователями выделяется несколько традиций ориентировки умерших [10, 11]. При этом часть традиций связывается с ориентировкой по сторонам горизонта, а часть — с расположением погребений в кургане по кольцу (при этом магнитная ориентировка погребения зависит от его местоположения в кургане). Однако часто погребения разных традиций встречаются в одних и тех же курганах, и существует ряд случаев, когда отнести конкретное погребение к той или иной традиции на основании данных только магнитной ориентации и местоположения в кургане затруднительно. Здесь существенную помощь может оказать использование «определителя типа». В специальной работе автор обосновал наличие в ямной культуре Нижнего Поднепровья шести традиций, из которых четыре связаны с ориентировкой по сторонам горизонта и не зависят от места погребения в кургане. Две же традиции связаны с расположением погребений в кургане по кольцу, головой по ходу или против часовой стрелки [12]

Таблица 10

Определение принадлежности погребения к конкретной традиции ориентировки при помощи «определителя типа» (Широкое-III 18/8, Марьяновское 6/4, Источное 12/7)

№ признака	Широкое-III 18/8			№ признака	Марьяновское 6/4		№ признака	Источное 12/7	
	«В»	«К-I»	«К-II»		«С»	«К-I»		«В»	«К-II»
1	1,05	0,97	1,11	1	0,96	0,97	1	1,05	1,11
7	0,92	1,29	0,72	7	1,30	1,29	8	0,99	1,21
11	0,93	1,52	0,91	11	0,86	1,52	11	0,93	0,91
15	1,05	1,25	0,98	15	0,93	1,25	15	1,05	0,98
19	0,71	1,45	1,19	19	0,91	1,45	20	1,82	1,08
и далее признаки: 23, 29, 30, 34, 37, 39, 48, 50, 52, 54 (см.: [11, табл. 4])				и далее признаки: 25, 29, 31, 33, 35, 37, 39, 48, 45, 52, 54 (см.: [11, табл. 4])			и далее признаки: 27, 29, 31, 33, 35, 37, 39, 48, 50, 52, 54 (см.: [11, табл. 4])		
Усредненная тенденция									
	0,98	**1,14**	0,98		0,97	**1,12**		**1,04**	0,98
То же по дифференцирующим совокупностям									
	0,90	**1,32**	0,74		0,95	**1,36**		**1,18**	1,03

Как уже говорилось, в Нижнем Поднепровье эти традиции смешаны, и требуется распределить конкретные погребения по указанным традициям, что порой невозможно проделать на основании данных магнитной ориентировки и местоположения погребений в кургане. Были созданы исходные выборки групп погребений разных традиций, которые затем были охарактеризованы по всем остальным признакам обряда; таким образом, был создан «определитель» традиции ориентировки. Приведем здесь пример его работы.

Погребение Широкое-III 18/8 находится в центре кургана и ориентировано на восток, следовательно, может относиться к традиции «восточной» ориентировки или одной из традиций «кольцевой» планировки [13]. Погребение Марьяновское 6/4 находится в западном секторе кургана и ориентировано на север, следовательно, может относиться к традиции «северной» ориентировки или «кольцевой-I» [14]. Погребение Источное 12/7 расположено в южном секторе кургана и ориентировано на восток, т. е. относится или к «восточной» традиции, или к «кольцевой-II» [4] По принятой в указанной статье программе формализации опишем каждое из трех погребений [12, с. 194] и выберем тенденции распределения признаков, характеризующих данные погребения в каждой из сравниваемых групп (табл. 10). Нумерация признаков дана согласно программе формализации, принятой в указанной работе. По данным табл. 10, погребения Широкое-III 19/8 и Марьяновское 6/4 могут быть отнесены к традиции «кольцевой-I» планировки, а Источное 12/6 — к группе «восточной» традиции ориентировки. Однако целый ряд совокупностей слабо дифференцирует группы, поэтому возможно использование сокращенной программы. Эта работа подтвердила первоначальный результат (табл. 10, нижняя часть), при этом еще более оттенив его. Следовательно, для решения подобных задач в дальнейшем возможно использование сокращенной программы, которая является необходимой и достаточной.

Заключение. На примере данных погребального обряда были показаны возможности использования системы «определителя» для решения ряда задач, связанных с реконструкцией недостающих данных и введением классификационных признаков (типология). В вопросах присвоения объекту классификационных признаков возможен дополнительный контроль системы. Поскольку исходная выборка строится без соответствующей проверки, существует возможность улучшения ее путем контроля с помощью «определителя», т. е. использования способности «определителя» к самоусовершенствованию. Для этого ис-

ходная выборка и ее характеристики используются как эталонно-предварительные. Предполагается, что состав и общая характеристика группы (типа, класса) составлены с известной долей достоверности (т. е. не лишены ошибок), но в суммарной характеристике, как и при любой статистической обработке, эти ошибки стушевываются, поэтому тенденция распределения признаков близка к истинной (правильной, по мнению исследователя). Полученные предварительные характеристики служат основой для составления «определителя», через который пропускаются все объекты, вошедшие ранее в исходную выборку. Таким путем отсеиваются те объекты, которые могли попасть в первоначальную выборку случайно, и в результате есть возможность получить более чистые дискретные выборки, более ярко выявить их специфику, создать на основании их улучшенный вариант «определителя». При необходимости такая работа может быть проведена неоднократно.

Таким образом, система «определителя» может использоваться при решении разнообразных задач реконструкции признаков и классификации объектов на основе закономерности структурной организации. В данной работе создание и использование системы было продемонстрировано на примере погребального обряда, однако возможности «определителя» гораздо шире. Подобная система может работать с любым объектом, обладающим внутренней структурой, определяющей его качественную целостность, который может быть описан с помощью выделения признаков и их взаимосвязей. А так как принцип структурности является всеобщим, то и данная система может быть названа универсальной.

Принцип, лежащий в основе системы, является универсальным, и при создании соответствующей программы формализации и соответствующей математической базе система «определителя» может использоваться при решении широкого круга задач, связанных с классификацией и упорядочением археологических материалов.

Следует отметить, что в демонстрируемой системе «определителя» использовались самые простые методы математической статистики. Однако при необходимости могут быть применены и более сложные и точные. Здесь хотелось бы подчеркнуть сам принцип, лежащий в основе создания системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеенко Ю. А., Степанов В. Я., Фурман А. А.* Основные системные категории в свете материалистической диалектики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972.
2. *Генинг В. Ф., Борзунов В. А.* Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАУ. 1975. Вып. 13.
3. *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. № 115.
4. *Корпусова В. Н. и др.* Отчет о работе Северо-Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1978 году // Архив ИА АН УССР. № 1978/12.
5. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э. Симферополь: Крым, 1969.
6. *Ковпаненко Г Т., Качалова Е. Н., Шарафутдинова И. Н.* Курганы у с. Новочерноморья Херсонской области // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
7. *Кубышев А. И. и др.* Отчет о работе Херсонской экспедиции в 1973 году // Архив ИА АН УССР. № 1973/10.
8. *Черненко Е. В. и др.* Отчет о работе Краснознаменской экспедиции в 1975 г. // Архив ИА АН УССР. № 1975/26.
9. *Пустовалов С. Ж., Черных Л. А.* Опыт применения формализованно-статистических методов для половозрастного анализа погребений катакомбной культуры // Методологические и методические вопросы археологии. Киев: Наук. думка, 1982.
10. *Дворянинов С. А., Петренко В. Г., Рычков Н. А.* К изучению ориентировки ямных погребений // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
11. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках эпохи меди-бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
12. *Генинг В. В.* К вопросу о традициях ориентировки погребенных ямного времени в Степном Поднепровье // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наук. думка, 1987.

13. *Черненко Е. В., Симоненко А. В.* Курганная группа Широкое-III // Курганы южной Херсонщины. Киев: Наук. думка, 1977.
14. *Березовець Д. Т., Покровська Е. Ф., Фурманська А. Н.* Курганы епохи бронзи поблизу с Марьянського // АП. 1960. Вып. IX.

V V Gening

TOWARDS A UNIVERSAL ARCHAEOLOGICAL DEFINITION OF THE FEATURE AND TYPE

Summary

The rates by which archaeological sources have been collected have sharply increased in recent time the methods of their classification falling behind. The author offers a system based on the methods of formalised-statistical analysis by which any feature of a burial rite can be identified. The system permits the researcher to a solve a two-fold task: to reconstruct the feature which indisputably belongs to the object yet is absent for certain reasons („definition of the feature") and the object's correlation with a similar type („definition of the type"). To be successfully applied the rite's most striking features have to be formalised and the preliminary samples of the burials have to receive their statistical description. (The sample is made according to a definite parametre that will be regarded as needing determination in all other objects.) The statistical analysis indicates the degree to which the rite's features (i. e. the structural connection) coincides with the feature we intend to define (on the basis of the magnitude of the tendencies of the feature's distribution). In further research these trends are used to recognise the feature in any other new object and to correlate it with one of the samples. This system can be applied to other types of archaeological material.

Публикации

А. Е. КРАВЦОВ, В. М. ЛОЗОВСКИЙ

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЧЕРНАЯ-I В МЕЩЕРЕ

В 1975—1977 гг. открыты первые мезолитические стоянки в Мещере [1], в дальнейшем исследовавшиеся и опубликованные А. Н. Сорокиным [2, 3] Они отнесены к поздней стадии бутовской культуры, выделенной Л. В. Кольцовым [4, 5], датированы поздним и финальным мезолитом [6] В 1978—1984 гг. отряд АЭ МИРМ проводил разведку и раскопки памятников эпохи камня и бронзы в подмосковной части Мещеры по р. Цна. Около 10 стоянок отнесены к раннему неолиту и мезолиту. Наиболее полно исследована стоянка Черная-I, материалы которой отличаются от опубликованных ранее и дополняют имеющиеся сведения о мезолите региона [1]

Стоянка находится в 5 км к северу — северо-востоку от с. Жабки Егорьевского р-на Московской обл., на левом берегу р. Цна, между устьями ее притоков — рек Черная и Панюшенка, на площадке боровой террасы высотой 2,0—2,5 м, и вытянута вдоль ее края; площадь — 120—140×15—20 м. Поверхность задернована, частично находится под лесоповалом. На склоне имеются обнажения, центральная часть прорезана двумя канавами суммарной шириной около 15 м (рис. 1, *а*). В канавах и на обнажениях собран подъемный материал. Заложен шурф 1 (4 м^2) и раскопы I (120 м^2) и II (около 80 м^2). Исследована площадь 204 м^2

Стратиграфия: 1) дерн толщиной 2—10 см; 2) серая лесная почва — 5—30 см; 3) белесый оподзоленный песок — 8—20 см; 4) желтовато-рыжий, светлеющий книзу песок, прокопанный до глубины 80—90 см. На контакте слоев 3 и 4 часто отмечается прослойка бурого ожелезненного песка мощностью до 10 см. Границы слоев 3,4 неровные, с многочисленными глубокими узкими западинами, образовавшимися при прорастании корней деревьев. Культурный слой не окрашен, представлен горизонтом залегания расщепленных кремней мощностью 40—50 см в слоях 2, 3 и верхней части слоя 4, включая прослойку ожелезненного песка.

Раскопы заложены в направлении склона террасы и прирезаны к канавам, участок между ними частично исследован шурфом 1. Из-за нарушений поверхности сплошное вскрытие было невозможно, в связи с этим раскопы I и II получили самостоятельные сетки квадратов.

На разной глубине и в разных слоях в раскопе I обнаружено 14, а в раскопе II — 20 углистых пятен. Почти все они аморфны в плане и разрезах, имеют размеры от 8 до 160 см в поперечнике; мощность углистых линз 4—35 см.

Коллекции хранятся в МИРМ № 27083, 26959, 26552, 24341, 24599. В подготовке их к публикации принимали участие лаборанты экспедиции Е. В. Леонова, М. М. Леонова, В. Ю. Луньков. Авторы выражают им благодарность за оказанную помощь.

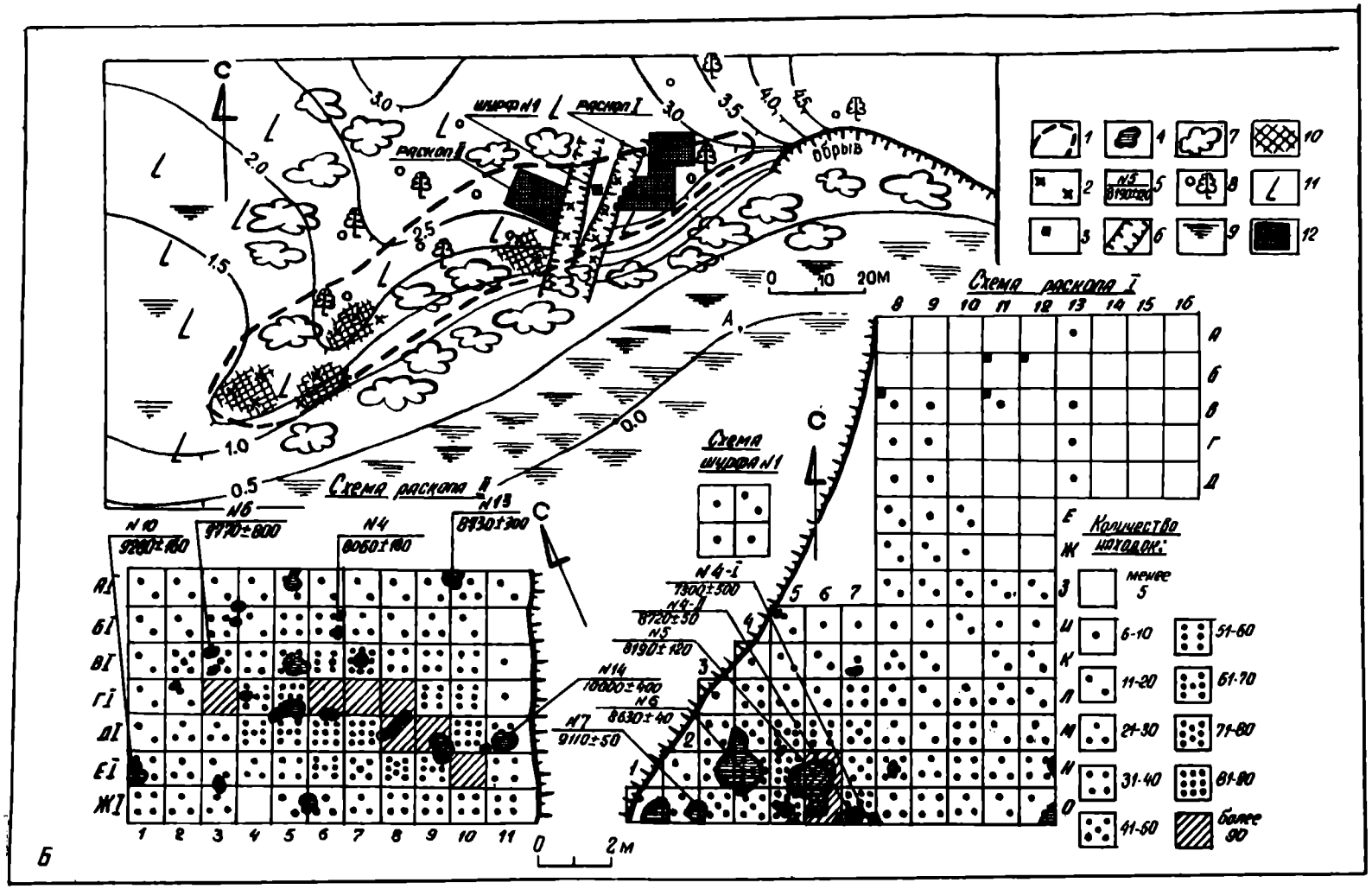


Рис. 1. *а* — стоянка Черная-I, топографический план; *б* — распространение углистых пятен и находок в раскопках I и II и шурфе 1. *1* — границы стоянки; *2* — места сбора подъемного материала; *3* — места находки раннеэолитической керамики; *4* — углистые пятна; *5* — радиоуглеродные даты с указанием номеров углистых пятен, из которых производился отбор образцов; *6* — канавы; *7* — кусты; *8* — лес; *9* — заболоченная пойма; *10* — обнажения; *11* — лесоповал; *12* — раскопы и шурф

В раскопе I 10 пятен образовывали группу на квадратах М-3,4; Н-3—8; О-1—7; в раскопе II пятна беспорядочно разбросаны по всей площади.

Очевидно, многие пятна не связаны с бытованием стоянки и могут рассматриваться как следы лесных пожаров, частью предшествовавших ее возникновению, частью — более поздних. Как мезолитические кострища по уровню залегания и наличию в заполнении находок определены в раскопе I пронумерованные на схеме пятна 4—II, 5, 6 и небольшое пятно в центре квадрата О-5; в раскопе II — пятна 13, 14, крупные пятна на квадратах ВІ-5; ГІ-5; ДІ, ЕІ-9 (рис. 1). В кострищах 4—II, 5, 6 в раскопе I и кострище 14 в раскопе II кроме расщепленных кремней встречены обломки кальцинированных костей. Аморфность кострищных пятен объясняется их деформацией корнями деревьев. Естественное происхождение и относительно поздний возраст имеют пятно на квадратах О-1,2 и пятно 4-I в раскопе I: они связаны с корнями, прорезавшими горизонт залегания находок, и зафиксированы сразу под дерном (первое) или слоем почвенного гумуса (второе). В слое 4, ниже нижней границы горизонта залегания находок, в раскопе I отмечены пятно 7 и пятна, уходящие в стенки раскопа на квадратах О-12, Н-12, О-5; в раскопе II — пятно на квадрате АІ-5. Они образовались до возникновения стоянки и также не связаны с деятельностью человека. Остальные прослежены в средней части горизонта залегания находок, в его основании или сразу же под ним, без стерильной прослойки. Характер их неясен.

В обоих раскопах прослежены скопления расщепленных кремней (более 40 предметов на 1 м^2). В раскопе I оно расположено на квадратах М-5—7; Н-3—8; О-3—7, сопряжено с группой мезолитических кострищ и уходит в южную стенку, имея в исследованной части полукруглую форму и размеры 5×3 м. Скопление не исследовано полностью из-за сплошного лесоповала к югу от раскопа. В раскопе II скопление менее отчетливо, оно занимает квадраты ВІ-2—7; ГІ-3—10; ДІ-4—10; ЕІ-6—10, вероятно, сюда следует включить и квадраты БІ-5—6; ВІ-8—10; ДІ, ЕІ-11; ЖІ-8—11, на которых найдено от 30 до 40 кремней. Таким образом, скопление подовальное, имеет размеры около 10×4 м; с ним сопряжены четыре из пяти углистых пятен, определенных как мезолитические кострища. Планиграфия и различия в количественном и типологическом составе инвентаря раскопов I и II позволяют рассматривать их как два самостоятельных памятника; скопления соответствуют участкам наиболее интенсивной хозяйственной деятельности на площади стоянок, в раскопе I, возможно, — остаткам наземного жилища.

Всего найдено 5841 (2101+3413) [2] предметов из камня, около 100 мелких обломков кальцинированных костей, а также 4 (4+0) фрагмента ранненеолитической керамики с тычковым орнаментом (рис. 2, *4*, *5*). Керамика встречена на северной периферии стоянки, вне скоплений (рис. 1, *б*). К ранненеолитическому времени относятся и находки скребка с пильчатым лезвием, а также скола со шлифованного кремневого желобчатого тесла. Эти находки исключены из статистических подсчетов.

Основным сырьем для изготовления орудий служил местный разноцветный кремень среднего и низкого качества; часть рубящих орудий сделана из опоки и кремнистого известняка; в качестве отбойников использовались гальки кристаллических пород, в качестве абразивов — плитки песчаника.

Кремней без вторичной обработки зафиксировано 4408 (1540+2637) — 74 и 78% всех изделий из камня из раскопов I и II; отщепов 3735 (1332+2206); пластин 616 (184+399) — 8,9 и 11,8%; резцовых отщепов 57 (24+33). Метрические показатели сколов по раскопам одинаковы. Среди отщепов чешуйки составляют 16%, мелкие отщепы — до 76, средние — 7, крупные — менее 1%. Среди пластин микропластин — 25%, узких — 65%, средней ширины и широ-

[2] Первое слагаемое в скобках — количество находок в раскопе I, второе — в раскопе II. Прочие происходят из шурфа 1 и подъемного материала.

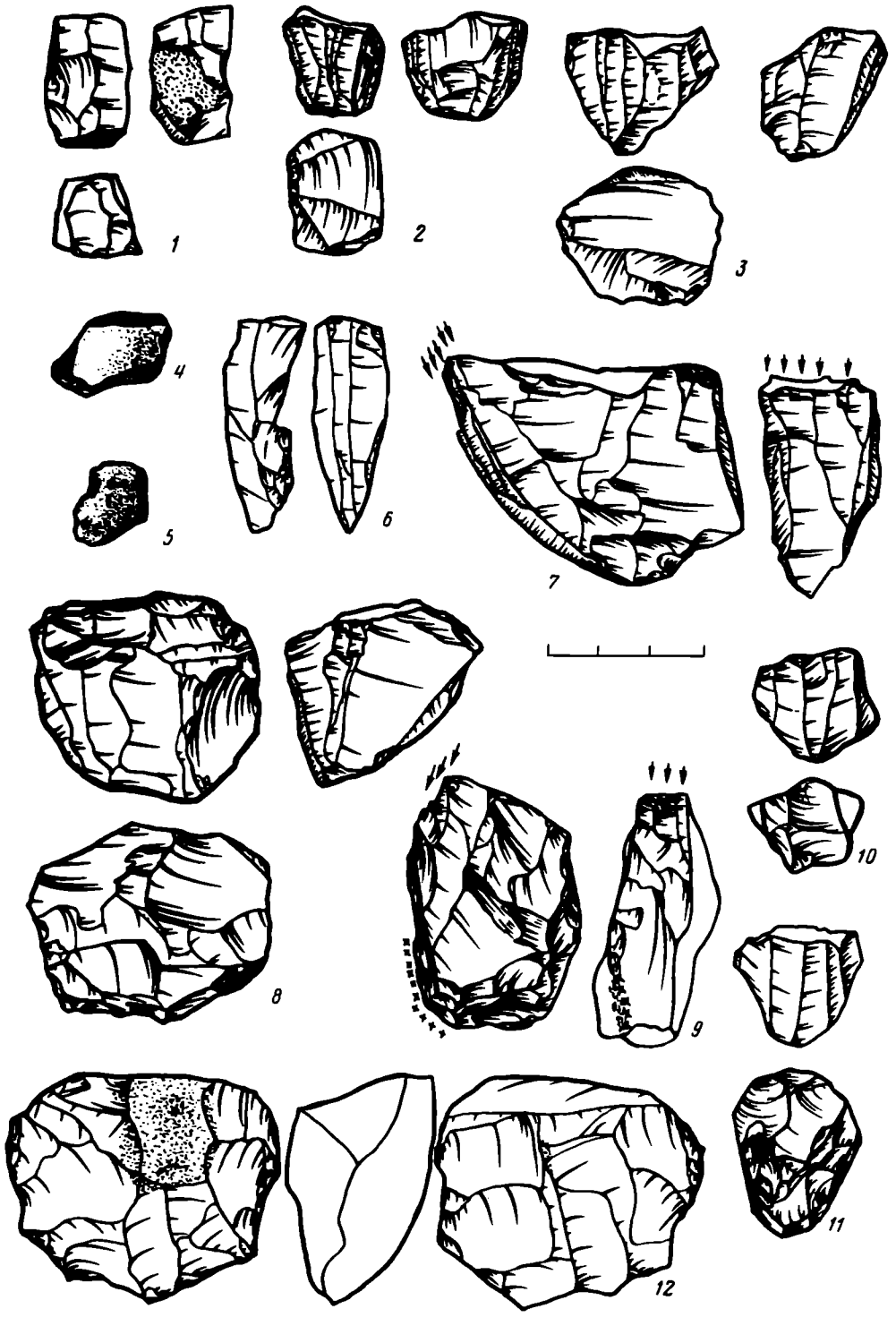


Рис. 2. Керамика (*4, 5*) и кремневый инвентарь (*1—3; 6—12*) *2, 3, 6, 7, 9, 10, 12*— раскоп I; *1, 8, 11*— раскоп II

ких — не более 10% [7, с. 45] В раскопе I — 16,5, а в раскопе II — 6,3% пластин неправильные. Таким образом, группа сколов характеризуется значительной микролитизацией.

Найдено 10 орудий для обработки камня: 6 (2+3) отбойников и 4 (1+1) абразивные плитки (рис. 7, *2, 6*), одна — из мелкозернистого песчаника, сработанная с двух сторон до образования сквозного отверстия (работа производилась и по ее торцам), остальные — более грубые, с желобками от заточки

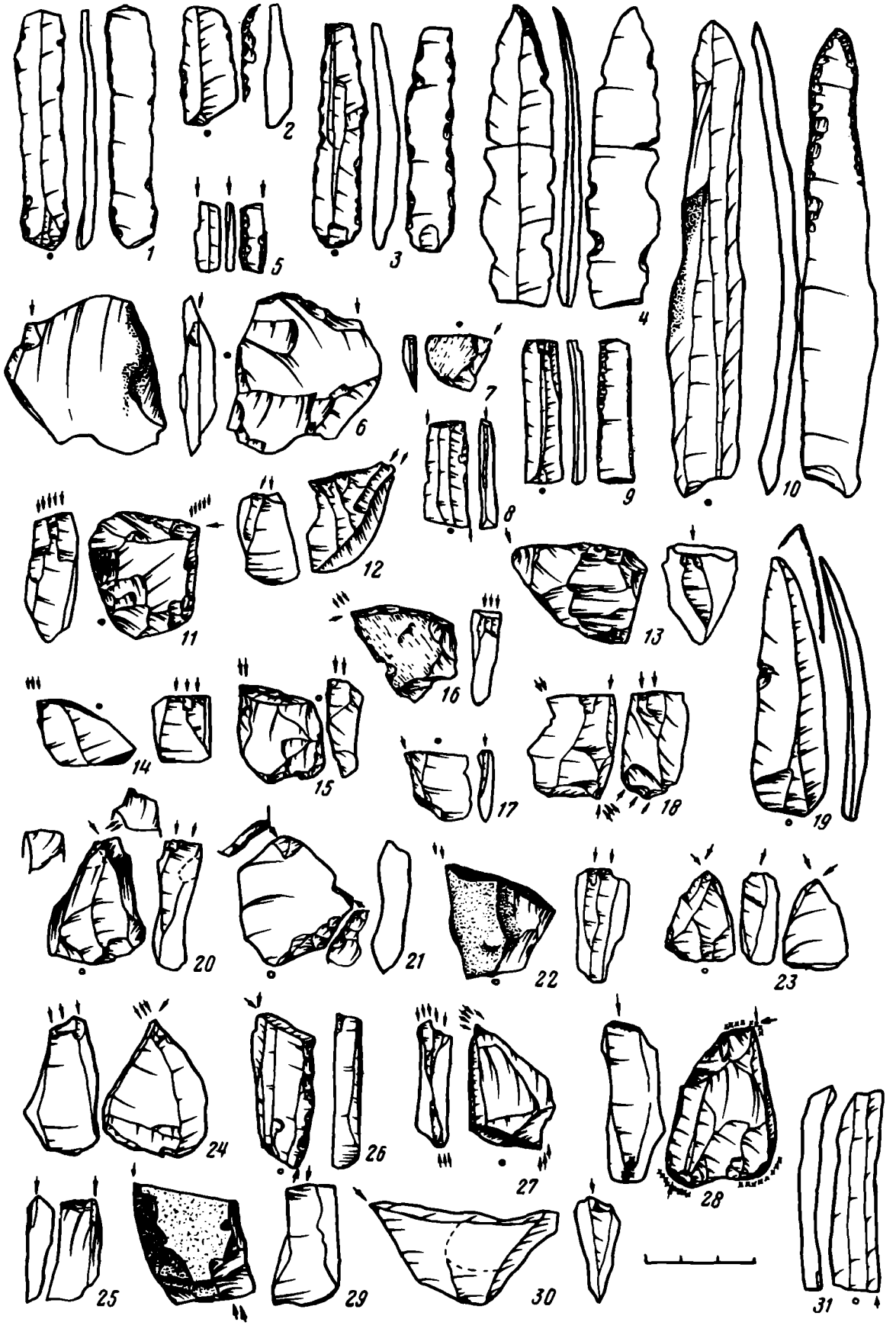


Рис. 3. Кремневый инвентарь из раскопа I

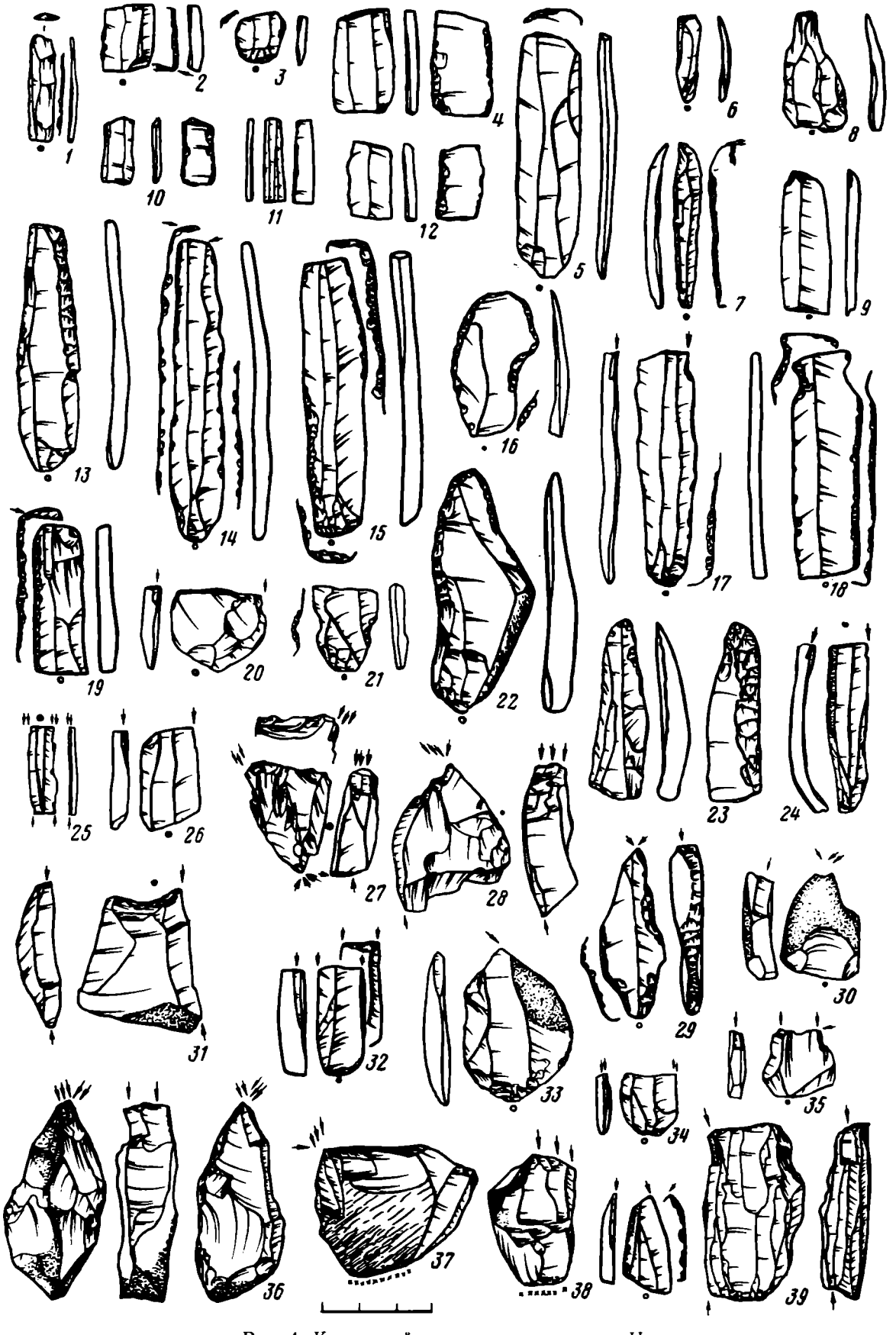


Рис. 4. Кремневый инвентарь из раскопа II

лезвий. Кроме того, около 10 отщепов, учтенных в группе сколов, и 3 грубых резца (рис. 2, *9*; 3, *28*; 4, *37*) имеют следы использования в качестве ретушеров.

Нуклеусов 32 (9+14) — около 0,5 и 0,4%. Мелких сработанных ядрищ, утративших первоначальную форму, — 15 (3+9). Система скалывания параллельна. Рабочая дуга обычно короткая, только в редких случаях достигает половины длины периметра площадки; тыльная и боковые стороны нуклеусов часто обработаны продольными и поперечными технологическими сколами. Одноплощадочных нуклеусов 16. От пластин и микропластин — 11 нуклеусов (рис. 2, *1—3*, *6*, *10*): конический 1 (1+0), подконических 2 (1+0), односторонних уплощенных 2 (1+0), торцовых 4 (1+2), вторичных нуклеусов из отщепов 2 (0+1). От отщепов — 3 (рис. 2, *8*): подконический 1 (0+1) и аморфных уплощенных 2 (0+1). От отщепов и пластин — 1 подконический нуклеус из подъемного материала. Почти все имеют слабо скошенные фасетированные площадки. Лишь 1 (1+0) нуклеус от отщепов и пластин имеет две взаимно перпендикулярные площадки. Еще один (1+0) обожжен, фрагментирован, его форма не восстанавливается. Найдено 3 (1+0) заготовки нуклеусов (рис. 2, *12*). Сколов подправки нуклеусов 120 (48+65); массивных продольных сколов 5 (2+2):3 (1+2) — с нуклеусов от пластин, 2 (1+0) — от отщепов. Площадок нуклеусов 16 (8+7); по фрагментам рабочих граней 15 (7+7) связывается с нуклеусами от пластин (рис. 2, *11*); 10 (4+5) фасетированы, 3 (1+2) не подправлялись, поверхность трех нарушена. Ребристых пластин и отщепов 90 (32+53), нижних концов нуклеусов от пластин 9 (6+3).

При значительной сработанности и тщательности подготовки, при преобладании ядрищ от пластин индекс пластинчатости равен всего 14,3 и 17,5%. Под индексом пластинчатости мы понимаем сумму пластин и изделий из пластин, разделенную на общее количество предметов из камня и умноженную на 100%.

Предметов со вторичной обработкой 1213 (478+661) — 23,0 и 19,6%; орудий из пластин 332 (114+193) — 23,8 и 29,2% предметов со вторичной обработкой. Отщепов с ретушью 206 (85+115) — 17,8 и 17,4% предметов со вторичной обработкой; обломков орудий из отщепов 100 (47+49), из пластин 24 (5+15), краевых сколов 27 (9+17). Сланцевая плитка с частичной двусторонней оббивкой 1 (0+1). Сколов со шлифованных орудий 60 (20+40) — 4,2 и 6,1% предметов со вторичной обработкой; 17 (8+9) кремневые, прочие из мягких пород камня.

Резцов 296 (121+165) — 25,3 и 25,0% от предметов со вторичной обработкой[3] Преобладают на окончаниях или сломах заготовок (рис. 2, *7*, *9*; 3, *5*, *7*, *8*, *12—14*, *17*, *27*, *29*, *30*; 4, *17*, *20*, *24—26*, *33*, *34*, *39*) — 225 (100+119) — 82,6 и 72,1% резцов. 65 (21+42) из пластин — 21,0 и 35,3% резцов этого типа, 107 (61+45) из отщепов — 61,0 и 37,8%; 17 (9+5) из испорченных или сработанных нуклеусов, сколов подправки или нуклевидных кусков; 18 (4+14) из массивных осколков кремня; 11 (2+9) из обломков скребков на отщепах; 7(3+4) из резцовых отщепов; последние могут быть и сколами переоформления лезвий резцов. 38 (17+21) резцов этого типа двойные, 4 (1+3) — тройные, 1 (0+1) — с четырьмя резцовыми лезвиями (рис. 3, *29*; 4, *25*).

Поперечных резцов, включенных в тип на окончаниях и сломах с учетом двойных и тройных с разнонаправленными сколами, — до 10%. По ширине кромок резцы подразделяются на узкие (менее 2 мм), средней ширины (2—4 мм) и широкие (более 4 мм). В раскопе I эти группы представлены соответственно 28,28 и 36 экземплярами (еще 2 — с фрагментированными кромками и 6 двойных с сочетанием кромок разной ширины); в раскопе II — 53, 34 и 21 экз. (еще 11 двойных и тройных резцов сочетают кромки средней ширины и широкие). В обоих раскопах встречаются «плоские» резцы, а среди

---

[3] Далее при описании орудий по категориям везде указывается процент орудий данной категории от общего числа предметов со вторичной обработкой.

резцов с широкими кромками — нуклевидные (рис. 2, *7*, *9*; 3, *12*, *14*, *27*) — 22 экз. (11+9) — 11,0 и 7,6%, сделанные из массивных отщепов (10), фрагментов нуклеусов (8), осколков (2), обломков скребков (2). До 20% резцов на окончаниях и сломах заготовок оформлены длинными сколами. Края шести (5+1) орудий из пластин подправлены ретушью (рис. 3, *5*, *8*; 4, *17*).

37 (14+22) резцов (рис. 3, *11, 16, 20, 23, 24;* 4, *29, 30, 36, 37*) с площадкой, оформленной резцовым сколом, — 11,6 и 13,3% от резцов по двум раскопам. Из отщепов 27 (10+16) — 71,4 и 72,7% резцов этого типа, из осколков — 2 (1+1); в раскопе I есть три резца из сработанных нуклеусов, а в раскопе II — три из крупных отщепов типа резцовых, один из обломков орудия на отщепе, один из заготовки наконечника стрелы на пластине (рис. 4, *29*). Шесть (3+2) срединные (рис. 3, *20*, *23*, *24*; рис. 4, *30*, *36*), остальные со смещением лезвия на угол заготовки. Двойных — 2 (0+2). Единичны «плоские» резцы. Нуклевидных резцов 8 (4+4) — 28,6 и 18,2% от резцов этого типа (рис. 3, *11*, *16*, *24*; 4, *36*, *37*). Кромки резцов: 21 (11+9) — широкие, 16 (3+13) — средней ширины; узких нет.

Резцов с ретушированной площадкой скола 15 (4+10) — 3,3% и 6,0% от всех резцов (рис. 3, *6*, *15*, *21*, *25*; 4, *32*, *38*). 12 (4+8) изготовлены из отщепов — 100 и 80% от резцов типа по двум раскопам; 2 (0+2) — из пластин; 1 — из сработанного нуклеуса (подъемный материал). Семь (2+5) вогнуто-ретушные (рис. 3, *6*, *21*), среди которых 4 (2+2) «плоские» (рис. 3, *6*); 5 (1+3) косоретушные (рис. 3, *15*; 4, *38*); 3 (1+2) поперечно-ретушные (рис. 3, *25*; 4, *32*). Один (1+0) вогнуто-ретушный резец двойной (рис. 3, *21*). Орудий с лезвиями, оформленными широкими сколами 8 (3+5), сколами средней ширины 5 (1+4), узким сколом, — 1 (0+1). Короткие и длинные сколы встречаются в равном количестве.

У пяти (0+4) резцов резцовый скол имитирован ретушью (рис. 8, *5*, *6*), два (0+1) из отщепов, три (0+3) из пластин; они составляют 2,4% от резцов раскопа II. Двойных резцов, объединяющих лезвия разных типов, 14 (4+10) — 3,3 и 6,0% от резцов по двум раскопам. Резцы с ретушированной площадкой скола в восьми (2+6) случаях объединены с резцами на окончаниях или сломах заготовок (рис. 4, *31*), орудия из раскопа I из нуклеусов, из раскопа II — пять из отщепов, одно из пластины; в двух случаях — с асимметричными резцами с площадкой, оформленной резцовым сколом, из нуклеуса и из отщепа (рис. 3, *28*; 4, *27*). Четыре (1+3) орудия с площадками, оформленными сколами, объединены с лезвиями на окончаниях или сломах заготовок (рис. 3, *26*; 4, *28, 35*), резец из раскопа I — на пластине, прочие — на отщепах.

Таким образом, между резцами раскопов I и II имеются различия: при преобладании резцов на окончаниях и сломах заготовок в обоих раскопах в раскопе II выше процент резцов с ретушированными площадками и с площадками, оформленными резцовым сколом, более многочисленны двойные резцы смешанных типов. Только в раскопе II найдены резцы с имитированным ретушью сколом. Показательны различия по типам заготовок: резцов на пластинах в раскопе I — 17,4%, в раскопе II — 29,1% от общего количества резцов. Почти все резцы на пластинах относятся к типу на окончаниях и сломах заготовок, среди которых в раскопе II доминируют орудия с узкими, а в раскопе I — с широкими кромками; отчасти это объясняется различием в заготовках — большая часть резцов с узкими кромками сделана из пластин. Однако и среди резцов других типов при использовании одинаковых заготовок в раскопе I по сравнению с раскопом II отмечается относительное преобладание грубых орудий с широкими кромками, в том числе нуклевидных.

Скребков вдвое меньше, чем резцов, — 159 (58+83) — 12,1 и 12,6%. Лезвия обработаны средней и мелкой крутой, реже полукрутой, а в трех случаях пологой ретушью, наносившейся обычно на спинку заготовок. Концевых скребков 43 (12+29) — 20,7 и 34,9% от скребков по раскопам (рис. 5, *1—5*, *8*, *9*; 6, *1*, *3*, *4*, *11*, *14*; 7, *5*, *7*, *8*); 9 (1+8) из пластин, в том числе 1 (0+1) двойной,

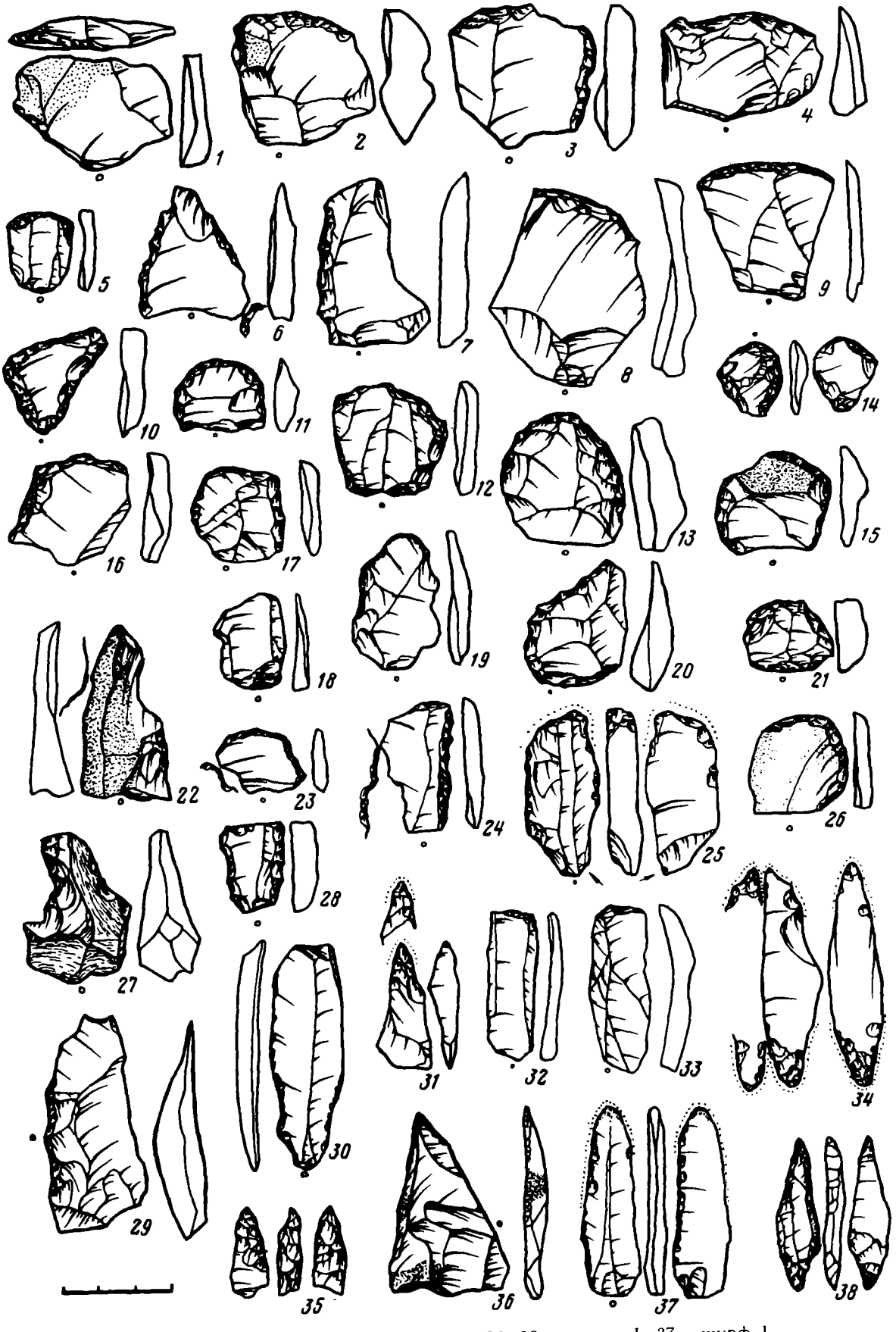


Рис. 5. Кремневый инвентарь. *1—36, 38*— раскоп I, *37*— шурф 1

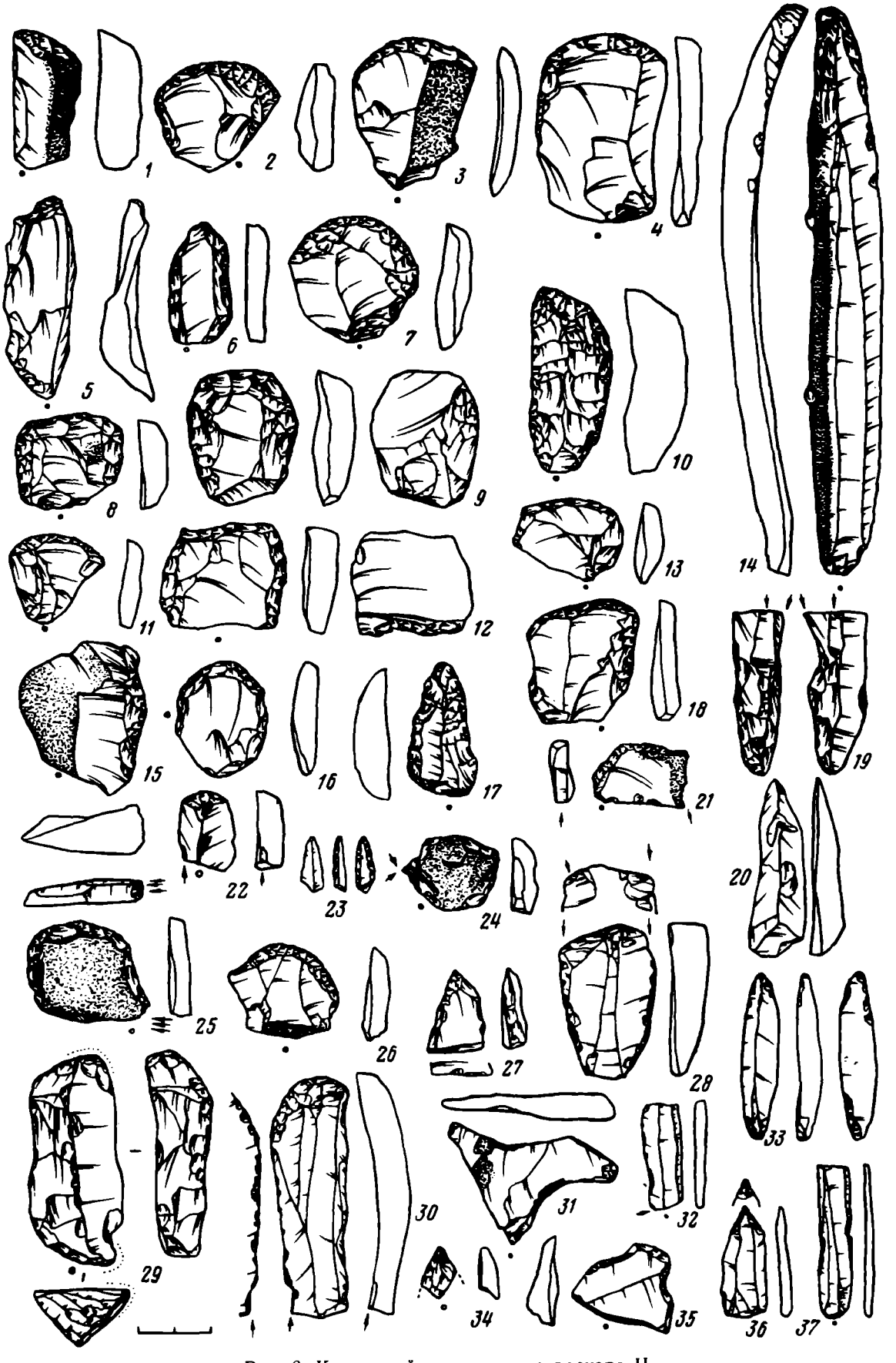


Рис. 6. Кремневый инвентарь из раскопа II

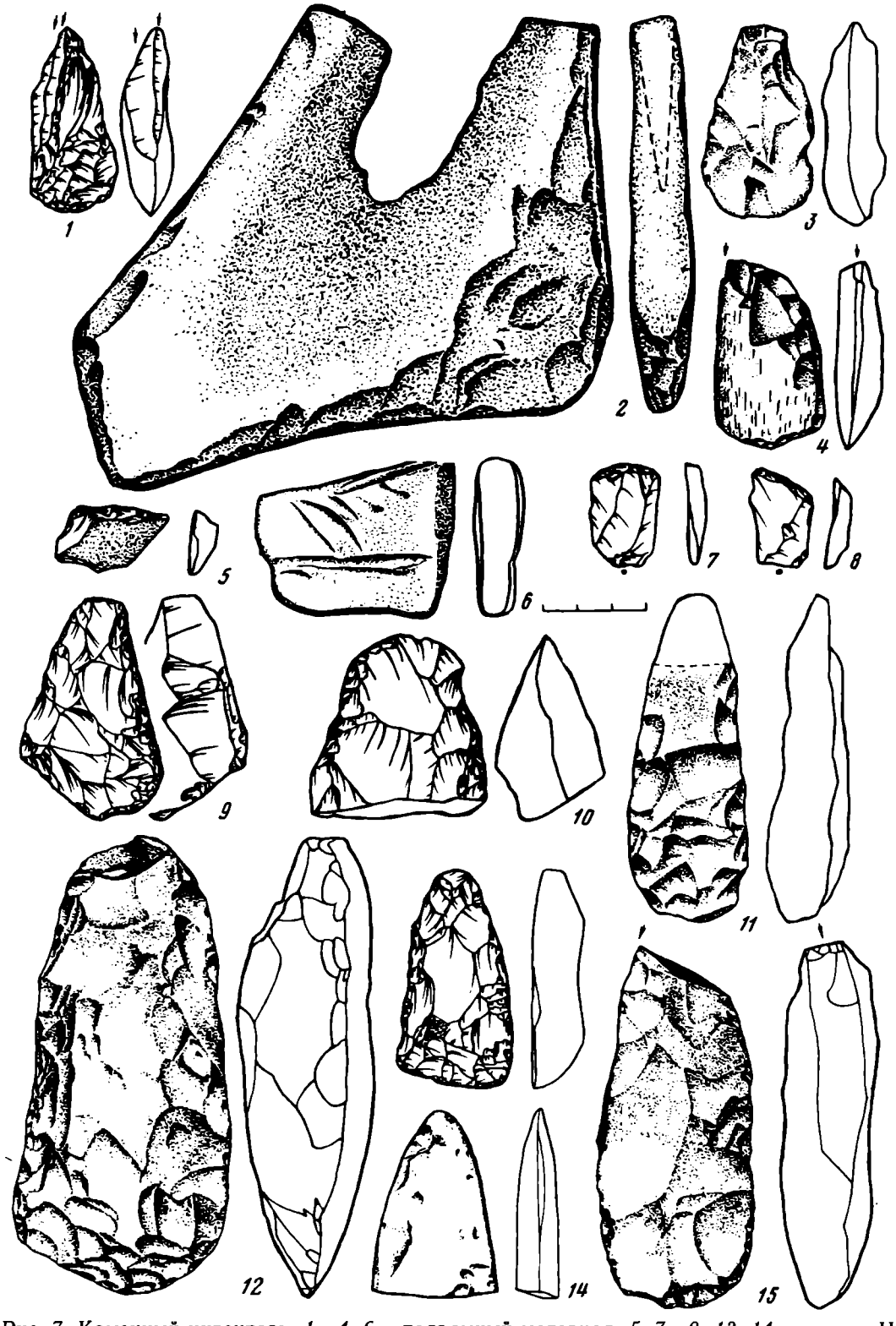


Рис. 7. Каменный инвентарь. *1—4, 6*— подъемный материал; *5, 7—9, 13, 14*— раскоп II; *10—12, 15*— раскоп I

прочие из отщепов; 15 концевых скребков имеют подработку боковых краев полукрутой ретушью и, возможно, использовались и в качестве ножей (рис. 5, *3*; 6, *4*, *14*). Концевых скребков с дугообразным лезвием 29 (10+18), с дугообразным скошенным — 14 (2+11). Среди последних выделяется орудие удлиненных пропорций из раскопа II из целой пластины с сильно скошенным узким лезвием, обработанным крутой высокой ретушью, плавно переходящей в частич-

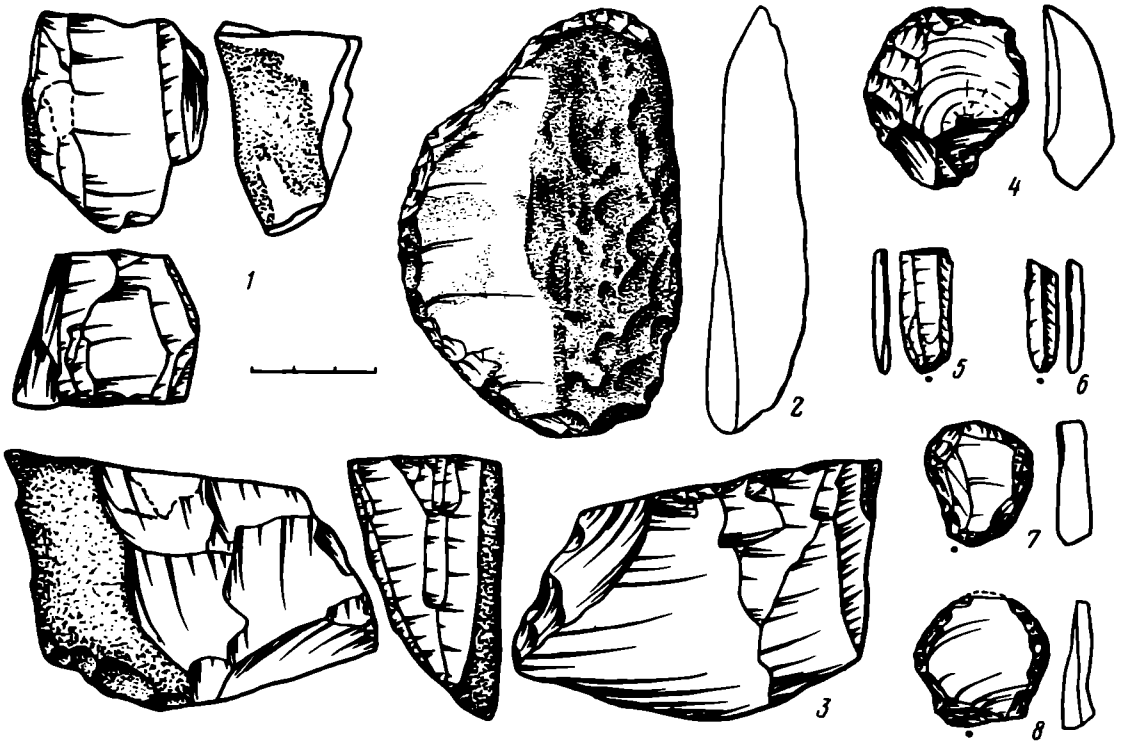


Рис. 8. Кремневый инвентарь. *1, 2, 7, 8*— раскоп I; *3—6*— раскоп II

но подработанный полукрутой мелкой ретушью край (рис. 6, *14*). Боковых скребков 3 (2+1) — 3,4 и 1,2% (рис. 5, *7*; 6, *15*). Угловых 7 (1+4) — 1,7 и 4,8% от скребков по раскопам; среди них 6 (1+3) микроформ (рис. 5, *18*). Концевых-угловых 3 (1+2) — 1,7 и 2,4% (рис. 6, *13*). Скребки этих типов изготовлены из отщепов. Еще 3 (0+3) скребка — с концевыми и боковыми лезвиями — 3,6% от скребков раскопа II (рис. 6, *18*); 2 из отщепов, 1 из неправильной пластины.

Семь (1+4) скребков полукруглые — 1,7 и 4,8%, их дугообразные лезвия охватывают около 1/2 периметра заготовки (рис. 5, *11*; 6, *2*). Округлых и подокруглых скребков с ретушью не менее чем 3/4 периметра заготовки — 15 (7+6) — 12,1 и 7,2% (рис. 5, *13—15, 21, 26*; 6, *7, 9, 16*), одно орудие из раскопа I с чередующимися лезвиями; 3 (2+1) с «подтеской» брюшка плоскими сколами (рис. 5, *14*; 6, *9*); среди подокруглых скребков из раскопа II имеется раклетт (рис. 8, *4*). К округлым и подокруглым примыкают четырех- и подчетырехугольные скребки (рис. 5, *12, 17*; 6, *8, 12*) с отчетливо разграниченными лезвиями на 3 или 4 краях заготовок, сходящихся под углом, близким к прямому. Таких орудий 7 (2+4) — 3,4 и 4,8% от скребков. Среди них также имеется одно изделие с чередующимися лезвиями (рис. 6, *12*) и одно с «подтеской» брюшка (раскоп II). Скребки этих типов изготовлены из отщепов.

Скребков со сходящимся под острым углом лезвием (подтреугольных) 5 (3+2) — 5,2 и 2,4% (рис. 5, *10*; 6, *17*); из отщепов 4 (3+1), из массивной пластины 1 (0+1); последний удлиненный, обработан отжимной ретушью, заходящей на спинку (рис. 6, *17*). К этому типу примыкает концевой двойной скребок из ребристой пластины подтреугольных очертаний; концевое лезвие дугообразное, обработанное крутой ретушью; лезвие при основании заготовки узкое, ретушь на нем полукрутая. Стрельчатых скребков (рис. 6, *10*) из массивных удлиненных заготовок со сходящимися под острым углом боковыми лезвиями 2 (0+1); рельеф спинки снимается отжимной ретушью; характер заготовок неясен.

Скребков с выступом 4 (1+2) — 1,7 и 2,4% от всех скребков (рис. 6, *5, 6*); из пластины 1 (0+1), из отщепов 3; скребок из пластины удлиненный, ретуши-

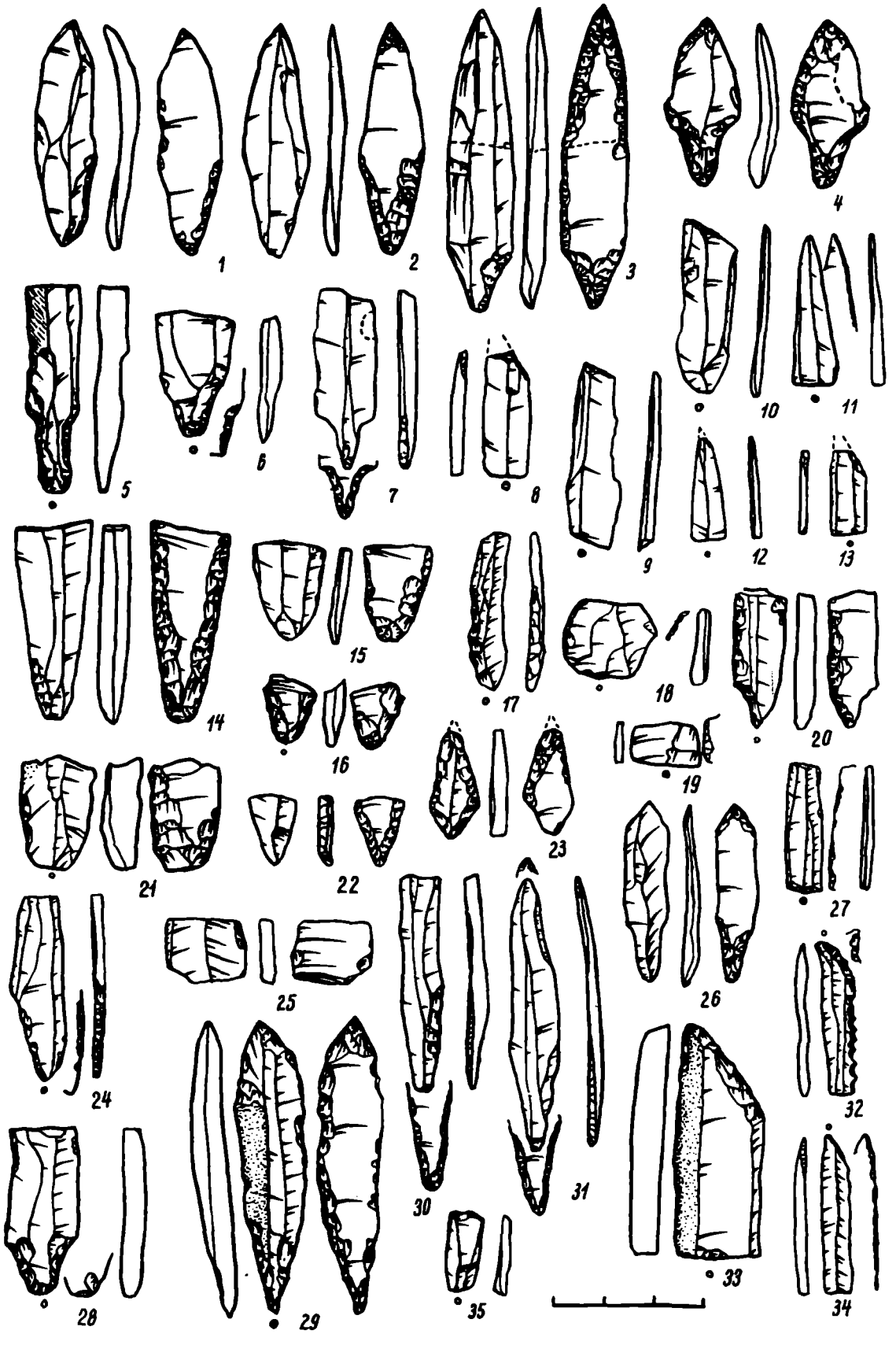


Рис. 9. *1—13*— раскоп II; *14—27, 29—35*— раскоп I; *28*— подъемный материал

рован по периметру. Скробачей 7 (2+5) — 3,4 и 6,0% (рис. 5, *6*, *16*; 7, *5*); угол скробача из раскопа I усечен сколом, напоминающим микрорезцовый (рис. 5, *6*).

В категорию скребков включены 2 (2+0) скребловидных орудия (рис. 9, *2*) из крупных первичных отщепов — 3,4% от скребков раскопа I. Из лезвия дугообразные, в одном случае продольное, ретушированное со спинки, в другом — поперечное, обработанное с брюшка по меловой корке. Обломков скребков из отщепов 50 (24+19). Между скребками из раскопов I и II заметны различия: в раскопе I не представлены концевые-боковые и стрельчатые, в раскопе II — скребловидные. Однако скребки этих типов малочисленны, их наличие или отсутствие может быть случайным. Серийно представленные типы составляют по раскопам разную долю внутри своей категории, причем эти различия значительны: концевых 20,7 и 34,9%, полукруглых 1,7 и 4,8%, округлых и подокруглых 12,1 и 7,2%, скробачей 3,4 и 7,2%. Как и в категории резцов, в раскопе II большую роль играют заготовки-пластины, скребки из которых составляют 3,4 и 14,5% внутри своей категории.

Скобелей 47 (13+29) — 2,7 и 4,4% (рис. 5, *22*, *27*, *29*; 6, *31*, *32*, *37*); среди них на пластинах 15 (2+11) — 15,4 и 37,9%. Дугообразные выемки выбраны мелкой крутой или полукрутой ретушью; 16 (5+9) — с выемкой у́же 5 мм; 17 (5+11) — шириной 5—10 мм, 12 (3+9) — шире 10 мм. Многовыемчатых скобелей 10 (1+7); в двух случаях на одной заготовке встречены выемки разной ширины.

К категории ножей отнесены 102 (32+59) орудия, лезвия которых обработаны пологой или полукрутой приостряющей ретушью, — 6,6 и 8,9%. Из пластин 89 (31+50) — 96,9 и 84,7% ножей. Ретуширован один, реже оба края заготовки по спинке или брюшку; около половины двулезвийных ножей обработаны противолежащей ретушью. Ретушь, как правило, краевая, средняя и мелкая, но встречаются и орудия с частичной отжимной ретушью. Пять (3+2) ножей остроконечные (рис. 3, *4*, *10*, *19*; 4, *22*, *23*). Орудия из раскопа I ретушированы на концах и частично по одному или двум краям; из раскопа II — по одному краю полностью, по другому — на участке, прилежащем к концу. Один из ножей раскопа II — с отжимной плоской ретушью по брюшку, на конце переходящей в двустороннюю (рис. 4, *3*). Среди остроконечных ножей раскопа I имеется орудие с двумя парами выемок при основании, образующих «пуговицу» для привязывания к рукояти (рис. 3, *4*), на одном краю выемки выбраны пологой ретушью, на другом — выбиты каждая одним ударом. В раскопе II найден нож, основание которого затуплено полукрутой ретушью на брюшке (рис. 4, *15*); концы 10 (2+7) ножей усечены контрударом в боковое ребро (рис. 4, *19*); 5 (0+5) приготовлены из целых пластин. Остальные 68 (26+35) ножей (рис. 3, *1*, *2*, *9*; 4, *13*, *18*, *21*) представлены фрагментами ретушированных пластин, рассеченных ударом в ребро на спинке, или сломом, или обломками. Отметим серию орудий с «пуговицами», их 5 (1+4); орудие из раскопа I рассматривалось выше, оно атипично по способу оформления (рис. 3, *4*). «Пуговицы» орудий из раскопа II выделены парными выемками, выбранными полукрутой противолежащей ретушью (рис. 4, *18*, *21*).

Ножей из отщепов 13 (1+9) — 3,1 и 15,3% от всех ножей. Целых 3 (0+3) — 1 аморфный и 2 подовальные с ретушью по периметру, один из них с боковой выемкой, ретушь на которой переходит со спинки орудия на брюшко, сохраняя характер режущего лезвия (рис. 4, *16*). По категории ножей различия между раскопами I и II выражаются в наличии в раскопе II серий ножей из отщепов и ножей из пластин с «пуговицами»; в раскопе I они почти не представлены.

Перфораторов 22 (8+12) — 1,7 и 1,8%. Найдено 13 (5+6) сверл (рис. 5, *31*, *34*, *35*, *37*, *38*; 6, *23*, *27*, *33*, *34*, *36*); из пластин 8 (3+3), включая 2 (2+0) ребристые, из отщепов 3 (0+3), по одному из осколка и резцового отщепа (рас-

коп I). Асимметричных 2 (2+0) с невыделенными рабочими частями из пластины и ребристой пластины; симметричных 11 (3+6), в том числе 2 (1+0) дублированных из пластины и осколка; 6 (1+4) симметричных сверл имеют слабо выделенные рабочие части; выразительные плечиковые формы отсутствуют. Как правило, обработаны только рабочие части — крутой и полукрутой ретушью по спинке и плоской по брюшку; 3 обработаны только по спинке; рабочая часть одного сверла из пластины оформлена резцовым сколом, а края обработаны пологой противолежащей ретушью (рис. 5, *27*). Почти все сверла имеют видимые следы использования в виде смятости рабочих частей. Обломок острия из пластины (рис. 6, *23*), обработанный крутой ретушью по брюшку, видимых следов использования не имеет и отнесен к сверлам условно; подобные острия определяются и как наконечники стрел [8, рис. 2, *2*], но на стоянке Черная-I оно полностью выпадает из серии наконечников. Найдено 7 (2+5) проколок (рис. 5, *36*; 6, *20*): из пластин 3 (0+3), из отщепов 3 (2+1), из краевого скола 1 (0+1); все асимметричные, обработанные на жальцах крутой или полукрутой мелкой и миниатюрной ретушью, почти не деформирующей края заготовки. Развертка 1 (0+1) из ребристой пластины, асимметричная, дублированная (рис. 6, *29*). Обломок перфоратора неопределенного типа из отщепа найден один (1+0).

Микролитов с затупленным концом 10 (5+5) — 1,0 и 0,75% (рис. 4, *5, 6, 8*; 5, *32, 33*; 9, *35*), из пластин 7 (4+3), из отщепов 3 (1+2). Ретушь мелкая крутая или полукрутая по спинке (5) или брюшку (5).

Скошенных острий (рис. 9, *8—10, 13, 32—35*) найдено 12 (7+4) — 1,5 и 0,6%; ретушь обычно мелкая крутая или полукрутая по спинке. Восемь (4+4), очевидно, являются наконечниками стрел (рис. 9,*8,10,13,32—34*). Боевые части острий из раскопа I оформлены в двух случаях на конце, в двух — при основании заготовки; края трех полностью или частично ретушированы; у одного краевая ретушь зубчатая, боевая часть дополнительно подправлена пологой ретушью по брюшку; отметим крупное острие, обработанное на конце высокой ретушью. Острия из раскопа II со скошенными концами ретуши по краям не имеют.

В раскопе II найдены 3 острия из пластинок, суживающиеся концы которых подработаны миниатюрной ретушью (рис. 9, *11*, *12*). У одного из них ретушь на брюшке распространяется до середины края, а при основании сохранился участок противолежащей ретуши (рис. 9, *11*). Вероятно, эти острия функционально являются наконечниками стрел.

Из раскопа II также происходят 2 своеобразных острия из пластин; конец первого (рис. 4, *7*) наискось усечен «резцовыми» сколами, один край затуплен полукрутой ретушью, а на прилежащем к концу участке другого края пологой ретушью выбрана выемка, оформляющая вместе с «резцовыми» сколами острие, которое можно назвать «клювовидным». У второго «клювовидного» острия (рис. 4, *9*) конец скошен крутой ретушью, а на прилежащем участке края оформлена выемка. Вероятно, эти острия функционально близки к резцам.

Наконечников стрел 21 (13+7) — 2,7 и 1,1%. 19 (11+7) симметричные: 8 целых и 11 обломков, в том числе 10 фрагментов, включающих насад и 1 конец пера. Четыре наконечника из раскопа I иволистные (рис. 9, *14—16*, *21*), в обломках; насады и сохранившиеся участки краев пера обработаны полукрутой, в трех случаях отжимной ретушью по брюшку; у двух наконечников ретушь незначительно переходит на спинку. 13 (5+7) наконечников черешковые; 8 (2+5) с отчетливо выделенным черешком (рис. 9, *3—7*, *23*, *26*, *28*); черешки пяти (2+3) наконечников только намечены (рис. 9, *1, 2, 29—31*); форма двух наконечников, представленных обломками, не определяется (рис. 9, *22*). Среди черешковых наконечников выделяется маленький треугольно-черешковый наконечник из раскопа I, обработанный полукрутой ретушью по периметру по спинке и частично плоской ретушью по брюшку (рис. 9, *23*); вероятно, он ранненеолитический. Насады остальных (13 экз.) обработаны: полукрутой отжимной ретушью по брюшку — 2 (1+1); краевой крутой и полукрутой

ретушью по брюшку — 4 (3+1); крутой ретушью по спинке — 2 (0+1); противолежащей полукрутой — 2 (0+1); полукрутой или крутой и полукрутой двусторонней ретушью — 3 (1+2), краевой — на наконечнике из раскопа I и отжимной — на наконечниках из раскопа II. Боевые части (8 экз.) обработаны: плоской ретушью с брюшка — 1 (0+1); полукрутой с брюшка — 3 (2+1); с двух сторон — 4 (2+2). По краям ретушированы 4 (1+2) черешковых наконечника.

В раскопе I найдены тыльные части двух атипичных асимметричных наконечников. Первый обработан по краям полукрутой потиволежащей ретушью; при основании крутой ретушью по спинке выбрана боковая выемка (рис. 9, *20*). Второй наконечник также с боковой выемкой, выбранной крутой ретушью на спинке и частично полукрутой ретушью по брюшку (рис. 9, *24*).

Вкладышей с краевой ретушью 42 (23+18) — 4,8 и 2,7%; 5 (5+0) от отщепов (рис. 9, *18*), остальные из фрагментов пластин (рис. 4, *2—4, 10—12*; 9, *17, 19, 25*); ретушь на спинке или брюшке, обычно полукрутая, в семи случаях пологая, дважды встреченная на вкладышах с ретушью по двум краям в сочетании с полукрутой. Только одно изделие (рис. 9, *17*), ретушированное на 2/3 длины, можно отнести к пластинкам с затупленным краем (раскоп I). Еще 2 (1+1) вкладыша — из пластин с пологой ретушью по одному краю и крутой на торце (рис. 4, *1*; 9, *27*). Кроме того, 80 (32+45) «сечений», учтенных в группе сколов, имеют сломы и микроретушь на углах, указывающие на использование их в качестве вкладышей. Таким образом, типологический и количественный состав группы охотничьего вооружения по раскопам близок, но не одинаков. Внутри группы острия составляют 5,5 и 9,0% по двум раскопам, морфологически выраженные наконечники —17,8 и 9,0%, боковые вкладыши —76,7 и 82,0%, причем на ретушированные приходится 32,9 и 24,4%. Только в раскопе I представлены иволистные и асимметричные наконечники и вкладыши из отщепов.

Рубящих орудий 12 (3+5). Целых 7, остальные представлены обушковыми частями. Тесел 10 (рис. 7, *1, 3, 4, 10—13, 15*); одно сломанное орудие с симметричным продольным сечением, возможно топор (рис. 7, *14*); тип сломанного орудия из раскопа II неясен. Пять (1+2) изделий кремневые (рис. 7, *1, 10, 13*), два (0+1) из кремнистого известняка (рис. 7, *4, 14*), остальные из опоки. Из семи целых орудий 4 (3+0) овальных, 2 (0+1) трапециевидных, 1 (подъемный материал) подтреугольное, остроообушковое. Рубящие орудия обработаны двусторонними сколами с последующей подправкой ретушью, а 3 (0+2) орудия из кремнистого известняка (1) и опоки (2) также частично шлифованы с двух сторон (рис. 7, *4, 14*). Обушки трех (1+0) тесел оформлены «резцовыми» сколами (рис. 7, *1, 4, 15*). Кремневых заготовок рубящих орудий 4 (1+2); три овальные, одна фрагментирована.

Комбинированных орудий 47 (23+22) — 4,8 и 3,3%. Наиболее многочисленны скребки-скобели (рис. 5, *19, 23, 24, 28*; 6, *26, 35*); их 24 (18+5) — 78,3 и 22,7% от всех комбинированных орудий. Из пластин изготовлено 2 (2+0), остальные из отщепов; скребки относятся к типам: концевых — 5 (3+2), полукруглых — 1 (1+0), боковых — 4 (4+0), подтреугольных — 2 (0+2) и скробачей — 12 (10+1). В раскопе I встречаются раклетты и орудия с чередующимися лезвиями (рис. 5, *23*); иногда выемки скобелей оформлялись непосредственно на периферийных частях скребковых лезвий (рис. 6, *26*). Скребков-резцов 8 (рис. 6, *21, 22, 24, 25, 28*), все из раскопа II — 36,4% от комбинированных орудий в раскопе. Концевой скребок на пластине комбинирован с резцом на сломе заготовки (рис. 6, *26*). Другой концевой скребок на пластине объединен с двойным плоским резцом (рис. 6, *28*); площадкой для снятия резцовых сколов послужило лезвие скребка. Концевой скребок из отщепа объединен с резцом, скол которого имитирован полукрутой ретушью. С резцами также объединены 2 подокруглых скребка; в одном случае резец относится к типу на окончании заготовки, в другом — площадкой снятия резцового скола служит скребковое лезвие (рис. 6, *25*). Есть подчетырехугольный скребок-резец

с площадкой, оформленной резцовым сколом (рис. 6, *24*), два скробача-резца на сломе (рис. 6, *21*) и поперечно-ретушный.

В раскопе II найдено 5 резцов-скобелей на отщепах — 22,7% от комбинированных орудий раскопа, 4 резца на окончаниях и сломах (в том числе 2 поперечных с площадкой, оформленной резцовым сколом). В раскопе I двумя экземплярами представлены скробачи-проколки и двойное сверло-скребок боковой из отщепов. В раскопе II найдено сверло-резец на сломе ребристой пластины (рис. 6, *19*), в раскопе I — нож-скобель (рис. 5, *30*), а в подъемном материале — концевой скребок-пилка из пластин.

Четыре орудия объединяют по три разнофункциональных лезвия. Это 2 (1 + 1) асимметричных сверла из пластины (рис. 5, *25*) и ребристой пластины в сочетании с пилками и резцами с площадкой, оформленной сколом, и на окончании заготовки. С пилкой и резцом на сломе заготовки также комбинирован концевой скребок на пластине (рис. 6, *30*), а скробач на отщепе — со скобелем и резцом, площадка которого оформлена сколом (раскоп II). В ряде случаев «комбинированные» орудия не многофункциональны, а являются результатом переоформления сломанных или изношенных орудий; не менее 3 резцов-скребков и сверло-резец из раскопа II использовались в качестве резцов вторично.

Различия между комплексами раскопов I и II по группе комбинированных орудий следующие: все, кроме одной, комбинации с резцами происходят из раскопа II; все с боковыми скребками — из раскопа I; только в раскопе II найдены резцы-скобели; в раскопе I наиболее часто объединялись скребки и скобели, в раскопе II — скребки и резцы.

К комбинированным орудиям примыкает изделие из крупного отщепа, обработанное на 2/3 периметра полукрутой ретушью по спинке, переходящей в крутую на боковых краях (рис. 7, *9*). На брюшке — уплощивающие сколы; длинное концевое лезвие режущее, короткие боковые могли выполнять функции скребков или стамесок.

Для мезолита бассейна р. Ока впервые по образцам древесного угля, отобранным из углистых пятен, пронумерованных на схеме раскопов (рис. 1, *б*), получена серия радиоуглеродных дат [4] Даты мезолитических кострищ из раскопа I: пятно 5 — 8190 ± 120; 6 — 8630 ± 40; 4-II — 8720 ± 200 лет назад (ГИН-3893, 3894, 3891). В том же раскопе позднее пятно естественного происхождения 4-I датировано 7300 ± 500 лет (ГИН-3892); пятно 7, обнаруженное ниже горизонта залегания находок и образовавшееся до возникновения стоянки, — 9110 ± 50 лет назад (ГИН-3895).

В раскопе II датированы два кострища: пятно 13 — 8730 ± 300 (ГИН-3551); 14 — 10 000 ± 400 лет назад (ГИН-3549). Дата пятна 14 резко расходится с возрастом остальных мезолитических кострищ. Так как ни типологический анализ инвентаря, ни наблюдения за стратиграфией и планиграфией памятника не дают оснований говорить о наличии какой-либо ранней примеси, эту дату следует признать ошибочной. Пятна 4 и 6 прослежены в средней части горизонта залегания находок и, следовательно, не могут быть древнее стоянки. Их возраст 8060 ± 800 и 9770 ± 800 (ГИН-3547, 3548). Из-за очень большой погрешности второй датой можно пренебречь. Пятно 10 прослежено в основании горизонта залегания находок или чуть ниже него; его дата — 9280 ± 110 лет назад (ГИН-3552) — совпадает с датой пятна 7 в раскопе I; обе, очевидно, отражают возраст древних лесных пожаров, предшествовавших времени возникновения стоянки.

Таким образом, археологические материалы обоих раскопов могут быть датированы в диапазоне от 8 до 9 тыс. лет назад и относятся к бореальному времени [5]

[4] Радиоуглеродный анализ выполнен в ГИН АН СССР под руководством Л. Д. Сулержицкого. Пользуясь случаем, авторы выражают ему глубокую признательность.

[5] По полученным в 1987 г. палинологическим данным, стоянка Черная-I датируется второй половиной — концом бореального периода. Авторы благодарят Е. А. Спиридонову, выполнившую спорово-пыльцевой анализ.

Подведем итоги. Инвентарь памятника характеризуется развитой пластинчатой и отщеповой техникой при преобладании форм на отщепах среди массовых категорий орудий — резцов, скребков и скобелей; господством параллельной системы скалывания; разнообразием и высокой степенью сработанности ядрищ при малой доле предметов со вторичной обработкой (23,0 и 19,6% по раскопам). Во вторичной обработке использовалась средняя и мелкая пологая, полукрутая и крутая краевая ретушь; высокая краевая ретушь для оформления микролитов применялась спорадически; встречается частичная плоская ретушь, присутствуют элементы двустороннего ретуширования. Распространены частичная шлифовка рубящих орудий преимущественно из мягких пород камня и прием переоформления орудий при помощи резцового скола. Руководящими формами инвентаря являются: скребки и резцы разных типов; скобели; ножи и пилки из пластин; сверла и проколки; овальные, трапециевидные и подтреугольные тесла; симметричные черешковые и иволистные наконечники стрел из пластин; скошенные острия и микролиты с поперечно усеченным ретушью концом; вкладыши с мелкой краевой ретушью и неретушированные; комбинированные орудия. Много морфологически неспециализированных форм — отщепов с ретушью. Комплексы находок из раскопов I и II дополняются единичными микролитами с приостренным краем и затупленным основанием (раскоп I) или концом (раскоп II), пластинкой с частично затупленным краем и двумя атипичными асимметричными наконечниками стрел (раскоп I). Геометрические микролиты, вкладыши алтыновского типа, рубящие орудия с перехватом или сколом транше отсутствуют. Рассмотренные комплексы находок однокультурны и в целом соответствуют типологическому составу инвентаря бутовской культуры, по Л. В. Кольцову [5]; устанавливается их позднебутовская принадлежность.

Количественные и типологические различия между инвентарем из раскопов I и II имеют, вероятно, хронологический характер. От ранних памятников бутовской культуры [9—11] к поздним [2, 3, 12] и далее к ранненеолитическим памятникам бутовской традиции [13, 14] прослеживается развитие отщеповой техники при постепенном снижении качества пластин и уменьшении роли пластинчатой заготовки. В связи с этим укажем на более низкий индекс пластинчатости в раскопе I по сравнению с раскопом II (14,3 и 17,5%) и процент орудий из пластин (23,8 и 29,2%), более высокий процент неправильных пластин (16,5 и 6,3%). На относительно поздний возраст комплекса находок раскопа I указывает и более широкое распространение шлифовки кремня (40,0 и 21,4% от общего числа шлифованных орудий и сколов). Такие ранние типы орудий, как резцы с ретушированной площадкой и концевые скребки, внутри своих категорий в раскопах I и II составляют соответственно 3,3 — 6,0% и 20,7 — 34,9%. Среди резцов раскопа I преобладают грубые, много нуклевидных, обычных для неолитических памятников [15], а среди вкладышей есть изделия из отщепов, встречающиеся на стоянках верхневолжской культуры [14]

Перечисленные признаки указывают на несколько более ранний возраст комплекса находок из раскопа II. В целом структуры орудийной части комплексов близки. Различия в составе группы комбинированных орудий, наличие малочисленных, не образующих серий специфических форм скребков (стрельчатых, боковых, скребловидных, скробачей разных форм) и количественные различия внутри групп и категорий орудий, очевидно, отражают нюансы в хозяйственной жизни двух однотипных стоянок, причем и по высокой концентрации артефактов, и по полноте набора орудий они могут быть определены как неспециализированные, базовые.

При сравнении материалов стоянки Черная-I и подробно опубликованных однокультурных и территориально близких стоянок Петрушино и Микулино обнаруживаются существенные различия. Они выражаются в значительно более

высоких индексах пластинчатости для последних (Петрушино — 45,2%, Микулино — 54,5 против 14,3 и 17,5% в раскопах I и II на Черной-I), степени утилизации заготовок (33,1—24,0 и 23,0—19,6% предметов имеют вторичную обработку), содержании орудий из пластин (65,9—78,1 против 23,8—29,2% орудий). Во вторичной обработке в Петрушино и Микулино широко использовалась крутая ретушь для оформления микролитов, почти не представленная на Черной-I, не применялась шлифовка камня, развитая на Черной-I. В Петрушино и Микулино сериями представлены пластинки с затупленным краем, с затупленным краем и поперечно или косо срезанным крутой ретушью основанием, есть прямоугольники и высокая трапеция (Микулино); в Черной-I пластинка с затупленным краем и микролиты с ретушью по краю и торцу единичны, причем ретушированный край последних приострен, а не затуплен; геометрические микролиты не представлены вовсе. Для Черной-I можно говорить о деградации вкладышевой техники: на Петрушино и Микулино вкладыши с краевой ретушью и без вторичной обработки составляют 82,3 и 86,4% в группе охотничьего инвентаря, а на Черной-I 76,7 и 82,0% по раскопам I и II, причем в первом случае среди них ретушированных 66,1 и 74,9%, а во втором — лишь 32,9 и 24,4%. По сравнению с Петрушино и Микулино резцы Черной-I отличаются типологическим разнообразием и многочисленностью грубых орудий, в том числе нуклевидных; среди скребков много форм с ретушью по периметру, скробачей; более многочисленны и разнообразны комбинированные орудия, своеобразны остроконечные ножи и ножи с «пуговицами». Наконец, отметим большую серию тесел в Черной-I, практически не представленных в Петрушино и Микулино [2, 3]; отсутствие рубящих орудий, очевидно, обусловлено хозяйственным типом этих стоянок (охотничьи лагери) [6, с. 64]; нельзя исключить, что с этим связано и отсутствие в их материалах шлифовки, использовавшейся обычно при изготовлении рубящих орудий.

Материалы стоянки Черная-I культурно и хронологически преемственны по отношению к мещерским памятникам типа Петрушино и Микулино, однако между ними должен существовать довольно значительный хронологический разрыв, на протяжении которого успели претерпеть существенные изменения и техника расщепления кремня, и приемы вторичной обработки, и ряд руководящих типов орудий. К Черной-I близки материалы среднего слоя Елина Бора [12], Панюшенка [16] и особенно Давыдовской стоянки на р. Яхрома в Калининской обл. [17] Последняя отнесена В. В. Сидоровым к раннему неолиту, демонстрирует упадок пластинчатой и вкладышевой техники, развитие отщеповой техники и шлифовки, дает близкий набор инвентаря и сходные формы почти по всем категориям орудий. Однако возникают сомнения в «чистоте» этого памятника и его неолитическом возрасте, определенном на основании находки развалов двух сосудов с тычковым орнаментом. Культурные остатки залегали в четырех литологически выделенных слоях: торфе, оторфованном песке, желтой супеси, заиленном песке. Керамика встречена в оторфованном песке и глубже и локализована на 4 м^2 при площади раскопов 80 м^2 Очевидно, что накопление культурного слоя происходило не одновременно; основная часть находок скорее всего мезолитическая, со слабой ранненеолитической примесью.

Предлагаемой относительной хронологии указанных мезолитических памятников противоречат данные радиоуглеродного анализа для Черной-I — 8—9 тыс. лет назад, тогда как памятники поздней фазы бутовской культуры в настоящее время относят к началу атлантического периода [5] Петрушино и Микулино предположительно датированы концом бореала — началом атлантикума [6]. Однако эти датировки обосновываются преимущественно типологически и нуждаются в проверке методами естественнонаучных дисциплин. Предварительные данные указывают на вероятность пересмотра хронологии позднебутовских памятников в сторону удревнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фролов А. С., Сорокин А. Н., Жилин М. Г* Первые памятники мезолита в Мещере // СА. 1977 № 2.
2. *Сорокин А. Н.* Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мещера) // СА. 1981. № 1.
3. *Сорокин А. Н.* Мезолитическая стоянка Петрушино во Владимирской области (Мещера) // СА. 1981. № 4.
4. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959—1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4.
5. *Кольцов Л. В.* Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.: Наука, 1984.
6. *Сорокин А. Н.* Мезолит Великих Мещерских озер // СА. 1984. № 1.
7. *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.
8. *Уткин А. В., Костылева Е. Л.* Ранненеолитическая верхневолжская культура на стоянке Польцо // СА. 1984. № 3.
9. *Кольцов Л. В.* Бутовская мезолитическая стоянка // КСИА. 1964. Вып. 101.
10. *Кольцов Л. В.* Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. // КСИА. 1969. Вып. 117.
11. *Кольцов Л. В.* Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.) // КСИА. 1971. Вып. 126.
12. *Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. 1966. № 126.
13. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхеволжская ранненеолитическая культура // СА. 1977. № 3.
14. *Жилин М. Г., Крайнов Д. А.* Стоянка Берендеево IIа // КСИА. 1982. Вып. 169.
15. *Сидоров В. В., Трусов А. В.* Луковое озеро I — стоянка льяловской культуры // СА. 1980. № 2.
16. *Кравцов А. Е.* Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в Подмосковной Мещере // СА. 1988. № 1.
17 *Сидоров В. В.* Давыдковская стоянка на р. Яхроме // СА. 1973. № 2.

A. E. Kravtsov, V M. Lozovsky

CHERNAYA-I, A MESOLITHIC CAMP IN MESHCHERA

Summary

The authors publish the materials from Chernaya-I, a Mesolithic camp in the Oka basin. Plots I and II that have been stripped revealed two clusters of finds (Fig. 1) that correspond to two independent settlements of the later stage of the Butovo type cultures [5] and a fairly large number of coal spots that can be attributed to fire-places and forest fires. The fire-places provided a series of C_{14} dates ranging from 8000 to 9000 of years. They were corroborated by pollen analyses. The earlier dates for the Petrushino and Mikulino camps [6] are based on the finds' typology. On the strength of comparative-typological analysis there was a tradition to relate the sites of the Mikulino and Petrushino types to not later than the turn of the Atlantic [6] and the later period of the Butovo culture to the early Atlantic [5] The dating methods based on the natural scientific methodology permits us to revise the chronology of the Butovo culture sites and refer them to an earlier period.

В. И. ВИШНЕВСКИЙ

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДИЩА КУБРИНСКОЕ 1

В последние десятилетия проделана большая работа по изучению памятников дьяковской культуры, особенно в западной части ее региона, где было раскопано полностью несколько городищ. Значительно слабее исследован восточный регион: здесь памятники чаще всего подвергались лишь разведочным шурфовкам. Из тех же поселений, которые могут считаться исследованными полностью, опубликованы только два: памятники позднего этапа дьяковской культуры — городище Березняки и Попадьинское селище. Несомненный интерес в связи с этим представляет городище Кубринское 1 в Переславском р-не Ярославской обл., раскопанное полностью экспедицией Ярославского госуниверситета в 1974—1983 гг. Существование этого городища отметил еще в первой четверти XIX в. Зориан Доленга-Ходаковский [1, с. 243], позже его упоминали М. И. Смирнов [2, с. 3] и Е. И. Горюнова [3, карта 1, № 109]

На площадке городища, где было вскрыто 1900 м^2 культурного слоя при мощности от 30 до 180 см, обнаружены остатки жилищ и оборонительных сооружений, а также комплекс находок, позволивший И. Л. Станкевич датировать этот памятник временем с середины I тыс. до н. э. до первых веков н. э. [4, с. 53, 54]. Самой многочисленной категорией находок на городище Кубринское 1 является посуда. Она составляет коллекцию объемом 11 776 фрагментов. Полностью реставрировать удалось лишь два миниатюрных сосуда и графически восстановить еще один миниатюрный и четыре больших сосуда. При раскопках городища было отмечено, что культурный слой делится стратиграфически на два горизонта, которые разделяет прослойка пожара, уничтожившего постройки городища в конце I тыс. до н. э. Данные о численности керамических комплексов по слоям говорят о том, что продолжительность жизни в послепожарный период была несколько больше. Первый (нижний) слой содержит 43% всего керамического комплекса, второй (верхний) — 57%.

Вся лепная керамика — с единой технологической традицией (формовочная масса — глина и дресва, программа конструирования — донный начин и ленточный налеп). Обжиг — костровый, неравномерный. Большинство фрагментов керамики найдено вблизи предполагаемых жилищ обоих периодов. По способу обработки поверхности керамика делится на гладкостенную (18,4%), сетчатую (81,4%) и штрихованную (0,2%) (таблица). Резонно, однако, предположить, что процент фрагментов сетчатых сосудов был еще выше. Сделать такое предположение нам позволяют реставрированные части сетчатых сосудов, на которых имеются большие участки заглаженной поверхности.

По общему соотношению сетчатой и гладкостенной керамики из числа городищ Верхнего Поволжья, статистика которых нам известна, ближе всего к Кубринскому 1 стоят два поселения: Кундринское [1] и Дьяков Лоб [5, с. 106, 107] Кроме них отсутствие лощеной керамики и небольшой процент гладкостенной характерны для городищ Гусарниковское [2] и Медвежий Угол [6, с. 18]

---

[1] Исследовалось экспедицией Ярославского госуниверситета. Материалы хранятся в университете на кафедре истории СССР

[2] Исследовалось экспедицией Ярославского госуниверситета. Материалы хранятся в университете на кафедре истории СССР.

Статистика керамики городища Кубринское 1

Группа керамики	Количество	%	Примечания
I. Круговая	148	1,3	От общего количества
II. Лепная	11628	98,7	То же
А. Гладкостенная	2141	18,4	От числа лепной
1. Без орнамента	2037	95,1	От числа гладкостенной
2. С орнаментом	104	4,9	То же
а. Орнаментированная по тулову	85	82	От числа орнаментированной
ямчатый	11	13	От числа орнаментированной по тулову
штамповый	19	22	То же
тычковый	3	4	»
шнуровой	7	9	»
защипной	3	4	»
гребенчатый	18	21	»
ямчато-гребенчатый	14	16	»
прочерченный	9	12	»
игольный	1	1	»
б. Орнаментированная по венчику (гребенчатый, шнуровой, ногтевой, рубленый)	19	8	От числа орнаментированной
Б. Сетчатая	9463	81,4	От числа лепной
1. Без орнамента	8801	93	От числа сетчатой
2. С орнаментом	662	7	То же
а. Орнаментированная по тулову	608	92	От числа орнаментированной
ямчатый	238	39	От числа орнаментированной по тулову
штамповый	166	27	То же
тычковый	23	4	То же
гребенчатый	108	18	»
ямчато-гребенчатый	50	8	»
прочерченный	23	4	»
б. Орнаментированная по венчику (гребенчатый, штамповый, ямчатый, прочерченный, рубленый)	54	8	От числа орнаментированной
В. Штрихованная	24	0,2	От числа лепной
Всего	11776	100	

Из дьяковских городищ Москворечья даже самое древнее, Сетунское, имеет 30,5% гладкостенной в своем керамическом комплексе [7, с. 110, рис. 45], а в нижнем слое Щербинского городища гладкостенная керамика составляет 58,3% [8, с. 120, 121] (рис. 1).

Большая разница в распространении сетчатой керамики между москворецкими и верхнеповолжскими городищами наводит на мысль о том, что высокий процент «сетки» является локальной особенностью городищ Верхнего Поволжья. При этом отметим также постепенное уменьшение доли сетчатой керамики на поздних этапах их существования. На городище Кубринское 1 сетчатая керамика в нижнем и верхнем слоях составляет соответственно 86 и 76% всего комплекса.

«Сетка» покрывает главным образом внешнюю поверхность стенок и днищ сосудов, а на днищах встречается также и внутри. Довольно часто «сетка» заглаживается. Зоны заглаженной поверхности на «сетчатых» сосудах наблюдаются, как правило, в верхней и нижней частях — следствие фиксации венчика и закраины днища при формовке. Часто сетчатая поверхность в верхней части сосуда заглаживается перед нанесением на нее орнамента. Иногда по «сетке» наносятся небрежные и неглубокие расчесы, очевидно, щепкой или пучком травы, образующие зачастую довольно различимые ромбические клетки.

Виды сетчатой поверхности на фрагментах керамики с городища Кубринское 1 разнообразны. Около половины всех фрагментов покрыты рельефными отпечатками, нанесенными колотушкой, обернутой куском рубцовой кожи желудка животного, встречается также «шнуровая», или «веревочная», «сетка»,

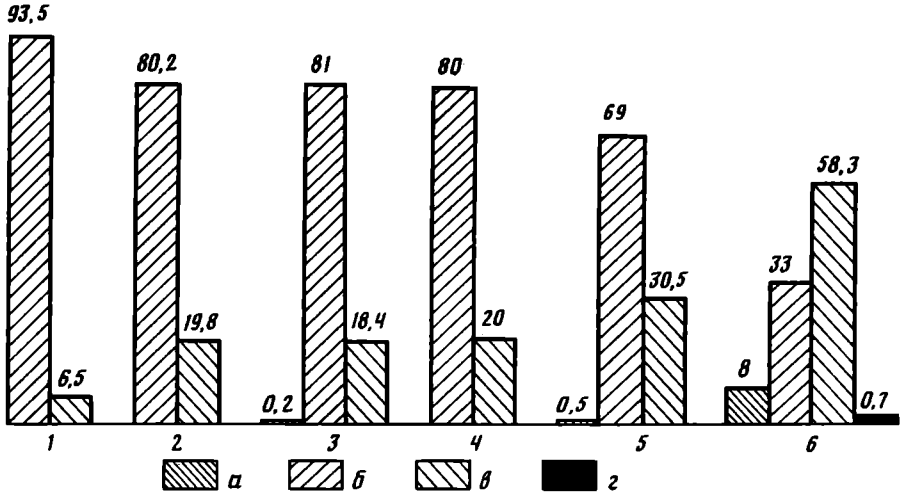


Рис. 1. Состав керамических комплексов дьяковских городищ (в %). *а* — штрихованная керамика; *б* — сетчатая керамика; *в*— гладкостенная керамика; *г*— лощеная керамика. *1*— Медвежий Угол; *2*— Кундринское; *3*— Кубринское 1; *4*— Дьяков Лоб; *5*— Сетунское; *6*— Щербинское (нижний слой)

«полосчатая», «крапчатая», и «ложная», нанесенная гребенчатым штампом. На наш взгляд, сетчатая поверхность кубринской керамики является следствием процесса формообразования — выравнивания и сглаживания стенок сосудов, выложенных ленточным налепом, при помощи деревянной колотушки, обернутой куском кожи желудка животного [3]

Ассортимент кубринской посуды следующий: бытовая посуда (горшки, миски, сковородка) и миниатюрные сосуды. Основная категория посуды — горшки, средние по размерам, с диаметром венчика от 16 до 30 см (рис. 2). Разработка типологии форм горшков ввиду недостаточного количества целых форм затруднена. Однако даже по небольшим фрагментам венчиков можно отнести разбитые сосуды к какому-либо из типов, выделенных для дьяковской посуды И. Г Розенфельдт [8, с. 118]

Гладкостенная керамика представлена горшками, крышками и миниатюрными сосудами (рис. 2, *18—24*). Встречены горшки 1—3-го и 5-го типов (по И. Г Розенфельдт). Типы 1—3 встречаются в обоих слоях, а тип 5 — преимущественно в нижнем слое. Подавляющее число гладкостенных фрагментов не орнаментировано. Орнамент располагается пояском вокруг устья сосудов. Распространены ямочный, ямочно-гребенчатый орнаменты, а также штамповый, прочерченный и защипной (рис. 3, I, *1—10*). Края венчиков гладкостенных сосудов орнаментируются редко. Здесь встречаются гребенчатый, шнуровой и рубленый орнаменты.

Из трех крышек, найденных на городище Кубринское 1, две гладкостенные. Они относятся к верхнему слою и могут быть датированы I в. н. э.

Миниатюрных сосудов с гладкой поверхностью найдено всего шесть, из них полностью восстановлены два (рис. 2, *19—24*). Пять из них относятся к слабопрофилированным формам, шестой (рис. 2, *24*) с отогнутым венчиком и округлыми плечиками относится к отделу профилированных. Из слабопрофилированных сосудиков один имеет баночную форму, слегка коническую (рис. 2, *19*), два — со слегка выпуклыми стенками и суженным дном (рис. 2, *20*, *21*), один имеет форму конической мисочки (возможно, это бокал с поддоном) (рис. 2, *23*) и один — почти полушарая, тонкостенная мисочка (рис. 2, *22*). Последние два сосудика имеют орнаментацию. На первом из них — это ряд фигурных ямок вдоль венчика с внутренней стороны, на втором вся внешняя поверхность покрыта «игольчатым» орнаментом (рис. 3, I, 7). Один неорнаментированный

[3] Автор выражает признательность Т. Ю. Рыжковой, проводившей анализ вариантов «сетки».

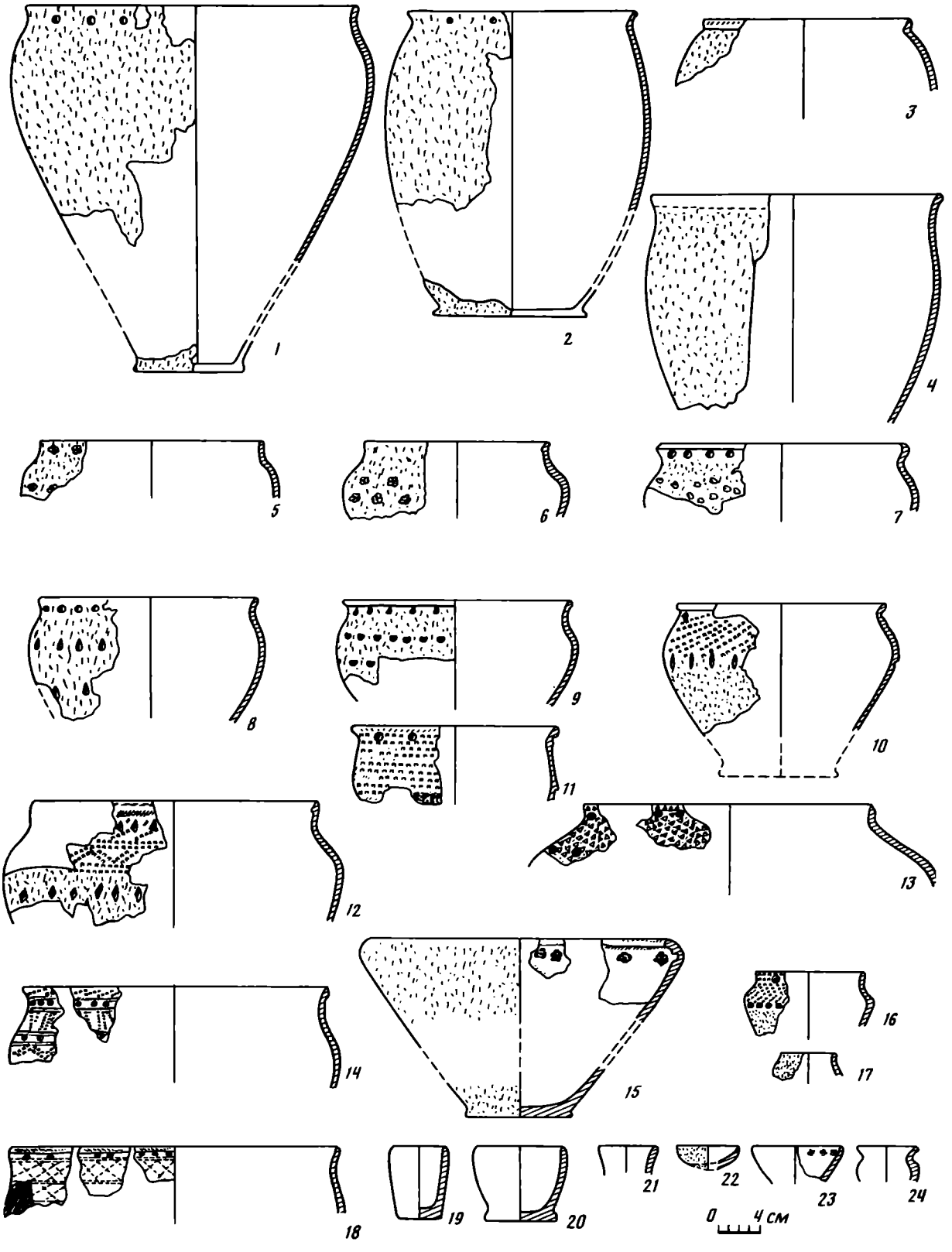


Рис. 2. Образцы керамики городища Кубинское 1. *1—17*— сетчатая; *18—24*— гладкостенная

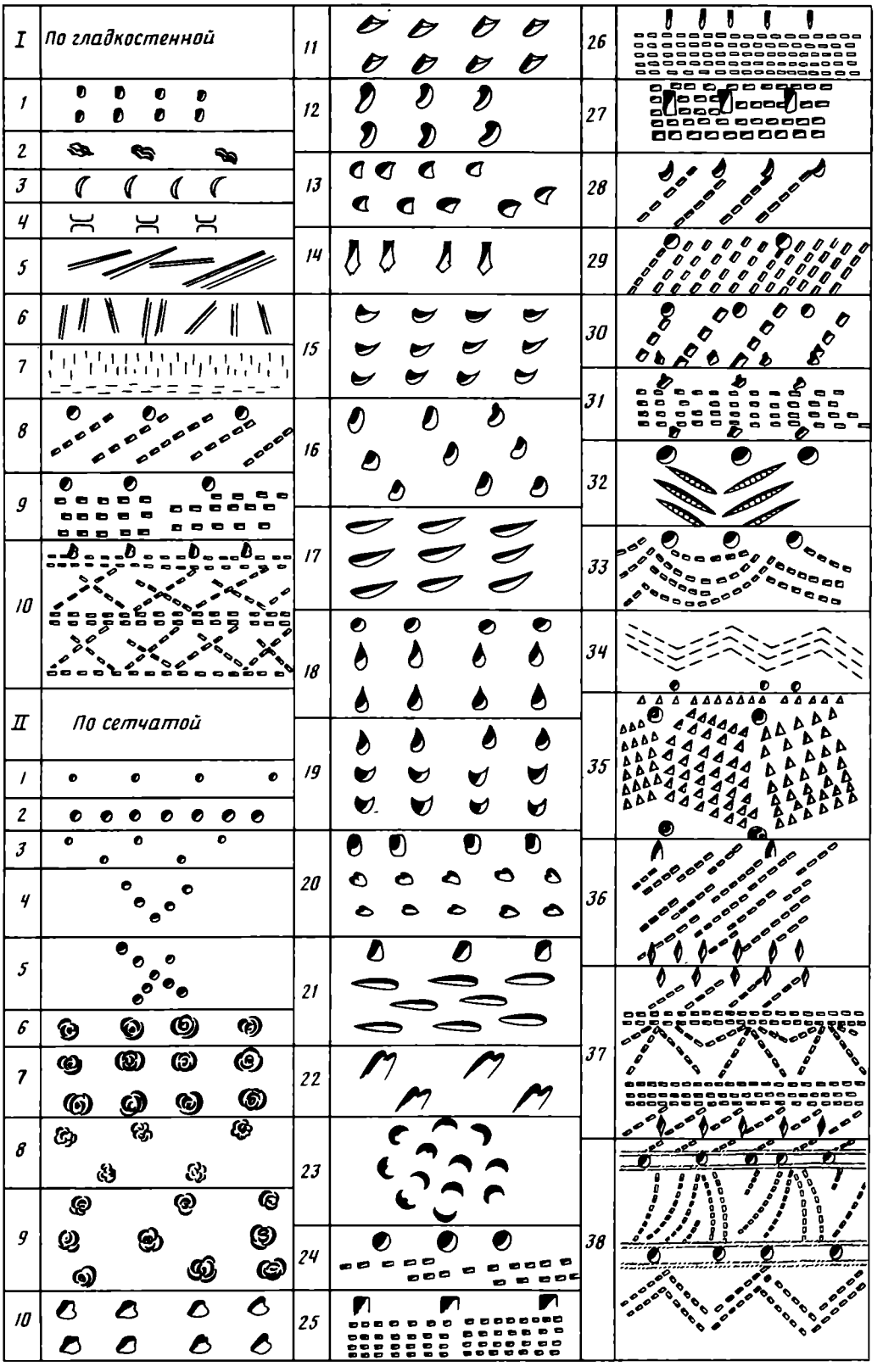


Рис. 3. Орнаментация керамики городища Кубринское I

(рис. 2, *20*) и оба орнаментированных миниатюрных сосуда происходят из нижнего слоя, остальные — из верхнего.

Сетчатая керамика (рис. 2, *1—17*) в обоих слоях преобладает над гладкостенной. Встречены сетчатые горшки всех пяти типов (по И. Г Розенфельдт), а также миска, крышка и сковородка. Есть фрагменты двух миниатюрных сосудов. Среди горшков преобладают сосуды профилированных форм (тип 5). Именно эти горшки украшены наиболее развитым орнаментом. Отметим на подобном горшке оригинальный орнамент, представляющий композицию из четырех зон (мотивов), выполненных ямчатым, гребенчатым и шнуровым элементами (рис. 3, II, *38*). Днища горшков плоские, с закраиной и без нее. Миска с сетчатой внешней поверхностью имеет прямые, развернутые стенки, загнутые у венчика внутрь (рис. 2, *15*) По линии наибольшего диаметра с внутренней стороны нанесен ряд штампов-«розеток». Происходит описанная миска из нижнего слоя.

Единственная на городище сковородка с сетчатой поверхностью обнаружена на глубине 0,9—1 м от дневной поверхности рядом с предполагаемой печью и отнесена к первому периоду существования поселения. Об этом свидетельствует и орнаментация ее внутренней поверхности рядом штампов-«розеток». Диаметр сковороды 30 см. Фрагменты подобных сковородок встречены на Щербинском городище [8, с. 132, рис. 25, 44]

Сетчатые миниатюрные сосуды на дьяковских городищах редки. На Кубринском 1 встречены фрагменты венчиков двух таких сосудиков (рис. 2, *16*, *17*). Один из сосудиков, с выраженным ребром, украшен ямчато-гребенчатым орнаментом. Найден также один фрагмент крышки с сетчатой поверхностью.

Штрихованная керамика составляет всего 0,2% комплекса. Целые формы не найдены. Ни один штрихованный фрагмент не имеет орнаментации.

Отдельно рассмотрим орнаментацию керамики городища Кубринское 1. Как уже говорилось, процент орнаментированной керамики невелик — всего 6%. Стратиграфия и статистика подтверждают наблюдение, что со временем доля орнаментированной керамики уменьшается. Существенной разницы в составе орнамента гладкостенной и сетчатой посуды нет (рис. 3) Это отличает кубринскую посуду от посуды городищ Москворечья, где наиболее разнообразный орнамент отмечен на гладких сосудах [8, с. 137—163] На Кубринском 1, как и на ряде городищ Верхнего Поволжья, гладкостенная керамика не столь богато орнаментирована. Интересно также другое наблюдение: наиболее сложные композиции орнамента встречаются в нижнем слое городища Кубринское 1, в позднем слое орнаментация упрощается.

Располагается орнамент по шейке, основанию шейки, венчику, плечикам и тулову, почти никогда не спускаясь в придонную часть. Как видно из материалов позднедьяковских памятников Верхнего Поволжья (Березняки, Попадьино и др.), в поздние периоды орнамент существовал какое-то время (до своего полного исчезновения) лишь на венчиках сосудов. Появление таких сосудов И. Г Розенфельдт датирует III—IV вв. н. э. [8, с. 146] На городище Кубринское 1 в верхнем слое найден один фрагмент такого сосуда с рубленым орнаментом по венчику. Имеют место случаи орнаментации внутренней поверхности сосудов — краев шейки и днища. Эти явления нужно отнести к раннему периоду существования городища. Интересно, что орнаментация шейки сосудов ямками изнутри, когда на внешней поверхности образуются «жемчужины», распространена на сетчатой посуде поселений раннего железного века в Костромском Поволжье (Борань, Ватажка, Станок и др.) [9, с. 106, 140, 158]

Анализ нашего материала позволяет выделить 10 основных элементов орнамента (и более 50 вариантов). Основными элементами (приемами) орнаментации являются: 1) ямчатый (рис. 3, II, *1—5*); 2) гребенчатый (рис. 3, I, *8—10*, II, *24—38*); 3) штамповый (подэлементы: «розетка» и разных форм ямки — треугольные, подпрямоугольные, каплевидные (рис. 3, I, *1*, II *16*, *18—20*, *25*), щелевидные и аморфные (рис. 3, I, *2*, II, *36*, *37* и др.); 4) тычковый (рис. 3,

II, *22*); 5) прочерченный (рис. 3, I, *5, 6*); 6) шнуровой (рис. 3, II, *38*); 7) ногтевой (рис. 3, I, *3*); 8) защипной (рис. 3, I, *4*); 9) рубленый; 10) игольчатый (рис. 3, I, *7*). Элементы орнамента группируются в горизонтальные зоны — *мотивы*. Мотивы могут быть *линейными*, т. е. в них размещается в ряд оттиск какого-либо одного элемента (штампа). Линейные мотивы могут усложняться тем, что элементы могут выстраиваться не в один, а в два и больше рядов, либо тем, что элементы группируются в разбивку по одному, два или большими группами. Встречаются на кубринской посуде и более сложные, *геометрические* мотивы орнамента, когда элементы одного вида образуют ритмически повторяющиеся узоры, размещенные в горизонтальной полосе.

Линейные мотивы образуются всеми элементами, геометрические — только ямчатым, гребенчатым и штамповым. Основными геометрическими мотивами являются треугольники, «городки» (расположение элементов в шахматном порядке), зигзаги, «елочки», ромбы. Встречаются и орнаментальные *композиции* — комбинации разных мотивов, в образовании которых участвуют два или более элемента. По композициям можно судить о синхронном существовании различных элементов в орнаментации посуды.

Композиции (рис. 3, I, *8—10*, II, *24—38*) складываются в основном из сочетаний мотивов ямчатого, штампового, тычкового и прочерченного элементов с гребенчатыми мотивами и, что гораздо реже, из сочетаний ямчатых мотивов с тычковым и штамповым. Всегда отдельно встречаются защипной, ногтевой, игольчатый, рубленый мотивы. Редки композиции, где составляющие их мотивы образованы тремя элементами (рис. 2, *14*, рис. 3, II, *38*).

Все перечисленные приемы орнаментации встречаются на сетчатой посуде, которая составляет 84% всей орнаментированной керамики (еще раз повторим, что цифра может быть больше, так как именно под орнаментом сетчатая поверхность часто заглаживается) Большая часть мотивов прослежена и на гладкостенных фрагментах. Ведущая роль в обеих группах керамики принадлежит ямчатому и гребенчатому элементам. Ямчатыми орнаментальными мотивами украшено 32% всех орнаментированных фрагментов. В основном это фрагменты крупных профилированных горшков, ямки на них размещены, как правило, в один ряд по шейке, через 3—5 см каждая. Венчики у этих сосудов прямые, а ямки бывают сквозными. Посуда с таким орнаментом бытует весь период существования городища (рис. 2, *1—4*).

Из штамповых элементов отметим самый распространенный его вариант — «розетку». Известен он на ранних городищах как в Москворечье, так и в Верхнем Поволжье (Топорок, Прислон, Санниковское, Калязинское, Пирожная Гора и др.). Бытование «розетки» относят к последним векам до н. э. [8, с. 145] На городище Кубринское 1 «розетка» встречается на сосудах с первого по восьмой пласт. 70% из них относятся к первому (нижнему) слою. Это в основном профилированные горшки, но есть среди них миска и сковородка, на которых орнамент нанесен на внутреннюю поверхность (рис. 2, *5, 6, 15*). Другие варианты штампового элемента (ямки различных форм) встречаются также в основном на горшках с развитым профилем (рис. 2, *7—12*).

Интересно отметить орнаментацию днища сетчатого сосуда изнутри — ямки, нанесенные, очевидно, половинкой трубчатой кости, окаймляют дно по периметру, внутри же круга они разбросаны в беспорядке (рис. 3, II, *23*). Аналогий такому орнаменту нами пока не встречено. Редким является также случай орнаментации внутренней поверхности миниатюрного гладкостенного сосуда рядом аморфных ямок (рис. 2, *23*). Сочетания различных штампов встречаются главным образом на профилированных сетчатых горшках в обоих слоях культурного слоя.

Почти все фрагменты сосудов с ямчато-гребенчатым орнаментом относятся к нижнему слою, хотя бытовали подобные композиции в оба периода. Чаще всего композиция состоит из двух рядов ямок — по шейке и по плечикам, а пространство между ними заполняют оттиски «гребенки» (рис. 3, II, *31—37*). При

этом «гребенка» располагается горизонтально, с наклоном (заметим, что почти всегда в одну сторону), перекрещиваясь, «елочкой», зигзагом. Формы сосудов, несущих такой орнамент,— округлобокие, профилированные (рис. 2, *11—13*). Есть среди них и сосуд, на котором в орнаментальную композицию из «ямок» и «гребенок» добавлен третий элемент — «шнур». Аналогий по сложности этой композиции среди дьяковской керамики нет (рис. 2, *14*, рис. 3, II, *38*).

Гребенчатый орнамент встречается на 16% всех орнаментированных фрагментов керамики. Среди пяти вариантов гребенчатого элемента отметим вогнутую гребенку и гребенку с треугольным зубом (рис. 3, II, *33*, *35*, *38*). 85% фрагментов, орнаментированных «гребенкой»,— сетчатые. Большинство из них относится к нижнему слою. Мотивы гребенчатого элемента везде те же, что и в ямчато-гребенчатых композициях. Учитывая то, что фрагментов, которые безусловно могли бы быть отнесены к сосудам, орнаментированным только гребенчатыми мотивами, не встречено, можно предположить, что это части сосудов с ямчато-гребенчатыми композициями (в этом случае ямчато-гребенчатые композиции украшают 22% всех орнаментированных фрагментов посуды).

Такие элементы орнамента, как тычковый, прочерченный, шнуровой, ногтевой, защипной, рубленый и игольчатый, встречаются каждый не более чем на 3% всех орнаментированных фрагментов посуды. На сетчатой керамике городища Кубринское 1 отсутствует защипной и шнуровой орнаменты, встреченные на гладкостенной. Гладкостенные же фрагменты никогда не имеют в орнаменте «розеток», широко распространенных на сетчатой посуде.

Итак, как нами уже отмечено, кроме единства в технологии и формах сосудов керамический комплекс городища Кубринское 1 имеет определенное единство и в орнаментации. К свойствам, общим для обеих групп посуды, надо отнести: расположение орнамента по зонам и главным образом в верхней части сосуда, единые мотивы орнаментации, преобладающее распространение ямчатого и ямчато-гребенчатого орнаментов. Последнее свойство относится и к керамике ряда других городищ Верхнего Поволжья — Кундринского, Гусарниковского, Устьинского [4], Дьякова Лба [5, с. 106]. На городищах Москворечья на керамике даже в нижних слоях преобладает гребенчатый орнамент [8, с. 120] Широко здесь распространены также сосуды с ногтевым, защипным, шнуровым элементами, которые редко встречаются на керамике городищ Верхнего Поволжья, и в частности Кубринского 1.

Таким образом, в керамическом комплексе городища Кубринское 1 отмечаются следующие черты: сетчатая посуда при наличии гладкостенной и незначительном проценте штрихованной является доминирующей. Процент сетчатой керамики намного выше, чем на каком-либо из городищ западной части Волго-Окского междуречья. На городище Кубринское 1 нет лощеной посуды, которая распространяется в западной части Волго-Окского междуречья с IV в. н. э. Во всех группах преобладает керамика без орнамента, которой в поздних слоях становится еще больше. Орнамент встречается главным образом на сетчатой посуде, здесь же мы наблюдаем и самые сложные его композиции. При этом элементы орнамента, встречающиеся на сетчатой и гладкостенной посуде, практически одни и те же. Везде преобладают ямчатый и ямчато-гребенчатый мотивы. Это, как уже говорилось, является своеобразной чертой, отличающей орнамент кубринской посуды от орнаментов посуды городищ Москворечья.

Вещевой материал городища дает датировку от V в. до н. э. до V в. н. э. Датировка городища по керамическому комплексу заставляет несколько сократить период жизни на поселении, определив его временем с середины I тыс. до н. э. до первых веков н. э.

---

[4] Исследовалось экспедицией Ярославского госуниверситета. Материалы хранятся в университете на кафедре истории СССР.

Что же касается этнической принадлежности населения городища, то керамика, так же как находки и типы построек, свидетельствует об его однородности. По-видимому, оно было в основном финно-угорским.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ходаковский З. Д.* Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории // Сын Отечества. 1820. № 39.
2. *Смирнов М. И.* Залесский город Клещин // Докл. Переславль-Залесского научно-просветительского о-ва. Переславль-Залесский, 1919. № 4.
3. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.
4. *Станкевич И. Л.* Городище дьяковской культуры Кубринское 1 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
5. *Смирнов К. А.* Городище Дьяков Лоб // КСИА. 1973. Вып. 133.
6. *Воронин Н. Н.* Отчет о раскопках и разведках 1940 г. в г. Ярославле // Архив Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. № 7058.
7. *Розенфельдт И. Г.* Об относительной хронологии дьяковских городищ // КСИА. 1973. Вып. 133.
8. *Розенфельдт И. Г* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
9. *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // МИА. 1963. № 110.

V I. Vishnevsky

THE POTTERY COMPLEX FROM THE KUBRINSKOE-1 FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

This is one of the few completely investigated early Iron Age sites on the Upper Volga. Fragments of earthenware came from it en masse. Netted pottery lead by a fair margin (81. 4 per cent) over smooth-walled (18.4 per cent) and stroke (0.2 per cent) ware. There are jugs, bowls, a frying pan and miniature vessels among them (Fig. 2.). Ornamented ware comprises 8 per cent. On the whole, the complex is marked by a clear predominance of netted pottery and an absence of burnished vessels; of the methods of decoration the pit-and-comb design seems to prevail with pinched, nail and corded ware practically absent. They are not typical for the Moskva River region but can be seen among the Upper Volga pottery. This gives us the ground to relate the Kubrinskoe-1 settlement to the Dyakovo culture's local variant.

А. С. СКРИПКИН

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС С УЗДЕЧНЫМ НАБОРОМ ИЗ КОТЛУБАНИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САРМАТОВ

В 1973 г. Городищенский отряд Волго-Донской экспедиции проводил раскопки в районе пос. Котлубань, расположенного примерно в 40 км к северо-западу от Волгограда. Здесь, на водоразделе между двумя небольшими речками Донского бассейна: Грачи и Сухой Каркаган,— в 4,5 км северо-западнее поселка, на распаханном поле было раскопано два кургана [1]

В кургане 1 основным оказалось погребение срубной культуры. Кроме того, в нем находилось еще несколько впускных сарматских погребений.

В интересующем нас кургане 2 была обнаружена одна могильная яма сарматского времени. Диаметр этого кургана 32 м, высота 0,87 м. Южная пола и частично центр кургана, вплоть до материка, были прокопаны ямой времен Великой Отечественной войны. В центре сохранившейся насыпи кургана прослеживались линзы материкового выкида, залегавшие над погребенной почвой. Под курганной насыпью, с некоторым смещением к юго-востоку от центра, находилась могильная яма. Она имела широкую прямоугольную форму, ориентированную длинной осью с севера на юг. Длина ямы 2,55 м, ширина 2,25 м, глубина от уровня погребенной почвы 2,2 м. Скелет человека или отдельные человеческие кости в яме отсутствовали.

Все находки располагались по дну ямы, по ее диагонали с северо-восточного угла к юго-западному (рис. 1, *1*). В северо-восточном углу была обнаружена конская узда. Все ее детали изготовлены из серебра. В состав узды входили два круглых выпуклых псалия с резным орнаментом в виде завитков. Диаметр одного псалия 6,7, второго — 7 см (рис. 1, *2*, *3*). Здесь же находились две бляхи, налобник и наносник с вогнутыми краями и выступающими с двух сторон ушками, к которым с обратной стороны крепились узкие металлические пластинки. На внешней стороне одной из блях нанесен V-образный знак. Углы обеих блях отделены прочерченными линиями (рис. 1, *4*, *5*). В состав узды входило несколько разновидностей пар зажимов ремней. Два из них были выполнены в виде фигурных стержней длиной 8,7 и 9,5 см, с одной стороны имевших по круглому отверстию, а с другой — оканчивающихся завитками и трапециевидными вырезами, в которые вставлялись обоймы со штырьками (рис. 1, *6*, *7*). Два других зажима, длиной 5,3 и 7,2 см, также имели с одного конца круглые отверстия, другой их конец был расщеплен для крепления с ремнем. Один из зажимов изготовлен более тщательно, на нем имелся прочерченный знак в виде косого креста (рис. 1, *8*, *9*). Зажимы служили для соединения удил с поводьями. Здесь же найдены два наконечника ремней, состоявшие из обоймочек, крепившихся к пластинкам, закругленным снизу (рис. 1, *10*, *11*). Несколько иную форму имели два наконечника, изготовленные из круглых серебряных пластинок диаметром 2,5 см, с прямоугольными вырезами с одной стороны для крепления обоймочек

---

[1] Раскопками Городищенского отряда руководили И. П. Лисицын и автор.

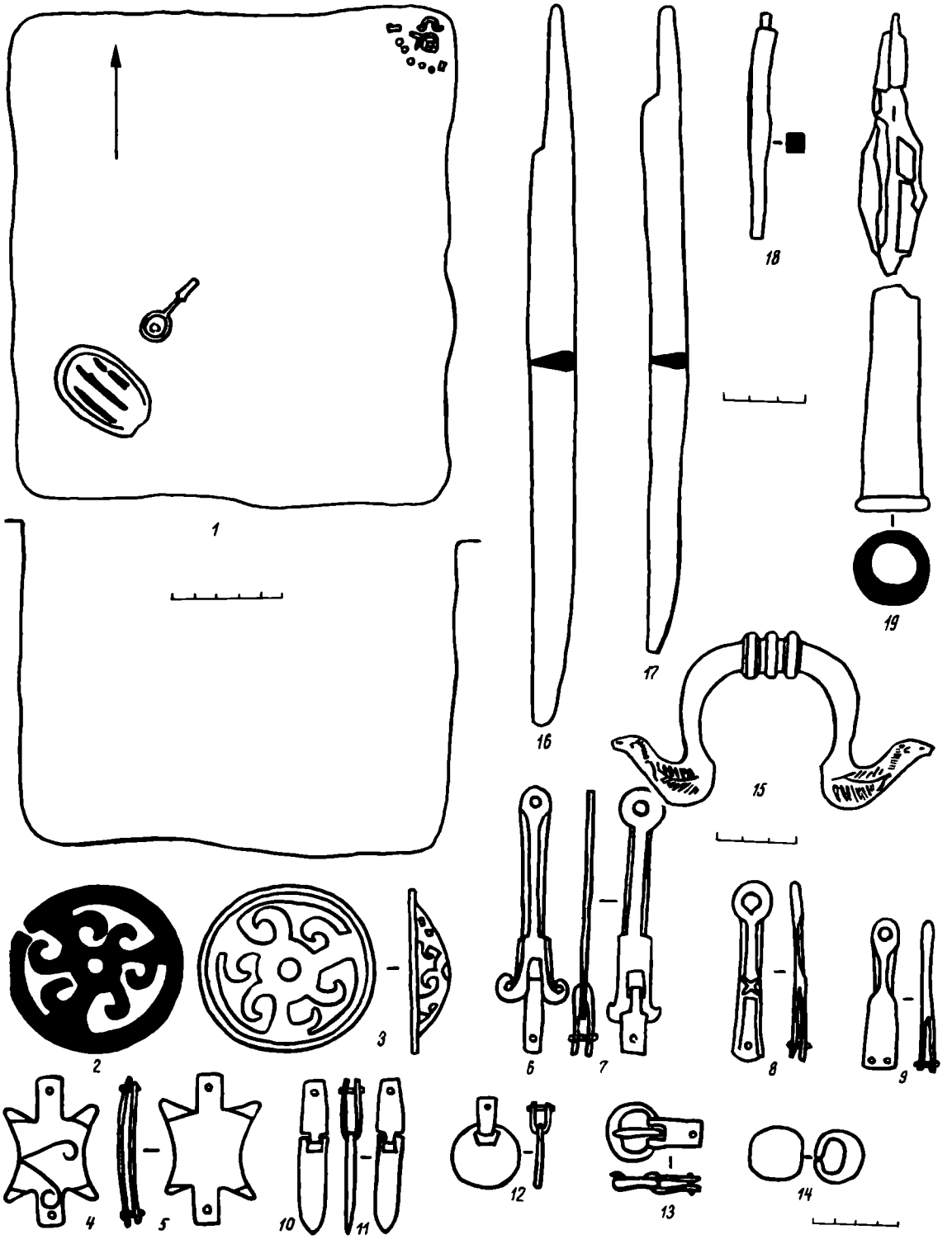


Рис. 1. План погребения и вещи из кургана 2

(рис. 1, *12*). Еще здесь были обнаружены две кольцевидные пряжки с подвижными язычками и обоймами (рис. 1, *13*), а также шесть пустотелых серебряных бусин (рис. 1, *14*).

Вместе с конской уздой найдена бронзовая ручка от таза, круглая в сечении, украшенная в центре тремя рельефными валиками. Атташ ручки выполнен в виде сильно стилизованных головок какого-то животного, возможно змеи (рис. 1, *15*).

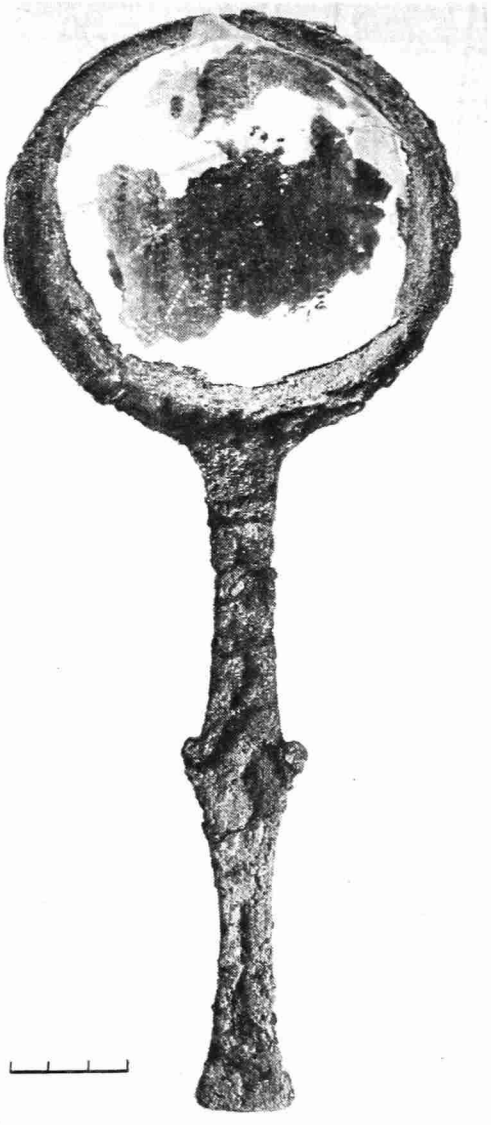
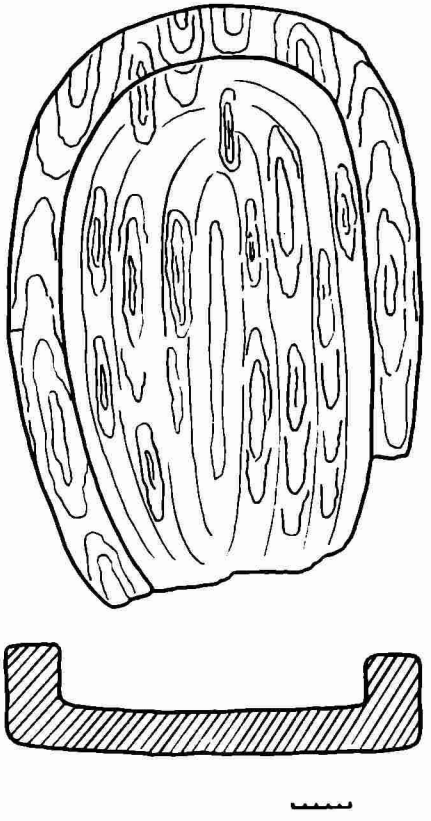


Рис. 2. Бронзовая цедилка

Рис. 3. Деревянный предмет (блюдо)



Ближе к юго-западному углу ямы лежала вверх дном бронзовая цедилка. Диаметр ее чаши 11 см, общая длина с ручкой 27,5 см. Цедилка имела полусферическую форму с отогнутым наружу краем. На внешней и внутренней стороне ее видны следы позолоты. Мелкие отверстия цедилки образуют в центре чаши многолепестковую розетку и выше нее — концентрически расположенные линии. Цедилка имела ручку веслообразной формы (рис. 2). Чаша цедилки была заключена в частично сохранившийся деревянный футляр, который был обтянут кожей и прошит по граням тонкой золотой фольгой.

За цедилкой в юго-западном углу на дне ямы находился деревянный предмет овальной формы, внешне напоминающий блюдо. Внутренняя часть его была выдолблена таким образом, что по краю оставался бортик высотой и шириной ~5 см. Внешняя сторона этого предмета была обтянута кожей, которая отдельными полосками крепилась к бортику. Длина предмета 55 см, ширина 35 см (рис. 3).

Сверху на деревянный предмет был положен железный наконечник копья с конусовидной втулкой и валиком по ее краю. Лезвие копья плохо сохранилось, оно имело вытянутую листовидную форму. Общая длина наконечника ~21 см, длина втулки 10 см, диаметр ее по нижнему краю 2,8 см (рис. 1, *19*).

Здесь же лежали железное шило и два длинных железных ножа. Шило было квадратным в сечении, длина сохранившейся его части равна 8,5 см, толщина

0,8 см (рис. 1, *18*). Ножи имели одинаковую форму. Они однолезвийные; лезвия их, клиновидные в сечении, имеют черешки для насадки ручек. Лезвия и черешки ножей были покрыты остатками дерева. Длина одного ножа с черешком 36, другого — 38,5 см, ширина лезвий 2,5 см (рис. 1, *16*, *17*).

Отсутствие скелета человека в могильной яме нельзя объяснить ограблением. Явные признаки его не прослежены. Засыпь ямы была мягкой, без каких-либо следов позднейших перекопов. Все обнаруженные в яме вещи целы и находятся в том положении, в котором они были первоначально положены. Яма, зафиксированная в курганной насыпи, о которой сообщалось выше, не нарушала могильную яму. Все это свидетельствует о том, что, вероятно, перед нами символическое погребение — кенотаф.

Определить дату сооружения котлубанского кургана 2 позволяют найденные в нем вещи. В комплексе обращает на себя внимание ряд предметов не местного производства. Это италийские импортные изделия, поступавшие в степи Восточной Европы или через античные города Северного Причерноморья, или через римские дунайские провинции.

Серебряные или бронзовые тазы с ручками, аналогичными ручке из котлубанского погребения, найдены в ряде мест на территории Восточной Европы. Наиболее близки котлубанской находке ручки от серебряного таза, найденного в 1913 г. у с. Ахтаил б. Елабужского уезда, на территории теперешней Татарской АССР [1, с. 86], и ручки от бронзового таза из раскопок Н. И. Веселовского 1902 г. у ст. Тбилисская, из кургана 15 [1, с. 89]. Атташи ручек у этих тазов выполнены в виде головок змей. Обе находки датируются I—II вв. Аналогичные ручки имел бронзовый таз из кургана 2 III Кирсановского могильника, раскопанного Р. Ф. Ворониной и опубликованного Б. А. Раевым, который датировал этот комплекс концом I — первой половиной II в. [2, с. 210].

Бронзовая цедилка, обнаруженная в котлубанском кургане, относится к типу Эггерс 160. Такие цедилки известны в находках как на территории самой Италии, так и римских провинций, а также в Северном Причерноморье [1, с. 89; 3, с. 153] и Нижнем Поволжье [4, с. 155], в том числе и в сарматских погребениях. Датируются они достаточно широко — с I по III в. н. э. Однако большинство из них обнаружено в комплексах, относящихся к периоду В II [4, с. 155], который, по уточненным данным, датируется 70—170 гг. [5, с. 7—9].

Остальные вещи из котлубанского погребения местного производства (если понимать под местным производством и возможность изготовления отдельных вещей в каких-либо причерноморских или иных близлежащих ремесленных центрах).

В определении даты котлубанского погребения следует в большей степени придавать значение местным вещам, так как импортные изделия в периферийных районах зачастую датируются более поздним временем, нежели у себя на родине. А. И. Мелюкова, опубликовавшая сарматское погребение из кургана у с. Олонешты в Молдавии, в состав которого входила бронзовая чаша с ручкой, аналогичной котлубанской, и абсолютно такая же цедилка, датирует его II или III в., ссылаясь на находки таких цедилок в Паннонии преимущественно во II в., а в Северной Германии, Скандинавии и Польше — во II—III вв. [6, с. 200]

В связи с этим для уточнения датировки котлубанского комплекса представляет интерес обнаруженная в нем узда, аналогии которой широко известны в позднесарматских памятниках. В первую очередь следует обратить внимание на некоторые особенности в оформлении отдельных деталей узды. Так, например, грани стержней зажимов частично срезаны, а между срезами оставлены чистые поля. Этот прием украшения называют фацетировкой. В Северном Причерноморье, и в том числе в материальной культуре поздних сарматов, он широко распространяется в III—IV вв. [7, с. 53; 8, с. 325—327]

Котлубанскому уздечному набору по ряду деталей близки уздечки из позднесарматских погребений II—III вв. у Лебедевки, гр. VI, курганы 3 и 24 [9, с. 50—54; 10, с. 36—38], у Красногорского, из раскопок И. А. Зарецкого [4,

с. 161]. Особую близость с котлубанским обнаруживает уздечный набор из старицкого кургана 26. У той и другой уздечки одинаковой формы псалии в виде ажурных круглых блях, подвески, наконечники ремней, пряжки. В. П. Шилов датирует погребение из старицкого кургана 26 по подвескам в виде палицы Геракла III в. н. э. [4, с. 162].

Новые находки богатых позднесарматских погребений в Нижнем Подонье с конскими уздечками, обнаруживающими близкое сходство с котлубанским, позволяют более определенно высказываться о дате рассматриваемого памятника.

В 1979 г. В. П. Копыловым в Ростовской обл., в курганном могильнике Центральный VI, во впускном погребении 8 кургана 16 вместе с уздечным набором найдены длинный меч с грибовидным халцедоновым навершием, кинжал с кольцевидным навершием и лучковая одночленная фибула с подвязным приемником позднего образца, позволяющая датировать это погребение концом II — первой половиной III в. [11, с. 113]. К этому же времени относится погребение с богатой уздой, исследованное П. И. Ларенком в 1983 г. в Ростове. В катакомбной яме, впущенной в курган бронзового века, кроме узды были найдены меч с халцедоновым навершием и кинжал с серебряным кольцевидным навершием, фибула того же типа, что и в погребении могильника Центральный VI. Это погребение сближается с котлубанским и по находкам в нем бронзового ситечка, металлического таза с ручками в виде змей и двух длинных железных ножей с черенками [2]

Сходство уздечных наборов двух нижнедонских погребений и упомянутых выше с котлубанским в подборе деталей и в стилистических особенностях их исполнения, несмотря на отдельные вариации, объединяет их в один тип и позволяет датировать котлубанский комплекс концом II — первой половиной III в.

Из других находок в котлубанском погребении представляет интерес деревянный предмет, обнаруженный в юго-западном углу могильной ямы, который первоначально участниками раскопок был принят за деревянную основу щита, обтянутого кожей. Такое определение находки вошло затем и в отчет о раскопках. Обнаруженные в последнее время в Западном Казахстане, в лебедевских курганах, деревянные чаши, обтянутые с внешней стороны кожей, позволяют утверждать, что это не щит, а больших размеров деревянное блюдо. Находки же сарматских щитов до сих пор неизвестны. Сведения письменных источников о них противоречивы [12, с. 63]. К. Тацит, сообщая о вторжении в Мезию сарматского племени роксоланов в период событий гражданской войны 69 г. н. э., упоминает, что у сарматов не принято пользоваться щитом (Tacit., Hist., I, 79).

Нехарактерны для позднесарматских погребений и находки в них наконечников копий. В Нижнем Поволжье нам не известно ни одного такого случая. В работе А. М. Хазанова, посвященной вооружению сарматов, отнесены к позднесарматскому времени четыре находки копий (Три брата, I гр., кург. 2; Калиновка, кург. № 28/2; Герцог; Покровск, «речное» погребение) [12, с. 121]. Однако при более тщательном рассмотрении одну из этих находок нельзя отнести к позднесарматскому времени. Копье, найденное у с. Герцог, представляет собой случайную находку, не связанную с каким-либо комплексом, поэтому возраст этого копья определить достаточно точно невозможно. Включение А. М. Хазановым в список позднесарматских погребений с копьями погребения из кургана 2 гр. I могильника Три брата, в котором найден черешковый наконечник копья, спорно. Не исключено, что это позднекочевническое погребение. Об этом свидетельствует форма ямы, расширяющаяся к изголовью, что обычно характерно для могильных ям поздних кочевников. Описание вещей в публикации П. С. Рыкова дано нечетко. Время погребения могли бы уточнить ножницы, однако особенности их конструкции не указаны. Если это все же позднесарматское

[2] Материалы раскопок не опубликованы.

погребение, то тогда эта находка может быть интерпретирована не как наконечник копья, а как небольших размеров железный кинжал без металлического навершия и перекрестия — находка, типичная для позднесарматских погребений. А. М. Хазанов, включив в список находок наконечник копья с черешком, в классификации не выделяет его в отдельный тип, хотя это было сделать необходимо, и не упоминает о нем нигде в тексте [12, с. 44—50, 120, 121]. Все известные находки в сарматских погребениях представлены только втульчатыми наконечниками копий.

Погребение из калиновского кургана 28/2 также не может быть датировано позднесарматским временем ни по обряду, ни по находкам в нем [13, с. 384—386]. Листовидные черешковые железные наконечники стрел, обнаруженные в погребении, могут быть включены в 9-й тип классификации А. М. Хазанова; они, как он сам считает, проникают в Поволжье в IV—V вв., «и дальнейшая их история целиком относится к раннему средневековью» [12, с. 41].

Погребение около г. Покровска, относимое к типу так называемых «речных» погребений, также не может быть безусловно отнесено к позднесарматской культуре. Погребений типа покровского очень мало, они разбросаны на большой территории от Волги до Днестра и в целом характеризуют уже новую эпоху, связанную с господством гуннов в южно-русских степях [14, с. 70—72]

Может быть, в упомянутой работе А. М. Хазанов исходил из наименования позднесарматского периода «шиповская культура», которое он употребляет и которое допускает включение и более поздних, собственно шиповских комплексов. Но как уже отмечалось в литературе, термин «шиповская культура» не может быть применен к позднесарматскому периоду, он больше всего подходит к памятникам гуннского времени последней четверти IV — первой половины V в. [15, с. 62].

Единственным исключением в поволжско-уральских степях, пожалуй, является погребение из кургана 1, исследованного Г. И. Багриковым и Т. Н. Сениговой в Западном Казахстане, в районе с. Лебедевка [16, с. 82—85]. Погребение было совершено в широкой прямоугольной яме, с богатым набором вещей, в том числе металлической посуды италийского производства, и двумя наконечниками копий иного типа, чем в котлубанском погребении. Лебедевское погребение уверенно датируется узкогорлой амфорой первой половиной III в. н. э. [3, с. 117, 118; 17, с. 115].

Все погребения, в которых были найдены уздечные наборы, аналогичные котлубанскому, близки между собой по погребальному обряду и набору вещей. Предварительное сравнение шести погребений, два из которых находились в Южном Приуралье (Лебедевка, гр. VI, курганы 3 и 24), два — в Поволжье (Котлубань, кург. 2; Старица, кург. 26) и два — на Нижнем Дону (Ростов, кург. 6, погр. 8; Центральный VI; кург. 16, погр. 8), дают следующую картину. В четырех случаях погребения совершены в подбойных ямах, по одному в катакомбе и квадратной яме, все погребенные — мужчины; в четырех случаях ориентировка составляет северный сектор и в одном — южный (в котлубанском погребении костяк отсутствовал); все черепа носили следы искусственной деформации.

Среди вещей обращает на себя внимание обилие вооружения, оно представлено во всех погребениях. Во-первых, в четырех погребениях это мечи без металлического перекрестия и с грибовидными халцедоновыми навершиями, в трех случаях они сопровождались короткими кинжалами. В четырех погребениях найдены остатки нагаек и длинные оселки, в трех найдено по два длинных железных ножа, положенных вместе. Уздечки во всех случаях обнаружены в ногах. Все детали уздечных наборов изготовлены преимущественно из серебра.

Появление в Подонье, Поволжье и Южном Приуралье ряда богатых позднесарматских погребений, близких по времени, со значительным вооружением и характерными наборами конских уздечек свидетельствует о том, что они принадлежали представителям военной знати, стоявшей во главе новой этноплеменной группировки сарматов.

Представляется весьма интересным мнение М. Г Мошковой о совпадении распространения богатых всадниче ских погребений с определенными периодами активизации сарматов, по которым в отдельных случаях можно проследить направление сарматской экспансии [3].

Так, в допозднесарматское время можно выделить два таких периода. Первый из них связан с распространением конской узды с серебряными позолоченными фалерами, украшенными растительным орнаментом или изображениями мифологического содержания. Большинство из них известно как находки кладов. Однако условия обнаружения аналогичных фаларов в кургане 27 у ст. Жутово на Дону и в кургане у с. Булаховка в Днепропетровской обл. позволяют утверждать, что они преднамеренно клались в насыпи курганов, сопровождали богатые сарматские погребения [18; 19, с. 78—81]. Впоследствии, при разрушении насыпей курганов, случайно обнаруживавшие их находчики принимали их за клады. Находки фаларов этого типа известны на Кубани (станицы Ахтанизовская и Новоджерелиевская), на Дону (хут. Федулов и ст. Жутово) и на территории между Доном и Днепром (г. Таганрог, хут. Клименковский, г. Старобельск, г. Балаклея, с. Янчокрак, с. Булаховка). Все эти находки укладываются в рамки III—I вв. до н. э. [20, с. 110].

Для второго периода характерно распространение конской узды с фалараами, украшенными сценами в своеобразной манере звериного стиля. Фалары обтягивались золотыми пластинами, на которых тиснением изображались животные, среди которых наиболее популярным был хищник кошачьей породы. Особый колорит фаларам придавала инкрустация изображений бирюзой и другими камнями. Наиболее яркие находки этого типа узды были сделаны в Садовом кургане под Новочеркасском [21, с. 128—130] и в кургане 28 у ст. Жутово в Волгоградской обл. [18]. Кроме Подонья близкие находки известны на Кубани и в Поднепровье. Погребения с фаларами этого типа датируются в пределах I — начала II в. Упомянутый художественный стиль характерен не только для фаларов, но и для других вещей этой эпохи.

Находки, относящиеся к II—III вв., являют собой третий период распространения богатых уздечных наборов в доно-волжско-уральских степях. Нетрудно заметить, что эти периоды совпадают в основном с этапами развития сарматской культуры: раннесарматским, среднесарматским и позднесарматским. Здесь, на наш взгляд, находит отражение тот факт, что смена этапов сарматской культуры в определенной мере связана с этническими изменениями в степном населении, хотя, конечно, процесс развития сарматской культуры и отдельных ее этапов не может быть сведен только к смене одних народов другими. Преемственность в развитии сарматской культуры прослеживается по целому ряду археологических компонентов, однако этнические новации придавали специфический оттенок разным ее этапам.

Первый период распространения богатой конской упряжи приходится на время подчинения сарматами Скифии. Продвинувшись из поволжско-донских и, вероятно, прикубанских степей, сарматы окончательно утверждаются на землях, ранее принадлежавших скифам. Хронологию этих событий подтверждают и даты находок фаларов. Наиболее ранние из них, происходящие с левобережья Дона (хут. Федулов, ст. Жутово), датируются: первые — концом III в. до н. э. [22, с. 28—36; 23, с. 37—39], вторые — III в. до н. э. [4], тогда как поднепровские находки (с. Янчокрак, с. Булаховка) датируются II—I вв. до н. э. [19, с. 80; 24, с. 43—51]. Эта категория находок никем специально не рассматривалась в плане принадлежности их тем или иным сарматским племенам. К. Ф. Смирнов высказал мнение, что восточные находки фаларов могли принадлежать аорсам,

---

[3] Доклад М. Г Мошковой на V Донской конференции. Ростов н/Д, 1983.

[4] Скорее всего фалары из жутовского кургана 27 связаны с богатым воинским погребением 4, которое В. П. Шилов датирует III в. до н. э. [4, с. 139]

а к западу от Дона — роксаланам и другим сарматским племенам, освоившим в то время степи Северного Причерноморья [20, с. 113, 121, 122].

Появление в Причерноморье нового типа богатой конской узды в I — начале II в. не может быть связано с какими-либо племенами, обитавшими здесь ранее. Исследователи обратили внимание на то, что характерный для украшения конской упряжи звериный стиль не имеет корней в сарматском искусстве предшествующей поры. И. П. Засецкая не исключала связи распространения вещей в зверином стиле с новой волной кочевников иранского происхождения; ими могли быть аланы [25, с. 54]. По мнению Б. А. Раева богатые нижнедонские курганы, датируемые первыми веками н. э., в том числе и Садовый, принадлежали аланской знати [5, с. 13—15]. Представление о том, что новое искусство могло быть принесено аланами, вероятно, имеет право на жизнь. В свете новых раскопок причерноморские находки по манере исполнения обнаруживают близкие аналогии в древностях Бактрии. Все это увязывается с данными письменных источников о массагетском происхождении алан. К этому следует добавить, что новый вид искусства не единственная черта, отличающая сарматские памятники с начала н. э. На рубеже эр (более точную дату установить трудно) происходят значительные изменения и в материальной культуре, и в погребальном обряде на древней территории обитания сарматов: в Подонье, Поволжье и Южном Приуралье [5] Эти изменения, несомненно, связаны с перегруппировками в среде сарматов после подчинения Скифии, с уходом в основном на запад (я не исключаю и другие направления сарматской экспансии) сарматов, обитавших здесь ранее, и с появлением новых объединений ираноязычных кочевников. Речь, конечно, идет не о полной смене населения с рубежа н. э. в указанных местах, так как рассмотрение этой проблемы в археологическом аспекте выявляет и наличие преемственности наряду с отличиями с раннесарматской культурой. Это сходство может быть объяснено, с одной стороны, общими, типичными чертами культуры ирано-сарматских кочевников, с другой — сохранением какой-то части старого населения на прежних местах. В этой проблеме весьма сложным является вопрос, связанный с выделением нового этнического элемента: если это были аланы, то какие известные археологические памятники следует считать аланскими в момент их появления? Точек зрения по данной проблеме достаточно много. Это самостоятельная тема, требующая отдельного исследования. Остановлюсь лишь на одном моменте: следует ли безусловно считать новые памятники звериного стиля своеобразным индикатором аланской принадлежности археологических памятников? Видимо, нет. Так, мода на новое могла быстро распространиться в родственной среде других сарматских племен. В. П. Шилов считает жутовский курган 28, близкий по характеру находок Садовому, аорским [26, с. 185—191]. Стилистически близкие между собой конские уздечные наборы III—I вв. до н. э. исследователи также считают принадлежащими разным сарматским племенам. В целом можно согласиться, что памятники звериного стиля I—II вв., в том числе и уздечные украшения, выполненные в аналогичной манере, принадлежат новой эпохе, в которой аланы начинают играть ведущую роль.

Уздечные наборы котлубанского типа обнаружены в погребениях сложившейся позднесарматской культуры, которая также претендует на аланскую принадлежность. Эта гипотеза, разработанная в свое время еще П. Д. Рау, Б. Н. Граковым и К. Ф. Смирновым, кажется, находит подтверждение в новых исследованиях. Так, Д. Б. Шелов, исследуя взаимоотношения сарматов с населением Нижнего Дона, отмечал новый приток сарматских племен в этот район во второй половине II в. н. э. В некрополе Танаиса это нашло отражение в появлении погребений с основными чертами позднесарматской культуры. С этого же времени в Танаисе распространяются новые иранские имена, не встречавшиеся

---

[5] Новые взгляды на этот вопрос были изложены в докладе автора «О хронологии сарматской культуры», прочитанном на Первых Рыковских чтениях в Саратове в 1984 г.

ранее в городах Северного Причерноморья и обнаруживающие близкое сходство с дигорским диалектом осетинского языка. Все это позволило Д. Б. Шелову сделать вывод о связи между собой новых элементов в погребальном обряде и ономастике, причиной появления которых было продвижение в окрестности Танаиса нового аланского племени с востока [27, с. 52].

Казалось бы, воссоздается последовательная картина появления и установления господства алан в степях Восточной Европы, которая соответствует рассказу Аммиана Марцеллина. Аланы, появившись в I в. н. э., постепенно подчиняют другие сарматские племена и, таким образом, создают мощный племенной союз, который на внешнеполитической арене выступает под именем племени объединителя. К этому времени в степях складывается и единая археологическая культура — позднесарматская. Однако позднесарматская культура не есть результат постепенного прямого развития из предшествующей сарматской культуры. По письменным источникам, аланы появляются в Северном Причерноморье с середины I в. н. э., до складывания позднесарматской культуры. На Нижнем Дону разрыв между первым упоминанием алан и позднесарматской культурой составляет около века. Различие между среднесарматской и позднесарматской культурами существует не только в археологическом, но и в антропологическом аспекте. Несмотря на определенную преемственность, которая прослеживается между всеми этапами сарматской культуры, формирование позднесарматской культуры происходило при значительном участии нового этнического элемента, который я связываю со среднеазиатскими районами [28, с. 52, 53]. Это событие происходит уже после того, как в Причерноморье были зафиксированы письменными источниками аланы. Полагаю, что нельзя ставить знак равенства между аланским этносом и позднесарматской культурой. Во II—III вв. памятники позднесарматской культуры распространяются довольно широко, от Урала до Дуная. Бесспорно, аланский племенной союз не мог охватить такую огромную территорию. Вероятно, в аланский союз входила только какая-то часть населения позднесарматской культуры, или существовало несколько политических объединений племен, возглавляемых аланами. Можно предположить, что было по крайней мере два таких объединения: восточное, в сферу влияния которого входили Северо-Восточное Приазовье, Северный Кавказ и частично поволжско-уральские степи, и западное — в Подунавье. При этнических реконструкциях, на мой взгляд, необходимо учитывать и такой момент. Название «аланы» следует воспринимать в двух аспектах: в узкоэтническом — как название господствующего племени, и в политическом — как наименование союза племен, под которым скрывались другие сарматские племена, занимавшие подчиненное положение.

Изложенное выше наводит на мысль о двух волнах аланских (близких к сако-массагетскому миру племен) передвижений в степях Восточной Европы: первое (I в. н. э.) дало широкое распространение памятников нового звериного стиля, близкого бактрийскому; второе связано с формированием в этих местах позднесарматской культуры. Первое передвижение происходило еще в то время, когда в поволжско-донских степях находились аорсы, что привело, вероятно, к смешению с ними алан и нашло отражение в составном этнониме «аланорсы». Второе передвижение происходило уже на фоне усиления алан среди других сарматских племен. Оно в общих чертах совпадает со складыванием и распространением позднесарматской культуры, которое шло с востока на запад. Отдельные черты позднесарматской культуры появляются в первой половине II в. н. э. и наиболее отчетливо фиксируются в Заволжье. Окончательно позднесарматская культура оформляется к третьей четверти II в., когда отмечается ее интенсивное распространение в междуречье Волги и Дона [29, с. 101—105], оказавшее влияние и на состав населения Танаиса. Именно в это время на Нижнем Дону и в междуречье Волги и Дона появляется ряд богатых погребений воинов с рассмотренными выше уздечными наборами, знаменуя собой проникновение новой группировки кочевников в эти места.

Таким образом, погребения с уздечным набором котлубанского типа, вероятно, следует отнести к представителям аланской знати, установившей господство во II—III вв. к востоку от Азовского моря и Дона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.) // САИ. 1970. Вып. Д1-27.
2. *Раев Б. А.* Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье // СА. 1979. № 4.
3. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
4. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
5. *Раев Б. А.* Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I—III веков н. э. на Нижнем Дону: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л.: ЛГУ, 1979.
6. *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР) // СА. 1962. № 1.
7. *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-130.
8. *Скрипкин А. С.* Две бронзовые пряжки из Сусловского курганного могильника // СА. 1976. № 3.
9. *Мошкова М. Г., Железчиков Б. Ф., Кригер В. А.* Отчет об археологических работах в Уральской области в 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6929.
10. *Железчиков Б. Ф., Кригер В. А.* Отчет об археологических работах в Уральской области в 1979 г. // Архив археол. лаборатории Волгоградского ун-та.
11. *Копылов В. П.* Раскопки курганов на территории Донской оросительной системы // АО—1979. М., 1980.
12. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
13. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.
14. *Засецкая И. П.* Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья // АСГЭ. 1971. Вып. 13.
15. *Засецкая И. П.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968. № 2.
16. *Багриков Г. И., Сенигова Т. Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—III и XIV вв.) // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1968. № 2.
17. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
18. *Шилов В. П.* Отчет о работе Астраханской экспедиции в 1964 г // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3156.
19. *Костенко В. И.* Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка // Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978.
20. *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.
21. *Капошина С. И.* Ценные находки археологов в районе Новочеркасска // Вестн. АН СССР. 1963. № 3.
22. *Засецкая И. П.* Назначение вещей Федуловского «клада» // АСГЭ. 1965. Вып. 7.
23. *Засецкая И. П.* О месте производства серебряных фаларов из федуловского «клада» // СГЭ. 1962. Вып. XXII.
24. *Гущина И. И.* Янчокракский клад // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
25. *Засецкая И. П.* Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1.
26. *Шилов В. П.* Запорожский курган (к вопросу о погребениях аорской знати) // СА. 1983. № 1.
27. *Шелов Д. Б.* К этнической истории Нижнего Подонья // Изв. СКНЦВШ. Сер. обществ. наук. 1974. Вып. 3.
28. *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия (некоторые проблемы исследования) // СА. 1982. № 2.
29. *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

A. S. Skripkin

A BURIAL COMPLEX WITH A BRIDLE SET FROM KOTLUBAN AND SOME PROBLEMS OF THE SARMATAE'S ETHNIC HISTORY

In 1973 a square pit (Fig. 1, *1*) was discovered under a mound near Kotluban (40 km to the north-east from Volgograd). The following objects were found on its bottom: objects imported from Italy — a strainer (Fig. 2) and a handle of a metal basin (Fig. 1, *15*); horse's bridle (Fig. 1, *19*), two iron knives (Fig. 1, *16, 17*) and a wooden bowl (Fig. 3). No traces of a human skeleton of robbers indicate that this might be a cenotaph. The finds date the site between the late 2nd and first half of the 3rd century. The bridle is the most interesting find that suggests a number of conclusions on the Sarmatae's ethnic history. They roamed the Eurasian steppes and formed large tribes. The way bridles were distributed in archaeological sites indicates the directions of the Sarmatian expansion. Alans came into the Northern Pontic area early in the new era. The author offers his preliminary conclusion about two Alan waves from the East to East European steppes.

А. Г. АВДЕЕВ, А. П. АБРАМОВ, Б. Г. ПЕТЕРС

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЫ V—II ВВ. ДО Н. Э. С ГОРОДИЩА У СЕЛА МИХАЙЛОВКА

Многолетние археологические исследования городища античного времени у с. Михайловка и прилегающего к нему района (Крымская обл., Ленинский р-н, Приозерский сельсовет), проводимые с 1963 г. Михайловской экспедицией Института археологии АН СССР [1, с. 117—127; 2, с. 3—6; 3, с. 343; 4, с. 23—27], дали как целые формы амфор, так и большое количество их фрагментов; кроме того, было обнаружено 10 амфорных клейм, из них 4 датируются IV—III вв. до н. э.

В результате раскопок Михайловского городища и курганного некрополя было прослежено семь культурных слоев, соответствующих различным периодам жизни на городище с эпохи неолита до позднего средневековья. Городище и курганную группу у с. Михайловка мы рассматриваем как единую систему, исходя из признаков территориальной близости, а также синхронности и единства археологического материала.

Остродонные амфоры и их фрагменты составляют подавляющую часть находок при раскопках поселений и некрополей античного времени в Северном Причерноморье [5—11].

Бóльшая часть сосудов доходит до нас во время раскопок в виде отдельных фрагментов. В ходе исследования нами учитывались только профилированные части сосудов: венчики, ручки и ножки [1] Стенки сосудов из-за трудности их правильного определения и классификации здесь не приводятся.

Помимо наиболее ранних фрагментов античной керамики при раскопках городища часто встречались обломки и целые орудия из кремния эпохи неолита и бронзы, несколько обомков сверленых топоров из диорита и антропоморфное надгробие II тыс. до н. э. Подобная картина прослеживается при раскопках многих античных памятников данного района: Пантикапея [14, с. 11], Киммерика [15, с. 108], Тиритаки [16, с. 25, 26, 74, 106, 107, рис. 17], Нимфея [17, с. 236], Илурата [18, с. 189].

Начальный период жизни античного городища первой половины V в. до н. э. (слой Iв) связывается с первой нарезкой клеров в районе, примыкающем к данному памятнику, видимо, входящему в тот период в состав хоры Нимфея.

К этому времени относятся следующие типы амфор, найденные при раскопках городища.

Часть плеча амфоры с корнем ручки (рис. 1, *1*) относится к группе амфор с широкими полосами. Полоса нанесена лакообразной краской черного цвета. Хорошо выражены следы лощения, ранее отмечавшиеся на ольвийском материале [19, каталог № 4/93, с. 54]. По характеру глины наш фрагмент полностью аналогичен фрагментам амфор этого типа из Торика [20, с. 67].

Существует предположение о происхождении этих амфор из ;Милета [5, с. 70], однако недавние исследования П. Дюпона связывают их производство с Клазо-

---

В процессе работы каждый фрагмент фиксировался по методике, разработанной в 1963—1966 гг. Б. Г Петерсом. Цвета глин керамического материала определялись по шкале ;А. С. Бондарцева [12], а размеры включений и примесей — по шкале М. Васильевского [13, прил. II].

менами [21, с. 31, рис. 18], где их фрагменты составляют 80% всех находок в городских напластованиях [22, с. 466], а 30 целых сосудов происходят из некрополя.

И. Б. Зеест выделяла две хронологические группы амфор «с широкими полосами»: первой половины VI в. до н. э. [5, с. 69, 70, табл. I, *1*] и второй половины того же столетия [5, с. 71, табл. II, *6*] Амфора, на основании которой Б. Г. Граков предполагал происхождение второй группы из дорийского центра (что впоследствии было поддержано И. Б. Зеест), в настоящее время отнесена к группе хиосских амфор с воронкообразным горлом [6, с. 171, прил. 1, табл. I, *18*; 23, с. 302; 24, с. 96, 102; 25, с. 17, рис. 1]. Н. А. Онайко датировала оба типа приблизительно серединой VI в. до н. э., отметив отсутствие стратиграфической разницы между ними [20, с. 66, 67]. В Нимфее подобные фрагменты датируются первой половиной VI в. до н. э. [26, с. 54—57], а на Елизаветинском городище — первой четвертью V в. до н. э. [6, с. 15, табл. XXII, *1—2*]. Последнюю дату можно принять, так как она совпадает с последней хронологией и типологией клазоменских амфор, предложенной П. Дюпоном [21, с. 201] на основании материалов Истрии.

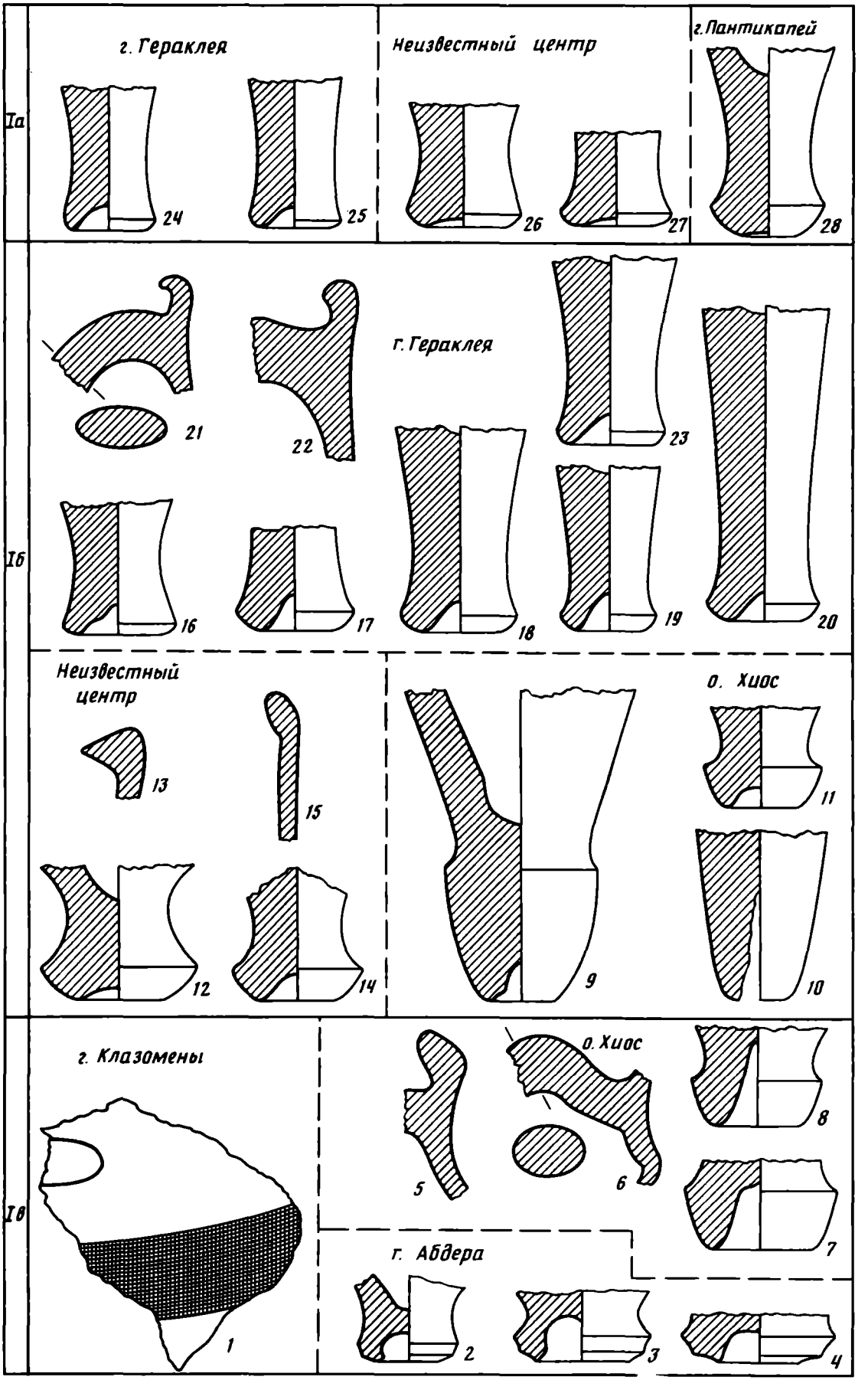
Вторая, наиболее ранняя группа амфор (рис. 1, *2—4*) представлена тремя ножками, сформованными в виде кольцевых поддонов с четкой профилировкой граней. Нижние и боковые образующие вогнуты. Наболее близкие аналогии происходят из Торика [20, с. 70, табл. IV, *43*]. В литературе подобные амфоры обычно называются «протофасосскими». И. Б. Зеест считала их происходящими с островов Эгейского архипелага или из Северной Греции и на основании морфологического сходства с ножками позднейшей фасосской тары допускала их связь с этим островом [5, с. 80]. О. Д. Лордкипанидзе и Н. А. Лейпунская считают центром их производства о-в Самос [7, с. 24, 25].

«Протофасосские» амфоры представляют одну из наиболее распространенных в Северном Причерноморье групп керамической тары, поступавшей в этот регион начиная с самых ранних периодов существования здесь греческих колоний [27, с. 107, рис. 1, *2—3, 5—9;* 28, с. 287, рис. 1, *1—6*, рис. 3, *11—14*; 29, рис. 54, *523, 531—533*]. Наблюдается сходство этих амфор раннего варианта с экземплярами, относимыми к Милету [21, с. 34, рис. 19], но более вероятно связывать происхождение этих сосудов с Абдерами [30, с. 496, рис. 13] По наиболее близкой аналогии [20, с. 94] мы относим наши фрагменты ко второй четверти V в. до н. э.

Позднепухлогорлые амфоры Хиоса представлены фрагментами горла с венчиком из насыпи кургана 2 [31, с. 97, прим. 3]. Все образующие линии венчика выпуклые, форма в разрезе приближается к треугольной, все переходы между образующими плавные (рис. 1, *5*). Он относится к третьей четверти V в. до н. э. [32, с. 109, рис. 8, *3*]. Второй фрагмент горла с корнем ручки из материалов поселения (рис. 1, *6*) находит ближайшую аналогию в Ольвии [33, с. 92, рис. 1, *3*] и датируется этим же временем. Две ножки, найденные на поселении (рис. 1, *7, 8*), имеют ярко выраженную опоясывающую часть и глубокую выемку на подошве. Подобная ножка отмечена И. Б. Зеест у амфоры ;из фанагорийского клада, относящегося к середине V в. до н. э. [5, с. 75, табл. IV, *11г*; 34, с. 243].

Восемь фрагментов амфор, происходящих из трех различных центров, дают основания для предположения о начале массового ввоза импортных товаров в керамической таре в районе поселения у с. Михайловка с первой четверти V в. до н. э. Эту датировку подтверждают и фрагменты чернолаковой керамики, найденные при раскопках городища и курганной группы у с. Михайловка.

Наиболее ранний фрагмент чернолаковой керамики (рис. 2, *1*) представлен ножкой килика второй четверти V в. до н. э. (аналогия [35, с. 265, табл. 20, рис. 5, *434—438*]). Характерными признаками являются коническое углубление на подошве, желобок и две врезные полосы по лаку на ножке. К третьей четверти V в. до н. э. можно отнести фрагмент ножки килика из кургана 3 (рис. 2, *2*) (анало-


Iа
г. Гераклея
Неизвестный центр
г. Пантикапей
24
25
26
27
28
Iб
г. Гераклея
21
22
23
16
17
18
19
20
Неизвестный центр
О. Хиос
13
15
11
12
14
9
10
Iв
г. Клазомены
О. Хиос
5
6
8
7
г. Абдера
1
2
3
4

гия [35, с. 269, табл. 22, рис. 1, 5, *487*]).

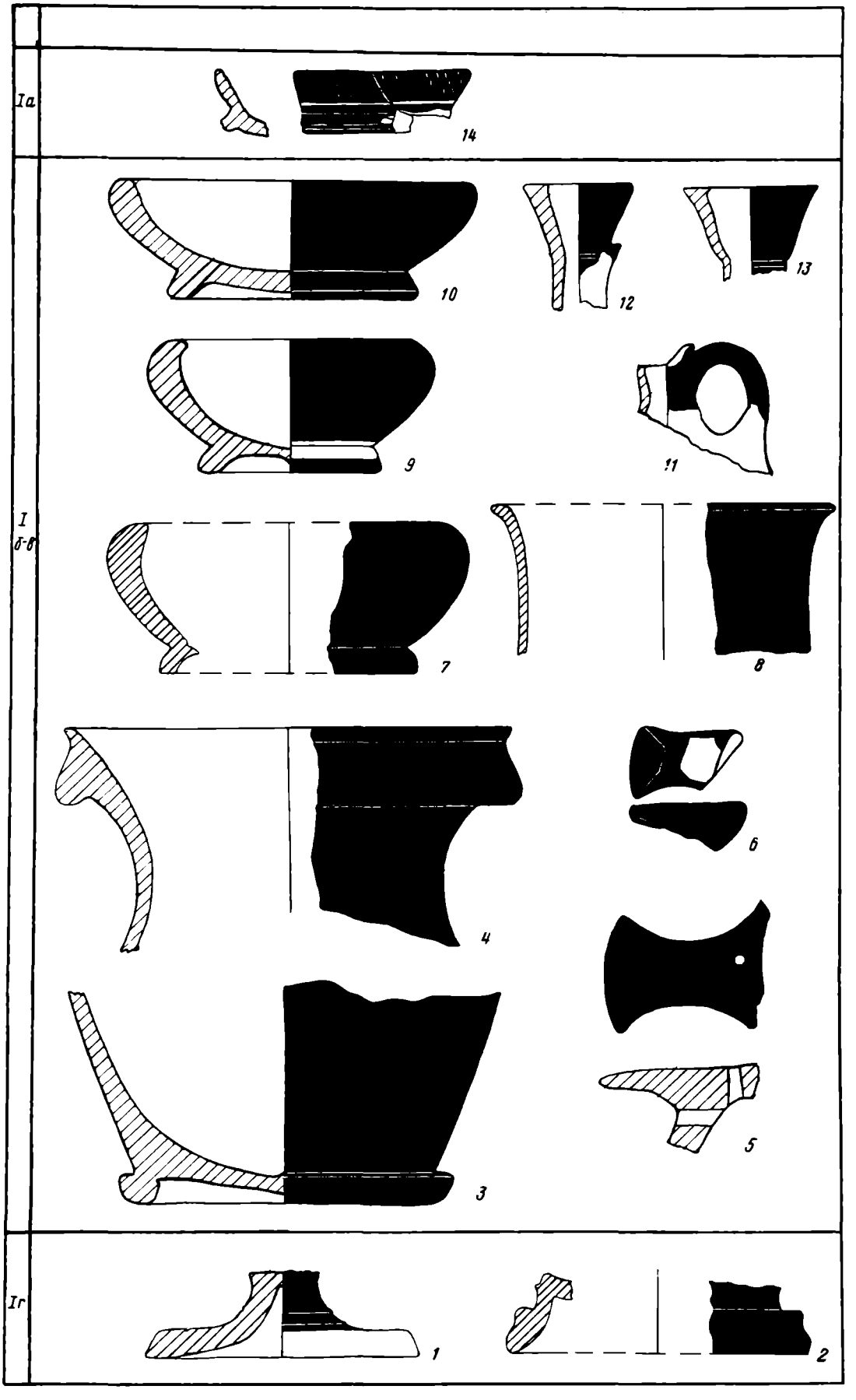
Более широко, чем материал V в. до н. э., представлены фрагменты остродонных амфор и чернолаковой керамики IV— начала III в. до н. э. Данный период в жизни городища (слой Iб) связывается [3, 4] со временем существования царской крепости, сыгравшей важную роль во время междоусобной войны сыновей Перисада (310—309 гг. до н. э.) (Diod. XX. 22—24).

Килики второй — третьей четверти IV в. до н. э. представлены двумя разновидностями: канфаровидные с массивным венчиком (рис. 2, *4*) (аналогия [36, табл. VII, *323*]) и с отогнутым венцом (рис. 2, *8*) (аналогия [37, с. 79, рис. 6, *1*]). Единственная ножка скифоса первой четверти IV в. до н. э. (рис. 2, *3*) происходит из кургана 10 (аналогия [37, с. 79, рис. *5, 1*]). Вероятно, не выходят за пределы IV в. до н. э. фрагменты венчиков чернолаковых лекифов (рис. 2, *11—13*), ручек канфаров (рис. 2, *5, 6*) и фрагменты солонок (рис. 2, *7, 9, 10*). Имеются также два фрагмента рыбных блюд, видимо, относящихся к IV—III вв. до н. э. Ранее был опубликован фрагмент чернолакового сосуда с граффити [4, рис. 1, *1*].

На городище в этот период продолжается ввоз хиосских амфор. Из раскопок городища (рис. 1, *10*) происходит массивная ножка колпачковой амфоры с цилиндрическим углублением на подошве. По внутренней поверхности углубления проходят валики, образовавшиеся при формовке или прикреплении ножки к тулову амфоры. Аналогичные находки датируются первыми двумя третями IV в. до н. э. [38, с. 38, 39, с. 74, рис. 10]. Из кургана 7 происходит вторая ножка амфоры этого типа, более массивная и низкая (рис. 1, *9*), которая находит аналогию в ольвийском материале [7, табл. 12, *4*] и может быть датирована тем же временем. Ножка хиосской прямогорлой амфоры (рис. 1, *11*) имеет четко выделенную опоясывающую часть и трапециевидное углубление на подошве и датируется началом IV в. до н. э. (аналогия [5, с. 77, табл. IV, *13*; 6, с. 12, 108, каталог № 16—19]).

Двадцатью фрагментами представлен на городище и в курганной группе импорт Гераклеи Понтийской. Шесть ножек (рис. 1, *16—20, 23*) различаются

Рис. 1. Поселение и могильник у с. Михайловка. Фрагменты амфор, слой Iа, Iб, Iв. *1*— часть плеча с корнем ручки амфоры клазоменского производства. Первая четверть V в. до н. э. Мих-79, р. III, 385, шт. 2, № 107; *2*— ножка амфоры производства г. Абдеры. Вторая четверть V в. до н. э. Мих-83, р. XV, шт. 8, № 19; *3*— ножка амфоры производства г. Абдеры. Вторая четверть V в. до н. э. Мих-63, р. III, кв. 3, шт. 8, на материке; *4*— ножка амфоры производства г. Абдеры. Вторая четверть V в. до н. э. Мих-68, р. IV, шт. 1—2; *5*— фрагмент горла с венчиком хиосской позднепухлогорлой амфоры. Третья четверть V в. до н. э. Мих-69, кург. 2, № 751; *6*— фрагмент горла с корнем ручки хиосской позднепухлогорлой амфоры. Третья четверть V в. до н. э. Мих-70, р. III, кв. 386, шт. 3; *7*— ножка хиосской позднепухлогорлой амфоры. Третья четверть V в. до н. э. Мих-83, р. XIV, кв. 2, шт. 7, № 160; *8*— ножка хиосской позднепухлогорлой амфоры. Третья четверть V в. до н. э. Мих-70, р. VII, шт. 2; *9*— ножка колпачковой амфоры. Производство о-ва Хиос. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-69, кург. 7, в насыпи; *10*— ножка колпачковой амфоры. Производство о-ва Хиос. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-80, р. XVII, кв. 4, шт. 3; *11*— ножка хиосской прямогорлой амфоры. Начало IV в. до н. э. Мих-80, р. IV, кв. 9, шт. 3; *12*— ножка амфоры типа Солоха I. IV в. до н. э. Мих-67, р. III, пом. XVI, шт. 4; *13*— венчик амфоры. IV в. до н. э. Мих-64, р. III, кв. 12, завал вымостки XII—VIII; *14*— ножка амфоры IV в. до н. э. Мих-84, р. III, кв. 399, шт. 6, № 40; *15*— венчик амфоры типа Солоха II. IV в. до н. э. Мих-84, р. II, кв. 2, шт. 6, № 40; *16*— ножка гераклейской амфоры. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-79, р. III, кв. 362, зачистка завала; *17*— ножка гераклейской амфоры. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-72, р. III, кв. 576, яма 4, шт. 5; *18*— ножка гераклейской амфоры. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-69, кург. 11, № 1591; *19*— ножка гераклейской амфоры. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-68, р. II, шт. 9; *20*— ножка гераклейской амфоры. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-69, кург. 11, № 1207; *21*— венчик гераклейской амфоры. Вторая — третья четверть IV в. до н. э. Мих-69, кург. 18, № 1600; *22*— венчик гераклейской амфоры. Вторая четверть — третья четверть IV в. до н. э. Мих-63, р. II, шт. 4, № 320; *23*— ножка гераклейской амфоры. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-69, кург. 12, № 1603; *24*— ножка гераклейской амфоры. Конец IV— начало III в. до н. э. Мих-69, кург. 11, № 1205; *25*— ножка гераклейской амфоры. Начало IV— конец III в. до н. э. Мих-69, кург. 11, № 1208; *26*— цилиндрическая ножка амфоры с расширенным основанием и небольшим углублением на подошве. Конец IV—III в. до н. э. Мих-78, р. III, кв. 385, шт. 1—5, № 76; *27*— цилиндрическая ножка амфоры с расширенным основанием и небольшим углублением на подошве. Конец IV—III в. до н. э. Мих-84, р. XV, кв. 1, шт. 5, № 16; *28*— ножка амфоры пантикапейского производства. Конец IV— первая половина III в. до н. э. Мих-68, р. II, кв. 2, шт. 4


Iа
14
I
б-в
10
12
13
9
11
7
8
6
4
5
3
Iг
1
2

незначительными деталями (часть имеет стершуюся от долгого употребления подошву), и их, вероятно, можно датировать первыми двумя третями IV в. до н. э. (по аналогии [38, с. 74]), а две другие, относящиеся к слою Ia, имеющие меньший диаметр и четкую профилировку, датируются нами временем около последней трети IV— начала III в. до н. э. (по аналогии [38, с. 74]) (рис. 1, *23, 25*). Венчики гераклейских амфор (рис. 2, *21, 22*) однотипны, их внутренняя образующая плавно переходит в верхнюю, имеющую выпуклые очертания, и вогнутую внешнюю образующую с ребром между ними. Они находят аналогии в Ольвии [7, табл. 24, *6*] и относятся к третьему или четвертому типу гераклейских амфор, по И Б. Зеест [39, с. 49, 50, рис. 11, *2*]. И. Б. Брашинский объединил оба типа в один — IA и датировал его второй четвертью — серединой IV в. до н. э. [6, с. 24].

Энглифическое клеймо на горле гераклейской амфоры (рис. 3, *1*), обнаруженное при исследовании кургана 11 в курганной группе, является наиболее ранним из клейм, обнаруженных на данном памятнике. Фрагмент происходит из насыпи кургана и сильно окатан. Клеймо плохой сохранности. От букв, составлявших легенду, сохранились отдельные нечитаемые части. По остаткам клейма можно лишь предполагать, что его шрифт был крупным. Это находит типологические соответствия гераклейским клеймам в виде отдельных букв, датируемым третьей четвертью IV в. до н. э. [6, с. 177, № 479, 482—483, табл. XXX, *479, 483*]. Эту же дату подтверждает и инвентарь, сопровождавший детское погребение в плитовой могиле, впущенной в полу кургана 11. Найденная здесь чернолаковая солонка на основании аналогий с материалами из раскопок Афинской Агоры датируется 350—325 гг. до н. э. (рис. 2, *10*) [35, с. 303, № 949, рис. 9, *949*].

Две цилиндрические ножки с расширенным основанием и небольшим углублением на подошве (рис. 1, *26, 27*) близки к гераклейским, но сиреневый цвет глины, а также наличие большого количества слюды не позволяют отнести их к продукции этого центра. Наиболее близкий по форме сосуд происходит из Ольвии [7, табл. 24, *16*]. Вероятная дата — конец IV—III в. до н. э. (слой Ia).

Ножка амфоры (рис. 4, *13*) с цилиндрическим стволом и невысокой опоясывающей частью имеет широкую и неглубокую выемку на подошве. Аналогии по форме встречаются среди амфор боспорского происхождения на Каменском [40, с. 86, табл. XVII, *3*] и Елизаветовском [41, рис. 3, 4; 42, рис. 2, *2*] городищах, а также среди херсонесских амфор с поселения Панское-I [43, с. 99, рис. 3, *3*]. Состав глины не позволяет отнести рассматриваемый образец к керамической таре этих северопонтийских центров (слой Ia).

Тип Солоха I представлен приземистой ножкой с расширенным основанием (рис. 1, *12*). Близкую по форме ножку имеет амфора из Керченского музея [5, табл. XV, *32e*], аналогичная найдена на Знаменском городище [44, с. 144, табл. 19, *7*]. К близким типам керамической тары конца IV — первой половины III в. до н. э. (слой Ia) относятся ножка амфоры типа «усть-лабинской» (рис. 4, *14*) (аналогия [45, с. 196, рис. 8, *5*]) и сильно отогнутый венчик амфоры (рис. 1, *13*) (аналогия [40, с. 86, табл. VII, рис. 10, *a*).

Рис. 2. Поселение и могильник у с. Михайловка. Фрагменты чернолаковых сосудов. Слой Ia, Iб, Iв, Iг *1* — ножка чернолакового килика. Первая половина V в. до н. э. Мих-67, р. III, кв. 15, шт. 12; *2*— ножка чернолакового килика. Первая половина V в. до н. э. Мих-69, р. I, кв. 3, шт. 5—6, № 218; *3*— ножка чернолакового скифоса. Первая четверть IV в. до н. э. Мих-69, кург. 10, № 1160; *4*— горло чернолакового канфаровидного килика с массивным венчиком. Вторая — третья четверть IV в. до н. э. Мих-69, кург. 14, каменный ящик, № 1365; *5*— ручка чернолакового канфара. IV в. до н. э. Мих-70, кур. 18, № 117; *6*— фрагмент чернолаковой солонки, IV в. до н. э. Мих-69, кург. 13, № 1302; *7*— фрагмент чернолаковой солонки IV в. до н. э.; *8*— венчик чернолакового килика. Вторая — третья четверть IV в. до н. э. ;Мих-70, круг. 13, склеп 13, № 42; *9*— чернолаковая солонка. Третья четверть IV в. до н. э. Мих-69, кург. 11, каменный ящик; *10*— чернолаковая солонка. IV в. до н. э. Мих-69, кург. 10, центральное погребение, № 1162; *11*— венчик чернолакового лекифа. IV в. до н. э.; *12*— венчик чернолакового лекифа. IV в. до н. э. Мих-70, склеп № 108; *13*— венчик чернолакового лекифа. IV в. до н. э. Мих-69, кург. 9, № 1105; *14*— фрагмент чернолакового открытого сосуда. II в. до н. э. Мих-83, р. XIV, кв. 1, шт. 5, № 14

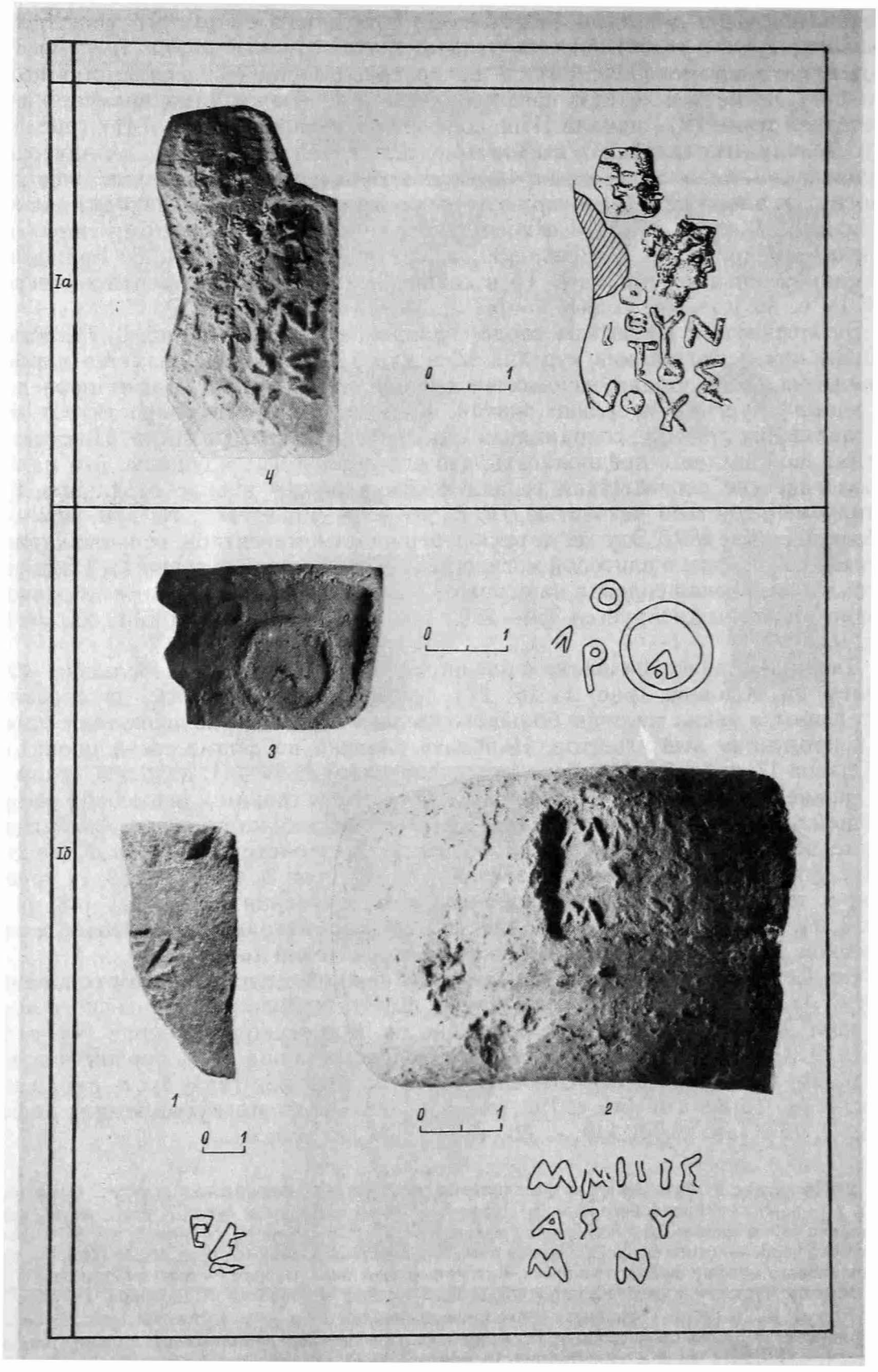


Рис. 3. Поселение и могильник у с. Михайловка. Клейма на амфорах. Слой Ia, Iб. *1*— клеймо на горле гераклейской амфоры. Третья четверть IV в. до н. э.; *2, 3*— клейма на ручках синопских амфор. Вторая половина IV в. до н. э.; *4*— клеймо на ручке синопской амфоры. Рубеж IV—III вв. до н. э.

Керамическая тара Пантикапея представлена одной ножкой с цилиндрическим стволом, расширенным основанием и неглубокой, но широкой выемкой на подошве (рис. 1, *28*) (аналогия [5, с. 95, табл. XVII, *34д*]), датируется концом IV— III в. до н. э. (слой Iа).

Венчик амфоры (рис. 1, *15*), вероятно, может быть отнесен к группе Солоха II [5, табл. XIX, *35з*]. Точное определение ножки (рис. 2, *14*) в настоящее время не представляется возможным (см. [46, с. 113, рис. 4, *6*]).

Фрагменты синопских амфор чаще встречаются в материалах поселения. В курганной группе найдены только три фрагмента ручек. Ножки встречены трех вариантов: подражающие гераклейским (рис. 3, *5*) (аналогия [5, табл. XIV, *30 в—г*), цилиндрические с расширенным основанием (рис. 4, *4*) (аналогия [47, с. 66, рис. 28, *1*]) и конусовидные суживающиеся (рис. 4, *7*) (аналогия [48, с. 136, рис. 58, *20*]). Первые две ножки можно, вероятно, датировать временем около IV — начала III в. до н. э., а третью — III—II вв. до н. э. К раннему типу синопских амфор принадлежит фрагмент раздутого горла с массивным валикообразным венчиком (рис. 4, *6*) (аналогия [49, с. 111, рис. 3]).

Коллекция синопских клейм, найденных на изучаемом памятнике, насчитывает три экземпляра. Все они являются подъемным материалом.

Первое клеймо (рис. 3, *2*), связываемое нами с культурным слоем Iб, принадлежит астиному Мнесию, деятельность которого, согласно Б. Н. Гракову [50, с. 44—46], протекала в начале II хронологической группы, а по схеме В. И. Цехмистренко [51, с. 7—9] — в 1-м этапе II периода синопского клеймения. Аналогичное клеймо найдено в Ольвии [2]

Второе клеймо с именем астинома Дионисия (рис. 3, *3*) также принадлежит ко II хронологической группе Б. Н. Гракова [50, с. 44—46] или к 1-му этапу III периода синопского клеймения по схеме В. И. Цехмистренко [51, с. 7—9]. Как и первое клеймо, оно связано со слоем Iб.

По нашему мнению [52, с. 214, 215], продолжительность II хронологической группы может равняться полувеку и охватывать всю вторую половину IV в. до н. э. [3] Соответствующую датировку можно принять и для двух публикуемых здесь синопских клейм.

Фрагменты фасосских (рис. 4, *2, 3*) и мендийских (рис. 4, *1*) амфор на Михайловском городище представлены известными формами, и их можно датировать на основании находок на поселении Козырка II первыми двумя третями IV в. до н. э. [45, рис. 10, *41—48*].

Опираясь на практическое отсутствие на памятниках, возникших в начале III в. до н. э., таких, как Танаис [55, с. 160], Неаполь Скифский [48, с. 135; 56, с. 78] и Елизаветинское городище I (Кубань) [42, с. 116], амфор Гераклеи, Фасоса, Менды, Хиоса с колпачковой ножкой, типа Солоха I и Солоха II, можно считать наличие амфор этих типов на поселении и в курганном могильнике надежным хронологическим признаком для выделения материалов IV— начала III в. до н. э.

С начала IV в. до н. э. (слой Iб) ввоз товаров в керамической таре в район городища у с. Михайловка возрастает количественно и охватывает большое число центров производства.

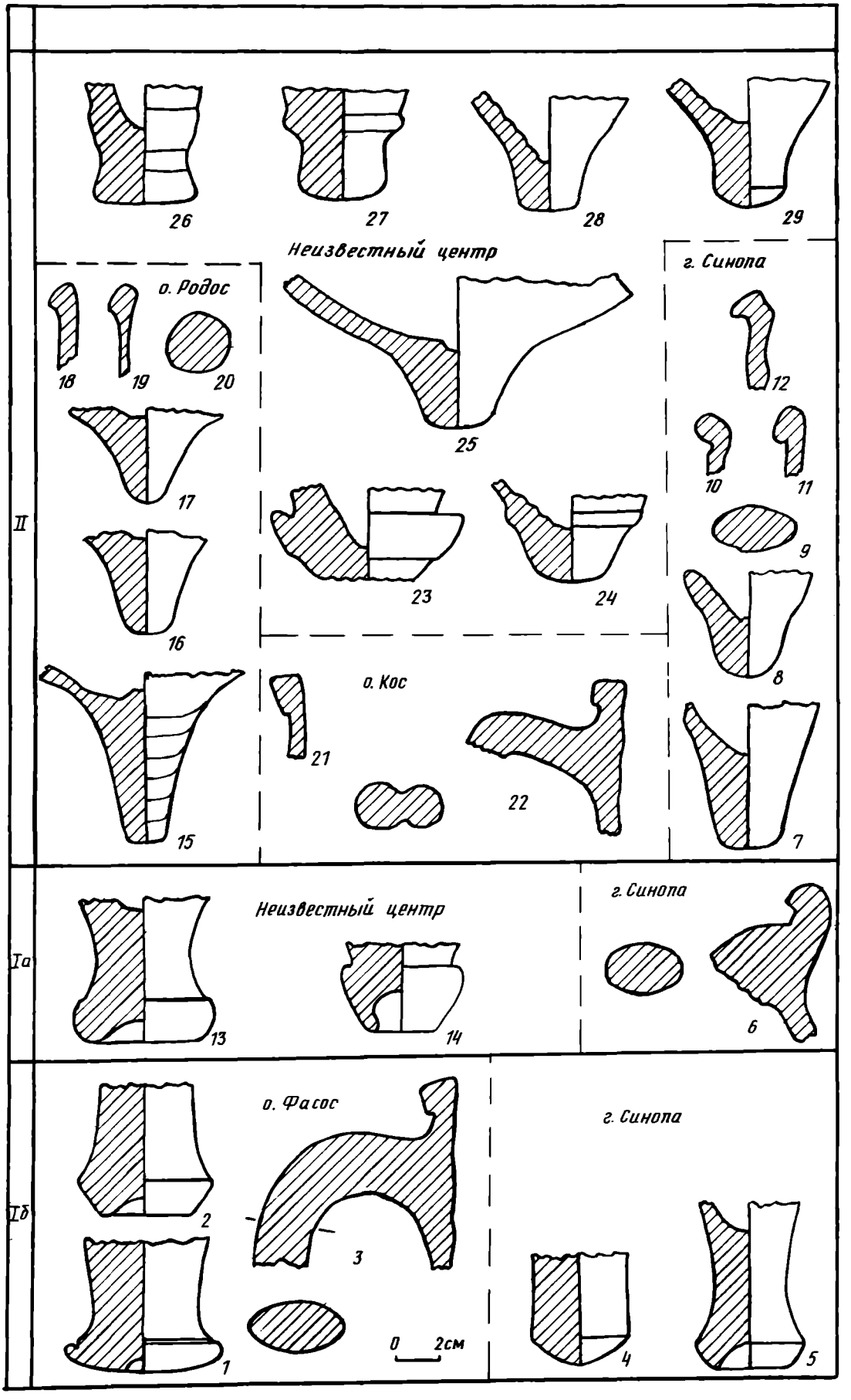
В конце IV в. до н. э. [3, 4] земли вокруг царской крепости, опустошенные во время междоусобной войны сыновей Перисада, были отданы Эвмелом переселенным на Боспор каллатийцам для поселения (Diod. XX. 25, *1*).

Для материалов III—II вв. до н. э. наиболее характерны фрагменты родосских амфор. Ножки встречены двух разновидностей: цилиндрические суживающиеся (рис. 4, *15*) и маленькие конусовидные, с плавно округленной подошвой

---

[2] IosPE, III, раздел «Синопа», № 5692. Рукопись третьего тома IosPE, подготовленная к печати Е. М. Придиком и Б. Н. Граковым, хранится в архиве ИА АН СССР, д. № р-2/2157—2198.

[3] Обзор других датировок синопского клеймения [53, с. 135—138] В 1985 г. новая датировка синопского клеймения была предложена А. Б. Колесниковым [54, с. 69].


II
Iа
Iб
26
27
28
29
Неизвестный центр
о. Родос
г. Синопа
18
19
20
25
12
17
10
11
9
23
24
16
8
о. Кос
21
22
15
7
Неизвестный центр
г. Синопа
13
14
6
о. Фасос
г. Синопа
2
3
1
4
5
0 2см

(рис. 4, *16, 17*); ближайшую аналогию последним дают ножки миниатюрных родосских амфор из Эрмитажа [5, табл. XXIV, *50а*]. Венчики в разрезе имеют форму треугольника (рис. 4, *18*) или прямоугольника (рис. 4, *19*) [57, с. 210, табл. II, *8*].

Ножки синопских амфор III—II вв. до н. э. невысокие (рис. 4, *8*) (аналогия [7, рис. 28, *1*]), ручки меньше в размерах (рис. 4, *9*) (аналогия [58, с. 74, 75]), венчики в разрезе имеют треугольную форму (рис. 4, *12*) или сформованы в виде отогнутого наружу валика с неглубокой выемкой под ним (рис. 4, *10*) или уплощенного валика с завернутым краем (рис. 4, *11*) [49, с. 111, рис. 4].

К слою Iа относится третье синопское клеймо (рис. 3, *4*), аналогичное найденному в Пантикапее [59, с. 136, № 18а]. Оно принадлежит астиному Борию. Б. Н. Граков [50, с. 46 сл.] различал двух астиномов, носивших это имя. Деятельность первого он относил ко II хронологической группе, а деятельность другого — к группе III. Последнего (к нему мы относим данное клеймо) отличали эмблемы в виде головы Гелиоса или Аполлона в лавровом венке. В. И. Цехмистренко [51, с. 7—9] считал этих астиномов одним лицом и помещал в 1-й этап IV периода синопского клеймения.

Согласно комплексам клейм из раскопок Елизаветинского городища и Танаиса, клейма III и IV хронологических групп не выходят за пределы первой половины III в. до н. э., при этом границей между группами может являться конец первой четверти этого столетия ([6, с. 96; 53, с. 139], ср. [54, с. 68, 69]). Во всяком случае, датировка публикуемого клейма первой четвертью III в. до н. э. не вызывает сомнений.

Публикуемое клеймо было дважды отпечатано на амфорной ручке: в его верхней части, ближе к ребру ручки, сохранились остатки полустертой эмблемы, а также буквы *ню* и *омикрон* из второй и третьей строк надписи соответственно. Ниже неудачный оттиск был уничтожен при наложении нового клейма.

По всей вероятности, факт вторичного наложения клейма свидетельствует о том, что в полисах, систематически клеймивших керамическую тару в позднеклассическое и эллинистическое время, качеству клейма придавалось большое значение: клеймо должно было быть четким и легко читаемым — во-первых, оно являлось знаком, представлявшим экспортируемые полисом товары на внешних рынках, а во-вторых, позволяло при необходимости установить как

Рис. 4. Поселение и могильник у с. Михайловка. Фрагменты амфор. Слой Iа, Iб, II. *1*— фрагмент ножки мендийской амфоры. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-69, кург. 14, № 1351; *2*— фрагмент ножки фасосской амфоры. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-69, кург. 17, № 1552; *3*— фрагмент венчика с ручкой фасосской амфоры. Первые две трети IV в. до н. э. Мих-69, кург. 17, № 1352; *4*— ножка синопской амфоры. IV— начало III в. до н. э. Мих-63, р. III, кв. 1, шт. 8; *5*— ножка синопской амфоры. IV— начало III в. до н. э. Мих-69, р. III, кв. 1, № 19; *6*— фрагмент горла с венчиком синопской амфоры. IV— начало III в. до н. э. Мих-83, р. XIV, кв. 1, шт. 4, № 7; *7*— ножка синопской амфоры. III в. до н. э. Мих-67, р. III, пом. XVI, шт. 5; *8*— ножка синопской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-75, р. III, кв. 368, шт. 1—3, № 12; *9*— ручка синопской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-65, р. III, кв. 14, шт. 7; *10*— венчик синопской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-78, р. III, кв. 365, шт. 3, зачистка завала; *11*— венчик синопской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-68, р. VII, шт. 9; *12*— венчик синопской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-79, р. X, бровка, № 152; *13*— ножка амфоры с цилиндрическим стволом и невысокой опоясывающей частью. IV в. до н. э. Мих-65, р. III, кв. 14, шт. 6; *14*— ножка амфоры типа усть-лабинской. IV в. до н. э. Мих-81, р. III, кв. 364, расчистка завала; *15*— ножка родосской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-70, р. III, пом. XVII, шт. 8, № 963; *16*— ножка родосской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-72, р. III, кв. 567, яма 4, шт. 2, № 9; *17*— ножка родосской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-63, р. III, кв. 3, шт. 4, № 54; *18*— венчик родосской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-78, р. III, кв. 551, шт. 3; *19*— венчик родосской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-65, р. III, кв. 16, шт. 9; *20*— ручка родосской амфоры. III—II вв. до н. э. Мих-65, р. III, кв. 14, шт. 4; *21*— венчик косской амфоры. II в. до н. э. Мих-65, р. III, кв. 15, шт. 7; *22*— венчик косской амфоры с ручкой II в. до н. э. Мих-68, р. III, кв. 2, шт. 5—6; *23*— ножка амфоры типа найденной в курганах Яблоновской группы. II в. до н. э. Мих-81, р. III, кв. 364, расчистка завала; *24*— ножка амфоры. II—I вв. до н. э. Мих-72, р. III, кв. 551, шт. 2—5; *25*— цилиндрическая суживающаяся ножка амфоры с широким корпусом. II—I вв. до н. э. Мих-72, р. III, яма 4, № 1; *26*— сложнопрофилированная ножка амфоры. II—I вв. до н. э. Мих-84, р. III, пом. XXI, шт. 9, № 23; *27*— ножка амфоры. II—I вв. до н. э. Мих-78, р. III, кв. 551, шт. 2—5, второй слой завала; *28*— цилиндрическая ножка амфоры. II—I вв. до н. э. Мих-69, р. I, кв. 3, шт. 12, № 205; *29*— цилиндрическая ножка амфоры с округлой подошвой. II—I вв. до н. э. Мих-69, р. II, кв. 3, шт. 13

имя мастера, изготовившего сосуд, так и имя магистрата, ответственного за контроль над продукцией керамических эргастериев. Следует отметить, что наш случай — не единственный пример вторичного наложения клейма на синопских амфорах [59, с. 125, № 12б, с. 134, № 5, с. 135, № 13 и др.].

Эмблема, оттиснутая на публикуемом клейме, по стилю изображения соответствует традициям античной иконографии, начиная с эпохи архаики, представлявшей Аполлона в виде длиннокудрого юноши с улыбкой на лице. Данный тип эмблемы, возможно, был заимствован из монетной глиптики (явление в синопских клеймах нередкое) [50, с. 103], а техника изображения дает возможность предполагать участие резчиков монетных штемпелей в изготовлении штемпеля для клеймения керамической продукции.

На публикуемом клейме эмблема, принадлежащая первому оттиску, не была уничтожена при вторичном наложении клейма. Изображение Аполлона лишь слегка приплюснуто и не очень тщательно заглажено. Возможно, этот факт свидетельствует о нежелании человека, ставившего клеймо, совершить святотатство, уничтожив изображение мстительного и беспощадного божества,— показательный пример античного суеверия.

Слой II (II—I вв. до н. э.) связывается нами со строительной деятельностью Асандра. Городище в это время входило в единую систему оборонительных сооружений на западных рубежах Боспорского царства (так называемый «Асандров вал»), но разбираемая нами керамическая тара, по всей вероятности, относится к раннему периоду этого слоя.

Косские амфоры, относящиеся к этому слою, представлены многочисленными двухствольными ручками и венчиками, имеющими в разрезе почти квадратную форму с закругленными углами (рис. 4, *22*) или трапециевидную (рис. 4, *21*).

Часть позднеэллинистической керамической тары нельзя в настоящее время связывать с определенными центрами производства. К этой группе относятся: цилиндрическая суживающаяся ножка амфоры с широким корпусом (рис. 4, *25*); две ножки, отделяющиеся от нижней части корпуса кольцеобразными валиками с «каплевидным» (рис. 4, *27*) или полусферическим (рис. 4, *24*) окончанием (аналогия [48, с. 130, рис. 58, *4*]). Ножка, имеющая сложную профилировку из валика и желобка под ним, с уплощенной подошвой (рис. 4, *26*) (аналогия [60, с. 154, рис. 71, *22*]) и цилиндрическая ножка с округлой подошвой (рис. 4, *29*) должны датироваться II—I вв. до н. э. Ножка, близкая к последней по форме и составу глины (рис. 4, *29*), находит аналогию по форме среди керамического материала Диоскуриады III—I вв. до н. э. [61, с. 166, рис. 3, 5].

Ко II в. до н. э. относится и ножка амфоры с расширенным основанием, типа найденной в курганах Яблоновской группы (аналогия [5, с. 107, табл. XXV, рис. 54, *д*), (рис. 3, *23*), а также фрагмент открытого чернолакового сосуда (рис. 2, *14*).

Публикуемые фрагменты амфор V—II вв. до н. э. (всего 115 фрагментов) и керамические клейма IV—III вв. до н. э., а также фрагменты чернолаковых сосудов отражают относительно небольшие размеры ввоза импортных товаров на городище у с. Михайловка в ранние периоды его существования через Пантикапей, Тиритаку или Нимфей. Незначительное количество материала V—II вв. до н. э. объясняется, в частности, тем, что слои этого времени в центральной части городища на холме были снивелированы при строительстве и последующих перестройках оборонительных сооружений и хозяйственных комплексов в дальнейшие периоды существования памятников. На раскопе III из 1988 найденных фрагментов профилированных частей амфор к V—II вв. до н. э. относится 71 (3,57%).

В римское время, согласно нашему предположению, высказанному в 1979 г. в докладе на заседании сектора античной археологии ИА АН СССР, на месте городища, возможно, располагался город Бион, что в какой-то мере подтверждается новейшими изысканиями в области исторической географии Боспора [62, с. 49].

Приложение 1

Описание амфорных клейм из раскопок поселения и курганной группы у с. Михайловка

Рис.	Дата клейма	Описание легенды клейма		Описание и цвет глины по шкале Бондарцева и размеров примесей по шкале Василевского	Место находки и № п/о	Аналогии
			Гераклея Понтийская			
3,*1*	Третья четверть IV в. до н. э.	Плохой сохранности		Глина буланого цвета (к 1), с пережогом бледно-терракотового (ж 4) оттенка, в центре — более рыхлая, с включениями средне- (*d* 0,5 мм) и мелкозернистого (*d* 0,25 мм) песка; обмазка темно-инкарнатного (в 4) оттенка	Мих-69 курган 11, № 1211	—
			Синопа			
3,*2*	Вторая половина IV в. до н. э.	Μνησ[ίος 'ασ[τυ]νό(μου). Μαν[έω.	Правая часть отбита	Глина бледно-терракотовая (ж 4), с включениями крупно- (*d* 0,1 мм) и мелкозернистых (*d* 0,25 мм) частиц пироксена, плотная; обмазка цвета шамуа (г 5)	Мих-64, п.м.	IosPE, III № 5692
3,*3*	Вторая половина IV в. до н. э.	Διονυσί]ου ['αστυνό(μου).] Τεύθ]ρ[α.	Круг, в центре А	Глина мраморно-розовая (м 2), с включениями крупнозернистых (*d* 0,1 мм) частиц пироксена и мелкозернистых (*d* 0,25 мм) частиц шамота, пористая; обмазка буланого (к 1) оттенка	Мих-63, кв. 2, п. м., № 169, 277	IosPE, III, № 2548
3,*4*	Рубеж IV—III вв. до н. э.	[⟨Βόρυος⟩] [⟨'αστυνόμου]ν — ⟩ [Βόρυος] [⟨τ]ο[ς.⟩ ['αστυνό]μουν — τος. [Στεφά]νου.	Голова Аполлона в венке в профиль	Глина бледно-терракотовая (ж 4) рыхлая с включениями мелко- (*d* 0,25 мм) и среднезернистых (*d* 0,5 мм) частиц пироксена, шамота, песка. В центре бледно-серовато-фиолетовый (а 5) пережог; обмазка ржавого (ж 1) оттенка	Мих-65, п. м.	IosPE, III, № 1911, ИАК, 1902, вып. 3, с. 136, № 18а

Примечание. В таблице использованы следующие сокращения: р.— раскоп, кв.— квадрат, п. м.— подъемный материал.

Приложение 2

Распределение фрагментов керамической тары V — начала I в. до н. э. на городище и в курганной группе у с. Михайловка

Центр или тип	Дата	Городище			Курганная группа		
		венчик	ручка	ножка	венчик	ручка	ножка
1. Клазомены	Начало V в. до н. э.		1				
2. Абдеры (типа протофасосских)	Первая половина V в. до н. э.			3			
3. Хиос	Вторая половина V в. до н. э.—		1	2	1		
	IV в. до н. э.			2			1

Центр или тип	Дата	Городище			Курганная группа		
		венчик	ручка	ножка	венчик	ручка	ножка
4. Гераклея	IV — начало III в. до н. э.	1	4	3	1	6	5
5. Тип Солоха I	IV в. до н. э.	1		1			
6. Тип Солоха II	IV в. до н. э.	1					
7. Пантикапей	Вторая половина IV — начало III в. до н. э.			1			
8. Менда	IV в. до н. э.						1
9. Фасос	IV в. до н. э.		2		2	2	1
10. Синопа	IV—II вв. до н. э.	3	7	5		3	
11. Типа Усть-Лаба	IV—III вв. до н. э.			1			
12. Родос	III—I вв. до н. э.	2	10	3			
13. Кос	III—I вв. до н. э.	2	25	1			
14. Типа Яблоновской	II в. до н. э.			1			
15. Неизвестный центр	IV—I вв. до н. э.			11			
Всего		10	49	34	3	11	8

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петерс Б. Г* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
2. *Петерс Б. Г* Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловка на Керченском полуострове // НЭ. 1978. Т. XII.
3. *Петерс Б. Г* Исследования Михайловской экспедиции // АО — 1983. М., 1985.
4. *Петерс Б. Г* О работах Михайловской экспедиции (1963—1983 гг.) // КСИА. 1985. Вып. 182.
5. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
6. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
7. *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии VI—III вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1981.
8. *Белов Г. Д.* Амфоры из некрополя Херсонеса V—III вв. до н. э. // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
9. *Деопик Д. В., Карапетьянц А. М.* Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
10. *Каменецкий И. С.* Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // МИА. 1969. № 154.
11. *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984.
12. *Бондарцев А. С.* Шкала цветов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
13. Справочник путешественника и краеведа. Т. II. М.: Географиз, 1950.
14. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964.
15. *Кругликова И. Т* Памятники эпохи бронзы из Киммерика // КСИИМК. 1952. Вып. 43.
16. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
17. *Худяк М. М.* Раскопки святилища Нимфея // СА. 1952. Т. XVI.
18. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат // СА. 1950. Т. XIII.
19. *Лейпуньска Н. О.* Класіфікація амфор архаічного часу з Ольвії // Археологія. 1980. Вып. 8.
20. *Онайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на Северо-Востоке Понта. М.: Наука, 1980.
21. *Dupont P* Classification et determination de provenance des ceramiques Greques orientales archaiques d'Istros (rapport preliminaire) // Dacia. 1983. N. S. T. XXVII. № 1—2.
22. *Doger E.* Premieres remarques sur les amphores de Clasomenes // BCH. 1986. Suppl. XIII.
23. *Книпович Т. Н.* Раскопки некрополя на территории северо-восточной части верхнего города Ольвии // СА. 1940. Т. VI.
24. *Книпович Т Н.* Некрополь северо-восточной части Ольвийского городища // СА. 1940. Т. VI.
25. *Граков Б. Н.* Клеймо на амфоре VI в. до н. э. // Тр. ГИМ. 1957. Т. XXVI.
26. *Худяк М. М.* Из истории Нимфея. VI—V вв. до н. э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
27. *Рубан В. В.* О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка. 1980.
28. *Рубан В. В.* Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея // СА. 1983. № 1.
29. *Dimitriu S.* Cartierul de lacuinte din zone de vest cetâtii in epoca archaica (câpâturi 1955—1966) // Histria. 1966. T. II, 30.
30. *Peristeri-Ototzi C.* Amphores et timbres amphoriques d'Abdere // BCH. 1976. Suppl. XIII.
31. *Ефимова Г М., Кожин П. М., Петерс Б. Г* Охранные работы на курганном могильнике у с. Михайловка // КСИА. 1972. Вып. 130.
32. *Рубан В. В.* О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
33. *Лейпуньска Н. О.* Амфори з затопленої частини Ольвії // Археологія. 1979. Вып. 30.

34. *Кобылина М. М.* Раскопки Фанагории // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
35. *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. // The Athenian Agora. 1970. V XII. Pt 2.
36. *Онайко Н. А.* Греческий импорт в Поднепровье и Побужье в IV—III вв. до н. э. // САИ. 1970. Вып. Д1-27.
37. *Рубан В. В.* Из истории приольвийских поселений Правобережья Бугского лимана IV—III вв. до н. э. // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1978.
38. *Рубан В. В.* О датировке поселения Козырка II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.
39. *Зеест И. Б.* О типах гераклейских амфор // КСИИМК. 1948. Вып. XXII.
40. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36.
41. *Книпович Т. Н.* Опыт характеристики городища у ст. Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИМК // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 104.
42. *Зеест И. Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией // МИА. 1951. № 19.
43. *Кац В. И., Монахов С. Ю.* Амфоры эллинистического Херсонеса (с поселения Панское I в Северо-Западном Крыму) // Античный мир и археология. Вып. 3. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977.
44. *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. № 64.
45. *Сальников А. Г* Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962) // МАСП. 1966. Вып. 8.
46. *Субботин Л. В., Охотников С. Б.* Скифские погребения Нижнего Поднепровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.
47. *Кругликова И. Т* Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 74.
48. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
49. *Зеест И. Б.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. 1951. № 2.
50. *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М.: РАНИОН, 1928.
51. *Цехмистренко В. И.* Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV—II вв. до н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1963.
52. *Авдеев А. Г., Петерс Б. Г* Заметки по керамической эпиграфике Феодосии // СА. 1987 № 3.
53. *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1975.
54. *Колесников А. Б.* Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского Маяка // ВДИ. 1985. № 2.
55. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1970.
56. *Голенцов А. С., Голенко К. В.* Из керамической эпиграфики Неаполя // КСИА. 1979. Вып. 159.
57. *Черняков И. Т.* Археологические разведки берегов Днестровского лимана // ЗОАО. 1960. Т. 1(34).
58. *Цехмистренко В. И.* Заметки о синопских клеймах // СА. 1971. № 3.
59. *Шкорпил В. В.* Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридат в г. Керчи в ноябре и декабре 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 3.
60. *Вязьмітіна М. І.* Золота балка. Киев: Наук. думка, 1962.
61. *Воронов Ю. Н.* К изучению керамического производства Диоскуриады // СА. 1977 № 2.
62. *Зубарев В. Г., Масленников А. А.* Историческая география европейского Боспора по Клавдию Птолемею // СА. 1987. № 3.

A. G. Avdeev, A. P Abramov, B. G. Peters

FUNCTIONAL DESCRIPTIONS OF CERAMIC CONTAINERS FROM THE VILLAGE OF MIKHAILOVKA

Summary

The authors publish pottery stamps, and profiles of amphora fragments and black-figure vessels of the 5th-2nd centuries B. C. found in the ancient settlement near the village of Mikhailovka (the Crimea, Leninskoe district). From the stratigraphic point of view the fragments belong to the following cultural layers: Iv (first half of the 5th century B. C.) — a landtilling settlement near Nymphaeum; Ib (the 4th-early 3rd centuries B. C.) — a royal fortress rased down in the internecine war of Paerisades I's sons; Ia (the 3rd-2nd cc. B. C) — a settlement of people from Callatis. There is a comparatively small number of fragments of amphorae, black-figure vessels and stamps since the layers were destroyed when fortresses were being erected in the Roman time. The material show that goods were shipped there from some Mediferranean (Chis, Thasos, Rodos, etc.) and Black Sea (Sinope, Heraclea) centres.

Н. А. ФРОЛОВА

ВТОРЖЕНИЯ ВАРВАРСКИХ ПЛЕМЕН В ГОРОДА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

На территории древнего Боспора найдено уже 32 клада боспорских монет. Хронологически эти клады разбиваются на две различные группы первых веков нашей эры. В первую группу входит 14 кладов монет, основой которых являются монеты I — начала III в. н. э., из них 7 кладов были зафиксированы еще Е. Е. Люценко, а остальные найдены в последние десятилетия.

1. Клад 1834 г. из Титоровки содержал около 300 боспорских медных монет, большая часть которых принадлежала Савромату II [1, с. 36].

2. Клад 1846 г. из Керчи с монетами Римиталка [1, с. 36].

3. В 1849 г. на берегу Лабы в станице Усть-Лабинской найден клад из 600 монет Савромата I, Котиса II, Римиталка, Евпатора, Савромата II, Рискупорида III и Котиса [1, с. 28; 2, с. 52—53, № 2; 3, с. 19].

4. В 1852—1853 гг. близ Анапы найдено более 100 монет боспорских царей I — начала III в. н. э. [1, с. 29; 2, с. 3; 3, с. 19].

5. Близ Керчи в 1863 г. найден клад из 25 монет царей Рискупорида III, Котиса III и Ининфимея [1, с. 10, № 5].

6. На горе Митридат в 1867 г. найден клад из 96 статеров Котиса II, Римиталка, Евпатора, Рискупорида III и Котиса III [1, с. 12, 13]

7 В 1868 г. на берегу Мертвого Донца, недалеко от Гниловского городища, найден клад из 200 статеров Савромата I и Евпатора [1, с. 53].

8. В 1871 г. в Керчи найдено около 500 монет Ининфимея, Рискупорида IV и Рискупорида V [1, с. 16, № 11].

9. В 1958 г. на Гниловском городище найден клад из 32 статеров Савромата II и Рискупорида III [4, с. 27]

10. В 1949 г. на территории древнего Нимфея найден кладик монет из статеров Евпатора (1 экз.) и Савромата II (9 экз.) [5, с. 61]

11. В 1960 г. в Краснодарском крае, около Краснобатарейского городища, найден клад боспорских золотых монет (89 экз.) Савромата I, Котиса II и Евпатора [4, с. 27].

12. В 1972 г. в станице Казанской, близ. г. Кропоткина Краснодарского края, найден клад статеров царей Боспора Савромата II (4 экз.) и 8 статеров Рискупорида III [6, с. 1].

13. В 1977 г. на территории Анапского археологического заповедника при зачистке стен помещения найден клад медных монет (33 экз.), принадлежащих чекану города Агриппии (2 экз.) и царям Боспора: Аспургу (5 экз.), Гепепирии (2 экз.), Котису I (2 экз.), Рискупориду (4 экз.), Савромату I (16 экз.), Котису II (2 экз.) [7, с. 87].

14. Анапский клад 1984 г. содержит монеты, хронологический разрыв между которыми составляет 170 лет — от 68 до 238 г. (рис. 1; 2). Например, в клад входят пять монет Савромата I (93—123 гг.), на двух из которых (Приложения № 3, 7) имеются клейма — голова. Септимия Севера. Кроме них клеймо с изображением головы Септимия Севера находится и на монете Римиталка (132—154) (рис. 1, *10*). Надчеканки были сделаны в правление Савро-

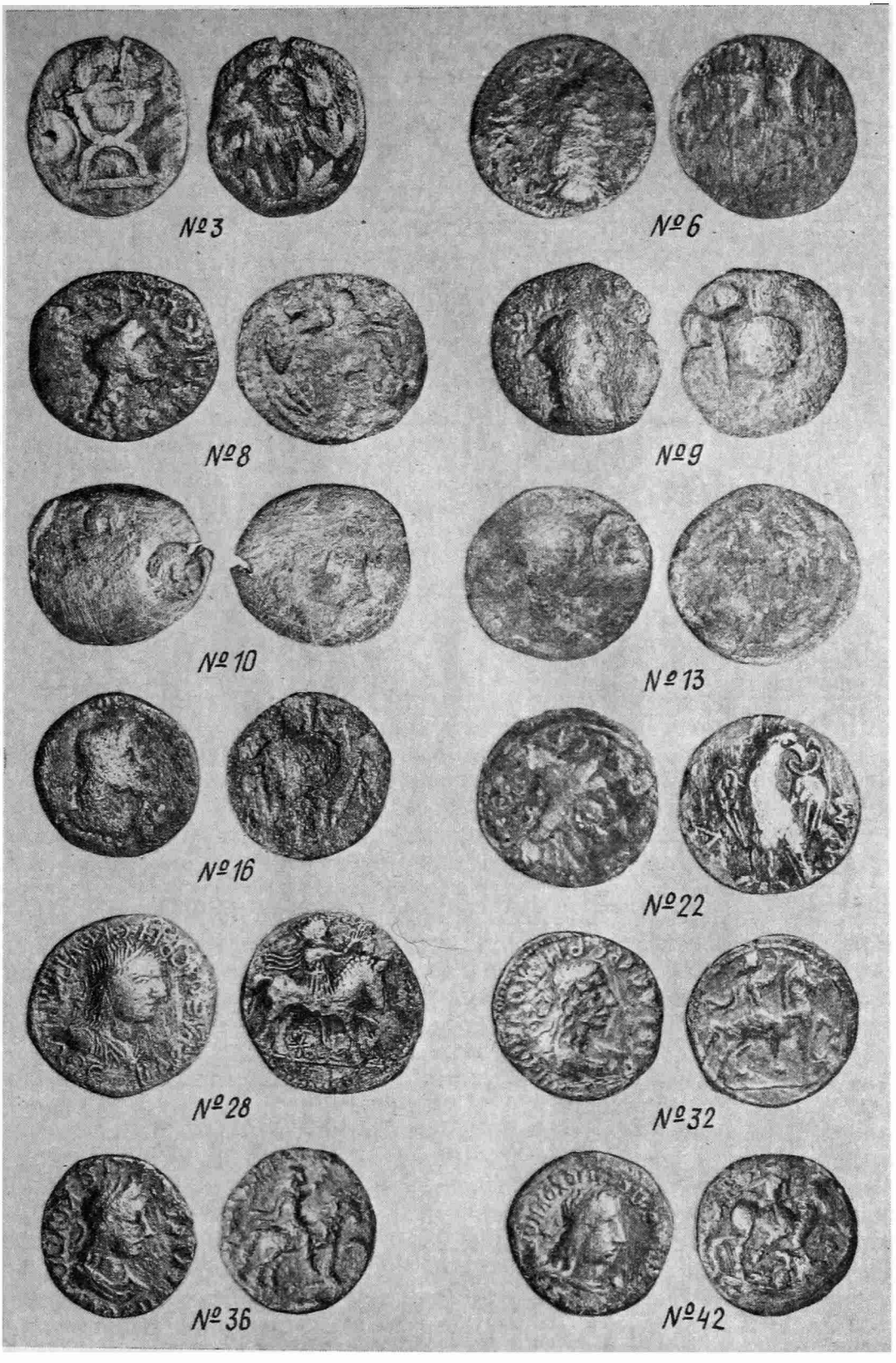


Рис. 1. Монеты царей Боспора 93—211 гг.

мата II (174—210), при проведении им реформы монетного дела в 186—210 гг., т. е. спустя 100 лет после эмиссий монет Савроматом I и Римиталком.

Возвращаясь ко второй группе кладов боспорских монет, следует отметить, что в нее входит 18 кладов. Все 18 кладов содержат статеры последних царей Боспора и относятся к середине III — первой половине IV в. н. э. Ниже приводится перечень второй группы кладов боспорских монет.

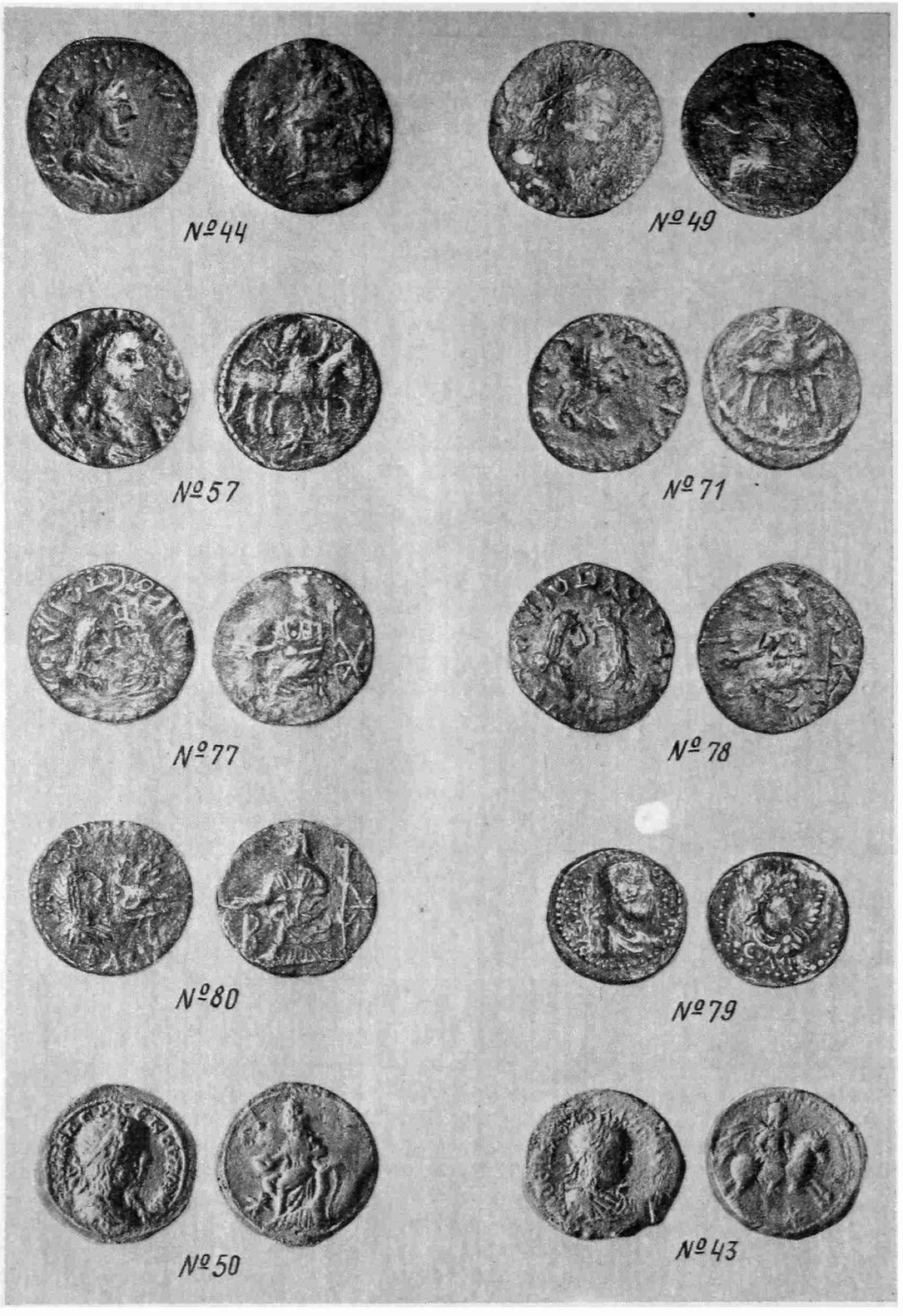


Рис. 2. Монеты царей Боспора 210—238 гг.

1. Клад из Патрэя 1969 г. (228 экз.) датируется 224—251 гг. [8, с. 89; 9, с. 10].

2. Таманский клад 1970 г. (44 экз.) состоял из статеров Рискупорида V. Клад относится к 242—252 гг. [10, с. 239—249].

3. Керченский клад 1964 г. содержал монеты 232—254 гг. [11, с. 86].

4. Клад боспорских статеров Рискупорида V из д. Семеновка 1957 г. [12, с. 134] датировался 242—267 гг.

5. Тиритакский клад позднебоспорских статеров 1937 г. (2093 экз.) охватывал период с 234 по 276 г. [13, с. 58; 14, с. 3—28]

6. Второй Патрэйский клад 1951 г. состоял из статеров царей Боспора (397 экз.), выпущенных с 275 по 326 г. [15, с. 198; 16, с. 223—289]

7. Феодосийский клад 1927 г. (135 экз.) датировался 286—328 гг. [17, с. 134—139].

8. Таманский клад 1958 г. содержит статеры Рискупорида V, Фарзанса, Савромата IV, Тейрана (198 экз.) и датируется 243—278 гг. [18, с. 343—345; 19, с. 9—13]

9. В Судакском кладе 1958 г. (1025 экз.) находились статеры боспорских царей Ининфимея, Рискупорида V, Фарзанса, Савромата IV, Тейрана и Фофорса. Клад относится к 238—291 гг. [19, с. 3—9; 20, с. 293].

10. Керченский клад 1961 г. (40 экз.) отнесен к 286—328 гг. [21, с. 268].

11. Таракташский клад 1908 г. (2000 экз.) датируется 211—237 гг. и имеет хронологический разрыв между ранними и поздними монетами более чем в 100 лет [22, с. 99—101].

12. Тиритакский клад 1946 г. (227 экз.) датировался ранее 276—332 гг. [23, с. 73—86], но присутствие в этом кладе монет Рискупорида VI 638 г. б. э., отнесенных ранее к 628 и 612 гг. б. э. [23, с. 81], дают возможность датировать клад временем от 276 до 341/342 г. [24, с. 52, 53]

13. Клад 1962 г. из Кеп (745 экз.), отнесенный его издателями ко времени 276—336 гг.]25, с. 72], следует определять временем 276—341/342 гг., так как в нем содержится 7 экземпляров статеров Рискупорида VI 638 г. б. э. = = 341 г. н. э. [25, с. 179, № 318—324]

14. Клад с Шум-речки Анапского р-на, найденный в 1972 г. [26, с. 172], содержит статер Рискупорида VI 638 г б. э. = 341 г. н. э., который и устанавливает крайнюю дату сокрытия клада и период обращения монет, входящих в этот клад: 286—341 гг. [24, с. 52—53; 27, с. 172—174]

15. Гайкодзорский клад 1977 г. (115 экз.) относится ко второй группе кладов позднебоспорских монет. К сожалению, при публикации клада не были указаны ни самые ранние монеты в кладах, ни самые поздние [28, с. 87]. Между тем самой ранней монетой является статер Фофорса 585 г. б. э. = 288 г. н. э. В клад входят и редкие статеры Фофорса 600 и 601 гг. б. э. = 303—304 гг. н. э., свидетельствующие о том, что в эти годы чекан не был прекращен на Боспоре [29, с. 44]. Это в свою очередь является еще одним доказательством в пользу того положения, что на Боспоре в правление Фофорса (285—308) не велась война с Римом и Херсонесом [30, с. 47—49], в то время как Б. Надэль, придерживающийся теории о междуусобной борьбе Боспора с Херсонесом и с Римом, упомянутой Константином Багрянородным в гл. 53 сочинения «Об управлении государством» (Const. Porph., De Adm. Imp., 53), использует предположение об отсутствии эмиссий монет на Боспоре в 300—308 гг. как факт, могущий подтвердить достоверность сведений о войне Рима, Боспора, и Херсонеса [31, с. 233; 32, с. 100—108]. Далее следует обратить внимание на то, что в Гайкодзорский клад 1977 г. входит статер Рискупорида VI 638 г. б. э. = 341 г. н. э., что осталось не отмеченным издателем. Статер 638 г. б. э. из Гайкодзорского клада представляет собой значительный интерес, так как еще раз свидетельствует об эмиссиях монет на Боспоре в 341 г. Гайкодзорский клад является четвертым кладом, в который входят статеры Рискупорида VI 638 г. б. э. = 341 г. н. э., даты на которых считались ошибками резчиков.

16. Илуратский клад 1976 г. содержит 66 экз. Датируется 242—267 гг. [19, с. 14—16; 33, с. 91—96].

17 Ильичевский клад 1977 г. (36 экз.) относится к 295—327 гг. [19, с. 16, 17]

18. Ильичевский клад 1975 г. (130 экз.) состоит из позднебоспорских монет царей Рискупорида V, Фофорса, Радамсада и Рискупорида VI. Кроме них в клад входили золотые солиды Юстиниана I. Клад датируется 262—565 гг. [19, с. 18—21; 34, с. 173].

Таким образом, 18 приведенных выше кладов представляют собой группу кладов, время сокрытия которых начинается с 251 г. По времени захоронения они образуют определенные группы, указывающие на определенные перемены, происходившие в истории Боспора и имеющие аналогии в истории многих городов римских провинций.

В первой группе из 14 кладов, как уже указывалось, семь кладов заканчиваются монетами 233—238 гг. Данное обстоятельство выявляет перерыв в чеканке монет на Боспоре с 239 по 242 г., замеченный еще ранее при изучении монетного дела и денежного обращения царей Боспора Котиса III (227—233), Савромата III (229—231), Ининфимея (234—238) и Рискупорида V (242—276) [35, с. 51—55]. То же подтверждает и Анапский клад 1984 г., самой поздней монетой в котором является статер Ининфимея 535 г. б. э. = 238 г. н. э. Именно на эти годы приходится прекращение чеканки монет в целом ряде греческих городов, обладавших правом автономной чеканки. Так, во Фракии из 19 городов, чеканивших монеты в римское время, три города (Анхилос, Аполлония Понтика и Траянополь) прекратили выпуски монет при Гордиане III (238—244) [36, с. 252, прим. 2]. Этот период прекращения эмиссий монет в городах Фракии находит соответствие в отсутствии чеканки статеров на Боспоре в 239—242 гг. В последующие годы во время правления Филиппа Младшего (244—249) еще три фракийских города (Адрианополь, Месембрия, Бизия) прекращают чеканку [36, с. 253, прим. 1]. Возможно, прекращение эмиссий вызвано тем, что в 242 г. варвары, среди которых называют аланов, перешли Дунай [37, с. 204]. При Галлиене (253—268) шесть городов Фракии (Византий, Делтум, Перинф, Филиппополь, Сердика, Августа, Траяна) прекратили эмиссии монет [36, с. 253, прим. 3; 38, с. 264]. После 268 г. во Фракии ни один город уже не чеканит монет [36, с. 253]. Аналогичное явление наблюдается на Боспоре, где после 268 г. в течение 7 лет нет выпусков статеров. Во второй группе кладов имеются два клада, в которых монеты 267 г. являются последними. Следовательно, за год до прекращения чеканки монет на Боспоре начали зарывать клады. Это явление повторилось вновь в 276, 278 и 291 гг. Подобная картина зафиксирована в провинции Мезия. После Гордиана III (238—244) перестают выпускать монеты Дионисополь и Истрия, расположенные на побережье [36, с. 254]. Томис и Каллатия прекращают чеканку при Филиппе Младшем (244—249). В 248 г. готы в союзе с карпами и левками напали на Нижнюю Мезию. После Галлиена (253—268) больше ни один город не чеканил монет. Возникшие в обеих провинциях новые места чеканок были уже монетными дворами Римской империи [36, с. 255]. Тщательно изученные материалы монетных дворов городов провинции Малая Азия свидетельствуют, что из 130 монетных дворов в период между 253—260 гг. остались функционировать только 25, в более поздний период число их не достигает и двух десятков [39, с. 149—154]. Ж. Р. Каллю приводит перечень греческих городов римских провинций, чеканивших свою монету, но прекративших эмиссии монет после 260 г., количество которых спустя 16 лет сводится к единице [40, с. 15, прим. 3] Интересно отметить, что прекращение чеканки статеров на Боспоре в 239—242, 258—260 и 268—274 гг., которое соответствует времени сокрытия кладов второй группы, находится в общей связи с историческим процессом постепенного прекращения функционирования монетных дворов греческих городов Римской империи, начиная с правления Гордиана III (238—244). Одной из причин сокращения и прекращения функционирования монетных дворов в городах римских провинций называли девальвацию антонинианов, обращавшихся в этих городах [41, с. 149]. Считалось, что антонинианы, будучи по своей металлической стоимости дешевле, нежели полноценная медная городская монета, сделали невыгодным чекан городской меди [41, с. 150]. Помимо этого, были высказаны и другие предположения, в частности полагали, что процесс закрытия монетных дворов в городах мог быть вызван ускоренным падением содержания серебра в денариях около 260 г., которое и привело к кризису денежного обращения в середине III в. [42, с. 97—98]. Ф. Хейхельхейм

заключал, что около 256 г. содержание серебра резко упало до 10 %. В последние годы Галлиена (253—268), а в особенности со времени Клавдия Готского (268—270) содержание серебра в денариях не превышало 1—5 %. Г Миквитц подсчитал, что общая ценность серебряной монеты упала при Клавдии (268—270) в 4 раза, при Аврелиане (270—275) в 5 раз, при последующих императорах в 10 раз [43, с. 51; 44, с. 249—290]. Следует отметить, что в соответствии с этими выводами находятся и данные о времени захоронения кладов второй группы позднебоспорских монет, большая часть сокрытия которых приходится на вторую половину III в. А. Альфельди считает, что кризис денежного обращения империи в III в. был вызван совокупностью названных причин наряду с войнами, постоянным передвижением войск, голодом и опустошением, потрясшими империю во время правления Галлиена (253—258) и Клавдия Готского (268—270). Нашествие готских племен, по его мнению, в начале этого кризиса было только второстепенным фактором [40, с. 481; 45, с. 419—421; 46, с. 66; 47, с. 2458—2462]. Кроме ухудшения имперской валюты, выпуски которой сделали дальнейшую чеканку монет провинциальными городами неэкономной и нерентабельной, факт закрытия провинциальных монетных дворов рассматривают как меру, направленную на преодоление финансового кризиса империи. В закрытии местных монетных дворов в городах римских провинций исследователи видят попытку Галлиена справиться с финансовым кризисом империи. Считают, что провинциальная чеканка, будучи в правовом отношении зависимой от Рима, являлась в это же время и городской и поэтому неконтролируемой, что могло в достаточной мере способствовать ухудшению финансового состояния империи [36, с. 251]. Но М. Саламон находит это предположение недостаточно аргументированным и заключает, что в основе этого кризисного явления лежат разрушительные походы готских племен [39, с. 147—148, прим. 12]. Наметив на географической карте города малоазийских провинций и пути готских и персидских походов, он пришел к выводу, что в ряде провинций, таких как Вифиния и Фригия, монетные дворы впервые прекратили функционировать в 258/259 гг. там, где прошли готы [39, с. 156, прим. 28], за исключением монетных мастерских двух городов. Одним из них был Кизик, избежавшей вторжения готов в 258/259 и 260 гг., а другим — Никея, сильно укрепленный город, находившийся под протекторатом Рима. Большинство городов Ионии [48, с. 14—15, прим. 4], Лидии, Фригии и Галатии прекратили чекан в 261 г., подвергшись длительному нашествию варварских племен [39, с. 156—159, карта, с. 155]. Точно так же прекратили чекан в 268 г. города Понта и Пафлагонии [49, с. 265] вследствие нападений готов и нарушения торгового обмена с государствами Крыма, пострадавшими от варварских походов 268 г. [39, с. 154, прим. 26, 27] Херсонес и Ольвия прекратили чекан своих монет еще до 268 г. Но последние выпуски монет в Херсонесе В. А. Анохин относит ко времени Галлиена (253—268), заключая, что Херсонес разделил судьбу большинства прежних городов, прекративших чеканку при этом императоре [50, с. 88, № 306—308, табл. XX, *306—308*]. Ольвия прекратила выпуск монет после 235 г. Серия медных монет с изображением последнего Севера и Юлии Мамеи завершает собой ольвийский чекан [51, с. 10; 52, с. 144; 53, с. 17—18; 54, с. 75; 55, с. 210] Гибель Ольвии и ранее связывали с нападением на границы империи готов и их многочисленных союзников в 30-х годах III в. [56, с. 206; 57, с. 27]. В последнее время мнение об окончательном упадке города Ольвии после 235 г. претерпело изменение. Исследование монетных находок в Ольвии дало возможность П. О. Карышковскому предположить, что город пережил наиболее опасный период кризиса 30-х годов III в., а погиб во время массового похода причерноморских племен против балканских провинций Римской империи в 269—270 гг. [58, с. 178, 179]. Последнее обстоятельство также согласуется с данными боспорских кладов второй группы, в которой наибольшее количество кладов приходится на период между 267—291 гг. (5 кладов). Из других античных городов Северного Причерноморья пострадали в первой поло-

вине III в. Танаис [59, с. 299—300] и Тира, являвшаяся далеко выступающим на северо-восток форпостом лимеса провинции Рима Нижней Мезии [60, с. 46—50; 61, с. 116, 121, 122]. Разгром Танаиса племенами готского союза, хорошо прослеживаемый археологически, относили к концу 40-х годов III в. [59, с. 299—301; 62, с. 102—104; 63, с. 82; 64, с. 49—55; 65, с. 93; 66, с. 38]. Но недавно зафиксированная находка в Танаисе боспорского статера 546 г. б. э. = = 249 г. н. э. Рискупорида V, по-видимому, может уточнить дату разрушения города и отнести ее ко времени после 249 г. [67, с. 52] Последние выпуски монет Тирой относили к 40-м годам III в. [52, с. 117], а прекращение чеканки связывали с готским нашествием 238 г., при котором город был основательно разрушен [68, с. 45—47], но жизнь в нем продолжалась, о чем бесспорно свидетельствуют данные археологии нумизматики [68, с. 50; 69, с. 90; 70, с. 80] В 30—40-е годы на территории Азиатского Боспора подверглись разрушению Горгиппия [71, с. 40; 72, с. 56—57; 73, с. 35] и Фанагория, которым также, судя по данным нумизматики и археологии, удалось пережить первый этап вторжения готов и союзных с ними племен. Находки в Горгиппии боспорских монет Ининфимея [74, с. 103], Рискупорида V и Рискупорида VI [74, с. 104] позволяют утверждать, что Горгиппия не была отторгнута от Боспора в 30—40-х годах III в., как полагали ранее [71, с. 40; 72, с. 56].

Итак, используя выводы авторов, занимавшихся исследованием причин кризиса империи середины III в., можно заключить, что причинами прекращения эмиссий статеров и на Боспоре являются не ухудшение содержания серебра в денариях и не девальвация антонинианов, которые не обращались на территории Боспора, а вторжение варварских племен на границы империи. Выявленные на Боспоре три периода, в продолжение которых эмиссий статеров на Боспоре не производилось: 238/239—241/242, 258—260 и 268—274 гг.— совпадают со временем прекращения чеканки во многих городах римских провинций: Македонии, Фракии, Мезии, Дакии, Ахайи, Вифинии, Понте и Пафлагонии, Мизии, Ионии, Лидии, Фригии, Карии, Писидии, Сирии, Египте [40, с. 15, прим. 3] Начало прекращения денежных эмиссий монет приходится на время правления Гордиана III (238—244), но большинство городов прекратило чекан во время правления Галлиена (253—268) [39, с. 160] Многим из этих городов не суждено было возродить чеканку автономных монет. Во второй половине III в. в некоторых все же были вновь открыты монетные мастерские, но это были уже государственные монетные дворы, чеканившие римско-имперские деньги [36, с. 255], необходимые для обеспечения нормального функционирования пограничных частей Римской империи. Из нумизматических данных ясно, что и Боспор смог противостоять нашествиям варваров и продолжить эмиссии своих монет, о чем наглядно свидетельствует состав денежного обращения Боспорского государства [19, с. 3—21] и, в частности, состав денежного рынка Горгиппии [74, с. 104—120; 75, с. 124—135]. Клады, найденные в Горгиппии и в ее окрестностях, относятся к двум разновременным группам. Первой группе (I в.— первые три десятилетия III в.) принадлежат два клада — 1977 и 1984 гг., второй группе (середина III — первая половина IV вв.) — два клада, найденные в окрестностях Горгиппии,— клад у Шум-речки 1972 г. и Гайкодзорский клад 1974 г., содержащие монеты Рискупорида VI 341 г. Обе группы кладов из Горгиппии подтверждают, что процессы, происходящие на Боспоре, находились в одной цепи событий, потрясших весь античный мир в середине III в. н. э.

В августе 1984 г. при археологическом исследовании строительного комплекса на территории Анапского археологического заповедника найден клад боспорских монет. Клад состоял из 105 медных монет и одного серебряного статера Ининфимея 535 г. б. э. = 238 г. н. э. Этот статер и определяет дату сокрытия клада — 238 г. В клад входили монеты следующих царей Боспора (рис. 1; 2): Рискупорида II (68/69—92/93) — 2 экз., Савромата I (93—123) — 5 экз., Котиса II (123—132) — 2 экз., Римиталка (132—154) — 6 экз., Савромата II (174—210) — 8 экз., Рискупорида III (211—226) — 32 экз., Котиса III (226—233) — 13 экз., Савромата III (229—231) — 7 экз., Рискупорида IV (233—234) — 2 экз., Ининфимея (234—238) — 27 экз. медных монет и 1 статер 535 г. б. э. = 238 г. н. э. (рис. 2, № 79).

Описание монет Анапского клада 1984 г.

	Описание	Литература	Вес, г
	Рискупорид II (68/69—92/93)		
1	Царь в позе победителя — головы царя и богини друг против друга	[76, табл. XXVII, *128*]	7,95
2	Курульное кресло — венок	[76, табл. XXVII, *122*]	9,54
	Савромат I (93—123)		
3	Курульное кресло — венок, клеймо — голова Септимия Севера	[76, табл. XXVIII, *165*]	5,73
4	Бюст царя — венок	[76, табл. XXVIII, *159*]	10,85
5	То же	То же	10,60
6	Бюст царя — Ника	[76, табл. XXVIII, *158*]	9,36
7	Бюст царя, клеймо — голова Септимия Севера — венок	[76, табл. XXVIII, *165*]	11,39
	Котис II (123—132)		
8	Бюст царя — венок	[76, табл. XXIX, *176*]	9,42
9	Бюст царя — оружие	[76, табл. XXIX, *172*]	4,69
	Римиталк (131—154)		
10	Курульное кресло, справа скипетр, слева щит и копье на л. с. голова Септимия Севера — венок	[76, табл. XXIX, *180*]	7,29 8,39 10,65
13—15	Бюст — венок, на л. с. клеймо — голова Септимия Севера	[76, табл. XXIX, *188*]	11,38 9,05; 8,60
16	Бюст, перед ним копье — оружие: щит с копьем, справа шлем, меч в ножнах, слева голова лошади и секира	[76, табл. XXI, *185*]	9,05
	Савромат II (174—210)		
17—23	Бюст царя — орел РМД	[76, табл. XXXI, *246—248*]	14,15; 10,92; 10,18; 9,58 (№ 20); 9,19; 9,20 (№ 22); 9,69
24	То же	[76, табл. XXXI, *249*]	7,59
	Рискупорид III (210—226)		
25	Бюст царя — всадник	[77, табл. XIII, *9*]	13,31
26	То же	[77, табл. XIV, *11*]	12,68
27	»	[77, табл. XIII, *12, 13*]	12,09
28	»	[77, табл. XIII, *1*]	12,06
29	»	[77, табл. XIII, *10*]	12,02
30	»	[77, табл. XIV, *11*]	11,31
31	»	[77, табл. XVIII, *5*]	10,91
32	»	[77, табл. XVII, *3*]	10,63
33—34	»	[77, табл. XIII, *13*]	10,29; 10,08
35	»	[77, табл. XIII, *1*]	9,95
36	»	[77, табл. XIII, *3*]	9,30
37	»	[77, табл. XVII, *6*]	9,29

	Описание	Литература	Вес, г
38	»	[77, табл. XV, *7*]	8,67
39	»	[77, табл. XVIII, *8*]	8,34
40	»	[77, табл. XVII, *9*]	8,25
41	»	[77, табл. XV, *12, 13*]	7,21
42	Бюст царя — всадник, под ногами коня фигура поверженного врага	[77, табл. XVI, *4*]	10,42
43	Бюст царя — всадник, скачущий вправо, с копьем в правой руке	[77, табл. XIII, *6*]	9,39
44	Бюст царя — богини на троне	[77, табл. XIX, *6*]	12,32
45—48	То же	[77, табл. XIX, *10*]	11,83; 10,59; 10,51; 9,40
49	Бюст царя — богиня на троне слева, в штемпеле голова Септимия Севера	[77, табл. XIII, *1*]	9,30
50—51	Бюст царя — богиня на троне	[78, табл. XIX, *1, 2*]	9,27; 9,24
52, 53	То же	[78, табл. XX, *5*]	8,90; 8,82
54—56		[77, табл. XXI, *5*]	8,62; 8,61; 8,03
	Котис III (227—233)		
57	Бюст царя — о. с.: всадник, рука в жесте адорации	[76, табл. XXXI, *293*]	10,05
58—60	Бюст царя — о. с.: богиня на троне	[79, табл. III, *9—12*]	8,93; 9,66; 7,12
61—69	Два бюста царя и богини друг против друга — богиня на троне	[76, табл. XXXI, *295*]	11,56; 10,77; 10,27; 9,41;
		[79, табл. V, *5—12*]	9,38; 9,28 (№ 66); 9,18 8,47; 7,35
	Савромат III (229—231)		
70, 71	Бюст царя — всадник, рука в жесте адорации	[80, рис. 14, *3*]	11,45; 10,80
72—76	Бюст царя — богиня на троне	[80, рис. 13, *3—12*]	11,58; 11,36 (№ 73); 10,89 (№ 74); 10,20 (№ 75); 7,34 (№ 76)
	Рискупорид IV (233—234)		
77, 78	Два бюста друг против друга — богиня на троне	[76, табл. XXXI, *309*; 81, табл. I, *9—11*]	9,63; 7,28
	Ининфимей (234—238)		
79	Статер Л. с.: ΒΑCΙΛΕΩC ININΘIMHYOY бюст царя вправо — бюст императора вправо, перед ним палица, внизу дата ΕΛΦ — 535 г. б. э.=238 г. н. э.	[81, табл. I, *11—18*]	7,48
80	Бюст царя — орел на молнии — богиня на троне	[81, табл. III, *4—8*]	8,52
81—106	Бюсты царя и богини друг против друга — богиня на троне	[81, табл. V, *1—19*; VI, *1—20*]	8,76; 8,45 8,32; 7,31 7,91; 7,51 7,50; 6,88 6,03; 8,74 8,71; 8,31 7,56; 6,99 6,86; 9,50 9,34; 8,93 8,02; 7,29 6,98

ЛИТЕРАТУРА

1. *Люцепко Е. Е.* Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах и частью в Новороссийском крае на юге России // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 28. Д. 29.
2. *Зограф А. Н.* Находки античных монет на Кавказе // ТОНГЭ. I. Л., 1945.

3. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. V. Баку, 1949.
4. *Фролова Н. А.* Денежное обращение Боспора в 45—234 гг. н. э. // НиСф. 1974. Вып. 5.
5. *Голенко К. В.* Монеты из раскопок Нимфея 1939—1970 гг. // НЭ. 1974. Т. IX.
6. *Анфимов Н. В.* Клады боспорских монет, найденные в Краснодарском крае // Тез. докл. археологической конференции ИА АН СССР, посвященной полевым исследованиям 1972 г. М., 1972.
7. *Нестеренко Н. Д.* Клады Горгиппии // КСИА. 1981. Вып. 168.
8. *Сокольский Н. И., Стручалина Р. А., Голенко К. В.* Третий Патрэйский клад // Античный мир и археология. Вып. 2. Саратов, 1974.
9. *Голенко К. В.* Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э. // НЭ. 1978. Т. XII.
10. *Голенко К. В.* Таманский клад монет // Klio. 1972. B. 54.
11 *Голенко К. В.* Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1954 г. // ВДИ. 1970. № 2.
12. *Кругликова И. Т.* Клад боспорских статеров III в. н. э. из деревни Семеновка // СА. 1958. № 3.
13. *Зограф А. Н.* Тиритакский клад // КСИИМК. 1940. Вып. VI.
14. *Брабич В. М.* Боспорский клад статеров III в. н. э. из Тиритаки // Тр. ГЭ. 1967. Т. IX.
15. *Голенко К. В.* Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе // СА. 1957. № 2.
16. *Голенко К. В.* Второй Патрэйский клад монет (1951 г.) // НЭ. 1960. Т. I.
17. *Шелов Д. Б.* Феодосийский клад боспорских статеров // ВДИ. 1950. № 2.
18. *Кунин В. Э.* Монетный клад с Таманского полуострова // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь, 1962.
19. *Фролова Н. А.* Клады позднебоспорских монет как исторический источник // НС ГИМ. 1983. Ч. 8.
20. *Шульц П. Н.* Судакский клад 1958 г. Предварительное сообщение на секции нумизматики в 1961 г. // СА. 1961. № 4.
21. *Голенко К. В.* Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г. // Византийский временник. 1967. Т. XXVII.
22. *Стевен А.* Тараканташский клад // ИТУАК. 1909. Вып. 43.
23. *Харко Л. П.* Тиритакский монетный клад 1946 г. // ВДИ. 1949. № 2.
24. *Фролова Н. А.* О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. 1975. № 4.
25. *Голенко К. В., Сокольский Н. И.* Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. Т. VII.
26. *Фролова Н. А.* Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг. // ВДИ. 1981. № 1.
27. *Салов А. И.*. Клад III—IV вв. с Шум-речки (Анапский район) // СА. 1975. № 3.
28. *Нестеренко Н. Д.* Клады Горгиппии // КСИА. 1981. Вып. 168.
29. *Фролова Н. А.* Монетное дело Фофорса (285—308 гг. н. э.) // СА. 1984. № 2.
30. *Frolova N. A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 242—341/342. Oxford, 1983.
31. *Надэль Б. И.* Из политической истории Боспорского царства в Крыму в начале IV в. н. э. // Acta Antiqua. Academiae Scientiarum Hungaricae. T IX. Fas. 1—2. Budapest, 1961.
32. *Nadel B.* Literary tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the time of the Emperor Diocletian Reconsidered // Centre de Recherches d'Histoire Ancienne. V 25. Dialogues d'histoire ancienne, 1977. Annales Letteraires de l'universiteté de Besançon. P., 1977
33. *Фролова Н. А., Шургая И. Г* Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. 1982. № 1.
34. *Фролова Н. А., Николаева Э. Я.* Ильичевский клад монет 1975 г.// Византийский временник. 1978. Т. 39.
35. *Frolova N. A.* The Coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 69—238. Oxford, 1979.
36. *Schönert-Geiss E.* Das Ende der Provinzialprägung in Thrakien und Mösien // Klio. 1968. B. 50.
37. *Schmidt L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. B., 1910.
38. *Schönert-Geiss E.* Die Münzprägung von Perinthos. B., 1965.
39. *Salamon M.* Przyczyny zaniku Mennic Miejskich w Azji Mniejszej w drugiej Polowie III w. n. e.// Wiadomości Numizmatyczne. 1970. XIV. 3 (53).
40. *Callu J. P.* La politique Monétaire des Empereurs Romains de 238—à 311. P., 1969.
41. *Marke A.* Das Provinzialcourant unter Claudius II Goticus // NZ. 1901. B. XXXII.
42. *Heichelheim F.* Zur Währungskisis des römischen Imperium im Jahrhundert nach chr // Klio. 1932. B. XXVI.
43. *Mickwitz G.* Geld und Wirtschaft im Römische Reich. Commentationes Hunnarum Litterarum. T. III. Helsingfors, 1936.
44. *Bolin S.* State and Currency of the Roman Empire. Stockholm, 1959.
45. *Alföldi A.* Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3 Jahrhundert nach Chr. Darmstadt, 1977.
46. *Damerau P.* Kaiser Claudius II Goticus // Klio. 1934. B. XXXIII.
47. *Henze W.* Claudius Goticus // RE. 1896. B. II.
48. *Schultz S.* Die Münzprägung von Magnesia ad Mäander in Römischen Kaiserzeit. B., 1975.
49. *Imhoof-Blumer F.* Zur Münzkunde des Pontos, von Paphlagonien, Tenedos, Aiolis und Lesbos // ZfN. 1897. B. XX.
50. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1977.
51. *Зограф А. Н.* Римские монеты в Ольвии // Изв. ГАИМК. 1930. Т. VI. Вып. 4.
52. *Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
53. *Зограф А. Н.* Монеты Тиры. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
54. *Карышковский П. О.* Находки монет Римской империи в Ольвии // НиСф. 1965. Вып. 2.

55. *Schmidit L.* Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. B., 1910.
56. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. М.: Изд-во иностр. лит., 1949.
57. *Rappaport B.* Die Einfälle der Goten in das Römische Reich. Leipzig, 1899.
58. *Карышковский П. О.* Из истории поздней Ольвии // ВДИ. 1968. № 1.
59. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
60. *Фурманская А. И.* Античный город Тира // Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
61. *Златковская Т Д.* Мезия в I и II вв. н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
62. *Болтунова А. И.* Танаисская надпись IOSPE II, 454 // ВДИ. 1950. № 3.
63. *Шелов Д. Б.* Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
64. *Шелов Д. Б.* Сарматы и гунны в Нижнем Подонье // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXVI. Budapest, 1978.
65. *Арсеньева Т М.* Раскопки Танаиса в 1973—1976 гг. // КСИА. 1978. Вып. 156.
66. *Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.* Работа Нижнедонской экспедиции в 1970—1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 143.
67 *Шелов Д. Б., Анисимов А. И.* Находки монет в Танаисе в 1973—1980 гг. // НЭ. 1984. Т. XIV
68. *Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Раскопки Тиры в 1963 и в 1965—1976 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев: Наук. думка, 1979.
69. *Карышковский П. О., Коциевский А. С.* Античные монеты из раскопок Тиры // Античная Тира и Средневековый Белгород. Киев: Наук. думка, 1979.
70. *Карышковский П. О.* Из истории Тиры в первой трети III в. н. э. // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев: Наук. думка, 1980.
71. *Кругликова И. Т* Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966.
72. *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. Вып. 158.
73. *Кобылина М. М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
74. *Кругликова И. Т., Фролова Н. А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1967—1972 гг. // Горгиппия. I. Краснодар, 1980.
75. *Фролова Н. А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1973—1977 гг. // Горгиппия. I. Краснодар, 1980.
76. *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Т. I. Одесса, 1884.
77 НЭ. XIII. М., 1980.
78. НЭ. III. М., 1962.
79. *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора в правление Котиса III (227—233) // СА. 1973. № 3.
80. *Фролова Н. А.* Монеты Савромата III (229—231 гг. н. э.) // КСИА. 1973. Вып. 133.
81. *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора при Рискупориде IV (233—234 гг. н. э.) в Ининфимее (234—238 гг. н. э.) // СА. 1974. № 1.

N. A. Frolova

NUMISMATIC DATA ON BARBARIAN INVASIONS IN NORTHERN PONTIC CITIES

Summary

An analysis of 32 hoards of Bosporan coins minted between I—IV A. D. 301 and the 300s revealed gaps in coin emissions dated to 239—242, 258—260 and 268—274. The same has been registered in other Roman provinces: Macedonia, Thracia, Mysia, Dacia, Achaia, Bithynia, Pontus, Paphlagonia, Moesia, Ionia, Phrygia, Caria, Pisidia, Syria and Egypt. Emission stopped under Gordian III (238—244) and reached its peak under Gallenus (253—268). Similar gaps occurred in Chersonesus and Olbia. These gaps were caused by Barbarian invasions into the Roman Empire.

П. А. РАППОПОРТ

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ БРУСКОВОГО КИРПИЧА НА РУСИ

Вопрос о времени появления на Руси брускового кирпича на первый взгляд может показаться частным и маловажным. Однако в действительности с этим вопросом связаны очень существенные процессы в развитии древнерусского зодчества и даже шире — в истории культуры Древней Руси.

В отличие от плинфы, имеющей византийское происхождение, брусковый кирпич — кирпич романский. Он отличается от плинфы своими пропорциями: он значительно у́же и толще. На одной из постелей брусковые кирпичи часто имеют продольные борозды, проведенные пальцами, отчего такие кирпичи иногда называют «пальчаткой». В дореволюционной литературе брусковые кирпичи порой относили к эпохе Киевской Руси и датировали XI в. [1, с. 5] Позднее, когда стало ясно, что в домонгольской Руси единственным типом кирпича была плинфа, брусковый кирпич стали называть «литовским» кирпичом, поскольку на Руси он был характерен для зодчества тех земель, которые входили в состав Великого княжества Литовского. Полагали, что появился такой кирпич в русских землях в XIV или XV в. Однако вскоре выяснилось, что брусковый кирпич появился значительно раньше. Об этом свидетельствует несколько хорошо датированных построек второй половины XIII в., в частности башня в Каменце [2, с. 209]. Установилось мнение, что водораздел между плинфой и брусковым кирпичом проходит в середине XIII в. и совпадает с резкими изменениями зодчества, связанными с монгольским вторжением. Такое предположение казалось хорошо соответствующим как фактическим данным, так и общеисторическим соображениям.

Тем более неожиданным было открытие М. К. Каргером брусковых кирпичей в жилищах, погибших при взятии Киева монголами в 1240 г. При раскопках 1946 г. брусковые кирпичи были найдены в одном жилище (на Б. Житомирской ул.), а в 1948—1949 гг.— еще двух (на территории бывш. Михайловского монастыря и близ Десятинной церкви) [2, с. 211; 3, с. 7; 4, с. 331]. М. К. Каргер отметил, что этот факт нисколько не подрывает доверия к датировке раскопанных жилищ, но зато меняет наши представления о времени появления «литовского» кирпича. В киевских жилищах кирпичи оказались использованными при устройстве печей, но производились они, конечно, не для этой цели. Известны многочисленные случаи, когда при постройке храмов некоторое количество плинф (возможно, бракованных) жители использовали в жилищах для устройства печей. Очевидно, что и брусковые кирпичи, найденные в раскопанных жилищах, также изготавливались для постройки какого-то кирпичного здания.

Археологическими раскопками в Киеве обнаружены две постройки, в кладке которых применены совместно брусковые кирпичи и плинфы. Таковы Ротонда, раскопанная в 1975—1976 гг. (П. П. Толочко и Я. Е. Боровский) [5, с. 96], и церковь в Нестеровском переулке, раскопанная в 1967 г. (П. П. Толочко) [6, с. 85] На этом основании некоторые авторы выдвинули предположение, что такая техника, т. е. применение одновременно двух различных типов кирпича, была характерна для киевского зодчества предмонгольской поры. Это предположение не может быть принято. Кладка из плинфы и кладка из брускового

кирпича совершенно различны. Они отличаются не только форматом кирпича, но и системой перевязки швов и характером раствора, т. е. отвечают разным строительным традициям. Между тем строительная техника в эпоху средневековья — характерная устойчивая черта, отмечающая деятельность определенных групп мастеров. Поэтому применение разных типов кирпича в одной постройке может быть объяснено только двумя причинами: либо это плинфяная постройка, позднее сильно перестроенная брусковым кирпичом, либо это постройка, исполненная из брускового кирпича, но с использованием плинф, взятых из какого-то более раннего разобранного здания. Киевская Ротонда несомненно относится к первому варианту: это было здание, первоначально целиком возведенное из плинфы, судя по ее формату, в 70—80-х гг. XII в. [7, с. 10]. Позднее, после какой-то катастрофы, здание полностью перестроили, причем из круглого его превратили в многоугольное [8, с. 184]. Раствор перестроенной части Ротонды не известково-цемяночный, а известково-песчаный.

Брусковые кирпичи были обнаружены в Киеве еще в нескольких постройках домонгольского времени, но уже совершенно явно как материал более поздних перестроек. Так, подобные кирпичи находили в ремонтных кладках Успенского собора Печерского монастыря, взорванного во время Великой Отечественной войны [9, с. 148]. Из брускового кирпича были возведены дополнительные внутренние стенки-перегородки в церкви, раскопанной на Вознесенском спуске [7, с. 18] [1] Кроме самого Киева, применение брусковых кирпичей в плинфяных постройках отмечено в Переяславле, например при раскопках Михайловского собора [7, с. 33]. Там же в Переяславле брусковые кирпичи обнаружили в гражданской постройке [11, с. 210]. Наконец, сочетание брускового кирпича и плинфы выявлено при раскопках небольшого храма в г. Белая Церковь (древний город Юрьев) [2]. Размеры брусковых кирпичей указанных памятников приведены в таблице, 1—10.

Датировка брусковых кирпичей по их формату пока еще слабо разработана. Однако в пределах столетия такие кирпичи все же определяются достаточно уверенно. Кирпичи второй половины XIII в., судя по более или менее точно датированным памятникам, имеют в длину 25—27 см, а в ширину не более 13,5 см, при толщине 8—9 см (таблица, 11—15). В XIV в. длина кирпичей увеличивается: обычно они имеют не менее 27 см в длину и 12—13 см в ширину. Если с такой меркой обратиться к кирпичам, найденным в Киеве в Переяславле, то окажется, что они должны относиться ко времени не позднее, а, может быть, даже раньше, чем вторая половина XIII в., поскольку их длина 23—26, ширина 9,5—12 и толщина от 7,5 до 10 см. Единственным исключением является часть кирпичей одного из киевских жилищ, где толщина равна всего 5—6,5 см. Можно было бы предположить, что это вообще не брусковые кирпичи, а толстые узкоформатные плинфы, однако на них имеются борозды, характерные именно для брусковых кирпичей. В киевской Ротонде кроме размеров кирпича датирующим признаком может служить вендская (иначе — балтийская) система кирпичной кладки, характерная для XIII в. и не встречающаяся позже середины XIV в.

Очень сомнительны по дате кирпичи из Белой Церкви. Судя по толщине (6,5—7,5 см), они могут относиться к XV—XVI вв., хотя их длина и ширина соответствуют кирпичам XIII в.

В Успенском соборе Печерского монастыря кроме ранних брусковых кирпичей были найдены в большом количестве и более крупные кирпичи, связанные с различными ремонтами и перестройками здания. При это кирпичи, имеющие

---

[1] Размер кирпичей приведен по статье П. А. Лашкарева [10, с. 102], в которой отмечено, что таких кирпичей было «огромное количество», очевидно они происходили не только от внутренних стенок.

[2] Раскопки Р. С. Орлова и В. А. Булкина в 1983 г. Судя по формату кирпича и учитывая церковно-политическую обстановку, можно полагать, что здание было построено в первой половине 80-х годов XII в.

№	Памятник	Размеры брусковых кирпичей, см		
		длина	ширина	толщина
	Киев			
1	жилища на усадьбе Михайловского монастыря	?	11—12	8—10
2	там же	23—24	10—12	5—6,5
3	жилище близ Десятинной церкви	?	10,5—12	7,5—9,5
4	Ротонда	25—26	12	7,5—8
5	церковь в Нестеровском пер.	24,5—25	11—12	9
6	церковь на Вознесенском спуске	26,6	Не более 12	Не менее 7,5
7	Успенский собор Печерского монастыря	25	10—13	8,5—9,5
	Переяславль			
8	Михайловский собор	24—25	9,5—11	8—8,5
9	гражданская постройка	23,5—25,5	9,2—11	8—8,4
10	Белая Церковь	24,5—26,5	11—11,5	6,5—7,5
11	Каменец, башня	26,5	13,5	8
12	Черторыйск, башня	26—28	11,5—13,5	7,5—8,5
13	Любомль, Георгиевская церковь	25—26	11—12	8—9
	Владимир-Волынский			
14	Михайловская церковь	25—26	12—13	8—9
15	Васильевская церковь	26—27	12—13	8—9

размер 27—27,5×7—7,5 см, видимо, относятся к ремонтам, исполненным в XV в. при князе Симеоне Олельковиче [9, с. 148].

Таким образом, выясняется, что ранние брусковые кирпичи, обнаруженные в Киеве и Переяславле, с большой долей уверенности можно датировать XIII в., причем более вероятно — его первой половиной. Но известно, что после взятия монголами в 1240 г. Киев долгое время находился в крайнем запустении. Францисканец Плано Карпини, видевший Киев в 1246 г., писал, что город «теперь сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они (т. е. монголы.— *П. Р.*) в самом тяжелом рабстве» [12, с. 25] Трудно предположить, чтобы сразу же после разгрома, учиненного монголами, здесь производились достаточно серьезные строительные работы. Очевидно, что не только в жилищах, раскопанных М. К. Каргером, но и в других сооружениях (или, во всяком случае, в значительной их части) ранние брусковые кирпичи, найденные в Киеве, относятся к домонгольскому времени.

Когда же и при каких обстоятельствах начали применять в Киеве брусковые кирпичи? Для решения этого вопроса необходимо рассмотреть пути развития киевского зодчества, начиная с рубежа XII и XIII вв. В конце XII в. в киевском зодчестве произошел резкий перелом. Сохранившиеся традиционные строительно-технические особенности и ряд характерных типологических черт свидетельствуют, что строительная организация здесь продолжала работать та же, что и раньше, но архитектурные формы и даже сам образ храма приобрели совершенно новые качества. Сложилось новое архитектурное направление. Оно было подготовлено всем предшествующим развитием и вполне соответствовало тем крутым изменениям, которые произошли в зодчестве и в других русских землях [13, с. 12]. В Киевской земле этот перелом был, видимо, связан с деятельностью ярко талантливого зодчего, того Петра-Милонега, о котором с восторгом упоминал летописец, сравнивая его с библейским зодчим Веселиилом. Будучи придворным зодчим князя Рюрика Ростиславича, он построил для него церковь Апостолов в Белгороде (1197 г.) и церковь Василия в Овруче, а затем Пятницкую церковь в Чернигове. Очень вероятно, что строительство Пятницкой церкви было связано с тем, что в 1211 г. князь Рюрик лишился Киева и получил взамен Чернигов. Вскоре Рюрик умер, и блестящая киевская строительная артель осталась в распоряжении черниговских князей. Артель эта продолжала интенсивно работать в Чернигове и особенно в Северской земле до самого монгольского вторжения.

В Киеве резкое ослабление политического авторитета князей не создавало благоприятных условий для ведения крупного монументального строительства. Очевидно, здесь оставалась лишь небольшая группа строителей, осуществлявшая в первые два десятилетия XIII в. очень скромные по масштабу работы. Так, к этому времени предположительно можно отнести те маленькие четырехстолпные одноапсидные храмики, которые были вскрыты раскопками,— церковь Гнилецкого монастыря и Малый храм в Белгороде [7, с. 27, 29]. К этому же времени, возможно, относится и та небольшая постройка (видимо, церковь), остатки которой были обнаружены при раскопках в Киеве на Подоле, на углу улиц Нижний Вал и Волошской [3] Наконец, не исключено, что кирпичной (т. е. из плинфы) была возведена и та церковь Воздвижения, которая упомянута в поздних летописях как построенная в 1212 г. по заказу князя Мстислава Мстиславича [7, с. 114] Скоро строительство в Киеве, по-видимому, вообще прекратилось. Таким образом, накануне монгольского вторжения Киев остался без строителей.

В 1230 г. в Среднем Поднепровье произошло сильное землятрясение. При этом серьезно пострадали некоторые киевские здания. Так, Успенский собор Печерского монастыря «на четыре части расступися» [14, 6737 г.] Разрушение коснулось и переяславльских построек: Михайловский собор «расседеся надвое и паде перевод с кровлею з комар» [14, 6738 г.]. Нужно было срочно восстанавливать монументальные здания, и прежде всего храмы, а для этого требовалось пригласить в Киев какую-либо строительную артель. Очевидно, тогда и прибыли те строители, которые принесли с собою романскую кирпичную технику — брусковый кирпич и известково-песчаный раствор. В происхождении приехавших мастеров сомнений нет: совершенно идентичную технику можно в это время видеть в юго-восточной части Польши, куда такой вариант кирпичной техники был незадолго до этого занесен из Италии. При этом ведущую роль в перенесении на территорию Польши кирпичной техники сыграли строители, связанные с доминиканским орденом [15, с. 59; 16, с. 32]

В Киеве в это время, очевидно, полностью перестроили Ротонду, восстановили Успенский собор Печерского монастыря, возможно, отремонтировали еще несколько зданий. Кроме того, произвели восстановительные работы и в Переяславле. Именно в это время, в процессе производства нового типа кирпича, какое-то его количество (может быть, брак) местные жители использовали для устройства печей в домах.

Обращение к польским строителям можно объяснить двояко. Это могло быть связано с деятельностью князя Даниила, имевшего тесные связи с Польшей и в то же время фактически осуществлявшего суверенитет над Киевом. Но может быть и другое объяснение: строители могли приехать в Киев вместе с миссией польских доминиканцев [4] Если Ротонда была католической церковью, что очень вероятно, то в этом случае вполне понятно, почему именно она была восстановлена сразу же после землетрясения 1230 г. Однако в 1233 г. киевский князь Владимир Рюрикович изгнал доминиканцев из Киева [18, с. 141] При этом очень возможно, что строителей он задержал и переключил на восстановление собора Печерского монастыря и других русских храмов [5]

Монгольский удар прекратил в Киеве всякую строительную деятельность. Очевидно, при этом погибли и работавшие здесь строители.

---

[3] Раскопки Е. Н. Гупало в 1980 г.

[4] О проникновении доминиканцев в Киев подробно изложено в статье Н. И. Щавелевой [17, с. 145].

[5] Н. В. Холостенко полагал, что наиболее ранний тип брусковых кирпичей Успенского собора относится к восстановлению здания после монгольского вторжения [9, с. 148]. Однако он сам соглашался с тем, что капитальное восстановление храма вряд ли имело место до XV в. [9, с. 147]. Тем более, что нет никаких сведений о том, что здание собора существенно пострадало в 1240 г. [19, с. 78].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917
2. *Раппопорт П. А.* Волынские башни // МИА. 1952. № 31.
3. *Каргер М. К.* Новые данные к истории древнерусского жилища // КСИИМК. 1951. Вып. 38.
4. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
5. *Боровський Я. Е., Толочко П. П.* Київська ротонда // Археологія Києва. Досліджения і матеріали. Київ: Наук. думка, 1979.
6. *Толочко П. П., Асеев Ю. С.* Новый памятник архитектуры древнего Киева // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972.
7. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников // САИ. 1982. Вып. Е1-47.
8. *Боровский Я. Е.* Светские постройки // Новое в археологии Киева. Киев: Наук. думка, 1981.
9. *Холостенко М. В.* Нові дослідження Іоанно-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ: Наук. думка, 1976.
10. *Лашкарев П. А.* Развалины церкви Симеона и Копырев конец древнего Киева // Тр. Киев. духов. академии. 1879. Т. 2.
11. *Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком // СА. 1967. № 1.
12. *Плано Карпини Иоанн де.* История Монголов. СПб., 1911.
13. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977.
14. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 1.
15. *Wyrobisz A.* Średniowieczne cegielnie w większych ośrodkach miejskich w Polsce // Studie z dziejów rzemiosla i przemyslu T. 1. Wroclaw; Warszawa; Kraków, 1961.
16. *Tomaszewski Z.* Badania cegły jako metoda pomocnicza przy datomaniu obiektów architektonicznych // Zeszyty naukowe politechniki Warszawskiej. 1955. № 11. Budownictwo. Z. 4.
17. *Щавелева Н. И.* Киевская миссия польских доминиканцев // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982. М., 1984.
18. *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV веках. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
19. *Ивакин Г Ю.* Киев в XIII—XV веках. Киев: Наук. думка, 1982.

P. A. Rappoport

ON THE TIME WHEN BAR BRICKS FIRST APPEARED IN RUSSIA

Summary

According to the author, construction workers from Kiev followed Prince Ryurik Rostislavovich to Chernigov in 1211 and remained there after his death. They continued working there until the Mongol invasion. The few craftsmen who had stayed behind in Kiev soon stopped working. Therefore a new construction team was invited to Kiev following the 1230 earthquake. They were masters from Poland who used the Romanesque technology of building with bar bricks and lime-sand mortar.

М. В. МАЛЕВСКАЯ

ПРИМЕНЕНИЕ БРУСКОВОГО КИРПИЧА В АРХИТЕКТУРЕ ЗАПАДНОЙ РУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—XIV В.

Вопрос о времени появления и применения в древнерусской архитектуре брускового бороздчатого кирпича, до сих пор ошибочно называемого «литовским», поднимался еще в 50-х годах нашего века [1, с. 209—211; 2, с. 38]. Интерес к этому вопросу был вызван тем, что М. К. Каргер неожиданно обнаружил брусковые кирпичи в конструкции печей киевских жилищ, погибших во время монгольского нашествия [3, с. 7]. Наиболее обстоятельно вопрос о применении брускового кирпича в домонгольской архитектуре был в свое время рассмотрен П. А. Раппопортом, однако выяснить происхождение брускового кирпича и уточнить время его появления на Руси удалось лишь теперь благодаря накопившимся новым материалам, в первую очередь в результате археологических исследований (см. статью П. А. Раппопорта в настоящем номере журнала).

Как известно, монголо-татарский разгром 1240-х годов остановил развитие русского зодчества в самом его расцвете, и на основных русских землях монументальное строительство надолго прекратилось. Только в Галицко-Волынском княжестве, удаленном от монгольского контроля и имевшем в это время тесные культурные связи с западными соседями, могущественные князья Даниил и Василько Романовичи и их сыновья продолжали монументальное строительство и во второй половине XIII в. Видимо, в это же время оно велось и на северной окраине Волыни, получившей позже название Черной Руси.

К сожалению, лишь единичные постройки из числа упомянутых в летописях сохранились до нашего времени. Однако в совокупности с сооружениями, открытыми археологическими раскопками, пока еще тоже малочисленными, дошедшие до нас памятники архитектуры второй половины XIII—XIV в. дают возможность судить о путях проникновения и о применении брускового кирпича в Западной Руси. При этом очень важно, что среди имеющихся памятников есть достаточно хорошо датированные, благодаря чему можно выявить формат кирпича, бытовавший в разное время. Такой кирпич, в свою очередь, становится датирующим материалом.

Первой по времени постройкой, сооруженной на Руси из брускового кирпича после монгольского нашествия, является церковь Михаила во Владимире-Волынском, открытая раскопками М. К. Крагера в 1956 г. [4, с. 23—33]. Эта уникальная по своей композиции ротонда с подкупольной колоннадой была, несомненно, создана до 1268 г., когда в Михайловском монастыре был похоронен Литовский князь Войшелк [5, с. 680].

Михайловская церковь была построена из кирпича размером 25—26 × × 12—13 × 8—9 см. Некоторые кирпичи имеют на одной из постелистых сторон продольные борозды — следы съема пальцами лишней глины при формовке кирпича. Такой кирпич называют желобчатым, бороздчатым, пальчаткой. Несмотря на то что кирпичная кладка над фундаментом церкви сохранилась лишь в основании столбов подкупольной колоннады и в одной упавшей колонне, все же прослеживается, хотя и не очень четко, вендская система укладки кирпичей, состоящая из чередования в одном ряду двух ложков с одним тычком.

Известно, что брусковый кирпич укладывали всегда как в европейских странах, так и в Западной Руси на растворе извести с примесью песка. Михайловская церковь представляет собой в этом отношении редкое, хотя и не единственное исключение — связующим здесь служит раствор извести с примесью мелкотолченого кирпича (цемянки), применявшийся в русском зодчестве лишь в домонгольский период. Этой особенностью обладали и некоторые другие постройки того же Владимира. К ним относятся следующие сооружения.

К западу от Михайловской церкви раскопками М. К. Крагера 1955 г. открыты остатки небольшой прямоугольной в плане постройки, предположительно усыпальницы Войшелка, от которой частично сохранился фундамент из битого кирпича на глине и часть упавшей стены, сложенной из брускового кирпича (иногда с бороздами) на известково-цемяночном растворе [4, с. 22—23]. Из-за плохой сохранности упавшей стены какая-либо система кладки в ней не прослеживается. Незначительная разница в формате кирпича (его длина достигает 27 см, а ширина 12, хотя преобладает 12—13 см) едва ли в данном случае свидетельствует о каком-то хронологическом разрыве между данной постройкой и Михайловской церковью.

Следы еще двух сооружений из брускового кирпича на цемяночном растворе выполнены на детинце того же Владимира, однако самих построек найти не удалось. В нескольких разведочных шурфах обнаружен лишь развал брусковых кирпичей, а также печь XVI в. из кирпичей во вторичном использовании [6, с. 355] Как в составе печи, так и в строительном развале выявлены кирпичи двух типов: желтые (25—26×11—12×8 см) с цемяночным раствором (чаще без желобков) и красные (26—28×12,5—13×8—9 см) с желобками и со следами как известково-цемяночного, так и известково-песчаного растворов. Разница в качестве и формате кирпичей позволяет предположить существование в прошлом на детинце двух разновременных построек. Одной из них могла быть упомянутая в летописи церковь Иоакима и Анны 1291 г. [5, с. 938] Таким образом, можно констатировать, что во Владимире-Волынском во второй половине XIII в. существовали четыре постройки из брускового кирпича на известково-песчаном растворе, который после 1240 г. больше нигде на Руси не применялся.

Считать сочетание брускового кирпича с известково-цемяночным раствором переходной эпохой к новому строительному периоду едва ли верно, так как нет непрерывности в традиции применения цемяночного раствора с домонгольского времени. Монументальное строительство на Волыни велось лишь в 50—70-х годах XII в., после чего строительная артель перешла в другие земли [7]. Первая же постройка нового периода во Владимире — Михайловская церковь датируется 50—60-ми годами XIII в. Иначе говоря, перерыв в строительстве составляет не менее 90 лет, то исключает наличие традиции. Остается предположить, что во Владимире могли оказаться мастера, бежавшие из тех городов Руси, которые подверглись монгольскому разгрому раньше, чем города Волыни. Дольше, чем в других городах Руси, до самого монгольского нашествия, монументальное строительство в старых технических традициях велось в Чернигово-Северской земле, куда перешла строительная артель из Киева [8, с. 47, 48] Можно предположить, что именно из этих земель проникли во Владимир мастера, знакомые с изготовлением известково-цемяночного раствора.

Кроме названных памятников архитектуры на Волыни во второй половине XIII в. было сооружено еще несколько построек из брускового кирпича, но уже на характерном для этой техники известково-песчаном растворе. Все они имеют узкую датировку. Это Васильевская церковь-ротонда в том же Владимире-Волынском [9, с. 33—42], получившая недавно точную дату — 1292 г.[1], церковь Георгия в Любомле 80-х годов XIII в., частично открытая

[1] Автор выражает глубокую благодарность Т. В. Рождественской, прочитавшей указанную выше дату на каменном блоке, находившемся в составе кирпичной кладки стены рядом с северным порталом, теперь оштукатуренным. Надпись прочитана по сохранившемуся ее изображению.

нашими раскопками 1975 г. [6, с. 354—355], оборонительная башня в Каменце близ Бреста 70—80-х годов XIII в. [1, с. 202—211] и оборонительная башня в Чарторыйске 1291 г., выявленная раскопками П. А. Раппопорта 1960—1961 гг. [10, с. 142—147, 211]. Важно подчеркнуть, что формат кирпича в этих постройках достаточно стандартен (таблица, 3—6): длина 25—27 (как исключение 28), ширина 12—13,5 (редко 11) и толщина 8—9 см (редко 7,5 и 9,5). В тех случаях, когда сохранились хотя бы небольшие участки стен, надежно прослеживается вендская система кладки (церковь Георгия в Любомле, церковь Василия во Владимире, Каменецкая башня).

К перечисленным выше хорошо датированным памятникам архитектуры представляется возможным отнести еще церковь Дмитрия (?) в Луцке, открытую раскопками М. П. Кучеры 1968 г. и ориентировочно датированную им XIV—XV вв. [11, с. 242—246] Однако по формату кирпича (26×12—13× ×7,5—11 см), особенно по небольшой его длине, и вендской кладке, правда не очень четко читаемой на незначительном участке стены, эту церковь скорее следует датировать второй половиной XIII или самым началом XIV в. Вероятно, к этому же времени можно отнести боевую башню в с. Столпье (в 9 км от Холма), построенную из местного камня, но имеющую в верхнем ярусе часовню, облицованную внутри брусковым желобчатым кирпичом размером 26—26,6× ×11,8—12,2×7,5—8 см[2]

Таким образом, можно определенно констатировать, что на Волыни в середине — второй половине XIII в. начался новый этап строительства, характеризующийся применением нового строительного материала (брускового желобчатого кирпича и известково-песчаного раствора) и новой — вендской системной кладки.

Каково же происхождение брускового кирпича и новой строительной техники на Волыни? Могли ли на Волыни работать те мастера-строители, которые вели ремонтные и восстановительные работы в Киеве после землетрясения 1230 г., накануне монгольского нашествия?

На этот вопрос можно ответить только отрицательно, поскольку в Киеве во второй половине XIII в., а также в XIV в. в силу сложной исторической обстановки ничего не строилось. От этого периода времени не сохранилось ни одной монументальной постройки, нет упоминаний о них и в письменных источниках [13, с. 57—82] К XIV — началу XV в. Г Ю. Ивакин относит лишь остатки постройки, открытой им на ул. Зеленина на Подоле [14, с. 115—119]. Но едва ли можно согласиться с этой датировкой, поскольку плинфа, несомненно, происходит из какой-то разобранной постройки домонгольского времени, а брусковый кирпич по своему формату полностью совпадает с форматом кирпичей 30-х годов XIII в. (23,5—25,6×10,5—12×7,5—9 см). Очевидно, мастера, работавшие в Киеве 30-х годах XIII в., либо погибли во время монгольского нашествия, либо успели вернуться в Польшу.

Однако есть все основания считать, что для строительства на Волыни были вновь приглашены мастера из Польши. Дело в том, что именно Польша со второй четверти XIII в. стала краем кирпичного строительства, в то время как в других странах Европы господствовала архитектура каменная [15, с. 58—61; 16, с. 63—118] Как считают исследователи польского зодчества, этому способствовал ряд причин: во-первых, приход в Силезию и Малопольшу в 20-х годах XIII в. доминиканцев из Ломбардии, знавших технику кирпичного строительства; во-вторых, отсутствие в Польше (за исключением некоторых районов) каменоломень и одновременно наличие залежей глин, пригодных для гончарного производства; в-третьих, потребность в замене деревянных построек каменными, в результате чего со второй четверти XIII в. началось строительство замков,

[2] Попытка польской исследовательницы И. Кутыловской перенести время основания башни на рубеж X и XI вв. не представляется убедительной прежде всего потому, что брусковый кирпич в Польше начали применять только в первой половине XIII в. Синхронность же кирпичной облицовки часовни с каменной кладкой всей башни у автора не вызывает сомнения [12, с. 3—15].

№	Название памятника	Дата	Размеры кирпичей *, см		
			длина,	ширина	толщина
	Волынь				
	Владимир-Волынский				
1	церковь Михаила	До 1268 г.	25—26	12—13	8—9
2	усыпальница	Вторая половина XIII в.	25—27	12—14	8—9
3	развал постройки на детинце	То же	26—27	12,5—13,5	8—9,5
4	Васильевская церковь	1294 г.	26—27	12—13	8—9
5	Каменец, оборонительная башня	70—80-е годы XII в.	26,5	13,5	8
6	Чарторыйск, оборонительная башня	1291 г.	26—28	11,5—13,5	7,5—8,5
7	Любомль, церковь Георгия	80-е годы XIII в.	25—26	11—12	8—9
	Луцк				
8	церковь Дмитрия (?)	Конец XIII—XIV в.	26	12—13	7,5—11
9	стены замка	XIV в.	27,5—29	12—14	7,5—9
10	надвратная башня	То же	27,5—28,5	12—13	8—9
11	Владычная башня		27—28	12—13	8—8,5
12	Стыровая башня		27,5—29,5	12—13	7,5—9
	Галичина				
	С. Спас				
13	развал Спасской церкви	1292—1295	—	11—12,5	7,5—9
14	оборонительная башня (развал)	Конец XII — начало XIV в.	—	11—12	7,5—8,5
	Львов				
15	костел Иоанна Крестителя	XIV в.	28—29	13—13,5	8,5—9,5
16	костел Марии Снежной	XIV в.	28—29	13—14	8—9
	Черная Русь				
	Новогрудок				
17	оборонительная башня	Первая половина XIV в.	27—28	12—12,5	8—9
18	церковь	То же	27—28	12—13	7—8
19	реконструкция церкви	Вторая половина XIV в.	29—30	13—14	7—8
20	гражданская постройка	То же	29—30	13—14	8,5—10
	Лида				
21	замок, стены	Начало XIV в.	1) 30—32	15—16	8,5—10
	кренеляж	То же	2) 21	14	7
22	северо-восточная башня	Конец XIV — начало XV в.	29—30	14	7,5—8
23	Крево, замок, стены и башня	Начало XIV в.	1) 30,5—34	17	8,5—9
			2) 29	14	7
24	Гродно, замок Витовта	Конец XIV в.	27—28	12—13	8—8,5

* Размеры кирпичей даны на основании промеров автором по возможности не менее 20—30 ложков и тычков в каждом исследованном памятнике и составления графиков (гистограмм) их длины, ширины, и толщины, которые позволили выявить основной стандарт кирпича для каждой постройки. В тех случаях, когда размеры кирпичей взяты из публикаций (по таблице № 5, 6, 8, 21—24); в тексте даны ссылки на источник.

ратуш, камениц, костелов. С конца XIII в. кирпич стал основным материалом для монументального строительства всей Польши [15, с. 55—58] Но не только сам факт применения на Волыни брускового кирпича, но и другие строительно-технические признаки свидетельствуют о приходе мастеров из Польши. Это: совпадения формата кирпича, который в юго-восточной Польше в XIII в. варьирует в основном в пределах 24—26×12—13×8—9 см, хотя и встречаются отклонения как в меньшую (длина 23, ширина 11, толщина 7,5 см), так и в большую сторону (длина 27, ширина 13,5, толщина 9,5 см) [17, с. 73, 74, 129, 130, 167, 168, 171—173, 233—235, 249, 250]; применение целиком кирпичной (без забутовки камнем) конструкции стен (хотя в Польше наряду с целиком кирпичной продолжали применять как целиком каменную, так и каменно-кирпичную [18,

с. 42]; наконец, одинаковая система перевязки швов, т. е. вендская кладка, которая в Польше появилась вместе с началом кирпичного строительства на рубеже первой и второй четверти XIII в. В Малопольше этот прием исчез в начале XIV в., а в других районах, особенно на Поморье, бытовал еще в XIV—XV вв. [18, с. 42, 43].

Вывод о приходе мастеров из Польши будет еще более убедительным, если принять во внимание, что, судя по хорошо сохранившимся памятникам архитектуры Волыни второй половины XIII в. (Каменецкая башня и Васильевская церковь), в них нашли отражение такие характерные черты раннеготической архитектуры Польши, как сочетание кирпичной кладки стен с белокаменными деталями, стрельчатая форма проемов, круглые и трехлопастные окна, нервюрные своды и некоторые другие [19, с. 96, 97].

Пригласить мастеров из Польши в 50—60-х годах XIII в. могли Даниил и Василько Романовичи, которые в это время поддерживали с ней мирные отношения. В конце 50-х годов Даниил старался сблизиться западными соседями в целях организации христианской лиги против татар. В 60—70-х годах призвать мастеров мог также волынский князь Владимир Василькович, много строивший в разных городах Волыни, но скорее всего в эти годы продолжала работать строительная артель, прибывшая еще при Данииле и Васильке Романовичах.

В XIV в. кирпичное строительство на Волыни продолжалось, но в это время изменились и формат кирпича, и система его укладки. Хорошо сохранившимся памятником этого времени является замок в Луцке, основанный, как недавно выяснилось, на остатках каменного замка предшествующего времени [20, с. 319—320; 21, с. 309] Башни и стены замка сложены из желобчатого кирпича, имеющего большую, чем в XIII в., длину — 27,5—29 см, почти такую же ширину — 12—14 см (не встречается ширина 11 см) и почти такую же толщину (чаще, чем раньше, встречается ширина 7,5 см; таблица). Особенно важно подчеркнуть, что кирпичи уложены не в вендской, а в готической системе кладки, состоящей из чередования в каждом ряду одного ложка с одним тычком. Некоторые тычки обожжены до состояния остеклованности и имеют светлую серо-зеленую поверхность. Их применение в кладке стены, хотя и без какой-либо закономерности, оживляет поверхность. Каменный замок, предшествующий кирпичному, судя по стратиграфическим данным, был возведен на месте деревянно-земляных укреплений детинца древнего Луцка в середине или второй половине XIII в. [21, с. 309]. Скорее всего, каменный замок был построен при Мстиславе Даниловиче, получившем Луцк после смерти отца в 1264 г.

Время создания кирпичного замка точно не известно. Из описания Луцкого замка, сделанного в 1545 г., следует, что его строительство началось при Любарте Гедиминовиче, княжившем на Волыни в 30—80-х годах XIV в. [22, с. 66]. Некоторые исследователи считают возможным отнести это сооружение к более раннему времени — концу XIII — началу XIV в., т. е. к периоду княжения Мстислава Даниловича и Юрия Львовича [23, с. 102—107] Однако открытие замка, предшествующего кирпичному и, главное, использование для возведения его стен и башен готической системы укладки кирпича, применявшейся в архитектуре Польши только с начала XIV в. [17, с. 42], а в Литовском княжестве со второй его половины [24, с. 35, 36, табл.], опровергают эту датировку. Вероятно, второй замок был построен не ранее середины XIV в. Необходимо отметить, что применение готической кладки в Луцком замке не означает непременное участие в его создании польских или литовских мастеров-строителей. На Волыни во второй половине XIII в., вероятно, сложилась своя строительная артель, которая могла продолжать строительство и в XIV в. Благодаря тесным культурным связям Галицко-Волынского княжества с Польшей мастера волынской артели могли заимствовать те строительно-технические новшества, которые уже в начале XIV в. были введены в архитектуру этой соседней страны.

В отличие от Волыни, вопрос о начале кирпичного строительства в Галицкой земле в научной литературе не поднимался. Как известно, в XII — первой половине XIII в. здесь господствовала архитектура белокаменная. В этой же строительной традиции построены первые храмы во Львове — церковь Николая, относимая к концу XIII в., и церковь Параскевы Пятницы, сооруженная, вероятно, в конце XIII или в первой половине XIV в.[3], а также белокаменная церковь Рождества в Галиче.

До недавнего времени кирпичных зданий на Галичине ранее конца XIV в. известно не было. Но как выясняется, первой хорошо датированной кирпичной постройкой в Галицкой земле была не сохранившаяся до нашего времени Спасо-Преображенская церковь в загородном монастыре Льва Даниловича в с. Спас в 5 км к юго-западу от Старого Самбора. В грамоте Льва (видимо, подложной, но подтвержденной в XVI в.) начало строительства церкви относится к 1292 г. [26, с. 84, 85]. Эта дата подтверждается и надписью, сделанной на камне над боковым входом при возобновлении росписи церкви в XVI в. В ней говорится, что монастырь св. Спаса был построен в 1295 г. [26, с. 162, 163] Естественно было бы предположить, что Спасская церковь, как и первые львовские храмы, была белокаменной. Однако в сообщении А. Петрушевича о ликвидации Спасского монастыря в конце XVIII в. упомянуто, что церковь была построена из камня и красного кирпича [26, с. 164].

Факт применения кирпича в Спасской церкви стал окончательно ясен благодаря обнаружению в 1978 г. в Государственном историческом архиве Львова его сотрудником Ю. А. Мыцыком дела, содержащего целый ряд документов, связанных с ликвидацией монастыря св. Спаса [27, с. 25, 26][4]. В этих документах, составленных в мае 1788 г., содержатся описания и оценки зданий монастыря и его имущества. В одном из них говорится, что церковь сделана «из хорошего крепкого камня и кирпичного материала, с куполом посредине на русский манер, со сводами». И далее: «Церковь вместе с колокольней содержит 656 000 кирпичей». Эти важные сведения дают возможность предположить, что из камня был сложен цоколь церкви, оформлены порталы и, возможно, окна, а стены были сложены из кирпича и не оштукатурены.

Предпринятая нами попытка найти остатки Спасской церкви не увенчалась успехом. Видимо, она была целиком разобрана. Но во многих разведочных шурфах были обнаружены обломки брусковых бороздчатых кирпичей, а в одном из них выявлена яма, заполненная битым кирпичом, кусками известково-песчаного раствора и фрагментами фресок [25, с. 361; 28, с. 277, 278]. Ни один целый кирпич не обнаружен. Все обломки кирпичей подразделяются на два типа: 1) красно-бурый (11—12,5×7,5—9 см), некоторые тычки ошлакованы; 2) красный и красно-оранжевый (12—13×7—8 см). Вероятно, кирпич первого типа, близкий по ширине и толщине кирпичу некоторых волынских памятников конца XIII в. (церкви в Любомле, несохранившейся постройки на детинце Владимира), принадлежал Спасской церкви, а кирпич второго типа относился к ее ремонту несколько более позднего времени.

При раскопках оборонительной башни Спасского монастыря, от которой сохранилась нижняя часть на высоту до 1 м, сложенная из местного камня-плитняка [25, с. 360], также обнаружен бороздчатый кирпич разного формата: 1) (11—12×7,5—8,5 см; 2) 26—27×12—13,5×6,5—7 см (количественно преобладает); 3) 30—31×14,5—15,5×6,5—7,5 см (без желобков). Кирпич первого формата соответствует кирпичу церкви и в совокупности со стратиграфическими данными свидетельствует о создании башни одновременно

---

[3] Пятницкая церковь дошла до нас в перестройке XVII в., но, как установлено при археологических исследованиях, она возведена на основании более древнего храма, стены которого были сложены из квадров тесаного камня [25, с. 361]

[4] Автор выражает глубокую благодарность И. А. Кудину за предоставленную возможность ознакомиться с русским переводом дела.

с церковью в конце XIII или в начале XIV в. Остальные кирпичи связаны, видимо, с двумя периодами надстройки или ремонта башни.

В новой столице Галичины — Львове первыми постройками, в которых был применен брусковый бороздчатый кирпич, являются костелы Иоанна Крестителя и Марии Снежной, дошедшие до нашего времени в перестроенном виде и не имеющие точной датировки. Во время археологических раскопок и исследований реставраторов, осуществленных в 1977 г., выявилось удивительное архитектурно-художественное решение восточного фасада костела Иоанна Крестителя, состоящее в живописном сочетании кирпичной кладки стены с белокаменными деталями — цоколем, обвязкой углов, окнами крестообразной и стрельчатой форм, вырезанными в блоках камня [29, с. 352, 353] На некоторых участках стен под поздней штукатуркой обнаружилась готическая система кладки, хотя и не везде хорошо выраженная. Именно этот признак в первую очередь, а также белокаменные детали готического стиля склоняют к датировке костела Иоанна Крестителя XIV в. Формат кирпича костела, более крупный (28—29×12,5—13,5×8,5—9,5 см), чем в памятниках архитектуры второй половины XIII в. Волыни и Польши и совпадающий с форматом кирпича XIV в. (Луцкий замок), подтверждает это предположение. Но исследование костела Иоанна Крестителя продолжается, в его датировку могут быть внесены уточнения.

Костел Марии Снежной, упоминаемый впервые в письменных источниках под 1352 г., в своем перестроенном виде полностью повторяет план первоначальной постройки [25, с. 361] Он, как и костел Иоанна Крестителя, имел цоколь из квадратов известняка и кирпичную кладку стен. В составе кладки XVII в. на некоторых ее участках выделяются толстые кирпичи первоначального храма, близкие по размеру (28—29×13—14×8—9) кирпичам костела Иоанна Крестителя. Кирпич почти такого же формата был применен и в стенах замка короля Казимира (27—28×12,5—13×9—10), построенного во второй половине XIV в. на остатках замка Льва Даниловича.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что применение брускового бороздчатого кирпича в строительстве Галичины началось еще в конце XIII в. и что кирпич этого времени соответствовал по формату кирпичу, применявшемуся во второй половине XIII в. в архитектуре Волыни и Польши (кроме Поморья) [17, с. 38] В XIV в. размер кирпича в зодчестве Галичины, как и Волыни, увеличивается. Однако, поскольку наблюдения сделаны на очень небольшом количестве памятников, их надо считать лишь предварительными. Обращает на себя внимание тот факт, что постройки Спасского монастыря (церковь и башня) и львовские костелы образуют группу памятников, характеризующуюся сочетанием кирпичной кладки стен с белокаменными деталями. Этот прием, хорошо известный в XIII в. в позднероманской архитектуре Польши и в меньшей степени на Волыни (Васильевская церковь и Каменецкая башня), позволяет предположить, что строителями, принесшими в галицкую архитектуру новую кирпичную технику, могли быть как волынские, так и польские мастера.

Определенный интерес представляет собой также вопрос о применении брускового кирпича на северной окраине Волыни, уже в середине XIII в. вошедшей в состав Великого княжества Литовского и получившей позже название Черной Руси.

Памятники архитектуры XIII в. здесь не сохранились, но упоминание их в письменных источниках и результаты археологических исследований позволяют считать, что в Черной Руси, как и на Волыни, применение брускового кирпича началось во второй половине XIII в. В это время были построены башни волынского типа в Новогрудке и Гродно. Башня в Новогрудке, открытая раскопками М. А. Ткачева, была включена в состав укреплений детинца древнерусского города в 60-х или 70-х годах XIII в. [30, с. 322—324]. Ее стены, сохранившиеся на высоту до 4 м, были сложены из больших тесаных валунов, промежутки между которыми заполнены мелкоколотым камнем и обломками брускового бороздчатого кирпича. Наличие обломков брускового кирпича

в каменной кладке допускает использование его для облицовки верхней части башни или в ее завершении. Неизвестно, из какого строительного материала был сооружен «столп камен» перед городскими воротами крепости в Гродно, установленный до 1277 г. [5, с. 878; 31, с. 153, 154], но возможно, что, как и «столп камен» в Каменце,— из брускового кирпича.

Ряд исследователей к XIII в. относят так называемую Верхнюю церковь на замке в Гродно. Однако уровень залегания Верхней церкви в вертикальной стратиграфии на участке над Нижней церковью не позволяет это сделать. Она находилась выше уровня слоя пожара 1398 г., перекрывающего руины Нижней церкви. Это подтверждается археологическим материалом, обнаруженным в большой яме, прорезающей руины Нижней церкви, а также погребениями XIII—XIV вв., выявленными в пределах Нижней церкви в мощном слое (более 3 м), отделяющем ее от Верхней церкви [31, с. 175—183]. Верхняя церковь может быть датирована не ранее чем последними годами XIV — началом XV в.

Достаточно определенно о применении брускового кирпича в Черной Руси можно говорить лишь на основании памятников архитектуры XIV в. К ним относятся сохранившиеся до нашего времени замки в Лиде, Кореве и Гродно, оборонительная башня в Новогрудке и открытые раскопками 1970-х годов в Новогрудском замке церковь и княжеская постройка — единственные для рассматриваемого периода сооружения культовой и гражданской архитектуры на территории Белоруссии.

Из комплекса новогрудских построек наиболее ранней является северная центральная оборонительная башня, возведенная непосредственно на остатках каменной башни XIII в. [32, с. 15, 16]. Ее стены имеют лусковую (двухпанцирную) конструкцию, т. е. сложены из булыжного камня и с двух сторон облицованы кирпичом. Лусковая конструкция была применена также в стенах Луцкого замка и, вероятно, в Каменецкой башне. Башня не имеет точной даты, но, судя по тому, что в облицовке ее стен применена еще вендская (балтийская) а не готическая система кладки, она была построена не позже первой половины XIV в. Важно подчеркнуть, что формат кирпича новогрудской башни (27—28×12—12,5×8—9 см) почти совпадает с волынским кирпичом XIV в. и близок к кирпичу некоторых построек Волыни второй половины XIII в. (башен в Каменце и Чарторыйске). В то же время он заметно отличается от основного (более крупного) формата кирпича сооружений Литвы второй половины XIII—XIV в. [24, с. 10—12; 33, с. 61—83].

Почти такой же размер кирпича, как и в северной башне, был использован в церкви новогрудского замка, построенной тоже в первой половине XIV в. и позже несколько раз перестроенной [34, с. 376; 35, с. 384; 36, с. 122—125] В восточной части церкви была применена вендская кладка (сохранился один ряд кирпича), а в западной — готическая, при одинаковом формате кирпича (27—28×12—13×7—8 см). Во время первой реконструкции церкви, осуществленной, видимо, уже во второй половине XIV в., в кладке установленных в это время подкупольных столбов и юго-восточного придела был применен кирпич более крупного размера (29—30×14—15×7—8 см) и на ином по составу известково-песчаном растворе [37, с. 83—86] Кроме того, в кладке крещатых столбов были использованы кирпичи квадратные (со стороной 29—30 см) и фигурные (со скошенным углом), а в развале церкви найдены нервюрные кирпичи стрельчатой формы, близкие кирпичам нервюр Каменецкой башни.

Судя по сходству строительных материалов и стратиграфическим данным, одновременно с реконструкцией первоначальной церкви близ нее была сооружена квадратная в плане постройка светского характера [36, с. 124, 125; 38, с. 420, 421] Сложенные из булыжного камня стены ее полуподвального этажа, прорезавшие склон вала, были облицованы с внутренней стороны кирпичом такого же размера, как примененный при реконструкции церкви, но более толстым (29—30×13—14×8,5—10 см). Из аналогичного кирпича (без камня) сложены узкие внутренние перегородки, центральный опорный столб, а также

стены второго (наземного) этажа. На многих кирпичах, как и в других новогрудских постройках, имеются продольные борозды. В крестовых сводах постройки у вала были употреблены кирпичи как брусковые, так и квадратные, но более тонкие, чем в стенах (6,5—7 см), а также кирпичи нервюрные, аналогичные относящимся к времени перестройки церкви.

Все вышесказанное о применении брускового кирпича в постройках Новогрудка свидетельствует о том, что для архитектуры Черной Руси второй половины XIII—XIV в. были характерны те же строительно-технические особенности, которые чуть раньше появились в зодчестве Волыни. К ним относится не только сходство формата брускового кирпича (что очень важно), но и применение монолитной кирпичной конструкции стен (за исключением стен оборонительных сооружений), вендской, а затем готической кладки, использование пережженных кирпичей и сходных с волынскими кирпичей нервюрных, а также применение в сочетании с кирпичной кладкой стен декоративных деталей из обработанного камня (обвязка углов притвора и боковых выступов замковой церкви и консоли эркера на восточной стене северной башни). Все это дает основание считать, что в Новогрудок мастера-строители пришли с Волыни.

Однако такой вывод не может быть распространен на все памятники архитектуры рассматриваемого региона, так как этому противоречит применение иной строительной техники и значительно более крупного формата кирпича в замках первой половины XIV в. в Лиде и Крево. Это явление находит себе объяснение в происхождении замков, построенных литовскими князьями по типу рыцарских ливонских замков — костелей [32, с. 27—36; 39, с. 432—447]. Основным строительным материалом здесь служит булыжный камень, из которого сложены замковые стены и башни, и только их завершения, углы, арочные проемы и бойницы выложены кирпичом. Основной формат кирпича колеблется в пределах 30—34×15—17×8,5—9 см [39, с. 440, табл. 2] (таблица, 1, 21, 23), хотя одновременно применяется и меньший формат: в Лиде — 31×14×7 см[5], в Крево — 29×14×7 см [39, с. 440, табл. 2].

Кирпич, подобный большемерному кирпичу Лидского и Кревского замков, был характерен для строительства Ливонии (где, например, в каменных домах Риги XIV в. варьировал в пределах 30—31×14—15×8—9 см) [40, с. 119] и Литвы, где применялся с началом монументального строительства во второй половине XIII — начале XIV в. в постройках Нижнего замка Вильнюса [41, с. 3—14], в первом Каунасском замке и др. [39, с. 440] и достигал размеров 30—32,5×14,5—16×8—10 см.

Упомянутые выше памятники архитектуры Новогрудка, Лиды и Крево свидетельствуют о том, что на территории Западной Белоруссии в первой половине XIV в. не был выработан определенный стандарт кирпича. Это объясняется, с одной стороны, различным происхождением сооружений и мастеров, их создававших, а с другой — одновременным применением двух форматов кирпичей в одной постройке (в Лидском и Кревском замках). Единого стандарта кирпича в данном регионе не было, видимо, и во второй половине XIV — начале XV в. (как об этом позволяют судить очень немногочисленные постройки), хотя пределы колебаний его размеров несколько сократились. Так, в северо-восточной башне Лидского замка, построенной в конце XIV — начале XV в., употреблен кирпич, очень близкий сооружениям Новогрудского замка этого же времени — 29—30×14×7,5—8 см [42, с. 16, 17], а в Гродненском замке, созданном тогда же, использован кирпич меньшего формата — 27—28×12—13 см, но несколько более толстый — 8—8,5 см [31, с. 190]. Такая же картина наблюдается в готической архитектуре второй половины XIV — первой половины XVI в. в Литве, где одновременно используется как большемерный кирпич (29,5—32,5×14—16×8,5—9,5 см), характерный, кроме Литвы и Ливонии, для бывшей Восточной Пруссии, так и кирпич меньшего формата (26—28×

[5] Сведения о формате кирпича Лидского замка любезно сообщены О. А. Трусовым.

×12—13×8—9 см), применяемый в это время в постройках Польши и Германии [43, с. 61—83].

В заключение следует подчеркнуть, что во всех Западнорусских землях после монголо-татарского нашествия начался новый этап в развитии строительства, ознаменовавшийся введением бруского бороздчатого кирпича, известково-песчаного раствора и новой системы кладки. В лучше изученных памятниках архитектуры Волыни достаточно определенно наблюдаются некоторые закономерности: во второй половине XIII в. здесь использовался кирпич, аналогичный романскому кирпичу юго-восточной Польши (26—27×11—13×8—9 см), в XIV в. его формат немного увеличился (длина 28—29 см), а вендскую кладку сменила готическая. Недостаточное количество памятников зодчества рассматриваемого периода, известных нам в Галичине и Черной Руси, не дают пока оснований для надежных заключений, но здесь можно отметить некоторые другие особенности в строительстве. Так, для архитектуры Галичины конца XIII—XIV в. было характерно широкое использование в сочетании с кирпичом квадров белого камня (известняка или песчаника) — традиционного для этой земли строительного материала, а в Черной Руси — применение булыжного камня и одновременное использование двух различных форматов кирпича.

Как было показано, проникновение новых строительных материалов в разные районы Западной Руси было в некоторой мере обусловлено их культурными взаимосвязями с теми или иными соседними странами: Волыни и Галичины — с Польшей, Черной Руси — с Литвой. Эти культурные связи оказали также известное влияние на формирование в Галичине и на Волыни украинской, а в Черной Руси белорусской национальной архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Раппопорт П. А.* Волынские башни // МИА. 1952. № 31.
2. *Логвин Г. Х.* Архітектурний комплекс в Зимно // Архітектурні пам'ятники. Київ: Вид-во Акад. архітектури УРСР, 1950.
3. *Каргер М. К.* Новые данные к истории древнерусского жилища // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVIII.
4. *Каргер М. К.* Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волынском // Уч. зап. ЛГУ. Сер. истор. 1958. № 252.
5. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 2.
6. *Малевская М. В, Шолохова Е. В.* Раскопки архитектурных памятников в Любомле и Владимире-Волынском // АО — 1975. М., 1976.
7. *Раппопорт П. А.* Зодчество древней Руси. Л.: Наука, 1986.
8. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв. // САИ. 1982. Вып. Е1-47.
9. *Логвин Г. Н.* Ротонда во Владимире-Волынском // Архитектурное наследство. 1958. № 10.
10. *Раппопорт П. А.* Военное зодчество Западнорусских земель X—XIV вв. // МИА. 1967. № 140.
11. *Кучера М. П.* Археологические исследования Волынского отряда // АИУ — 1968. Киев, 1971.
12. *Kutylowska I.* Zobytkowy Zespół warowno-kultowy w Stołpiu woj. chełmskie // Zeszyt Biura Badani Dokumentacji Zabytków w Chełmie. 1981. № 2.
13. *Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII—XV веках. Киев: Наук. думка, 1982.
14. *Ивакін Г. Ю.* До питання про кам'яну архітектуру пізньосередньовічного Києва // Археологія Києва. Дослідження матеріали. Київ, 1979.
15. *Wyrobisz A.* Średniowieczne cegielnie w wiekshych ośrodkach miejeskich w Polsce // Studia z dziejow rzemiosła i przemysłu. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961.
16. *Swiechowski Z.* Wezesne budownietwo ceglane w Polsce // Studia z dziejow rsemiosla i przemislu. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961.
17. *Swiechowski Z.* Budomnictwo romańskie w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963.
18. *Borusiewicz W* Konserwacia zabytków budownictwa murowanego. Warzawa, 1971.
19. *Малевская М. В.* Зодчество Западнорусских земель второй половины XIII—XIV в. // Тез. докл. сов. делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, 1980 г.). М., 1980.
20. *Говденко М. М., Кучинко М. М.* Архитектурно-археологические исследования в Луцком замке // АО — 1978. М., 1979.
21. *Малевская М. В.* Архитектурно-археологические исследования Луцкого замка // АО — 1983. М., 1985.
22. Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. Киев, 1859. Т. 4. Отд. 2.
23. *Логвин Г. Н.* Луцкий замок // Культура и искусства древней Руси. Л., 1967.

24. *Левандаускас В.* Материалы кладки и их применение в строительстве Литвы XIII — середины XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Каунас, 1974.
25. *Малевская М. В., Кос А. И., Рожко М. Ф., Шолохова Е. В.* Архитектурно-археологические исследования во Львове и Львовской области // АО — 1978. М., 1979.
26. *Петрушевич А.* Обзор древнейших политических и церковных происшествий в Галицком княжестве с половины XII до конца XIII в. // Галицкий исторический сборник. Вып. II. Львов, 1854.
27. Центральный Государственный исторический архив УССР во Львове. Ф. 159. Оп. 9. Д. 3767.
28. *Малевская М. В.* Архитектурно-археологические исследования в Львовской области // АО — 1980. М., 1981.
29. *Малевская М. В., Иоаннисян О. М., Могытыч И. Р., Бучко Р. В.* Исследования памятников архитектуры во Львове и Львовской области // АО — 1977. М., 1978.
30. *Ткачоў М. А.* Вежи валынскага тыпу і іх распаусюджанне на Белорусі // Белорускія старажытнасці. Мінск, 1972.
31. *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно // МИА. 1954. № 41.
32. *Ткачоў Т А.* Замкі Беларусі (XIII—XVII ст.), Мінск, 1977
33. *Киткаускас К.-Н.* Комплекс зданий вильнюсского Нижнего замка: Автореф. дис. канд. архитект. наук. М.: ЦНИИ теории и истории архитектуры, 1980.
34. *Малевская М. В., Шолохова Е. В.* Раскопки культовых сооружений Новогрудского детинца XIV—XVII вв. // АО — 1973. М., 1974.
35. *Малевская М. В., Шолохова Е. В.* Раскопки церковных построек на детинце Новогрудка // АО — 1974. М., 1975.
36. *Малевская М. В.* Архитектурный комплекс Новогрудского детинца XIII—XIV вв. // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1938.
37. *Селиванова Н. Б.* Опыт петрографического изучения строительных растворов построек Новогрудского детинца // КСИА. 1982. Вып. 172.
38. *Малевская М. В.* Раскопки гражданской постройки XIV в. в Новогрудке // АО —1077 М., 1978.
39. *Levandauskas V* Lietuvos artvariniu, piliu mūro technika ir medziagos. Lietuvos TSR architekturos klausimai. T. IV Vilnius, 1974.
40. *Цауне А. В.* Жилища Риги XII—XIV вв. Рига, 1984.
41. *Kitkauskas N., Lasavickas S.* Vilniaus Žemutines pilies Kai Kurin Ankstivuju pastatu liekanu tyrimai // Architekturos paminklai. IV. Vilnius, 1977
42. *Трусаў А. А.* Архітэктурна-археалогічне даследованне Лидскага замка // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1979. № 4.
43. *Levandauskas V Jankewiciene A.* Lietuvos gotišku dvvenamuju ir visuomeniu pastau, mūro medziagos ir staybos technika // Lietuvos TSR architekturos Klausimai. Vilnius, 1978. T. V S. III.

M. V Malevskaya

THE USE OF BAR BRICKS IN WESTERN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 13th-14th CENTURIES

Summary

A new constuction period was ushered in the Western Russian lands follwing the Mongol invasion. Old Russian plinthiform bricks gave way to bar bricks and lime-sand mortar. In the second half of the 13th century some new features that appeared in Volhinian architecture (brick sizes, the Baltic system of brickwork, and the Romansque-Gothic elements) show that the builders came from Poland. In the 14th century Gothic brickwork appeared and brick themselves became larger. While in the pre-Mongolian period white-stone masonry dominated in Galicia, the bar brick appeared late in the 13th century. It was sometimes used in combination with stone and white stone. At the turn of the 14th century the new technology infiltrated Black Russia where Lithuanian traditions were also felt. Bricks were larger than Volhinian bar bricks and cobblestones were used. The Baltic brickwork was used until the mid-14th century when the Gothic brickwork took its place.

Э. Д. ЗИЛИВИНСКАЯ

ДОМА С ПОДПОЛЬНЫМ ОТОПЛЕНИЕМ В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

В средние века на Востоке и в некоторых районах Европы были широко распространены бани с подпольным отоплением, называвшиеся по-арабски *хаммам* [1] Кроме непосредственной гигиенической, они выполняли функцию лечебных учреждений, а также имели большое общественное значение, являясь своеобразными клубами, местами встреч. Популярность хаммам и их техническое совершенство способствовали тому, что в некоторых регионах, например в Средней Азии, они дожили в практически неизменном виде до наших дей [1, 2] На территории СССР бани с подпольным отоплением известны в Средней Азии [1, 2], Азербайджане [3], Армении [4], Грузии [5], Крыму [6], Нижнем Поволжье [7] Исследования последних лет показали, что баня подобного типа имелась даже в Древнем Киеве [8]

Несколько зданий с подпольным отоплением домонгольского и золотоордынского времени было изучено в Волжской Булгарии. Часть из них с самого начала интерпретировалась как бани [9; 10, с. 227], остальные же считались богатыми жилыми домами [11, с. 33; 12, с. 90] или зданиями общественного характера различного назначения [13, 14]. Однако уже тот факт, что все известные здания с подпольным отоплением других регионов являются непременно банями, позволяет предположить, что исследованные дома Волжской Булгарии также относятся к подобным сооружениям. Об этом свидетельствуют и некоторые их конструктивные особенности.

Особый интерес представляют две значительные по площади постройки домонгольского времени, исследованные в Биляре. Первая из них, интерпретированная как караван-сарай, раскопана А. Х. Халиковым и Р Ф. Шарифуллиным в 1969—1972 гг [13]. Здание состояло из 13 помещений (рис. 1), пять из которых [I, IV, V, VII, VIII) имели систему подпольного отопления, соединенную с топочной камерой (VI), расположенной в северо-восточной его части. Контур здания по форме приближается к прямоугольнику (размеры 16,8×14,8 м). Постройка возведена из квадратного кирпича (размеры его 26×26×5 и 27×27×5 см) [13, с. 81], обожженного и сырцового.

Термин «полуобожженный кирпич» применяемый А. Х. Халиковым и Р. Ф. Шарифуллиным [13, с. 81], кажется неудачным. Речь, очевидно, идет о сырцовой кладке, прокаленной лишь с одной стороны при прохождении горячего воздуха по дымоходным каналам. Такое явление постоянно наблюдается при исследовании сырцовых горнов, кирпичи которых обжигаются изнутри и сохраняют мягкость снаружи. Кладка производилась на глиняном растворе с незначительной примесью извести. Все здание, за исключением пристройки в юго-западной части, опущено в котлован глубиной 115—120 см от уровня пола. Наружные стены его (толщиной 100 см) выложены в четыре ряда кирпича, внутренние стены (толщиной 125 см) выложены из четырех-пяти рядов кирпича [1] На основании этого А. Х. Халиков и Р. Ф. Шарифуллин пришли к выводу,

[1] Здесь явное противоречие. Такая толщина стен возможна при применении кирпичей со стороной 25 или даже 24 см.

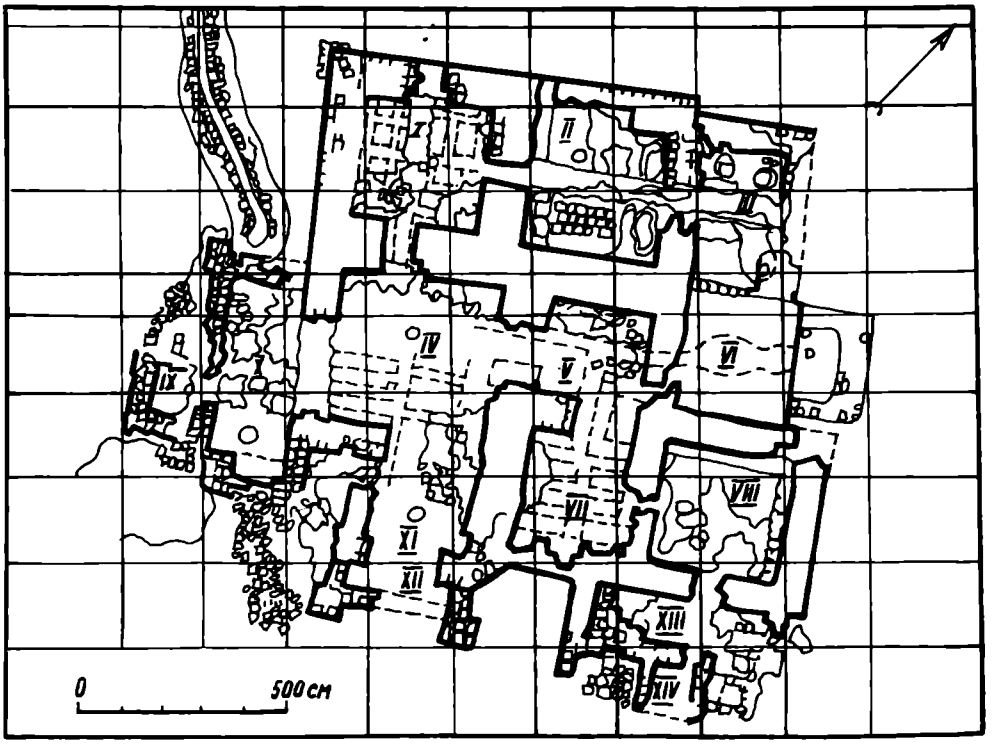


Рис. 1. «Караван-сарай» Биляра (по С. С. Айдарову)

что здание было двухэтажным [13, с. 82] Планировка дома довольно сложна: он состоял из трех рядов помещений. Вход находился с юго-восточной стороны и представлял собой входной тамбур (XII) с неотапливаемыми сенями (XI), в которых, судя по плану, вдоль юго-западной стены шла суфа. В полу сеней обнаружены остатки водосливного лотка в виде неглубокой открытой канавки, обмазанной известковым раствором [15, с. 166] Проем (шириной 90 см) в северо-западной стене вел в отапливаемое помещение, которое в свою очередь соединялось с помещениями V и I. Эти комнаты также имели каналы подпольного отопления. Из комнаты V проход (шириной 95—100 см) вел в теплое помещение VI. Комната I имела, по мнению А. Х. Халикова и Р. Ф. Шарифуллина, дверной проем в юго-западной стене, ведущей наружу. Проем (шириной 60 см) в северо-западной стенке комнаты соединял ее с помещением II. Комната II разделена на две почти равные половины канавой шириной 60 см, углубленной на 70—75 см от уровня пола. Дно ее был покрыто известковым раствором, а кирпичные стенки оштукатурены. Эта канава интерпретируется исследователями как проход, разделяющий помещение на две части [13, с. 89]. Вдоль северо-восточной стены, по обе стороны этого прохода, наблюдались небольшие камеры (100×55 и 80×55 см). Они углублены от уровня пола на 125 см и облицованы известковыми плитами и штукатуркой. По мнению А. Х. Халикова и Р. Ф. Шарифуллина, здесь располагались небольшие погребки [13, с. 91] Канава, проходящая через помещение II, продолжается, несколько понижаясь, и в помещении II вплоть до северо-восточной внешней стены. В северо-западной части помещения III, ближе к краю канавы, располагались два квадратных углубления (40×40 и 45×45 см), заполненные на глубину 20—25 см от верхнего уровня пола золой и пережженными кирпичами. Авторы раскопок считают их основаниями жаровен [13, с. 92] По другую сторону прохода находилась сводчатая печь с трубой, выведенной наружу. Помещение III тактуется А. Х. Халиковым и Р. Ф. Шарифуллиным как кухня, а помещение II — как подсобное при ней [13, с. 95]

Особый блок представляют собой теплая комната VIII с примыкающими к ней холодными сенями XIII и входным тамбуром XIV Помещение VIII не соединя-

лось с остальными комнатами. На юго-востоке оно примыкало к топке. Каналы подпольного отопления были перекрыты кирпичами, пол обмазан водостойким известковым раствором. Вдоль северо-восточной и северо-западной стен шли выступы (шириной 35—40 см), выложенные из кирпича на высоту 20 см от пола. Они также были прикрыты слоем штукатурки. В юго-восточной стене имелся проем шириной 75 см, который вел в помещение сеней. В юго-западной части сеней, по мнению А. Х. Халикова и Р. Ф. Шарифуллина, наблюдались остатки винтовой лестницы, ведущей на второй этаж [13, с. 91] Кладка ступеней лежала на известковом полу и не имела перевязки со стенами помещения. Справа от входа здесь также обнаружены остатки водосливного лотка в виде открытой канавки, обмазанной водостойким раствором. Согласно трактовке исследователей, помещение VIII является складом [13, с. 95]

За юго-западной стеной основного здания находилась более поздняя пристройка, возведенная без фундамента. Стены ее лежали на специальной подушке из глины. Пристройка состоит из двух частей. Большая ее часть (X) примыкает к стене основного здания и соединяется широким проходом (240 см) с комнатой IV Стены этой части (толщиной 60 см) сложены в два ряда кирпича. Кирпичный пол был обмазан толстым слоем (15 см) влагонепроницаемого известкового раствора. Меньшая часть пристройки (IX) примыкала к юго-западной стене помещения X, отступая на 100 см от ее наружного угла. Стены этой комнаты выложены в два кирпича, а пол, возвышавшийся над полом помещения X на 35 см, был покрыт известковой обмазкой. А. Х. Халиков считает, что эти помещения использовались в качестве придомной мечети, в которой большая часть пристройки (X) и комната IV образовывали двухзальную молельню, а меньшая часть (IX) служила михрабом [13, с. 91] Однако несомненно прав С. С. Айдаров, считающий эту пристройку входом в дом, состоящим из тамбура и сеней, совершенно аналогичным юго-западному входу в здание и входу в помещение VIII [15, с. 104] Это мнение подтверждается и наличием водостока, идущего от западного угла пристройки. Здесь на высоте 56 см располагалась слегка желобчатая площадка, покрытая известковой обмазкой. От нее начинался желоб водостока протяженностью в 640 см, наклонно опускавшийся к западному углу раскопа. Желоб был выложен из обломков кирпичей, положенных плашмя и скрепленных глиняным раствором. Скорее всего, он был перекрыт плоским кирпичом и известняковыми плитами. Этот водосток совершенно аналогичен водосливным лоткам других входных узлов и лишь сохранился на бóльшую длину. Наличие его у мечети совершенно необъяснимо.

С северо-восточной стороны здания находилось топочное помещение (VI), сложенное из обожженного кирпича и перекрытое плоским сводом. Над топочной камерой размещалась довольно ровная площадка, покрытая 10-сантиметровым слоем известкового раствора. В центре топочного помещения сооружена печь (ее длина 260, ширина 85 см), состоявшая из двух частей. Пол печи углублен на 145—150 см от уровня пола здания. Перед устьем печи находилась предтопочная яма (260×160 см), заглубленная на 180 см от уровня пола здания. По краям ямы стояли столбы, на которых, вероятно, держалось перекрытие навеса. Из топочной камеры в сторону основных помещений отходил магистральный дымоход шириной 50 см. Под полом комнат IV и V он разветвлялся на сеть боковых каналов (шириной 25—35 см), идущих попарно в противоположные стороны. Отопительные системы отдельных помещений соединялись между собой дымоходами, проходящими под дверными проемами. Перекрытие всех каналов выполнено по системе ложного свода. В стенах здания обнаружено несколько вертикальных дымоходов, которые, по мнению А. Х. Халикова и Р. Ф. Шарифуллина, служили для обогрева верхнего этажа [13, с. 94]

Стены основных помещений здания в нижней части были облицованы тонко расколотыми известковыми плитами. Выше они были оштукатурены и в некоторых местах по сухой штукатурке расписаны различными узорами коричневато-красной краской.

Эту постройку явно общественного характера А. Х. Халиков считает караван-сараем и датирует второй половиной X—XII в.[2] Между тем все конструктивные особенности указывают на то, что описанное здание было баней. Об этом свидетельствует прежде всего обычная для таких сооружений система подпольного отопления. Глубокий котлован, в который опущено здание, толстые полы, мощные стены со встоенными вертикальными дымоходами также характерны для средневековых бань. Все это необходимо для лучшей аккумуляции тепла, прогрева стен, скорейшего достижения и дальнейшего поддержания необходимой температуры внутри помещений и вовсе не указывает на наличие второго этажа. То, что А. Х. Халиков и Р. Ф. Шарифуллин считают винтовыми лестницами, является остатками пристенных суф, на которых посетители оставляли свою одежду. Они сооружались уже после возведения стен здания, и поэтому кладка их сделана не вперевязку.

Полы всех комнат здания были покрыты толстым слоем известкового раствора, а стены оштукатурены. Во всех трех входных узлах находились водосливные лотки. Лучший сток воды обеспечивала приподнятость пола на 20—35 см над уровнем древнего горизонта. Все эти особенности говорят о том, что в здании часто и помногу текла вода, что вполне объяснимо в бане и совершенно непонятно в жилом комплексе. Основываясь на далеких азиатских аналогиях, А. Х. Халиков считает планировку дома характерной для караван-сарая, однако совсем рядом, в Болгаре, есть здание близкой планировки, которое является баней с подпольным отоплением [9, с. 400] Если же рассматривать это сооружение как баню, совершенно иным, нежели это трактовано А. Х. Халиковым и Р Ф. Шарифуллиным, представляется и назначение отдельных помещений.

В юго-восточной части здания находился входной тамбур (XII), вслед за которым шла неотапливаемая раздевальня с суфой (XI). Отсюда проход вел в теплую мыльню (IV), в юго-западной стене которой впоследствии была сделана дверь, ведущая в аналогичный предбанник с суфой и входным тамбуром (X, IX). Из помещения IV можно было попасть в горячие мыльни (V и VII) или же в следующее теплое помещение I[3] В северо-западной стене комнаты I, по мнению А. Х. Халикова, находился сквозной проход на улицу [13, с. 89] Это предположение кажется маловероятным, так как в условиях холодного климата совершенно нелогично соединять теплое помещение непосредственно с улицей. О том, что булгарские мастера понимали это, говорит устройство всех входных узлов описываемого здания. Окна в стенах не характерны для банных построек, поэтому можно предположить, что здесь в стене находилась ниша, аналогичная нише помещения II. Кстати говоря, разнообразные ниши являются распространенной деталью интерьера бань. Следующие за комнатой I помещения II и III разделены надвое канавой глубиной 70—75 и шириной 60 см. А. Х. Халиков считает, что первоначально на месте помещения III располагалась отопительная печь, главный дымоходый канал которой шел под комнату II. При последующей перестройке печь была смещена к юго-востоку, а дымоходный канал использовали в качестве коридора [13, с. 91]. По мнению С. С. Айдарова, канал помещений II и III вообще соединялся с подпольной системой помещения I. Этот исследователь также придерживается мнения о существовании здесь топки более раннего периода [15, с. 103] Оба эти предположения бездоказательны. Прежде всего, этот канал никак не мог соединяться с подпольным отоплением комнаты I, так как его стенки и дно обмазаны изве-

---

[2] Вопрос о датировке здания не совсем ясен. Он связан с форматом кирпича. А. Х. Халиков указывает, что здание возведено из кирпичей формата 26—27×26—27×5 см [13, с. 94], а в статье С. С. Айдарова, руководившего консервацией здания, для чего были изготовлены кирпичи тех же размеров, что и древние, утверждается, что оно построено из кирпичей 24—25×24—25×5 см [15, с. 101].

[3] Атрибуция помещений (и теплых, и холодных) дается по описанию, так как на плане жаровые каналы изображены лишь частично.

стковым раствором, что никогда не делалось в подпольном пространстве, и на них не обнаружено ни малейших следов копоти. Мало правдоподобно и предположение о наличии здесь первоначальной топки. Использовать этот канал в качестве топки совершенно невозможно, так как вся система подпольного отопления не только планируется, но и строго нивелируется заранее. Причем основной особенностью ее является постепенное повышение дна подпольных каналов от топки в сторону выводного вертикального дымохода. Такой планировочный принцип был разработан еще в античное время [16, с. 145] Здесь же отметка дна в комнате IV—181 см, а в канале комнаты III—160 см, т. е. превышение составляет 21 см. Использование канала в качестве коридора представляется просто крайне неудобным. Техническое и конструктивные особенности свидетельствуют о том, что этот канал имел непосредственное отношение к системе водостока. Поэтому он и облицован водостойким раствором. Понижаясь в сторону помещения III, он выводил сточные воды за северо-восточную стену. Где и чем заканчивался канал, к сожалению, останется неизвестным, так как на северо-востоке его и часть стены здания перерезает поздняя яма. В помещениях канал, вероятнее всего, был перекрыт сверху досками: на дне его обнаружен древесный тлен [13, с. 89]. Вообще назначение и устройство комнат II и III не совсем ясно. Это могли быть прохладные мыльни или помещения для процедур. Углубления в полу помещения II, облицованные штукатуркой, являлись, вероятно, небольшими резервуарами для воды или каких-то растворов, благовоний. В помещении III действительно могли находиться жаровни, так как подпольное отопление здесь отсутствует. Трудно объяснить наличие небольшой печки в том же помещении, но она скорее всего относится к более позднему времени, когда здание было заброшено и использовалось не по назначению [13, с. 95] В юго-восточной части здания находилась довольно сильно обогреваемая комната VIII, не соединенная с другими. С юго-востока к ней примыкают холодные сени с суфой и входной тамбур. Предположение А. Х. Халикова о том, что здесь находился склад, представляется бездоказательным. Совершенно непонятно, почему под складское помещение была отведена одна из самых теплых комнат дома, почему в него вел столь сложно устроенный входной узел и почему там так часто мыли полы, что для стока воды был проложен специальный желоб. Вероятнее всего, весь юго-восточный блок помещений был особым отделением бани, состоящим из тамбура, раздевальни и горячей мыльни. Возможно, это отделение было женским. Женские отделения значительно меньших размеров, нежели мужские, весьма часто встречаются в банях Средней Азии [1, с. 137]

Остается ответить лишь на вопрос, как поступала в баню вода. Обычно ее набирали в колодце, который и был обнаружен недалеко от юго-восточного фасада здания (яма 15). Воду заливали в цистерну, находившуюся прямо над печью. О наличии здесь цистерны свидетельствует ровная площадка покрытая толстым слоем водостойкого раствора. Водопроводной системы в здании не было, поэтому, вероятно, воду черпали через окошечки в цистерне и разносили по комнатам. Кстати говоря, кувшины и кринки, т. е. сосуды, употреблявшиеся для разноса воды, составляют 27% всей керамики из раскопа [17, с. 211] Использованная вода удалялась по водосточной системе, описанной выше.

Что касается предложенной С. С. Айдаровым реконструкции внешнего вида здания, основанной на неверном определении его назначения, то ее нельзя признать соответствующей действительности. Как и все восточные бани, здание в Биляре, несомненно, было одноэтажным и имело купольные перекрытия. Кстати, сам автор проводит аналогию этого здания с Белой палатой [15, с. 112], которая, как известно, была многокупольным сооружением. Мало вероятной представляется и реконструкция строительных периодов, выполненная С. С. Айдаровым. Пожалуй, можно согласиться с возможностью перестройки неотапливаемых раздевален и тамбуров, но все помещения, имевшие подпольное отопление, без всякого сомнения, были построены одновременно. Как уже указывалось, для нормальной работы системы отопления требуется тщательная нивелировка дна котлована, что совершенно невозможно при перестройках.

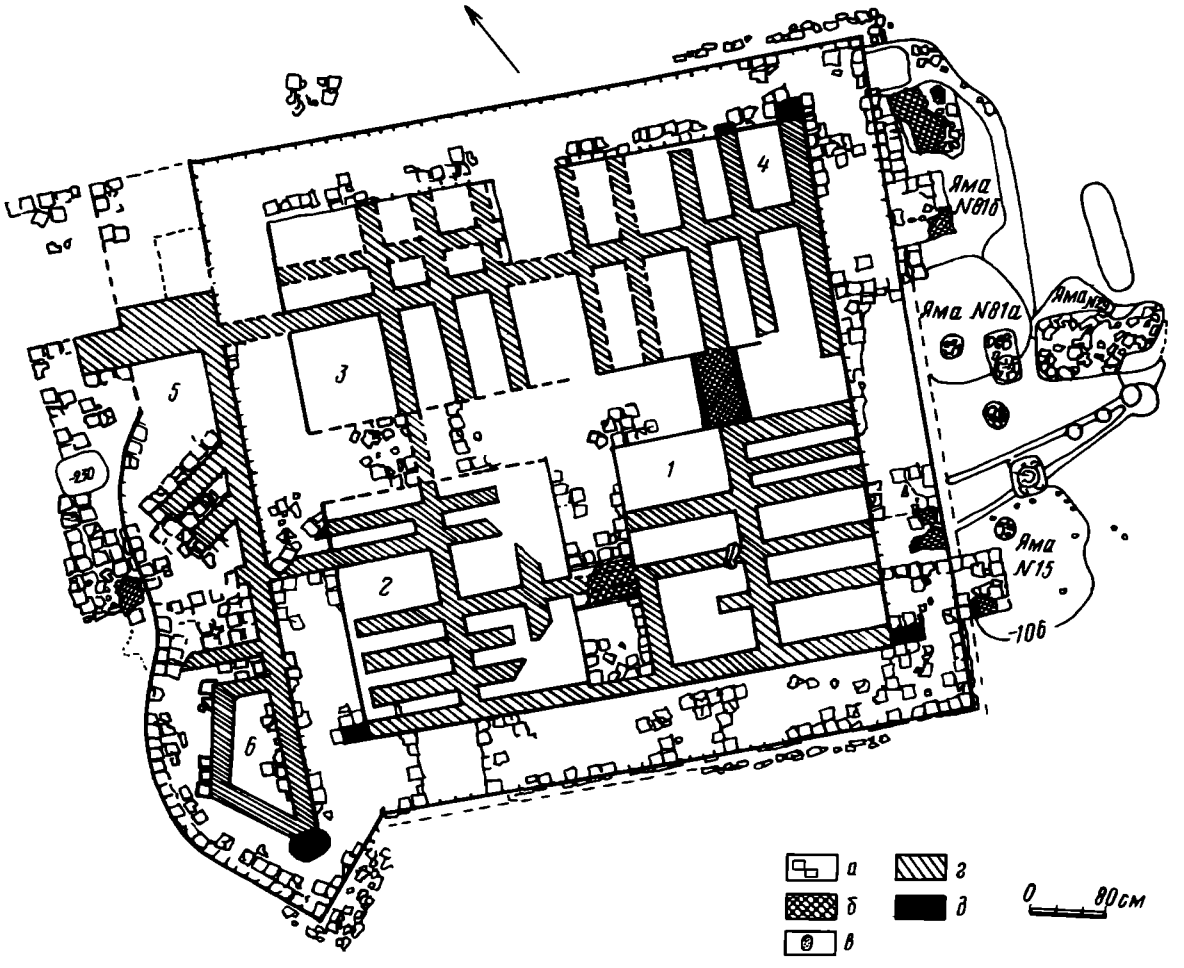


Рис. 2. Кирпичное здание на XVII раскопе (по А. Х. Халикову). *а* — кирпич; *б* — известковая обмазка; *в* — дерево; *г* — горизонтальные дымоходы; *д* — вертикальные дымоходы

Подводя итог, можно сказать, что здание так называемого «караван-сарая» в Биляре является интереснейшим образцом банного сооружения Волжской Булгарии домонгольского времени.

Другое здание с подпольной отопительной системой было исследовано А. Х. Халиковым в центральной части Билярского городища в 1971—1972 гг. [14] По его мнению, оно входило в единый комплекс с расположенной рядом мечетью [14, с. 11] От здания (рис. 2) частично сохранились остатки фундамента и цокольной части. Фундамент опущен в котлован глубиной 120 см, дно которого было тщательно выровнено и утрамбовано. Стены сложены из стандартных кирпичей (26×26×5 см) на илисто-глинистом растворе с небольшой примесью извести. В основании опорных стен и на кладку перемычек между дымоходными каналами употреблялся сырцовой кирпич и, по выражению А. Х. Халикова, «полуобожженный». Основные стены дома (средней толщиной 95—100 см) выложены из четырех рядов кирпича [14, с. 11] [4] Здание можно разделить на две части. В основании плана большей части лежит квадрат 11×11 м, разделенный внутренней крестообразной перегородкой на 4 равные комнаты площадью по 16 м^2 Стены внутренней перегородки (толщ. до 110 см) сложены в среднем из пяти рядов кирпича. Такая мощность стен свидетельствует, по мнению А. Х. Халикова, о том, что здание было двухэтажным [14, с. 12] Во внутрен-

[4] Здесь и далее в публикации явное несоответствие: такую толщину стены, выложенные в четыре ряда, могут иметь при размере кирпича 24—25×24—25×5 см. Кстати говоря, на плане в кладке наружных стен изображено шесть рядов кирпича.

них перегородках находились проходы (шириной 60—65 см), которые соединяли все комнаты между собой. Полы и стены комнат в некоторых местах сохранили покрытие (толщиной 5—6 см) из известковой плитки и штукатурки. К северо-западной части здания примыкали два помещения полукруглой формы. Их наружные стены имели толщину всего лишь 50 см, а фундамент заглублен до 150 см. От основных комнат они были отделены перегородкой в 50 см толщиной [14, с. 16] [5] Между собой эти помещения были разделены такой же толщины стенкой с небольшим проемом. Западный угол здания оформлен выступом прямоугольной формы, в котором, как считает А. Х. Халиков, находилась башня с винтовой лестницей, ведущей на второй этаж [14, с. 16]. Вход, по мнению исследователя, располагался с юго-восточной стороны и был двухпроемным: через комнату 1 он вел в цокольный этаж, а в комнате 4 можно было подняться на второй этаж. Последнее утверждение кажется голословным, так как даже сам автор вынужден признать, что никаких следов лестничной клетки найдено не было [14, с. 16]. По бокам входного проема снаружи, на расстоянии 120 и 210 см от углов здания, в связи со стеной, но без фундамента располагались прямоугольные (80×100 см) основания полуколонн-пилястров. На них, как считает А. Х. Халиков, покоилась П-образная арка, обрамляющая вход [14, с. 15] Порог входа был покрыт известковой вымосткой, на которой сохранился древесный тлен, возможно, от деревянных частей двери или ее рамы. Перед входной дверью обнаружены остатки фундамента шести столбов, на которые, по мнению автора раскопок, опиралось крыльцо. От крыльца вела мостовая шириной 400 см. Кроме того, в юго-западной стене, на расстоянии 150 см от углового выступа, находился сквозной проем шириной 90 см. Он имел с наружной стороны барьер в один кирпич (25 см). Внутренняя сторона проема возвышалась над уровнем пола на 25 см. Вдоль всей юго-западной стены, на расстоянии 150 см от нее, тянулась серия ям размерами 30—40 см, которые располагались вдоль узкой канавки. По мнению А. Х. Халикова, эти ямы могли остаться от столбов, поддерживавших балконную террасу второго этажа, канавка же служила основанием предстенной отмостки или легкой деревянной галереи [14, с. 16]. С. С. Айдаров и Ф. М. Забирова высказали предположение, что это следы крытой галереи, ведшей от углового выступа к зданию деревянной мечети [18, с. 57].

В северо-западной стене здания, на расстоянии 200 см от восточного угла, намечался дверной проем в 90 см (на плане почему-то не обозначен), обрамленный с наружной стороны порогом в два ряда вертикально поставленных кирпичей. Эта дверь была направлена в сторону колодца и кухонно-хозяйственного пристроя.

Здание отапливалось находившейся в северо-западном углу печью, прямоугольной в плане, двухкамерной конструкции. Под печи заглублен относительно уровня пола на 120 см. От топки отходили два магистральных канала. Один из них проходил под комнатами 5 и 6 и завершался в северо-западном углу постройки вертикальным дымоходом, который, по мнению А. Х. Халикова, предназначался для обогрева второго этажа [14, с. 14] Другой магистральный канал с примыкающими к нему ответвлениями служил для обогрева основной части здания. Часть каналов заканчивалась вертикальными дымоходами, расположенными в толще стен. Ширина каналов колеблется от 30 до 45 см, дно их углублено на 80—100 см от уровня пола. Уровень дна котлована подпольной системы отопления повышается от топки к выводным вертикальным дымоходам в среднем на 25—30 см. Сверху каналы были перекрыты кладкой в два-три слоя кирпича, покрытой известковой обмазкой. Трудно не согласиться с А. Х. Халиковым, что «такая развитая система отопления здания свидетельствует о высокой строительной технике булгарских мастеров» [14, с. 15] Однако совершен-

[5] Это утверждение не согласуется с планом, где толщина перегородки равна толщине наружных стен основной части здания.

но непонятно, почему он считает, что «в настоящее время трудно выяснить истоки этой системы, ибо ни Средняя Азия, ни Иран такой отопительной техники практически не знали. Возможно, эти истоки следует искать в римско-византийской архитектуре, где подпольная отопительная система типа гипокаусов вырабатывается еще в римское время» [14, с. 15]. Как уже указывалось, подпольное отопление было известно в средневековых банях не только на всем Востоке, но и в некоторых странах Европы.

Анализ технических и планировочных приемов показывает, что это здание, как и предыдущее, является баней. Основная часть ее состояла из четырех теплых мылен (помещения 1—4). Вход в баню скорее всего действительно находился в восточной стене, однако трактовка его оформления А. Х. Халиковым кажется спорной. Если считать полуколонны восточной стены пилястрами арки входного проема, то не совсем понятно их несимметричное расположение относительно фасада. Мало вероятно также, что вход упирался во внутреннюю стену здания. Двухпроемный вход вряд ли был нужен в столь небольшом доме, тем более что никакого второго этажа, а соответственно и лестничной клетки здесь не зафиксировано. Дверь, вероятно, вела только в юго-восточную комнату здания (помещение 1) В этом случае дверной проем располагался по центру между пилястрами. Такая трактовка позволяет также понять смещение пилястров к югу относительно центральной оси здания. Кстати, на плане реконструкции, выполненном С. С. Айдаровым, показан именно однопроемный вход, симметрично обрамленный пилястрами [18, с. 51] Столбы перед входом могли быть остатками деревянной пристройки, представлявшей собой небольшой тамбур, просто необходимый при выходе из теплого помещения на улицу. Остатками каркасного предбанника, возможно, являются и столбики, идущие вдоль южной стены здания. В банях Средней Азии легкие плоскокровельные пристройки к капитальной части встречаются повсеместно [1, с. 137] В этом случае из предбанника через проем в южной стене можно было попасть непосредственно в помещение 2.

Что же касается полукруглых помещений 5 и 6, то они, вероятнее всего, являлись цистернами для воды. На это указывает меньшая толщина их стен и более глубокий фундамент в этой части. Вода в цистернах не была горячей: воздух в каналах мог нагревать ее лишь до теплого состояния. Однако можно предположить, что над печью находилась третья цистерна, которая, как и большая часть самой печи, не сохранилась. Вода в цистерны наливалась из колодца, расположенного вблизи северо-восточного угла дома. Здание имело один этаж и было, очевидно, четырехкупольным. В целом следует отметить, что планировка его очень своеобразна и не имеет прямых аналогий, но все технические особенности здания позволяют утверждать, что это была баня. Интересен тот факт, что баня построна рядом с мечетью. Такой же комплекс был обнаружен на Селитренном городище в 1983—1984 гг. Вполне естественно, что два основных центра общественной жизни средневековья располагались в непосредственной близости. Более того, В. Л. Воронина указывает на то, что бани, как доходные заведения, часто являлись вакуфными владениями при мечетях [1, с. 144]

Еще два дома с подпольным отоплением значительно более простой планировки раскопаны А. П. Смирновым в Хулаше в 1962 г. [11, с. 29—33] и А. П. Смирновым и Г. А. Федоровым-Давыдовым на городище Большая Тояба в 1957 г [12, с. 87—90] Оба здания прямоугольные в плане и состояли из двух отапливаемых помещений с топочной камерой. Хулашский дом (рис. 3) имел в длину 8,8 и в ширину 3 м в северной части и 3,5 м в южной. Фундамент здания заглублен в землю на 95 см. Толщина стен 50 см (полтора-два кирпича). Стены сложены из обожженного и сырцового кирпича на глиняном растворе в подпольной и на известковом в наземной части. Здание в Большой Тоябе (рис. 4) также представляло собой вытянутый прямоугольник длиной 10,7 и шириной 3,4 м на севере и 1,9 м на юге. Фундамент сложен из обожженного кирпича и опущен в

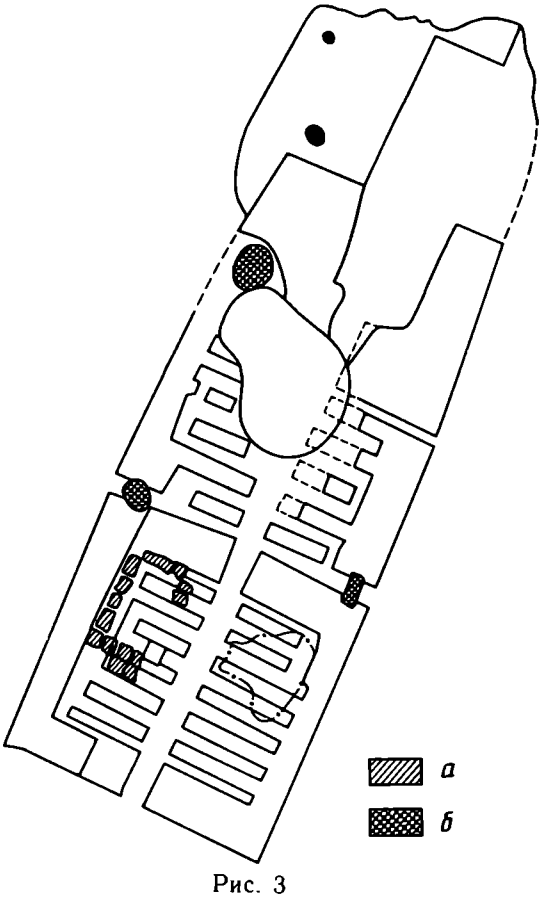


Рис. 3

Рис. 3. Кирпичный дом на городище Хулаш (по А. П. Смирнову). *а* — камера из обожженного кирпича; *б* — вертикальные дымоходы

Рис. 4. Кирпичный дом на городище Большая Тояба (по Г А. Федорову-Давыдову). *а* — кирпич; *б* — нарушенная часть здания

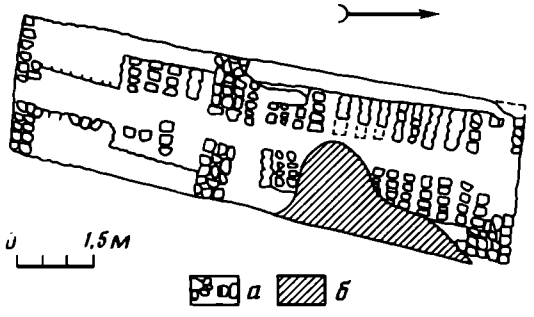


Рис. 4

материк на 80 см. Система отопления обоих домов состояла из заглубленной ниже пола и дневной поверхности печи и каналов-дымоходов, проходивших между прямоугольными в плане устоями, на которые опирались плиты пола. В обоих случаях печь топилась из предтопочной ямы. Вдоль длинной оси здания проходил магистральный дымоход, идущий от топочной камеры. От него отходили боковые ответвления, часть из которых попарно соединялась или заканчивалась вертикальными дымоходами, проложенными в толще стен. В хулашском доме на месте слияния двух горизонтальных каналов в один вертикальный прослежен люк для очистки сажи, заложенный плитами песчаника и замазанный слоем глины. Здесь же сохранилось перекрытие горизонтальных каналов, сделанное из обожженного кирпича, на котором лежали плиты пола из песчаника, покрытые, в свою очередь, толстым слоем (до 5 см) известкового раствора. В доме на городище Большая Тояба найдены остатки сводчатой арки, перекрывавшей магистральный дымоход. В целом планировка и техническое устройство подпольного отопления обоих зданий совершенно идентичны. Из внутренних сооружений следует отметить сохранившуюся в южной комнате хулашского дома небольшую камеру (55 × 106 см). Стенки ее сложены из двух рядов кирпича на известковом растворе, вымостка дна лежала на полу комнаты и была покрыта слоем извести до 10 см толщиной. А. П. Смирнов считал эту комнату кладовой [11, с. 30] Здание в Хулаше датируется XII в., а на городище Большая Тояба — концом XIII в. Оба они до настоящего времени считались богатыми частными домами. Однако планировка этих построек почти полностью совпадает с планами небольших общественных и дворцовых бань, например в Херсонесе, [6, с. 263, 266, 271], Дманиси [5, с. 270], Анберде, Аракелоце и Татевском монастыре [4, с. 224] Весьма типично для банных сооружений устройство подпольного отопления и покрытие пола толстым слоем водоупорного известкового раствора. Правда, в отличие от упомянутых бань, которые состояли из теплой мыльни и неотапливаемого предбанника, в рассматриваемых домах оба помещения имели подпольное отопление. Можно предположить, что, в силу суровых климатиче-

ских условий, здесь были сделаны теплые предбанники. Однако этой гипотезе противоречит наличие камеры в южной комнате хулашского дома. Эта камера, дно и стенки которой были обмазаны известковым раствором, более всего напоминает ванну или резервуар для воды, аналогичную ваннам в общественной бане Херсонеса и крепостной бане Дманиси. Если же оба помещения дома в Хулаше, который по всем признакам является баней, были мыльнями, то не совсем понятно, где же находилась раздевальня. В настоящее время разрешить этот вопрос не представляется возможным, однако по аналогии с банями Средней Азии можно предположить, что предбанник был деревянным и конструкции его не сохранились.

Таким образом, подробное рассмотрение зданий с подпольным отоплением Волжской Булгарии позволяет считать эти постройки банями. Такой взгляд несколько меняет сложившиеся представления о домостроительстве и монументальной архитектуре этого государства. В свое время А. П. Смирнов указывал на то, что жилые дома с подпольным отоплением были широко известны еще в домонгольское время в Средней Азии, откуда они могли распространиться в Волжскую Булгарию [10, с. 141, 251; 11, с. 32] Здесь, очевидно в силу неизученности вопроса, исследователь принял за отопительную систему типа канов собственно отопление подпольного пространства. В настоящий момент можно с полной уверенностью утверждать, что как в Средней Азии, так и в других регионах весь пол обогревался только в банных сооружениях. И Волжская Булгария не является исключением из этого правила. Бани, как общественные заведения, были широко распространены здесь в золотоордынское [9] и домонгольское время.

Банные сооружения, рассматриваемые в работе, относятся в основном к домонгольскому времени. По планировке их можно отнести к двум типам. Тип I представлен хулашской баней начала XII в. и баней в Большой Тоябе XIII в., состоящими из двух прямоугольных в плане помещений и топки, вытянутых вдоль длинной оси здания. Такой тип планировки характерен для усадебных и дворцовых, т. е. частных, бань, но существовали также и небольшие общественные бани такого плана. Бани в Хулаше и Большой Тоябе, вероятнее всего, были общественными, так как никаких следов усадьбы вокруг них не обнаружено. На общественный характер этих построек указывает и их расположение рядом с валом вне городища в одном случае и на его окраине — в другом. Малые размеры и простота планировки объясняются, вероятно, тем, что они находились в небольших населенных пунктах. Большие общественные бани крупнейшего городского центра Волжской Булгарии — Биляра можно отнести к типу II. Они состоят из нескольких прямоугольных и квадратных в плане помещений, расположенных в несколько рядов. Более того, в бане, считавшейся ранее караван-сараем, имелись два отделения — большее мужское и меньшее женское. Планировка билярских бань более всего напоминает баню XI—XII вв. в Таразе [19, с. 43], также состоящую из двух рядов прямоугольных помещений. Возможно, этот тип был принесен среднеазиатскими мастерами, явное влияние которых на строительную технику Волжской Булгарии отмечали многие исследователи, в том числе и А. П. Смирнов [10, с. 138]

Таким образом, в Волжской Булгарии уже в домонгольское время существовали общественные бани как простой (тип I), так и относительно сложной (тип II) планировки. Оба типа продолжают существовать и в золотоордынское время. Тип I представлен баней в Большой Тоябе и баней № 1 XIII в. в Болгаре [9, с. 393—398]. К типу II относится уже упомянутая баня № 3 в Болгаре [9, с. 415—421] Однако в XIV в. здесь появляются банные сооружения принципиально новой, более развитой планировки, композиционной особенностью которой является крестообразный центральный зал. Бани крестового плана дошли до нас в виде таких прекрасных образцов булгарского зодчества, как Красная и Белая палаты.

Подводя итог, следует отметить, что наличие общественных бань домонгольского периода как в крупных, так и в более мелких городах является еще одним свидетельством сложной организации городской жизни и высокого уровня культуры Волжской Булгарии уже в это время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронина В. Л.* Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство. 1983. Вып. 31.
2. *Воронина В. Л.* Об узбекских банях // СЭ. 1951. № 1.
3. *Уссейнов М., Бретаницкий Л. С., Саламзаде А.* История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат, 1963.
4. *Халпахчьян О. Х.* Средневековые бани Армении // СА. 1960. № 1.
5. *Мусхелишвили Л.* Раскопки в Дманиси // СА. 1940. Т VI.
6. *Якобсон А. Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму. Средневековые бани Херсонеса // СА. 1946. Т. VIII.
7 *Зиливинская Э. Д.* Средневековые бани Нижнего Поволжья. // Сокровища саматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989.
8. *Георгиев П. П.* К вопросу о древнерусских банях // СА. 1981. № 1.
9. *Хованская О. С.* Бани города Болгара // МИА. 1954. № 2.
10. *Смирнов А. П.* Волжские Булгары // Тр. ГИМ. 1951. Вып. XIX.
11. *Смирнов А. П., Каховский В. Ф.* Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.
12. *Федоров-Давыдов Г А.* Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 году // Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960.
13. *Халиков А. Х., Шариффулин Р. Ф.* Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города. М.: Наука, 1967
14. *Халиков А. Х.* Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.
15. *Айдаров С. С.* Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.
16. *Витрувий.* Об архитектуре. 10 книг. Л., 1936.
17 *Григорьева Г В., Терехина Л. С., Терехина Н. А., Халиков А. Х.* Гончарная керамика Билярского городища (по материалам раскопок 1967—1972 гг.) // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.
18. *Айдаров С. С., Забирова Ф. М.* О реконструкции и консервации остатков комплексов мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.
19. *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950.

E. D. Zilivinskaya

HOUSES WITH UNDER-FLOOR HEATING IN VOLGA BULGARIA

Summary

Previously such houses were considered to be dwellings and public buildings; a more detailed analysis, however, showed that these constructions were public bath-houses. There were two types of layout of such houses in the pre-Mongolian period: some of them had smaller rectangular rooms along the house and other had similar rooms running in several rows. The author believes that the second type came from Central Asia. She also traces their evolution in the Golden Horde period.

Я. Н. НЕРСЕСОВ

АТЛАТЛЬ — ТРАДИЦИОННОЕ ОРУЖИЕ ИНДЕЙЦЕВ ЮГО-ЗАПАДА США И СЕВЕРНОЙ МЕКСИКИ

Специфика экологических условий Юго-Запада США и Северной Мексики [1] (рис. 1) (сухость климата на большей части территории) во многом обусловила не только своеобразие развития местных древних племен и характер их материальной культуры, но и великолепную сохранность в сухих пещерах вещевого комплекса из легкоразрушающихся органических материалов (дерева и растительного волокна). Примером этого может быть деревянная копьеметалка, или атлатль, использовавшийся и на охоте, и на войне.

Долгое время, по-видимому, со времен становления культуры собирателей и охотников докерамического периода и до начала второй половины I тыс. н. э., а местами вплоть до испанской конкисты и даже позднее, основным традиционным видом оружия у древних индейцев Юго-Запада США и Северной Мексики и у некоторых из их исторически известных последователей был архаичный атлатль. Он состоял из двух частей: дротика и деревянной копьеметалки (собственно атлатля), с помощью которой увеличивалась дальность полета дротика (как показали эксперименты, она возрастала на 60%) [5, с. 55; 6, с. 182; 7, с. 54, 55]

Даже такое, несомненно, более совершенное оружие, как лук, превосходивший атлатль в точности и дальности полета снаряда, по-видимому, заметно уступал ему в убойной силе из-за его более крупных и тяжёлых наконечников и древков дротиков [6, с. 182].

Судя по археологическим материалам, происходящим из пещер Юго-Запада США и Северной Мексики, атлатль был хорошо известен в древности на этой территории.

На территории Юго-Запада США его находки известны: в ареале культуры *Баскетмейкер* (север Аризоны, юг Юты, юго-запад Колорадо и большая часть севера Нью-Мексико) (ок. 250 г. до н. э. — 750 г. н. э.) [3, с. 214] Кайента Кейв, Аризона [8, с. 178, рис. 88, 82], Броукен Руф Кейв, Аризона [9, с. 71, рис. 50], Уайт Дог Кейв, Аризона [10, с. 80, рис. 33], Каньон дель Муэрто, Аризона [11, с. 69, рис. 93, а], Лакачукай, Аризона [12, с. 309, рис. на с. 298], Кинбоко Кейв из района Сан-Хуан [7, с. 54, 55], Хогап Кейв,

---

Юго-Запад США (штаты: Нью-Мексико, Аризона, юго-запад Колорадо, юг и запад Юты, крайний юг Невады, запад и крайний юг Техаса) и Северная Мексика (штаты: Сонора, Чиуауа, Дуранго, Коауила, Нуэво-Леон, Тамаулипас), за исключением штата Нижняя Калифорния, составляют относительно единый культурно-географический регион — Юго-Запад Северной Америки [1, с. 22, рис. 1]. Включение этих штатов Северной Мексики в состав Юго-Запада Северной Америки обусловлено тем, что она полностью лежит за пределами культурно-географического региона Мезоамерика, поскольку, во-первых, природная граница между Северной и Центральной Мексикой проходит по Поперечной Вулканической Сьерре и впадине Бальсас [2, с. 64] и, во-вторых, здесь же по р. Лерма в I тыс. н. э. проходила северная граница высоких культур Мезоамерики, практически совпадавшая с северными рубежами теотихуаканской культуры [3, с. 5] К Северной Мексике относится также и Нижняя Калифорния (одноименные штат и полуостров), но она в культурно-экологическом плане все же более тяготеет к двум другим своим северным соседям: культурно-географическим областям Калифорния и Большой Бассейн (США) [4, с. 180, 182, 357, 362, 363]

Рис. 1. Карта юго-запада США и Северной Мексики

Юта [7, с. 54, 55], Гранд Галч, Юта [13, рис. 111, *1*; 14, рис. VI, а], Кондадо Сан-Хуан, Юта [14, с. 118], Каньон Манкос, Колорадо [12, с. 303—305, рис. на с. 296] и г. Дуранго (не путать со столицей северо-мексиканского штата Дуранго — г. Дуранго), Колорадо [15, с. 68, рис. 43]; на *территории культуры Мугейон* (ок. 200 г. до н. э. — 1100 г. н. э.) [16, с. 215]: Биар Криик Кейв, Аризона [17, рис. 20—2], Тулароса Кейв, Нью-Мексико [18, с. 336, 373, рис. 133], О'Блок Кейв, Нью-Мексико [19, с. 181, рис. 92, а]; *в районе Уэко и гор Гвадалупе*: Куэва Серемониал, Техас [20, с. 48, рис. 68, *a, b, d, g*], Куэва Чавес, Нью-Мексико [20, с. 48, рис. 68 с], Монтаньяс Гвадалупе, Нью-Мексико [21, с. 9], Бёрнет Кейв, Нью-Мексико [22, с. 68], Рок Фолл Кейв, Нью-Мексико [23, с. 46, 57, рис. II, *1*], Литтл Пайн, Нью-Мексико [23, с. 46, 57]; *в районе Биг Бенд в Западном Техасе:* Бии Кейв [24, с. 28], Шумла [25, с. 29, 30; рис. IX, *1—2*], Монтаньяс Чисос [26, рис. 56, d], Шелби Брукс Кейв [27, p. 189, рис. 27], Бэйлор [28, с. 221, рис. 9], а также на территории культуры Хохокам [15, с. 170].

На территории Северной Мексики это районы Сьерра Мадре и Сьерра-де-Тамаулипас, оба в Тамаулипасе [29; 30]; пещеры Куэва Эль Койоте,

Куэва де ла Канделариа и Пайла [14, с. 40, рис. 13, VI, *g*; 20, с. 48, 49; 31, рис. IV, *2*], все — Коауила; пещера Ла Куэва де Лос Муэртос Чикитос, северное Дуранго [32, с. 356—369]; район Кейв Вэллей [33, с. 113] и Касас Грандес [34, с. 158], оба — Чиуауа; Ла Плайя и окрестности г. Сойопа, расположенного в верхнем течении р. Яки, оба — Сонора [35, с. 181, 183, рис. 1, *g*; 36, с. 188, 190]; пещера Серро Куэбосо Кейв на юге Нижней Калифорнии [37, с. 55 рис. 2; 38, с. 86; 39, с. 49, рис. 8].

Лучше всего находки атлатля представлены в археологических материалах ареала культуры Баскетмейкер и северомексиканских штатов Коауила и Нижняя Калифорния. И в Коауиле, и в Нижней Калифорнии дольше всего, почти в первозданном виде, сохранялись рудименты культур собирателей и охотников докерамического периода, что было связано с их изолированностью от более развитых районов в силу специфики экологических условий (безводные пустынные районы — в Коауиле) и географического положения (полуостровное положение Нижней Калифорнии). Как раз этим-то археологические материалы Коауилы и Нижней Калифорнии и ценны для археологов и этнографов, занимающихся реконструкцией быта древних индейцев Юго-Запада США и Северной Мексики. Именно на территории этих двух северомексиканских штатов особенно долго применялся наиболее примитивный и, возможно, самый древний тип атлатлей. Материалы культуры Баскетмейкер напротив, интересны тем, что там хорошо представлен более совершенный и, по-видимому, более поздний тип атлатля [2]

Не исключено, что типы атлатлей, происходящих из этих трех областей, демонстрируют возможную схему эволюции этого традиционного вида оружия древних индейцев Юго-Запада США и Северной Мексики.

Одной из наиболее ярких и самобытных древних культур Северной Мексики была культура собирателей, охотников и рыболовов докерамического периода — Лас Пальмас, своеобразие которой обуславливалось ее изолированным географическим положением — на самом юге п-ова Нижняя Калифорния. Примером целого ряда присущих только этой культуре специфических предметов материальной культуры как раз и был наиболее примитивный тип среди всех известных на сегодняшний день науке атлатлей.

Около Кабо Пульмо в захоронении Серро Куэбосо Кейв в погребении 5 была найдена связка из четырех атлатлей, относимых по классификации Ф. Краузе [40] к «мужскому» типу, с круглыми деревянными древками (длиной 82 см, диаметром от 11 до 13 мм) и уступами-упорами для торцовой части дротика, вырезанными в задней части атлатлей (рис. 2, *1*). Спереди они были снабжены петлей из коры или кожи (?) для захвата древка дротика пальцами руки. Весь атлатль вырезался из единого деревянного бруска [37, с. 55, 57, рис. 2; 38, с. 81, 86, рис. 2, с. 87; 39, с. 49, рис. 8]. Поскольку находки атлатлей в Северной Америке явление редкое, то находка из пещеры Серро Куэбосо Кейв (атлатли хранятся в Музее антропологии Калифорнийского университета — Музей Лоуи в Беркли, UCMA 3—11765—68) [37, с. 55, рис. 2; 38, с. 86] представляет безусловно большой интерес.

Нигде больше — ни на территории Юго-Запада США и Северной Мексики, ни в Мезоамерике — атлатли «мужского» типа пока неизвестны. Лишь на севере, в соседнем археологическом регионе Большой Бассейн (США) имеются близкие, но все же отличные от них экземпляры. На территории же отдельного от Нижней Калифорнии Калифорнийском заливом Юго-Запада Северной Америки, а также в центральных и южных районах Мексики пока известны атлатли только «смешанного» типа, т. е. предназначенные для людей обоих полов [37, с. 57]. Поскольку этот тип уже имеет желобок или паз для вкладывания в него древка дротика, то, несомненно, он более совершенный и, по-види-

---

[2] В каждом конкретном случае это определяется возрастом находок атлатлей, т. е. горизонтом культурного слоя, в котором они были найдены.

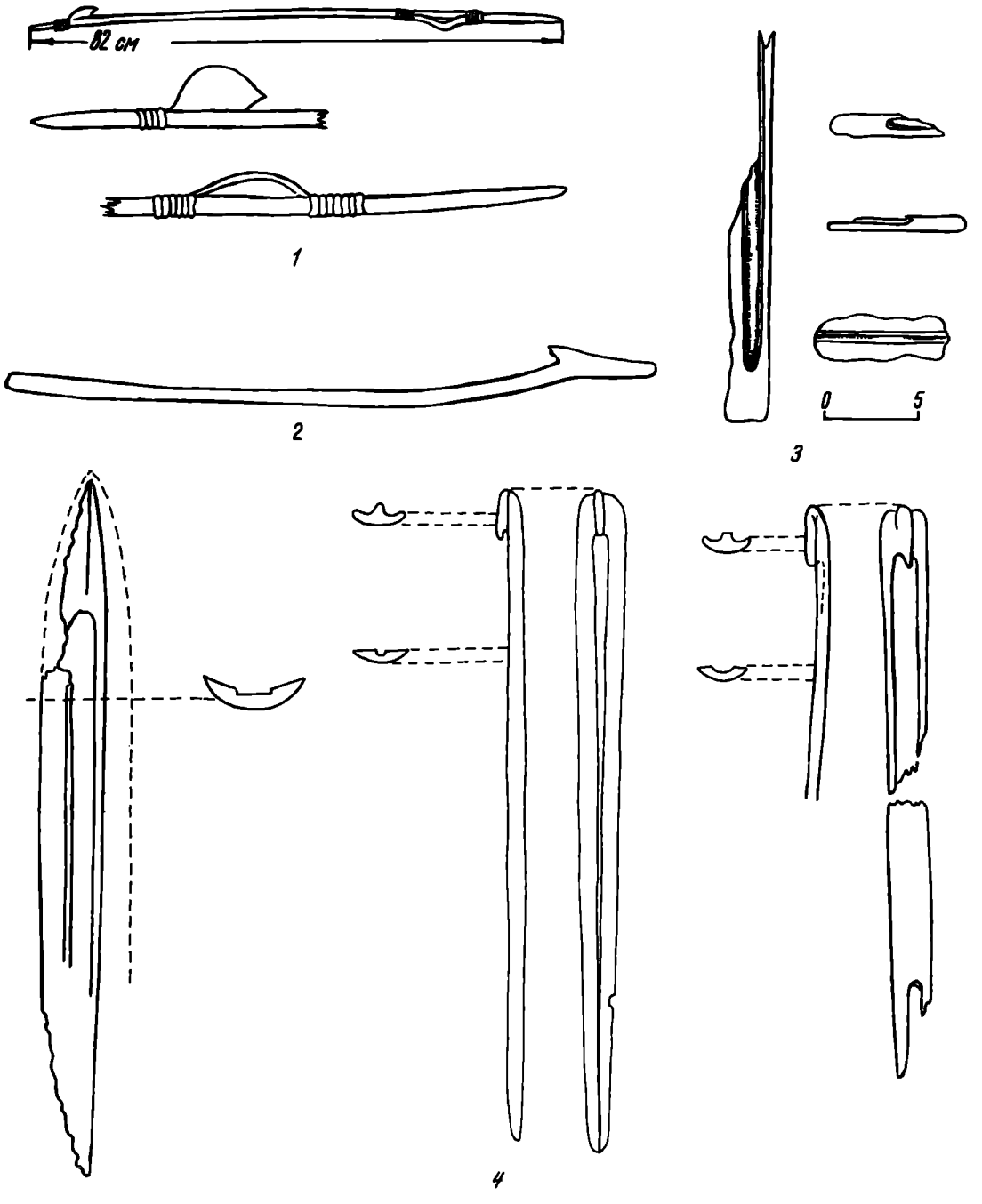


Рис. 2. *1*— атлатли «мужского» типа из Серро Куэбосо Кейв (культура Лас Пальмас); *2*— атлатль «мужского» типа из комплекса Коауила; *3*— фрагменты атлатлей «смешанного» типа из комплекса Коауила; *4*— атлатли «смешанного» типа из комплекса Мэйран

мому, более поздний. А вышеупомянутые атлатли из Большого Бассейна (Лавлок Кейв, Невада [41, с. 110, 111, рис. 18; 42, рис. VI, b, c]; Роаринг Спрингс, Орегон [12, фронтиспис; 43, рис. VII] и Плаш Кейв, Орегон [12, фронтиспис; 43, рис. VII]) сходны с образцами из Лас Пальмаса лишь тем, что они тоже, включая уступ-упор для торца дротика, сделаны из единого бруска дерева. На этом их сходство и кончается, так как в отличие от образцов из Лас Пальмаса древки у них не круглые, а плоские, да еще к тому же имеющие небольшой желобок-паз около уступа-упора для дротика [12, фронтиспис] Принимая во внимание это существенное различие, можно предположить, что атлатли из Большого Бассейна скорее всего представляют уже переходный или промежуточный между «мужским» и «смешанным» тип атлатлей. Получается, что из всех известных на сегодня типов атлатлей на территории юго-запада

США и Северной Мексики и Мезоамерики, наиболее ранние и, следовательно, примитивные в тактико-техническом плане — это атлатли «мужского» типа из материалов культуры Лас Пальмас [37, с. 57; 38, с. 88]. Правда, не исключено, что последующие исследования смогут внести изменения в уже сложившуюся картину представлений о географии распространения атлатлей «мужского» типа.

Ценность упомянутых находок усиливается свидетельством испанских хроник XVII в. об использовании этого вида оружия лишь на юге Нижней Калифорнии и расположенных на тех же широтах в Калифорнийском заливе прибрежных островах местными индейцами языковой семьи гуаикуро [37, с. 58, 59; 38, с. 82, 84]. А это позволяет предполагать преемственность культурных традиций между культурой Лас Пальмас и исторически известными индейцами языковой семьи гуаикуро — перику́, кора, учити́ и собственно гуаикуро [37, с. 55]. Документы испанских экспедиций Николаса де Кардоны 1615 и 1616 гг. свидетельствуют о применении индейцами, проживавшими на побережье залива Ла Пас, копьеметалок, причем испанцы подчеркивали, что дротик, брошенный при помощи атлатля, летел быстрее стрелы. Применялся он и позднее — в 1642 г., когда, по свидетельству Луиса Сестина де Каньяса, губернатора штата Синалоа, организовавшего в том году промысловые экспедиции за жемчугом на побережье п-ова Калифорния, местное население островов Серральво и Эспириту-Санто в своих постоянных войнах с гуаикуро Нижней Калифорнии использовало атлатли [37, с. 59; 38, с. 84] В свою очередь и перику́ тоже использовали на войне атлатли с дротиками, у которых был обожженный конец [39, с. 55]. Нельзя исключать, что атлатли времен испанской конкисты могут быть типологически близки и даже родственны (?) атлатлям из Серро Куэбосо Кейв культуры Лас Пальмас. А это в свою очередь одно из свидетельств важности п-ова Калифорния, как района пережитков (реликтов) прошлого при изучении археологии Северной Америки. Примечательно, что в отличие от южных районов в центральной и северной частях п-ова Нижняя Калифорния у исторически известных индейцев (племен языковой семьи Юм), которые предположительно считаются последователями (?) местной культуры собирателей, охотников и рыболовов докерамического периода — Комонду, подобное оружие не было известно [37, с. 58, 59; с. 82, 84].

«Мужской» тип атлатлей не мог быть занесен на юг Нижней Калифорнии индейцами из Центральной Мексики, сопровождавшими экспедиции Эрнана Кортеса в 1534 г. и Себастьяна Вискаино в 1596 г., т. е. экспедициями, предшествовавшими экспедиции Н. де Кардоны в 1615 г., так как у них, во-первых, по свидетельствам испанских хроник, не было атлатлей, а во-вторых, если бы они и были, то должны были бы быть лишь «смешанного» типа, присущего центральным и южным районам Мексики [37, с. 59, 60; 38; с. 90, 91] Поэтому не исключено, что атлатли Серро Куэбосо Кейв появились здесь вместе с предками (?) исторически известных индейских племен языковой семьи гуаикуро — носителями доисторической культуры Лас Пальмас.

Этот архаичный вид оружия окончательно вышел из употребления у отсталых исторически известных племен юга п-ова Нижняя Калифорния, по-видимому, лишь в 1720 г., поскольку позже он уже не упоминается в записях испанских католических миссионеров. К этому времени атлатль был окончательно вытеснен более эффективным оружием — луком и стрелами, упоминание о которых встречается в испанских хрониках всех времен [37, с. 60].

Другим районом распространения наиболее примитивных и, по-видимому, древних атлатлей «мужского» типа был штат Коауила. Здесь на протяжении истории существования комплекса Коауила (ок. 8000 г. до н. э. — позднее 1100 г. н. э.) [44, с. 90] местные индейцы использовали два типа атлатлей: 1) «мужской» тип, древний и примитивный, изготовленный из целой ветви твердого дерева, где обломанный сук служил естественным уступом-упором для торцовой части дротика (рис. 2, *2*) [45, с. 71, 72, рис. 12, а], существовал на

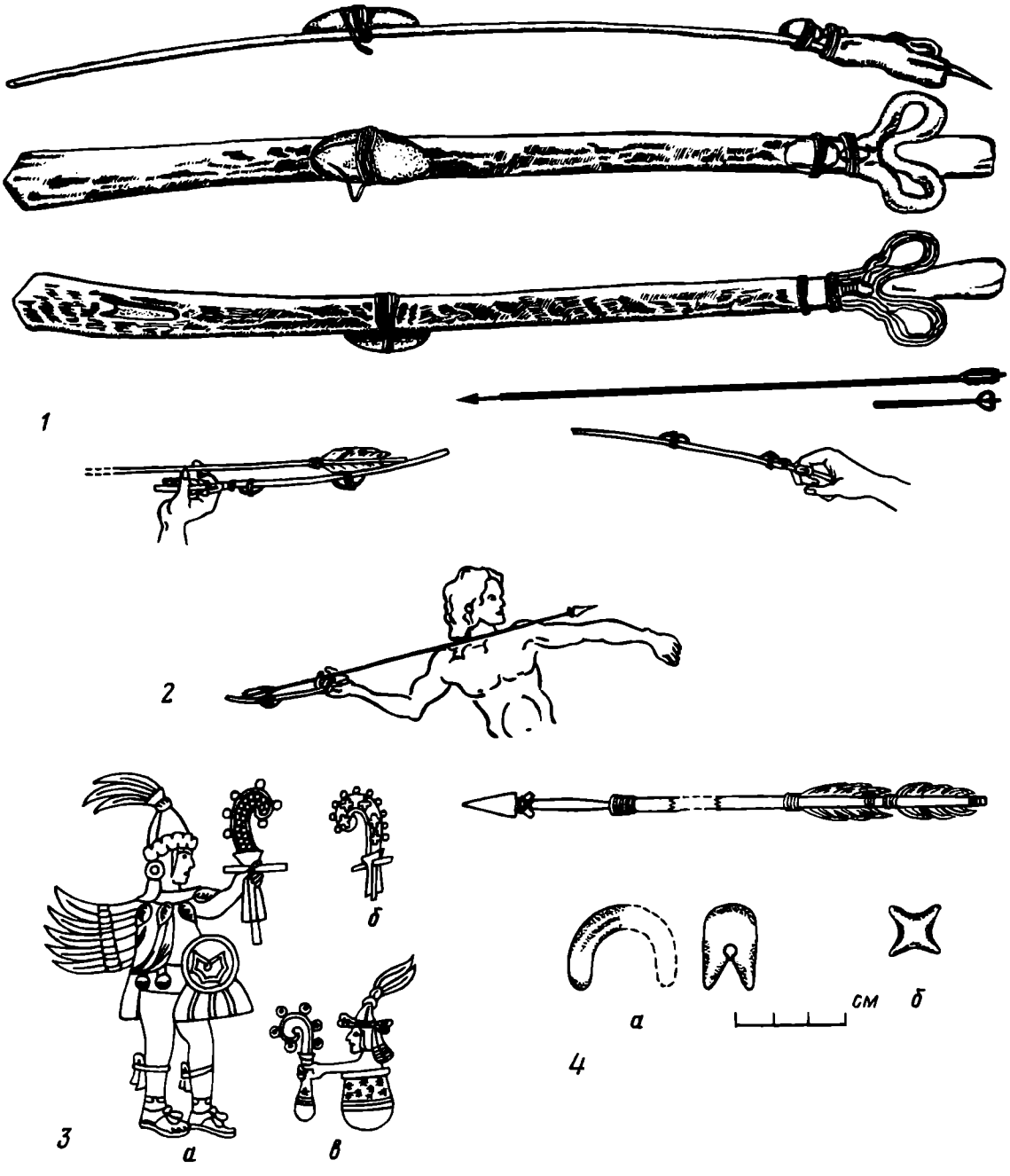


Рис. 3. *1*— атлатли «смешанного» типа с территории культуры Баскетмейкер; *2*— дротик атлатля «смешанного» типа с территории культуры Баскетмейкер; *3*—*а* — Кетцалькоатль, держащий атлатль, *б* — атлатль, украшенный крестообразными предметами, *в* — Тепиктотон в образце Кетцалькоатля с атлатлем; *4*—*а* — петля для пальцев (?) из Ла Плайя, культура Тринчерас, *б* — крестообразный предмет

протяжении всей истории; 2) более поздний и более совершенный атлатль «мексиканского», или «смешанного», типа, т. е. для обоих полов (рис. 2, *3, 4*), характеризующийся искусно вырезанными желобком-пазом и уступом-упором для дротика [46, с. 138, рис. 34, с. 181, рис. VII], появляется, судя по стратиграфическому горизонту комплекса Коауила, лишь в его позднее время [45, с. 71, 72, рис. 12 b, c, d, e, f], а также во время существования комплекса Мэйран (пещеры Куэва эль Койоте, Куэва де ла Канделариа и Пайла).

Атлатли «смешанного» типа преобладают и на территории культуры Баскетмейкер (рис. 3, *1*). Большинство атлатлей имеет в задней изогнутой части небольшой желобок (углубление с уступом-упором конца дротика). Весь атлатль был изогнутой формы и изготовлялся из бруска прочной, но пружинив-

шей при броске древесины, что могло увеличивать дальность полета и убойную силу дротика. В нижней части атлатля на некотором расстоянии друг от друга шнурами крепились два небольших камня, игравших роль своеобразных утяжелителей (?) [3] [5, с. 154 рис. 1, с. 163, рис. 12; 6, с. 182; 7, с. 54, 55], которые, как показали эксперименты, мало влияя на дальность броска и скорость полета снаряда, в то же время существенно увеличивали его точность [5, с. 165, 173, 177]. Помимо этого в начале снаряда имелась пара кожаных петель для удобства захвата двумя пальцами руки (указательным и средним) древка дротика, при этом остальные пальцы руки держат сам атлатль [6, с. 182; 7, с. 54, 55]. Как правило, на конце дротика было оперение из трех (реже двух или четырех) перьев (рис. 3, *2*), по-видимому, служивших своеобразными стабилизаторами дротика во время его полета в воздухе [6, с. 182].

Время перехода в той или иной культуре от атлатля к луку и стрелам можно определять, на наш взгляд, по количественному преобладанию наконечников небольших размеров. Дело в том, что пока наконечники использовались на дротиках атлатля, они, как правило, были крупные и массивные, что придавало им большую убойную силу (правда, в ущерб точности и дальности полета), т. е. их размеры и вес не играли такого первостепенного значения, как у стрелы, когда ее аэродинамические свойства находятся в прямой зависимости от твердых стандартов в размерах и весе. Именно тогда и появляется много различных по форме, но небольших по размерам и отличающихся стабильностью длины, ширины и особенно веса типов наконечников.

На востоке Северной Мексики — в Тамаулипасе, судя по времени появления там небольших наконечников типа Армадильо, лук впервые мог появиться еще во времена этапа Лагуна (500 г. до н. э. — рубеж н. э. [29, с. 159; 30, с. 578]. Правда, не исключено, что это могли быть лишь первые одиночные случаи использования лука и стрел и лишь на этапе Ла Сальта (500—900 гг. н. э.) [30, с. 579], по-видимому, уже начинается серьезное противопоставление лука атлатлю. Оно приводит к тому, что на этапе Сан Лоренсо (900—1300 гг. н. э.) [30, с. 579] с появлением сразу нескольких типов небольших наконечников (Фреснос, Старр и др.), уже численно преобладавших над крупными наконечниками для атлатлей, начинается эра господства нового более эффективного оружия — лука. Своего апогея она достигает во времена заключительного этапа в истории древних культур Тамаулипаса — Лос Анхелес (1300—1750 гг. н. э.) [29, с. 163; 30, с. 580]

Судя по датировке наконечников типа Старр и Тойя [44, с. 84], переход от атлатля к луку в Коауиле начался, так же как и в Тамаулипасе, не ранее второй половины I тыс. н. э.

В центре Северной Мексики — Дуранго — время перехода от атлатля к луку и стрелам хорошо прослеживается в северном Дуранго по материалам пещеры Ла Куэва де лос Муэртос Чикитос из долины р. Сапе в Западной Сьерра Мандре. Здесь были обнаружены два типа наконечников: крупные, более пригодные для дротиков атлатлей и небольшие наконечники стрел, причем последние концентрировались в верхних слоях культурных отложений этой пещеры. Поскольку по данным радиокарбонного анализа материалы этой пещеры относятся к 600—700 гг. н э., следовательно, примерно в это же время здесь проходил переход от атлатля к луку и стрелам [32, с. 356—369].

Несколько севернее — в северном Чиуауа, судя по материалам из Кейв Вэллей, переход на лук и стрелы произошел несколько раньше 900-х гг. н. э. [33, с. 113], а в соседней Касас Грандес они появились, по-видимому, между 900 и 950 гг. н. э. [34, с. 158].

На западе материковой части Северной Мексики — в Соноре нет сведений о конкретных находках атлатлей, но зато есть находки на стоянках Ла Плайя

---

[3] В культуре Мугейон, расположенной несколько южнее культуры Баскетмейкер, на атлатлях также применялись подобные утяжелители (?) [47, с. 72].

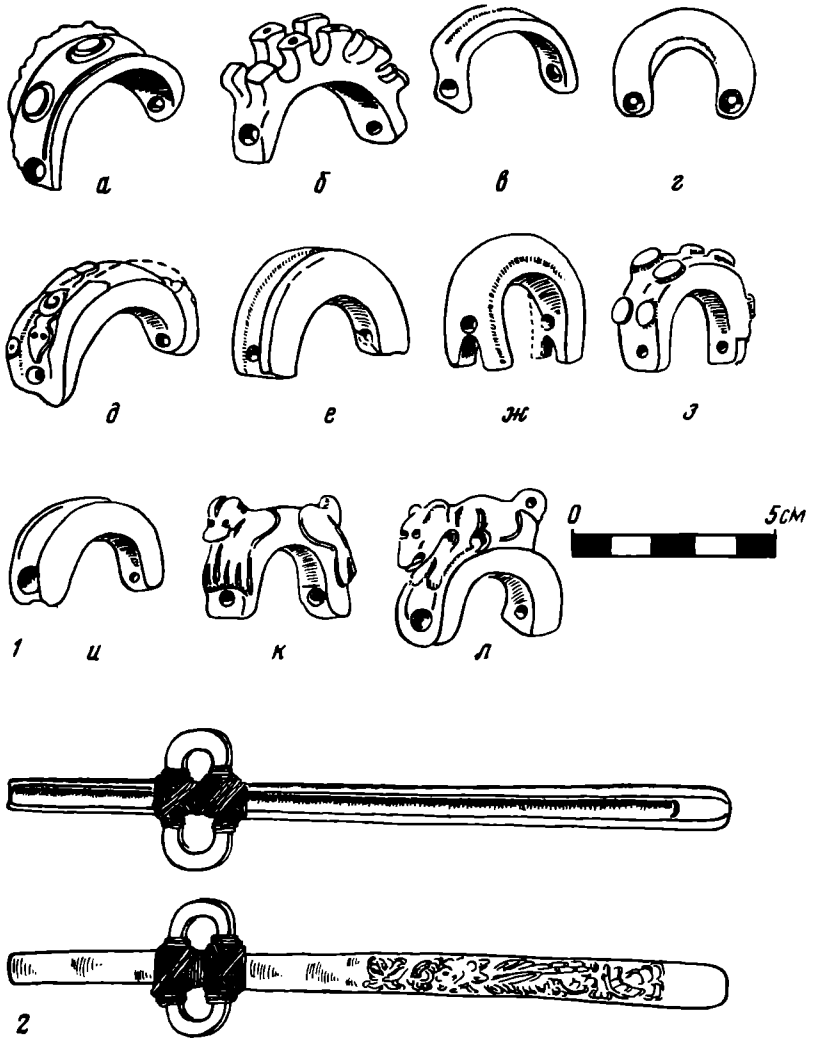


Рис. 4. *1*— каменные и раковинные петли для пальцев руки, держащей атлатль: *а* — раковинная петля из Элль Приско, Пануко; *б, в, г* — раковинные петли из Тотоате, Халиско; *д, е*,— раковинные и каменные петли из Сан Николаса, Чапала; *ж* — каменная петля из Сойопы, Сонора; *з* — каменная петля, источник неизвестен; *и* — каменная петля из Коскойюлы, Герреро; *к, л*,— каменная и раковинная петли, источник неизвестен; *2*— мексиканский атлатль с раковинными петлями

культуры Тринчерас (800—1100 гг. н. э.) и из окрестностей г. Сойопа двух видов каменных изделий, предположительно относимых к атлатлям [35, с. 181, 183, рис. 1, g; 36, с. 188, 190, рис. 2] Это каменные U-образные предметы[4] [36, с. 190 рис. 2], которые предположительно могли играть ту же роль, что и кожаные петли для пальцев на атлатлях из ареала культуры Баскетмейкер (рис. 3, *4а*, 4, *1, 2*) [10, с. 71, 72, рис. 50; 11, с. 80—83, рис. 33; 36, с. 190], а также, по-видимому, и у атлатлей из пещеры Куэва Эль Койоте в Коауиле [31, рис. IV, 2; 36, с. 190].

Принадлежностью атлатлей, видимо, являются крестообразные изделия из камня (длиной по диагонали 20—50 мм и максимальной толщиной 5—10 мм)[5] Судя по их местоположениям в погребениях из Куикуилько (долина Мехико, Центральная Мексика) [36, с. 191], и сведениям испанских хроник времен конкисты Э. Кортеса (рис. 3, *3, 4б*), [36, с. 191; 42, с. 11—13; 50, с. 25, рис. III,

[4] Наличие подобных предметов предполагается и в материалах штата Дуранго [36, с. 190, рис. 2].

[5] Помимо основного использования в Соноре и Аризоне эти предметы довольно часто встречаются в Чиуауа, возможно, в Дуранго и Западном Техасе и значительно реже в Нью-Мексико и западномексиканских штатах Синалоа, Халиско и Найярите [36, с. 189, рис. 1; 48, с. 154—156, 162].

24], не исключено, что одним из вариантов их предполагаемого использования было украшение атлатля [36, с. 191].

В ведущих раннеземледельческих культурах Юго-Запада США — Мугейон [4, с. 197; 6, с. 146], Хохокам [6, с. 170] и Баскетмейкер [4, с. 203, 6, с. 213; 51, с. 55, 57] замена атлатля луком и стрелами произошла, так же как и в Северной Мексике, примерно во второй половине I тыс. н. э.

Следовательно, во второй половине I тыс. н. э. на территории Юго-Запада США и Северной Мексики почти повсеместно атлатль заменяется или начинает заменяться (причем в некоторых районах это могло произойти и несколько раньше) более эффективным оружием — луком и стрелами.

Не исключено, что переход от атлатля к луку и стрелам был обусловлен целым рядом причин. Среди них могли быть менее сложная техника телодвижений при выстреле из лука, чем при броске дротика с атлатля, когда от соблюдения строгой последовательности телодвижений при размахе и броске во многом зависели дальность и точность полета снаряда; большая дальнобойность, скорострельность, точность и другие причины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Woodbury R. B.* Prehistory; Introduction // Southwest / Ed. Ortiz A. // Handbook of North American Indians./Gen. Ed. Sturtevant W. C. V 9 Smiths. Instit. Washington, 1979.
2. Страны и народы. Общий обзор. Латинская Америка. Средняя Америка. М.: Мысль, 1981.
3. *Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М.: Наука, 1972.
4. *Willey G. R.* An Introduction to American Archaeology. V 1. North and Middle America. Englewood Cliffs, 1966.
5. *Raymond A.* Experiments of the Function and Performance of the Weighted Atlatl // World Archaeology. 1986. Т. 18. № 2.
6. *McGregor J C.* Southwestern Archaeology. Urbana, 1965.
7. *Woodbury R. B., Zubrow E. B. W.* Agriculatural Beginnings, 2000 B. C.— A. D. 500 // Southwest / Ed. Ortiz A. // Handbook of North American Indians / Gen. Ed. Sturtevant W. C. V 9. Smiths. Instit. Wash. 1979.
8. *Kidder A. V., Guernsey S. J.* Archaeological Explorations in Northeastern Arizona // Smiths. Inst. Bull. 65. Wash., 1919.
9. *Guernsey S. J.* Explorations in Northeastern Arizona // Papers of the Peabody Museum of Amer. Arch. and Ethn. Harv. Uni. Cambridge. 1931. Т. 12. № 1.
10. *Guernsey S. J., Kidder A. V* Basket-maker Caves in Northeastern Arizona // Papers of the Peabody Museum of American Archaeol. and Ethnology. Harvard. Univ. Cambridge, 1921. Т. 8. № 2.
11. *Cressman L. S.* Archaeological Researches in the Northern Great Basin. Carnegie Instit. of Wash. Rubl. 538. Wash., 1942.
12. *Mason J. A.* Some Unusual Speak Throwers from Ancient America // Univ. of Pennsylvania. Museum Journal. Philadelphia. 1928. Т. 19. № 3.
13. *Pepper G. H.* The Throwing-stick of the Prehistoric People in the Southwest // Intern. Congress of Americanists. Proc. 13th Session (1902). Easton, 1905.
14. *Saville M. H.* The Wood-Carver's Art in Ancient Mexico // Contributions from Museum of the American Indian. Т. 9. N. Y., 1925.
15. *Morris E. H., Burgh R. F* Basketmaker II Sites Near Durango, Colorado. Carnegie Inst. Wash. Publ. 604. Wash., 1954.
16. *Rohn A. H.* American Southwest // Chronologies in New World Archaeology // Eds Meighan C. W., Taylor R. E. N. Y., 1978.
17. *Hough W* Culture of the Ancient Pueblos of the Upper Gila River Region, New Mexico and Arizona // United States National Museum. Bull. 87. Wash., 1914.
18. *Grange R. J.* Wooden Artifacts // Mogollan Cultural Continuity and Change; The Stratigraphic Analysis of Tularosa and Cordova Caves / Eds Martin P S. et al. Fieldiana: Anthropology. T 40: Chicago, 1952.
19. *Brown J. A.* Wooden Artifacts // Caves of the Reserve Area / Eds Martin P. S., et al. Fieldiana: Anthropology. T. 42. Chicago, 1954.
20. *Cosgrove C. B.* Caves of the Upper Gila and Hueco Areas in New Mexico and Texas // Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Harvard University. Cambridge, 1947 T. 24. № 2.
21. *Livingston C. B.* American King Tuts // New Mexico Magazine, Santa Fe, 1932. Т. 10. № 5.
22. *Howard E. B.* Evidence of Early Man in North America // Univ. of Pennsylvania. Museum Journal. Philadelphia, 1935. Т. 24. № 2—3.
23. *Mera H. P* Reconnaissance and Excavation in Southeastern New Mexico // Memoirs of the American Anthropological Association. Menasha, 1938. № 51.

24. *Coffin E. F.* Archaeological Exploration of a Rock Shelter in Brewster County, Texas // Museum of the American Indian. Heye Foundation. Indian Notes and Monographs. № 48. N. Y., 1932.
25. *Martin G. C.* Archaeological Explorations of the Shumla Caves // Big Bend Basket—maker Papers № 3. Southwest Texas Archaeological Society. Witte Memorial Museum. Bull. 3. San Antonio, 1933.
26. *Setzler F. M.* Prehistoric Cave Dwellers in Texas // Smithsonian Institution. Explorations and Field Work in 1932. Washington, 1933.
27. *Jackson A. T* Exploration of Certain Sites in Culberson Country, Texas // Bull. Texas Archaeological and Paleontological Society. Abilene, 1937. T. 9.
28. *Fenenga F., Wheat S. B.* An Atlatl from the Baylor Rock Shelter, Culberson Country, Texas // AmA 1940. T. 5. № 3.
29. *Macneish R. S.* Preliminary Archaeological Investigations in the Sierra de Tamaulipas, Mexico // Transactions of the American Philosophical Society. N. S., Philadelphia, 1958. T. 48. № 6.
30. *Macneish R. S.* Archaeological Synthesis of the Sierra // Archaeology of Northern Mesoamerica. Handbook of Middle American Indians / Eds Ekholm G. E., Bernal I. Austin, 1971. V. 2. № 11.
31. *Noguera E.* El atlatl tiradera // Anales del Museo Nacional de Arqueologia. Historia y Ethnografia. T. 3. Mexico, 1945.
32. *Brooks R. H., Kaplan L., Cutler H. C., Whitaker Th. W* Plant Material from a Cave on the Rio Zape, Durango, Mexico // AmA. 1962. T. 27. № 3.
33. *Lister R.* Archaeological Excavations in the Northern Sierra Madre Occidental, Chihuahua and Sonora, Mexico // Univ. of Colorado Studies. Ser. of Anthrop. № 7. Boulder, Colorado, 1958.
34. *Di Peso C. C.* Casas Grandes: A fallen trading center of the Gran Chichimeca // Amerind Foundation Publications 9. Flagstaff. 1974. T. 1.
35. *Ekholm G. E.* U-shaped ornaments identified as finges-loops from atlatls // AmA. 1962. T. 28.
36. *Johnson A. S.* Finger-loops and Cruciform Objects // AmA. 1971. T. 36. № 2.
37. *Massey W C.* The Dart-thrower in Baja California // Davidson J. Anthrop. Seattle. 1957 T. 3. № 1.
38. *Massey W C.* The Survival of the Dart-throwers on the Peninsula of Baja California // Southwestern J. Anthrop. Albuquerque. 1961. T. 17.
39. *Massey W C.* Archaeology and Ethnohistory of Lower California // Handbook of Middle American Indians / Eds Ekholm G. F., Willey G. R. V 4. Austin.
40. *Krause F.* Schleuderworrichtungen für Wurfwaffen // Internationalis Archiv für Ethnographie. B. XV H. 4. Leiden, 1902.
41. *Loud L. L., Harrington M. R.* Lovelock Cave // Univ. of California. Publications in American Achaeology and Ethnology. Univ. of California Press. Berkeley, 1929. T. 25. № 1.
42. *Sahagun, Bernardino de.* General History of the Things of New Spain. Book 12. The Conquest of Mexico transl. Anderson, J. A. O., Dibble C. E. // Monographs of the School of American Research. 1955. № 14. P. XIII.
43. *Cressman L. S., Krieger A. D.* Atlatls and Associated Artifacts from South Central Oregon // Early Man In Oregon. Univ. of Oregon Monographs. Studies in Anthropology. 3. Eugene. Oregon, 1940.
44. *Jelks E. B.* Diablo Range // Chronologies in New World Archaeology / Eds Taylor R. E., Meighan C. W. N. Y., 1978.
45. *Taylor W. W.* Archaic Cultures Adjacent to the Northeastern Frontiers of Mesoamerica // Handbook of Middle American Indians / Eds Ekholm G. F., Willey G. R. V. 4 Austin, 1966.
46. *Aveleyra Arroyo de Anda L., Maldonado-Koerdell M., Martinez del Rio P.* Cueva de la Candelaria // Memorias del Instituto Nacional de Anthropologia e historia. V. Mexico, 1956.
47. *Martin P. S.* Prehistory; Mogollon // Southwest / Ed. Ortiz A. // Handbook of North American Indians / Gen. Ed. Sturtevant W. C. V 9. Smiths. Instit. Wash., 1979.
48. *Hemmings E. T.* Cruciform and Related Artifact of Mexico and the Southwestern United States // Kiva. Tucson. 1957. 32.
49. *Sahagun, Bernardino de.* General History of the Things of New Spain. Book 1. The Gods transl. Anderson A. J. O., Dibble C. E.// Monographs of the School of American Research. 1950. № 14. P. II.
50. *Nuttall Z.* The Atlatl or Spear-thrower of the Ancient Mexicans // Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. 1891. T. 1.
51. *Cordell L. S.* Prehistory of the Southwest. Univ. of New Mexico. Albuquerque, 1984.

Y N. Nersesov

ATLATL — THE TRADITIONAL WEAPON OF INDIANS OF THE SOUTH-WEST OF THE UNITED STATES AND NORTHERN MEXICO

Summary

The author attempts at restoring atlatl and tracing its possible evolution on the basis of archaeological and ethnographic evidence. Atlatl (a wooden spearthrower) is the earliest hunting implement and weapon that was used both by the earliest Indians and Indians that lived in historical time. The author believes that the bow and arrows (a more efficient weapon) came into use approximately in the second half of the first millennium A. D.

Заметки

А. Ф. МЕЛЬНИЧУК

МАТЕРИАЛЫ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ОГУРДИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Огурдинское поселение, открытое в 1949 г. В. П. Денисовым и В. А. Обориным, сразу привлекло внимание О. Н. Бадера своим кремневым микролитическим материалом. В 1951 и 1952 гг. под его руководством на памятнике проведены значительные раскопки на площади 815 м^2. В ходе этих исследований изучены отдельные объекты эпохи средневековья, зафиксированы остатки мезолитического сооружения, собран богатый кремневый инвентарь, а также небольшое количество керамики раннего и позднего железного века. Выразительный комплекс микролитических изделий поставил Огурдинское поселение в ряд основных и опорных памятников, характеризующих материальную культуру мезолитического населения Среднего Приуралья. По мнению О. Н. Бадера, памятник отражал определенный этап в развитии камского мезолита, который был назван огурдинским и предположительно отнесен к более раннему времени, чем стоянки с микролитическим инвентарем типа Нижнее Адищево [1, с. 198].

К сожалению, О. Н. Бадер не успел опубликовать весь мезолитический комплекс Огурдинского поселения, хотя неоднократно в своих работах обращался к его материалам. В них была дана только общая характеристика памятника и изданы отдельные кремневые изделия. Наиболее полно освещены остатки материальной культуры эпохи раннего железного века и средневековья [1, рис. 1, *17—33*; 2, с. 54, рис. 4, *1*, *3*, *6*, *10*; 3, рис. 5, *3*, *8*, *13*; 4].

В 1984 г. отрядами археологической экспедиции Пермского университета и Пермского пединститута почти после 30-летнего перерыва раскопки Огурдинского поселения были продолжены. Памятник расположен между пристанью Огурдино и пос. Орел Усольского р-на Пермской обл. и занимает край высокой первой надпойменной террасы правого берега Камы. Планировка поселения со времени последних работ О. Н. Бадера мало изменилась. В результате подтопления нижней части террасы водами Камского водохранилища ее высотный уровень понизился на 3—4 м и ныне составляет 10—11 м. Раскопы О. Н. Бадера слабо фиксируются на поверхности; некоторые из них частично разрушены береговой абразией.

Судя по сборам кремневого инвентаря, поселение простирается вдоль берега Камы почти на 1,5 км. Раскопками 1984 г. установлено, что слой с микролитическим инвентарем тянется по краю террасы почти на 0,5 км, а в глубину распространяется на 10—15 м.

Всего на памятнике тремя раскопами вскрыто 310 м^2. Два из них [1] располагались в северной части поселения: раскоп VI — 180 м^2 и раскоп VII — 20 м^2. Раскоп VIII площадью 110 м^2 находился в южной части памятника, в 340 м от раскопа VI. Стратиграфия памятника проста. Сверху залегал тонкий дерново-почвенный слой мощностью до 6 см, под которым местами прослеживались свет-

---

[1] В северной части поселения, где отмечались слои эпохи средневековья, раскопки вел отряд Пермского пединститута под руководством А. М. Белавина.

лые линзы подзола. На раскопах VI и VII в северной части памятника под дерном фиксировался слой сероватого песка с отдельными находками керамики раннего железного века и средневековья, толщина песка не превышала 15 см. Мезолитические изделия встречались в слое коричневато-желтоватого мелкозернистого песка на глубине от 5 до 40 см. Некоторые кремневые предметы зафиксированы и на глубине 60—70 см, образуя на раскопе VI небольшое скопление шириной до 2 м. К сожалению, оно исследовано частично, и его характер пока остается неясным. Материковый слой по окраске почти не отличался от горизонта с мезолитическими находками. Вероятно, границей между ними служили тонкие прослойки ожелезненного песка на уровне 30—40 см, ниже которых находки кремней, за исключением углубленных скоплений, не встречались.

Характер распространения материала на площади раскопов дает возможность предполагать, что в прибрежной части памятника могли находиться открытые грунтовые очаги, возле которых производилась обработка каменного сырья и было налажено производство орудий. Многие кремни, обнаруженные здесь, носят следы воздействия огня. Жилые сооружения и хозяйственные объекты располагались скорее всего в глубине террасы, в некотором отдалении от берега.

Основная масса находок относится к мезолиту. Лишь в северной части памятника найдено 80 фрагментов средневековой керамики, а в южной — одно скопление стенок от раннеананьинского сосуда. В отличие от мезолитического кремневого инвентаря находки железного века концентрировались на определенных участках.

Всего коллекция памятника состоит из 2201 отдельных каменных и кремневых изделий (исключая комплекс эпохи железа). В северной части поселения собрано 1064 предмета (48,3%), а в южной — 1104 (50,2%). Кроме того, 33 кремневых изделия происходят из сборов с поверхности (1,5%). Кремневые комплексы северного и южного участков поселения очень близки как по составу орудий, так и по характеру каменного сырья. Правда, на южном раскопе найдены симметричная трапеция с выемкой и пластины с обработанным ретушью концом. Однако следует отметить, что в северной части памятника, где вел раскопки О. Н. Бадер, также были найдены трапеции, пластины с обработанным ретушью концом, боковые поперечно-ретушные резцы, крупные пластины [1, рис. 1, *17—33*].

В коллекции памятника содержится 48 нуклеусов (2,2% от всего комплекса каменных изделий). Среди них преобладают ядрища параллельного принципа скалывания: пирамидальные, призматические, карандашевидные (рис. 1, *1—5*). На многих из них сохранилась желвачная корка. Длина изделий варьирует в пределах 1,5—4 см. Остальные предметы представлены заготовками нуклеусов с первичными сколами отщепов и ножевидных пластин, а также нуклевидными кусками.

Отходы кремневого производства (329 отщепов, 608 чешуек, 27 расколотых галек, 3 поперечных, 18 продольных, 3 резцовых и 433 бесформенных сколов и осколков) составляют основную категорию находок — 64,6%. Среди отщепов преобладают заготовки средних размеров. Более половины сколов и отщепов сохраняют желвачную корку. Для производства орудий население стоянки использовало кремневое сырье из крупного гравийного месторождения, к которому приурочен памятник. В нижней части огурдинской террасы прослеживаются мощные пласты аллювиального галечника, состоящего из различных кремней, кварца, яшмы, кварцитов и кварцито-песчаников [5, с. 60]

Основная группа изделий изготовлена из серого с различными оттенками кремня — 62,6%, реже из халцедона — 7,2, кварца (включая раухтопаз) — 3,7, зеленого и темного кремнистого сланца — 2,7, окремнелого известняка — 3,2, кварцита — 0,9, яшмы — 0,7 и других пород кремня — 19%.

Пластин без вторичной обработки, включая и ребристые, в коллекции 599 экз. (27,2%). С учетом орудий их число возрастает до 701 экз. Для произ-

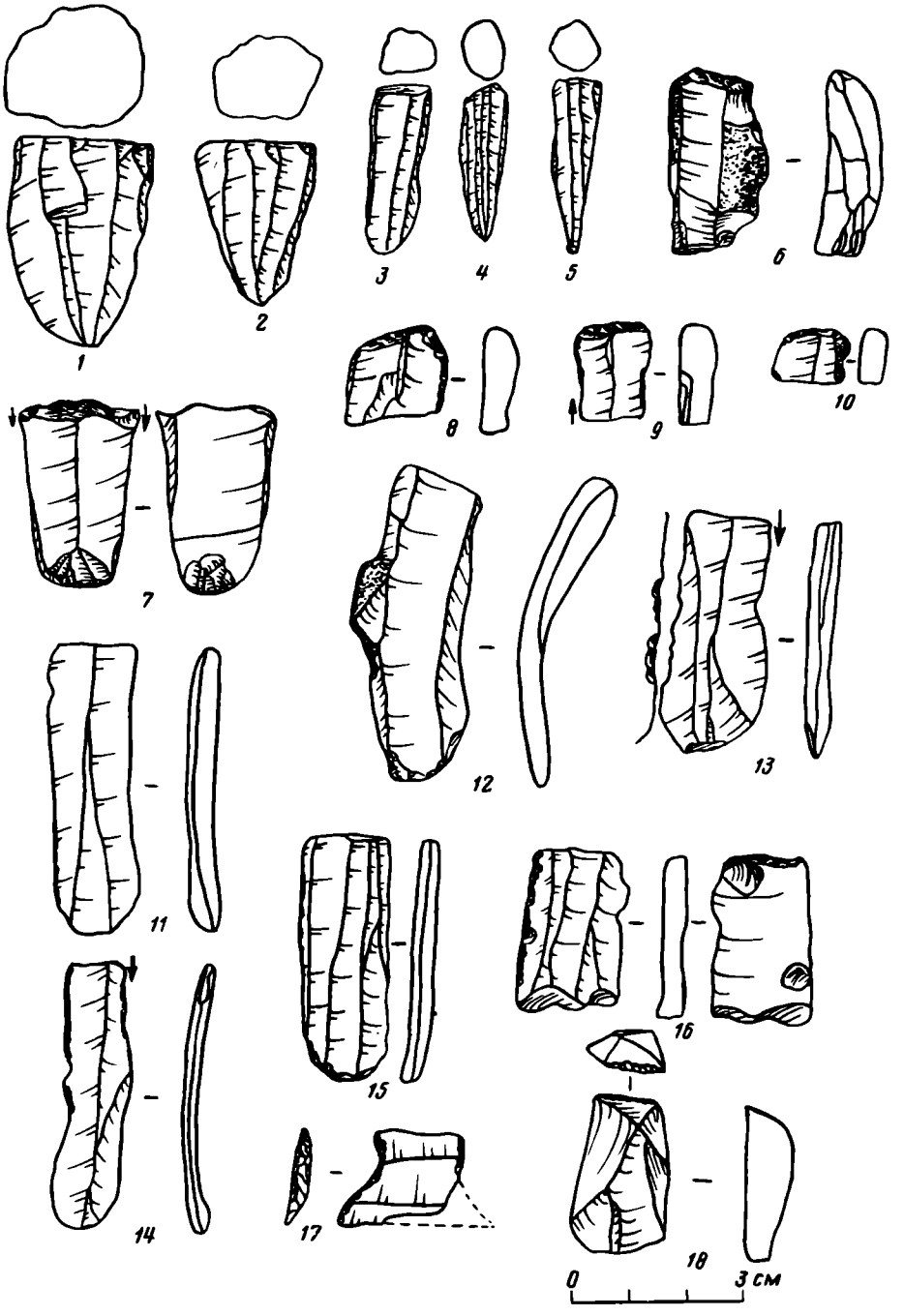


Рис. 1. Огурдинское поселение. Кремневые орудия

водства орудий использовались пластины шириной 0,3—0,5 см (21,3%); 0,6—1 (61,7%); 1,1—1,5 (12,4%); 1,6—2 (2,6%); свыше 2 см (2%). Целые пластины составляют 29,7%. Наибольшие из них достигали в длину 8 см. Остальные изделия (70,3%) представлены различными фрагментами — дистальными, проксимальными и медиальными сечениями, среди которых преобладают заготовки удлиненных пропорций. В целом пластинчатая индустрия Огурдинского поселения, как и на памятниках нижнеадищевского типа, отличается высоким уровнем микролитизации: 83% всех пластин не превышают в ширину 1 см [6, с. 104]

Вторичную обработку имеют 14,5% пластин. Помимо них в коллекции содержится 128 различных сечений, имеющих по краям следы сработанности в виде заполированности и выщербин (21,4% пластин — без вторичной обработки).

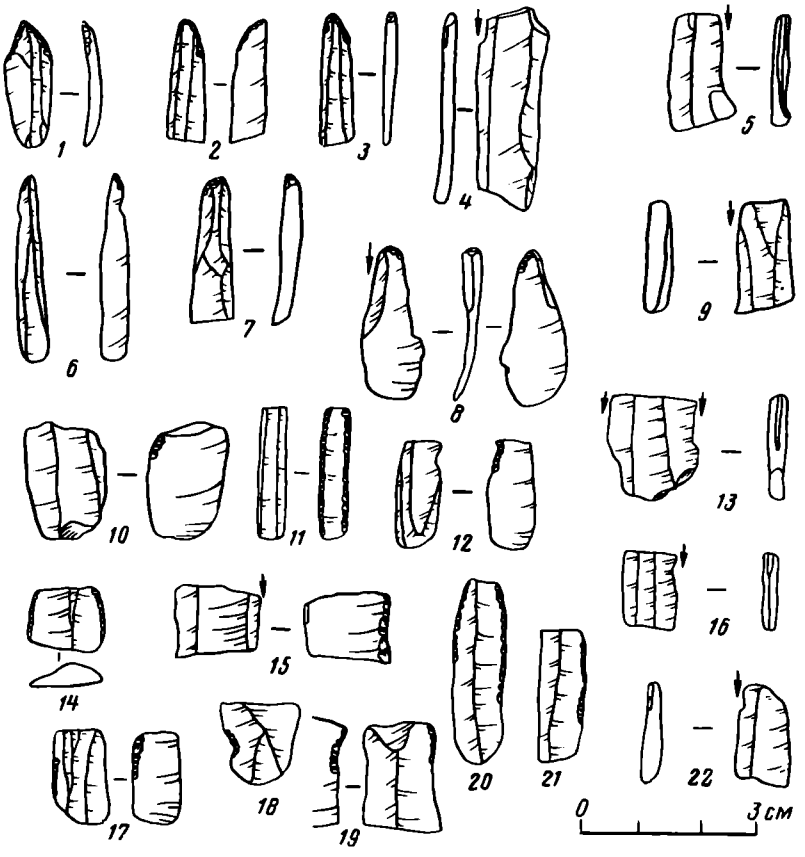


Рис. 2. Огурдинское поселение. Кремневые орудия

Соотношение отщепов и пластин следующее (включая орудия): пластины — 701 (67,4%), отщепы — 339 (32,6%) [1, с. 197] Однако для производства орудий отщепы использовались крайне редко. Всего орудий из кремня найдено 124 экз., в том числе 102 на пластинах (82,3%), 10 на отщепах (8,1%) и 12 на различных сколах (9,6%).Орудия обрабатывались ретушью преимущественно со спинки (73,6%), реже — с брюшка (24,5%). Лишь отдельные изделия имели ретушь как со спинки, так и с брюшка (1,9%).

Основную категорию орудий составляют 65 пластин с ретушью (52,4%). Среди них преобладают пластины и сечения, обработанные по краям притупливающей или приостряющей ретушью,— 44 экз. (рис. 2, *11*, *14*, *20*, *21*). Пластин с пологими отретушированными выемками немного — 4 экз. (рис. 1, *12*; 2, *18*). Интерес представляют пластины с поперечно-усеченным ретушью концом (2 экз.). У одной из них рабочий участок обработан крутой ретушью и имеет слабовогнутую форму (рис. 1, *16, 18*). Значительную группу изделий составляют пластины с ретушью на углах — 15 экз. Они имеют прямой, скошенный или клювовидный рабочий край и, вероятно, использовались как резчики (рис. 2, *10*, *12*, *17*, *19*).

Резцов на памятнике найдено 26 (21%). Все они изготовлены на пластинах и относятся к типу угловых. На некоторых из них отмечаются следы нерегулярной прерывистой ретуши. У 15 резцов короткий скол захватывает только угол пластины, остальные изделия имеют длинный резцовый скол, который распространяется почти по всему боковому краю заготовки. В коллекции также присутствуют резцы с двойными сколами (рис. 1, *13*, *14*; 2, *4*, *5*, *9*, *13*, *15*, *22*).

Интерес представляют острия на пластинах, их 6 (4,8%). По характеру обработки они могли использоваться в качестве проколок и, возможно, наконечников стрел (рис. 2, *1—3*, *6*, *7*). Следует отметить два сверла. Одно из них изготовлено на обломке карандашевидного нуклеуса, а второе — на удлиненном сколе, по краю которого отмечается резцовый скол (рис. 2, *8*).

Как и при раскопках О. Н. Бадера, в 1984 г. найдена еще одна высокая симметричная трапеция с выемкой (рис. 1, *17*). К настоящему времени это четвертая находка геометрического изделия на памятнике [1, рис. 1, *17—19*]. Симметричные и асимметричные трапеции с выемкой в Пермском Приуралье найдены также на Шумковском поселении в бассейне р. Сылва (6 экз.) с кремневым комплексом, близким к материалам Огурдинского поселения, и на местонахождении Пеньки в бассейне р. Чусовая (2 экз.) с инвентарем финально-палеолитического — раннемезолитического облика [2].

Скребков в коллекции 15 — 12,1% (рис. 1, *6—10*). На пластинах изготовлено всего 4 концевых скребка. Остальные орудия произведены на отщепах, различных сколах и рассеченных пополам нуклеусах. Среди них отмечаются концевые скребки на удлиненных сколах и подпрямоугольных отщепах, овальные и нуклевидные скребки. У некоторых концевых скребков по боковым краям нанесены длинные резцовые сколы (рис. 1, *7*, *9*).

Остальные орудия — это различные отщепы и сколы с ретушью (8 экз.), некоторые из которых имеют невыразительные отретушированные выемки и типологически близки к скобелям.

Из каменных орудий следует отметить 4 отбойника на овальных гальках и 2 кварцитовых желвака со сколами, один из которых, вероятно, является заготовкой рубящего орудия. Интерес представляет обломок плитки мелкозернистого песчаника с гладкой пришлифованной слабовогнутой поверхностью, которая могла использоваться в качестве абразивного инструмента. Шлифовальники из мелкозернистого песчаника кроме Огурдинского поселения выявлены в этом же районе также при раскопках Новожиловской стоянки с чистым микролитическим комплексом нижнеадищевского типа [7, с. 161].

В целом исследования, проведенные на Огурдинском поселении, доказывают правомерность выделения в мезолите Пермского Приуралья двух хронологических стадий (огурдинской и нижнеадищевской), общая характеристика которых неоднократно давалась в работах О. Н. Бадера. К настоящему времени в Пермском Приуралье выделяется еще ряд памятников с инвентарем огурдинского типа: Шумковское и Половинное поселения, Еранинская стоянка, местонахождение Бор-Ленва. Вопрос о хронологическом соотношении стоянок нижнеадищевского и огурдинского типов представляет большую сложность ввиду отсутствия абсолютных датировок и четких стратиграфических условий залегания кремневых изделий. Относительная общность кремневого материала, которая выражается в высоком уровне микролитизации инвентаря, полном преобладании орудий на пластинах, близости определенных типов изделий, а также сходные геоморфологические условия расположения памятников позволяют говорить об их генетическом родстве и о существовании стоянок огурдинского и нижнеадищевского типов в близких хронологических диапазонах. Наличие на памятниках огурдинского типа пластин с отретушированными концами, боковых ретушных резцов не снимает пока вопроса и о более древнем их возрасте по отношению к нижнеадищевским комплексам. В последние годы в Пермском Приуралье выявлен ряд новых позднепалеолитических и раннемезолитических местонахождений, инвентарь которых представлен выразительными типами орудий: различными типами пластин с отретушированными концами, косо- и поперечно-ретушными боковыми резцами, отдельными геометрическими микролитами (позднепалеолитический комплекс местонахождения Ганичата на р. Каме, местонахождение Усть-Громотуха на р. Сылве, местонахождение Пеньки на р. Чусовой и стоянка Горная Талица). Кремневая индустрия этих памятников не могла не оказать влияния на микролитический инвентарь более поздних стоянок, что и отразилось в сохранении некоторых архаичных черт в материальной культуре огурдинских комплексов.

---

[2] Шумковское поселение — раскопки В. Ю. Лещенко, 1966 г.; В. А. Оборина и В. П. Денисова, 1967 г.; В. А. Оборина и Г. Т. Ленц, 1976 г.; Г. Т. Ленц, 1984 г.

Местонахождение Пеньки — сборы И. В. Караваева, В. П. Мокрушина, А. Ф. Мельничука.

Материалы Огурдинского поселения находят широкий круг аналогий среди мезолитических стоянок соседних территорий. По особенностям кремневой индустрии и уровню микролитизации инвентаря мезолитический комплекс Огурдинского поселения наиболее близок к материалам стоянок Среднего Зауралья, исследованных в последние годы Ю. Б. Сериковым [8]. Различие между ними проявляется в присутствии на зауральских памятниках более разнообразных форм геометрических изделий — низких асимметричных трапеций и прямоугольников, в то время как для огурдинских комплексов Пермского Приуралья характерны только симметричные или асимметричные трапеции с выемкой на крупных пластинах. Значительные черты сходства сближают Огурдинское поселение с материалами нижнекамских памятников, относящихся, по М. Г Косменко, к третьему этапу усть-камской культуры [9, с. 97, рис. 2]. Вероятно, это определяется тем, что огурдинские комплексы, как и инвентарь нижнекамских памятников с высокими симметричными трапециями, формировались на основе кремневой индустрии стоянок типа Горная Талица, которые в хронологическом и культурном отношении близки памятникам типа Сюкеевский Взвоз и датируются гранью позднего плейстоцена — раннего голоцена. Отдельные трапеции с выемкой типа огурдинской найдены на памятниках Удмуртии (Моторки, Архангельское III), которые Т. М. Гусенцова соотносит с кремневыми комплексами стоянок типа Баринка I, относящихся к заключительному этапу мезолита [10, с. 144; 11, с. 82, табл. 9, *43*]. Однако одна из этих трапеций происходит с площади памятника, содержащего культурные остатки различных эпох, а условия местонахождения другой (из стоянки-мастерской Архангельское III) неясны.

Огурдинское поселение, судя по площади, характеру распространения материала, следует рассматривать как относительно долговременную базовую стоянку мезолитического населения, где происходили добыча и обработка каменного сырья, производство орудий и, видимо, располагался целый комплекс жилых и бытовых сооружений. Подобные памятники со значительной протяженностью слоя с микролитическим инвентарем вдоль края берега — не редкость для территории Пермского Приуралья. Все они располагаются на краях высоких (свыше 10 м) надпойменных боровых террас и приурочены к крупным гравийным месторождениям (Ольховско-Первомайское, Камо-Жулановское, Усть-Онолвинское, Лекмартовское, Шумковское поселения, Казанцевская стоянка).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер О. Н.* Мезолит Лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. 1966. № 126.
2. *Бадер О. Н.* Некоторые проблемы первобытной истории Урала // Уч. зап. ПГУ. 1956. Т. XI. Вып. 3.
3. *Бадер О. Н.* Этапы этнокультурной истории и палеогеография Урала // МИА. 1960. № 79.
4. *Бадер О. Н.* Ананьинское и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усолья // Уч. зап. ПГУ 1960. Т. XII. Вып. 1.
5. *Лунев Б. С., Кропачев А. М.* Месторождения гравия, песка и глин в Пермской области. Пермь, 1959.
6. *Бадер О. Н., Тихонов Б. Г* Кама-Жулановская мезолитическая стоянка // Уч. зап. МГУ. 1954. № 166.
7 *Мельничук А. Ф.* Исследования в Пермской области // АО — 1982. М., 1984.
8. *Сериков Ю. Б.* Мезолит Среднего Зауралья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л.: ЛОИА АН СССР, 1984.
9. *Косменко М. Г.* Мезолит Среднего Поволжья // КСИА, 1977. Вып. 149.
10. *Гусенцова Т. М.* Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА. 1981. № 3.
11. *Голдина Р. Д., Гусенцова Т. М.* Поселение Моторки II в нижнем течении р. Валы // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1974.

В. Н. КЛЮШИНЦЕВ

ПОГРЕБЕНИЯ В КАМЕННЫХ ЯЩИКАХ САБАТИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА Р. ИНГУЛЕЦ

Среди разнообразных форм погребальных сооружений сабатиновской культуры выделяется тип погребений в каменных ящиках [1, с. 67—72; 2, с. 12]. На территории Буго-Днепровского междуречья подавляющее большинство их является впускными в насыпи древних курганов и лишь незначительная часть — основными. Раскопки поселений сабатиновской культуры дают возможность подойти к решению вопросов строительной техники, хозяйственной деятельности, быта и культурной преемственности. Однако до настоящего времени на рассматриваемой территории известно лишь незначительное число погребений, относимых к сабатиновской культуре. Наше внимание привлекли основные погребения в каменных ящиках, исследованные Николаевской (Ингульской) экспедицией на р. Ингулец.

Курган 28 у с. Павловка Снигиревского р-на Николаевской обл. находился на краю степного плато, полого переходящего в склон древней балки (ее верховье), которая впадает в долину р. Ингулец. Насыпь кургана в плане круглой формы, снивелирована долговременной распашкой. Размеры насыпи: высота около 0,5 м, диаметр — 31,5 м. Погребение I находилось в центре кургана. На глубине 0,3 м от вершины проявились плиты перекрытия. Погребение было окружено каменным кромлехом из небольших плоских известняковых камней, поставленных на ребро, на 0,05—0,1 м вкопанных в грунт. Диаметр кромлеха 15,5 м, сохранившаяся высота 0,2—0,3 м (рис. 1, *1, 2*). Каменное перекрытие в плане подпрямоугольной формы, по длинной оси ориентировано с востока на запад, с небольшим отклонением к северу. Длина перекрытия 2,3 м, ширина 1,6 м, толщина плит 0,1—0,13 м. Плиты грубо обиты, лежали в 3—5 ярусов. Часть плит просела внутрь ящика. Каменный ящик в плане прямоугольной формы, по длинной оси ориентирован с юго-востока на северо-запад, внутренние размеры: по верху 1,25×0,9 м, по дну 1,1×0,73 м. Толщина плит 0,1—0,13 м. Дно ровное, материковое. Стенки ко дну сужаются. Для сооружения ящика была выкопана яма, стенки ее были облицованы каменными плитами. Снаружи плиты были подклинены мелкими камнями. Стенки ящика сделаны из известняковых грубо обитых плит. Щели между плитами заложены камнями и обмазаны глиной. Стенки ящика на 0,15—0,22 м были вкопаны в материк (рис. 1, *3*; 2, *1, А—Г*). Скелет взрослого человека лежал в скорченном положении на левом боку, головой на юго-восток, завалившись на спину. Правая рука согнута в локте под прямым углом, кисть ниже челюсти. Левая рука прижата к плечу, кисть перед лицом. Ноги согнуты под прямым углом по отношению к позвоночнику, в коленях — под острым углом (рис. 2, *2*). Перед лицом погребенного стоял сосуд, на венчике сосуда висела изогнутая бронзовая игла. Сосуд баночной формы с закругленным краем венчика, стенки ко дну сужаются. Дно плоское, местами с выделенной закраиной. Наружная поверхность черного цвета с серыми и желтыми пятнами, неровная, грубо заглажена. Черепок в изломе черного цвета, с незначительной примесью дресвы, шамота. Размеры сосуда: высота 11—11,5 см, диаметр венчика 13 см, диаметр дна 8 см (рис. 2, *3*). Бронзовая игла в сечении круглая. Ушко овальное, образовано путем загиба конца стержня. Острие иглы загнуто под тупым углом. Размеры иглы: длина 8,5 см, диаметр 1,8 мм, внутренние размеры ушка 1 мм (рис. 2, *4*).

Курган 3 у с. Тимофеевка Снигиревского р-на Николаевской обл. входил в курганную группу, которая располагалась на краю степного плато, примыкающего к долине р. Ингулец. Курган имел высоту 1,4 м, диаметр 20 м. В кургане исследовано два погребения, из которых одно впускное, скифского времени, другое — погребение 2 — эпохи поздней бронзы. Погребение 2 располагалось в 8 м к югу — юго-западу от центра кургана. Погребенный лежал в каменном ящике, перекрытом плитами. Перекрытие состояло из двух плит, положенных

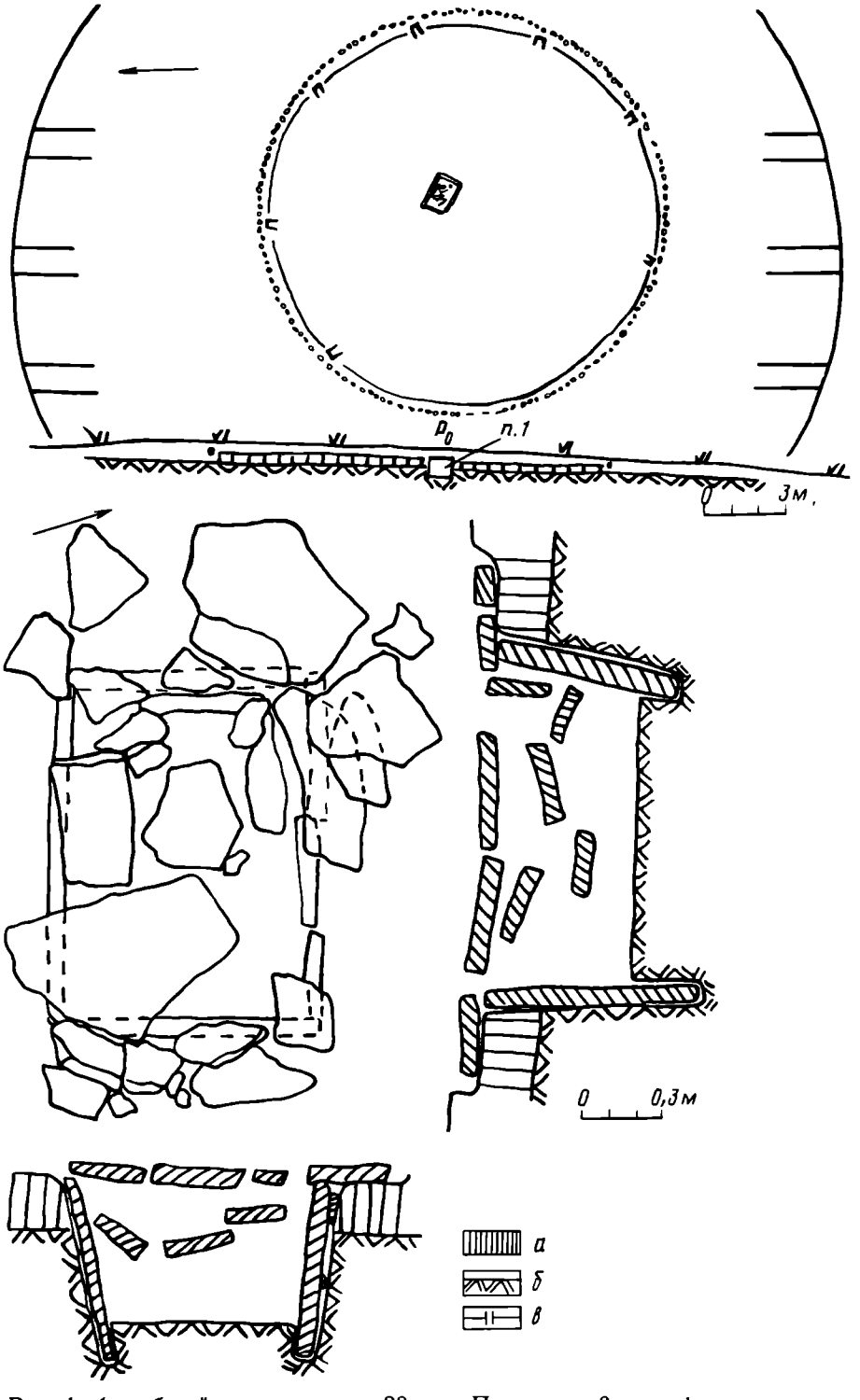


Рис. 1. *1*— общий план кургана 28 у с. Павловка; *2*— профиль центральной бровки кургана 28, вид с востока; *3*— план и разрез погребения 1 в каменном ящике. *а* — погребенный чернозем; *б* — материк; *в* — граница погребенного чернозема

поперек ящика. Ящик вкопан в материк на глубину 0,8 м. Боковые плиты изготовлены из дикарного известняка. Ящик имеет форму неправильного пятиугольника. Южная сторона составлена из двух плит. Высота ящика 0,75—0,8 м. Торцовые плиты длиной по 0,8 м. Одна боковая стена имеет длину 1,6 м, две плиты противоположной стороны имеют соответственно 1,1 и 0,4 м (рис. 3) Скелет погребенного лежал в скорченном положении на правом боку, завалив-

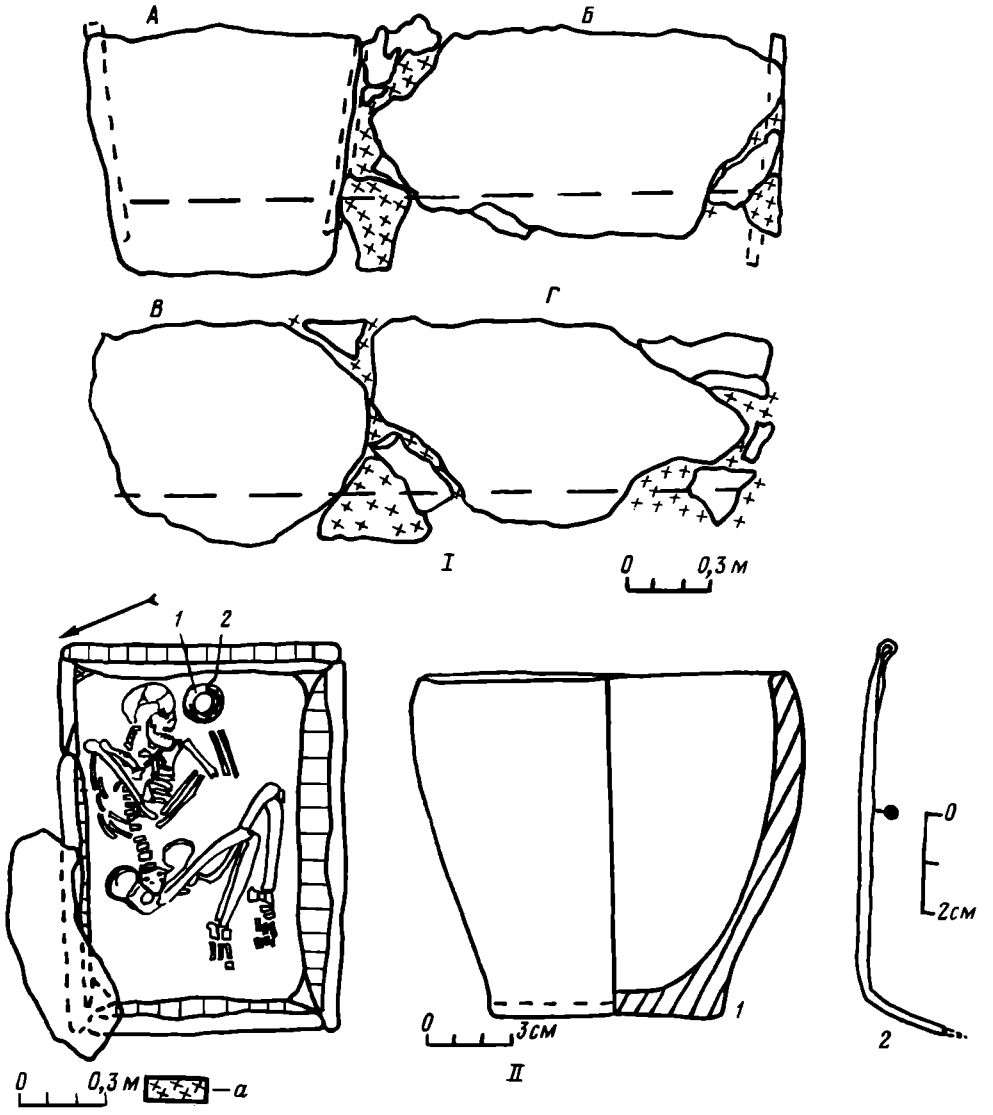


Рис. 2. Погребение 1 кургана 28 у с. Павловка. *I* — виды стен каменного ящика: *А* — восточная торцовая стена; *Б* — южная продольная стена; *В* — западная торцовая стена; *Г* — северная продольная стена. *II*— погребение: *1*— сосуд, *2* — игла; *а* — обмазка глеем

шись на спину, головой на восток с небольшим отклонением на юг. Ноги сильно согнуты в коленях, подтянуты к тазу. Руки согнуты в локтях под острым углом, кисти обеих рук положены перед лицом погребенного.

В восточном углу ящика, у черепа, находился сосуд, у колен — бронзовые проколка и игла. Сосуд — широко открытый, со слабо выделенными плечиками и сужающимися ко дну стенками. Дно имеет выраженную закраину, слабо отогнутый наружу край венчика закруглен. Наружная поверхность темного цвета с серыми и темными пятнами, заглажена. Размеры сосуда: высота 19,8 см, диаметр венчика 18,6 см, тулова — 20 см, дна — 10 см (рис. 4, *1*). Игла представляет собой стержень с заостренным жалом. Овальное ушко образовано путем загиба. Игла в сечении круглая. Размеры иглы: длина стержня 11,6 см, диаметр 1,8 мм (рис. 4, *2*). Проколка в сечении подпрямоугольной формы, к острию сужается. Длина проколки 8,3 см (рис. 4, *3*).

Формы сосудов, обнаруженных в обоих погребениях, были широко распространены в эпоху поздней бронзы и известны среди материалов поселений сабатиновской культуры и погребального инвентаря на территории степной полосы Украины [3, с. 15—21; 4, рис. 27, *24*; 70, *9*]. Находки игл и проколок часто встречаются на поселениях сабатиновского времени (Сабатиновка, Ташлык I,

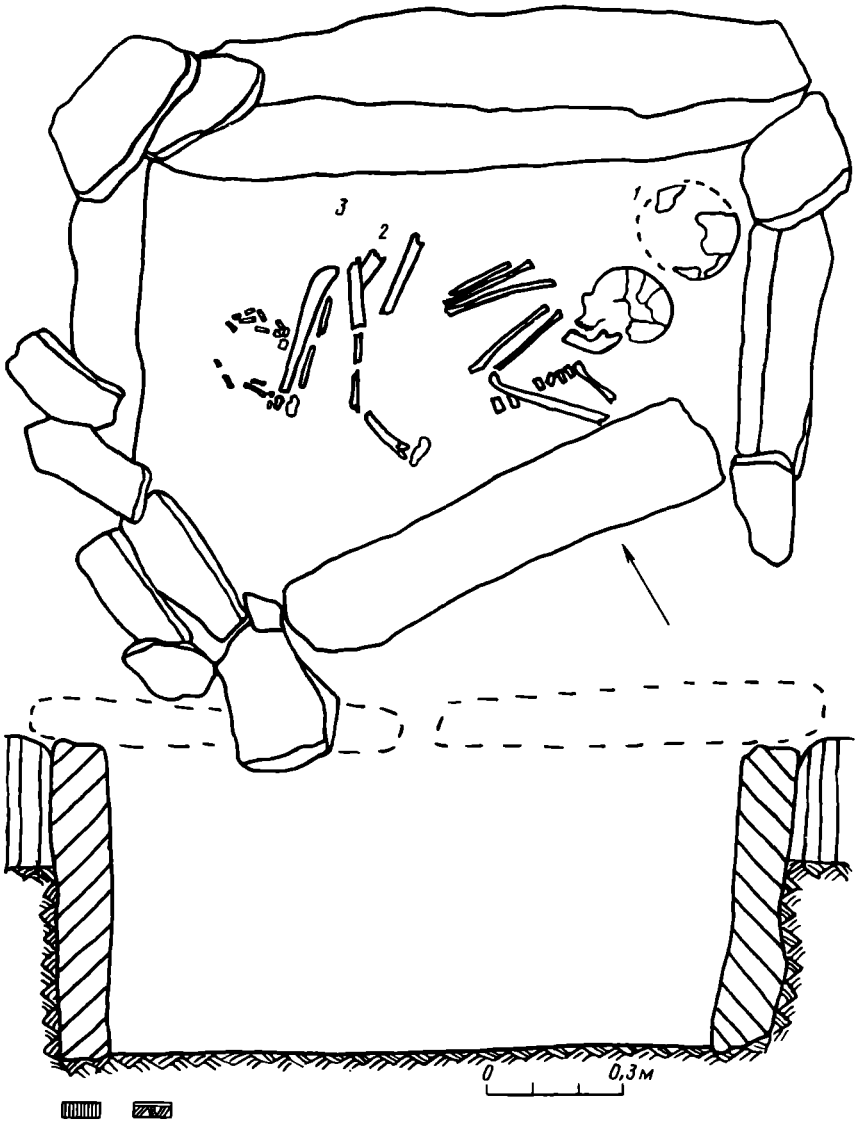


Рис. 3. План и разрез погребения 2 кургана 3 у с. Тимофеевка. *1*— сосуд; *2*— игла; *3*— проколка. *а* — погребенный чернозем; *б* — материк

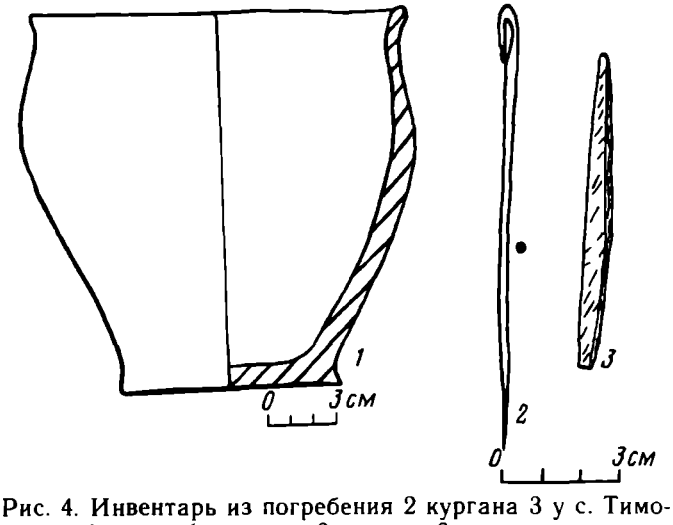


Рис. 4. Инвентарь из погребения 2 кургана 3 у с. Тимофеевка. *1*— сосуд; *2*— игла; *3*— проколка

Гиндешты, Кировское, Сухая Балка и др.). Погребения сабатиновской культуры, сопровождающиеся бронзовыми орудиями труда (в данном случае иглами и проколками), немногочисленны и составляют 2—3% от общего числа погребений в степном Побужье.

Рассматриваемые погребения относятся к типу плиточных, стены обоих ящиков были сложены из 4—5 плит. Один из ящиков прямоугольный, другой — неправильной пятиугольной формы. Обращают на себя внимание общие приемы сооружения каменных ящиков: вначале выкопана грунтовая яма, затем поставлены стенки ящиков, которые для прочности подклинены мелкими камнями. Внутренние неровности поверхностей стен ящиков и щели между ними замазаны грязевым раствором (Тимофеевка, кург. 3, погр. 2) или глиной зеленого цвета (глеем) (Павловка, кург. 28, погр. 1). В обоих случаях ящики были перекрыты каменными плитами (в Павловке, возможно, в виде купола). Оба ящика ориентированы по оси восток — запад с незначительными отклонениями к северу или югу.

На рассматриваемой территории традиции сооружения ящичных конструкций своими корнями уходят в более раннее время. На наш взгляд, корни этой традиции следует искать в памятниках кеми-обинской и ямной культур. Погребения в каменных ящиках сабатиновской культуры известны в степном Поднепровье [1, с. 67—72; 2, с. 12], из них свыше 40 — в Днепровском Надпорожье. Территорию Надпорожья С. Н. Братченко относит к районам со значительным распространением погребальных сооружений в виде ящиков. В то же время он отмечает: «Распространение этой формы сооружений приурочено к районам с выходами камня, и вряд ли в ней следует усматривать особенности культурного развития» [5, с. 12—14]. С этим тезисом вряд ли можно согласиться, поскольку одновременно существует обычай захоронений в срубах и в ямах.

Основные погребения в каменных ящиках сабатиновской культуры выделяются из массы впускных погребений по своим трудовым затратам — добыча, доставка, подготовка плит и сооружение ящика, подработка стен ящика, возведение насыпи и пр. Обращает на себя внимание погребение в кургане 28 у с. Павловка, вокруг которого был сооружен кромлех, характерный для более раннего времени на рассматриваемой территории.

До настоящего времени неразработанным вопросом является определение прижизненной специализации погребенных для рассматриваемого периода. Бронзовые предметы — игла, проколка, входящие в состав инвентаря рассматриваемых погребений, свидельствуют о занятиях шитьем кожаной одежды, обуви и сбруи. В результате раскопок поселения Ташлык I сабатиновской культуры выявилась концентрация специализированных орудий внутри строительных комплексов. В одном из помещений найдено две бронзовые иголки, что составляет интересную параллель погребальным комплексам Павловки и Тимофеевки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
2. *Отрощенко В. В.* Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1981.
3. *Гершкович Я. П.* По кам'яні поховальні споруди зрубної культури Північно-Східного Приазов'я // Археологія. 1982. № 4.
4. *Черняков И. Т* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наук. думка, 1985.
5. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры многоваликовой керамики // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.

Л. К. ГАЛАНИНА

АТРИБУЦИЯ ДВУХ ЗОЛОТЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КЕЛЕРМЕСА
(детали портупеи парадного меча)

В конце 1903 г. достоянием науки стал первый и самый знаменитый из четырех раннескифских курганов, открытых Д. Г Шульцем на Келермесском могильнике в Закубанье. Уже в декабре находки поступили в Археологическую комиссию, а спустя 2 года пополнили фонды эллино-скифского отделения Эрмитажа.

С тех пор неизменный и разноплановый интерес со стороны ученых вызывают художественные ценности этого погребального комплекса. Особенно много работ посвящено изучению таких ярчайших памятников скифской и древневосточной торевтики VII в. до н. э., как акинак в драгоценных ножнах, парадный боевой топор, золотая нащитная эмблема — пантера, ритуальные чаши.

Однако наше внимание привлекли два сравнительно скромных золотых изделия. Одно из них вводится в научный оборот впервые (рис. 1, *1*), другое (рис. 1, *2*) известно по публикации М. И. Артамонова, где воспроизведено в перевернутом виде и значится как предмет неясного назначения [1, с. 13, рис. 11]. Иногда его называют золотым наверши́ем или наконечником [2, с. 56]

Этот предмет отличается уникальностью формы и конструкции (рис. 1, *2, 3*). Из одного куска довольно толстой пластины сделана цилиндрическая трубка, непосредственно переходящая в щиток-обкладку. Спаянная внахлест трубка обрамлена снизу тремя выпуклыми ободками — двумя гладкими и рубчатым. Края обкладки надрезаны и загнуты внутрь, в центре ее вырезано отверстие. Округлые, крестовидно расположенные выступы щитка заполнены рельефными фигурками свернувшихся кольцом кошачьих хищников. В центральное дисковидное поле вписан ромб с вогнутыми двухконтурными сторонами. Оставшиеся сегменты круга покрыты елочным орнаментом. Вся декорировка выполнена техникой чеканки с лицевой стороны.

Под загнутыми внутрь краями обкладки сохранились остатки слоя древесной смолы [1] Вокруг центрального отверстия отпечатался концентрический след какого-то явно металлического предмета, очевидно заклепки. О том же свидетельствуют развальцованные края этого отверстия. На обеих его сторонах образовались острые бугорки — как результат длительного трения о металлическую деталь. Отметим также затертости на передних краях зооморфно оформленных выступов обкладки [2]

Вторая вещь, напротив, весьма обычна в типологическом отношении и крайне проста по своему устройству (рис. 1, *1*). Это литая восьмеркообразная пряжка, состоящая из двух соединенных вместе круглых в сечении колец. По центру ее с обеих сторон прочеканен ромбический солярный значок с двойным контуром

Восьмеркообразные пряжки, бытовавшие у ряда евразийских народов скифо-сарматского периода, относятся к универсальным конструкциям, имевшим разнообразное практическое применение. Так, племена прохоровской культуры Поволжья и Приуралья употребляли их преимущественно для подвешивания мечей и колчанов, а иногда просто в качестве нагрудной и поясной застежки [3, с. 294—297]. Соседи скифов фракийцы использовали спаренные

---

[1] Выражаю глубокую благодарность старшему научному сотруднику ОИПК Эрмитажа Р. С. Минасяну за консультацию по технике изготовления и характеру изношенности рассматриваемых предметов, а также зав. физической лабораторией Эрмитажа А. И. Косолапову за определение органических остатков на золотой обкладке.

[2] Размеры предмета (в мм): длина — 67, ширина крестовидного щитка — 40, диаметр отверстия — 7, ширина загнутых внутрь краев щитка — 2—3, диаметр трубки — 8.

[3] Длина пряжки 35 мм, диаметр отверстий 8 мм.

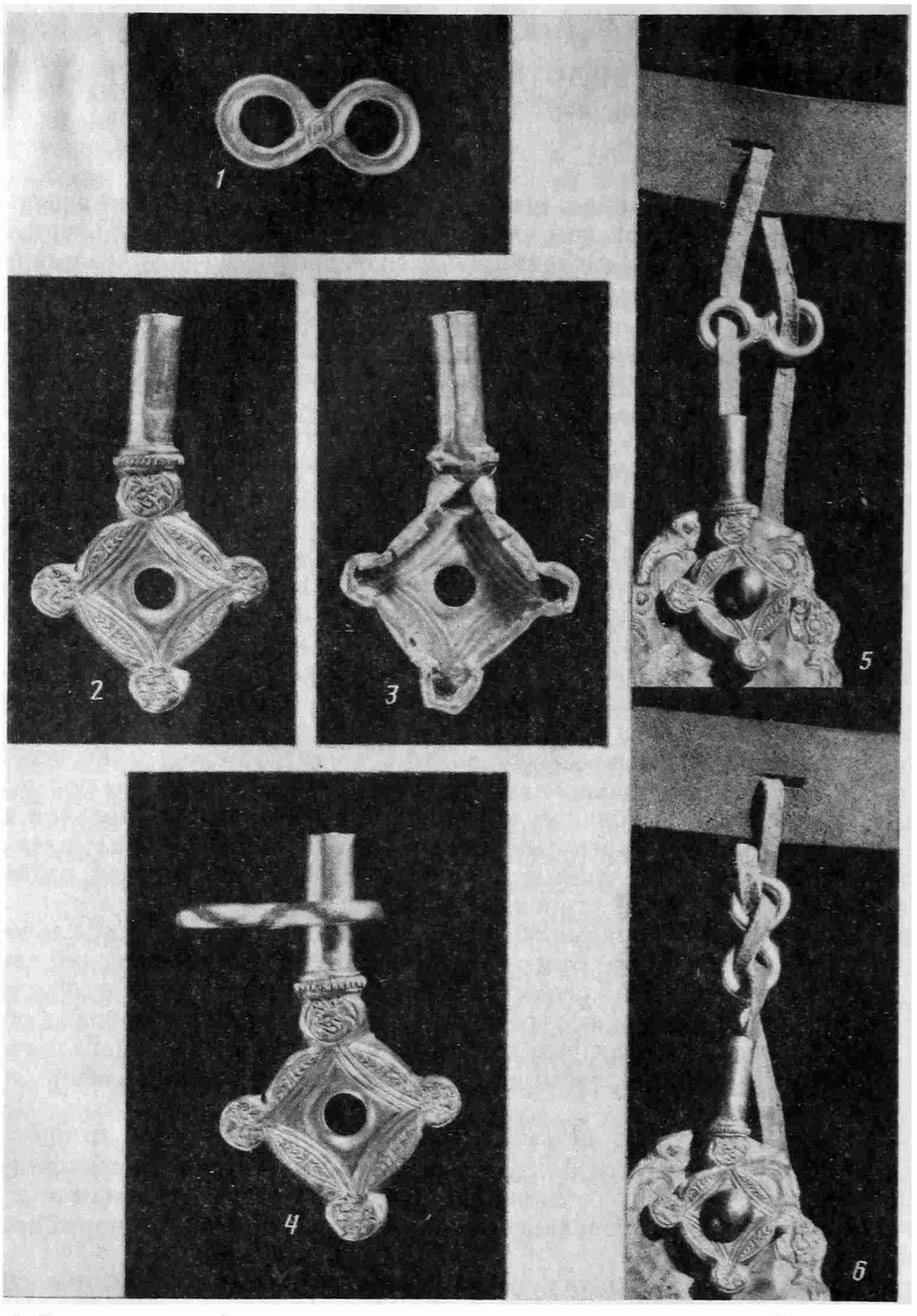


Рис. 1. Золотые портупейные принадлежности ножен келермесского меча. *1*— восьмеркообразная пряжка; *2*— наременная обкладка с цилиндрической втулкой; *3*— оборотная сторона обкладки; *4*— обкладка с надетой на трубку восьмеркообразной пряжкой; *5, 6*— варианты закрепления пряжкой подвесного ремня ножен (реконструкция)

кольца в конской упряжи [4, с. 210, рис. 46, *14, 15*] Аналогичная картина вырисовывается и по немногочисленным северопонтийским комплексам с находками такого рода. Древнейшими являются две деревянные пряжки от уздечного набора из погребения воина у с. Квитки в Поросье, датирующегося первой половиной VII в. до н. э. [5, с. 44, рис. 6, *15*, 16] Кроме них можно назвать только единичные экземпляры железных восьмеркообразных пряжек, которые засвидетельствовали в скифских курганах IV в. до н. э.— Краснокутском [6, с. 59, рис. 17, *3*] и № 18 у с. Русская Тростянка [7, с. 81, табл. 21, *32*] Таким образом,

публикуемый образец выделяется как древнейшее и единственное пока золотое изделие данного типа.

Основная причина того, что вопрос о функциональном назначении вышеописанных предметов из первого келермесского кургана до настоящего времени не затрагивался исследователями, объясняется прежде всего отсутствием в литературе сведений о раскопках самого памятника. Авторы обобщающих трудов по скифской археологии ограничиваются обычно обзором погребального инвентаря этого комплекса [1, с. 19—21, табл. 6—19, 22—24, 27, 28, 40—46, с. 13, рис. 11; 2, с. 56—58]. Но предлагаемые сводки страдают пробелами и ошибками, обусловленными поверхностным знакомством со сложной архивной документацией по Келермесу [4]

Слишком краткий и не всегда согласующийся со схематичным планом кургана рукописный отчет Д. Г Шульца дает представление о расположении в могиле далеко не всех встреченных там находок. Однако присланные им вещи сопровождались «ярлыками» с паспортными отметками [8, с. 42]. Явно на основании этикетажа в инвентарных описях ИАК от 23 декабря 1903 г. и от 29 апреля 1904 г. к этому кургану причислены некоторые дополнительные материалы, не описанные и не зафиксированные на чертежной схеме Д. Г Шульца [8, с. 25, 52]. Крайне существенно, что абсолютно тот же состав находок включен редколлегией ИАК и в текст готовившегося к печати отчета Д. Г Шульца [9, с. 3].

Как вытекает из записей и чертежа Д. Г Шульца, у правого бока погребенного лежали железные мечи — маленький с отделанной золотом рукоятью и большой в золотых массивных ножнах. Соответственно же скорректированному варианту его отчета рядом с парадным акинаком упомянута, кроме того, золотая поделка наподобие «ключа». Последняя легко отождествляется с единственным в своем роде вышеописанным изделием, которое, если его перевернуть обкладкой вверх, отдаленно напоминает старинного образца ключ с фигурной головкой.

Что касается восьмеркообразной пряжки, то вплоть до передачи келермесских материалов в Эрмитаж она воспринималась как составная часть предыдущего предмета. Сохранился снимок из фотоархива ИАК, где пряжка показана надетой одним кольцом на трубку крестовидной обкладки [5] (рис. 1, *4*). Сейчас трудно установить, отражает ли фотография первоначальное положение вещей или они были соединены позднее. Помимо фотоснимка взаимосвязь этих предметов документирует опись ИАК от 29 апреля 1904 г. В ней изделие в виде «ключа» было погашено двумя номерами музейного акта, под которыми значатся обе, уже разъединенные к тому времени (декабрь 1905 г.) золотые вещи [9, с. 52].

Изучение интересующих нас предметов убеждает в достоверности сведений относительно их совместного местонахождения с мечом в золотых ножнах.

При описании келермесских ножен не единожды отмечалось, что на боковой лопасти футляра вокруг пробитого на нем отверстия ясно виден кольцевидный след металлического изделия (рис. 2, *1* диаметр отверстия 8 мм, края его развальцованы внутрь, диаметр круглого отпечатка около 40 мм, ширина кольцевидного вдавления 2 мм.). Впервые это подметил Е. Придик, обнаруживший подобный след и на ножнах аналогичного келермесскому мельгуновского акинака. Исследователь даже попытался выявить среди материалов из Литого (Мельгуновского) кургана подходящую к ножнам деталь. Предположительно он отождествил ее с реконструированной им из фрагментов серебряной дисковид-

---

[4] В этих сводках не учтены следующие вещи: второй железный акинак с золотой отделкой рукояти и ножен; бронзовая, облицованная золотом рифленая колчанная застежка; золотые миниатюрные пуговки, гладкие и украшенные розетками; золотая реберчатая бусина; гладкие золотые оковки от деревянного сосуда; золотая восьмеркообразная пряжка; каменный оселок; золотая диадема с накладными пятилепестковыми цветками, которая по типу ленты и петелек аналогична найденной в Зивие. Нет оснований относить к этому погребению миниатюрный золотой наконечник в виде скульптурной фигурки лежащего оленя.

[5] Фотоархив ЛОИА АН СССР. Инв. № 3—48—58.

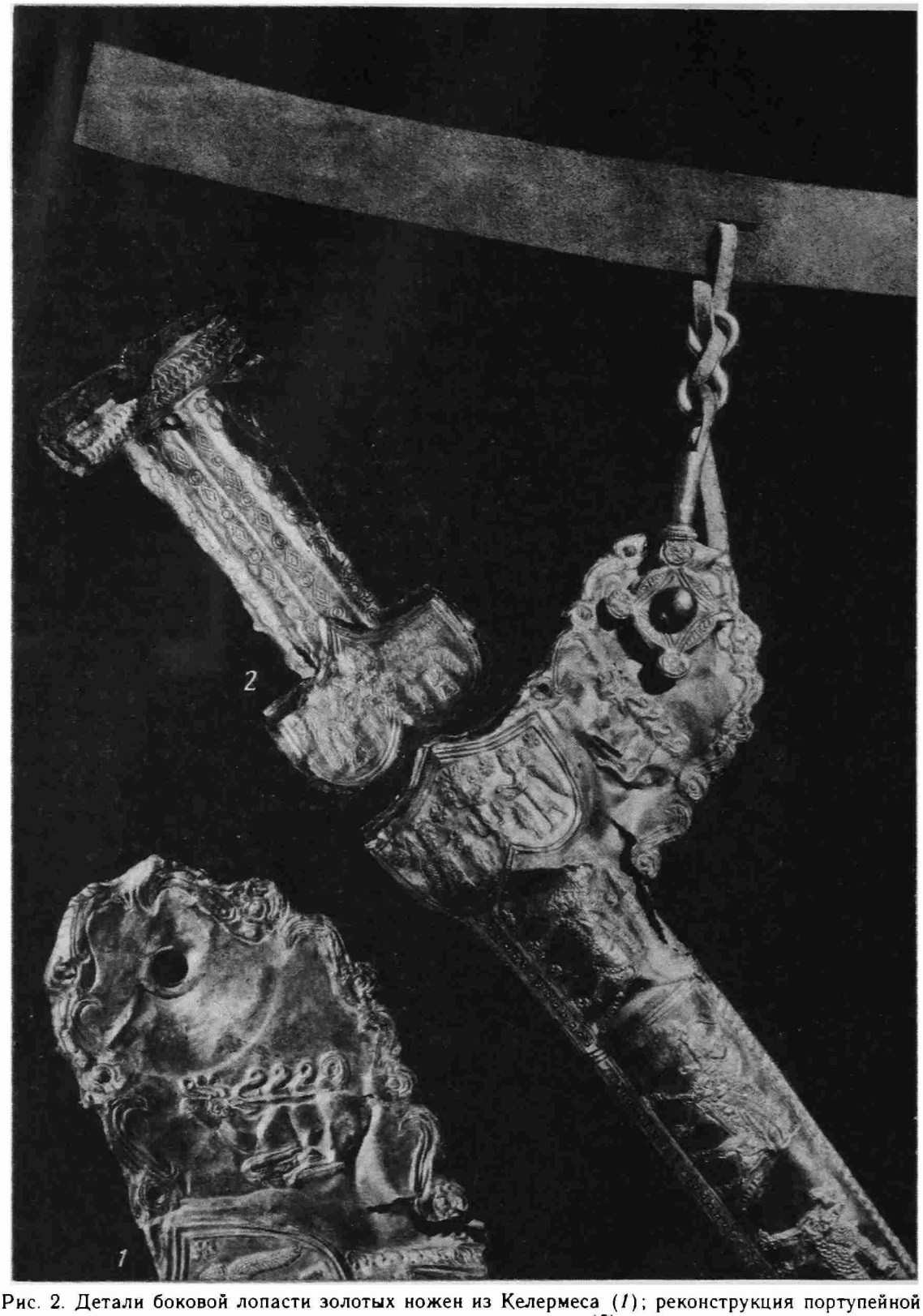


Рис. 2. Детали боковой лопасти золотых ножен из Келермеса (*1*); реконструкция портупейной системы келермесского типа (*2*)

ной пластинкой, имеющей дырочку в центре и ободок, заполненный кольчатым орнаментом. Правда, Е. Придик не очень отстаивал свою версию, скорее сомневался в ней [10, с. 12, 13]. Действительно, и по материалу, и по мотивам декора серебряная бляшка не гармонирует с отделкой оружия.

Следует подчеркнуть, что на обоих образцах раннескифских золотых ножен кольцевидные затертости наблюдаются только с одной — лицевой стороны. На противоположной поверхности мельгуновского футляра образовались вмятины, ошибочно принятые Е. Придиком за отпечаток ремня. Вместе с тем он справедливо связал концентрические вдавления на лопастях ножен со специальными приспособлениями для закрепления портупеи. По его мнению, у келермесского меча эту функцию выполняла особая круглая металлическая пластинка, к сожалению, не охарактеризованная им [10, с. 13]. Вряд ли можно допустить, что Е. Придик подразумевал крестовидную обкладку с цилиндрической трубкой. Между тем именно этот своеобразный предмет и является той портупейной деталью, которая оставила след на боковой лопасти золотых ножен (рис. 2, *1*).

Совпадают общие размеры крестовидного щитка и его отпечатка, а также диаметры прорезных отверстий. Кроме того, ширина кольцевидного следа на ножнах точно соответствует ширине затертых участков на загнутых внутрь краях округлых выступов щитка.

Не менее показательны и художественно-технические параллели. Считается, что декорировка келермесских и мельгуновских ножен выполнена тиснением по резной деревянной основе [11, с. 24]. На самом деле это чеканная работа, дополненная гравировкой. Чеканом исполнены также изображения, украшающие крестовидную обкладку и восьмеркообразную пряжку. Торцовые части келермесских ножен близ устья покрыты таким же елочным орнаментом, как и щиток обкладки. В свою очередь пряжка объединяется с оформлением рукояти акинака мотивом ромбической двухконтурной фигуры.

Интерпретация анализируемых предметов как принадлежностей портупейного комплекта хорошо подтверждается сравнительными материалами. Исследователи, занимавшиеся изучением келермесского и мельгуновского мечей, неоднократно сопоставляли их с типологически близкими персидскими и мидийскими акинаками, известными нам исключительно по памятникам прикладного и монументального искусства. Для этих целей традиционно привлекались фигуры знатных воинов (вероятно, мидийцев), запечатленных на персепольских рельефах времен Дария I [12, с. 80, рис. 120, с. 112, рис. 46]. Тем более удивительно, что до сих пор остались незамеченными как раз те детали изображений, которые собственно и проливают свет на систему подвешивания парадных раннескифских мечей к поясу.

Судя по персепольским рельефам, конец подвесного ремешка прикреплялся к закругленному выступу боковой лопасти ножен посредством металлической накладки с заклепкой. Остальная часть ремня пропускалась через металлическую обойму и прорезь на поясе (рис. 3, *1, 2*).

Несмотря на морфологические отличия ахеменидских и келермесских портупейных аксессуаров, в функциональном отношении они, несомненно, равнозначны. Золотой крестовидный щиток служил покрытием кожаной основы, имевшей ромбовидные очертания. Основа держалась на слое смолы и при помощи заклепки, скреплявшей накладной щиток с боковой лопастью ножен. Трубка наременной обкладки предназначалась для продевания узкого ремешка, а восьмеркообразная пряжка играла роль замка или обоймы, соединяющей обе части свисающего с пояса ремня (рис. 1, *5, 6*; 2, *2*).

Из-за несовершенства методики раскопок невозможно предложить точную реконструкцию портупейной системы келермесского типа. Утрачена заклепка, устройство которой, по-видимому, позволило бы объяснить, каким образом второй конец подвесного ремешка присоединялся к оборотной стороне ножен. Скорее всего, он завязывался, поскольку, как уже говорилось, на тыльной поверхности лопасти нет никаких признаков металлической детали.

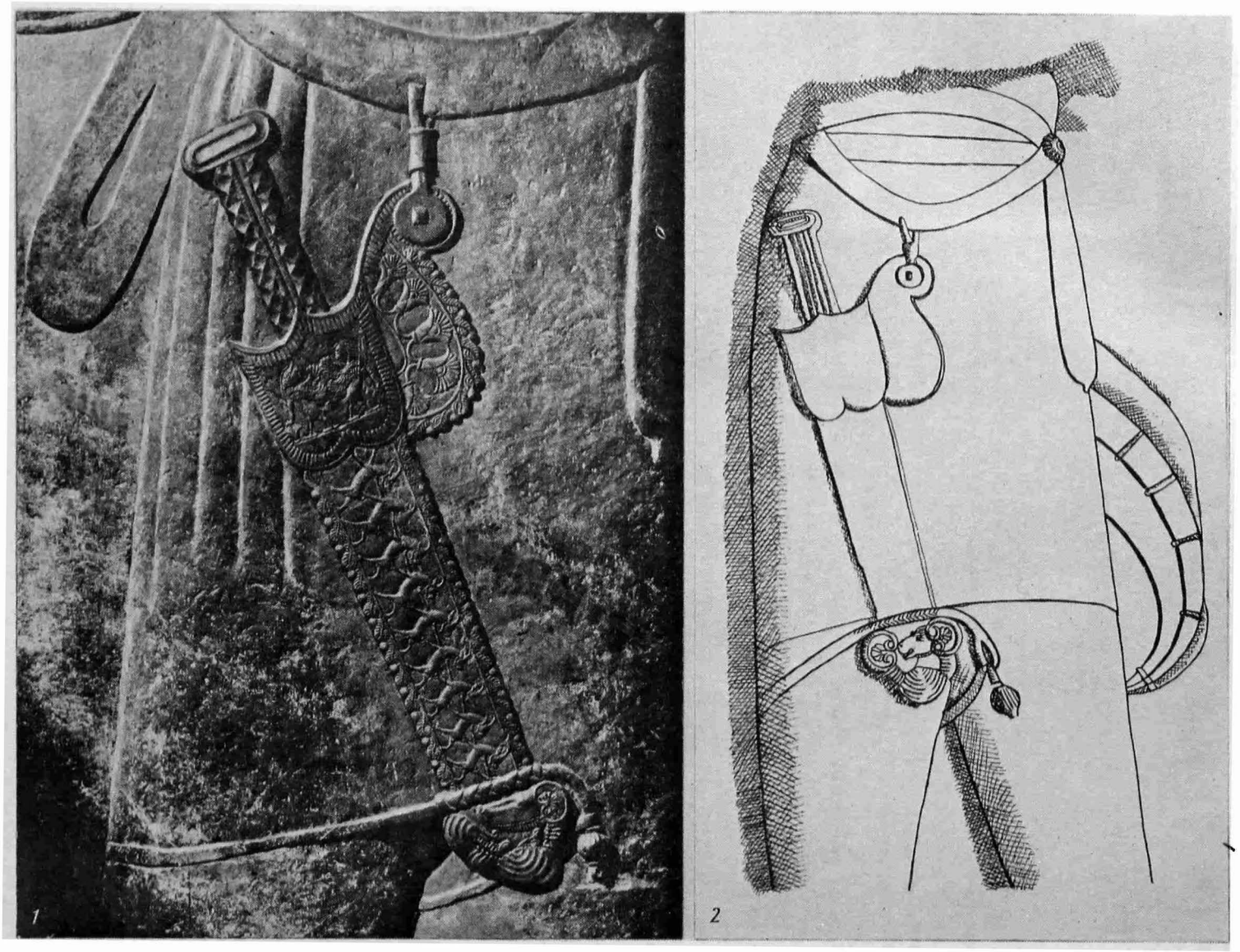


Рис. 3. Изображения портупейных систем (*1*, *2*) на рельефах Персеполя (по А. Годар)

Таким образом, благодаря определению функционального назначения двух келермесских находок получена новая информация о комплексе раннескифского вооружения. Не менее важно и то, что атрибутированные предметы способствуют восстановлению художественного облика келермесских и соответственно мельгуновских ножен.

Как известно, оба памятника торевтики принадлежат к произведениям эклектичного стиля. Доминирующие в них восточные, преимущественно урартские, орнаментальные и изобразительные формы скомбинированы чисто механически с отдельными скифскими элементами. Среди последних — лежащий олень, помещенный у основания боковой лопасти, и окаймляющие ее головки хищных длинноклювых птиц. Теперь к их числу присоединяются фигурки свернувшихся кольцом пантерок — еще один древнейший и исконно скифский изобразительный мотив. С включением золотой крестовидной обкладки в структуру орнаментики ножен изделие приобретает законченный вид. Заполняется лакуна, нарушавшая общий принцип декорировки ножен, определяющийся тем, что принято называть в искусстве «боязнью пустоты».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага; Ленинград: Артия; Сов. художник, 1966.
2. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка. 1983.
3. *Мошкова М. Г* Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1960. № 78.
4. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
5. *Ковпаненко Г Т., Гупало Н. Д.* Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
6. *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М.: Наука, 1981.
7. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Дону // САИ. 1965. Вып. Д1—31.
8. О раскопках Кавказского отделения Московского археологического общества // Архив ЛОИА АН СССР. Ф-1. 1903. № 88.
9. *Шульц Д. Г.* О раскопках в Майкопском отд. Кубанской обл.// Архив ЛОИА АН СССР Ф-1. 1904. № 9.
10. *Придик Е.* Мельгуновский клад 1763 года. СПб., 1911.
11. *Черненко Е. В.* Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
12. *Godard A.* L'art de L'Iran. P., 1962.

М. Х. БАГАЕВ, В. С. ОЛЬХОВСКИЙ

НОВЫЕ ИЗВАЯНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ДОЛИНЫ АКСАЯ (Чечено-Ингушетия)

До недавнего времени монументальная скульптура населения предгорных и горных районов Северного Кавказа раннескифского времени была мало известна. Первая сводка изваяний из данного региона, составленная В. И. Марковиным и Р. М. Мунчаевым, включала пять антропоморфов (Галайты, Замни-Юрт, Бетти-Мохк, Мескеты, Дагестанские Огни [1]). Позже были введены в научный оборот четыре антропоморфные плиты из 2-го галайтинского могильника [2, 3] и весьма примитивная стела из нартанских курганов [4]. В данной работе публикуется еще семь изваяний, обнаруженных экспедицией Чечено-Ингушского гос. университета им. Л. Н. Толстого в 1985 г. в ходе разведок и раскопок в долине р. Аксай.

Пять антропоморфов происходят из 2-го галайтинского могильника, расположенного в 2—3 км к северо-западу от сел. Галайты Ножай-Юртовского района Чечено-Ингушетии. Все они изготовлены из песчаника.

Изваяние № 1/1985 (рис. 1,*1*) найдено в отвале у обочины дороги. Происходит оно, несомненно, из разрушенного дорожными строителями погребения. Сохранившийся фрагмент имеет шестиугольную форму, максимальные размеры

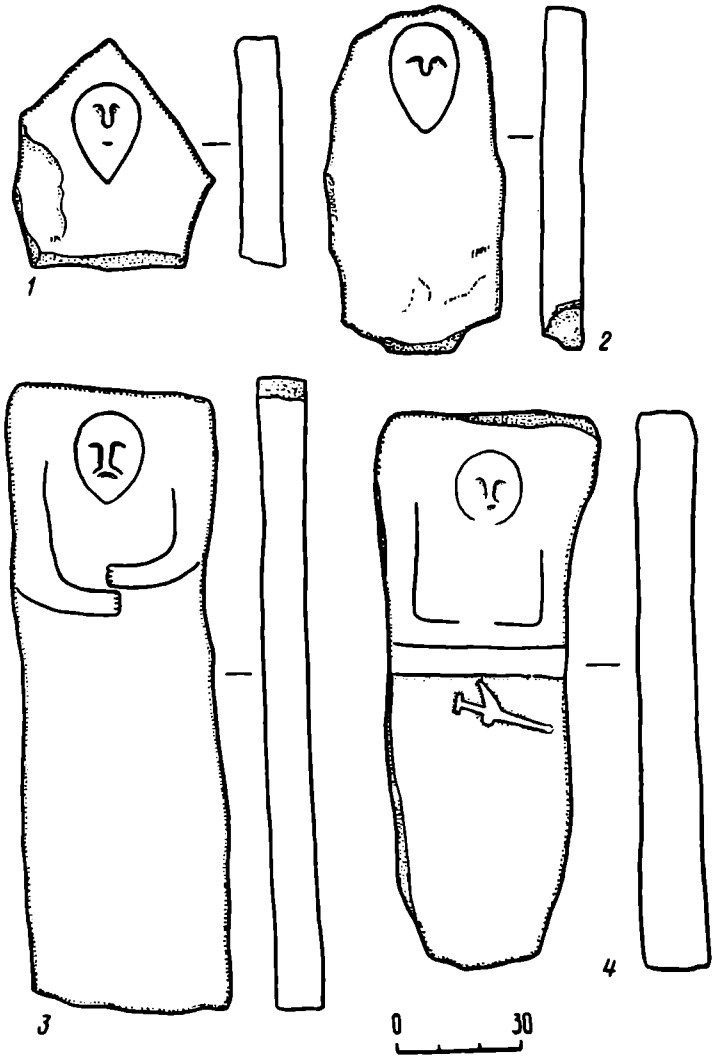


Рис. 1. Изваяния из галайтинского 2-го могильника. *1*—№ 1/1985; *2*—№ 2/1985; *3*—№ 3/1985 (погребение 63); *4*—№ 4/1985 (погребение 64)

0,52×0,45 м при толщине около 0,1 м. На плите врезной линией (гравировкой) показано миндалевидное человеческое лицо, невысоким рельефом — нос и брови, углублением — рот.

Изваяние № 2/1985 (рис. 1, *2*), как и предыдущее, найдено на обочине дороги неподалеку от погребения 60, но относится ли оно именно к этому погребению, утверждать трудно. Плита грубой овальной формы (0,8×0,4×0,1 м), в ее верхней части гравировкой и невысоким рельефом изображен суженный книзу овал человеческого лица; выделяются композиционно слитые брови и нос.

Изваяние № 3/1985 (рис. 1, *3*) было использовано в качестве одной из плит перекрытия каменного ящика погребения 63, причем лежало оно изображением вверх. Плита подпрямоугольной формы (1,5×0,49×0,1 м). Низким рельефом и гравировкой на ней показано человеческое лицо (выделяются брови, нос, свисающие усы) и согнутые в локтях руки, кисти которых, очевидно, представлены сжатыми в кулак. Левая кисть помещена выше правой.

Изваяние № 4/1985 (рис. 1, *4*), как и изваяние № 3, было переиспользовано в качестве плиты перекрытия каменного ящика погребения 64. Размеры его 1,34×0,44×0,1—0,14 м. Изображенное гравировкой и низким рельефом человеческое лицо, в отличие от предыдущих экземпляров, имеет форму слегка сплюснутого круга; видны брови, нос, усы. Руки согнуты в локтях, кисти (не сохранились) подходили друг к другу «встык». К широкому поясу за вытянутую

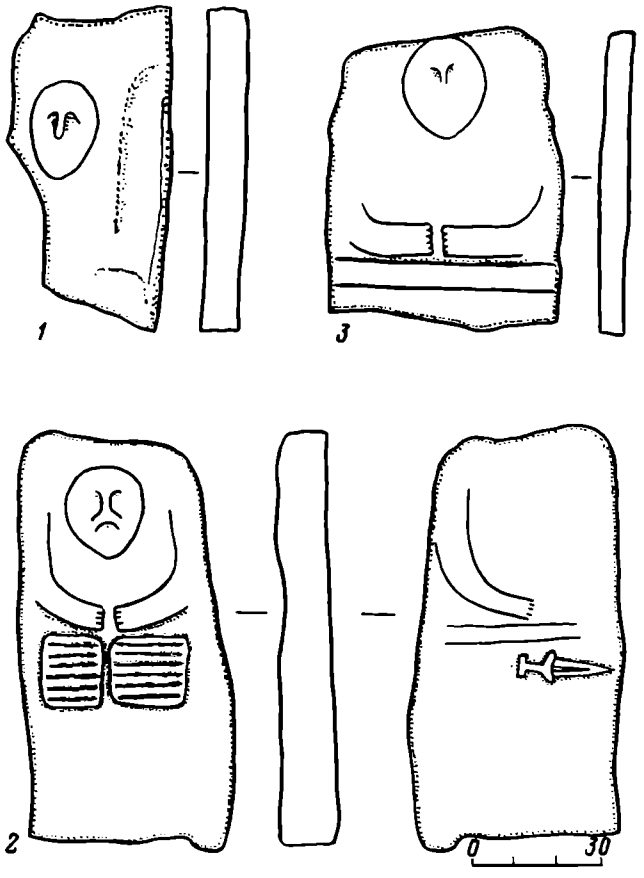


Рис. 2. Изваяния из долины Аксая. *1*— Галайты 2, № 5/1985; *2*— Замай-Юрт, № 1/1985; *3*— Замай-Юрт, № 2/1985

треугольную лопасть ножен подвешен акинак с брусковидным навершием; перекрестие его показано нечетко, скорее всего оно почковидное. Ножны завершаются круглым расширением — бутеролью.

Изваяние № 5/1985 (рис. 2, *1*) найдено рядом с погребением 69. Оно повреждено. На сохранившемся фрагменте (0,78×0,36×0,09 м) овалом показано человеческое лицо; видны брови и нос.

Два изваяния обнаружены в сел. Замай-Юрт, в 2—3 км к югу от сел. Галайты, также на правом берегу р. Аксай.

Во время хозяйственных работ в усадьбе С.-М. Е. Нагаева был вскрыт каменный ящик расположенного на территории селения могильника. В верхней части стенки ящика и находилась подпрямоугольная антропоморфная плита, лежавшая, в отличие от прочих плит стенки, горизонтально (Замай-Юрт, изваяние № 1/1985, рис. 2, *2*). Размеры ее 0,96×0,46×0,14 м. Плита имеет изображения на обеих широких гранях. На одной из граней представлена законченная композиция: миндалевидное человеческое лицо (выделяются брови, нос, свисающие усы), руки, согнутые в локтях и размещенные «встык». Ниже помещены две выполненные в рельефе прямоугольные фигуры, разделенные на семь горизонтальных полос каждая. Что указанные фигуры изображают — неясно; скорее всего это орнамент либо детали одежды, располагавшиеся ниже пояса, на бедрах. Не исключена вероятность, что перед нами особый вид защитного доспеха — наборные пластинчатые набедренники (в данном случае короткие), известные в скифской паноплии по крайней мере с V в. до н. э., бытующие и позднее [5, с. 120; 6, с. 120]. Весьма отдаленное сходство с рассмотренными фигурами имеет рельефный прямоугольник, размещенный на тыльной грани изваяния из сел. Мескеты [1, с. 159, рис. 1, 3], по мнению некоторых исследователей, тождественный «решетчатым пятиугольникам» оленных камней Центральной

Азии [7, с. 174] Данное заключение, послужившее основанием для датировки, на наш взгляд, вряд ли соответствует действительности.

Особенность данной антропоморфной плиты — наличие на ее другой широкой грани изображения, очевидно, незаконченного. Резчик нанес контур правой руки, плавно согнутой в локте, широкого гладкого пояса, акинака с брусковидным навершием и бабочковидным (?) перекрестием. Акинак расположен ниже пояса и с ним не соединен. Работа либо была прервана и перенесена на другую грань, либо первичное изображение было закончено, но сохранилось не полностью, а несколько позже данная плита была переиспользована для нанесения на свободную тыльную грань нового изображения.

Еще одна антропоморфная плита (Замай-Юрт, изваяние № 2/1985, рис. 2, *3*), происходящая, несомненно, из разрушенного погребения, обнаружена на территории усадьбы случайно. Ее размеры 0,68×0,59×0,08—0,12 м. На миндалевидном лице уцелели изображения носа и бороды; руки показаны согнутыми в локтях над широким поясом, кисти их «встык».

Семь описанных изваяний иконографически тождественны пяти плитам, обнаруженным ранее в 1-м и 2-м галайтинских могильниках и в сел. Бетти-Мохк. Морфологическая особенность данных изваяний — их весьма слабая антропоморфность, крайне обобщенно, геометризованно передающая очертания человеческого тела. Данный факт позволил С. В. Махортых заключить, что перед нами «не изваяния, а плоские каменные плиты» с изображениями человеческого лица, рук и т. д. [8, с. 30]. Мы же считаем галайтинские стелы антропоморфными плитами — разновидностью антропоморфных изваяний. Дело в том, что, при явном схематизме изображения частей человеческого тела, весь объем и вся поверхность плиты воспринимались ваятелем и, несомненно, его современниками-зрителями как воплощение человеческой фигуры [1] Изображение человеческого лица ниже верхней грани стелы при этом не препятствовало именно такому пониманию сюжета: голова человека воспринималась как бы опущенной ниже уровня плеч, роль которых играла верхняя грань плиты. При этом создавался эффект изображения сгорбленной старческой фигуры, а также значительно упрощался и ускорялся весь процесс изготовления изваяния. Миндалевидная форма изображаемых на плитах лиц объясняется, очевидно, необходимостью воплотить лицо немолодого мужчины с остроконечной бородой «клинышком» и усами. Вместе с тем галайтинское изваяние № 3/1985 (рис. 1, *3*) демонстрирует и явную попытку более точной моделировки фигуры: левое предплечье показано скругленным, намечен переход к талии.

Антропоморфные плиты, в отличие от плоской скульптуры, использовались скифами редко. К их числу можно отнести 1-е днепропетровское изваяние V в. до н. э. [9, с. 294] и плиту из погребения 2 кургана 13 Суворовской курганной группы в Крыму (начало IV в. до н. э.). С этой точки зрения галайтинская группа антропоморфов демонстрирует явное своеобразие.

Одна и та же схема построения фигуры, набор изображаемых атрибутов свидетельствуют о принадлежности всех 13 антропоморфных плит из селений Галайты, Замай-Юрт и Бетти-Мохк одному этнокультурному кругу. Единого мнения о культурной принадлежности данных памятников нет, что в определенной степени связано с неясностью их точной датировки и причин их переиспользования.

Так, галайтинские и близкие к ним стелы датируются VI—V вв. до н. э. [1, с. 158; 8, с. 30] либо более ранним временем [3, с. 136; 11, с. 6], в частности концом VII—VI вв. до н. э. [7, с. 174; 10, с. 73] Основанием для последней датировки послужило сопоставление перекрестия кинжала, изображенного на стеле из погребения 8 2-го галайтинского могильника [3, с. 133, рис. 3, *6*], с перекрестиями кинжалов предскифского периода [7, с. 174] вследствие схематичности

---

[1] По этому же принципу создавались и воспринимались стелы, находимые в захоронениях эпохи энеолита и бронзы в Причерноморье.

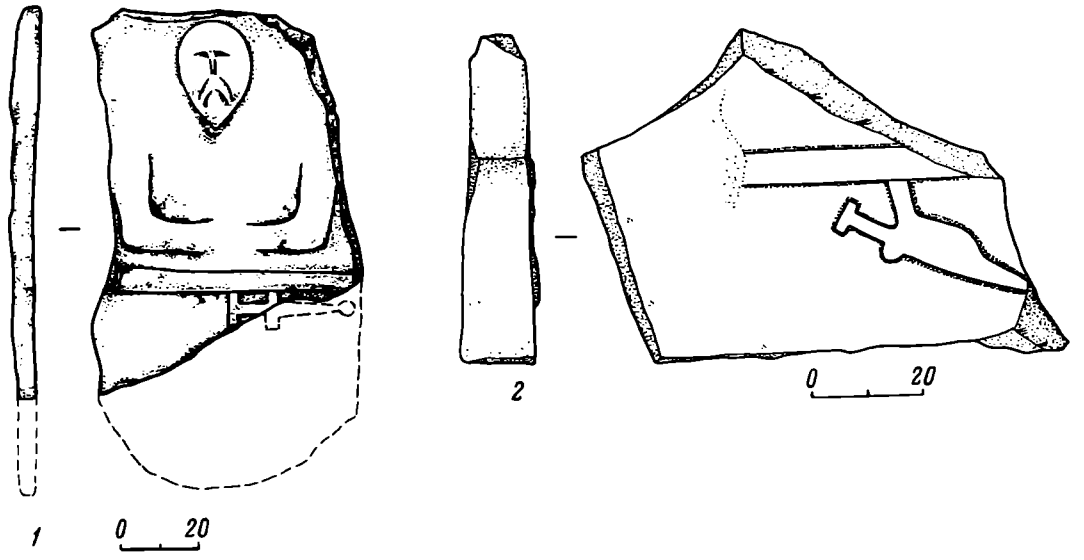


Рис. 3. Изваяния из галайтинского 2-го могильника. *1*— из погребения № 8, раскоп № 2; *2*— из погребения № 1/1977

прорисовки в первой публикации стелы. Приводимая здесь (рис. 3, *1*) точная прорисовка изваяния [2] свидетельствует, что перекрестие кинжала было практически прямым, приближающимся к перекрестию кинжала стелы из сел. Мескеты [1, с. 159, рис. 1, *3*]. К тому же бесспорно брусковидные навершия рассматриваемых кинжалов явно отличаются от грибовидных и шаровидных наверший кинжалов переходного времени.

Отметим, что относительное стилистическое единообразие галайтинских стел свидетельствует в пользу предположения, что время их бытования «должно укладываться в относительно небольшой промежуток времени» [7, с. 174] Если это так, следует признать также относительную синхронность бытования изображенных на стелах акинаков разных типов (рис. 1—3). Данное обстоятельство ограничивает возможность более точного датирования стел в рамках VI—V вв. до н. э. по изображенному на них оружию. Вещевой же материал галайтинского и замай-юртовского могильников вследствие асинхронности захоронений датируется в широком хронологическом диапазоне — с середины VI (единичные находки) до середины III в. до н. э. Учитывая переиспользование практически всех стел, наиболее вероятным периодом создания стел галайтинского типа следует признать вторую половину VI в. до н. э.

Вопрос об этносе создателей галайтинских стел также решается по-разному. Ими считаются либо скифы [3, с. 135; 10, с. 73; 11, с. 6], либо местное нескифское население [7, с. 174; 12, с. 38, 277], испытавшее влияние скифского монументального искусства [8, с. 30, 31; 13, с. 71]. Иконографический тип галайтинских антропоморфных плит — мужская фигура с согнутыми в локтях руками, сложенными выше пояса, соответствует почти столь же лаконичному скифскому изобразительному канону VI (и VII?) вв. до н. э. [11, с. 6] Галайтинские стелы, отметим, несут изображения только тех атрибутов, которые известны на бесспорно скифских изваяниях [3]. Данное обстоятельство, с учетом отсутствия на данной территории в предшествующее время традиции создания памятников подобного рода со сходной иконографией, заставляет признать участие в создании галайтинских стел собственно скифов. Заимствование подобного рода, несомненно, связанное с принятием или адаптацией целого комплекса чуждых

---

[2] Нижняя часть стелы, отмеченная пунктиром, в настоящее время утрачена; восстанавливается по полевому чертежу.

[3] Единственное исключение — «набедренники» на замай-юртовском изваянии № 1/1985.

религиозно-мифологических представлений новой этнической средой, вряд ли могло осуществиться путем простого созерцания аборигенами образцов скифского монументального искусства. Для этого требуется прямой контакт вплоть до совместного обитания на одной территории в течение определенного времени. Подобная обстановка вполне могла сложиться в середине VI в. до н. э., в период далеко не триумфального возвращения скифов из Передней Азии [3, с. 136] Не исключено, что маршрут одной из скифских орд мог проходить по долине Аксая, соединяющей Прикаспийскую низменность с горным Дагестаном [1, с. 164]. Какая-то часть скифов при этом могла остаться в долине, смешавшись с местными позднекобанскими племенами. Неизбежная вследствие малочисленности пришельцев ассимиляция очень быстро — в течение жизни одного поколения — привела к поглощению скифского компонента местной этнической средой. Столь быстрый процесс трудноуловим при анализе археологических материалов, в частности погребальных комплексов [14, с. 44]. Этническое слияние части скифов с автохтонами предполагают и некоторые специалисты-кавказоведы [15, с. 44]. Галайтинские стелы, демонстрирующие своеобразный морфологический вариант чисто скифского иконографического канона, таким образом, могут действительно рассматриваться как «результат взаимодействия местных вкусов с привнесенными» [1, с. 164] в области изобразительного искусства и, очевидно, религиозно-мифологических представлений.

Факт переиспользования антропоморфов в конструкции погребальных сооружений не может считаться свидетельством «мести» пришельцам со стороны аборигенов [12, с. 37, 38]. Подобная практика в VII—V вв. до н. э. известна создателям оленных камней Центральной Азии и носителям культуры плиточных могил [16, с. 81], «киммерийцам» Причерноморья и Северного Кавказа [17, с. 10, 13; 18, с. 293], скифам [19, с. 383]. В эпоху энеолита и бронзы стелы в погребениях переиспользовались носителями ямной и окуневской культур; яркий пример существования подобного обычая на Северном Кавказе дает нальчикская гробница [20, с. 29]. Подобная практика могла осуществляться «переиспользователями» либо в условиях идеологической нейтральности [3, с. 135, 136] стел (например, вследствие большого хронологического разрыва между созданием и переиспользованием изваяний, разноэтничности создателей и «переиспользователей»), либо в условиях утраты стелами через определенное время своего основного, сакрального значения. В последнем случае изваяния могли ниспровергаться и переиспользоваться практически одними и теми же людьми через сравнительно небольшой промежуток времени. Существование подобной практики, обусловленной одномоментным, кратковременным «сроком действия» изваяния, у скифов Причерноморья весьма убедительно обосновано Д. С. Раевским [21, с. 56].

В пользу кратковременности «активного функционирования» каждой галайтинской стелы свидетельствуют небрежность гравировки, незавершенность некоторых деталей, а порой и крайний лаконизм — изображение только лица. Дело, конечно, не в торопливости либо неопытности ваятеля, а в существовавших религиозно-мифологических установках, позволявших «редуцировать» воспроизводимый образ до уровня, все же обеспечивающего его распознавание зрителем и как следствие выполнение им (образом) определенной идеологической функции.

Простота и «экономичность» галайтинских антропоморфов, не требующих больших затрат человеческого труда (при наличии некоторого опыта изваяние можно было, очевидно, изготовить в течение дня), обеспечили сравнительно широкое распространение стел в данной этнической среде. Следует предполагать, что в долине Аксая будет найдено еще немало произведений древнего монументального искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. 1964. № 1.
2. *Багаев М. Х.* Новые каменные изваяния воинов из Чечено-Ингушетии // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. и сообщений. М., 1980.
3. *Багаев М. Х.* Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
4. *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Т. 2. Нальчик, 1985.
5. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968.
6. *Горелик М. В.* Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
7. *Петренко В. Г* О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
8. *Махортых С. В.* Об ичкеринских скифоидных стелах // Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный, 1981.
9. *Passek T., Latynine B.* Sur la question des «Kamennye baby» // ESA. 1929. IV.
10. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
11. *Белозор В. П.* Скифские каменные изваяния VII—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1986.
12. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
13. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В2-5.
14. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. 1977. Вып. В2-5.
15. *Дударев С. Л.* К этнической истории Кавказа в эпоху киммерийско-скифских походов // Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный, 1985.
16. *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1967.
17. *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984.
18. *Кубышев А. И.* Работы Херсонской экспедиции // АО — 1979. М., 1980.
19. *Ольховский В. С.* Раскопки курганов в Сакском районе Крыма // АО—1985. М., 1987.
20. *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.). Нальчик, 1973.
21. *Раевский Д. С.* Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов Евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983.

А. Б. СУПРУНЕНКО

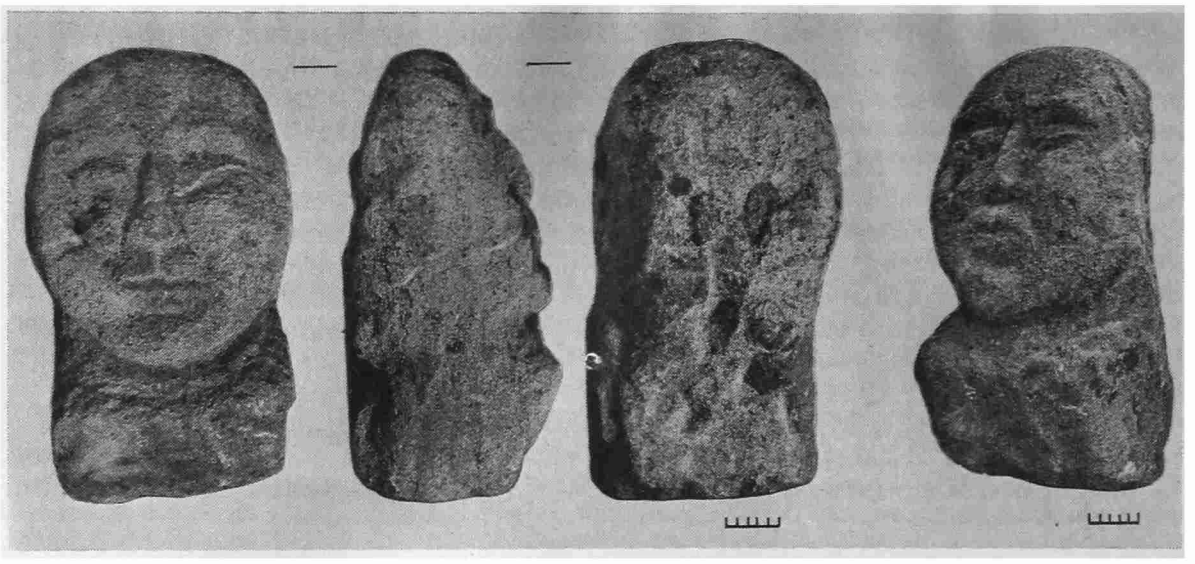
ГОЛОВА ПОЛОВЕЦКОГО ИЗВАЯНИЯ

Находки половецких изваяний — сравнительно редкое явление для лесостепного междуречья рек Ворсклы, Псла и Сулы. Большинство обнаруженных статуй, хранящихся в собраниях музеев Полтавской области [1, с. 95, 164—166; 2, с. 50, табл. 12, рис. 6; 3, с. 48; 4, с. 5], были перевезены сюда из более южных районов в XVIII—XIX вв. и использовались помещиками для украшения парков в имениях. Документированные находки стел для Полтавщины происходят с территории Поорелья [2, с. 50, 90], входившего в состав Половецкой земли [5, с. 154, рис. 1, с. 174, рис. 12; 6, с. 224; 7, с. 288, 289].

В 1983 г. в Диканьский историко-краеведческий музей поступила деталь скульптуры [1], обнаруженная школьниками при строительных работах в траншее на глубине 0,5 м в центральной части с. Ландари Андреевского сельского совета Диканьского р-на (бассейн р. Псел), неподалеку от бывшего помещичьего имения и церкви. В опубликованной предварительной информации место находки изваяния указано неточно [8, с. 312]. Она изготовлена из рыхлого крупнозернистого песчаника в точечной технике, с подшлифовкой лицевой и боковых сторон изваяния. Поверхность скульптуры сильно выветрена, есть сколы. Ее высота 39, ширина 19,5 и толщина 16,7 см, вес чуть более 14 кг.

Изваяние является изображением головы человека, выделенной из монолита и исполненной в натуральную величину. Намечена шея и частично плечи. Скульптура объемная (рис. 1).

[1] Диканьский историко-краеведческий музей; инв. № ДИКМ 5754, и 1961.



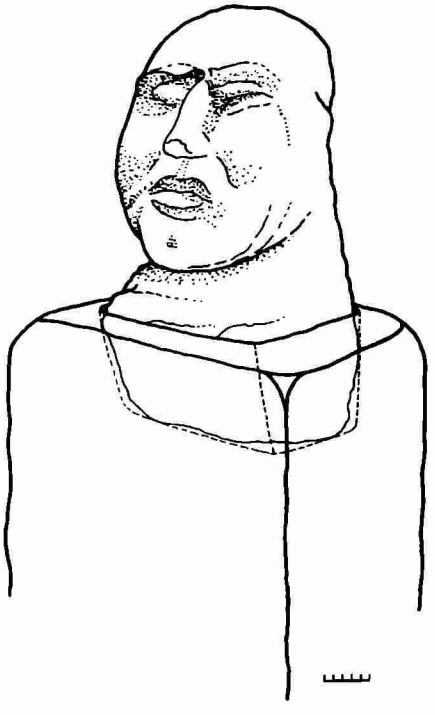


Рис. 1. Голова изваяния из с. Ландари (фото)

Рис. 2. Изваяние из с. Ландари (реконструкция)

Лицо, вероятно, женское, монголоидное, с крупными удлиненными глазами без зрачков, обрамленными канавкой. Брови в виде рельефных дуг образуют с прямым носом, переданным выступом в виде равностороннего треугольника с прямым основанием и слегка намеченными ноздрями, характерную Т-образную выпуклую фигуру на плоскости лица [1, с. 56]. Рот показан прямым углублением. Полные губы сомкнуты, на верхней намечена ямочка. Тщательно моделирован подбородок, щеки. Овал лица слегка уплощен и наклонен назад, под углом до 70° к основанию. Лицо, несомненно, индивидуализировано; не исключено, что изображение имело портретный характер.

Нижняя часть скульптуры (высотой 10—11 см) в виде разносторонней перевернутой усеченной призмы завершается устойчивым прямоугольным плоским основанием (14×19 см). Лицевая и боковые грани призмы плоские, хорошо зашлифованные. Поврежденная обратная сторона скульптуры также плоская. Сзади скульптура асимметрична.

На боковых и у основания шеи на лицевой сторонах изваяния заметны следы работы скульптора — выбоины от мелкого металлического зубильца.

Скульптура из Ландарей пополняет довольно малочисленную группу половецких изваяний [1, с. 58, рис. 28] с изображением лишь головы человека и может в определенной степени пролить свет на их предназначение. С. А. Плетневой в отношении головы юноши из Ворошиловградского музея уже высказывалось предположение, что остальные детали скульптуры могли быть изготовлены из недолговечных материалов [1, с. 58]. Конструктивные особенности публикуемого памятника позволяют предположить, что скульптура предназначена для закрепления в вертикальном положении в специальном пазу в верхней части столба или туловища изваяния (рис. 2); уплощенные грани нижней части скульптуры и плоское основание способствовали ее устойчивому положению. Такая конструкция в целом возможна, как возможно и изготовление нижней части скульптуры из дерева (из-за отсутствия в достаточном количестве пригодного для изготовления статуй камня или нерентабельности дальних перевозок). Среди половецких скульптур известны изваяния из дерева, во всем, кроме материала, аналогичные каменным [1, с. 50; 9, с. 250]

Деталь изваяния принадлежит к круглой объемной половецкой скульптуре, получившей распространение в степях Восточной Европы начиная с XII в. [1, с. 70; 10, с. 220], и, вероятнее всего, привезена в с. Ландари в конце прошлого века местным помещиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е4-2.
2. *Сидоренко Г. О., Махно Э. В., Телегін Д. Я.* Довідник з археології України. Полтавська область. Київ: Наук. думка, 1982.
3. Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки. Полтава, 1985.
4. *Бабич А. В.* Миргородский краеведческий музей: Путеводитель. Харьков: Прапор, 1976.
5. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.
6. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Наука, 1966.
7. *Плетнева С. А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.
8. *Супруненко А. Б.* Работы Полтавского музея // АО — 1984. М.: Наука, 1986.
9. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. 1903 г. // Тр. XIII АС. Т. 1. М., 1907.
10. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.

Е. В. ШНАЙДШТЕЙН

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА РЕКЕ АХТУБА В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1984 г. в Ахтубинском районе Астраханской обл., в 2,9 км юго-восточнее с. Успенка, экспедицией Астраханского пединститута было исследовано грунтовое ямное бескурганное погребение, которое находилось на первой надпойменной террасе левого берега р. Ахтуба, на склоне оврага, и сопровождалось богатым набором вещей. Южная его сторона разрушена траншеей водоочистных сооружений, в которой найдены отдельные кости черепа и ног коня.

Простая могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, длиной 2,07 м, шириной 0,56 м, глубиной 0,57 м от современной поверхности, была ориентирована длинной осью по линии запад — восток. Стенки ямы ровные вертикальные (рис. 1).

Скелет женщины зрелого возраста лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на запад. Кисть правой руки, согнутой в локте, находилась на тазе. Левая рука и ноги вытянуты. Позвонки, ребра смещены, левая нога ниже колена отсутствовала, правая сохранилась частично. Шейные позвонки обнаружены за чере-

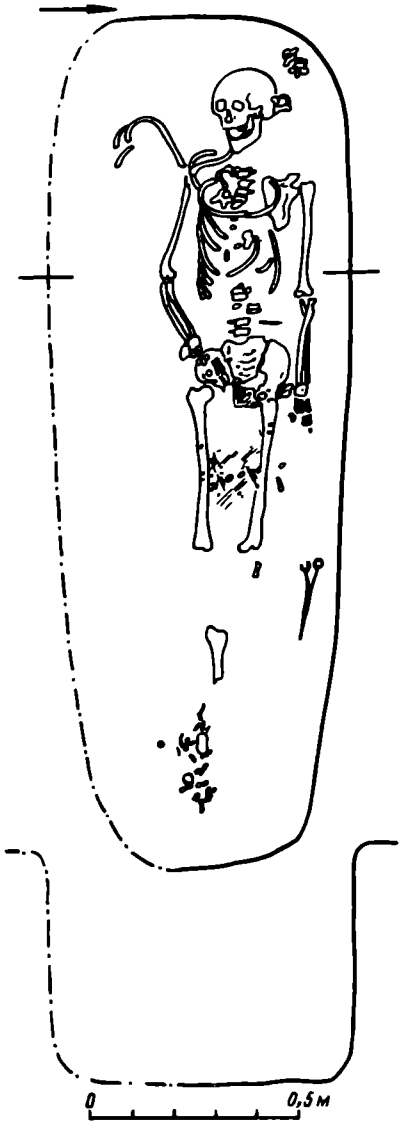


Рис. 1. Погребение на р. Ахтуба. План, разрез

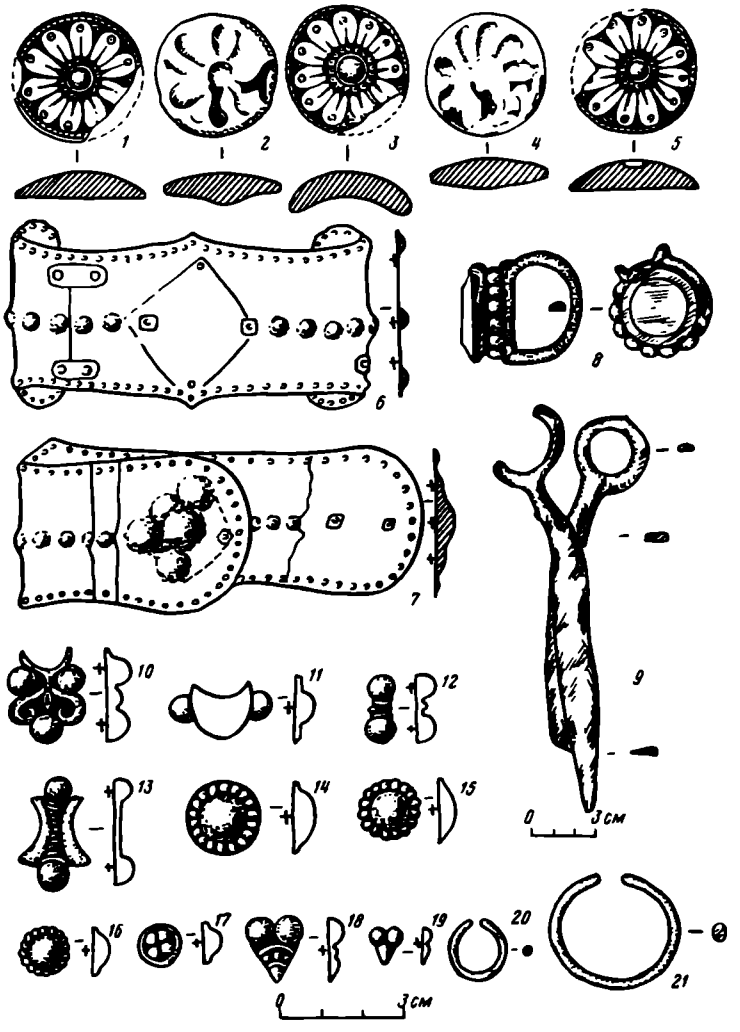


Рис. 2. Находки из погребения. *1—5*— деревянные бляхи; *6, 7*— браслеты; *8*— перстень; *9*— ножницы; *10—19*— бляхи металлические; *20*— кольцо; *21*— серьга

пом. На скелете — следы чакана, положенного поперек. Пяточная кость правой ноги обожжена. Под левым крылом таза и над правой ногой — угольки.

Около черепа справа найдена серьга в виде несомкнутого кольца из серебряной проволоки, диаметр кольца 2,5 см (рис. 2, *21*). В области поясницы слева находился железный нож, плохо сохранившийся, на крестце — обломок железного предмета плохой сохранности, возможно пряжки; на запястьях рук — бронзовые пластинчатые браслеты с несомкнутыми закругленными краями, с выпуклым точечным орнаментом в виде ложной зерни по краю и рядом круглых выпуклин по центру, на концах и в центре — следы серебряных накладок ромбовидной формы с круглыми выпуклостями, отпечатки этих накладок и окись серебра отмечались на ткани рукавов одежды. Браслеты неоднократно ломались в древности и скреплялись бронзовыми заклепками (рис. 2, *6, 7*).

На пальце правой руки найден серебряный цельнолитой щитковый перстень с сердоликовой вставкой красноватого цвета диаметром 2 см, толщиной 0,5 см (рис. 2, *8*); камень прикреплен к деревянному щитку с округлыми выпуклинами по окружности, окованными серебром (серебро 874-й пробы, вес перстня 2,36 г).

На тазовых костях, руках и ногах сохранилась ткань типа сатина темно-бордового цвета от длинной одежды в складку и светлая холщовая ткань типа

мешковины; на левой бедренной кости — след кожи. Между бедренными костями ног найдены две деревянные бляхи диаметром 3 см, с растительным орнаментом, обтянутые золотой фольгой; аналогичная бляха лежала между тазовой костью и левой ногой (золото 56-й пробы). Близкие им по типу три деревянные бляхи с растительным орнаментом без золотой фольги найдены в складках ткани одежды (рис. 2, *1—5*). У левой ноги обнаружены железные шарнирные ножницы длиной 21 см (рис. 2, *9*). Между бедренными костями на ткани найдено 158 накладных декоративных круглых выпуклых бляшек из сплава серебра с медью, украшенных штампованным орнаментом в виде ложной зерни по краю (рис. 2, *14—16*). Бляшки плотно примыкали друг к другу и крепились к холсту заклепками. Между рядами бляшек на отдельных нитях на ткань был нашит белый бисер (973 шт.).

Ноги покойницы, вероятно, были связаны ремнем, от которого сохранилось 67 серебряных с примесью меди бляшек, из них 2 — фигурные с тремя полушарными выпуклинами и растительным орнаментом между ними (рис. 2, *10*), 7 бляшек типа «лунниц» с двумя полушарными выпуклинами по бокам (рис. 2, *11*), 29 бляшек полушарных, сдвоенных с пояском из четырех выпуклин посередине (рис. 2, *12*), 1 бляшка из сдвоенных лунниц с двумя круглыми отростками по краям между ними (рис. 2, *13*), 17 круглых бляшек со штампованным орнаментом в виде ложной зерни по краю, аналогичных бляхам с передника (рис. 2, *15*), 3 полушарные с орнаментом в виде четырехлепестковой розетки (рис. 2, *17*), 3 сердцевидной формы с двумя выпуклинами сверху (рис. 2, *18*), 5 строенных из двух полушарных и одной сердцевидной выпуклин (рис. 2, *19*) и небольшое колечко из медной проволоки с несомкнутыми концами (рис. 2, *20*).

Связывание ног в древности было широко распространенным явлением и преследовало цель «обезвреживания» покойника, причем неоднократно четко фиксировался обычай связывания ног покойников ремнями, сплошь покрытыми серебряными накладками [1, с. 78], как и в данном случае.

Для салтово-маяцкого времени характерны ямные бескурганные погребения, расположенные на левом берегу реки, на первой надпойменной террасе [2, с. 70]. В таких погребениях попадаются серьги, перстни, браслеты и бляшки, изготовленные из бронзы и серебра со штампованным орнаментом, причем техника штамповки в конце салтовского времени преобладала над литьем [3, с. 74].

IX—X веками датируются аналогичные нашим украшения из раскопок на Южном Урале [4, рис. 8, *8*, 13, *2*, 15, *6*, 32, *2*]. Не противоречит этой дате серебряный перстень с сердоликовой вставкой [3, с. 182; 5, с. 70, рис. 48]. В это же время были распространены серьги в виде простого несомкнутого кольца [2, с. 123, рис. 19, *117*]. Для погребений этого времени характерны подсыпка угольков и некоторая связь инвентаря, особенно наременных наборов с сибирскими материалами IX—X вв. [2, с. 79]. Близкие по форме и орнаменту бляшки, орнаментированные рельефными розетками и обложенные тонкими золотыми листочками, найдены вместе с бубенчиками, копоушкой и птицевидными нашивками X в. В. П. Шиловым в погр. 3 кург. 1 у с. Верхнее Погромное Волгоградской обл. [6, с. 44, рис. 34, *14, 15*].

Таким образом, аналоги позволяют датировать погребение на Ахтубе X в. Определить его этническую принадлежность затруднительно, поскольку погребальный обряд из-за разрушения части могилы остался не вполне ясным. Однако следует отметить, что бескурганные ямные захоронения, усыпанные углем, были характерны для степного населения Хазарского каганата в VIII — начале X в. Весьма важным признаком этих захоронений является также ритуальное разрушение скелета, которое зафиксировано нами и в ахтубинском погребении. Судя по вещам, публикуемое нами захоронение — одно из самых поздних погребений, которые можно связывать с населением каганата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
2. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
3. *Казаков Е. П.* Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // СА. 1985. № 4.
4. *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М.: Наука, 1981.
5. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.
6. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.: Наука, 1975.

Т. Д. АВДУСИНА, Т. Д. ПАНОВА

О НАХОДКЕ КЛАДА НА ТЕРРИТОРИИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В мае 1988 г. при археологических наблюдениях за ремонтными работами на территории Московского Кремля был найден клад серебряных украшений домонгольского времени. Он обнаружен на расстоянии 100 м к западу от Спасских ворот. Клад находился на глубине 5 м от современной поверхности, в небольшой яме, заглубленной в материк. Вещи лежали в деревянном коробе, обтянутом берестой (короб сохранился фрагментарно и реконструировать его не удастся). Участок, где найден клад, до сих пор не исследовался археологами — здесь не была известна мощность культурного слоя и датировка его древнейших отложений. До настоящего времени в исторической литературе бытует мнение, что эта территория освоена только в XIV в. Однако наблюдения последних лет показали, что заселение северо-восточной части Кремля нужно относить как минимум к концу XII в. При наблюдениях 1988 г. также прослежены напластования конца XII—XIII в., что подтверждают находки здесь стеклянных браслетов, фрагментов амфор, ранних типов керамики.

Клад состоит из 199 украшений и других бытовых предметов, а также 85 нашивок на одежду. Прежде всего в комплексе выделяются собственно украшения. Они составляют три большие группы — украшения головы, груди и рук. В кладе также есть денежные слитки, алебастровая мисочка, костяная рукоять ножа (рис. 1, 2).

Украшения головы представлены несколькими типами изделий. Все они относятся к женским височным украшениям. Среди них выделяются великолепной сохранностью подвески-рясна (пара). Они состоят из конусовидной головки с подвижно закрепленным кольцом для подвешивания, к которой прикреплены девять цепочек, каждая из них перемежается бляшками разной формы. Парой изделий представлены в комплексе вещей так называемые «аграфы» — вероятно, украшения головного убора знатных горожанок. Каждый из них являет собой набор из восьми соединенных скрученной проволокой слегка округлых дужек с тремя ажурными или зерненными бусинами. В каждом аграфе соединены семь дужек с ажурными и одна дужка с зерненными бусинами. Среди древнерусских материалов они представляют довольно редкие находки. Остальные головные украшения составляют хорошо известные по кладам домонгольского времени шестилучевые звездчатые колты (12 экз.) и трехбусинные височные кольца трех типов (26 экз.).

Группа нагрудных украшений самая многочисленная — 104 предмета. В нее входят шейные гривны, бусы, привески, лунницы и так называемые «бармы». Медальоны от барм хорошо известны по древнерусским кладам, но в кремлевском впервые встречены парные — с изображениями архангелов (в полный рост) и с процветшими крестами. Вероятнее всего, все медальоны сделаны в одной мастерской. Иконографические признаки позволяют отнести изображения архангелов к владимирской школе и датировать их предположительно серединой XII в. Часть клада составляют 10 серебряных подвесок для ожерелья: рыбовидной формы, полые, двусоставные. Лицевая сторона их украшена орнаментом

Рис. 1. Браслет-наруч (до реставрации)

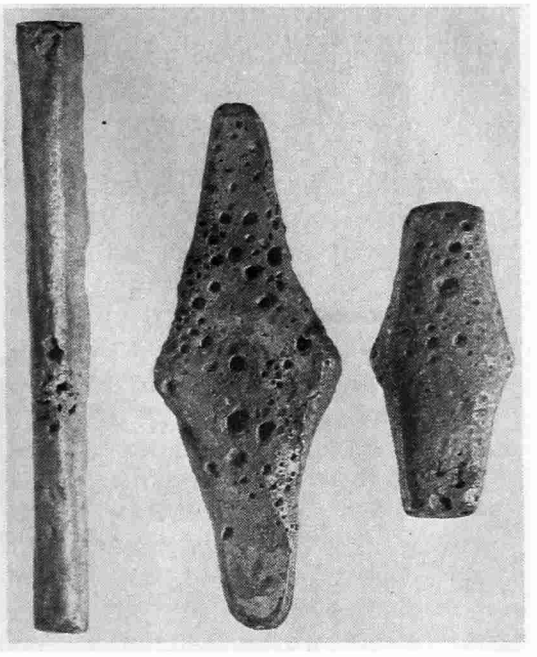


Рис. 2. Денежные слитки-гривны

из скани и зерни. Наиболее близкой аналогией нашим являются подвески из клада на о-ве Готланд, где они датируются концом X—XI в. В кладе было также семь шейных гривен, одна из которых полая, четыре относятся к типу витых и одна представляет собой стержень с обмоткой. В набор нагрудных украшений входят две лунницы-привески в виде полумесяца, часто включавшиеся в состав ожерелий. Интересно, что наличие серебряных лунниц в кладах, датирующихся 70-ми годами XII — 1240 г.,— большая редкость. Из 111 кладов этого времени, изученных Г Ф. Корзухиной, лишь в одном есть подобное изделие.

Набор бус, представленный в комплексе, на сегодняшний день не имеет аналогов в других кладах домонгольского времени ни по количеству типов, ни по числу экземпляров — 77 штук. Среди них есть овальные в продольном сечении с четырьмя накладными полыми полусферами в центральной части, ажурные из сканой проволоки и литые (из двух половинок) этого же типа, украшенные зернью. Среди прочих выделяется гарнитур из 47 круглых в сечении бус, отличающихся друг от друга размерами. Бусины состоят из двух спаянных между собой половинок, украшенных пятью треугольниками крупной зерни.

Уникально количество перстней в кладе из Московского Кремля — их 12. Из них семь печатных и пять со вставками. Почти все печатные несут на щитках изображения птиц, выполненные гравировкой. Два перстня имеют круглые щитки, один — шестиугольной формы и четыре — квадрифолийной. Среди украшений рук выделяется золотой перстень с гнездом для вставки прямоугольной формы. Вставка утрачена, по краю гнезда расположена надпись на арабском языке.

Браслеты представлены в кладе 10 экземплярами разных типов. Один из них плетеный, со стеклянными вставками на концах, три относятся к типу витых. Интересен браслет в виде стержня с обмоткой — он завершается на концах полыми головками драконов, покрытыми позолотой. Два браслета условно отнесены нами к типу овальноконечных. На расширяющихся концах в высоких гнездах закреплены вставки из сердолика — сверленые граненые бусины (во вторичном использовании).

Наиболее интересны в кремлевском кладе три экземпляра двустворчатых браслетов-наручей. Створки их оформлены примерно одинаково — поделены на два яруса полосками рубленой проволоки. В ярусах выделены отдельные клейма с изображениями. В верхнем ярусе первого наруча фигуры животных и птиц помещены в клейма-киотцы, в нижнем — отделены прямыми столбиками-колон-

ночками. На втором наруче в верхнем ярусе клейма имеют арочные завершения, а в нижнем разделены простыми столбиками. На третьем наруче в нижнем ярусе помещен растительный орнамент (вьющийся стебель), а в верхнем — по три клейма с изображением животных и птиц (рис. 1). Символика рисунков на браслетах сложна и может быть окончательно выяснена только после проведения реставрации вещей. Наручи с небольшими клеймами имеют аналогии в археологическом материале с территории Владимиро-Суздальской земли, а великолепные изображения на них навеяны декором архитектурных памятников этого региона.

Значительную часть клада составляют детали одежды — пуговицы и нашивные бляшки. Последние по форме можно разделить на несколько групп: треугольные прорезные, гладкие полусферы, прямоугольные с орнаментом четырех типов, ромбовидные, треугольные, каплевидные и S-овидные. Все они позолочены и выполнены в технике тиснения и басмения.

В кладе из Московского Кремля кроме ювелирных украшений находились и некоторые бытовые вещи различного назначения. Среди них три денежных слитка — серебряные гривны новгородского, киевского и черниговского типов (рис. 2). Пока не представляется возможным определить назначение неглубокой мисочки удлиненной формы из алебастра с металлическим держателем. Крайне редко встречаются в кладах домонгольского времени предметы вооружения. В найденном комплексе есть костяная рукоять ножа с серебряным навершием.

Комплекс ювелирных изделий, найденный в Кремле, является уникальной находкой для средневекового слоя Москвы. По своему составу клад представляет классический набор украшений, поскольку в него входят почти все типы вещей, известные нам сегодня по комплексам домонгольского времени. Однако следует отметить наличие в нем изделий, до сих пор не зафиксированных в подобных кладах: подвески рыбовидной формы, пластинчатые браслеты с расширяющимися концами и вставками, золотой перстень с арабской надписью, набор бус.

Клад представляет значительный интерес для историков древнерусского ремесла. При изготовлении ювелирных изделий мастера использовали различные приемы, простое перечисление которых уже говорит о высочайшем уровне развития ювелирного ремесла в домонгольской Руси: литье, ковка, выколотка, тиснение, басмение, плетение, кручение, пайка, скань, зернь, гравировка, чернение, золочение и пр.

Дальнейшее изучение найденного в Кремле комплекса ювелирных изделий позволит ответить на многие вопросы, связанные как с происхождением самого клада, так и с ранней историей города Москвы, крайне скупо представленной в письменных источниках.

Критика и библиография

С. Н. Астахов. Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 1986. 174 с.

Рецензируемая книга построена по принципу свода археологических материалов: приводятся сведения более чем о 120 памятниках палеолита, в предисловии указываются районы исследования, хронологические рамки и привлекаемые источники. В связи с названием книги необходимо отметить, что почти четвертая часть рассматриваемых стоянок и местонахождений расположена не на территории Тувинской АССР, а в южных районах Красноярского края и Хакасской АО.

Первая глава освещает историю исследования Саяно-Тувинского нагорья. Особо следует подчеркнуть тот факт, что до 1962 г. в Туве было найдено всего восемь пунктов с палеолитическими изделиями. В результате почти 20-летних работ Саяно-Тувинской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР открыто 110 памятников палеолита. Нетрудно заметить, какой вклад внес автор монографии, руководивший этой экспедицией, в ликвидацию «белого пятна» на археологической карте Верхнего и Среднего Енисея.

Во второй главе дана геолого-геоморфологическая характеристика исследуемых районов. Материалы естественных наук используются автором для реконструкции процесса освоения древним человеком территории Тувы. В частности, отсутствие стоянок в центральной части Саян объясняется труднодоступностью этого участка. Непригодность крутых склонов долины Енисея для проживания не вызывает возражений, но говорить об отсутствии палеолитического населения вообще в центральной части горного массива преждевременно, так как археологические разведки на горных перевалах и по долинам горных речек не проводились, а ведь это обычные пути сообщения между Тувой и Хакасией во все времена.

Третья глава посвящена древнепалеолитическим памятникам Тувы. На всех 46 пунктах собран подъемный материал. Сложность работы с такими коллекциями очевидна, тем более что обычно на местонахождении встречается не более двух-трех десятков артефактов. Почти все сборы производились на поверхности низкого яруса террас, и геоморфологическая привязка изделий не может подтвердить их древний возраст. Типологическая характеристика затруднена тем, что близкий по составу набор орудий существует в позднепалеолитических памятниках Енисея, а отдельные формы — скребла, галечные орудия, выемчатые и зубчатые изделия, галечные одноплощадочные односторонние нуклеусы — встречаются и в голоценовых стоянках. Естественно поэтому, что из всех проблем палеолита Тувы выделение «архаичных» комплексов наиболее далеко от решения, а сама эта попытка очень уязвима для критики.

В связи с отсутствием типологических разработок по периодам ранее сартанского оледенения для всей Южной Сибири попытку автора создать свою первую схему в одном направлении следует рассматривать положительно. К сожалению, из-за малочисленности коллекций технологические показатели, на наш взгляд, неработоспособны. Отделение более древних находок в смешанных комплексах от позднепалеолитических производится в основном интуитивным путем, причем не последнее место здесь занимают наблюдения о степени сохранности поверхности орудий и характере сырья. Часто используются общие характеристики: «коллекция в целом архаичная» (с. 45), «коллекция по технике и сохранности несомненно древняя» (с. 43), «коллекция включает примесь позднего материала, но основная ее часть древняя» (с. 44), «говорить о возрасте такой находки определенно трудно, но техника такого расщепления применялась и в мустьерских памятниках» (с. 48) и т. д.

Вызывает возражение отнесение основной части местонахождений к мастерским. Ведь нельзя пройти мимо того факта, что, например, на 37 пунктах в долине р. Саглы в совокупности найдено менее 900 экз. расщепленного камня.

Автор очень осторожен в датировке наиболее древних, по его мнению, комплексов и правомерно считает, что датировка «архаичных» по облику индустрий временем ранее 35—40 тыс. лет требует очень серьезного обоснования. Попытку связать находки в долине р. Саглы с периодом до начала верхнего палеолита, а остальные пункты — со временем не моложе каргинского межледниковья следует, вероятно, рассматривать как рабочую гипотезу. С. Н. Астахов и сам подчеркивает, что «вопрос о древнем происхождении этих памятников нельзя считать решенным» (с. 51).

В четвертой главе описываются позднепалеолитические памятники Тувы, представленные, за исключением одной стоянки, подъемными сборами. Из 65 упомянутых в книге пунктов только на одном (Демир-Суг 6) собрано 300 предметов из камня, на подавляющем большинстве — в пределах одного-двух десятков экземпляров. В данном случае правомерна только общая характеристика палеолита этого региона, что и проделано автором. Выделяются две группы памятников каменного века, коллекции которых отличаются друг от друга техникой первичного расщепления и набором орудий.

Наиболее интересна пятая глава, посвященная позднему палеолиту Западного Саяна. Этот горный район имеет исключительно важное значение для решения многих проблем Саяно-Алтая. Здесь сконцентрированы опорные, хорошо стратифицированные стоянки, где наряду с каменными орудиями найдены фаунистические остатки. Промежуточное географическое положение этих памятников между Северной Тувой и Южной Хакасией позволяет дать хронологическую и культурно-историческую привязку многочисленным подъемным сборам на данных территориях и таким образом ввести коллекции каменных изделий в научный оборот.

Среди рассмотренных в публикации 26 памятников обращают на себя внимание стоянки Кантегир 1 и Голубая 1. Выводы о принадлежности первой стоянки к афонтовской культуре и о возрасте находок, основанные на большом фактическом материале, очень убедительны. Уникальность пластинчатого комплекса Голубой 1 не позволяет провести аналогий как с кокоревской культурой, так и с более ранними памятниками типа Тарачиха на Енисее. Только дальнейшие полевые исследования могут выявить генезис этой стоянки. Автора книги можно упрекнуть в том, что столь своеобразный, необычный для енисейского палеолита памятник раскопан на незначительной площади и не исследуется уже более 16 лет.

В заключении очень лаконично даются предварительные выводы. Отмечается возможность происхождения древних памятников Тувы из общей с Монголией области. Предполагается формирование позднего палеолита Енисея и, в частности, Западного Саяна на местной основе.

Работа С. Н. Астахова представляет интерес в первую очередь как очень хороший свод большого фактического материала. В этом отношении рецензируемая книга имеет значительную ценность для специалистов, изучающих палеолит сопредельных областей. Только после издания подобных монографий по другим регионам Сибири можно вплотную приблизиться к решению сложных проблем возникновения и формирования культур каменного века на этой обширной территории. Без большой источниковедческой базы все теоретические построения по вопросам генезиса представляют и будут представлять чисто умозрительный характер.

Н. Ф. Лисицын

Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming / Ed. Zvelebil M. Cambridge Univ. Press, 1986. VII+194 p.

Рецензируемый сборник посвящен анализу процесса перехода к производящему хозяйству охотничье-собирательских обществ умеренной зоны Евразии. В 12 главах, каждая из которых представляет собой отдельную статью, рассматриваются различные культурные и экологические аспекты этого процесса, его движущие силы и механизм, региональные особенности протекания.

Во вступлении, написанном М. Звелебилом, оговариваются территориальные рамки составивших книгу исследований и характеризуется в общих чертах их направленность. Территориально сборник ограничен теми регионами Евразии, где доминируют или доминировали в течение голоцена широколиственные леса и/или степи, включая также районы смешанных опадающих/хвойных лесов на севере и среднеазиатских степей на юге.

Основная направленность сборника, обусловливающая его специфику, состоит, по замыслу и мнению М. Звелебила, в том, чтобы преодолеть существующую тенденцию искусственно разделять мезолит и неолит при изучении становления производящего хозяйства, не учитывая в должной мере особенности субстратной присваивающей экономики и недооценивая ее влияние на формы и темпы протекания этого процесса. Невозможно понять переход к производящему хозяйству вне контекста предшествовавших ему охотничье-собирательских адаптаций. С точки зрения последних и рассматривается, прежде всего, становление земледелия и скотоводства в умеренной зоне Евразии большинством представленных в книге авторов.

Первая часть сборника — «Мезолитический контекст перехода к производящему хозяйству» — открывается статьей М. Звелебила «Мезолитическая прелюдия и неолитическая революция». На этой статье следует остановиться подробно, так как она, можно сказать, задает тон всей книге.

Автор начинает с рассмотрения истории отношения к понятию «мезолит». «Сначала предназначенная заполнить постулировавшийся хиатус между древним и новым каменным веком,— пишет он,— эта Золушка системы трех веков была рождена как удобный условный термин, никогда не получавший полного статуса конкретной стадии эволюции человечества». Нынешняя ситуация характеризуется наличием двух противоположных тенденций: одни авторы ставят под сомнение необходимость, обоснованность существования понятия вообще, являя склонность отбросить его как устаревшее и ненужное, другие пытаются наполнить его помимо хронологического содержания каким-то еще. Проблема, по мнению М. Звелебила, отнюдь не заключается в нахождении для определения какого-то набора признаков, сочетающихся в пределах четких хронологических рамок, ибо попытки такого рода будут представлять собой в итоге не что иное, как «обдирание коры с древа викторианского эволюционного идеализма». Как ни определять мезолит, культурная вариабельность после ледниковья не может быть сведена к дефиниции — перечню, составленному по принципу присутствия — отсутствия признаков. Понятие мезолита, заключает М. Звелебил, должно, если оно удержится, иметь намеренно широкое, но социально-экономически значимое содержание.

С точки зрения рецензента, не следует обязательно стремиться наполнять понятия археологической периодизации (а именно таким является мезолит) социально-экономическим содержанием или, точнее, не следует стремиться к тому, чтобы такое содержание работало на археологическую периодизацию. Поэтому более правильным кажется класть в основу разграничения мезолита и неолита, как это делают большинство советских исследователей, сугубо археологические критерии (прежде всего наличие или отсутствие глиняной посуды), этапы, вычленяемые на основе признаков социального или экономического характера, называть иначе, выстраивая их в иные, параллельные археологическому, но вовсе не обязательно совпадающие с ним ряды.

По мнению М. Звелебила, мезолит неправомочно рассматривать как хронологическую стадию между палеолитом и неолитом. Основанием для такого утверждения служит тот факт, что часто мезолит и неолит сосуществовали, причем в итоге своего развития первый далеко не всегда приводил ко второму, а сменялся порой обществами, стоявшими на стадии бронзового или железного века. Однако нельзя упускать из вида, что такая замена была, как правило, результатом аккультурации и что, если следовать логике автора рассматриваемой статьи, то в конце концов можно лишить статуса хронологической стадии и неолит, да и вообще все, что угодно, кроме палеолита — единственной эпохи, миновать которую общество не может.

Неприемлемым, на мой взгляд, является и предложение М. Звелебила территориально ограничить мезолит лишь северными районами Старого Света, исключив Южное полушарие и весь Новый Свет. Разумеется, культуры раннего послеледниковья сильно различаются в этих районах,

но немногим больше, чем культуры конца палеолита, и уж ничуть не больше, чем неолитические культуры. Другое дело, что существование панойкуменной археологической периодизации не должно препятствовать разработке периодизаций локальных (для отдельных регионов) и секвенциальных (для отдельных культурных традиций), которые могут в значительной мере не совпадать с общей; но последняя тем не менее нужна хотя бы как условная хронологическая шкала, как средство ориентации в археологическом времени и предварительного, служебного упорядочивания материала.

Далее М. Звелебил коротко характеризует традиционные и новые представления об охотничье-собирательных обществах (в качестве условного рубежа между первыми и вторыми принимается появление в 1968 г. сборника «Man the Hunter» [1]), отметив, что в современных концепциях они мыслятся гораздо более сложными, экологически и экономически гибкими, обладающими большим адаптационным потенциалом.

Затем автор статьи переходит к обсуждению существующих моделей перехода к производящему хозяйству. Все они, по его мнению, могут быть сведены к трем конкурирующим точкам зрения. Согласно первой из них, переход объясняется постепенным накоплением знаний, которые выступают здесь, таким образом, как основной лимитирующий фактор. Сторонники второй точки зрения основную роль отводят демографическим и экологическим факторам, полагая, что нарушение равновесия между численностью/плотностью населения и ресурсами данной среды — иными словами, превышение демографической емкости ландшафта — и есть основная причина перехода от присваивающего хозяйства к производящему. Часто при этом как критическое звено в цепи перехода рассматривается утверждение оседлости, влекущее за собой, как предполагается, рост населения. Наконец, по третьей версии, главное для объяснения рассматриваемого процесса — это социальное неравновесие и соревнование. Производящее хозяйство появляется как средство поддержания социального контроля и следствие борьбы за статус, власть или брачные отношения (все эти виды борьбы требуют избыточных ресурсов и поэтому ведут к адаптации какой-либо формы производящего хозяйства).

К сожалению, излагая эти точки зрения, М. Звелебил не проводит очень важного разграничения двух ситуаций, которые могут существовать при переходе данного общества к производящему хозяйству. Этот процесс может протекать либо в чистом виде, либо же под прямым или косвенным воздействием уже существующих земледельческо-скотоводческих обществ (как это и имело место, вероятно, в большинстве районов умеренной зоны Евразии).

Тогда второе из предложенных объяснений причин перехода — демографическо-экологическое — будет применимо к процессам обоих типов, третье (переход — следствие социальных причин) — лишь к процессам второго типа, а накопление знаний — это лишь непременное условие для протекания процесса, но никак не самодостаточная для его объяснения причина.

В заключительном разделе статьи рассматривается вопрос о динамике границ между охотниками-собирателями и обществами, ведущими производящее хозяйство, а также некоторые предлагавшиеся модели распространения последнего и стадии этого процесса. Описывается трехстадийная модель, предложенная ранее автором и П. Роули-Конуи. Согласно ей, три стадии, или фазы, процесса могут сосуществовать во времени, будучи, однако, приуроченными к разным участкам контактной зоны между охотниками-собирателями и земледельцами-скотоводами. На первой фазе («фаза наличия») происходит обмен материалами и информацией, в присваивающую экономику проникают отдельные элементы производящего хозяйства, но в целом их роль остается мизерной. На следующей фазе («фаза замещения») в результате конкуренции, соревнования двух систем роль производящего хозяйства возрастает, а присваивающего — соответственно уменьшается, и, наконец, на «фазе консолидации» производящее хозяйство становится основой существования, а присваивающее теряет определяющее экономическое, организационное и идеологическое значение. М. Звелебил отмечает, что модель лишь задает общие рамки, в которых процесс перехода может быть описан, подчеркивает его протяженность и важность ранних стадий, но не касается его причин.

Следующая статья «Между пещерными художниками и земледельцами: аспекты мезолита умеренной зоны Европы», написанная П. Роули-Конуи, представляет собой своего рода резюме археологических, этнографических и палеоэкологических исследований последних 15—20 лет. Термин «мезолит» в статье используется «для обозначения человеческих групп и материальных остатков их жизнедеятельности в период от конца ледниковья и до возобладания производящего хозяйства».

В разделе «Культуры и хронологии» рассматривается проблематика горизонтального и верти-

кального членения европейского мезолита, излагаются основные итоги обсуждения этого вопроса. Данные, имеющиеся для северо-запада и севера Европы, позволяют выделить в развитии местного мезолита три хронологические фазы. Для первой, продолжавшейся до начала VII тыс. до н. э., характерны малое число микролитов и преобладание среди них obliquely blunted points; вторая, длившаяся примерно тысячу лет, отличается ростом числа микролитов на узких пластинках и расцветом треугольных и копьевидных форм. Наконец, третья фаза, закончившаяся вместе с замещением мезолита неолитом,— это время, когда микролиты вновь занимают подчиненное положение, а широкое распространение получают индустрии пластин и трапеций. На Британских островах из этих трех фаз отмечены лишь первые две.

Сложнее, отмечает автор, обстоит дело с культурным членением, где, по его мнению, гораздо сильнее субъективный элемент. Утверждая это, П. Роули-Конуи имеет в виду, что при проведении горизонтального членения материалов (периодизации) в распоряжении исследователей есть радиоуглеродные датировки, т. е. объективные данные, тогда как при членении вертикальном (выделении культурных единств) приходится целиком полагаться на типологические исследования, результаты которых весьма и весьма субъективны. Такое представление, на мой взгляд, неверно. Для периодизации также типология является краеугольным камнем (периодизация — это типология во времени), а датировки методами естественных наук имеют примерно то же значение, какое при выделении культур на одном временно́м срезе имеют географические координаты памятников и наличие природных рубежей, разделяющих разные ареалы.

В целом, по мнению автора статьи, можно говорить о «прогрессирующей фрагментации» культурных единств в европейском мезолите. В качестве же модели последних он считает возможным взять построенную на этнографических материалах модель «брачных сетей», как она дана Г Уобстом [2]. Границы таких единств, пишет П. Роули-Конуи, явно не были непроницаемыми для инокультурных влияний, о чем говорит очень быстрое распространение новых технико-типологических элементов в начале второй и третьей хронологических фаз.

В статье также вкратце рассматривается и отвергается взгляд на мезолит как на период культурной и демографической деградации, обосновывается положение о значительной социально-экономической гибкости и вариабельности сообществ этой эпохи, о «богатстве», экономическом процветании многих из них, особенно населявших районы, дававшие возможность широкой эксплуатации акватических ресурсов (Лепенский Вир, Эртебёлле и др.).

Далее дается оценка вероятности какого-либо приближения к производящему хозяйству в рамках мезолита умеренной зоны Европы на базе местных видов животных и растений. Гипотеза одомашнивания красного оленя отвергается из-за наличия в поведении этого вида ряда элементов (территориальность, агрессивность доминирующих особей), несовместимых, на взгляд автора, с древнейшей доместикацией. Так же ненадежны пока имеющиеся данные об одомашнивании свиней или крупного рогатого скота. Независимое возникновение земледелия трудно предполагать из-за отсутствия в районе диких предков культивируемых зерновых растений. Следует вывод, что, очевидно, в Европе развивались альтернативные формы интенсификации хозяйства (надо понимать: в рамках охоты, собирательства, рыболовства), выбор которых зависел от местных экологических обстоятельств.

В статье К. Гэмбла «Мезолитический сэндвич: экологические подходы и археологические данные раннего послеледниковья» основной упор сделан на то, чтобы подчеркнуть принципиальное сходство мезолитических способов жизнеобеспечения с позднепалеолитическими и доказать, что в мезолите имело место лишь развитие ранее, еще с переходом к верхнему палеолиту заложенных традиций. Суть же процессов, начавшихся уже по меньшей мере 35000 лет назад, была не во введении каких-либо важных отдельных инноваций, таких, как культивирование пшеницы или изобретение жатвенного серпа, а в общей схеме хозяйственной стратегии, переориентировке ее на высокопродуктивные и всегда потенциально доступные для эксплуатации маломерные (small-bodied) ресурсы, требующие, однако, по сравнению с охотой на крупных животных больших трудовых и временных затрат.

Следующая статья, написанная С. Венклом, называется «Роль охотничье-собирательского населения в переходе к производящему хозяйству в Центральной Европе». Цель статьи, как заявляет ее автор,— показать, что господствующая в англосаксонской археологии точка зрения, будто неолит в Европе автохтонен, не соответствует действительности, так как она основана на упрощенной, неприемлемой для всей Европы модели, построенной на североевропейских данных.

Основную роль в доводах С. Венкла играют палеоантропологические аргументы, которые, по мнению этого автора, говорят, что неолит был принесен в Европу пришлым населением, появление

которого хронологически совпадает с появлением первых следов неолитической экономики. Это население — лептодолихоморфное, средиземноморского типа — заселило наиболее плодородную, благоприятную для производящего хозяйства часть Европы, вытеснив ко II тыс. до н. э. автохтонное палеовропейское (с преобладанием кроманьоидных черт) население в менее пригодные для производящего хозяйства ареалы Северной и Западной Европы. Появление вновь палеоевропеоидных признаков в энеолите Центральной Европы означает не сохранение здесь автохтонного охотничье-собирательского населения, а его интрузию с севера, где палеоевропеоиды «неолитизировались» и вследствие этого численно увеличились.

Следует отметить, что для своих построений С. Венкл использует практически работы лишь одного антрополога, И. Швидетской, у которой он заимствовал и карту постепенного распространения в Европе лептодолихоморфного населения с V до II тыс. до н. э. Кроме того, хотя аргументы антропологического плана, несомненно, важны, в данном случае к ним нужно отнестись очень осторожно, учитывая, во-первых, малый размер выборок, особенно для мезолита/эпипалеолита, и, во-вторых, возможность иной интерпретации остеометрических различий между этими выборками, например объяснение их фенотипической модификацией того же населения под влиянием изменения условий жизни и питания (об этом же в заключительной статье на с. 177 пишет и М. Звелебил).

Как основной двигатель постепенной миграции неолитического населения и замещения им охотников-собирателей рассматриваются демографические факторы. Цепочка рассуждений, ставшая общим местом в литературе последних десятилетий, такова: демографическая емкость ландшафта при производящей экономике выше, чем при присваивающей; при первом способе ведения хозяйства население увеличивалось гораздо быстрее; это влекло за собой колонизацию, территориальную экспансию.

В конце статьи С. Венкл критикует то, как археологи обычно используют свои данные (прежде всего каменные орудия) для обоснования преемственности мезолита и неолита в Европе. Приведя примеры, когда один и тот же материал служил у разных исследователей основой для противоположных выводов, он заключает, что происхождение неолитических культур не может быть выведено лишь из анализа каменной индустрии и что другие виды источников должны также использоваться для этого.

Вторая часть сборника — «Региональные исследования» — начинается со статьи Д. Льютуэйта «Переход к производящему хозяйству: Средиземноморье». Здесь рассматривается процесс утверждения новых видов хозяйствования (земледелие, скотоводство) на европейском побережье Средиземного моря. На основании анализа и сопоставления данных археологии и палеогеографии автор делает вывод о неравномерности и специфичности хода рассматриваемого процесса в разных районах европейского Средиземноморья. Различия в этом отношении между северными и западными районами, с одной стороны, и южными и восточными — с другой, обусловлены, как утверждается, прежде всего экологической ситуацией в этих районах в начале послеледниковья. На юго-востоке, в том числе и на островных архипелагах, где к концу плейстоцена существовали сравнительно засушливые условия, а местная наземная фауна была довольно бедна, донеолитическое население, жившее за счет охоты и собирательства, не могло достичь экономического благоденствия, большой численности и плотности. Оно было, вероятно, скудным и сильно рассредоточенным. Поэтому производящее хозяйство, появившееся в ареале, судя по археологическим данным, как бы внезапно в VI тыс. до н. э., было скорее всего принесено сюда пришлым населением (из Западной Азии), быстро поглотившим местное. Для северо-запада картина иная. Там местное мезолитическое население, используя преимущества более влажного климата и богатой лесной среды, сумело усовершенствовать способы ведения присваивающего хозяйства и достаточно хорошо приспособиться к условиям существования. В этом ареале процесс перехода к производящему хозяйству занял гораздо больше времени (с VI по IV тыс. до н. э.), и роль в нем автохтонного населения была весьма существенной. Очевидно, сначала элементы производящего хозяйства имели здесь сезонный характер и вводились как дополнение к традиционным способам жизнеобеспечения.

Становление производящего хозяйства в другом прибрежном регионе — на атлантических окраинах Европы — рассматривается в совместной статье М. Звелебила и П. Роули-Конуи. Авторы дают краткий обзор относящихся к проблеме археологических и палеогеографических данных по всем странам региона в порядке их расположения с запада на восток (Португалия, Испания, Франция, Британия, Ирландия, Нидерланды, Южная Скандинавия, Центральная Швеция, Южная

Финляндия), сопровождая его картами мезолитических и неолитических памятников этих стран, а в некоторых случаях (Британия) и перечнями имеющихся радиоуглеродных датировок. Процесс перехода охотничье-собирательского населения региона к производящему хозяйству анализируется с помощью модели трех стадий, предложенной этими же авторами и более подробно описанной М. Звелебилом в статье, открывающей сборник. На специальном рисунке показаны хронологические рубежи трех стадий перехода для каждой из стран региона. Этот рисунок иллюстрирует вывод авторов о том, что процесс перехода протекал в разных районах крайне неравномерно, с разной интенсивностью и растянулся в целом на три-четыре тысячелетия. На большей части территории региона (кроме крайнего запада и крайнего востока) этот процесс начинается на рубеже VI—V или в начале V тыс. до н. э., а заканчивается между II и I тыс. до н. э.

В статье неоднократно подчеркивается различие между введением отдельных элементов производящего хозяйства и переходом к этому способу жизнеобеспечения как к основному. Отдельные элементы земледения или скотоводства не меняли общего охотничье-собирательского образа жизни, вводились они сугубо избирательно, в зависимости от конкретных местных условий и нужд. Иногда это заимствование имело место лишь после длительного существования бок о бок с обществами, где было развитое производящее хозяйство; следовательно, знания явно не были лимитирующим фактором для рассматриваемого процесса, а преимущества производящего хозяйства в некоторых ситуациях отнюдь не были очевидны. С выводами предыдущей статьи хорошо согласуется обоснованное М. Звелебилом и П. Роули-Конуи положение о том, что в приатлантической зоне Европы наибольшая задержка перехода к производящему хозяйству имела место в высокоразвитых, характеризующихся сложной социально-экономической структурой и значительной степенью оседлости обществах охотников-собирателей. Прежде всего это касается обществ, практиковавших интенсивную эксплуатацию акватических ресурсов, что могло быть своего рода альтернативой введению производящего хозяйства.

Я. Козловский и С. Козловский в работе «Охотники-собиратели Центральной Европы и их аккультурации» анализируют процесс неолитизации Центальной Европы (территория от Балтики до Балкан и от Эльбы до Днепра), причем под неолитизацией понимается в данном случае именно становление производящего хозяйства. Нижней хронологической границей исследования является рубеж бореального и атлантического периода (6000 лет до н. э.); верхняя граница, отмечающая завершение процесса, для южной части рассматриваемой территории — 4700, а для северной — 3500—3000 лет до н. э. Южная часть ареала, где на рубеже плейстоцена и голоцена не произошло значительных экологических изменений, являлась местом существования старых, верхнепалеолитических по сути, экономических и культурных традиций, которые авторы обозначают термином «эпипалеолит». На севере же, где крупные природные изменения повлекли за собой перемены в системе жизнеобеспечения местного населения, существовал мезолит — «послеледниковая адаптация к сменившим тундру лесным формациям» на основе охотничье-собирательско-рыболовческого хозяйства, характеризующаяся также «макролитизацией и частичной геометрической стандартизацией каменного инвентаря».

Дается краткая характеристика флоры и фауны региона в рассматриваемый период, его речной системы, обеспеченности сырьем для изготовления каменных орудий, а также культурной дифференциации охотничье-собирательских обществ и затем культурно-экологических зон раннего неолита.

Производящее хозяйство было привнесено из Малой Азии через Балканы. Юг региона с его сравнительно низкой плотностью населения, продолжающего палеолитические традиции, быстрее и легче подвергся аккультурации. Мезолитический же север, более плотно заселенный, преуспевающий в экономическом отношении, хорошо организованный и изолированный от центров земледелия и скотоводства, держался гораздо дольше, не нуждаясь в раннем введении производящего хозяйства. Необходимость в последнем появилась лишь в результате оскудения местных пищевых ресурсов в начале суббореального периода, повлекшего нарушение экологического равновесия. Интеграция присваивающих и производящих хозяйственных систем сопровождалась модификацией анатолийско-балканской традиции применительно к местным условиям.

Следующие три статьи в сборнике принадлежат советским исследователям: две — П. М. Долуханову и одна — Г. Н. Матюшину.

В первой своей статье П. М. Долуханов рассматривает переход к производящему хозяйству в Восточной Европе. Этот сложный и длительный процесс протекал, как явствует из краткого обзора послеплейстоценовых культур региона, со многими территориальными и хронологическими

особенностями. Ход процесса зависел от множества разнообразных факторов, прежде всего от социального, культурного, экономического потенциала вовлеченных в него обществ и от экологической ситуации. Из трех стадий перехода, постулируемых в модели М. Звелебила и П. Роули-Конуи, на материалах Восточной Европы хорошо прослеживаются первая и третья, тогда как вторая, в том виде, в каком она описана для северо-запада Европы, обозначена менее четко: имеющиеся данные говорят скорее об интеграции, чем о конкуренции двух способов жизнеобеспечения. Коренная перемена системы хозяйствования во всех известных случаях происходила на рассматриваемой территории в результате либо демографического кризиса в районах, примыкающих к зоне перехода и экспансии земледельческого населения (так возникла культура раннего Триполья), либо экологически обусловленного экономического кризиса (позднетрипольский кризис и появление скотоводческой среднеднепровской культуры), либо внутреннего социально-экономического развития при отсутствии прямого воздействия внешних факторов (постепенный переход к производящему хозяйству на северо-западе региона в течение железного века, завершившийся в VI—X в. н. э.).

Следующая статья П. М. Долуханова посвящена динамике производящих и присваивающих систем хозяйства на западе Средней Азии и представляет собой прежде всего сжатый свод основных данных по палеогеографии и археологии региона в раннем и среднем голоцене. Дается геолого-географическая характеристика региона, вкратце описывается история его климата, водоемов и растительности в конце плейстоцена и в голоцене. Выделяются северная и южная экологические зоны. Палеогеографический раздел завершается выводом о существовании в Средней Азии условий повышенной увлажненности в промежуток между VIII и III тыс. до н. э., что имело важнейшее значение для развития местных мезолитических и неолитических культур. В общих чертах характеризуются мезолитические памятники региона, а затем столь же сжато неолитические — сначала расположенные в северной, ныне преимущественно пустынной зоне, а затем в южной (подгорная равнина Копетдага, дельты Теджена и Мургаба). В целом процесс развития производящего хозяйства характеризуется, как и в предыдущей статье, с помощью модели Звелебила — Роули-Конуи. Первая фаза процесса прослеживается четко в северной зоне. Через нее прошли здесь все неолитические группы. Земледелие на большей части территории этой зоны было невозможно без развитой ирригации, поэтому в конце неолитической эпохи, в условиях растущей аридизации, здесь имел место постепенный переход к скотоводству. Для второй фазы, как и в Восточной Европе, характерна успешная интеграция присваивающего и производящего способов жизнеобеспечения при преобладании производящей экономики. Эта фаза прослеживается лишь в южной зоне (с VII по III тыс. до н. э.), как и третья, которая совпадает с протогородским периодом средней бронзы.

В статье Г. Н. Матюшина «Мезолит и неолит на Южном Урале и в Средней Азии» характеризуется палеогеография региона в голоцене, описываются культуры мезолита, неолита, палеометалла. При анализе перехода к производящему хозяйству на огромной территории от Каспия до Урала особо подчеркивается стимулирующее воздействие, оказываемое на этот процесс периодически возникавшими, кризисными в экологическом плане ситуациями. Последние синхронизируются с голоценовыми регрессиями Каспийского моря и оцениваются как периоды повышенной аридности со всеми вытекающими отсюда последствиями для флоры, фауны и населения региона. Во время бегдашской регрессии (IX тыс. до н. э.) земледелие и скотоводство появляются на Ближнем Востоке и в Южном Прикаспии; далее к северу в это время проникают, возможно, лишь отдельные элементы скотоводства. В VII—VI тыс. до н. э. (время мангышлакской регрессии) на юге Средней Азии развивается уже пашенное земледелие, а на Южном Урале определенную роль начинает играть скотоводство, хотя преобладающими формами хозяйства остаются здесь еще охота, собирательство и рыболовство. Наконец, во время махачкалинской регрессии (конец IV— начало II тыс. до н. э.) в регионе распространяются культуры бронзового века, а на большей части его территории как основа экономики утверждается кочевое скотоводство. Особое значение придается предположительно местному, южноуральскому одомашниванию лошади (кости лошадей преобладают на всех неолитических и энеолитических стоянках Южного Урала), что расценивается как крупный вклад местного населения в развитие производящих форм хозяйства.

Последней из работ, посвященных конкретным регионам, является в сборнике статья Т. Акасавы «Адаптации охотников-собирателей и переход к производящему хозяйству в Японии». Здесь, как и в статьях, посвященных Западной и Центральной Европе, процесс перехода рассматривается в тесной связи с состоянием субстратных охотничье-собирательских обществ. Оцениваются характер приспособления и степень приспособленности последних к условиям среды в разных культурно-

экономических ареалах культуры Дзёмон, прослеживаются существовавшие различия, исходя из этого, объясняется факт более раннего и быстрого появления и распространения культивации риса в западных районах по сравнению с восточными. На Японских островах, если выводы Т. Акказавы верны, имела место та же закономерность, что и в Европе: ориентированное в значительной степени на акватические ресурсы, достигшее высокой для присваивающего хозяйства численности и плотности население восточных районов было менее подвержено «экономической неолитизации» (если так обозначить введение производящего хозяйства) и менее нуждалось в ней, чем население районов западных, сравнительно малочисленное, зависящее в основном от эксплуатации растительности лесной зоны. Очень важно и то обстоятельство, что в первом случае введение культивирования риса требовало коренной перестройки сложившейся экономической системы, тогда как во втором случае она хорошо вписывалась в существовавший цикл хозяйственных работ и легко воспринималась обществами, имевшими уже достаточный «ботанический» (как пишет Т. Акказава) опыт и соответственно более или менее подходящий набор орудий труда.

Культивация риса была заимствована с континента на поздних этапах культуры Дзёмон, около 3000 лет назад, причем, по мнению Т. Акказавы, главную роль здесь играло население островов, а значение иммигрантов было минимальным. Правда, отмечается, что вообще среди антропологов и археологов на этот счет существуют разные точки зрения, и в целом вопрос о роли пришлого и местного населения в переходе к земледелию как основе жизнеобеспечения остается в японской преистории нерешенным.

Статья, закрывающая сборник («Мезолитические общества и переход к производящему хозяйству»), представляет собой по сути его резюме. Она, как и вводная статья, написана М. Звелебилом. Здесь суммируются данные и выводы, представленные в 11 предшествующих главах, и рассматриваются как основные три следующих вопроса: 1) о соотношении форм приспособления охотников-собирателей раннего послеледниковья и позднего ледниковья; 2) об историческом соотношении развитого присваивающего хозяйства в умеренной зоне Евразии с ранним производящим хозяйством Ближнего Востока; 3) о причинах, путях и темпах перехода от присваивающего хозяйства к производящему в умеренной зоне Евразии и о роли в этом процессе местного и пришлого населения, о специфичности характера процесса в зависимости от местных условий.

В отличие от К. Гэмбла, М. Звелебил не склонен умалять значения различий, существовавших между охотниками-собирателями Европы конца палеолита, с одной стороны, и мезолита — с другой. Последние, по его мнению, характеризовались иными экологическими параметрами (в изменившейся среде обитания) и, как следствие этого, более сложной системой жизнеобеспечения и организации общества. Хозяйство обществ раннего послеледниковья было по необходимости более сложным и гибким, ориентированным на гораздо более разнообразные и менее стабильные, подверженные значительным сезонным колебаниям ресурсы. Последнее обусловило и развитие различных технических усовершенствований, например микролитизации, стандартизации каменного инвентаря и в связи с этим составных орудий.

Развитие присваивающего хозяйства в послеледниковой умеренной зоне следует, по М. Звелебилу, рассматривать как хронологическую и функциональную параллель становлению производящего хозяйства на Ближнем Востоке. Эта параллель не привела к независимому появлению производящего хозяйства как целостной системы; элементы последнего если и возникали в умеренной зоне, то играли подчиненную роль, будучи лишь второстепенным дополнением к традиционным способам жизнеобеспечения. Это объясняется, во-первых, отсутствием в умеренной зоне Евразии достаточного количества видов растений и животных, пригодных для доместикации, и, во-вторых, относительной продуктивностью и достаточностью в местных условиях присваивающего хозяйства.

Что касается третьего вопроса, то, как отмечает М. Звелебил, наиболее характерной чертой составивших сборник статей является отражение в них значительной региональной вариабельности процесса перехода к производящему хозяйству. Не следует искать каждый раз какую-то одну все объясняющую причину, как не следует и руководствоваться альтернативой: либо местное развитие, либо привнесение пришлым населением. Должны учитываться все доступные для исследования факторы как природные, так и культурные, переплетение которых и обусловливало специфику рассматриваемого процесса в его различных территориальных и хронологических проявлениях.

С такой установкой, конечно, трудно не согласиться, хотя следовать ей на практике тоже нелегко. Последнее, однако, необходимо и неизбежно, если стремиться к верному пониманию закономерностей развития древних обществ и к выявлению таких закономерностей. Рецензируемый сборник представляет собой одну из серьезных попыток продвижения в этом направлении.

Л. Б. Вишняцкий

ЛИТЕРАТУРА

1. Man the Hunter. Chicago, 1968.
2. *Wobst H.* Locational Relationships in Paleolithic Society // J. Human Evolution. 1976. V 5.

НОВЫЕ РАБОТЫ О ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОМ ВООРУЖЕНИИ

Один из важнейших разделов истории татаро-монголов — военное дело — до недавнего времени разрабатывался недостаточно интенсивно. По существу мы имели лишь одну большую статью полуторавековой давности и самого общего характера [1], небольшой раздел в одной книге, вышедшей более 20 лет назад [2, с. 11—36], три специальные статьи [3—5], а также краткие выдержки из одной из них в соответствующих разделах САИ [6, с. 62, 67—69, 75—78] и тезисы [7]. Между тем выявление комплекса боевого снаряжения татаро-монгольского воина XIII—XV вв. представляет огромный интерес не только для специалистов по кочевникам, но и в не меньшей степени для исследователей Древней Руси.

В последние годы вышло несколько специальных работ, значительно расширяющих наши представления по этой тематике. Среди них нужно в первую очередь отметить три статьи М. В. Горелика, посвященные защитному вооружению [8—10]. Источниковедческой базой для этих работ послужили различные по характеру и не всегда равноценные данные. Для раннего периода (IX—XII вв.) ими были в основном археологические и отчасти изобразительные материалы. В XIII в. появляются полноценные письменные источники, а с начала XIV в. в изобилии — миниатюры [10, с. 170—172]

М. В. Горелик убедительно показал, что основным защитным доспехом татаро-монголов был панцирь из мягких материалов: кожи, войлока или толстой ткани, простеганных в несколько слоев и часто усиленных подбоем из железных пластин [8, с. 90; 9, с. 249—251, табл. V; 10, с. 181—184, рис. 8]. Более дорогим и потому менее распространенным был доспех из жестких материалов (железо, твердая кожа) ламеллярного или ламинарного, а чаще комбинированного типа, двух основных видов покроя [8, с. 90—94; 9, с. 246—249; 10, с. 172, 175—181].

Чрезвычайно интересен экскурс автора о проведенном им эксперименте по выяснению боевых качеств жестких доспехов. В ходе него исследователь примерил хранящиеся в отечественных музеях более поздние их аналоги. При этом выяснилось, что доспехи одеваются легко, без посторонней помощи. Вес их, чуть более 16 кг, т. е. примерно в 1,5—2 раза тяжелее кольчуги, «...будучи распределен по телу, не очень ощущается даже при отсутствии навыка ношения». Более того, «...панцирь совершенно не сковывает самых сложных и резких движений и поворотов, в чем не уступает кольчуге», а по защитным качествам значительно ее превосходит. В ходе испытания сделанного по разработке М. В. Горелика панциря из пластин толщиной 1,5 мм при весе его около 5 кг выяснилось, что колющее оружие (шпага) вообще не наносит ему повреждений, а разрушения от рубящего (сабля) — назначительны [10, с. 186—187].

Относительно кольчуги исследователь пишет, что она не являлась исконно татаро-монгольским доспехом и неизвестно даже, сумели ли они освоить ее изготовление [9, с. 246—247; 10, с. 185—186]. Последнее из этих утверждений требует более солидной аргументации, нежели приведенная автором, поскольку в кочевнических древностях Восточной Европы на 31 кольчугу приходится всего 3 пластинчатых доспеха [3, с. 35].

Наиболее высокими защитными качествами обладал, по мнению М. В Горелика, пластинчато-кольчатый панцирь [9, с. 247]. Поскольку две наиболее ранние находки обломков доспеха этого вида — конца XIV — начала XV в. и середины XIV в., известные исследователю, происходят с территории Золотой Орды, он подводит читателей к мысли, что изготовлены они там же [9, с. 247; рис. 1, *4*; 10, с. 186, рис. 3, *20*]. При этом он критикует А. Ф. Медведева и А. Н. Кирпичникова за то, что они якобы «...намекают на более раннее (чем XIII—XIV вв.) появление этого панциря на Руси, основываясь только на том, что на некоторых пластинах из Новгорода этого времени имеются отверстия вдоль всех сторон» [9, с. 247]. М. В. Горелик, несомненно, прав, считая, что эти пластины просто нашивались на мягкую основу. Однако дело в том, что, во-первых, пластины, о которых идет речь, относятся не к XIII—XIV вв., а к первой половине XIV в. [11, с. 178], а во-вторых, ни один из этих двух исследователей не утверждал, что они непременно входили в состав пластинчато-кольчатого доспеха. Более того, А. Ф. Медведев считал, что они нашивались, и лишь пред-

положил, что подобные пластины могли входить в состав кольчужного доспеха [12, с. 130, рис. 4, *2*]. А. Н. Кирпичников, напротив, писал, что для полной уверенности в последнем необходимы детали с сохранившимися колечками [13, с. 38]. Такие детали были найдены в 1977 г. при раскопках Изборской крепости [14, с. 36] в слое 1330—1369 гг. [15, с. 134].

М. В. Горелик коротко остановился на развитии системы защиты плеч и предплечий, которое считает характерным явлением второй половины XIV в., хотя наиболее раннее известное ему оплечье из Венгрии относится ко второй половине XIII в. [9, с. 256—257, рис. V,*9*]. Далее он пишет, что начиная со второй четверти XIV в. наплечники появляются на Руси и в Западной Европе. Это утверждение вызывает недоумение, поскольку приводимые им в качестве доказательства оплечья из Новгорода и Висбю, о-ва Готланд, [9, с. 257, рис. V, *5—8*] датируются соответственно 1300 и 1361 гг. [12, рис. 4,*3*; 13, с. 36, рис. 11,*3*; 16, с. 20, рис. 4,*10*; 17].

К защитным деталям доспеха, имеющим самостоятельное значение, автор исследования отнес ожерелья-воротники, зерцала, наручи и поножи.

Первые из них широко употреблялись татаро-монголами в XII—XIII вв. [9, с. 195]. Для второй половины XIV — начала XV в. данных нет, но М. В. Горелик считает, что их наличие в Золотой Орде можно предположить, «...исходя из того факта, что подобное ожерелье пластинчато-кольчатой структуры было на вооружении русских воинов около XVI в.» [8, с. 257]. Думается, однако, что этот довод неубедителен. Распространение зерцал на западе Евразии исследователь связывает с монголами [8, с. 94; 10, с. 195, 197]. Не оспаривая этого мнения, заметим, что этот факт ни в коей мере не свидетельствует об их монгольском происхождении. Наиболее раннее квадратное зерцало (до 1234 г.) найдено в Приморье, на Осиновском поселении чжурчжэней [18, с. 10], которые уже в 1213 г. были представлены в татаро-монгольском войске 46 подразделениями [19, с. 97].

Относительно двустворчатых шарнирных наручей-налокотников М. В. Горелик пишет, что свидетельством их применения монголами являются лишь редкие археологические находки. При этом он приводит два примера: пару наручей из монгольского погребения второй четверти XIV в. на Херсонщине и с городища близ с. Сахновка Киевской обл., разрушенного кочевниками в 1240 г. [9, с. 258; 10, с. 196]. Первая из этих находок еще не опубликована; что же касается второй, то против ее татаро-монгольской принадлежности свидетельствуют два обстоятельства: нахождение наруча в богатом жилище [16, с. 20] и хорошо известный факт запрета на потерю доспехов и оружия у монголов, которая каралась смертью [20, с. 122].

Шарнирные наголенники широко распространяются у татаро-монголов в последней трети XIV — первой трети XV в. Одночастные наголенники с круглыми наколенниками появляются в Центральной и Восточной Азии со второй половины I тыс. н. э., и, хотя до второй половины XIV в. хулагуидские изобразительные источники не дают их изображений, М. В. Горелик считает возможным полагать, что они занесены в Европу войсками чингизидов [9, с. 259]. В качестве примеров он приводит опубликованные аналогии из Западной Европы и Новгорода, но при этом вновь завышает даты, отнеся первые из них к XIII в. вместо его середины [21, с. 39], а вторые — к первой половине XIII в. вместо 1200 г. [11, с. 178, рис. 18, *2*]. Ввиду этого вопрос о месте происхождения одночастных наголенников с круглыми наколенниками остается открытым.

Большое внимание в своих статьях М. В. Горелик уделил очень трудному для изучения предмету защитного вооружения — шлему. Среди многообразия их изображений на миниатюрах, редких археологических находок и музейных экземпляров ему удалось выделить признаки, наиболее характерные для собственно татаро-монгольских шлемов [9, с. 260—261; 10, с. 189, 191] Однако, к сожалению, и здесь не обошлось без фантазий и хронологических натяжек. Так анализируя процесс развития шлемов одного из наиболее распространенных типов, исследователь очень вольно объясняет появление на двух экземплярах орнамента. Нанесение его на один из них приписывается малограмотному львовскому армянину XVII в. Узор на другом объясняется более поздним украшением на основании самых общих соображений [9, с. 263, 265]. В конце разбора этой категории защитного вооружения М. В. Горелик заключает, что шлемы рассматриваемого типа бытовали в XIV—XV вв. не только в Иране, но также и в Золотой Орде. В качестве примеров он приводит шлем, приписываемый легендарному осетинскому герою XIV в. Ос-Багатару, и «мисюрку калмыцкую» XVII в., принадлежавшую боярину и воеводе В. В. Голицыну [10, с. 19]. Последний из шлемов при этом получает новую дату (вторая половина XV — первая половина XVI в.) на основании аналогий, отстоящих на полтора столетия [9, с. 264, 263, 265—266; 10, с. 192] На методологическую недопустимость подобных сопоставлений М. В. Горелику уже указывалось [22, с. 133, 135]. Очевидно, что приведенные примеры не дают оснований для вывода автора.

По поводу татаро-монгольских щитов автор исследования пишет, что они изготовлялись из прутьев или твердой кожи и были двух типов: круглые и менее распространенные — миндалевидные [9, с. 259—260; 10, с. 196, 198].

Последний раздел во всех трех статьях М. В. Горелика посвящен конскому доспеху. Эта часть защитного вооружения монголов была едва ли не самой своеобразной и сильно удивляла европейских современников. Конский доспех был ламеллярного и ламинарного типов из стали и кожи. Экземпляры, изготовленные из твердых материалов, по мнению исследователя, восходят к киданьским и сунским образцам, а из мягких — заимствованы на Ближнем и Среднем Востоке [8, с. 100—101; 9, с. 266—269; 10, с. 198—200]

Завершая обзор работ М. В. Горелика, следует подчеркнуть, что, несмотря на имеющиеся в них хронологические неточности, они являются на сегодняшний день самым значительным и серьезным вкладом в разработку означенной проблематики.

Следующей работой, на которой хотелось бы остановиться, является весьма интересная статья Ю. С. Худякова о железных наконечниках стрел из Монголии [23]. Перу этого, несомненно, самого крупного оружиеведа Сибири принадлежит более 50 специальных работ, посвященных вооружению народов Южной Сибири и Центральной Азии [24, с. 27—31] В своей статье он привлекает огромный материал с территории Монголии, накопленный со времени выхода первой специальной статьи А. Ф. Медведева [4] Все наконечники исследователь классифицирует по материалу на классы, по способу насада — на отделы, по сечению пера — на группы и по форме пера — на типы [23, с. 97]. Этот принцип группировки данной категории археологических находок не нов и был сформулирован А. Ф. Медведевым еще в работе 1959 г., посвященной оружию Новгорода [11, с. 153, 157], а затем более развернуто обоснован в Своде 1966 г. [6, с. 53—55]. Тем не менее Ю. С. Худяков ссылается не на эти работы, а на свою статью 1975 г. о классификации стрел енисейских кыргызов [25]. Казалось бы, в таком случае мы вправе ожидать отсылки к ним в этой статье, однако ее нет. Влияние классификации А. Ф. Медведева, приведшее к практически полному заимствованию основных принципов, очевидно, и заслуживало специальных оговорок.

В соответствии с изложенными выше принципами классификации наконечники стрел разделены исследователем на пять групп и внутри них — на 21 тип. На основании того что бронебойные наконечники составляют около 12% от всего их количества, Ю. С. Худяков приходит к выводу, что использовались они в основном против легко защищенного противника. При этом во времени число бронебойных меняется от 20% в конце I тыс. до н. э.— начале I тыс. н. э. до 5% во второй половине I тыс. н. э. и 10% в первой половине II тыс. н. э. [23, с. 107, 110—112]. В целом же эволюция железных наконечников соответствует, по мнению автора, аналогичному процессу в сопредельных регионах Южной Сибири и Забайкалья [23, с. 112]. Статья снабжена иллюстрациями. К сожалению, в подписях под ними нет точных указаний, откуда происходят те или иные наконечники, а в тексте об этом ничего не говорится. На этот недостаток первой книги исследователя уже обращали внимание [26, с. 116], однако он характерен и для всех последующих работ Ю. С. Худякова. Несмотря на это, статья, несомненно, чрезвычайно полезна и должна способствовать процессу переосмысления целого ряда находок из Восточной Европы.

Статья «Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв.» написана В. Ф. Немеровым [27] В ней на основании опубликованных материалов из раскопок могильников Восточного Забайкалья и монгольских городов-ставок, а также этнографических источников впервые сделана попытка реконструировать снаряжение татаро-монгольского воина во всей его полноте, чего нельзя не приветствовать. Автор статьи считает, что основой воинских соединений татаро-монголов являлась тяжеловооруженная и легкая конница [27, с. 212]. Тяжеловооруженные воины, по его данным, носили твердые или мягкие панцири и шлемы. В комплект их снаряжения входил также суконный плащ с капюшоном. На ноги одевали сапоги, а в зимнее время поверх них — унты. Вооружение воинов состояло из сложного лука с колчаном стрел, сабли или меча, реже — палаша или палицы, а также копья и топора [27, с. 212—214, 219].

Легковооруженный воин был одет в шапку из шкур, мягкий панцирь, стеганые штаны и сапоги. Вооружение его состояло из лука, стрел с железными и костяными наконечниками, сабли и волосяного аркана [27, с. 223].

Интересно, что почти для всех предметов снаряжения В. Ф. Немеров приводит их название из современного монгольского (бурятского) языка.

Как положительный момент следует отметить также детальное описание конструкции монгольских стрел и колчанов, конской упряжки и доспеха [27, с. 219—223]

Поскольку большинство перечисленных видов оружия представлены незначительным количеством экземпляров, классификация приводится автором только для наконечников стрел [27, с. 216—218]. Печально, но здесь исследователь, так же как и автор рецензируемой выше работы, оказался «без предшественников», взяв тяжесть ответственности за классификацию на себя. Даже когда речь пошла о наконечниках стрел из раскопок Кара-Корума, В. Ф. Немеров сослался на работу С. В. Киселева и Н. Я. Мерперта, где этот материал опубликован частично [2, с. 192—193, 195—200, рис. 107, 108], упорно игнорируя статью А. Ф. Медведева с полной сводкой этих наконечников [4, с. 55—60, рис. 1]. Возможно, конечно, что она просто неизвестна исследователю. Однако это недоразумение не снижает впечатление о статье как об очень своевременной и добротной.

В заключение хотелось бы остановиться на двух работах ведущего советского оружиеведа А. Н. Кирпичникова, которые не посвящены специально татаро-монгольскому вооружению, но имеют к нему прямое отношение [28, 29]. В них он, выделяя на основе письменных данных и миниатюр комплекс снаряжения русских воинов времен Куликовской битвы, дает краткую, но емкую характеристику вооружения и их противников. Среди защитного вооружения татаро-монголов, по его мнению, преобладал кожаный мягкий доспех [28, с. 93—94; 29, с. 71], но встречались и байданы — короткорукавные кольчуги из плоских колец [28, с. 96—97; 29, с. 76]. Оружием нападения были сабля, топор и копье. Последние из них 22 раза изображены на миниатюрах Лондонского лицевого списка «Сказания о Мамаевом побоище» в комбинации с крюком. Автор работы совершенно справедливо отождествил их с виденными у монголов Плано Карпини в 1246 г. и привел для примера западноевропейские разновидности этого оружия [28, с. 97, рис. 3; 29, с. 74, 76, 78, рис. 6] Происхождение этого вида копий, несомненно, связано с чжурчжэнями [30], которые, влившись в состав татаро-монгольского войска, распространили их дальше. Очевидно, что путь сопоставления древнерусских письменных источников, миниатюр и археологических реалий, по которому пошел А. Н. Кирпичников, наиболее перспективен и еще многое может дать.

Подводя итоги обзора, следует отметить, что одна из важнейших составных частей истории татаро-монголов — оружиеведение — находится на явном подъеме и ждет монографического обобщения.

А. Р. Артемьев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванин О.* О военном искусстве и завоеваниях монгол // Военный журнал. 1846. № 11.
2. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Наука, 1966.
3. *Киселев С. В., Мерперт Н. Я.* Железные и чугунные изделия Кара-Корума // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.
4. *Медведев А. Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1966. № 2.
5. *Малиновская Н. В.* Колчан XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
6. *Медведев А. Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1966 1966. Вып. Е1-36.
7. *Вайнер И. С.* О вооружении и экипировке золотоордынского воина // Итоговая науч. конф. Казан. ун-та за 1963 г. Краткое содержание докладов. Секция истор. наук. Казань, 1964.
8. *Горелик М. В.* Средневековый монгольский доспех // Третий Междунар. конгресс монголоведов. Т. I. Улан-Батор, 1979.
9. *Горелик М. В.* Татаро-монгольское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (Материалы юбилейной научной конференции). М.: Изд-во МГУ, 1983.
10. *Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987.
11. *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // Тр. Новгород. археол. экспедиции. Т. II // МИА. 1959. № 65.
12. *Медведев А. Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси // СА. 1959. № 2.
13. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л.: Наука, 1976.
14. *Седов В. В.* Изборская экспедиция // АО — 1977. М., 1978.
15. *Артемьев А. Р.* Стратиграфия и хронология Изборской крепости // СА. 1985. № 2.
16. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв. // САИ. 1971. Вып. Е1-36.
17. *Thordeman B.* Armour from the Battle of Wisby 1361. V 1. Stockholm, 1939.
18. *Шавкунов В. Э.* Вооружение чжурчжэней Приморья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 1986.

19. *Д'Оссон К.* История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Т. I. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1937.
20. *Лубсан Данзан.* Алтан Тобчи («Золотое сказание») // Памятники письменности Востока. М.: Наука, 1973.
21. *Blair C.* European Armour. L., 1958.
22. *Черненко Е. В.* Шлемы кубанского типа // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тез. докл. обл. науч. конф. Т. II. Омск, 1987
23. *Худяков Ю. С.* Железные наконечники стрел из Монголии // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985.
24. *Худяков Ю. С.* Военное дело кочевников Южной Сибири и Центральной Азии (II в. до н. э.—X в. н. э.): Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 1987.
25. *Худяков Ю. С.* Опыт типологической классификации наконечников стрел енисейских кыргызов IX—XII вв. // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
26. *Савинов Д. Г* Значительный вклад в оружиеведение народов Центральной Азии и Южной Сибири // Вестн. ЛГУ. 1981. Т. 20. Вып. 4.
27. *Немеров В. Ф.* Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII—XIV вв. // СА. 1987. № 2.
28. *Кирпичников А. Н.* Оружие времени Куликовской битвы // Вестн. АН СССР. 1980. № 8.
29. *Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л.: Наука, 1980.
30. *Шавкунов В. Э.* Комбинированные копья чжурчжэней // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.

Г. А. Архипов. Марийцы XII—XIII вв. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 115 с., 60 рис.

До последнего времени в марийской истории XII—XIII века были слабо изучены. Рецензируемая работа во многом изменила сложившуюся ситуацию. В научный оборот введен значительный круг археологических источников, до 60-х гг. практически неизвестный, находящийся в архивах и музеях и опубликованный не более чем на 10%. Книга является естественным продолжением предыдущего исследования Г А. Архипова «Марийцы IX—XI вв.» [1]

Работа в основном базируется на материалах исследованных самим Г А. Архиповым в Поветлужье марийских могильников: Починковском, Руткинском, Выжумском II и III. Автор дает историю их изучения, приводит географическую и топографическую характеристики расположения могильников. Подробно рассматривая погребальный обряд, Г. А. Архипов отмечает, что с XII в. он становится однородным — трупоположение на спине; трупосожжения, отмечавшиеся в небольших количествах ранее, окончательно исчезают. Подмечены любопытные черты ритуала, в частности наличие «дарственных» компонентов — женских вещей в мужских могилах и наоборот.

Тщательный анализ обряда позволяет сделать ряд ценных выводов в области этнической истории. В то же время жаль, что автор не попытался реконструировать религиозные взгляды населения, оставившего могильники, хотя материал для этого есть. Г. А. Архипов знакомит читателя с обнаруженными в могильниках вещами. Им предложена подробная классификация погребального инвентаря: анализируются украшения головы и головного убора, рук, груди, пояса. Правда, не воссоздается полный мужской и женский костюмы мари того времени, подобно тому как это было сделано автором по материалам IX—XI вв., но этому помешала (что отмечается и в книге) слабая сохранность элементов костюма. Много внимания уделено производственному и бытовому инвентарю, оружию.

Для всех описываемых вещей автор приводит аналогии из синхронных памятников сопредельных территорий. Поэтому предметы получили четкую, обоснованную датировку. Прослежены экономические связи с соседними народами. Не вызывает сомнения общая дата памятников XII—XIII вв.

На основе изучения археологических источников Г. А. Архипов попытался нарисовать этническую картину, существовавшую в Поветлужье в то время. Надо признать, что в основном ему это удалось. Очень логично и последовательно доказывается преемственность между марийскими могильниками IX—XI и XII—XIII вв. Доказан факт отличия могильников Ветлужской группы от одновременных им соседних. Эти выводы позволяют Г. А. Архипову совершенно определенно говорить о принадлежности данной группы памятников к марийскому этносу. Это не означает, что автор очень узко подходит к проблеме. Он рассматривает не только этнические процессы у мари,

но и всю этническую ситуацию в лесной полосе Восточной Европы, стремится определить место марийского этноса среди финнов Поволжья и Прикамья в средние века.

Г. А. Архипов констатирует усиление славянского влияния, что прослеживается в появлении некоторых типов славянских вещей и особенно керамики, которую он называет «славяноидной». Однако создается впечатление, что автор преувеличивает роль славянского влияния и, с другой стороны, недостаточно четко прослеживает одновременные этнические контакты марийцев с более западными группировками финнов. И хотя этой проблеме уделялось немалое место в книге, окончательно она еще не решена.

Вполне справедлива данная автором критика теории мерянской этнокультурной общности, в которую В. Ф. Генинг включает и мари [2]. Однако при этом требуется дополнительное объяснение культурных и этнических связей ветлужских мари с мерей, которые детально рассматриваются Г. А. Архиповым. Представляется, что наличие общих черт в материальной культуре мари и финнов Верхнего Поволжья происходит не в силу общности происхождения [2], а из-за постоянной инфильтрации последних на территорию левобережья Средней Волги во второй половине I — начале II тыс. Этот процесс, видимо, связан с вытеснением мери с мест первоначального расселения славянами. В результате его и появляются у мари некоторые элементы мерянской культуры, которые, кстати, быстро нивелируются.

Сходство ветлужских древностей с Костромской группой мери основано прежде всего на хронологической близости. По И. В. Дубову, ярославские памятники с финскими элементами относятся к IX—XI вв., владимирские — к X—XII вв., а костромские — к XII—XIII вв. В восточном направлении распространялась и ассимиляция мери славянами [3, с. 9, 10]. Возможен и такой же переселенческий мерянский поток, распространенный и далее в пределы расселения марийцев.

Для второй половины I — начала II тыс. характерен и поток переселения финнов с территории Поочья, но окские финны несомненно связаны с мари и определенной общностью происхождения, что уже было отмечено Г. А. Архиповым в предшествующих работах [4, с. 22]. Это направление передвижения зафиксировано по левому берегу Волги и в марийских древностях, и далее на юг вплоть до Танкеевского могильника [5, с. 30, 31].

Представляется также, что в составе переселявшегося окско-финского населения (носители культуры рязанских могильников, мурома) имелись небольшие включения балтов, а в составе мери — славян. Отсюда и некоторые балтийские элементы в культуре и языке раннесредневековых марийцев, и славянский компонент, который постепенно увеличивался. Однако о чисто славянском проникновении — прежде всего торговом — можно говорить только со второй половины XII в.

Дискуссионность некоторых построений автора ничуть не снижает научных достоинств книги, а скорее, наоборот, дает дальнейший толчок для изучения введенных в научный оборот и вновь получаемых древностей этого периода.

Отмечу ряд мелких недостатков книги. Так, довольно часто номера рисунков в тексте и в подрисуночной подписи не совпадают; карта на рис. 60 малоинформативна: памятники № 1—11, помещенные на ней, в тексте не упоминаются, и не понятно, к какой археологической культуре они относятся, да и вообще с какой целью здесь помещены.

В целом же книга Г. А. Архипова «Марийцы XII—XIII вв.»— нужное исследование, выполненное добротно и вызвавшее большой интерес у всех, кто занимается средневековой историей Поволжья.

Ю. А. Зеленеев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973.
2. *Генинг В. Ф.* Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности) // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967
3. *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в период раннего средневековья (IX—XII вв.): Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. Л.: ЛГУ, 1982.
4. *Архипов Г. А.* Основные этапы этногенеза марийцев // АЭМК. 1985. Вып. 9.
5. *Казаков Е. П.* О характере связей волжских булгар с финнами и уграми // АЭМК. 1985. Вып. 9.

И. Г. Нариманов. Культура древнего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI—IV тысячелетия до н. э.). Баку: Элм, 1987. 259 с., илл.

Проблематика «неолитической революции», т. е. процесса становления производящих форм экономики и последствий этого процесса во всех сферах человеческой жизни, является ныне одной из наиболее значительных и актуальных задач как археологии, так и исторической науки в целом. Некоторые ученые не без основания считают возможным даже сопоставление «неолитической революции» по значению с самим антропогенезом — с выделением человека из всего прочего животного мира (К. Ламберг-Карловский). При этом подчеркивалось, что если сама «неолитическая революция» явилась переломным моментом в истории человечества, в значительной мере определяющим все его дальнейшее экономическое, социальное и культурное развитие, то возникновение ее проблематики явилось переломным моментом в первобытной археологии. Оно сконцентрировало внимание ученых на разработке кардинальных комплексных проблем древнейшей истории, еще раз доказав исторический характер археологии. В той же мере возникновение и разработка этой проблематики показали, что подлинные исследования возможны здесь лишь на философской и методологической базе исторического материализма. Это признавалось и самим создателем проблематики — видным английским археологом В. Г Чайлдом, впервые введшим в науку в 1925 г. термин «неолитическая революция». И недаром Ф. Энгельс при создании своей знаменитой схемы подчеркнул появление производящих форм экономики как один из основных признаков перехода от дикости к варварству.

За 64 года своего существования проблематика «неолитической революции» претерпела ряд весьма серьезных, а в некоторых случаях и принципиальных изменений. От моноцентристских теорий с поисками единого первоначального центра и путей дальнейшей диффузии его экономических и культурных достижений исследователи перешли ко все более решительному и обоснованному утверждению полицентризма процесса. Они стали рассматривать его как проявление закономерности исторического развития в областях, обладавших соответствующим природным фоном. Области эти еще в 20-х годах нашего века были определены классическими трудами акад. Н. И. Вавилова: это прежде всего семь знаменитых «вавиловских центров» происхождения злаковых. И в один из этих центров — юго-западноазиатский — с самого начала был включен Кавказ. Здесь биологи явно обогнали археологов. Понадобилось несколько десятилетий для того, чтобы и в свете археологических материалов Кавказ предстал как один из значительных (хотя и вторичных) очагов «неолитической революции» Старого Света, как один из трех первоначальных центров производящего хозяйства на территории нашей страны. Сейчас это факт общепризнанный. Достаточно отметить, что шомутепинско-шулаверская культура Южного Кавказа включена в число древнейших культур с производящей экономикой в проспекте первого тома подготавливаемого ныне ЮНЕСКО международного издания «История человеческой культуры и науки».

И если Кавказ занял теперь свое подлинное место среди важнейших и наиболее древних областей сложения и развития производящей экономики, если все более четко выявляются масштабность и глубокая оригинальность происходивших здесь процессов, то основная заслуга в этом наряду с Б. А. Куфтиным, А. А. Иессеном, Р. М. Мунчаевым, К. Х. Кушнаревой принадлежит закавказским ученым: А. И. Джавахишвили, О. М. Джапаридзе, Т. Н. Чубинишвили, Т. В. Кигурадзе, Я. Л. Киквидзе, Р М. Торосяну, А. А. Мартиросяну и, конечно, автору рецензируемой книги И. Г Нариманову.

И. Г Нариманов в полном смысле этого слова является пионером целенаправленных и глубоко плодотворных исследований рассматриваемой проблематики на территории Азербайджана, где сейчас известно свыше 100 раннеземледельческих памятников — более 2/3 общего их числа в Закавказье. И львиная доля этих памятников открыта, в ряде случаев превосходно раскопана, на высоком научном уровне интерпретирована и введена в научный оборот многолетними трудами автора, благодаря которым мы и можем говорить о раннеземледельческом энеолите Кавказа как о явлении огромного исторического масштаба. Рецензируемая же книга является весьма весомым тому доказательством.

Книга общим объемом около 14 авт. листов открывается «Введением», в котором определены основные факторы формирования в Закавказье в целом и в Азербайджане в частности основных отраслей производящей экономики — земледелия и скотоводства, а также дан лаконичный, но, как я полагаю, исчерпывающий очерк истории исследования соответствующих памятников региона.

Должное внимание уделено характеристике чрезвычайно благоприятного экологического фона Южного Кавказа — его ландшафтному и климатическому многообразию, речным системам,

поразительному богатству природных ресурсов. Можно пожалеть, что автор не подчеркнул здесь распространения на территории Азербайджана, да и всего Закавказья, весьма значительного числа видов диких растений (прежде всего злаковых) и животных, подвергшихся впоследствии культивации, приручению и доместикации. Правда, вопрос этот подробно рассматривается в дальнейшем в специальной главе (с. 139), но самое краткое освещение его во «Введении» представлялось бы вполне уместным. В целом же экологический фон Южного Кавказа совершенно справедливо рассматривается как один из главных факторов, обусловивших процесс формирования здесь производящих отраслей экономики. Подчеркну при этом, что автор не ограничивается констатацией фактов, установленных географами и биологами, он анализирует их, сопоставляя с материалами собственных археологических исследований. В частности, его наблюдения над топографией энеолитических поселений представляют несомненный интерес не только для археологов, но и для географов, прежде всего для палеоклиматологов.

Что касается истории исследований раннеземледельческих памятников Закавказья, то в изложении ее я не смог обнаружить сколько-нибудь заметных пропусков. Последовательно рассмотрены фактически все работы, связанные с рассматриваемой проблематикой. Оценка этих работ, проведенных во всех трех закавказских республиках, дана с предельной объективностью и представляется совершенно правильной. Особо отмечу, что наряду с исследованиями советских ученых охарактеризованы и работы за пределами СССР, прежде всего в Иранском Азербайджане. Соответственно рассмотрена и зарубежная историография данной проблемы, прежде всего работы Ч. А. Барни, Т. Бартон-Брауна, Р. Брейдвуда, Р. Дайсона и др. Полагаю лишь, что вместо популярной книги Д. Меллаарта «Earliest Civilizations of the Near East» можно было рассмотреть более специальную монографию того же автора — «Neolithic on the Near East» (London, 1965).

Первая глава фактически является сводом раннеземледельческих памятников Закавказья. Последние рассмотрены по четырем основным районам их распространения: в Ганджа-Казахской равнине, в Мильско-Карабахской и Муганской степях в бассейне Аракса и в приурмийской области. Выявление специфики каждого из этих районов, соотношения их между собой представляют чрезвычайно большой интерес, позволяя ставить вопросы о характере появления древнейшего производящего хозяйства в Закавказье, о путях его распространения и динамике развития. И. Г Нариманов не только создал в рассматриваемой главе первую полную сводку памятников, но и систематизировал основные их данные, представил по единой схеме, особое внимание уделив, естественно, стратиграфическим показателям. Это создало возможность для объективного сравнения памятников, для определения их места как внутри конкретных групп, так и в регионе в целом. А дальше уже прямой путь к разработке отмеченных выше вопросов. Отмечу, что в этой главе даны лаконичные, но весьма четкие описания 95 памятников, из них не менее 10 стратифицированных. Уже здесь начата разработка весьма значительных вопросов о природной специфике районов, в которых локализовались своего рода «гнезда» раннеземледельческих поселков, и о хронологической позиции этих «гнезд». Эти вопросы подверглись специальному рассмотрению в последующих главах, но, повторяю, уже в первой главе представлен ряд связанных с ними весьма существенных заключений, касающихся прежде всего хронологических различий как между отдельными «гнездами», так и между памятниками одного «гнезда». Несомненный интерес представляет обоснование принадлежности памятников Муганской степи к сравнительно позднему этапу энеолита с появлением в их керамике черт перехода к керамике раннего бронзового века. Столь же интересно выявление относительно поздних поселков, связываемых с продвижением энеолитических земледельцев к северу от Куры. Большого внимания заслуживают конкретные показатели близости приурмийского района, с одной стороны, с Месопотамией и Ираном и, с другой,— с Кавказом. Но этот важный вопрос рассмотрен здесь с чрезмерным лаконизмом: его, полагаю, следовало бы представить в более развернутом виде. Принципиальных замечаний и по этой главе у меня нет. Отмечу лишь, что к указанию Д. Меллаарта на сходство орнаментации керамики Далматепе и энеолитических культур Балканского полуострова следует относиться весьма осторожно. Скорее всего сходство это носит чисто стадиальный характер, ибо именно энеолит в отличие как от раннего неолита, так и от раннего бронзового века является периодом, когда связи Балкан с Передним Востоком фактически документируются чрезвычайно слабо. Значительно перспективнее здесь сопоставление с самим Восточным Закавказьем, на что указывал Р М. Мунчаев.

Вторая глава посвящена вопросам топографии и планировки неолитических поселений на территории Азербайджана, а также строительному делу и архитектуре. Весьма интересно рассмотрен автором вопрос о причинах формирования в определенных районах упоминавшихся уже «гнезд» поселений при почти полном отсутствии их в других районах. Это правильно связывается с палео-

географическими особенностями конкретных участков рассматриваемой территории и в свою очередь используется для восстановления этих условий. Убедительно подчеркиваются различия между системой расположения поселков энеолита и последовавшей за ним куро-аракской культуры раннего бронзового века. С должной осторожностью отнесся автор к попытке определения темпа накопления культурного слоя, правильно подчеркнув неравномерность его даже в сходных геоклиматических и технических условиях и зависимость от целого ряда факторов, связанных с конкретными памятниками. Несомненную ценность представляют выясненные автором детали строительной техники и реконструкции жилищ и поселков с определением особенностей их в различных районах. Здесь у меня одно редакционное замечание: относительно плоско-выпуклых кирпичей раннединастического периода Месопотамии высказывалось мнение, что они введены не чужеземцами, а, напротив, коренным населением, освободившимся от чужеземцев, как своего рода альтернатива традициям последних, господствовавшим в предшествовавший период Джемдет-Наср.

В третьей главе представлен анализ хозяйственно-бытового инвентаря энеолитических поселений. Как позитивный момент отмечу здесь внутреннюю логику построения главы и последовательное использование современных методов исследования археологических материалов. Так, для обсидиановых, кремневых и каменных орудий выясняются источники сырья (здесь интересно использован коэффициент преломления), определена специфика техники производства (с ее особенностями в разных районах), произведен функциональный анализ основных категорий орудий (с учетом данных трасологии), отмечено процентное соотношение этих категорий на конкретных памятниках и на хронологически различных ступенях развития. Большой интерес представляет хорошо обоснованное заключение об определенной взаимозависимости между назначением орудий и особенностями техники их изготовления. Для обсидиановых, кремневых и каменных орудий определены как характер комплексов в целом, так и специфические группы традиционных, появившихся еще в неолите, форм и новых типов, связанных с развитием земледелия.

Автор убедительно выделяет группу костяных мотыг, приводя серьезные доказательства функционального их определения. Вместе с тем он отмечает поразительную редкость орудий этой категории на некоторых поселениях. Здесь можно было бы сослаться на аналогичное положение и в других районах раннеземледельческой ойкумены, например в Месопотамии. Это подтверждает предположение об изготовлении мотыг или функционально близких им орудий из нестойких материалов, прежде всего из дерева.

Весьма подробно рассмотрена керамика — как в общем плане, так и для конкретных памятников — с постоянной корреляцией показателей форм, техники лепки, оформления поверхности, орнаментации. Выявлена чрезвычайно сложная картина своеобразных, а иногда и генетически не связанных керамических групп (особенно в приурмийском районе). Здесь весьма важно выяснение доминирующих в конкретных группах связей и воздействий со стороны смежных центров, прежде всего Ирана, Месопотамии и Восточной Анатолии. Особого внимания заслуживает попытка автора (пока еще весьма осторожная) наметить керамические типы, промежуточные между энеолитом и куро-аракской культурой раннего бронзового века. Направление это чрезвычайно важное и ответственное, но острая дискуссионность его хорошо известна. Основная работа здесь еще впереди.

Сложные и, как всегда в подобных случаях, резко дискуссионные вопросы периодизации и хронологии культуры энеолитических земледельцев Закавказья рассмотрены в четвертой главе. Автор располагал 14 радиокарбонными датами, которыми он оперирует достаточно осторожно. Им учитывается, но не возводится в абсолют калибровочная шкала, особое же внимание И. Г Нариманов уделяет выявлению стратиграфических соответствий, что представляется единственно правильным путем. Здесь весьма удачно и принципиально важно решение вопроса о начальном этапе нахичеванского Кюль-тепе, для чего произведено сличение стратиграфических показателей его нижнего слоя с соответствующими данными Шулаверис-гора, а ряда категорий материалов — с подобными же находками из поздненеолитического слоя Хаджи Фируза и с материалами ранних слоев халафских поселений. В результате предложено заключение о том, что Кюль-тепе и поселения Южного Закавказья вообще возникли не позже раннеземледельческих поселений среднего течения Куры. Заключение это, безусловно, заслуживает внимания, хотя и остается дискуссионным, поскольку другими исследователями приведены достаточно серьезные данные в пользу хронологического приоритета Квемо-Картлийской группы (Т. В. Кигурадзе). Общие же хронологические рамки исследуемого периода — вторая половина VI — середина IV тыс. до н. э.— представляются мне наиболее вероятными в свете имеющихся в настоящее время прямых показателей и сравнительных данных. Таким образом, общие принципиальные вопросы этой ответственной главы

представляются разработанными достаточно обоснованно. Но, полагаю, было бы весьма полезным более подробное обоснование соотношения между рассмотренными группами поселений и определение места каждой из них внутри ограниченного указанными хронологическими рамками периода [1]

Пятая глава, посвященная хозяйству раннеземледельческого населения Азербайджана, закономерно начинается с подробного обзора палеоботанических данных, который позволяет предполагать давнее использование злаковых и начало их доместикации еще в предшествующий неолитический период. Столь же внимательно рассмотрены и географические, прежде всего палеоклиматические факторы, с которыми связан и вопрос о системах древнего земледелия. Весьма интересны заключения об известном разнообразии этих систем, о наличии как богарного земледелия, так — в конкретных случаях — и навыков искусственного орошения. Наконец, выделены и подвергнуты анализу все основные группы орудий, связанных с последовательными циклами земледельческих работ. С предельной конкретностью систематизированы и данные второй важнейшей отрасли производящей экономики — скотоводства. Это касается прежде всего остеологического материала: здесь использованы данные многочисленных и весьма доброкачественных анализов. Очень показательно сличение процентного соотношения костей на ряде поселений, позволившее и здесь выявить как общие, так и особенные черты хозяйства конкретных районов и групп поселений. Достаточно убедительны и разделы, посвященные домашним ремеслам и связям. В связи с характеристикой керамического производства вопрос о появлении на закавказских энеолитических поселениях пусть единичных сосудов, выполненных на гончарном круге, принципиально важен, и его надо осветить подробнее и более доказательно. Ведь в Месопотамии гончарный круг зафиксирован не ранее последних веков IV тыс. до н. э. Более же примитивное устройство — так называемая гончарная подставка — известно и на Ближнем Востоке, и в Юго-Восточной Европе несколько ранее. Весьма существенно установить, о какой технологии керамического производства, о каком именно устройстве для производства сосудов позволяют говорить материалы энеолитических поселений Закавказья.

В последней главе исследования автор рассматривает некоторые вопросы социального строя и идеологии древнейших земледельцев Азербайджана. Прямые археологические показатели здесь еще весьма ограниченны, а интерпретация их требует предельной осторожности. Соответствующие вопросы могут быть поставлены пока лишь в самом общем виде. И. Г. Нариманов хорошо это учитывает. Оба указанных вопроса рассмотрены весьма лаконично, отмечены лишь конкретные свидетельства, позволяющие предполагать наличие определенных звеньев социальной структуры (выделение парной семьи, начало сложения большесемейной общины, появление зачатков иерархии поселений и т. д.), а также достаточно сложных уже идеологических представлений, которые лишь ориентировочно и весьма неполно отражаются археологическими материалами. Последние ограничиваются данными погребальных памятников (начиная с выбора места захоронения и кончая деталями обряда), свидетельствами приобретших уже традиционную форму обрядов и культовых церемоний, наличием специальных построек для совершения последних, наконец, культовой пластикой. Автор учитывает их с достаточной полнотой; осторожность же его при их использовании и опытах реконструкции самих идеологических представлений совершенно закономерна. Считаю нужным подчеркнуть, что идеология древнейших земледельцев представляет собой совершенно особую и весьма сложную проблему, всесторонняя разработка которой в задачу настоящей работы ни в коей мере не входила.

Графическая документация книги включает две карты и 61 таблицу с планами и фотографиями построек и рисунками находок. Составлены таблицы достаточно выразительно. Качество же их полиграфии, как и в большинстве наших археологических изданий, оставляет желать лучшего.

Оценивая работу в целом, могу лишь повторить, что считаю ее весьма существенным вкладом в исследование не только энеолита Закавказья, но и одной из важнейших проблем древней истории нашей страны, да и Евразии в целом. Книга, несомненно, привлечет самое пристальное внимание исследователей важнейшего переломного момента человеческой истории — «неолитической революции». Она с предельной убедительностью доказывает огромную роль Кавказа в этом процессе.

Н. Я. Мерперт

---

[1] В данном аспекте исключительно большое значение приобретает поселение Лейлатепеси в Агдамском р-не АзССР, открытое и исследуемое И. Г Нариманом уже после завершения рецензируемого труда (*Нариманов И. Г* Раскопки энеолитических поселений в Азербайджане // АО—1984. М.: Наука, 1986. С. 423). В архитектуре и материалах этого памятника представлены четкие параллели с убейдской культурой Месопотамии.

Хроника

14-Й МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ИСТОРИИ ПОГРАНИЧНЫХ УКРЕПЕЛЕНИЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (LIMESKONGRESS) (БАД ДОЙЧ-АЛЬТЕНБУРГ, 1986)

14—21 сентября 1986 г. в г. Бад Дойч-Альтенбург (Нижняя Австрия) проходил 14-й Международный конгресс по истории пограничных укреплений Римской империи (Limeskongress) Регулярность проведения подобных научных конгрессов — 3 раза в 10 лет. Предыдущий конгресс проводился в одном из городов Федеративной Республики Германии в 1983 г. Место проведения конгресса было выбрано не случайно. Современный город Бад Дойч-Альтенбург, как и соседний с ним г. Петронель, расположен непосредственно на месте древнего римского города Карнунтума — крупного центра на северо-востоке империи.

Конгрессу предшествовала большая организационная и издательская работа. Были выпущены тезисы докладов участников конгресса [1], опубликована обобщающая работа проф. Ф. Феттерса и д-ра М. Кандлера «Римские пограничные укрепления в Австрии» [2], издан каталог музея Карнунтума [3], подготовлены отдельные публикации по раскопкам в Карнунтуме [4,5] На местах экскурсий были развернуты выставки находок. Кроме того, перед началом конгресса была проведена трехдневная научная экскурсия. Она фактически охватывала все основные памятники римского времени, связанные с Дунайской линией укреплений, находящиеся на территории современной Австрии.

14 сентября в праздничном зале замка Абенсперг-Траун в г. Петронеле состоялось торжественное открытие конгресса.

С предложениями по дальнейшему развитию научных исследований пограничных укреплений выступил один из старейших специалистов — проф. Э. Бёли (Великобритания). Проф. Г. Добеш (Австрия) сделал доклад «Государство Маробод — великая империя по ту сторону римских границ на Дунае».

15 сентября начались рабочие заседания конгресса в двух секциях: военной истории и по общей теме. Автор принял участие в работе первой секции. Можно отметить выступление М. С. Бишопа (Великобритания) «На марше: статус, проявление и моральное состояние римской армии». Интерес и полемику вызвал доклад М. Хассала (Великобритания) «Удвоение и разделение воинских частей», посвященный рассмотрению двух аспектов организации римской армии. Первым, по мнению автора доклада, является феномен, возникший еще в ранний период Римской республики и связанный с тем, что традиционно консульские войска состояли из двух легионов. Такая парность полков сохранилась до позднего римского периода и выражалась в постоянном попарном действии соединений полевой армии. Вторым аспектом является деление частей, особенно когорт, на подразделения. Учитывая то, что части действовали попарно или делились на мелкие подразделения кратно двум, используя литературные и эпиграфические источники, автор уделил основное внимание археологическим материалам, в частности раскопкам укреплений легионеров и характеру, структурной организации размещавшихся в них подразделений. На многочисленных примерах планов таких укреплений автор подчеркивал симметричность основных сооружений и их попарное расположение (в частности, казарм), что, по его мнению, является наглядным подтверждением главного тезиса.

Большой интерес вызвал доклад Л. Окамуры (США) «Клады монет и пограничные укрепления: проблема интерпретации». Автор особо подчеркнул, что волнения вдоль границ Римской империи не всегда находили отражение в трудах даже самых осведомленных современников, к числу которых он относит Дио Кассия, вряд ли располагавшего надежной информацией о них. Л. Окамура следует за А. Бланчетом, который первым, по его мнению, провел причинно-следственную связь между кладами монет, нападениями варваров и разрушением пограничных укреплений и наметил таким образом пути решения проблемы датировки и локализации пограничных волнений. В своем докладе, опираясь на информацию о кладах и предполагаемом времени волнений и агрессии вдоль границ Верхней Германии, в частности в Реции в III в. н. э., автор поставил вопрос, не связаны ли они с другими косвенными причинами. К числу таковых он относит поражения Рима в персидской войне и гражданские войны внутри империи.

Проф. Д. Б. Саддингтон (ЮАР) сделал доклад «Praefecti castrorum и praefecti classium среди офицеров раннего принципата».

16 сентября были продолжены секционные заседания. Тема заседания первой секции — «Влияние римских границ на коренные народы». В соответствии с этой темой был построен доклад

д-ра Д. Бризи (Великобритания) «Влияние римской армии на Северную Британию». Считая исследования в области влияния римской армии на коренные народы одним из важных аспектов изучения римских границ, Д. Бризи приводит со ссылкой на Агриколу несколько примеров такого влияния на Британию: изменение системы налогообложения, собственности на землю, воинской повинности, внедрение новых архитектурных стилей, образования, языка, одежды, пищи, религии. По мнению автора, можно предположить и другие результаты влияния «Римского мира» на Британию: прекращение межплеменных войн на севере острова, отказ от укреплений на возвышенностях, рост численности населения, увеличение количества поселений, использование камня вместо дерева в жилищном строительстве, расширение сельского хозяйства и изменения в хозяйственной практике в соответствии с нуждами армии. Сообщая о находках новых археологических свидетельств такого влияния, Д. Бризи поставил очень остро вопрос о недостаточной точности датирования археологическими методами, которые пока еще не позволяют с уверенностью говорить о том, что отмечаемые изменения в поселениях, хозяйстве, ландшафтах связаны именно с пребыванием римской армии. Вопросам военной организации и ее роли в исследовании пограничной зоны в Нижней Германии посвятил свой доклад Дж. Бломерс (Голландия). Влиянию коренного населения на границу по Нижнему Дунаю и соотношению пограничных народов внутри укрепленной полосы и вне ее был посвящен доклад Э. Поултера (Великобритания). Считая линию нижнедунайских укреплений в значительной мере результатом местных обстоятельств, Э. Поултер рассматривает два наиболее важных, с его точки зрения, фактора: отношения вне укрепленной полосы и способность коренного населения внутри укреплений поддерживать пограничную армию. По мнению автора, на протяжении периода Юлиев—Клавдиев проблемы во взаимоотношениях с провинциальным населением препятствовали усилению линии дунайских укреплений, в то время как внешние контакты с соседними племенами содействовали поддержанию пограничной безопасности. Оккупация Дакии в период Антониев вызвала радикальную реорганизацию населения провинций и соответственно более осторожный подход к «внешней политике». Разразившийся в IV в. экономический кризис внутри страны, ослабление способности сельского населения поддерживать пограничные войска, а также использование традиционных средств привели к катастрофе Адрианополя (имеется в виду полный разгром римской армии в 378 г. в битве при Адрианополе вестготами).

Названные доклады были построены в основном на новых данных археологических исследований и на критическом прочтении исторических источников. В них ставился вопрос не только о влиянии Рима на покоренные народы, но и об обратном влиянии и заимствованиях.

Во второй секции были заслушаны доклады по двум древнеримским провинциям: Норику и Паннонии.

Во второй половине дня работа первой секции была посвящена Британии, второй — Паннонии. Все доклады первой секции были сделаны представителями Великобритании. Они были посвящены высадкам Цезаря в Британии в 55—54 гг. до н. э. и ответным действиям коренного населения (Фр. Сомпсон), работам вдоль вала Адриана в 80-е гг. (С. Джонс), раскопкам на отдельных памятниках (А. Бёли), исследованиям укреплений легионеров в Южном Уэльсе на постройках Флавиана (Д. Зенкевич), пограничным укреплениям Флавиана в Каледонии (Г. С. Максвелл), раскопкам на укреплениях Флавиана в Шотландии (Л. Киппи), римскому форту первого века и его окрестностям (В. Хансон). Выступавшие наглядно демонстрировали плодотворность использования метода аэрофотосъемок для поиска памятников римского времени в Британии даже в условиях полной индустриальной или сельскохозяйственной освоенности региона.

В работе конгресса участвовали представители многих стран: Австрии, Болгарии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, ГДР, Голландии, Дании, Испании, Израиля, Канады, Польши, США, Франции, ФРГ, ЧССР, Швейцарии, ЮАР. От Советского Союза были заявлены два доклада: К. Орлова из Симферополя и Г. Лордкипанидзе из Тбилиси. Организаторы конгресса и его участники ожидали их приезда и неоднократно интересовались возможностью их прибытия. Они отмечали, что представители СССР не участвовали в работе последних двух конгрессов и не представляли материалов. Кроме того, высказывалось мнение о том, что СССР фактически не занимает того места, которое должно принадлежать ему по праву в разработке данных проблем. Отмечалась также труднодоступность советской археологической литературы и отсутствие изданий (или аннотаций, резюме) на других европейских языках.

А. К. Конопацкий

ЛИТЕРАТУРА

1. 14 Intarnationales Limeskongress. Bad Deutsch-Altenburg / Carnuntum. 14—21. September 1986. Referate und Kurzmitteilungen (Zusammen Fassungen).
2. *Kandler M., Vetters H.* Der Romische Limes in Österreich. Ein Führer Verlag der Österreichischen Akademien der Wissenschaften. Wien, 1986.
3. Carnuntum Jahrbuch 1985. Wien, 1986.
4. Carnuntum Canabae Legionis. Die Ausgrabungen auf der flur «Mühläcker» in Bad Deutsch-Altenburg, 1986.
5. *Noll R.* Die griechischen und lateinischen Inschriften der Wiener Antikensammlung. Wien, 1986.

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СИМПОЗИУМ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР И ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» (АЛМА-АТА, 1987)

Симпозиум состоялся в Алма-Ате с 22 по 25 октября 1987 г. Необходимость рассмотрения накопленных знаний по древней и средневековой археологии и истории Центральной Азии под углом зрения взаимодействия кочевых культур и цивилизаций продиктована всем ходом развития исторической науки, решительно отказывающейся от устоявшихся стереотипов в трактовке этой проблемы. Рассматривая взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций как процесс, детерминированный историческим разделением труда и сложившимися в эпоху становления производящего хозяйства различными хозяйственно-культурными типами, научное знание ощущает острую потребность в выявлении основных закономерностей и региональных особенностей межкультурного взаимодействия на различных исторических этапах. Об этом говорил во вступительном слове заместитель председателя оргкомитета симпозиума Р. Б. Сулейменов (Алма-Ата).

В работе симпозиума приняли участие исследователи из Института археологии АН СССР (Москва, Ленинград), Института археологии АН УзССР (Самарканд), Института искусствознания Министерства культуры УзССР (Ташкент), Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (Душанбе, Пенджикент), Института истории КиргССР (Фрунзе), Института археологии и этнографии АН АрмССР (Ереван), Института истории, археологии и этнографии АН ТССР, Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, Ташкентского, Казахского, Карагандинского, Челябинского, Кемеровского университетов, педагогических институтов и областных музеев Казахстана, Института Казпроектреставрации Министерства культуры КазССР, а также группа французских специалистов из Национального центра научных исследований во главе с проф. А. П. Франкфором.

К симпозиуму был издан сборник, содержащий тезисы 95 докладов и сообщений. Было проведено семь заседаний, на которых заслушаны 30 докладов. В конце каждого заседания проводилась дискуссия, в конце всех заседаний — общая дискуссия.

На симпозиуме обсуждались следующие аспекты проблемы: общие закономерности взаимодействия; взаимодействия и социально-экономическое развитие; взаимодействие и культурный процесс; взаимодействие и этническая история; взаимодействие и духовное производство.

В докладе В. М. Массона (Ленинград) «Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействия» было акцентировано внимание на специфике процесса взаимодействия на последовательных этапах развития номадизма как особого социокультурного явления. Если на ранних стадиях эпохи пастушеского скотоводства археологически фиксируются заимствования, направленные из зоны древних цивилизаций в регион культур степной бронзы, то на завершающих этапах в связи с усиливающейся подвижностью пастушеских племен возникли условия для их интенсивных миграций в зоны оседло-земледельческих культур. С возникновением номадизма изменился и характер взаимодействия двух ставших ведущими хозяйственно-культурных типов. Сблизилось формационное положение этих обществ, что способствовало интенсификации культурного взаимообмена, возникновению в результате стимулированной трансформации новых этнокультурных явлений.

Общие закономерности сложения номадических культур в степях Казахстана были раскрыты в докладе К. А. Акишева (Алма-Ата) «Конные номады древнего Казахстана». Обобщив свидетельства археологических источников, автор выделил в этом процессе три этапа: XVII—XV вв. до н. э. — развитие оседлого пастушеского скотоводства и первобытного земледелия; XV—XII вв. до н. э. — постепенный переход к яйлажному скотоводству, увеличение подвижности общин; XII—X вв. — период коренных изменений в формах хозяйства, образе жизни, культуре, что явилось результатом перехода к круглогодичному кочеванию.

В сообщении Э. Ф. Кузнецовой (Алма-Ата) «Древняя металлургия и металлообработка в Центральном Казахстане» на основе качественного анализа металлических изделий дополнительно обосновывается вывод о высокой степени развития центрально-казахстанской металлургической базы эпохи бронзы и раннего железного века.

В докладе М. Р. Безенваля (Франция) «Кочевники и добыча полезных ископаемых в пустынях и полупустынях» речь шла о рудных разработках IV—III тыс. до н. э. на Среднем Востоке.

Начальному этапу сложения двух хозяйственно-культурных систем в среднеазиатско-казахстанском регионе и их взаимоотношениям были посвящены доклады В. Ф. Зайберта (Петропавловск) «Природно-экологические и общественные факторы и развитие производящего хозяйства в степях Казахстана» и У. И. Исламова (Самарканд) «Оседлые общины Юга и протоскотоводческий неолит Севера (истоки межзональных взаимодействий)». В докладе В. Ф. Зайберта основное внимание было обращено на становление, развитие и кризис ботайской культуры, для которой был характерен акцент на коневодство. Анализу остеологического материала поселения Ботай был посвящен специальный доклад Л. А. Макаровой и Т. Н. Нурумова (Алма-Ата) «К проблеме коневодства в неолите — энеолите Казахстана». У. И. Исламов проанализировал археологические свидетельства контактов кельтеминарских племен охотников и собирателей с неолитическими земледельческими культурами юга Средней Азии. В данной связи интерес вызвало выступление в дискуссии П. М. Долуханова (Ленинград), остановившегося на проблеме образования аридной зоны Старого Света, ее экологического потенциала и направленности культурно-хозяйственного развития. Некоторые аспекты этой же проблемы затронул Г. Е. Арешян (Ереван).

Проблемам интерпретации археологических источников степной зоны Евразии I тыс. до н. э. был посвящен доклад А. И. Мартынова (Кемерово) «О степной цивилизации I тыс. до н. э.». Опираясь на достижения кочевниковедения, автор выдвинул тезис о существовании в VI—II вв. до н. э. особых степных цивилизаций, очаги которых располагались по всему великому поясу степей от Скифии до Ордоса.

Новым открытиям укрепленных поселений андроновской эпохи был посвящен доклад Г. Б. Зданович а (Челябинск) «Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей».

Акцент на методологических проблемах интерпретации археологических источников в контексте взаимоотношения оседлых и кочевых культур был сделан Ж. К. Гарденом (Франция) в докладе «Археологические признаки номадизма — исследования в Бактрии». Им, в частности, были поставлены под сомнение гипотезы о проникновении кочевников в Бактрию, основанные лишь на анализе «кочевнической» керамики, встречающейся в слоях поселений. Б. И. Маршак (Ленинград) поддержал скепсис автора относительно диагностирующих свойств керамики ручного изготовления. Им было отмечено существование в средневековье и, очевидно, в древности «этнического разделения труда» между скотоводами и земледельцами, вследствие которого изготовление гончарной посуды оставалось в руках аборигенов-земледельцев, продукцией которых пользовались скотоводы.

Б. И. Маршак и В. И. Распопова (Ленинград) в докладе «Кочевники и Согд» приходят к выводу, что характер этих взаимоотношений неоднократно менялся в зависимости от того, в какой роли выступали номады — как долговременные соседи, как вторгшийся издалека целый народ или как войско государства, объединяющего кочевые и оседлые регионы.

Проблемам этнической истории Средней Азии в аспекте взаимодействия кочевых и оседло-земледельческих культур были посвящены доклады Ю. А. Заднепровского (Ленинград) «Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии» и Н. Н. Негматова (Душанбе) «Сако-согдийский синтез на Сырдарье», в которых отмечена интенсивность этнокультурного синтеза в период кочевнической инвазии последней трети I тыс. до н. э., стимулировавшей становление качественно новой этнокультурной обстановки.

С большим интересом были прослушаны доклады И. В. Пьянкова (Душанбе) «Взаимодействие оседлых обществ и степных племен древней Средней Азии в аспекте этнической истории», Н. Э. Масанова (Алма-Ата) «Дисперсное состояние — всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества», И. Н. Хлопина (Ленинград) «Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии», А. А. Аскарова (Ташкент) «Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации».

Выступая в дискуссии и касаясь вопросов взаимодействия кочевого мира и оседлых оазисов, прослеживаемых на палеоантропологическом материале, Т. К. Ходжайов (Ташкент) подчеркнул необходимость нового подхода, заключающегося в раздельном изучении антропологического материала городского, сельского и кочевого населения. Он же остановился на интенсивных этапах монголизации населения Средней Азии в середине I тыс. до н. э., XI—XIII и XVI—XVII вв.

Г. А. Пугаченкова (Ташкент) в докладе «Бактрийско-юэчжийские и согдийско-кангюйские взаимопроникновения в художественной культуре», опираясь на ряд ярких памятников искусства конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э., убедительно показала взаимный и творческий характер обмена, определившего своеобразие художественной культуры Бактрии-Тохаристана в предкушанское время.

Присырдарьинский регион с эпохи древности и на протяжении всего средневековья являлся ключевой зоной активного взаимодействия кочевых и оседло-земледельческих культур. Рассмотрению сложных процессов взаимодействия в этом регионе на основе новых археологических материалов, полученных археологами Узбекистана и Казахстана, были посвящены доклады Ю. Ф. Бурякова (Самарканд) «Кочевнические аспекты урбанизации в контактных зонах (по материалам бассейна Средней Сырдарьи)» и К. М. Байпакова (Алма-Ата) «Город и степь Южного Казахстана и Семиречья в эпоху средневековья (аспекты взаимодействия)». В этих докладах показано, в частности, влияние кочевников на сложение облика материальной культуры присырдарьинских городов и поселений. В докладе Ю. Ф. Бурякова обращено внимание на ранний этап тюркизации среднесырдарьинского региона (с VI в. н. э.), который характеризовался определенным хозяйственно-экономическим подъемом, возникновением новых городов, интенсификацией разработок рудных ископаемых. При этом археологически четко прослеживаются культурные влияния нижнесырдарьинской джетыасарской культуры и Согда. Синтез этих компонентов с местной каунчинской основой приводит к возникновению нового хозяйственно-культурного комплекса ранне-средневековой городской культуры Средней Сырдарьи. М. И. Филанович (Самарканд) в дискуссии рассматривала важный аспект проблемы — появление городов у кочевников.

Группа докладов была посвящена выявлению взаимовлияний кочевого и оседлого миров в материальной, духовной сфере, в области формирования архитектуры и архитектурного орнамента. Это доклады В. Д. Горячевой (Фрунзе) «О некоторых ближневосточных традициях в средневековых памятниках Киргизии», У. Х. Шалекенова (Алма-Ата) «Городище Актобе в свете взаимодействия горожан и кочевников». Б. Т. Туякбаевой (Алма-Ата) «Синкретическое искусство кочевых племен Центральной Азии и архитектурный орнамент».

Группа докладов членов французской делегации была посвящена более частным аспектам проблематики, но так как в них поднимались вопросы, еще не получившие в науке однозначного ответа, эти доклады вызвали большой интерес. Так, в докладе А. П. Франкфора (Франция) «Проблема прототипа Великого шелкового пути во II—I тыс. до н. э. Роль номадов» выражено

обоснованное сомнение в применимости термина «Великий шелковый путь» в его позднем понимании для периода II—I тыс. до н. э. Скупые археологические свидетельства о товарообмене между Востоком и Западом в это время не обязательно предполагают существование системы широкой трансконтинентальной торговли. По мнению автора, в распространении экзотических товаров в это время основную роль играли межплеменной обмен, а позже — перемещения кочевников.

Доклад К. Дебэн-Франкфор (Франция) «Саки в провинции Синьцзянь до периода Хань. Критерии цивилизаций» был посвящен интерпретации в основном новых археологических находок из Синьцзяня. Для историко-культурной идентификации автор привлекла различные виды источников, подробно рассмотрела вопрос об информативном потенциале имеющихся данных для реконструкции общественного строя, системы хозяйства и т. д. Советские специалисты отметили новизну подхода автора к проблеме.

Общий интерес вызвал доклад П. Бонта «Политический номадизм и перемещение резиденций в державе Ахеменидов», а также доклад Ж. П. Дигара, посвященный анализу основных условий взаимодействия кочевников и оседлого населения. Он восполнял, в некоторой степени, пробел социально-экономической проблематики на симпозиуме. Ж. Ф. Жаррижв докладе «Древняя оседлость и полуномадизм в долине Качи (Белуджистан)» проследил систему расселения от предгорий до высокогорных зон в период между 3000 и 2500 гг. до н. э.

Некоторым аспектам взаимодействия, прослеживаемым по этнографическим данным, были посвящены доклады французских исследователей П. Бонта и Ф. П. Пикона.

Прошедшая конференция показала значительные успехи в сфере накопления нового материала. Сделаны и выдающиеся открытия, например обнаружение укрепленного центра регулярной планировки андроновской эпохи — Аркаим. Совершенствуются и приемы интерпретационных построений, и здесь очень важны работы французской школы теоретической археологии. Выдвигались новые положения и идеи. Таков, например, тезис А. И. Мартынова о степной цивилизации, которую он в своем выступлении назвал уже скотоводческой. Интересна постановка Ж. Ф. Жаррижем вопроса о сезонных вертикальных передвижениях в рамках одной культурно-хозяйственной общности. Здесь нет дифференциации на различные образы жизни, и набор артефактов как на горных (видимо, преимущественно отгонно-скотоводческих) поселениях, так и на базовых долинных практически одинаков.

Из задач, которые вырисовываются в результате обсуждения, бесспорна необходимость усиления внимания к вопросам теории и методологии. Требуется также не только шире привлекать этнографические данные, но и использовать их на иной методической ступени — не для примитивных аналогий, а как органическую часть реконструктивных построений в виде модели или иначе. Опыт англоязычных и французских коллег, именующих подобное направление этноархеологией, весьма важен.

К. М. Байпаков, Е. А. Смагулов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1989 ГОД

Статьи, публикации, дискуссии, история науки, заметки

	№	стр.
Авдеев А. Г., Абрамов А. П., Петерс Б. Г. Функциональная характеристика керамической тары V—II вв. до н. э. с городища у с. Михайловка	4	182
Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974—1982 гг.)	3	87
Авдусина Т. Д., Панова Т. Д. О находке клада на территории Московского Кремля	4	272
Аникович М. В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования	4	115
Багаев М. Х., Ольховский В. С. Новые изваяния скифского времени из долины Аксая (Чечено-Ингушетия)	4	261
Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе	3	163
Барбарунова З. А. Некоторые проблемы истории ранних сарматов (по памятникам Южного Приуралья и Нижнего Поволжья)	3	48
Беговатов Е. А. Биметаллический кинжал с зооморфной рукояткой из Мурзихинского могильника	2	247
Безуглов С. И., Копылов В. П. Катакомбные погребения III—IV вв. на Нижнем Дону	3	171
Белавин А. М., Носкова Е. Н. Серебряная бляха из могильника Телячий Брод	2	253
Белецкий С. В., Мокеев Г. Я. Клети Псковского Кром[а]	1	103
Беспалый Е. И., Головкова Н. Н., Ларенок П. А. Поминальные памятники IV в. до н. э.— III в. н. э. Доно-Каргальницкого водораздела	3	154
Борисковский П. И. Петр Петрович Ефименко. Воспоминания ученика	3	253
Братченко С. Н., Швецов М. Л., Дубровская О. Р. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца	1	170
Буров В. А. К социальной топографии Неревского конца древнего Новгорода	4	77
Вишневский В. И. Керамический комплекс городища Кубринское I	4	163
Вишняцкий Л. Б. Изучение палеолита Средней Азии (материалы, методы, концепции)	1	5
Власов В. Г. К вопросу о календаре верхнего палеолита	2	5
Гадзяцкая О. С., Уткин А. В. Новые раскопки Вашутинской стоянки	1	125
Галанина Л. К. Атрибуция двух золотых предметов из Келермеса (детали портупеи парадного меча)	4	255
Генинг В. В. К созданию универсального археологического определителя признака и типа	4	128
Генинг В. Ф. Археология — целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания»? (По поводу концепции объекта и предмета археологии Л. С. Клейна)	3	215
Гопак В. Д. Кузнечное ремесло постзарубинецких памятников Среднего Поднепровья и Подесенья	1	190
Гуляев В. И., Черных Е. Н. Перспективы марксизма в западной (Marxist perspectives in archaeology/Ed. *Spriggs M.* Cambridge, 1984)	1	235
Достиев Т. М. Поливная керамика средневекового города Шабрина (XI—XIII вв.)	3	193
Дубровская О. Р. К интерпретации комплексов типа Новочеркасского клада	1	63
Дэвлет М. А. И. Т. Савенков как исследователь петроглифов Енисея	3	241
Житников В. Г. О бронзолитейном производстве Елизаветовского городища на Дону	2	153
Журавлев О. П., Сычева Л. В. Палеозоологические исследования поселения катакомбной культуры Матвеевка I	2	150
Зайцева К. И. Ольвийская расписная амфора III в. до н. э.	1	178
Засецкая И. П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор)	3	35
Захарук Ю. Н. Археология: наука историческая или источниковедческая?	3	207
Захарук Ю. Н. О марксистских позициях в работах западных археологов (Marxist perspectives in archaeology/Ed. *Spriggs M.* Cambridge 1981)		247
Зиливинская Э. Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии	4	223
Исаков А. И., Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане	1	145
Качалова Н. К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы)	1	33

Качалова Н. К., Васильев И. Б. О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья . 2 212
Клюшинцев В. Н. Погребения в каменных ящиках сабатиновской культуры на р. Ингулец 4 250
Козак Д. Н. Поселение вельбарской культуры Боратын I на Волыни 2 169
Козенкова В. И. Инновации и процесс формотворчества в кобанской культуре Кавказа (на примере зооморфных браслетов) . . 3 27
Колесник А. В. Мустьерская кремнеобрабатывающая мастерская Звановка в Донбассе 1 117
Косяненко В. М., Максименко В. Е. Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный на Нижнем Дону . 1 264
Котигорошко В. Г. Ремесленное производство на дакийском городище Малая Копаня 2 182
Кравцов А. Е., Лозовский В. М. Мезолитическая стоянка Черная I в Мещере 4 143
Кренке Н. А. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья 2 79
Кулаков В. И. Знамена дружин Балтийского региона 4 61
Кынчев К. Еще раз к вопросу о функциях скребков 2 241

Леонтьев А. Е. Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника 3 79

Макаров Н. А. Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейне озер Белое и Лача по археологическим данным . . 4 86
Малевская М. В. Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII—XIV вв. 4 212
Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по C^{14} погребений Прибайкалья эпохи голоцена 1 19
Масленников А. А. О типологии сельских поселений Боспора 2 66
Мельничук А. Ф. Материалы мезолитического Огурдинского поселения 4 244
Молчанов А. А. К вопросу о принадлежности усадеб Неревского раскопа в Новгороде 4 71
Моргунов Ю. Ю. К изучению летописного города Римова 1 206
Моруженко А. А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время 4 25

Нерсесов Я. Н. Атлатль — традиционное оружие индейцев Юго-Запада США и Северной Мексики 4 234
Никитин В. И. Матвеевка I — поселение катакомбной культуры на Южном Буге . 2 136
Новикова Л. А., Шилов Ю. А. Погребения с лицевыми накладками эпохи бронзы (Херсонская область) 2 217

Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега 2 201
Ольховский В. С. Оленные камни (к семантике образа) 1 48

Панова Т. Д. О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X—XIV вв. 2 88
Панова Т. Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля 1 219
Платонова Н. И. Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918—1919 гг.) . . . 4 5
Погорелов В. И. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона 2 108
Пуцко В. Г. Московский мощевик конца XV в. из Суздаля 2 256

Раппопорт П. А. О времени появления брускового кирпича на Руси 4 207

Сагдуллаев А. С. Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I . . 2 49
Сазанов А. В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени 4 41
Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора . . 1 84
Санжаров С. Н. Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины 2 97
Сарианиди В. И. Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргианском пантеоне 4 17
Сериков Ю. Б. Мезолитические памятники реки Баранчи (Среднее Зауралье) 1 253
Сергацков И. В. Погребение среднесарматского времени у села Царев 3 236
Сидоров Е. А. Скотоводство лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. 3 141
Скрипкин А. С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов 4 172
Слонов В. Н. К проблеме хронологии и локализации места производства эмалевых подвесок-лунниц . 1 199
Смагулов Е. А. Средневековый шлем из Мерке 1 270
Смирнов А. С. Памятники раннего неолита Десны 3 5

Сорокин А. Н. К проблеме происхождения бутовской культуры 2 24
Спиридонова Е. А. Результаты палинологического изучения образцов из толщ четвертичных отложений могильника Дашти-Козы 1 167
Супруненко А. Б. Голова половецкого изваяния 4 267

Трусов А. В. Верхнепалеолитическая стоянка Шатрищи на Средней Оке 3 96

Уткин А. В. Неолитическая стоянка Ивановское VI 3 229

Фехнер М. В. Бобровый промысел в Волго-Окском междуречье 3 71
Фролова Н. А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным 4 196

Хлопин И. Н. Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) 3 113

Чариков А. А. Новые находки средневековых изваяний в Казахстане 3 184
Чежина Е. Ф. Уникальная надпись на раннескифском псалии из Южного Приуралья 1 261
Черненко Е. В., Зубарь В. М., Сон Н. А. Бутероль из Тиры 2 250
Членова Н. Л. Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II — начале I тыс. до н. э. 2 225

Шавкунов Э. В. Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища 1 267
Шишлина Н. И. Погребение эпохи бронзы с глиняной маской из Калмыкии 3 231
Шнайдштейн Е. В. Средневековое погребение на реке Ахтуба в Астраханской области 4 269
Шнирельман В. А. Медные топоры из Ханси и некоторые спорные проблемы индийской археологии 2 35

Щапова Ю. Л. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных («гладилка» из Новгорода) 4 103
Щукин М. Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе 1 70
Щукин М. Б. Фибулы типа «Алезия» из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры 3 61

Эрлих В. Р. Корчага из Майкопского музея 2 244

Юдин А. И., Лопатин В. А. Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье 3 131

Критика и библиография

Антонова Е. В. *В. А. Алекшин.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л., 1986 3 260
Артемьев А. Р. Новые работы о татаро-монгольском вооружении 4 284
Васильев С. А. *С. В. Маркин.* Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск, 1986 2 274
Вишняцкий Л. Б. Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming/Ed. *Zvelebil M.* Cambridge, 1986 4 277
Дмитриева Т. Н., Аникович М. В. *В. Р. Кабо.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986 3 267
Зеленеев Ю. А. *Г. А. Архипов.* Марийцы XII—XIII вв. Йошкар-Ола, 1986 4 288
Иванов В. А. *Р. Д. Голдина.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985 1 274
Краснов Ю. А., Флёров В. С. *В. К. Михеев.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985 1 279
Леонтьев А. Е. *Е. А. Рябинин.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986 2 277
Лисицын Н. Ф. *С. Н. Астахов.* Палеолит Тувы, Новосибирск, 1986 4 275
Мерперт Н. Я. *И. Г Нариманов.* Культура древнего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI—IV тысячелетия до н. э.). Баку, 1987 4 290
Николаева Э. Я. *Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба.* Материалы по археологии Цебельды. (Итоги исследования Цибилиума в 1978—1982 гг.). Сухуми, 1985 2 271
Плетнева С. А. *Д. Димитров.* Прабългарите по Северното и Западното Черноморите. Варна, 1987 3 272
Риер Я. Г. Проблемы средневековой аграрной археологии Чехословакии в сборнике «Archaeologia Historica», № 10. Brno, Nitra, 1985 1 285
Русанова И. П., Гавритухин И. О. *B. Dostál.* Břeclav-Pohansko. Časně slovanské osidleni. III. Brno, 1985 2 267
Скорый С. А., Клочко Л. С. *J. Chochorowski.* Die Vekerzug—kultur: Charakteristik der Funde. Uniwersytet Jagielloński. Państwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa, Kraków, 1985 2 262
Халиков А. Х. *Д. Димитров.* Прабългарите по Северното и Западното Черноморите. Варна, 1987 3 277

Хроника

Авилова Л. И. Конференция «Археология и лингвистика: индоевропейская проблема» 2 280
Авилова Л. И., Терехова Н. Н. Советско-американский симпозиум «Древнейшая металлургия Старого Света» (Тбилиси — Сигнахи, 1988) 3 290
Байпаков К. М., Смагулов Е. А. Советско-французский симпозиум «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» (Алма-Ата, 1987) 4 296
Боряз В. Н., Никоноров В. П. Воросы перестройки советской археологической науки на методологическом семинаре ЛОИА АН СССР 2 291
Буряков Ю. Ф., Филонович М. И. Первый советско-французский коллоквиум по проблемам истории городской культуры Бактрии и Согда 1 291
Герасимова М. М. Конференция «Проблемы антропологии и археологии каменного века Евразии» (к 80-летию М. М. Герасимова) (Иркутск, 1987) 3 281
Кирпичников А. Н. Памяти Павла Александровича Раппопорта 3 297
Конопацкий А. К. 14 международный конгресс по истории пограничных укреплений Римской империи (Limeskongress) (Бад Дойч-Альтенбург, 1986) 4 294
Массон В. М., Праслов Н. Д., Тимофеев В. И. Памяти Леонида Павловича Хлобыстина 2 298
Седов В. В. Международный симпозиум «750-летие Берлина — предпосылки и основы городского развития в Средней Европе и начало европейских феодальных городов» (Берлин, 1987) 3 286
Седов В. В., Смирнов К. А. XVIII Всесоюзная конференция финно-угроведов (Ижевск, 1987) 2 287
Супруненко А. Б. Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М. Я. Рудинского (Полтава, 1987) 3 284
Шадыро В. И. Памяти Алексея Григорьевича Митрофанова 2 296
Шилов В. П., Массон В. М. Всемирный археологический конгресс 1 296
Шапова Ю. Л. Второй Международный симпозиум археологов и историков стекла в Торуни 1 293

Обращение к читателям и авторам 1 301

Указатель составлен П. Г Гайдуковым

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск
АЕ — Археографический ежегодник
АИУ (АДУ) — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
АЭМК — Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск; Ижевск
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ВЯ — Вопросы языкознания
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГИН — Геологоразведочный институт
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.
ИЗ — Исторические записки
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси
МАД — Материалы по истории Дагестана. Махачкала
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИРМ — Музей истории и реконструкции Москвы
НИС — Новгородский исторический сборник
НиСф — Нумизматика и сфрагистика. Киев
НС — Нумизматический сборник
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОИДР — Общество истории и древностей российских. Москва
ПГУ — Пермский гос. университет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СЭ — Советская этнография
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа
УІЖ — Український історічний журнал. Київ
ХГУ (ХДУ) — Харьковский гос. университет им. А. М. Горького
AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
AIHV — L'Association internationale pour l'histoire du Verre
AmA — American Antiquity. Menasha; Solt Lake City
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research. New Haven
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris

ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
IosPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
NZ — Numismatische Zeitschrift. Wien
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124—34—42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Синицына Е. В.*

Сдано в набор 14.07.89 Подписано к печати 19.10.89 Формат бумаги $70\times100^{1}/_{16}$
Офсетная печать Усл. печ. л. 24,7 Усл. кр.-отт. 87,9 тыс. Уч.-изд. л. 30,5 Бум. л. 9,5
Тираж 2537 экз. Зак. 3215 Цена 2 р. 80 к.

Адрес редакции: 117036, Москва ул. Дм. Ульянова, 19, телефон 124—34—42
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6.